

м а р и э т т а

ЧУДАКОВА

Егор

биографический
роман

20
КОПЕЕК
1961

2
КОПЕЕК
1791

КОСМАС
СССР

СССР

СССР

1961

СССР
10

СССР

Кате Гайдар —
любимой внучке Егора Гайдара —
и ее поколению, которое сумеет
оценить его по заслугам.

**Книжка для смысленых людей от десяти
до шестнадцати лет.**

**А также для тех взрослых, которые захотят понять,
наконец, то, что им не удалось понять до 16-ти.**

**Короче говоря — для всех, кто решится отбросить мифы
и рассказы о прекрасной эпохе Брежнева и о «плохих»
90-х — тех самых, для которых в течение «нулевых» лет
политтехнологи хитроумно закрепили в сознании людей
одно именование: «лихие девяностые».**

**Для тех, кто сам захочет понять недавнюю историю своей
страны в ее драматической и вселяющей
надежду реальности.**

**Кто задумает узнать, какие же они были
на самом деле — эти 90-е...**

**И еще он узнает из этой книжки историю недолгой и яркой
жизни одного из самых замечательных людей российского
XX века.**

м а р и э т т а
ЧУДАКОВА

Егор

биографический
роман

Андрей -
с любовью и уважением
и благодарностью
В. Чураков
21 июля 2012

Москва 2012

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4
Ч84

Рисунки
Вера Коротаева

Дизайн
Валерий Калныньш

Чудакова М. О.

Ч84 Егор: Биографический роман. Книжка для смысленных людей от десяти до шестнадцати лет. — М.: Время, 2010. — 592 с., ил.
ISBN 978-5-9691-0761-8

У замечательного российского литературоведа, писателя и общественного деятеля Мариэтты Омаровны Чудаковой есть две цели, достижению которых она отдает сейчас больше всего сил, времени и таланта. Цель первая: научить подростков читать книги и — думать. Цель вторая: научить подростков разбираться в людях и — думать. Новая книга Чудаковой успешно работает сразу на обе цели. Во-первых, потому, что Егора Гайдара автор считает одной из самых выдающихся личностей XX века, идеальным жизненным примером для современной молодежи. А во-вторых, потому, что подросток, внимательно прочитавший и обдумавший книгу Мариэтты Чудаковой о Егоре Гайдаре, достигнет важной высоты в своем интеллектуальном развитии и, как надеются автор и издательство, впрямь у уровня не снизит.

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-0761-8

© Мариэтта Чудакова, 2012
© «Время», 2012

Благодарности

Этой книги не было бы без постоянной помощи матери Егора Гайдара — Ариадны Павловны Бажовой-Гайдар. Преодолевая неутраченную боль потери, она с вниманием читала все варианты рукописи, снабжала меня документами и поощряла к работе. Спасибо всем близким героя книги, кто знакомился с моей рукописью и принял мой подход к биографии и личности Егора Гайдара.

Моя глубокая благодарность Якову Уринсону — без его неоднократного чтения всей рукописи и апробации моих курсов в экономику я никогда не решилась бы превращать эту рукопись в книгу.

Моя признательность друзьям и близким, читавшим рукопись и помогавшим советами и поощрениями, — Инне Мишиной, Евгению Тоддесу, Татьяне Пшеницыной, Наталье Самойловой, Андрею Мосину, Евгении Астафьевой, а также бессменной помощнице Гайдара Елене Мозговой. Особые чувства — моему редактору, директору издательства «Время» Алле Михайловне Gladковой, увлекшейся книгой и поверившей в важность ее издания.

Сердечно благодарю сподвижника Егора Гайдара в первом правительстве постсоветской России Петра Авена, без дружеской поддержки которого книга о Гайдаре вряд ли была бы написана в весьма сложных для ее автора обстоятельствах 2011 года.

О г л а в л е н и е

Предисловие	12
-------------------	----

Часть первая. ЕГОРКИНО ДЕТСТВО. МОРЕ

1. Москва. Самые-самые ранние годы	15
2. «Маугли»	17
3. Еще про детство	25
4. Егорка Гайдар и его страна	28
5. «Серебряное копытце»	43
6. 1959. В бажовском доме	49
7. 1961. Куба, Плайя-Хирон	50
8. 1962. День рождения	53
9. Весна 1962 г. Пятьдесят лет спустя: «Родина или смерть» 54	
10. Октябрь 1962 года. Накануне Третьей мировой войны, Карибский кризис .	60
11. Фидель Кастро и его Остров Свободы	65
12. 1962—1963. После кризиса. Семейная переписка	69
13. «Р. В. С.»	73
14. Майн Рид	76
15. Команда Тимура	81
16. И еще Майн Рид	83
17. О зависти	88
18. Еще об Аркадии Гайдаре	93
19. 1963—1964. Первый школьный год. Возвращение в Москву	97
20. Как Егорка плыл со своей мамой из Гаваны через всю Атлантику	101
21. 1964—1965. Снова Москва. Споры о хозрасчете	104
22. Круг отцовских друзей	108
23. 1966. Югославия. Дунино. Свердловск. «Не хотелось быть дурнем»	114
24. Хозяйка Медной горы и смутные чувства	119
25. Москва. Лето 1968 — вторжение в Прагу	121
26. «Шутка» Кундеры	123
27. Отец и сын	128

28. Отступление: кто такие <i>шестидесятники</i> ?	134
29. Конец детства	141

Часть вторая. ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ: ЭКОНОМИКА НАВСЕГДА

Отрочество	145
1. Маркс, марксизм, ленинизм.....	147
2. А был ли капитализм?.....	151
3. Небольшая повесть из четырех главок про Милована Джиласа, новый класс, Тамиздат, Самиздат и «рыночный социализм».....	156
4. Адам Смит и экономика forever	168
5. «Новый класс» и хозрасчет	178
6. Пол Самуэльсон и его «Экономика»	180
7. «Каждый ребенок знает...»	183
8. Кое-что о советском паспорте и о свободе передвижения по своей стране	185
9. Дочитываю Пола Самуэльсона	189
10. Визе немного о Югославии	192
11. Пусть свиные не товарищи	193

Часть третья. ШКОЛА И УНИВЕРСИТЕТ

1. Литература в школе	201
2. «Мастер и Маргарита»	207
3. Бзор в школе и дома. Чтение	210
4. Как они сдавали выпускные экзамены	218
5. Университет. Познание и зазубривание	220
6. «Старый друг лучше новых двух»	223
7. Ленин — строитель загнивающего капитализма в России	226
8. Сопротивление. Листовки	233
9. Зачем человеку дана юность?	238

10. Материал для размышлений и их результат. Прозрение	242
11. Егор Гайдар в восприятии однокурсников.....	253
12. Начало 80-х: полный атас в Москве	261
13. Номенклатура.....	265
14. Чубайс о Гайдаре	266
15. Змеиная горка, или В поисках Каменного цветка	267
16. Туфта без конца и без края	270
17. Как собиралась команда	274
18. Советская номенклатура и товаро-денежные отношения.....	277
19. Явление Горбачева.....	279
20. О тех, которые искали (и нашли) Каменный цветок... ..	280
21. Когда, почему и зачем Гайдар вступил в правящую партию, в идеи которой давно не верил?.....	281
22. В журнале «Коммунист». Развенчание мифа об эффективном советском производстве.....	288
23. Что такое дефицит... ..	293
24. Как в советских магазинах исчезали и постепенно исчезли еда, обувь, одежда и все остальное	296
25. Про дружбу	300
26. Владимир Маяковский и Михаил Булгаков о дефиците и о свободе торговли	301
27. «Ты Корнаи читал?»	306
28. Канун перестройки	315

Часть четвертая. «ВСТАНЬ И НЕ ГНИСЬ! ПРИШЛА ПОРА!». ГОДЫ ЗРЕЛОСТИ

1. Щелка, «Оттепель» или начало нового времени? 1985—1989. «Процесс пошел».....	317
2. Последние смертельные вздохи советской эпохи.....	324
3. 1989—1991. Полумеры. Скольжение вниз	328
4. Горбачев и Гайдар. Канун роковых событий	334
5. Рубежный август.....	338
6. На миру и смерть красна	348
7. Как это начиналось.....	350
8. Почему группа «Альфа» не пошла на штурм Белого дома.....	356

9. Кто победил в Августе 1991 года?	368
10. После победы	369
11. После конца советской власти	374
12. Дзержинский, соловецкий камень и наследие ГУЛАГа .	377
13. «Граница на замке»	382
14. «Не трусь!»	387
15. Анатолий Борисович Чубайс	391
16. Мистер Твистер.	395
17. «Почему я выбрал Гайдара?»	396
18. Заседание Правительства РСФСР 15 ноября 1991 года .	404
19. Явление Гайдара	407
20. В каком состоянии застал Егор Гайдар страну, или — Была ли все-таки альтернатива? Заодно — снова о зависти.	410
21. О культурном кругозоре и о роли зерна в истории России	417
22. Декабрь 1991	422
23. Как и почему распался Советский Союз, или — Как на карту мира вернулась страна Россия	426
24. Егор Гайдар и распад СССР	429
25. Егор Гайдар у власти	431
26. Время — бесценная вещь	440
27. В роли Филиппа Филипповича	443
28. Нужен Шерлок Холмс	448
29. Как советская власть, уходя, забирала с собой жизни своих верных слуг	455
30. Золото партии и ее трупы, или Смерть на высоких этажах	459
31. Частная собственность и свобода торговли	464
32. О наживе, спекуляции и немножко о русском языке. . .	467
33. Когда корабль разворачивается — он не плывет	475
34. Правительство Гайдара	476
35. «У меня, может быть, полный примус валюты!».	478
36. Все советские люди были равны, но одни равнее других	482
37. «Сдавайте валюту!»	484
38. Ельцин, Гайдар и Верховный Совет	492
39. Агностик, дихотомия и отнюдь	497
40. Отставка	501

Часть пятая. УДАРЫ СУДЬБЫ

1. Свободен...	507
2. «Лифт не едет».	514
3. И еще раз — очень коротко — про Чубайса.	517
4. 1993. Апрельский референдум, Первомайское побоище и вооруженный мятеж 3 октября	517
5. 1993. Российская Конституция	530
6. 1994—1996. Институт Переходного периода. Война в Чечне. Президентские выборы	534
7. Конец 90-х годов. Что такое политические амбиции и когда проводятся структурные реформы	536
8. 1999. Отец	539

Часть шестая. НУЛЕВЫЕ ГОДЫ. КОНЕЦ

Пролог к части шестой.	545
1. «Двадцать лет спустя»	546
2. 2003 год и позже	552
3. 2005: «Долгое время».	556
4. 2006: «Гибель империи»	558
5. На уклоне нулевых	564
6. Завтрак в Ирландии	566
7. Последние годы	569
8. 16 декабря 2009 года	574
9. В дни траура.	575
10. Что же такое герой?	579
11. Последний гений эпохи.	580

Эпилог

1. 24 января 2010 года в сороковой день	582
2. Анатолий Чубайс о Егоре Гайдаре	588
3. Не верьте!	591

...В них самих нет красоты и размаха, и они отказывают в этих достоинствах всем; слишком трусливые, чтобы дерзать, они уверяют, что дерзание умерло еще в средние века, если не раньше... Эти люди никогда не видели гор, значит, гор не существует.

...От их взора скрыты славные пути и те смертные, что идут этими путями, поэтому они отрицают существование и славных путей, и отважных смертных.

Джек Лондон

Время?

Время дано.

Это не подлежит обсуждению.

Подлежишь обсуждению ты,
разместившийся в нем.

Наум Коржавин. Вступление в поэму, 1952

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подумавши, пришла я к выводу, что эта книжка — все-таки не для каждого даже из смысленых.

А только для таких, кто или уже любит и умеет анализировать, или хочет этому выучиться.

А что это значит — «анализировать»?..

Ну, это прежде всего — думать. Работать головой. Пользоваться своим разумом как рабочим инструментом.

Не довольствоваться одними эмоциями — типа «Не нравится, и всё!» Или — «А моя бабушка говорит, что...». Но пытаться узнать и понять.

Вам кажется, например, что кто-то поступил плохо. Потому что причинил лично вам и вашим близким какое-то — и, может быть, очень чувствительное — неудобство.

Но этого, должна вам сообщить по секрету, еще недостаточно для того, чтобы тут же его возненавидеть и начать поносить. (Хотя многим взрослым дяденькам и тетенькам у нас в России кажется, что совершенно достаточно.)

Сначала нужно разобрать все происшедшее на составные части. Затем установить между ними причинно-следственные связи...

Впрочем, прояснится все это дальше.

часть первая

ЕГОРКИНО ДЕТСТВО. МОРЕ

Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства!..

Лев Толстой

...Если не верить в детстве, что ты можешь *все*, то, выросши, ты, скорей всего, не сможешь вообще *ничего*...

Анонимный философ

1. МОСКВА. САМЫЕ-САМЫЕ РАННИЕ ГОДЫ

Когда Егору исполнилось четыре года, его отдали в детский сад. Ходить туда он не любил. Ему хорошо было дома, где соблюдались «либеральные порядки»: как рассказывает его мама, разрешалось все. Кроме того, что не разрешено: лгать, лениться, сквернословить и плохо относиться к старшим.

И когда однажды Егор заболел и долго просидел дома, то очень даже радовался. Когда же выздоровел — отправился в садик с большой неохотой.

А его там встретили прямо-таки очень хорошо, радостно и ласково:

— А, Егорушка! Как хорошо, что ты пришел! Тебя так долго не было, мы все по тебе так скучали. И ты, наверно, тоже скучал по своему садикку? Да?

Его мама вспоминала много лет спустя, как он стоял перед воспитательницей, бледный и сосредоточенный: ведь он был приучен не лгать... Наконец любезно улыбнулся и тихо сказал:

— Да.

Он не смог ее огорчить, сказав правду. И, после мучительных колебаний, принял одно из первых в жизни трудных решений.

Дома были мама и папа — недавний подводник, теперь журналист, мало бывавший в Москве, все больше в плаванье, откуда писал свои корреспонденции. «По морям, по волнам, нынче — здесь, завтра — там».

Прибегая домой со двора, Егорка с надеждой спрашивал:

— Папа дома?

Мама читала Егору разные книжки, среди них — книги обоих его дедушек. Он никогда их не видел, но все равно любил. Аркадия Гайдара — папиного папу. И Павла Бажова — маминого.

Дедушек давно не было на свете, но висели на стене их портреты: один — молодой, со смеющимися глазами, другой — с бородой, но добрый. И книги их стояли на полке. Всегда можно взять их и почитать.

Зато у Егора были целых две бабупки.

Папина мама жила в Москве, а на лето снимала в Дуни-не дачу. И Егор всю зиму мечтал о Дунине, о том, как будет там играть с друзьями. А мамина мама жила в Свердловске (хоть теперь вы такого города на карте не найдете — он снова, как в прошлые века, давно уже называется Екатеринбургом). Туда он тоже ездил летом. И очень любил уютный бревенчатый бажовский дом.

Дома, в московском дворе, тоже были друзья — мальчишки и девочки. Перед девочками Егор немножко робел — ведь с ними нельзя обращаться так же, как с мальчишками! Его отцу, морскому офицеру, это бы не понравилось.

Однажды утром раздался требовательный звонок в дверь. Мама открыла. На пороге стояла Таня Тройчешникова собственной персоной — самая красивая девочка во дворе, в новом платье...

— Егор дома? — строго спросила она.

Егорка вышел, ошеломленно смотря на чудное виденье.

— Нам пора идти гулять, — сказала Таня твердо.

И Егорка, как лунатик, вышел из дома вслед за Таней, не только не спросив у мамы разрешения, но даже не взглянув в ее сторону!.. Слишком сильным оказалось впечатление от неожиданного визита Тройчешниковой.

Как вспоминала потом его мама, на лице Егорки было написано: уж если Таня за ним зашла, то другого варианта, как тут же отправиться с ней гулять, и быть не может...

— С каких лет Егор читал? — спросили недавно у его мамы Ариадны Павловны.

— Не помню... — растерянно сказала она. — Он, помоему, всегда читал...

— А вы учили его читать?

— Нет! Точно помню, что никто его не учил. Года в три, во всяком случае, он знал все буквы — мы случайно это обнаружили...

...Взрослого Гайдара спросили, что он читал в свои детские годы.

Он ответил коротко:

— Все. Но из первых, еще дошкольных, книг больше всего мне нравились «Маугли» Киплинга и «Таинственный остров» Жюль Верна.

Его мама добавляет сюда «Всадника без головы» Майн Рида и романы Дюма — в чуть более поздние годы. И еще «Старика Хоттабыча».

...В тот день, когда он родился на свет (уже с именем — имя выбрали заранее), мама Егора писала его отцу Тимуру Гайдару из роддома: «Егор широкоплечий... Он маленький, но очень жизнедеятельный. Он один мальчик в нашей палате. Только его одного принесут мне сейчас так рано...».

А это означало, что младенец сразу показал себя очень жизнеспособным.

Весна 1956 года, когда он родился, стала временем надежд в его стране. Везде шли собрания, на которых читали вслух (но печатать — не печатали) доклад Хрущева о страшных преступлениях Сталина. Люди возвращались домой из сталинских концлагерей Колымы, Магадана, Воркуты, и им объясняли, что они, оказывается, сидели зазя, безо всякой вины. Правда, они это сами и без того знали.

И Тимур Гайдар радостно писал жене в роддом, что сам воздух в стране стал другим!

Да — пахло надеждой...

2. «МАУГЛИ»

«— Детеныш человека! Смотри!

Как раз напротив волка, держась за низкую ветку, стоял голый коричневый малыш, только что научившийся ходить, самая мякотькая и самая усеянная ямочками крошка, которая когда-либо попадала ночью в волчье логово.

Он посмотрел прямо в лицо Отцу Волку и засмеялся.

— Это человеческий детеныш? — спросила Мать Волчица. — Я никогда не видела их. Дай-ка его сюда.

Волк, привыкший переносить собственных детенышей, в случае необходимости может взять в рот яйцо, не разбив его, а потому, хотя челюсти зверя схватили ребенка за спинку, ни один зуб не оцарапал кожи. Отец Волк осторожно положил его между своими детенышами.

— Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый, — мягко сказала Мать Волчица. Ребенок растаскивал волчат, чтобы подобраться поближе к ее теплой шкуре. — Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот это человеческий детеныш! Ну-ка, скажи, была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между ее волчатами живет детеныш человека?

— Я слышал, что такие вещи случались время от времени, только не в нашей стае и не в наши дни, — ответил Отец Волк. — На нем совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним прикосновением лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится».

Вот чем он завоевывает сердце Отца Волка! Это Егорка очень хорошо понимает. Да и Матери Волчице тоже нравится, что человеческий детеныш такой смелый: «Он пришел к нам совсем голый, ночью, один, и все же он не боялся!»

Тут в пещеру пробует протиснуться тигр Шер Хан.

Он хочет вернуть свою добычу: это он унес ребенка у людей — себе на обед...

«—...Клянусь убитым мною Быком, должен ли я стоять, сунув нос в вашу собачью конуру, ради того, что принадлежит мне по праву. Это говорю я, Шер Хан.

Рев тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица стряхнула с себя детенышей и кинулась вперед; ее глаза, блестевшие в темноте, как две зеленые луны, глядели прямо в пылающие глаза Шер Хана.

— Говоришь ты, а отвечаю я, Ракша (Демон). Человечий детеныш — мой, Лунгри! Да, мой. Он не будет убит. Он будет жить, бегать вместе со Стаей, охотиться со Стаей и, в конце концов, убьет тебя, преследователь маленьких голых детенышей, поедатель лягушек и убийца рыб! А теперь убирайся или, клянусь убитым мною оленем (я не ем палого скота), ты, паленое животное, отправишься к своей матери, хромая хуже, чем в день своего рождения! Уходи!

Отец Волк посмотрел на нее с изумлением. Он почти позабыл те дни, когда завоевал Мать Волчицу в честном бою с пятью другими волками; тогда она бегала в Стае, и ее называли Демонем не из одной любезности...»

И Шер Хан со страшным ворчанием отступил, детеныш остался у волков с четырьмя их волчатами, и вскоре Стая приняла его в свои ряды. Но не так все просто. Не так, не так все просто... Недаром Багира спустя не очень-то долгое время будет уговаривать Маугли вернуться к людям, своим братьям — пока его не убили.

«— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли».

Вот то-то и оно-то. Ни Маугли, ни Егорка не знали, что нередко ненавидят, а иногда даже убивают — только за непохожесть...

Почему-то Егорке очень нравилось одно место на тех же страницах.

Про то, что после непременно представления на Совет Стаи подростков волчат, они «могут бегать, где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, кто убьет волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. *Подумай с минуту, и ты сам поймешь, что так и должно быть*».

Нет, ему совсем не то нравилось, что кому-то — смерть.

Он вообще был против, чтоб кого-то живого убивали насовсем, насмерть. Но, конечно, Егорка понимал, что у волков нет тюрем, и убийцу некуда посадить надолго или навсегда.

А нравились ему — он сам не знал почему — те именно слова, которые мы выделили для вас курсивом.

Да, вот почему?..

Ведь Егорке по малолетству совсем неоткуда было узнать, что это большая редкость у нас (да, может, вовсе не только в России, а и везде) — остановиться и *подумать с минуту* над тем, что ты только что услышал.

Большинство людей судит, что называется, с кондачка — у них ответ вам готов раньше, чем вы договорили. Что первое в голову пришло, то и ляпнул. Потом только,

много времени спустя, человек, спохватившись, может, и почешет в затылке: «Что это я такое сморозил?» Только большинство никогда и не спохватится. Несут себе вслух всякую дичь и ахинею, как дети малые.

Ничего такого Егорка, точно вам говорю, совсем еще не знал. Но слова эти повторял, беззвучно шевеля губами: «*Подумай с минуту, и ты сам поймешь...*» Может, ему нравилось, что Редьярд Киплинг обращается прямо к нему, Егорке? Его призывает поразмыслить?..

На этот раз обратился Киплинг явно по адресу. Егорка размышлять как раз любил. Он рано стал человеком рассудительным.

Не то что Обезьяний Народ, водиться с которым было запрещено Законом. С неодобрением он читал про них:

«...Они ни о чем не помнят. Они болтают и хвастают, будто они великий народ и задумали великие дела в джунглях, но вот упадет орех, и они уже смеются и всё позабыли...» Обезьяны постоянно собирались завести «свои законы и обычаи, но так и не завели, потому что память у них была короткая, не дальше вчерашнего дня». «У обезьян никогда не бывает цели...», «Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим — значит, это правда! — кричали они».

Вот уж глупость так глупость. «Все так говорим!..» Егорка давно понял, что очень даже много людей могут все вместе говорить не только неправду, но вообще чушь.

Откуда он это узнал — *покрыто мраком неизвестности* (Егорка очень любил эти слова, откуда-то им вычитанные). И Егорке пока неизвестно, что во взрослой жизни вот это самое знание еще сослужит ему службу.

На самое-то главное, за что все презирали обезьян, указал медведь Балу (а мы выделим это курсивом; и в дальнейшем курсив в цитатах везде будет наш — за исключением специально оговоренных случаев курсива авторов цитат): «Я научил тебя Закону Джунглей — общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа... *У них нет Закона*».

Можно смело сказать, что именно книжка про Маугли впервые открыла Егорке глаза на очень важную вещь.

Оказывается, что даже в джунглях, где у всех обитателей совсем разные интересы — пантере Багире и Матери Волчице интересно съесть оленя, а оленю совсем не интересно, чтоб его кто-то ел, — все хищные звери и мирные животные все-таки могут сосуществовать и даже бок о бок растить потомство, каждый свое. Только потому, что все они подчиняются одному неписаному Закону Джунглей.

И только обезьяны не хотят подчиняться никакому вообще закону. Потому и пользуются общим презрением. А сами еще придумали поговорку: *«Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня».*

То есть хотят уверить себя и других, что у них — свой особый, от всех отличный и, конечно, самый лучший путь. И именно он-то и имеет будущее...

Я не могу вам сказать доподлинно, справедливо ли то, что писал Киплинг, в отношении жизни джунглей, — для этого надо обладать большими специальными знаниями о животном мире. Но точно скажу, что это справедливо в отношении жизни человеческого общества.

Это общество, во-первых, должно подчиняться Закону. А во-вторых, стремиться идти тем путем, эффективность которого уже доказана, а не придумывать изо всех сил свой, особый.

Об этом и сложена известная очень даже хорошая поговорка: *«Умный учится на чужих ошибках, а глупец — на своих».*

...С замиранием сердца читал Егорка о смелости человеческого детеныша. Его поведение точка в точку совпадало с тем, что всегда требует от самого Егора его отец!

«Вообще в нашей семье трусость, даже намек на нее считались самым страшным пороком. Отец прыгает с вышки бассейна, предлагает и мне сделать то же самое. Это приглашение не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Однако прыгаю, больно шлепаюсь животом

о воду, но делаю вид, что получаю немислимое наслаждение» (Е. Гайдар. Дни поражений и побед, 1996; далее — только имя автора и год).

В середине 90-х один из журналистов спрашивал Гайдара, боялся ли он чего-либо в детстве. «...О страхах не то что не говорилось, — поясняет взрослый Гайдар, — а даже намеки о них не допускались. Конечно, наверняка чего-то боялся, но чего конкретно — не помню... Культ смелости — он шел от Аркадия Гайдара.

— Что ценилось в вашей семье кроме смелости?

— Знания».

А Маугли не боится ничего, вступает в любой бой: «Он не понимал, что такое страх». Правда, ему помогают в сражениях с опасными обитателями джунглей разные человеческие знания, которых нет у зверей. Знания, доставшиеся ему неизвестно каким путем, — ведь Маугли не успел пообщаться со своими родителями, за что Егорка очень его жалел.

«Ну что ж, — думал Егор, — не иначе как эти знания достались ему *генетически*». Значение этого слова Егорка, конечно, уже хорошо знал — на то и словари в доме. И правда — в книжке, например, сказано, что «Маугли, как сын лесоруба, многое знал, сам не помня откуда, и умел строить шалаши из хвороста, сам не зная, как это у него получается».

И еще замирало маленькое сердечко Егорки, когда он читал, как Отец Волк или Мать Волчица говорили: «Мы, Волки, — Свободный Народ». Эти два слова — *Свободный Народ* — действовали на него прямо-таки колдовским образом. Волновали, будоражили.

Он много читал стихов, легко запоминал их наизусть и, читая у Киплинга про Свободный Народ, вспоминал то строчки современного поэта Александра Кушнера:

Затем, что свобода одна —

Достойная жизни подкладка...

а то и самого Пушкина:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы...

«Для чести живы...» Егор много думал и над этими словами — правда, мало что придумал. Но они все равно очень и очень задевали его за живое. Тоже сильно волновали.

Потом в «Капитанской дочке» Пушкина прочитали с мамой на первой же странице эпиграф: *«Береги честь смолоду»*. Мама еще так серьезно на него посмотрела. И опять Егорка очень заволновался. Чувствовал, что в этих словах что-то очень важное. Может быть, даже самое важное на свете, без чего совсем невозможно жить. Если ты, конечно, человек, а не свинья под дубом, как в басне Крылова.

А из любимой книжки «Маугли» еще ему нравился почему-то такой вот кусочек: когда Маугли подросток, пришел к людям и одно время жил с ними, то он, усевшись вместе с взрослыми вечером вокруг дерева, слушал старого охотника Балдео. Тот рассказывал «о повадках зверей в джунглях, так что у мальчиков, сидевших вне круга, дух захватывало».

Этот Балдео был большой хвастун и выдумщик. Но те, кто не бывал в джунглях, ему верили — потому что сами-то ничего про джунгли не знали. Егору особенно нравилось, что «Маугли, который, разумеется, хорошо знал то, о чем здесь рассказывали, закрывал лицо руками, чтобы никто не видел, как он смеется. Балдео, положив мушкет на колени, переходил от одной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи от смеха».

...И я хочу под большим секретом рассказать читателям этой книги кое-что про то время, когда Егорка был уже давно не Егоркой, а Егором Тимуровичем. И однажды, сидя в президиуме, вел серьезную международную конференцию. Сам он вырос, должна вам сказать, человеком светским, то есть хорошо воспитанным. Он очень вежливо обращался решительно со всеми людьми. В том числе, конечно, и с теми, про недружелюбное отношение которых к нему самому точно знал.

И вот он сидит в президиуме — то есть лицом ко всему залу. А с небольшой трибуны справа от него выступает один его коллега. Про этого коллегу всем хорошо известно, что он ненавидит сумасшедшей ненавистью самого близкого друга Гайдара. А уж заодно и его самого.

И пока этот коллега говорит на тему доклада — все идет хорошо. И вдруг докладчик — почти случайно — упоминает имя объекта своей ненависти...

С этого момента доклад летит под откос. Кажется, что докладчик вообще забыл его тему и у всех на глазах повредился в рассудке. Он только ругательски ругает своего ненавистника (так в русских деревнях называли того, кого не любили), поносит его, как может. Словом, честит на все корки.

А Егора Гайдара это зрелище не злит и даже не раздражает, а очень смешит. Но как светский (то есть, напоминая, воспитанный) человек он не может, глядя прямо в зал, хохотать над бедолагой открыто. И поэтому сидит, поставив щитком ладонь у рта, чтобы укрыться главным образом от докладчика. И беззвучно смеется. Его смешит такое неприкрытое проявление человеческой слабости. У него просто нет сил удержаться от смеха. И вот так он смеялся до самого конца злополучного доклада — и у него, как у Маугли, тоже тряслись плечи от смеха...

...Неужели вспомнил хвастуна Балдео? И своего любимого героя?..

Еще с восторгом читал и перечитывал Егорка про то, как все хорошо продумал Маугли, и Джунгли — то есть весь животный мир, их населявший, — сумели победить общими дружными усилиями тупых и злобных Диких Собак! Иначе пришлось бы отдавать им прекрасные Джунгли насовсем, а всем жителям Джунглей бежать на север...

Егорка вообще любил, когда все любили всех. А этого в книжке про Маугли — навалом. Поэтому ужасно нравилась ему дружба Маугли с огромным удавом Каа. И он с удовольствием в который раз погружался в рассказ о том, как Маугли пришел советоваться с мудрым, очень долго прожившим на свете удавом про Диких Собак:

«Каа, по обыкновению, изогнулся, словно мягкий гамак, под тяжестью Маугли. Мальчик протянул в темноте руку, обнял гибкую, похожую на трос шею Каа и привлек его голову к себе на плечо...»

Конечно, Егору очень нравилось, что полюбившие Маугли дикие звери и мирные животные выучили его понимать язык всех обитателей Джунглей. Но почему-то его оставлял равнодушным необходимый для установления контакта клич: «Мы с тобой *одной крови*, ты и я!». Он не мог понять — почему. И понял, только когда стал взрослым.

Но вот с чем Егорка никак не мог смириться — это с тем, что родная мама Маугли его не узнала. Помните? Когда Маугли появился в ее хижине уже подростком, она никак не могла уверенно сказать, что — да, это ее сын. Тот, кого в полтора года унес тигр. И вот теперь он пришел к ней...

Егорка все думал и думал: могла ли бы его мама засомневаться когда-нибудь — он это или не он? И пришел к твердому выводу — нет, никогда! Такого он себе представить не мог. А эта индианка — мать Маугли — смотрит на его пятки и видит, что они сильно ороговели от ходьбы босиком. И приходит к выводу, что «*эти ноги никогда не знали башмаков*», а значит, это не ее сын, которому она когда-то подарила новые башмаки!..

Нет, Егорка не видел здесь никакой логики. И на мать Маугли он сердился.

3. ЕЩЕ ПРО ДЕТСТВО

Егорка очень рано знал цифры и выучился считать — не только в пределах десятка, но даже сотни.

Внизу в их доме находилась булочная. Однажды — Егору не было еще пяти лет — мама послала его за хлебом, дав несколько монеток. Он долго не возвращался. Пришел с хлебом, протянул на ладонке оставшуюся от покупки мелочь и сказал дрожащим от обиды голосом:

— Она думает — я не умею считать...

Оказывается, продавщица дала ему булку, а сдачу — две копейки — не дала. Он стоял у прилавка молча и ждал. Потом продавщица спросила:

— Мальчик, ты почему домой не идешь?

Он еле слышно ответил:

— Я жду сдачу...

— Никакой тебе сдачи нет, иди домой!

И он пошел, удрученный людской нечестностью...

Ранний вечер в доме Тимура Аркадьевича Гайдара.

К отцу Егорки в гости опять пришли военные, по большей части в темно-синих морских мундирах, с весьма серьезными звездами на погонах.

Мальчик в коротких штанишках, четырех-пяти лет от роду, выходит из детской комнаты с шахматной доской под мышкой. Взрослые улыбаются ему навстречу. Они готовы поговорить с сынишкой Тимура об его оловянных солдатиках, посмотреть недавно появившегося огромного плюшевого мишку... А круглоголовый мальчик тихо спрашивает:

— Вы не хотели бы сыграть в шахматы?..

Ну почему бы не развлечь такого симпатичного ребенка? Он, конечно, путается в ходах — заодно и подучим.

Один из офицеров решительно отставляет рюмку, усаживается на табуретку за маленький столик. Фигуры расставлены. Переговариваясь с товарищами за большим столом, морской офицер рассеянно, лишь изредка взглядывая на доску, переставляет фигуры.

Егорушка так же тихо говорит:

— Шах.

— Что? — встрепенулся кавторанг. — Какой еще шах?!

Егор делает еще один ход и еще тише говорит:

— Мат.

За большим столом — хохот. Игрока зовут обратно, к студню, салатам и выпивке. Но тот уже завелся:

— Как это? Давай расставляй снова!

Белые и черные снова выстроились на доске. Теперь кавторанг уже не оборачивается к большому столу, играет внимательно, вдумчиво. Но вскоре снова раздастся тихий, но твердый детский голосок:

— Шах...

И затем:

— Мат.

И — гневный возглас кавторанга... Ему явно приходится делать громадное усилие, чтобы удержать в груди неподходящие выражения. Конечно, не по адресу малыша, а скорее уж по адресу своего друга Тимура: нечего таких умных пацанят разводить!..

А Тимур Гайдар, хохоча, кричит:

— Не обращай внимания! Я его научил, а он и меня обыгрывает! Не обращай внимания...

После этого далеко не всякий из отцовских гостей принимает Егоркино предложение сыграть в шахматы.

В доме бывали поэты.

Егорка любил стихи и любил читать их вслух наизусть. Часто с особым выражением читал стихи приятеля отца Григория Поженяна — фронтовика, воевавшего в морской пехоте... От мыслей о ней у Егора все замирало внутри: «Вот бы мне!» А строки —

Есть у моря такая сила,
Что всегда возвращает к морю, —

ему казалось иногда, что он сам их написал.

Но всем и повсюду — гостям, домашним и самому себе — читал он вот эти свои любимые стихи:

А ты — терпи, терпи и жди.
Терпи и мучайся в работе,
и не сходи на полпути,
и не кренись на повороте.
И, не завидуя другим,
Иди
И будь самим собою...

Чувствовал, что ли, что эти строки не раз откликнутся в его взрослой жизни?..

4. ЕГОРКА ГАЙДАР И ЕГО СТРАНА

Я — стрелочник.
Я виноват во всем,
Что на моих глазах происходило.
И выражение — «Я здесь ни при чем» —
В моем сознание не имеет силы.
Виновен в том, что верил в палачей,
Что в их портретах я души не чаял...
За всех имевших место Ильичей
Я целиком и лично отвечаю...

Валентин Резник. Стрелочник, 2007

А вот теперь самое время поговорить о том, в какой же стране родился и жил мальчик Егорка. Потому что про нее сегодня вы мало что знаете. Она стала уже почти что сказочной, никому не ведомой страной. И если о ней вам не рассказать — то книжку мою пришлось бы начинать словами: «В некотором царстве, некотором государстве жил да был мальчик Егорка».

Страны этой уже двадцать лет как нет ни на одной карте мира.

Но была она долго — 70 с лишним лет.

Страна эта называлась немножко странно — сокращенно: СССР. То есть — Союз Советских Социалистических Республик.

Чаще ее называли — Советский Союз. А ее жители назывались — *советские люди*.

Была даже песенка:

Мой адрес — не дом и не улица,
Мой адрес — Советский Союз!

Правда, Егорка эту песенку не совсем понимал. Сам он рано выучил свой адрес — чтобы не потеряться. А что это за адрес такой — *Советский Союз*? Это все равно что в рассказе Чехова, который ему еще в очень раннем детстве читала мама, — как бедный Ванька Жуков написал

своему любимому дедушке письмо — со слезами просил забрать его из города, где он работает у хозяина и ему там совсем плохо и одиноко. Ну вот, заклеил письмо в конверт, а на конверте написал: «На деревню дедушке». А потом подумал и приписал имя-отчество... Ну вот — сами подумайте: может такое письмо дойти до адресата? Егорка долго расстраивался, что дедушка Ванькино слезное письмо так и не получил.

...Выходит, такие же, что ли, Ваньки Жуковы песню сочиняли?

В Советский Союз входили много разных республик. Грузинская, Армянская, Азербайджанская — это на Кавказе. И еще на юге Западной Сибири — очень большая Казахская. И в Азии — Туркменская, Узбекская, Таджикская.

Егорка легко находил их все на карте. Карту он любил и с раннего детства хорошо знал.

А на западе, на границе с Европой, — еще и Белоруссия, и Украина. Украина — она на Черном море. Там — легендарный город Одесса. А недавно Хрущев взял да и подарил Украине весь Крым, включая Одессу, Севастополь, Ялту с домиком Чехова — там больной туберкулезом Антон Павлович жил в свои последние годы, Коктебель, где Дом писателей и там тоже кто только ни жил. Ну и что, что подарил Украине? Егорке не жалко — страна-то все равно одна, никуда всеми любимый Крым не денется.

...А на берегу не солнечного Черного, а прохладного и сумрачного Балтийского моря — республики Прибалтики: Литва, Латвия, Эстония.

В Латвии, на взморье под Ригой, в Дубултах — тоже Дом писателей. Как-то летом они были там всей семьей. Мама восхищалась хорошенькими домиками и тем, как много цветов во дворах, и еще чистотой на улицах...

Егорка уже немножко знает историю. Он знает, что эти республики до 1917 года входили в Российскую империю, а потом сделались *независимыми* государствами. А потом Сталин ввел туда войска — и они стали советскими республиками. Только еще больше *зависимыми*, чем при царе.

Кстати, отец говорит, что за границей наших людей все равно никто не называет *советскими*, а только — *русскими*. Всех без разбору — и украинцев, и казахов. Наверно, потому, что РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — самая большая. И в ней живет очень много русских. Правда, в ней есть еще и *автономные* республики — Башкирская, Татарская, Дагестанская... Они — *внутри* Российской республики, у них нет границ с другими странами. Поэтому по советской Конституции (Егорка ее, конечно, читал) союзная республика может взять да и объявить себя независимой — и отделиться от Советского Союза. И общая советская граница станет *ее* границей с другими какими-то странами. А автономная — не может. Потому что ей просто *некуда* отделяться.

Правда, отец смеялся, когда Егорка с ним про это заговорил. И сказал, что право на отделение у союзных республик, записанное в Конституции, — оно только на словах. А на деле никто и никогда им отделиться не даст!

Это Егорка не понял. Как же так, ведь Конституция — Основной закон! Все же должны ему подчиняться! Но приставать к отцу не стал.

Советский Союз назывался так потому, что считалось — им управляет *советская власть*. Еще говорили — *власть советов*. Но это только так говорилось. Никакой власти *советов* в Советском Союзе не было. Егорке этого никто не объяснял — советская и советская. Но читателям этой книжки я постараюсь объяснить. Не сразу, а попозже.

Считалось, что советские люди *строят социализм*. Про него известно было главное — при социализме каждый получает *по труду*. К счастью для советских людей, мало кто из них знал, что за границей, при *капитализме*, все — от рабочих до профессоров — тоже получают *по труду*, только гораздо больше, чем у нас. А если бы это точно узнали, то что такое социализм и почему его обязательно надо строить, стало бы не очень-то и понятно.

Тем не менее как раз через несколько лет после рождения Егора объявили, что социализм *в основном* уже по-

строен и пора начинать строить коммунизм, чтобы успеть завершить это дело к точному году — к 1980-му... Генеральный секретарь КПСС объявил в 1961 году: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Так что деваться некуда.

А коммунизм — это когда каждый будет получать уже не *по труду*, а *по потребностям*: зашел в магазин и взял с полки столько коробок конфет, сколько тебе *требуется*. А платить ничего не надо, потому что денег во время коммунизма вообще не должно быть, — Маркс объяснял, что при коммунизме деньги *отмирают*.

(И вот что самое интересное — многие поверили про 80-й год, я сама таких видела, и вовсе не самых глупых...)

В Советском Союзе ни у кого не было никакой собственности — кроме личных вещей. Решительно все принадлежало *государству* — фабрики, заводы, шахты, дома и так далее. Все квартиры, в которых жили люди, тоже принадлежали государству. Если квартиру государство давало каким-то людям, то они не могли оставить ее детям — если, например, дети жили в другом городе. Или просто — *не прописаны* в квартире родителей. Тогда после смерти родителей государство эту квартиру забирало себе обратно.

Но зато — квартплату платили очень низкую. И многие до сих пор это вспоминают. Но зато — квартиры были плохие и тесные, по несколько семей жили в одной квартире. Это почему-то не вспоминают.

Вот в 1959 году мастер стройуправления из Казахстана (тогда — часть Советского Союза) пишет письмо маршалу Ворошилову — председателю Президиума Верховного Совета (письмо сохранилось в российских архивах и его прочитали вслух в одной из передач на радио «Свобода»):

«...Дома у нас строят очень хорошие, капитальные, из сборного бетона, но очень богатые для настоящего времени. Планировка квартир преимущественно из трех-четырех комнат, а по необходимости семье дают только одну комнату, и в результате в одной квартире живет три-четыре семьи. Кухня только одна — очень неудобно и убо-

го. Почему не строят однокомнатные квартиры, двухкомнатные, ведь это же очень удобно и экономнее... А кому, собственно, нужна квартира из трех-четырёх комнат? Думаю, очень мало таких семей, больше согласны иметь одну комнату 15—18 метров и кухню, это очень хорошо и удобно, и дешевле, выгоднее». Тут слово «очень» часто повторяется, ну как уж написал рабочий.

Здесь все было бы непонятно в том же самом 1959 году жителям любых *несоциалистических* стран — США, Англии, Швеции и других: как это — однокомнатная квартира с кухней как предел мечтаний для семьи в несколько человек?..

Правда, в годы детства Егора уже появилась возможность у тех, кто имел хорошую зарплату или, например, поработал на Севере, а там зарабатывали из-за трудных условий гораздо больше, — *вступить в кооператив*. То есть, купить себе квартиру у государства в долг. Заплатить половину ее цены сразу, а остальное выплачивать государству ежемесячно в течение пятнадцати лет. Многие так и делали, и радовались такой возможности, хотя платить за кооперативную квартиру почти всем было очень тяжело. Ведь никакого бизнеса никто не имел — только зарплату, и небольшую.

Не существовало ничего такого, что было бы — *чье-то*: частных магазинов, частных парикмахерских, частных прачечных, частных кафе, частных школ, частных частных садов — все-все принадлежало государству.

Если нужных вам вещей вы не находили в одном магазине, то вряд ли вы бы нашли их в другом — выбор везде имелся примерно один и тот же. И, в сравнении с выбором в сегодняшней России или с тогдашним в любой европейской стране, не строившей социализм (Франции, Италии, Германии, Англии, Швеции и так далее), — неимоверно скудный.

Особенно плохо было с одеждой. Иностранцы на улицах наших городов сразу выделялись — модной, яркой, хорошо сшитой одеждой. Их на нашем сером фоне замечали за сто шагов.

Купить что-то приличное (отстояв, конечно, несусветную очередь) удавалось только в одном городе огромной страны — в ее столице.

Поэтому летом магазины Москвы оказывались битком набитыми приезжими людьми — москвичи старались в эти месяцы туда и не ходить. Со всей страны люди ехали во время отпуска в Москву — за платьицами и костюмчиками для дошкольников, за школьной формой...

И, конечно, все стремились найти одежду и обувь импортные. Советские товары очень уж некрасивые, а обувь еще и неудобная. Даже вечно пьяному водопроводчику из жэка жена покупала ботинки не известной советской фабрики «Скороход», а немецкой фирмы «Саламандер». Она оправдывалась во дворе перед соседками, осуждавшими ее за дорогую покупку:

— В наших-то мой дурак спяну ногу сломает — что я с ним делать буду?..

Егорка с его привычкой обо всем размышлять никак не мог понять: «А куда же девают скороходовские ботинки, которые никто не покупает?»

И только много лет спустя, уже в студенческие годы, узнал он печальную судьбу мужских плащей советского производства, покупать которые население ни за что не хотело, а гонялось за появившейся недавно «болоньей».

Эти плащи (как и пальто, и немало чего другого) висели в магазинах по десять лет. После их собирали в кучу и где-то в специальном месте сжигали — «под подписку». То есть с сотрудников магазина, участвовавших в такой операции, брали расписку, что они никогда, ни при каких обстоятельствах, никому про это аутодафе не расскажут. Это называлось — подписка о неразглашении секретных сведений...

Почему бы вместо хранения страшных секретов про плохую продукцию не производить продукцию хорошую — об этом Егорке еще только предстояло размышлять. И узнавать, например, что такое *план* и *дефицит*.

Подружка Егорки по детсадовской группе пришла однажды в ситцевом сарафанчике ослепительной красоты — короткая юбочка топорщилась во все стороны, как у балерины. Кто-то даже закричал: «Иринка-балеринка!» И Егорка слышал, как ее мама с гордостью говорила его маме:

— Венгерский! Муж три часа в «Детском мире» отстоял. По два сарафана в одни руки давали...

Именно в те годы появились такие новые товары, которые сразу же стали дефицитом.

Мой школьный товарищ тогда же остроумно сказал:

— Советская власть приучила нас к трем вещам — и не дает возможности их купить: шариковые ручки, растворимый кофе и туалетная бумага.

...Сегодняшнего подростка трудно заставить поверить, что за туалетной бумагой люди выстаивали очереди по три-четыре часа.

Среди хорошего в советском времени назову пионерские лагеря.

На все лето за небольшие деньги можно было отправить детей в лагерь — туда, где поля, леса и речка. Там ходили в походы, собирали грибы и ягоды, делали гербарии и 1 сентября гордо приносили их в школу на урок ботаники...

А родители в это время могли, например, отправиться по дешевой профсоюзной путевке в дом отдыха. Правда, почти никогда — вместе. Потому что путевки давали каждому на его работе. И жить приходилось не в отдельной комнате, а в *палате*, где были еще два-три и больше соседа или соседки. Но все не сильно переживали, потому что и дома многие жили в коммунальных квартирах, где на кухне всегда толклось полно народу.

Вы, конечно, можете меня спросить: а почему бы родителям не поехать вместе, прихватив и детей, скажем, в Турцию, в Египет или на Кипр? «Вот я, — рассказывала мне недавно одна десятилетняя девочка, — с родителями ездила прошлым летом в Турцию и даже стала в отеле, где мы жили, победительницей конкурса на лучший танец живота! И получила премию — корзинку с бутылкой шампанского и всякими прекрасными фруктами!..»

Но если бы вы задали такой вопрос рядовым советским людям в 1962 году, вас, пожалуй, заботливо спросили бы, не состоите ли вы на учете в психиатрическом диспансере. А может, вы вообще — турецкий шпион?..

Еще были демонстрации — на 1 мая и на 7 ноября.

Медленно шли — с плакатами, с красивыми бумажными цветами, с большими портретами каких-то дядек (они назывались *Политбюро*), с разноцветными воздушными шариками через всю Москву. И приходили наконец на Красную площадь. Тут начиналось самое главное. На Мавзолее — прямо над огромными буквами «ЛЕНИН» — стояли Хрущев в шляпе и разные другие люди. И можно было изо всех сил орать «Ура!». Здорово все-таки ехать на папиных плечах по Красной площади и размахивать флажком!

...Но лет пятнадцать спустя — другое дело. Студенты уже не хотели идти в выходной день на демонстрацию, кричать «ура» Брежневу. Их теперь *заставляли* это делать. А тех, кто отказывался идти, *записывали*, и факультетское бюро комсомола или даже деканат могли сделать им за это какую-нибудь гадость.

В СССР имелась только одна партия — Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС). Она же и считалась *правлящей* — руководила всем, что происходило в стране. Эта ее роль была записана в Конституции СССР — в 6-й статье:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу... руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма...»

Поэтому когда говорили — *партия*, все знали, что речь идет о ней, единственной. *Член партии* — то есть член правящей партии.

Еще имелся Верховный Совет народных депутатов. А у него — Президиум, и Председатель Президиума. Но ни от Президиума, ни от Председателя ничего существенного не зависело. Правда, именно Президиум мог *помиловать* осужденного: *уменьшить* срок и даже вообще выпустить

на волю. Но *помилованных* что-то особенно не замечалось. И, конечно, достаточно Генеральному секретарю бровью повести, чтобы в помиловании отказали: Верховный Совет и его Президиум *полностью* зависели от воли правящей партии. Так что власть в стране называлась *советской*, можно считать, по недоразумению. Если не сказать хуже.

В каждом городке выбирали районный *Совет народных депутатов*. Но выбирали не из двух или больше, а из одного — в бюллетень всегда вписывался только один кандидат...

Поэтому наиболее смышленные дети и подростки интересовались у родителей — почему называется *выборы*, когда никакого *выбора* нет?.. Но обычно родители предлагали смышленным детям помалкивать в тряпочку, если они не хотят, чтоб их родителей отправили далеко-далеко, куда Макар телят не гонял.

...Были даже и *поселковые советы*, и *сельсоветы*, то есть *советы* и в поселках, и даже в селах. Но это еще не факт, что они-то и располагали властью. Нет — самое большее, что они могли делать, — это *давать советы* райкомам (районным комитетам), горкомам (городским комитетам) и уж совсем всемогущим обкомам (областным комитетам) правящей коммунистической партии...

Но обычно партия в их советах несколько не нуждалась. Наоборот — вызывала на расправу (называлось — «на ковер») какого-нибудь провинившегося председателя сельсовета. Того, например, кто в неурожайный год осмелился не сдать все до последнего зерна государству, а *укрыл* — оставил маленько односельчанам-колхозникам...

И тут же на заседании райкома его снимали с *выборной* (заметим!) должности. Заодно *исключали из партии* (беспартийные оказаться на такой должности заведомо не могли) или, по крайней мере, объявляли выговор. У него две степени — *выговор с занесением в личное дело* (это было довольно паршиво — с такой записью в личном деле на хорошую работу в Советском Союзе уже не устроишься) или *без занесения*.

Ну и в сельский совет или Совет депутатов какого-то городка приезжал представитель бюро райкома КПСС и объ-

являл собравшимся, что выбранный ими ранее председатель их Совета снят за такие-то ошибки (в советское время это — очень важное слово: за ошибки могли в тюрьму посадить, а при Сталине — и расстрелять). И что райком партии предлагает им избрать нового председателя. Его тут же им обычно и представляли. Как правило, колхозники или горожане впервые его видели в глаза. Но послушно за него голосовали. И выбирали обычно *единогласно*.

Так что *советской* монополярная власть *компартии* называлась по чистому недоразумению. Вернее — это была ложь государственного масштаба.

И вот большая и не очень большая неправда, фальшь, лицемерие просачивались буквально везде. Например, говорилось: «Пионер — всем пример!» А кому пример, если в пионеры принимали всех поголовно в третьем классе?.. И без красного галстука школьника встретить было трудно — до того момента, когда в седьмом классе всех постепенно принимали в комсомол...

Так что уже в девять лет смысленный человек вставал перед сложным вопросом — а кому это он, собственно, пример?..

На пионерских сборах старшая пионервожатая громко выкрикивала:

— Юные пионеры! К борьбе за дело Ленина—Сталина будьте готовы!

И все нестройным хором отвечали:

— Всегда готовы!

Кажется — ну и что? И ничего такого плохого...

А вот нет. Очень даже есть плохое. Когда все говорят и даже думают *одинаково*, это к хорошему не ведет.

* * *

Был такой замечательного ума человек — Фридрих Хайек (в зрелые свои годы Егор Гайдар очень его ценил). Он в 1974 году получил Нобелевскую премию за *глубокий анализ экономических, социальных и прочих явлений*. Так вот, он писал, что задача построения социализма опасна

уже потому, что «требует всеобщего единого мировоззрения, единой системы ценностей».

И почему это все-таки опасно?

Вот почему:

«Именно социалисты в своих стараниях породить массовое движение, опирающееся на единую идеологию, и создали те идеологические средства внушения, которыми так успешно воспользовались нацисты и фашисты.

В Германии и Италии нацистам и фашистам практически не потребовалось изобретать ничего нового. Обычай и ритуалы новых политических движений, пропитывающие все стороны жизни, были введены в употребление социалистами. Идею политической партии, охватывающей все стороны жизни человека от колыбели до могилы, стремящейся руководить всеми его взглядами и обожающей превращать любые вопросы в партийно-идеологические, впервые на практике осуществили социалисты. ... Не фашисты, а социалисты стали вовлекать детей с младенческого возраста в политические организации, чтобы они вырастали хорошими пролетариями».

Он пишет про социалистов в разных странах, но до Второй мировой войны только в нашей стране, где коммунисты в 1917 году взяли власть, все это делалось в общегосударственном порядке.

И неизбежно сопровождалось враньем и лицемерием, которое детей ранит гораздо больше, чем взрослых.

Из личных воспоминаний. Во втором классе я несколько месяцев жила и училась в Ялте — там моя мама лечилась. А в Ялте отличников принимали в пионеры раньше других — не в третьем классе, а во втором. И меня приняли, торжественно надели галстук — я с гордостью его носила. Хочу заметить, что это было еще при Сталине.

После Нового года мы вернулись в Москву, и я снова пошла в свою школу. На нашем этаже учились четыре вторых класса — 2а, 2б, 2в и 2г, то есть примерно 160 человек (классы у нас были большие). А в красном галстуке на перемене расхаживаю по коридору одна я. Ну и что? Меня же приняли, я не сама его надела!

И все-таки однажды старшая пионервожатая Лариса Ефимовна (очень мною потом любимая) подзывает меня и говорит, немного смущаясь:

— Знаешь, Мариэтта, ты все-такиними галстук и не носи его больше. А то неудобно — ты одна во всем коридоре в галстукее...

— Но меня же приняли! — говорю я возмущенно.

— Ну и что?.. Вот на будущий год всех третьеклассниц примем — тогда и будешь носить.

И на будущий год меня в Музее Калинина приняли в пионеры вместе со всеми во второй раз. Что моего уважения к пионерской организации не прибавило. И навеяло, во всяком случае, какие-то смутные мысли.

* * *

В СССР все до одного должны были иметь одну политическую идеологию — она называлась *марксизм-ленинизм*. И одну философию — *материализм* и связанный с ней *атеизм*. Часть церквей работала (в большинстве размещались овощехранилища, сельские клубы и тому подобное). Но членам правящей партии ходить туда не подобало. Они не имели права крестить детей, отпевать в церкви близких ну и, конечно, венчаться.

Марксизм-ленинизм — политико-экономическое учение Карла Маркса, усвоенное и дополненное Лениным. Про это подробнее будет речь позже — когда Егорка в 12 лет возьмется читать Маркса. А *материализм* — это философское учение о том, что сначала была *материя*, а *мысль* — уже потом. Но так как никто точно не знает, как именно возникла Вселенная, то спорить о первичности или вторичности *материи* по отношению к *сознанию* можно сколько угодно. Только совершенно безрезультатно.

Учение Маркса—Ленина (при Сталине добавляли — «Сталина», а потом убрали) изучали в университетах и институтах. По нему выходило, что социализм — высшая форма общественного устройства и все страны долж-

ны постепенно к нему прийти. В основном — при помощи революции, но, может, у кого-то получится и мирно.

В этом отношении Советский Союз больше надеялся на бедные страны — в Африке и в Азии. Но деньги давал всем компартиям, в том числе и преуспевающих европейских стран. Хотя если вдуматься — становилось совершенно непонятно, с каких это щей Германии, Голландии и тем более США заводить у себя социализм и советскую власть. Но мало кто из советских людей вдумывался в это. Да и не знали, собственно, какие большие, просто огромные деньги идут на содержание, скажем, компартии США, в которой состояло, кажется, примерно 10 000 человек...

Правда, в некоторых странах — в Великобритании, в Италии, во Франции коммунистические партии были довольно многочисленные и сильные, особенно после того, как Советский Союз практически освободил Европу от Гитлера. Но через десять лет после нашей победы над фашизмом прозвучал знаменитый доклад Хрущева на XX съезде, где выяснилось, что Сталин, стоявший во главе советской компартии 30 лет, — страшный злодей, загубивший миллионы (!) советских людей совершенно зазря. И люди за границей, ужаснувшись такой новости, стали, что называется, пачками выходить из своих компартий. Потому что в европейских странах давно сложилось иное отношение к человеческой жизни. И в головах тамошних коммунистов просто не умещалось, как это — не во время гражданской войны, а в обычной жизни — рассылать по районным партийным организациям разрядки, сколько тысяч людей нужно арестовать и потом пристрелить как бешеных собак...

Но идеологи этих партий постепенно убедили людей, что в России просто строили *неправильный* социализм: Сталин испортил замечательный ленинский проект. И что теперь надо строить, учтя все ошибки, *правильный* социализм — и все будет хорошо.

Тут очень кстати война за национальную независимость Кубы привела в 1959 году к победе Фиделя Кастро над Фульхенсио Батистой. СССР сразу стал Кубе помогать экономически, там в 1961 году учредили компартию —

и коммунисты всего мира воспрянули. Они стали ожидать, что на этой совсем новой строительной площадке наконец-то будет построен образцовый, настоящий социализм, процветающее общество социальной справедливости. И Кубу авансом назвали Островом Свободы. Российские журналисты легкомысленно продолжают так называть до сих пор — красиво звучит!.. А пора бы уже попевелить маленько мозгами.

* * *

В советском обществе действовала *цензура*. То есть — *предварительный просмотр всех текстов* прежде их печатания. Ленин ввел ее сразу после Октябрьского переворота 1917 года — с обещанием убрать, как только советская власть укрепится. Но, видно, она так и не укрепилась за 70 с лишним лет — до тех пор, пока вовсе не рухнула в Августе 1991-го. Рухнула — и только тогда отменили цензуру.

...Так вот, в той стране, в которой шло детство Егорки, никто не мог напечатать своего стихотворения или рассказа, если его *запрещала цензура*. Цензоры разрешали или запрещали печатание. А что именно они запретят — иногда даже трудно было угадать. Вычеркивали слова, строчки, абзацы, страницы, главы и отправляли в корзину для мусора целые книги. Сначала вычеркивал редактор — боясь цензора. Потом — рядовой цензор. Потом — его начальник. А если начальник сомневался — он шел с рукописью в руках в здание напротив, в ЦК КПСС. И там уже выносили окончательный приговор — печатать или (гораздо чаще) запретить публикацию.

А люди мечтали напечатать плоды своих мыслей, своего творчества. Они были готовы отвечать после напечатания перед любым судом (так, как это происходит сейчас). Но суть предварительной цензуры в том, что она вовсе не дает сочинению появиться на свет, дойти до читателей. Оставляет в виде рукописи в ящике авторского стола — и это еще в лучшем случае.

Потому что бывало и похуже. Как раз в годы Егоркиного детства всесильный Комитет государственной безопасности (КГБ), распорядившись жизнями, судьбами и плодами мыслей советских людей, забрал у замечательного писателя-фронтовика Василия Гроссмана все рукописи (включая черновики) его романа о Великой Отечественной войне «Жизнь и судьба». После чего потрясенный автор (он работал над романом 15 лет) заболел раком и вскоре умер.

Поехать за границу — непременно в туристической группе, в одиночку выпускали главным образом дипломатов и разведчиков, — было очень-очень непросто.

Во-первых, вы не могли сразу поехать в «капстрану» — сначала следовало съездить в какую-нибудь «соцстрану». Там показать, так сказать, хорошее поведение за границей.

В любом случае надо сперва пойти на «выездную комиссию при райкоме партии» и ответить на вопросы ее членов — «старых большевиков». Ну, тут уж — у кого какая выдержка, какие отношения с чувством собственного достоинства... Петербургский литератор Александр Ильич Рубашкин рассказывает в своих воспоминаниях, как собрался ехать в Германию один его давний товарищ, впоследствии (уже после отъезда за границу навсегда) — неплохой и очень известный писатель.

«Старые большевики проверяли, насколько он готов к поездке в тогдашнюю ФРГ (слово «Германия» в ту пору считали неточным — или ГДР, или ФРГ). Его спросили: «Товарищ Драбкин, вот вы хотите поехать в Федеративную Республику Германию. Но разве вы уже побывали во всех краях нашей великой страны?» Фима сочинял сценарий фильма, в нем действие происходило где-то на Рейне. Все это он изложил в заявлении. Повторять ему не пришлось. Ответил вопросом на вопрос:

— А вы уже всюду побывали?

На этом поездка закончилась» (А. Рубашкин. Заметки на полях жизни, 2010).

Открою страшную тайну коммунистической партии тех лет — с особой неохотой эти люди, всю жизнь кляв-

шиеся идеями интернационализма, «выпускали» (был в ходу — правда, только в устной речи — такой термин) за границу евреев (к этому мы еще вернемся потом).

А самого Рубашкина впервые «выпустили» за границу в самую безобидную даже из «соцстран» — Болгарию — только в 50 лет...

Даже дома — не говорю про сталинское время, а в то самое брежневское, о котором немало людей в последние годы вдруг затосковало, — нельзя было свободно говорить. Чуть заговоришь о «политике» — то есть начнешь ругать власть, — хозяева дома бросаются выключать телефон или накрывают подушкой. Никто не знал, у кого поставили прослушку-подслушку...

5. «СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ»

Как вы уже знаете, читать Егор начал так рано, что маме его впоследствии казалось, что он читал *всегда*.

Но особое удовольствие было для него, когда книжку читала ему вслух мама... Читала она, конечно, не всю книжку целиком. И постепенно он разгадал ее хитрый прием: именно на самом интересном месте она говорила:

— Ну а дальше читай сам — у меня, к сожалению, больше времени нет.

Егора уговаривать читать так и так не приходилось.

Но одну книжку мама почти целиком прочитала ему вслух — сказку ее папы, Павла Петровича Бажова, «Серебряное копытце».

«Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя...»

Уже само имя казалось сказочным! Егорка слушал, замерев.

«Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять и дети сиротку...»

Егорка смаковал каждое слово. Слышался хоть и русский, но другой какой-то язык. Немножко не тот, каким все говорили вокруг и вообще в Москве. Не «остался один», а — «семьи не осталось». «Взять в дети...»

«Спросил у соседей, — продолжала читать мама, — не знают ли кого, а соседи и говорят...». Рассказывают, что осиротела недавно семья. «Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее».

«По шестому году... — беззвучно шептал про себя Егорка. — Как мне... И осталась без мамы и папы...» Ему было жалко незнакомую девчоночку.

«Несподручно мне с девчоночкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?»

«И правда!.. — оживлялся Егорка. — Вот, например, мой папа. Чего бы он делал с девчонкой?.. Совершенно нечего! На моряка же учить ее не будешь?» А про «пособника» он сразу понял, хотя раньше слышал только про «пособников» преступникам. Кокованя в другом смысле говорил — что парнишка *пособлял* бы ему, значит, в разных мужских работах.

Потом все-таки решился — «Возьму ее. Только пойдет ли?» А соседи объясняют, что дома у нее больно плохое житье — там своя семья «больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья!»

Егорка возмущенно сопит. Попрекать едой! Как им не стыдно! Это ж самое последнее дело. Тут от возраста вообще не зависит — любому обидно!

Мама с мягкой улыбкой посматривает на него — Егоркины мысли она читает легко. И продолжает: «В праздничный день...»

Тут мы должны вам сказать, что Егорка слушает — и не знает, что имеется в виду, конечно, один из *церковных* праздников. Он-то думает про что-нибудь вроде Первого мая.

Но в этой сказке дело происходит не при советской власти, при которой родился и живет Егорка, а задолго, задолго до нее. И праздники — то есть выходные, были, во-первых, церковные: Рождество, Пасха, а во-вторых, казенные, или *табельные* (внесенные в *табель* выходных

дней) — *тезоименитства*, то есть именины, «дни ангела» царя, царицы, наследника престола...

«В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На топчане, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так еще кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну, как, подарёнушка, пойдешь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да все увидеть не могу».

Егор опять потихоньку вздыхает. Он даже не очень обратил внимание на странность занятия Коковани — бегать за козлом. Дело в том, что он тоже хотел бы говорить — «Дедо!». Дедушка Бажов смотрит на него с портрета. Егорке нравится его борода — такой сейчас нигде не найти. Среди друзей отца — ни одного бородатого. Все гладко-гладко выбриты.

А девчоночка между тем уже соглашается идти к Коковане в дом: «Пойду. Только ты эту кошку Муренку тоже возьми. Гляди, какая хорошая».

Егор слушает жадно. Конечно, взять Муренку!

«Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Таковую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет».

Тут чтение дедушкиной книжки прерывается, потому что пора обедать. Но мама предупреждает, что дальше самое интересное — про этого самого козлика, за которым гоняется Кокованя. И чтобы Егор не забывал, что дело происходит на Урале, где раньше немало было золота и драгоценных камней...

После обеда мама сказала, что сейчас ей читать некогда. И она предлагает на выбор — или откладываем чтение на завтра, или Егорка читает дальше сам.

Егор молча взял книжку и уселся на диван.

Дальше описывалось, как они жили уже втроем:

«Кокованя с утра на работу выходил. Даренка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Муренка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им».

«Как нам, — думал Егорка, — когда папа возвращается из плавания. Только надо бы еще Муренку завести».

Кокованя здорово рассказывал сказки. А Даренка после каждой сказки просила рассказать, наконец, про козла.

«Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козел особенный. У него на правой ноге серебряное копытце...»

Вот! Наконец-то! Вот почему сказка называется «Серебряное копытце»! Егор впился в страницу.

«...В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — три камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней».

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Даренки только и разговору, что об этом козле».

«Не рад!» А он что хотел? Чтоб она сказала: «А, подумаешь — ничего особенного...» Так, что ли?..

Егор уже начинал сердиться на этого деда.

«— Дедо, а он большой?»

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая. А Даренка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток».

В сказке дальше масса интересного про их жизнь втроем в лесной избушке.

Как-то раз Даренка осталась вечером в избушке одна — только с Муренкой.

«Как темнеть стало — запобаивалась. Только глядит — Муренка лежит спокойнехонько. Даренка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек».

А когда Даренка выбежала поглядеть — никакого козла нет. И после многих обманок пропала и кошка. Даренка выбежала ее искать: «Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козел».

Ложок, Егорка уже знал, это такой маленький лог, ложбина то есть — *пологое* место среди пригорков. Такое, где можно травы накосить для скота.

«...Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козел, остановится и давай копытцем бить...»

А дальше — вот оно! Вот к чему все шло!..

«Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые — всякие».

Егорка спрашивал у мамы, замирая:

— У вас на Урале правда есть всякие разноцветные камешки?..

— Правда, Егорушка, правда! — улыбалась мама, вспоминая свое детство в предгорьях Урала.

А дальше вот что — Кокованя, вернувшись, не узнал своего домика: «Весь он как ворох драгоценных камней

стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит — и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Муренка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Муренки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб...»

А остальные Даренка не дала ему собрать подчистую: «Не тронь, дедо, завтра днем еще на это поглядим».

Егорка почему-то сразу почувствовал, что завтра вряд ли что у них получится. Сказочные дела каждый день не повторяются!

И точно — к утру выпал большой снег, все завалил, и сколько ни разгребали — ничего больше не нашли. «Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб». Вот это правильно. Это справедливо. Но больше уж никогда не видели они ни Муренки, ни Серебряного копытца... А там, где скакал козел, люди стали находить зелененькие камешки — хризолиты...

Ночью Егорка долго не мог заснуть, ворочался в постели. То ему мерещился козлик Серебряное копытце — ножки тоненькие, головка легонькая. То кошечка Муренка мурчала ему прямо в ухо, и очень жалко было, что она пропала. Егорка понимал — вернулась в свой Сказочный Мир, откуда на время только забрела к людям...

И еще он не мог заснуть, не решив точно — хорошо это или нет, что Кокованя с Даренкой уже не смогли утром собрать все камни до последнего камешка. И когда сон стал его одолевать, — показалось, что это все-таки правильно. Если б нагребли они драгоценных камней половину, скажем, подпола, — может, стали бы с этих пор другими какими-то людьми. Только и думали бы о том, как это богатство употребить. И может, вообще ничего и никого больше вокруг себя и не видели бы — только эти камни и пересыпали из ладони в ладонь. Ведь бывает же, наверно, и так, правда?..

Так и не ответив себе на этот вопрос, Егорка уснул — и сразу попал в чудесный мир детства, где реальную жизнь не отделишь от сказки.

...Он спал и спал, и постепенно сонный мир из чудесного, легкого и счастливого стал обращаться в какой-то другой — с плохими людьми, смотревшими на Егора с ненавистью... И во сне он горько плакал и думал — как бы поскорей проснуться.

6. 1959. В БАЖОВСКОМ ДОМЕ

За несколько лет до этого: *письмо Егоркиной мамы его папе в середине августа 1959-го из ее родного города в Москву.*

«...Приехали в Свердловск в 13 часов. Добрались до дома очень быстро. Свердловск похорошел, позеленел. Улочка наша прелестная.

Егорушка по-хозяйски повел меня показывать двор, сад, огород. Прежде всего, мы пошли в малинник, и он бесстрашно отправился в крапиву.

На мой испуганный возглас: “Куда ты! Крапива!” спокойно, даже не оглянувшись, ответил: “Это полезно, больше организму будет!” (так трехлетний мальчик по-своему выговаривал фразу, что крапива тоже полезна для организма... — М. Ч.). Ягод еще очень много, можно есть с утра до вечера.

Потом устраивались. Выделила место для игрушек Егора. Их набралось уже много.

Следующий день, жаркий и солнечный, Егор провел около огромной бочки с водой. Здесь сосредоточился его флот: крейсер, линкор и две подводные лодки...»

Слова «по-хозяйски» — не случайны. Егору — три с половиной года. Но он *помнит* двор, который уже обжил в прошлое лето — в два с половиной года. Помнит — и удивительным образом узнаёт спустя год...

7. 1961. КУБА, ПЛАЙЯ-ХИРОН

В четыре года Егорка не был чужд важным событиям в мире.

Он знал, что недавно *барбудос* — *бородачи* по-испански, то есть партизаны на острове Куба, совсем близко от Америки (а карту Егор любил едва ли не больше солдатиков и хорошо в ней разбирался) — победили в войне с несправедливой властью Батисты. Главный у партизан — более всех бородатый Фидель Кастро. Партизаны завоевали себе независимость и свободу. И теперь Кубу называют Островом Свободы. А *гусанос*, то есть *червяки* — те, кто раньше жили на Кубе, но революционеры-бородачи их прогнали, — спят и видят, чтоб ворваться на остров и убить бородачей.

О реальных подробностях всего этого Егор узнает, когда станет постарше. Пока ему достаточно того, что его храбрый папа, морской офицер и корреспондент военной редакции самой главной советской газеты «Правда», отправился на Кубу — помогать *бородачам* сражаться с *червяками*.

И теперь мама очень волнуется, и Егорка тоже.

* * *

Ранней весной 1961 года, а именно в середине апреля, на юге Кубы, в поселке Плайя-Хирон высадился десант тех кубинцев-эмигрантов, которые хотели свергнуть Фиделя Кастро. В этом их поддерживали США. А СССР поддерживал Фиделя Кастро.

Кубинское командование твердо решило не пропустить своих недавних сограждан вглубь страны, авиацией помешать высадке. А тех, кто уже высадился, — блокировать с моря и суши и разгромить. Но надо было еще подтянуть необходимые для этого силы. И у *милисианос* (так называют бойцов народной милиции — она была создана в каждом районе Кубы для обороны) стали кончаться патроны. Тут, как описывают знатоки этих событий,

сзади раздался рев танковых дизелей. По врагу ударили две тридцатьчетверки (советский танк Т-34) и САУ-100, на их броне — десант из мальчишек-курсантов школы народной милиции из города Матансас, последний резерв, который нашелся в этой местности. Но «в командирском люке первого танка милисианос увидели фигуру Фиделя, а это стоило дивизии. Молодые кубинские танкисты еще не очень хорошо освоили советскую технику, и были аварии, и не вся техника дошла до поля боя». Но все-таки, пишут знатоки, «они успели — и три боевых машины из уральской стали решили судьбу сражения. А потом пошли основные части».

Автор этой книги за полную достоверность всех приводимых здесь сведений ручаться не может — мне встречались и серьезные сомнения даже в том, например, что Фидель действительно там находился... Но так или иначе, а всего за 72 часа «наши» кубинцы разбили своих противников, захватив в плен 1 173 человека — из 1 350 высадившихся. Остальные полегли на полях сражений — на своей земле...

Конечно, на Кубе были и так называемые советские военные специалисты. В боях они участвовали в кубинской военной форме и без документов — то есть тайно, как это делали советские нередко, в самых разных странах.

А Егоркин отец прибыл туда на несколько дней раньше начала главных событий, 11 апреля, на сухогрузе «Лесозаводск». И, конечно, по складу характера, а также потому, что он, став журналистом, оставался офицером, а еще и по редакционному долгу — видеть все своими глазами — кинулся в гущу начавшихся через несколько дней боевых действий.

Тимур Гайдар поступил так, как поступил бы его отец, — добрался на попутке в самое пекло. Однако с ходу принять участие в боях ему не удалось. «Наши» кубинцы сразу же приняли его за американского шпиона. Еще бы: испанского языка не знает, изъясняется по-английски! Хотели, конечно, по военно-полевым условиям тут же и расстрелять. Потом почему-то передумали, привезли на командный пункт. Там оказался переводчик с англий-

ского, Тимур смог объяснить — кто же он такой. Скоро появился Фидель Кастро. Обрадовался, что теперь при нем будет корреспондент из Москвы, да еще из главной газеты компартии — «Правды».

...Сорок с лишним лет спустя, в одном из последних интервью — по радио «Эхо Москвы» — Егор Гайдар рассказывал об этом так:

«Отец сделал ту же ошибку, которую сделал князь Болконский в разговоре с императором Александром I. Когда Фидель Кастро спросил его: “Где бы вы хотели находиться во время боев?” — вместо того, что надо было сказать в этой ситуации вежливо — “Всегда рядом с вами, Команданте!”, — он сказал: “Немедленно на передовую!”»

...Егор Гайдар упоминает «Войну и мир» Льва Толстого — великий и очень объемный роман. В отличие от многих и многих, Егор целиком прочитал его еще в школе (и никогда не пожалел о потраченном времени!). Рассказывая о встрече отца с Фиделем Кастро, он напомнил слушателям эпизод романа в дни неудачного для России начала Отечественной войны. Тогда русская армия отступала, сданы были Вильно и Витебск. И в это время князь Андрей Болконский прибыл в действующую армию.

Князь Андрей, один из любимых героев Толстого, пытался понять, что происходит и что надо делать, чтобы остановить отступление русских войск. И пришел к выводу в духе самого автора — что никто «не может знать, в каком будет положении наша и неприятельская армия через день... Иногда, когда нет труса впереди, который закричит: “Мы отрезаны!” и побежит, а есть веселый, смелый человек впереди, который крикнет: “Ура!” — отряд в пять тысяч стоит тридцати тысяч...»

Император Александр был здесь же. И, «узнав Болконского, милостиво обратился к нему:

— Очень рад тебя видеть. пройди туда, где они собрались, и подожди меня. — Государь прошел в кабинет».

Князь Андрей стоит среди других ожидающих и все думает, думает о сути происходящего, о роли полководцев в войне. И все больше и больше утверждает в мысли,

что «заслуга в успехе военного дела зависит не от них, а от того человека, который в рядах закричит: пропали, или закричит: ура! И только в этих рядах можно служить с уверенностью, что ты полезен!»

Так думал князь Андрей, слушая толки, и очнулся только тогда, когда <...> все уже расходились.

На другой день на смотре государь спросил у князя Андрея, где он желает служить, и князь Андрей навеки потерял себя в придворном мире, не попросив остаться при особе государя, а попросив позволения служить в армии».

30 апреля 1961 г. Письмо Тимура Гайдара в Москву своим близким из отеля «Гавана-Либре» на Кубе.

«Милые мои, мамук, Рики, Егорка!

Получил ваши письма и перечитывал их без конца. Фотографии и рисунки у меня на столе. Как радостно и весело стало! Очень вас прошу, будьте спокойны и все сообщения воспринимайте разумно (если даже они не очень...).

Собираюсь в Эскамбрай — это горная провинция, где недавно ликвидировали крупные банды...

Чертовски мешает незнание испанского языка. Ощущаю себя инвалидом. Так обидно!

Егору обещанный «большой пистолет» обязательно привезу.

Обнимаю. Ваш Тимур».

Радостный, приподнятый тон письма свидетельствует — пишет человек, который рад, что напрямую участвует в опасном, но, как он думает, справедливом деле.

Известно, что за Плайя-Хирон Тимур Гайдар получил от Фиделя Кастро именное наградное оружие.

8. 1962. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В шесть лет, 19 марта 1962 года, родители решили отметить первый *сознательный* Егоркин день рождения — считали, что теперь он сможет его по-настоящему *осознать*.

Когда утром Егорка проснулся, он был ошеломлен. И долго растерянно водил глазами по комнате. Потому

что весь пол в комнате, его столик, стул и даже одеяло — все оказалось усыпано оловянными солдатиками всех видов и размеров! А также пушками, пулеметами, зенитками, танками... И когда Егор все осмотрел, то очень тихо, радостно и удивленно сказал — скорее сам себе, чем родителям: «Вот что такое день рождения...»

Потом пришли гости, и он выступил со своим коронным номером — отрывком из романа в стихах «Евгений Онегин»:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

И хотя за окном стоял вовсе не ноябрь, а 19 марта, и приближалась совсем не скучная *весенняя* пора, но все притихли, слушая Егорку. Уж очень хорошо он читал Пушкина. И всем стало видно, какой же это тонкий и умный мальчик.

9. ВЕСНА 1962 ГОДА. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ: «РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ»

— Что вы чаще всего вспоминаете из его детства?

— Годы, проведенные на Кубе. Он был тогда такой маленький и трогательный. Ему сшили военную форму, и он ощущал себя революционером. Время было тяжелое — Карибский кризис...

А. П. Бажова-Гайдар, декабрь 2010

Итак, весна 1962 года. Моему маленькому герою шесть лет.

В Советском Союзе вовсю идет Оттепель — после смерти Сталина смягчается жестокая советская власть. Вернулось множество людей из сталинских концлагерей — с Колымы, из Воркуты и Норильска, из казахстанских степей. Отовсюду, где в земле и в вечной мерзлоте остались лежать сотни тысяч сограждан — без гробов, без надгробий и крестов, голые, с биркой на ноге. Безвинно замученных не в фашистских лагерях, а в своем родном отечестве.

Выжившие и вернувшиеся участвуют в литературной и общественной жизни — и в немалой степени меняют саму ее атмосферу: они ведь знают то, о чем остававшиеся на свободе (которую в свою очередь надо бы, как вы уже знаете из 4-й главы, помещать в кавычки) имеют очень приблизительное представление. Теперь рассказы о лагерях, покрывавших всю страну, и о страшных пытках в следственных камерах слышны во многих домах. И просто невозможно не верить, что такое больше не повторится.

...Всего год назад наш Гагарин — первым в мире! — полетел в космос.

И независимость Кубы, достигнутая в 1959 году, каким-то образом вписывалась в советскую Оттепель, воспринималась как едва ли не наше достижение тоже...

Отпраздновав в марте день рождения сына, Гайдары всей семьей отправились на Кубу, уже получившую прочное именование — Остров Свободы. Они и представления не имели о том, что их там поджидало в недалеком будущем.

Еще менее могли они себе вообразить отдаленное будущее самого Острова Свободы...

* * *

Весна 1962. Письмо Тимура Гайдара матери в Москву.

«20 мая начинается моя работа в Гаване.

О своем решении ехать на Кубу не жалею. Это абсолютно правильное решение.

Летели мы хорошо. Егор, правда, простудился на острове Кюрасао, где мы провели два дня, но теперь здоров, купается в бассейне. Мы с ним крепко дружим. И вообще все трое живем дружно.

Квартира большая. У Егора отдельная комната с видом на океан и крепость.

Любимое занятие Егора считать этажи в гаванских небоскребах.

Он уже считает по-испански. У него появились первые друзья-сверстники».

«Поразительно яркие воспоминания о революционной Кубе: еще работающая, не развалившаяся американская туристская цивилизация вместе с неподдельным веселым революционным энтузиазмом победителей, многолюдные митинги, песни, карнавалы...

Окна моей комнаты в отеле «Риомар» выходят прямо на Мексиканский залив, внизу плавательный бассейн, рядом с ним — артиллерийская батарея...» (Е. Гайдар, 1996).

В светлое будущее этой страны увлеченно верит в начале 1960-х вся семья Гайдаров. Да и многие в Советском Союзе азартно скандируют: «Куба — да, янки — нет!»

* * *

Перенесемся на полвека вперед — чтобы взглянуть на то, что же в конце концов получилось из революционной Кубы.

Теперь это можно сделать, потому что в июле 2011 года на российские экраны вышел документальный фильм «Родина или смерть» — о Кубе сегодня. Известный режиссер документального кино Виталий Манский рассказывает газете «Московские новости» (22 июля 2011), как он решил снимать Кубу:

«...Поскольку Фидель по большому счету правит и сейчас, то есть 51 год, то сегодняшняя Куба — как Советский Союз накануне смерти Сталина. Мне показалось, что бу-

дет интересно вдруг попасть в тот Советский Союз человеком, знающим, что будет оттепель, застой, перестройка, опять застой. К людям, которые ничего этого не знают.

— *Было ощущение, что возможна прямая аналогия?*

— Я ее допустил. И, в конечном счете, не ошибся.

<...>

— *Фильм начинается с эпизода на кладбище, где происходит официальное перезахоронение умерших. Люди вынимают из гробов останки своих близких, руками разламывают их кости, перекалывают в какие-то коробки. Зачем ты начал с этих кадров? Чтобы задать настроение “родина или смерть”?*

— Я хотел как-то сблизить жизнь и смерть — поставить их рядом в кадре. Придумать такое вообще невозможно. Это за гранью.

В каком бы городе или стране я ни был — непременно хожу на кладбище. Мне кажется, что мир мертвых — очень точный образ мира живых. Ты часто не можешь войти в квартиру, в мир и души людей, но ты можешь их понять, увидев могилу их матери. <...>

— *А почему в атеистическом, коммунистическом государстве Куба не сжигают умерших?*

— Элементарно не хватает электричества, нет топлива, чтобы сжигать. Им король Испании подарил крематорий. Но нечем заправлять.

— *Ты знал, что там так принято?*

— Как раз когда мы там были, у нашего водителя подошла очередь освободить гробницу — это делается через три года после похорон. Потому мы и могли этот эпизод снять, прикинувшись родственниками из-за границы.

— *Получить разрешение на съемку нельзя?*

— Просто нереально.

— *На Кубе сложно подглядеть то, что не очевидно?*

— Там очень трудно снимать, во всяком случае, так было год назад, сейчас, говорят, что-то изменилось. У них очень болезненное отношение к собственному имиджу. На встречах с чиновниками мне говорили: “Мы же вас пустили! У нас же десятки заявок со всего мира, мы не

пускаем никого, но вам доверились, вы должны быть доброжелательны“. Я в ответ: “О’кей, большое спасибо. Но как я могу быть позитивно заряженным, если знаю, что каждый раз, когда ухожу из дому, там происходит обыск!” И они не сильно это отрицали. Тетка, у которой мы жили, буквально через неделю нас стала выгонять, хотя мы платили ей бешеные деньги. Потому что в ее доме регулярно шел шмон...

Самое страшное для них — разоблачение мифов. Мифами дорожат больше, чем собственно секретами. Думаю, снять в воинской части проще, чем в обычной школе. ...Оказывается, чтобы на территорию школы попасть, нужно иметь бумагу, подписанную замминистра образования. Есть специальные замминистра образования и замминистра здравоохранения, у которых только одна функция — такие разрешения иностранцам выдавать...

— *Что же там такого, чего нельзя показывать?*

— Абсолютная бедность. Вместо автобусов, например, фургоны, в них сидят люди. В принципе ничего особенного, но очень страшно, потому что кажется — люди как скот.

...Дети не голые, они все в форме, которая выглядит, может, не столь свежо, как хотелось бы. Но туалеты без канализации, просто дырки, а на Кубе не прохладно. И когдаходишь в школу, с одной стороны чувствуешь запах из туалета, а с другой — из столовой, где детей кормят какими-то булками и чаем, это их обед. Стоят школьники, поют гимн. Революционные песни разучивают. Про их счастливое детство.

— *Но ведь считается, что кубинское здравоохранение прекрасно. Что иностранцы туда специально ездят лечиться.*

— ...Может быть, дело в культурных различиях. Но мне кажется, только в морге можно человека положить на камень.

— *Больных кладут на пол?*

— На каменные лавки. При нас привозили каких-то окровавленных людей в наручниках. Когда ты сидишь

в приемном покое и видишь, как все это происходит... А ведь мы иностранцы, привилегированные, из Советского Союза. Для них России-то не существует. Есть Советский Союз, который изменил идеалам коммунизма.

— Не понимаю, как это соотносится с тем, что на Кубу охотно ездят туристы.

— Огромное количество людей находятся в абсолютнейшем заблуждении, что они были на Кубе. Потому что у них есть билет Москва — Гавана. Они были не на Кубе! Они были на искусственном полуострове под названием Варадеро. Думаю, между Диснейлендом и Америкой куда больше общего, чем у Варадеро с Кубой...

Турист приезжает в Варадеро и, конечно, хочет поехать в Гавану на экскурсию. Для таких вот дотошных специально разработан маршрут... Приезжают в Гавану. Специальная стоянка для автобусов и четкий маршрут по определенным улицам с заходом в кафе, с выходом на площадь — и назад в автобусы.

Перед первой поездкой на Кубу смотрел впечатления туристов в интернете. Ничего понять не могу. Десятый, двадцатый, сороковой альбом — как будто один человек снимает. У всех тетка с сигарой сидит. Почему все туристы — из Кинешмы, Вологды, Москвы, Барнаула — снимают одну и ту же тетку? Приезжаю. Тетка сидит на этом туристическом маршруте, как клоун Дональд в Макдональдсе, держит не сигару, а палку, обклеенную бумагой. И все довольны!

— И все-таки ты увидел там много людей вполне симпатичных.

— Более чем. Они прекрасные. Цивилизованные. Образованные. Заинтересованные. Впитывающие. Абсолютно свои люди... Поскольку нам очень помогало кубинское посольство в Москве, я обещал, что посол первым в России посмотрит фильм. Безумно обрадовала его реакция. Посол сказал: «Оторопь берет от того, что мы увидели. Но если удастся эту картину показать на Кубе, она может совершить революцию в сознании целой нации»».

10. ОКТЯБРЬ 1962 ГОДА. НАКАНУНЕ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Смело повторяю, что, отправляясь весной 1962 года на Кубу корреспондентом «Правды» с женой и маленьким сыном, Тимур Гайдар и во сне не мог увидеть, какие события развернутся в ближайшие месяцы в непосредственной близости от его семьи.

Итак, 20 мая 1962 года корреспондент «Правды» приступил к работе на Кубе. А через два дня, 24 мая, Политбюро ЦК КПСС, вдохновленное победой Кубы на Плайя-Хирон, приняло секретное решение о размещении на Кубе советских баллистических ракет. На тот момент — самого мощного оружия.

Незадолго до этого Хрущев сказал в одной из речей, что если США тронут Кубу, то СССР нанесет по ним ответный удар. Почему-то он решил, что обычное вооружение здесь не подходит — только ракеты с ядерными боеголовками смогут удержать США от агрессии против Кубы.

Началась подготовка масштабной операции под названием «Анадырь». Через Атлантику должна была двинуться на судах ракетная дивизия в составе пяти полков. И доставить на Кубу 40 пусковых установок. Дальность полета ракет обеспечивала поражение важнейших объектов на территории США. Как прореагируют на такую нетривиальную новость США — в расчет почему-то не принималось.

12 июля 1962 года в портах Баренцева, Балтийского и Черного морей началась погрузка личного состава и техники на 80 судов морского флота СССР. Общая численность группы советских войск, которую предстояло перебросить, составляла ни много ни мало — 43 тысячи человек. Ни один из них не знал, куда и зачем он плывет. Плавание в водах Атлантики готовилось в обстановке сверхсекретности.

И вновь зададимся вопросом — думал ли Хрущев, что США «не заметят» привезенных ракет и дивизию бойцов?

Или он полагал, что заметят и, утирая слезы, смирятся с ядерными боеголовками в непосредственной близости от своей водной границы?

Тайну своих странных расчетов Никита Хрущев унес с собой.

Постепенно все советские суда доплыли, люди выгрузились и начали потихоньку, главным образом по ночам, монтировать ракеты.

Долго ли коротко ли, но 14 октября 1962 года американский разведывательный самолет У-2, натурально, обнаружил и сфотографировал *соткавшиеся из воздуха*, пользуясь словами Михаила Булгакова в знаменитом романе «Мастер и Маргарита», стартовые позиции советских ракетных войск. Поскольку спрятать ракеты такой длины абсолютно невозможно. Скоро определены были и типы ракет, нацеленных на главные города США...

16 октября ЦРУ предъявило фотографии советских ракет президенту Джону Кеннеди. Тот, как говорят, в первые минуты не поверил своим глазам.

Сначала США через дипломатические каналы предъявили Советскому Союзу обвинение в том, что по решению советского правительства на острове в течение нескольких месяцев велась подготовка к нанесению ракетно-ядерного удара по США.

...Как писал впоследствии Тимур Гайдар о мечтах своего маленького сына — *не слабо!*

Советские же дипломаты повели себя примерно так, как Аннушка в упомянутом романе Булгакова, поднявшая на лестнице и прикарманившая оброненную Маргаритой бриллиантовую подкову: «В голове у Аннушки образовалась вьюга: “Знать ничего не знаю!.. Ведать ничего не ведаю!..”».

Самое же смешное, что на этот раз советские дипломаты действительно говорили правду (что не часто им удавалось). Они знать ничего не знали о том, что на самом деле происходит на Кубе. Не знали, что часть завезенных ракет уже оснащена боеголовками. И что военное командование на острове наделено полномочиями *на месте*

самостоятельно принимать решение об их применении. То есть — о начале третьей мировой войны. Так сказать, в рабочем порядке — даже без решения главы советского государства.

22 октября правительство США объявило своей стране и миру, что на Кубе обнаружены мощнейшие советские ракеты.

Реакцию американцев легко предугадать. Они не привыкли, чтоб им на головы бросали бомбы или пуляли по их городам ракетами. Прежде всего — по той причине, что на их материке никаких войн давным-давно не велось.

Через 15 минут после заявления американского президента Фидель Кастро, главнокомандующий военными силами Кубы, объявил боевую тревогу и всеобщую мобилизацию. Вот кто был на подъеме, детски радуясь ситуации! Появилась возможность раз и навсегда проучить проклятых янки — под прикрытием грозных советских ракет!

А Джон Кеннеди, выступая по телевидению 22 октября, в качестве первых шагов объявил полную морскую блокаду Кубы. Президент США отдал приказ — вывести в Карибское море флот и привести в боевую готовность стратегическую авиацию. В море вышли восемь авианосцев, два крейсера, тринадцать подводных лодок и сотни других кораблей.

Ариадна Павловна Бажова-Гайдар вспоминает:

— ...Нас обстреляли — вошел корабль с гусанос и обстрелял гостиницу, где жили все советские. В какой-то момент ситуация достигла пика. Шел советский корабль, прорывая морскую блокаду. Если судно пропустят — войны не будет. Если судно не пропустят — будет война. И однажды ночью я открываю балконную дверь и вижу — весь океан в огнях. Закрывает балкон, легла. И Егорка рядом со мной. Что делать? Тимур, конечно, в посольстве, там у него свои задачи. Один из наших военных, которые прибыли на Кубу тогда, говорил: «Ариадна, вы не беспокойтесь, я за вами с Егором на последнем бэтээре приеду». Ну, я думаю, а куда этот БТР-то пойдет, в океан? И я тогда

подумала, что нам надо утопиться с Егорушкой, не сдаваться же в руки гусанос. Сначала, думаю, Егорушку утоплю, потом сама утоплюсь. Серьезно, была такая мысль. Безвыходность положения — входит американский флот, начнутся аресты, прежде всего, конечно, нас, советских граждан, прикончат. ...Моя невестка Маша потом спрашивала: «Вы хотели Егорушку утопить — это правда?» Я говорю: «Правда, хотела».

...Да, знаменитые американские морские пехотинцы, танковые и другие дивизии готовились к боевым действиям.

Советскому Союзу предъявлен ультиматум — безотлагательно удалить советские ракеты с территории острова.

Хрущев закусил удила, и правительство СССР оповестило мир, что «нанесет самый мощный ответный удар». Были приведены в повышенную боевую готовность все вооруженные силы Советского Союза. И в первую очередь — ракетные войска стратегического назначения.

Мировая война, а точнее — война на уничтожение всего мира — встала на пороге.

Совершив свою авантюру, Хрущев был вынужден теперь напряженно размышлять над тем, как же из нее выходить. И когда ему стало совершенно ясно, что США ни в коем случае не потерпят советских боеголовок у себя под боком и полны решимости убрать их любой ценой, он 26 октября направил Джону Кеннеди примирительное послание.

27 октября наступила «черная суббота» кубинского (или, как его обычно называют у нас в стране, Карибского) кризиса. Был сбит американский самолет-разведчик, летчик погиб. Над Кубой дважды в сутки проносились — с целью устрашения — американские эскадрильи.

А Кеннеди и Хрущев — в данный момент вершители судеб мира — вели неустанные переговоры.

28 октября советское правительство согласилось с требованием президента США — в обмен на заверение в соблюдении территориальной неприкосновенности острова, а также — в конфиденциальном порядке — в выводе американских ракет с территории Турции и Италии.

Второго ноября президент Кеннеди объявил американскому народу, что СССР демонтировал свои ракеты на Кубе.

С пятого по девятое ноября ракеты с Кубы были вывезены. И отправились в долгое обратное плавание через Атлантику...

21 ноября США отменили морскую блокаду.

12 декабря 1962 года завершился вывод советских войск и вооружения с Кубы.

...Конечно, в сознании маленького Егорки, как впоследствии и в памяти взрослого Егора Тимуровича, эти события неясны, спутаны, размыты. Тридцать с лишним лет спустя он помнит батарею рядом с бассейном. Помнит, что здание, где живут «дипломаты и специалисты из Восточной Европы, периодически обстреливают. Наша батарея стреляет в ответ...»

То есть игра в солдатики оживает на глазах — превращается в настоящую войну. Какой шестилетний мальчик не мечтает об этом? «Из окна виден лозунг в желтом неоне: “Родина — или смерть!” и в голубом: “Мы победим!”... Прямо по траверсу — всегда американский разведывательный корабль...»

В доме Тимура Гайдара — морского офицера, сотрудника военного отдела «Правды», участника боев в Плайя-Хирон — постоянно толкуются советские военные из группы войск, переброшенных на Кубу.

«Они иногда берут меня с собой в казармы, дают лазить по танкам и бронетранспортерам. У нас дома в гостях Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара. Отец ездит с Че Геварой стрелять по мишеням из пистолета» (Е. Гайдар, 1996).

...Впоследствии сугубо штатский облик Егора Гайдара будет многих обманывать и давать пищу клевете недоброжелателей. На самом деле люди армии с раннего детства — его привычная среда. И впоследствии проблемы армии всегда были ему, сыну отважного офицера, понятны и близки.

11. ФИДЕЛЬ КАСТРО И ЕГО ОСТРОВ СВОБОДЫ

...Через много-много лет взрослый Егор Гайдар объяснял на радиостанции «Эхо Москвы» всем, кто привык считать Фиделя Кастро убежденным коммунистом, то самое, что стремился объяснять людям всю свою недолгую жизнь. А именно — что в общественной жизни все обстоит *много-много сложнее*, чем им кажется. И одна из этих сложностей такова:

— Фидель не был коммунистом. Он по своей природе антиамериканист. Его интересует не успех коммунистической идеи в мире, его интересует нанесение максимального возможного ущерба США. Когда и для того, чтобы это сделать, надо было заключить тесный союз с Москвой, он стал коммунистом.

Рассказывая, Гайдар открывал слушателям глаза на трагедию этого человека.

...В начале своей деятельности Кастро старался по возможности сузить американское влияние в Латинской Америке. Американская империя действительно медленно демонтировалась. На Кубе уже 25 лет правил Батиста (режим которого Егор Гайдар называет «более чем отвратительным»), которого так или иначе поддерживали США (наверно, понимая, что может быть и хуже).

И вот Кастро, «с его харизмой, бесконечной храбростью», замечательным умением командовать войсками, будучи выслан в Мексику, снаряжает там экспедицию из 82 человек. Они высаживаются на Кубе. Против них — 40-тысячная армия Батисты, которую Егор Гайдар называет кровавой, готовой к массовым убийствам «всех, кто подозревается в сочувствии повстанцам». При таком соотношении сил через два с половиной года Кастро вступает в Гавану. И оказывается первым человеком, который способен противостоять американцам в Латинской Америке.

И что дальше? «...Он остается после этого президентом, в общем-то, маленького острова. А он себя не мыслит никогда в этих категориях. Он, по меньшей мере, Бо-

ливар, латиноамериканский Ленин — это для него важно. Что ему это президентство на Кубе?»

...Тут придется все-таки сказать два слова про Боливар, весьма кстати упомянутого Егором Гайдаром.

Кто вспомнит из «Евгения Онегина»?

...Надев широкий боливар,
Онегин сдет на бульвар
И там гуляет на просторе...

Симон Боливар родился в Южной Америке, в Венесуэле, а юность провел в Европе, в первые десятилетия после Великой Французской революции — и именно под ее впечатлением дал клятву посвятить жизнь освобождению Южной Америки от испанцев и португальцев, то есть сделать ее независимой. И это ему в немалой степени удалось. Его повстанческая армия принесла на своих штыках независимость Венесуэле (и народ дал ему именование Освободителя) и еще нескольким большим территориям, которые, получив таковую, образовали новые государства — Колумбию, Эквадор. В 1818 году Боливар собрал в Венесуэле конгресс, который провозгласил равенство всех граждан бывших испанских колоний, независимо от цвета кожи и вообще этнической принадлежности. А там каких только оттенков кожи и смешения этносов не было! Так что это решение — которому народ Южной Америки дальше, представьте себе, в основном следовал, — стало поистине эпохальным. А когда Боливар освободил Перу, то на территории Верхнего Перу образовалась республика, и в честь Освободителя ее назвали Боливией...

Но главная цель Боливара — объединение всех южноамериканских государств — оказалась утопичной. На его глазах появилось много желающих возглавить маленькие отдельные государства. И потом в течение всего XIX века шли беспрерывные войны между ставшими независимыми латиноамериканскими странами. А Боливар, умерший в 1830 году, остался в истории русского костюма —

жесткий цилиндр с широкими полями (вот почему «надев широкий боливар...»), особенно модный в начале 20-х годов XIX века, получил название *боливар*...

...Те, кто работали в первых правительствах новой Кубы, рассказывали Егору Гайдару — они приняли решение эмигрировать в тот самый момент, «когда поняли, что Куба для Фиделя Кастро не имеет вообще никакого значения».

Увы, это очень похоже на то, как Россия революционного 1917 года рассматривалась Лениным исключительно как запал для мировой революции. Запалим Россию — и полыхнет (он в это свято верил) по всему миру. Так Куба была для Фиделя, пояснял Гайдар, хорошо знавший этого человека, инструментом «в программе-минимум — антиамериканской революции Латинской Америки, по программе-максимум — разрушения США».

Маленький, но смысленный Егор что-то видел, и тогда в суматохе Карибского кризиса что-то его удивляло. Но что именно — он, конечно, понять не мог. И только много позже узнал от отца, какие действительно экстремистские чувства и намерения владели Фиделем Кастро в тот страшный для всего мира момент.

Есть такое хорошее русское слово «оголтелость». Ничуть не хуже, между прочим, «экстремизма». Так вот, Фидель и был в те дни *оголтелым*.

Оказалось, что во время Карибского кризиса он просто впал в ярость — именно в тот момент, когда заключили соглашение с американцами, позволившее избежать мировой войны! «Он же с Микояном, — вспоминал Егор Гайдар, — который прилетел к нему объяснить суть этого соглашения, просто разговаривать не хотел. Отец с ним был тогда, он мне рассказывал подробности этого визита. Ему было наплевать, что погибнет Куба, наплевать, что погибнет мир, — важно было, что погибнут США».

Храбрый ли человек Фидель Кастро? Несомненно. Даже очень. И к тому же весьма талантливый военный командир, умеющий побеждать при огромном перевесе сил противника.

А можно ли сказать, что он — герой? В каком-то узком смысле — да. Храбрец, готовый рискнуть своей жизнью, может рассчитывать на имя героя. И все-таки для окончательного решения надо постараться ответить еще на один очень важный вопрос: и что же, много ли хорошего принес Фидель Кастро, героическими усилиями захватив власть, своей Кубе?

Нисколько. И даже шестилетний Егор (на примере с гниющими фруктами, о которых дальше) видел: что-то тут не то. А потом-то все увидели, как Куба голодает, одну курицу в месяц выдают на семью... И люди в отчаянии уплывают с Острова Свободы на легких джонках, надеясь причалить хоть к какому-либо другому берегу. Пускаются в опаснейшее, с пятидесятипроцентным риском погибнуть, плавание с малыми детьми — от хорошей жизни уж наверно так не поплывут?..

Так что героизм бывает очень даже разный.

Но Егор ничего пока об этом не знает. Он даже еще не учится в школе. Сидит на пляже под пальмами, плавает и ныряет, занимается в секциях... Отец его пишет своей матери: «Егорка хороший, добрый парень. Похож на деда. Сильный. У него широкие плечи. Загорел. Его все любят. Но это пока — потом все будет как у всех».

Как в воду смотрел.

Теперь о фруктах. Оказалось, что на Кубе, где они, кажется, растут сами собой, как в России — грибы, их в магазине нельзя купить за деньги — столько, сколько хочешь. Фрукты здесь — «по карточкам», то есть столько-то граммов на один талончик, не больше. А под Гаваной, совсем неподалеку, они лежат целыми горами! И гниют на жарком солнце.

Ум Егорки работает непрерывно — так он у него устроен. И он думает, думает и не может понять — почему же какой-нибудь продавец не может погрузить эти фрукты на тележку или на грузовик — и привезти их к ним, сюда?! И продать — может быть, даже подешевле, чтобы скорей купили, раз они уже гниют!

Оказывается, нельзя. Оказывается, это называется спекуляция. И за это могут посадить в тюрьму!

...Егорка не знает, что в его стране это придумано на 30 лет раньше, и Куба только берет с нас пример — она строит социализм по образцу Советского Союза.

Через 40 лет Егор Гайдар сам напишет в одной своей знаменитой книге: «Закон от 7 августа 1932 года запретил людям, умирающим от голода, под страхом жестокого наказания брать зерно, гниющее на складах или сваленное у железнодорожных станций».

«...Идет время, вижу, что отец в разговорах с кубинскими друзьями все чаще начинает раздражаться, все время говорит о каком-то НЭПе. Возвращаясь домой, ругает идею экспорта революции. И это тоже пока за пределами моего разума. Я твердо убежден: Советский Союз, лидирующий в космосе, приходящий на помощь борющимся против империализма народам — оплот мира и справедливости. Моя страна — самая лучшая страна в мире, за ней будущее, мы стоим за правое дело и в нелегкой борьбе его отстаиваем. Простой, веселый, романтический мир. Главное, не трусь, храбро бейся с врагами — и победа не заставит себя ждать» (Е. Гайдар, 1996).

12. 1962—1963. ПОСЛЕ КРИЗИСА. СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА

1962. Письмо мамы Егора его бабушке в Москву

«Дорогая Лия Лазаревна. Все у пас хорошо. Все утихнет, и жизнь входит в привычную колею. Тимур все это время очень много работал, жил на нервах, много курил и сейчас чувствует себя неважно. Наверно, это реакция после большого нервного напряжения...

Егорушка веселый, черный, крепкий. Плавает хорошо, ныряет с бортика бассейна на самом глубоком месте, пока еще “солдатиком”, но учится нырять головой.

Все ваши письма читаем по многу раз. Егорушке очень нравятся сказки. Мама ему ничего не рассказывает, у нее мысли заняты совсем другим. Судовольствием читали “РВС” и “Хогтабыча”. Перечитали уже несколько раз и мы, и все Егоркины друзья, а друзей у него много — целый полк.

Егор завоевал себе “ведущее положение” в группе. Если играют в войну, то он маршал, если соревнования, то он судейская коллегия, и так во всем...

...Если представится возможность, пришлите нам еще немного грибов, узкую резиночку, пару чулок для меня. Есть проблема более сложная — обувь для Тимура. ...С обувью здесь плохо, а его запасы истощаются с катастрофической быстротой.

...Вчера все вместе ездили на башню памятника Хосе Марти. С Егором были три его друга. Вся компания получила огромное удовольствие. Внизу башни — музей, в котором хранится машина, на которой Фидель Кастро спустился с гор Сьерра-Маэстра, и пулемет. Географию Кубы Егор знает отлично. Да и повидал он больше, чем я, потому что часто ездил в интересные поездки с нашими друзьями. С ним любят ездить и показывать ему новое. В Советском цирке он “свой человек” и знаком со всеми медведями».

Примечание. Хосе Марти (1853—1895), национальный герой Кубы, возглавил в свое время борьбу кубинцев против испанского владычества; основал Кубинскую революционную партию.

Кинорежиссер-документалист Виталий Манский пятьдесят лет спустя расскажет журналистам:

«...На территории Гаваны с 1959 года не построено ни одного здания. Город после революции подвергался только разрушению. Такое ощущение, что там есть следы атомной бомбардировки.

— *Советские специалисты не построили никакого “дворца науки”?*

— Возможно, и построили. Но я с детства помню, как Брежнев в соломенной шляпе целуется с Фиделем у памятника Хосе Марти. Для меня было абсолютным открытием, что этот памятник появился в 1956 году. То есть даже памятник Хосе Марти поставил Батиста».

Письмо Егора в Москву тете Шуре

«Тетя Шура!

А ты бы испугалась подняться на 50-этажный дом? (Это — высота памятника Хосе Марти. — М. Ч.).

Я уже ужу рыбу. Хорошо бы ты приехала сюда. Я тружусь в группе. Мы делали там елочные игрушки, коврики.

Я накрываю на стол и убираю со стола. Иногда сметаю пыль и часто прибираю игрушки в своем столе. Здесь их у меня не так много, как в Москве...»

Подпись печатными буквами — «Егор». Рисунок: кораблик на гребне волн.

Письмо Егора в Москву бабушке

«Баба Лия!

Я попросил маму написать под диктовку, потому что писать надо много, а я быстро устаю.

Сказка про собаку мне очень понравилась. Наверное, она задерживала на границе шпионов.

Моих товарищей зовут: Юра Новицкий, Гена, Андрюша, Миша, Лола. Мы играем в войну, в мяч, в эстафету, устраиваем спортивные соревнования, в одном из них я вышел на первое место, я набрал 84 очка. А идущий после меня Гена набрал только 69. А в другом соревновании, в котором Юра вышел на первое место, я занял второе из-за эстафеты и плавания, так как я в них не участвовал. Ито Юра набрал 28 очков, а я 27.

Пришли мне, пожалуйста, много, много солдатиков.

Из лука я уже научился стрелять метко. Мы даже соревнуемся с папой, и он мной доволен.

Каждое утро я подтягиваюсь на руках 12 раз. У черной рубахи, если ты ее помнишь, рукава стали мне до локтей.

Ну вот и все».

Печатными буквами — «Егор». Рисунок: вагон, на котором написано — «Оружие».

Приписка:

«Спасибо тебе за конфеты. Мы их экономим, чтобы были для развода всегда в кулечке. Как в Риге».

Рига — это воспоминание о том, как они всей семьей жили на Рижском взморье, в знаменитом писательском Доме творчества в Дубулты.

После моря и книжек больше всего Егорка любит своих солдатиков. Да, пожалуй, больше шахмат. Там, конечно, тоже войско...»

Весна 1963-го. Письмо Егора бабушке в Москву

«Баба Лия, здравствуй! Я тебе напишу, что надо послать: 1) кубики, 2) солдат, вы мне не всех послали, 3) книжки, если наши не придут. А вообще как вы узнаете, если наши не придут? Давайте я вам напишу. Пришли мне оружие, а то у меня совсем на нуле. Пожалуйста, обуви!

Часть вторая

Я живу хорошо. Хожу на площадку. И вот смотри: у нас на площадке сначала в первый раз было 9 человек, потом стало 20 человек, и вот теперь 31. Книгу Дети капитана Гранта мы читаем с удовольствием.

Часть третья

Я был пока в провинции Матансас, в Варадеро. Это очень хороший пляж, с песком. Еще я был на двух пляжах: 1) Санта-Мария, 2) Мариэль, 3) пляж очень хороший. Мы не знаем, как его название, но я думаю лучше всего его назвать “детская площадка, смешанная с пляжем”. Но вы не думайте, что из-за того, что я его так назвал, на нем мало песка. На нем очень даже много песка. Я хочу побывать в провинции Ориенте, в горах Сьерра Маэстро, на пике “Туркин”. Еще я хочу побывать в провинции Лас-Вегас на Плайя Хирон и Плайя Ларга. Еще я очень хочу побывать в провинции Камагуэй.

Часть следующая

Дома я собираю марки, читаю, иногда сам пишу и считаю. Когда я ездил с мамой в библиотеку, я решал столбиками и довольно неплохо. У меня сейчас за столбики только 3 раза 5, а за письмо 5 бывает реже.

Поздравляю тебя, тетю Шуру и Люду с днем 8 марта. Егор».

19 марта 1963. Из письма мамы Егора его бабушке из Гаваны в Москву

«У Егорушки очень весело прошел его день рождения. Было 17 его друзей и подружек. Много подарков, шуму, плясок, песен. Он доволен. Мы с Тимуром старались. Хочется, чтобы этот необычный день рождения запомнился ему».

21 мая 1963. Из письма мамы Егора его бабушке из Гаваны в Москву

«В июле мы собираемся в отпуск. Егор решил поделить время между Свердловском и Дунино. Он деятельно собирается. Готовит подарки: морские ежи, раковины, звезды закупают всю нашу квартиру. Не решен еще вопрос: как быть с крокодилами и черепахами. Шуре просит передать — пусть готовит место для крокодила (длина два метра), для черепахи немного меньше».

13. «Р. В. С.»

Повесть деда Гайдара «Р. В. С.» — одна из самых-самых ранних и самых любимых книжек. Ее читает Егору сначала мама. А потом он перечитывает ее сам.

Там, в разгар Гражданской войны, Димка и Жиган, рискуя едва начавшейся своей жизнью, помогают раненому красному командиру — спасают его от петлюровцев, которые обязательно расстреляют этого симпатичного дидьку, если обнаружат его в сарае, под соломой.

Они приходят к нему потихоньку, приносят еду и ведут разговоры. И предупреждают незнакомца, что их уже, кажется, выследили.

«Что же, — сказал он, — будьте только осторожней, ребята. А если не поможет, ничего тогда не поделаешь... Не хотелось бы, правда, так нелепо пропадать...»

— А если лепо?

— Нет такого слова, Димка. А если не задаром, тогда можно».

В детстве все важное запоминается в сто раз прочней, чем позже. И Егорка навсегда запомнил эти слова. Принял их к сведению. И взял на вооружение.

...Когда уж совсем стало ясно, что вот-вот придут обыскивать сарай и выведут из него незнакомца расстреливать, Жиган, который чувствовал себя виноватым в том, что их выследили, вызвался пробраться к красным в город с запиской от незнакомца.

«Так и решили. Торопливо вырвал незнакомец листок из книжки. И пока он писал, увидел Димка в левом углу три загадочные буквы “Р. В. С.” и потом палочки, как на часах.

— Вот, — проговорил он подавая, — возьми, Жиган... ставлю аллюр, два креста. С этим значком каждый солдат — хоть ночью, хоть когда — сразу же отдаст начальнику. Да не попадись смотри».

И кто же откажется бежать с важнейшим делом — *аллюр два креста?*.. Егорка замирал от этих слов. А что Р. В. С. — это Реввоенсовет, то есть Революционный Военный Совет, — он давно знал.

Рысью мчится Жиган по знакомым тропкам, чуть не попадает в руки недобрых конников.

«Не вбежал, а врезался в гущу леса Жиган. Напролом через чащу, через кусты, глубже и глубже. И только когда очутился посреди сплошной заросли осинника и сообразил, что никак не смогут проникнуть сюда конные, остановился перевести дух».

Добегают до города, где стоят красные, вручают записку в штабе...

«И что тут поднялось только! Забегали все, зазвонили телефоны, затопали кони...

Затрубила быстро-быстро труба, и от лошадиного топота задрожали стекла.

— Где? — Порывисто распахнув дверь, вошел вооруженный маузером и шашкой командир. — Это ты, мальчуган? Васильченко, с собой его, на коня...

Не успел Жиган опомниться, как кто-то сильными руками поднял его с земли и усадил на лошадь. И снова заиграла труба.

— Скорей! — повелительно крикнул кто-то с крыльца. — Вы должны успеть!

— Даешь! — ответили эхом десятки голосов».

И Егорка, слушая мамино чтение, тоже кричал про себя — «Даешь!»

Он был там, на коне... Он тоже мчался спасать незнакомого командира. Он не хотел, чтобы раненого человека вытащили из сарая и расстреляли.

* * *

...Но когда же и учиться быть смелым, честным и верным человеком? Когда настает внезапно (а она не настает иначе) пора проверки твоей смелости, и от того, есть она у тебя или нет, зависит, спасешь ли ты человека и спасешься ли сам, — тогда учиться, извините, поздно. Это уже тот самый момент, когда становится вдруг ясно — выучился ты или нет.

Нет, этому учатся именно в детстве — на примере отца, старших друзей и еще по книжкам! И лучше всего это делать, пока еще не пошел ты в школу и не надо каждый-каждый день учить уроки. Пока еще весь огромный день целиком принадлежит тебе — и ты можешь быть наедине с героями увлекательной книжки сколько тебе влезет. И представлять себя на месте каждого из храбрых героев. И думать — поступил бы ты так же на его месте? Струсил бы или не струсил? Спас бы ты жизнь командиру Сергееву, как Жиган? Или провалил бы все дело, загробил людей и себя?..

А если кто скажет тебе: «Да не слушай ты эту чушь! Это вона когда было! Тебе это не понадобится! Никакой такой “проверки” моральных качеств у тебя лично никогда не будет! А будешь спокойно жить, зарабатывать деньги и попивать по вечерам пивко», — ты ему не верь!

Будет, будет в жизни такая проверка. За всех девочек — не ручаюсь. А у мальчиков — *будет у всех*. И от того, как

ты поступишь в тот момент, будет зависеть дальнейшая твоя жизнь.

Будешь ли ты ворочаться без сна ночами и, может быть, даже глотать слезы, скрывая их от жены и детей. И изнывать от презрения к самому себе. Уговаривать себя: «Да ничего особенного, один я, что ли? Все так делают». Но не помогут здесь самоуговоры.

Или, наоборот, поступишь так, что зауважаешь себя. И будешь гордо, со знанием дела объяснять маленькому сыну, что означает поговорка, так нравившаяся Пушкину, — «Береги честь смолоду».

14. МАЙН РИД

О Майн Риде Егор скорей всего узнал раньше, чем стал читать его книги. Узнал из Чехова — как многие в России. Потому что рассказ Чехова «Мальчики» читают (имею в виду те семьи, где вообще — *читают*) обычно раньше, чем романы Майн Рида. Начало этого рассказа так и помнится с самого детства: «Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе. — Володичка приехали! — завопила Наталья, вбегая в столовую. — Ах, Боже мой!».

Второклассник-гимназист привез домой на зимние каникулы товарища. И тот глубоко поражает своим поведением Володиных сестер:

«Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Неловко было молчать. Он сурово кашлянул, потер правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

— Вы читали Майн Рида?

— Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?»

(Тогда малознакомые мальчики и девочки из приличных семей обращались друг к другу на вы.)

Но Чечевицын, погруженный в свои мысли, Кате не отвечает.

«Он еще раз поднял глаза на Катю и сказал:

— Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

— А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

— Господин Чечевицын.

— Нет. Я Монтигомо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых».

Господин Чечевицын потому грустно улыбается, что он-то знает, кто он, а девочки не знают. Его жребий брошен — он со своим однокашником, второклассником Володей (тогда в гимназию поступали обычно в девять лет — после подготовительного класса, так что друзьям примерно по 10—11 лет), в ближайшие дни бежит в Америку. У них «уже все готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег».

...Но вот открыта и книжка Майн Рида «Затерянные в океане». Конечно, про приключения в море! Море — то самое, которое плещется здесь, в Гаване, прямо под их балконом, — вообще интересует Егора больше всего.

Через много лет он напишет, что все детские годы, и даже еще в десять лет, он «буквально бредил морем и был убежден, что мне уготована морская служба, судьба флотского офицера. Интереснее этого, считал я, нет ничего на свете».

Книжка начинается так:

«Ширококрылый морской коршун, режущий над просторами Атлантического океана, вдруг замер, всматриваясь во что-то внизу. Внимание его привлек маленький плот, размером не больше обеденного стола. Два небольших корабельных бруса, две широкие доски с несколькими небрежно брошенными на них полотнищами парусины да две-три доски поуже, связанные крест-накрест, — вот и весь плот.

И на таком гиблом суденышке ютятся двое людей: мужчина и юноша лет шестнадцати. Юноша, видимо, спит, растянувшись на куске мятой парусины. А мужчина стоит и, прикрыв глаза от солнца ладонью, напряженно всматривается в безбрежные дали океана.

У ног его валяется гандшпуг...»

Кого не удивишь редким морским термином, это Егора: по большей части все ему знакомо. Только спросите, и он сразу ответит, что гандшпуг, или аншпуг — это рычаг для передвижения тяжестей на корабле. Ему помогает память — если он узнает что-то новое, то запоминает с одного раза навсегда. Ну и потом — ведь он будет моряком, как папа. Так что он должен знать про море *все*.

Егорка жадно читает роман. Ему интересно все — и как люди с корабля, потерпевшего крушение, стремятся спастись, и мир тех, кто населяет океанские воды. А кто лучше Майн Рида расскажет об обитателях морских глубин?

«Стайку долгоперов, поднявшихся в воздух, по ошибке легко принять за белокрылых птиц. Но сверкающий — особенно на солнце — блеск чешуи говорит о том, что перед нами рыбы.

Какое это очаровательное зрелище! ...Сколько раз долгие часы скуки, томящие пассажира корабля, когда он сидит на корме, неустанно глядя на бесконечное водное пространство, сразу сменялись веселым оживлением при виде стайки летучих рыб, внезапно, сверкая серебром, поднявшихся из глубин океана!»

«Еще бы! — бормочет себе под нос Егор. — Я тоже бы оживился... Сидишь на палубе — и вдруг летит стая рыб!» Да еще, оказывается, существуют разные их виды — например, летучки. «...Выскакивая из воды, летучки пролетают до ста метров...» — ничего себе! — «...и опускаются на воду. Нужно сказать, что летают они тяжеломерно». Ага, тяжеломерно!.. Сто метров над водой!

А рыба-долгопер, спасаясь от преследователя, «мчится в воде, изо всех сил работая хвостом. Вот она поднялась к самой поверхности, высунула из воды голову... Мгновение — и сильный толчок — удар хвостом выбрасывает рыбу из воды.

О силе толчка можно судить по тому, что рыба поднимается на четыре, пять и даже шесть метров над водой. И она летит сто, полтораста и даже более метров».

Читая, Егор напряживает мышцы, старается повторить силу толчка — и сам чуть не вылетает со стула на стол.

«Против ветра летучая рыба летит дальше, чем по ветру».

Вот это понять невозможно. Как это? По каким же физическим законам?.. Но одно Егор знает твердо — он хочет только так! Чтобы *против ветра* — быстрее и дольше, чем *по ветру*!

Он читает не отрываясь, вливается в каждую страницу. Матрос и пятнадцатилетний подросток должны погибнуть в безбрежном океане от голода и жажды — ведь у них нет ни капли пресной воды! ...Но вот и еще одна парочка — с того же потонувшего парохода. Это африканец, которого зовут Снежок; он был невольником, потом стал свободным. Мама объяснила Егору, что эпоха Майн Рида — эпоха, когда из Африки в Америку еще возят людей, которых насильно сделали рабами. И вот этот Снежок сумел спасти восьмилетнюю девочку, которую ему поручили отвезти в Америку. И теперь он с маленькой девочкой на руках посреди океана: «на нескольких деревянных обломках, без еды, без капли питьевой воды. Ужасное положение, от которого самый мужественный человек может впасть в полное отчаяние!»

И дальше — слова, которые заставляют Егора остановиться: «*Но Снежок не знал, что значит отчаиваться*».

Не знал, да и все тут! Это неплохо, думает Егор, просто не знать, что такое отчаяние, страх...

Егорка хочет быть именно таким человеком! Не подавлять в себе эти очень плохие, недостойные мужчины чувства (ему, например, если быть честным, не раз приходилось это делать), а вообще их не знать!

...И тут пошли приключения за приключениями. Маленькую Лали смыло в океан. За ней кинулся матрос. Но плот уносило течением быстрее, чем он плыл со своей ношей. А тут за ними стала охотиться акула! Тогда в воду кинулся Снежок.

Вот почему ловцы жемчуга, которые всё это знают, не боятся встречи с акулой! Они просто носят в петле на поясе особую такую палку, называют ее «эстака» — «заостренная с обеих сторон и для крепости обожженная в огне». И как только хищник на них бросается: «...ловцы, дождавшись, когда тот проделает свое водное сальто, выгнувшись брюхом наружу, и откроет огромную пасть, ловко суют эстаку в пасть хищника, и ему остается только убраться восвояси с разинутой пастью или же закрыть ее, себе на погибель... Молот-рыба — свирепый хищник, и ее боятся больше, чем какую-либо другую акулу. Несомненно, однако, этот страх наполовину вызывается ее внешностью».

Вот эти-то слова и есть самые главные! У Егора горели щеки от напряжения и волнения. Нет, акуле не удастся напугать его своей свирепой внешностью! Недаром говорится: предупрежден — значит вооружен.

Как же важно все это запомнить!

Егорка, конечно, читает немного иначе, чем многие его сверстники. Он хочет что-то извлечь из каждой книжки и запомнить насовсем.

Ведь вот, например, когда ты окажешься в воде лицом к лицу с рыбой-молот, то книжки-то под рукой у тебя не будет! Надо заранее наизусть знать, как именно действовать, чтобы спасти себя, но главное — других! Тех, за кого ты отвечаешь. А в том, что ему непременно придется за кого-то отвечать, у Егорки нет никаких сомнений с самого раннего детства.

Сейчас было ясно, что срочно нужна эстака. Хотя о жемчуге поблизости он не слышал, но акула может встретиться в любой момент. Нужно просить маму прийти к трусикам такие специальные ножны. А пока надо, не откладывая, тренироваться — работать над просовыванием эстаки в акулюю пасть. Здесь нужна прежде всего *резкость* — это понятно.

И Егор, оставив на время книгу, начинает делать резкие выпады перед зеркалом, пока что зажав в руке столовый нож.

15. КОМАНДА ТИМУРА

Когда Егор читал «Тимура и его команду» — мучительно мечтал, чтоб у него была такая команда. И чтобы они все вместе делали что-то самое важное. Для разных людей. А еще лучше — для всей страны. Но это, наверно, очень трудно. Егорка вздыхал. Даже, наверно, совсем невозможно.

Он читал — и, конечно, еще и представления не имел о том, насколько необычной, смелой была книга его деда в те дни, когда она писалась. Книжка призывала всех людей доверять и верить друг другу. А страна жила в страхе. Плакаты и газеты призывали не верить никому на свете. Не только незнакомой девочке, случайно оказавшейся в твоём доме (помните записку Тимура Жене? «Девочка, когда будешь уходить, захлопни покрепче дверь»), но отцу, матери, брату, другу...

У маленького Тимура Гайдара (будущего отца Егора) арестовали мать (будущую Егоркину любимую бабу Лию) и отчима. И Тимур обязан был поверить, что они — «враги народа»!..

Одна школьница 1937 года вспоминает о том, как в тот год страна была заражена «всеобщей подозрительностью». Например, в рисунках на обложках школьных тетрадей мы, школьники, выискивали какие-то тайные знаки и надписи, которые якобы могли нанести «враги народа». Слова «Ленин» и «Сталин» не разрешалось писать с переносом. В 1937 году в журнале «Пионер» напечатали пионерскую игру «Тайна белой ромашки», суть которой заключалась в том, что всем ребятам пишутся письма такого содержания: «Если ты не трус и хочешь узнать тайну белой ромашки...». Нужно по определенным знакам идти к определенному месту, где лежала такая же записка, направляющая, куда идти дальше. Все это заканчивалось адресом школы, где прибывшему вручалась конфета «Белая ромашка» и начинались игры и танцы. Мы ухватились за эту идею и решили организовать игру, назвав ее «Тайна черной смородины». Конфет «Белая ромашка»

мы в магазине не нашли, купили “Черную смородину”. Печатными буквами, чтоб не узнали по почерку (нас было трое ребят), мы написали всем одноклассникам, оставшимся летом в городе, такие письма, послали их по почте, определили маршруты, показали их стрелками на заборах, в день встречи купили конфет “Черная смородина” и пошли в школу, чтобы встречать там наших ребят. И вот по дороге в школу нас задержал мужчина, который представился как сотрудник НКВД и привел нас в комендатуру НКВД, где мы и просидели с полдня. Видимо, пока проверяли наши личности. Оказалось, что все написанные нами письма изъяты по почте, и мы оказались в комендатуре...» Ее рассказ записал историк В. Бердинских; участникам происшествия было по 14 лет — столько же, сколько Тимуру, герою повести Аркадия Гайдара.

Еще одно воспоминание о второй половине 30-х, о тогдашней атмосфере: «С 1934 года, то есть с тех пор как прошла первая чистка партии, люди стали удаляться друг от друга. Если раньше наша семья состояла из 12—13 человек и никогда не бывало ссор, то сейчас не уживаются даже отец с сыном. Мне кажется, что этот разлад порожден сталинской политикой. Стали подозревать друг друга, не могли говорить открыто, все было засекречено с верхов до низов». Историк В. А. Бердинских выпустил в 1994 году в городе Кирове такую книжку — «Россия и русские: Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев». Составлена она из записанных автором — при помощи его студентов — свидетельств участников нашей отечественной истории.

Все было впереди. Егор мечтал о свершениях. О том, как он все-таки сумеет вдруг помочь своей стране — не обязательно во время войны (войны пусть лучше все-таки не будет). А в какие-нибудь другие самые страшные ее минуты, когда никто-никто, кроме Егорки, не сможет родине помочь...

16. И ЕЩЕ МАЙН РИД

Наконец-то дошли руки до еще одной книжки Майн Рида. Он до нее давно добирался, да все дела, дела... Дел, если честно, каждый день полно — просто дохнуть некогда.

Жалко, что Егорке почти ничего неизвестно про жизнь такого замечательного писателя. А он когда читает — всегда-всегда не только запоминает фамилию автора книжки (даже лучшие его друзья понять не могут: зачем это про книжку еще что-то запоминать, кроме названия на обложке?), но и любит что-то про него узнать. Какое у него было детство и когда, например, он решил стать писателем? Или еще — где брал темы для своих книжек?

...Скажем по секрету, что в советское время, то есть время Егоркиного детства и юности, ни в каких книжках — боже упаси! — не писали о таких биографических фактах, которые — мы совершенно точно знаем — были бы интересны Егору в самом нежном (как выражались раньше про детские годы) возрасте.

А факты эти таковы: когда Майн Риду стукнуло 30 с лишним лет, он влюбился — с первого взгляда! — в 13-летнюю Элизабет Хайд... А когда ей исполнилось 15 лет — женился на ней... Почему-то это им разрешили. (Имейте в виду — это не значит, что я кого-то из вас призываю последовать примеру этой барышни!) И они прожили в любви и согласии 35 лет — до его смерти. А потом, через много лет после смерти мужа, Элизабет, не перестававшая о нем горевать, написала и издала биографию Майн Рида. И эта книжка уже больше ста лет остается самым добросовестным источником для тех, кто хочет узнать о его жизни и работе.

А книжка, до которой дошли наконец руки Егора, называлась «Всадник без головы».

С первых же строк — нечто страшное и таинственное...

«Техасский олень, дремавший в тиши ночной саванны, вздрагивает, услышав топот лошадиных копыт.

...Снова доносится топот копыт, но теперь он звучит иначе. Можно различить звон металла, удар стали о камень.

Этот звук, такой тревожный для оленя, вызывает быструю перемену в его поведении».

Егору не надо объяснять, в чем дело, — он вообще быстро соображает и поэтому сразу же понимает: олень слышит звук *подков!* Недалеко — лошадь. А значит — человек. То есть скорее всего охотник с ружьем, несущим смерть.

«...Он стремительно вскакивает и мчится по прерии... В ясном лунном свете южной ночи олень узнает злейшего своего врага — человека. Человек приближается верхом на лошади.

Охваченный инстинктивным страхом, олень готов уже снова бежать; но что-то в облике всадника — что-то неестественное — приковывает его к месту.

Дрожа, он почти садится на задние ноги, поворачивает назад голову и продолжает смотреть — в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

...Может быть, оленя испугал всадник? Да, это он пугает и заставляет недоумевать — в его облике есть что-то уродливое, жуткое.

Силы небесные! У всадника нет головы!

Это очевидно даже для неразумного животного. Еще с минутой смотрит олень растерянными глазами, как бы сясь понять: что это за невиданное чудовище? Но вот, охваченный ужасом, олень снова бежит. ...Не обращая внимания на убегающего в испуге оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь».

На его плечах — широкий мексиканский плащ, который называется серапе.

«Защищенный от ночной сырости и от тропических ливней, он едет вперед, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним...»

С первой же страницы Егор так впился в книгу, что забывает дышать. Он мучительно пытается додуматься, угадать, что это за явление — *всадник без головы?* Ведь это не сказка. Значит, такой страшный всадник на самом деле скачет по американской степи, покрытой высокой сочной травой, — саванне?..

«Впереди, до самого горизонта, простираются безграничные просторы саванны. На небесной лазури вырисовывается силуэт загадочной фигуры, похожей на поврежденную статую кентавра; он постепенно удаляется, пока совсем не исчезает в таинственных сумерках лунного света...»

...А почти под конец этой очень-очень увлекательной книжки (Егор почти ничего не мог делать, пока не дочитал) больного, лежащего без сознания человека судят судом Линча и хотят тут же повесить!

Егорка читал, а сам потихоньку, чтоб никто не видел — не слышал, плакал.

Он плакал от обиды. Ему было обидно от такой ужасной несправедливости. Раньше он не знал, что такое бывает.

...Вот, оказывается, как у них, у взрослых!.. Все, решительно все могут поверить, что человек — виноват, когда он совсем не виноват! И так сильно поверить, что даже захотеть его убить...

Просто потому, что кто-то умеет очень здорово убеждать! Егоркин папа как-то говорил, что это называется — *владеть демагогическими приемами*. И Егорка, как всегда, с одного раза запомнил и это выражение, и его смысл.

Значит, одними только ловкими словами, притворно-возмущенной интонацией можно так заморочить целую толпу, что она готова будет убить невинного человека? То есть — уверить всех, что он-то и есть главный виноватый?..

Нет, у них, у мальчишек такого быть не может!

Вот, например, когда хоть пять, хоть десять человек готовы кому-то как следует наподдать, а он вовсе не виноват, — обязательно подбежит кто-то и крикнет:

— Вы что, пацаны? Это не он совсем, а Толян!

Даже если тут же все бросят Сережку и побегут искать Толяна, то все равно запал не тот будет. Ну наподдадут, может быть, Толяну, когда найдут. Но больше так, для острастки — чтоб в другой раз неповадно было.

...И уже даже расхотелось взрослеть.

Но дальше в книжке пошло лучше.

Некоторые все-таки не верят, что именно этот человек — убийца. И они требуют доказательств у того, кто больше всех настаивает на казни.

«— Есть они у вас, мистер Кассий Колхаун? — спрашивает из толпы чей-то голос с сильным ирландским акцентом.

— ...Видит бог, — (издание советское, поэтому Бог там пишется с маленькой буквы, и Егор, как все почти советские дети и большинство взрослых, вовсе не знает, что его положено писать с большой буквы — как имя собственное. — М. Ч.), — доказательств больше чем достаточно. Даже защитники из его собственных глупых соотечественников...

— Возьмите свои слова обратно! — кричит тот же голос. — Помните, мистер Колхаун, вы в Техасе, а не на Миссисипи! Запомните это, или ваш язык не доведет вас до добра!

— Я вовсе не хотел кого-нибудь оскорбить, — говорит Колхаун, стараясь выйти из неприятного положения, в которое попал из-за своей антипатии к ирландцам».

Егорка вообще читает быстро, но в непонятных местах — притормаживает. Непонятно. Он правда не понимает — как можно испытывать *антипатию* к целой нации, живущей на земле? Ведь Земля — общая!

Слово «антипатия» он, конечно, давно знает: посмотрел в Толковом словаре, где *толкуются* все слова. Антипатия значит — неприязнь. Это когда кто-то кому-то сильно не нравится. Ну, несимпатичен.

Вообще-то так в жизни бывает, и ничего тут не поделаешь. Вот Егору не симпатичен, даже, пожалуй, *анти-па-тичен* один человек — после того, как топил котенка.

Но как может быть антипатична целая нация? Не может же быть, чтобы *все до одного* ирландцы делали что-то точно плохое?

...Через много лет, когда Егорка давно уже был Егором Тимуровичем, замечательно умный и еще очень остроумный — а это не так часто соединяется в одном человеке —

Михаил Жванецкий (вскоре они познакомятся и очень понравятся друг другу) написал рассказ «Этнические конфликты» — вот как раз про это.

«Чувство национального выбора тонкая вещь. Почему комары не вызывают отвращения, а тараканы вызывают? Хотя комары налетают, пьют самое дорогое, а тараканы просто противные. Противные, отвратные, и всё.

Куда бы они ни побежали, откуда бы ни выбежали, все с криком за ними. А комары... Хорошо, чтобы не было. Но если есть, ну пусть, ну что делать, в обществе все должны быть. Кроме тараканов, конечно.

Тигров любим, шакалов нет. Хотя тигр подкрадется, набросится, разорвет... А шакал? Кто слышал, чтоб кого-то разорвал шакал? За что мы его ненавидим? Противный. Да. А тот красавец полосатый — убийца, это доказано. И еще на территорию претендует. Ничего, пусть будет среди нас. А шакалов гнать».

«Где логика?» — вопрошает всех Жванецкий. Резонно, правильно, по делу вопрошает.

И продолжает спрашивать — очень даже, как говорится, в тему:

«Шакал разве виноват? В своем обществе он разве противный? Он такой, как все. Это когда он попадает в другое общество, там он кажется противным».

Ах, какие же умные, точные суждения!..

«...Но если мама смотрит на себя в зеркало или на своих детей, разве они ей кажутся противными, как нам? Или она себе в молодости казалась ужасной? С горбом, клыками, какая есть на самом деле. Да нет. Нормальная».

А вот и о том, как *другие* (хотя бы и шакалы) смотрят на нас самих:

«Им тоже противно, что мы торчим вертикально, шерсть носим только на голове. А вместо клыков протезы. И подкрасться толком ни к кому не можем. А падаль едим так же, как они, и еще ее варим для чего-то. А очки? А животы? Мы очень противные в обществе шакалов. Я уж не говорю о том, что разговор не сумеем поддержать».

И под конец — вывод:

«У всех есть и нежность, и любовь, и страдания.

Так что в национальном вопросе нужно быть очень осторожным».

...Вообще книжка «Всадник без головы» была что надо. Егорка не хотел, чтоб она кончалась. Некоторые страницы он потихоньку читал вслух, на разные голоса.

«Так вот, мисс Луиза, когда старик Стумп спускает курок, пуля редко летит мимо цели. Я знал, что попал в этого прохвоста. Стрелять-то пришлось издалека, и пуля была уже на излете, но я знал, что она его зацепила. Я видел, как он дернулся, и подумал: “Если только в той шкуре не пробито дыры, то я готов поменяться с нею своей”».

Когда никто не видел, Егор надевал свою военную форму, становился перед большим зеркалом, клал руку на рукоять кортика и произносил с выражением попеременно две фразы — он не мог выбрать, какая ему нравилась больше: «Помните, мистер Колхаун, вы в Техасе, а не на Миссисипи!» Или: «...когда старик Стумп спускает курок, пуля редко летит мимо цели!»

И еще ему очень нравилось вот это:

«...Он ехал за Кассием Колхауном, не стараясь держать его в поле своего зрения.

Зачем? Покрытая росой трава была для старого следопыта чистым листом, а следы серого мустанга шрифтом, таким же четким, как строки напечатанной книги.

И он легко читал эти строки, когда его лошадь бежала рысью и даже галопом».

17. О ЗАВИСТИ

Егорка точно не был завистливым.

...Знаете таких ребят, которые всем завидуют? Такие бывают. Хотя и редко. Такой до тех пор не успокоится, пока ваш новый DVD-проигрыватель (которого у него самого нет и не предвидится, потому что его родители посчитали это ненужным и дорогим баловством) не сломается! Да так, что ремонту не подлежит!.. Знаете таких ребят? Ну, если вы таких не знаете, тогда мы сами вам завидуем!

Так вот, Егор никогда никому не завидовал. И не потому вовсе, что родители ему в основном всегда покупали то небольшое, что он хотел иметь. Не поэтому. Ведь завистливый-то человек *всегда* найдет чему завидовать. Потому что обязательно у кого-то окажется что-нибудь такое, чего нет у вас! Обязательно!

Нет, Егорке, можем мы сказать, повезло. Он просто *не знал* этого темного, мрачного чувства — зависти.

Ему только предстояло это узнать. Очень-очень нескоро — через 30—40 лет. Но зато в такой мере, что он так до конца и не поверит, что это на самом деле возможно.

Он останется при детском убеждении, что зависть — это такое мимолетное, быстро проходящее чувство. Например, когда было ему четыре или пять лет, еще в Москве, увидел он во дворе мальчика на самокате новой модели. Тот прямо летел по тротуару, отчаянно отталкиваясь от него одной ногой. Увидел — и подумал: «Здорово! Вот бы мне такой!» Ну и что? Ну и всё. К вечеру прошло, как насморк. Даже просить у отца не стал.

Ему так и не узнать, что зависть, с которой человек вовремя не справился, может разрастись во всепоглощающее, слепящее чувство. И оно уже само начинает управлять человеком. И может толкать его на ужасные, позорные поступки.

Егор — как всякий по-настоящему талантливый человек (а именно эти люди и не дают спокойно спать завистникам) — так никогда и не сумеет поверить, что это недостойное чувство может стать для кого-то *содержанием жизни*. И даже в конце концов может потеснить вполне доброкачественную собственную профессиональную работу.

Заставить писать и писать статьи с одной-единственной целью — обличить и разоблачить бывшего коллегу. Убедить, наконец, всех и каждого, доказать всему свету, что — нет! Нет! Неправда! Слава того, другого человека — не заслужена! Тот ничего особенного не сделал! Он ничем не талантливее, не лучше, а наоборот, хуже, хуже меня! Меня, который пишет сейчас эту продиктованную завистью статью о том, удачливом, и разносит его в пух и прах...

Ничего этого Егорка не знает и не представляет себе — ни в детстве, ни в юности, ни в зрелые годы. Правда, когда он будет учиться в 10-м классе, их несравненная учительница литературы Ирина Данииловна, не обращая внимания на школьную программу и не боясь никого (а тогда, в так называемые «брежневские» годы, очень даже можно было бояться так называемых *неприятностей*), будет читать с ними «Мастера и Маргариту» Булгакова. И там Егор наткнется на блестящее изображение Завистника.

Михаил Булгаков знал в этом толк. Он сам рано столкнулся с завистью. Дело в том, что «Дни Турбиных» — поставленная знаменитым МХАТом пьеса никому неведомого автора — принесла ему ошеломительную славу.

Это вызвало злобное изумление знакомых литераторов, не понимавших, что появился литератор поталантливее их. И Булгаков «перенес» эту их реакцию в «Записки покойника».

В афише Независимого театра, изображенного в романе, пьеса главного героя Максудова значится в одном списке с Эсхилом, Софоклом, Шекспиром и Александром Николаевичем Островским. И вот его приятель-литератор стоит перед афишей, читает славные имена. И доходит до знакомого имени начинающего драматурга...

«Вдруг Ликоспастов стал бледен и как-то сразу постарел. На лице его выразился неподдельный ужас.

...Ликоспастов повернулся к Агапёнову и сказал:

— Нет, вы видели, Егор Нилыч? Что ж это такое? — он тоскливо огляделся. — Да они с ума сошли!

Ветер сдул конец фразы.

Доносились ключья то агапёновского баса, то ликоспастовского тенора.

— ...Да откуда он взялся?.. Да я же его и открыл... Тот самый... Гу... гу... гу... Жуткий тип...»

Ликоспастов приходит к молодому автору домой, тот начинает перед ним оправдываться:

«— Да ведь не я же сочинял афишу? Разве я виноват, что у них в репертуаре Софокл и Лопе де Вега...»

И тот уже не в силах сдерживаться, почти открыто выплескивает свою зависть:

«— Ты все-таки не Софокл, — злобно ухмыльнувшись, сказал Ликоспастов, — я, брат, двадцать пять лет пишу, — продолжал он, — однако вот в Софоклы не попал, — он вздохнул.

Я почувствовал, что мне нечего говорить в ответ Ликоспастову. Нечего! Сказать так: “Не попал, потому что ты писал плохо, а я хорошо!” Можно ли так сказать, я вас спрашиваю? Можно?»

А в романе «Мастер и Маргарита» изображение зависти доведено до высшей точки — дальше уже некуда. Вспомним роман.

Поэт Рюхин отвозит в психиатрическую больницу своего собрата по литературному цеху Ивана Бездомного. Тот, что называется, свихнулся, встретив на Патриарших прудах не более и не менее, как самого Сатану — Воланда. Но в то, что он встретился именно с Сатаной, конечно, никто не верит.

Рюхин с трудом доставил его в клинику — и еще ему приходится выслушать там от Ивана очень неприятные вещи.

Во-первых, Иван назвал его «балбес и бездарность Сашка». Ну ладно, это можно еще было списать на болезнь и помрачение сознания. Но Иван еще призвал врачей взглянуть на Сашкино «постное лицо» и сличить «с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу!» Подразумевается — к Первому мая. Советские поэты считали за честь написать к этому празднику новые стихи, прославляющие советскую власть. И чтобы эти стихи напечатали на первой странице газеты «Правда»...

И вот негодяйский Иван цитировал новые первомайские стихи Рюхина, глумясь над ними и над ним самим!

«Взвейтесь!» да “развейтесь!”... а вы загляните к нему внутрь — что он там думает... вы ахнете! — и Иван Николаевич зловеще рассмеялся».

Тут многие советские читатели могли вспомнить неплохую, хотя и очень советскую песню на слова известно-

го в 20-е и 30-е годы XX века «комсомольского поэта» (так их тогда называли):

Взвейтесь кострами, синие ночи,
Мы — пионеры, дети рабочих!
Близится эра светлых годов,
Клич пионеров — всегда будь готов!

И вот теперь несчастный, гадко обозванный Иваном, Рюхин едет на рассвете домой из загородной больницы — на том же грузовике, на котором вез Ивана. И мучается мыслью о том, что *«никогда слава не придет к тому, кто сочиняет дурные стихи»*.

В этом неожиданном порыве честности перед самим собой Рюхин задает себе вопрос: «Отчего они дурны?» И честно себе же отвечает: «Не верю я ни во что из того, что пишу!» То есть то, в чем и обвинял его негодяй Иван, когда у него сорвало тормоза. Получается, обвинял справедливо...

И тут-то у Рюхина, можно сказать, начинается настоящий припадок зависти.

«Отравленный взрывом неврастении, поэт покачнулся, пол под ним перестал трястись. Рюхин поднял голову и увидел, что он давно уже в Москве и, более того, что над Москвой рассвет, что облако подсвечено золотом, что грузовик его стоит, застрявши в колонне других машин у поворота на бульвар, и что близехонько от него стоит на постаменте металлический человек, чуть наклонив голову, и безразлично смотрит на бульвар».

Это — знаменитый памятник Пушкину, созданный скульптором Опекушиным. Когда Булгаков писал свой роман, памятник стоял еще в начале Тверского бульвара — то есть на том месте, где и был поставлен в 1881 году (деньги на него собирала вся Россия). На открытии выступали Достоевский и Тургенев. А потом Бог знает зачем памятник перетащили на другую сторону Тверской, где вы его и видите сегодня. И, уверена, кладете при случае цветы.

Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту. «Вот пример настоящей удачливости... — Тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку

поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека. — Какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: “Буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся. — Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

Вот до чего может дойти человек, не обуздывающий свои темные чувства! До зависти к Пушкину!

От таких темных чувств, повторим, был очень и очень далек Егор Гайдар. И в шестилетнем возрасте в незабываемом городе Гавана, и в более поздние годы.

Но вот героям некоторых книжек он в свои шесть, а также, не скроем, и в девять лет точно завидовал.

Егорка очень, ну очень, просто ужас до чего хотел, например, чтобы *следы серого мустанга* на покрытой росой траве были и для него *четкими строками книги*...

И еще он хотел быть похожим на некоторых героев книг Аркадия Гайдара.

18. ЕЩЕ ОБ АРКАДИИ ГАЙДАРЕ

Дома никто не принуждал его читать эти книги. Никто не говорил: «Что ж ты не читаешь — это твой дедушка написал!» Он любил книжки обоих дедушек без понуканий, сам по себе.

Это ведь очень хорошие книги. Во-первых, интересные. Во-вторых, там есть с кого брать пример. Егорка не сомневался к тому же, что все до одного герои этих книг существовали на самом деле. А некоторые даже явно были похожи на его отца.

...Когда Егорка давно уже стал Егором Тимуровичем, он так написал о своем деде Аркадии Гайдаре (тот родился в 1904 году):

«Сыну школьного учителя из Арзамаса было 13 лет, когда развалился царский режим в России и наступило жестокое и смутное время.

В разодранной надвое России логика жизни, происхождение толкнули его на сторону красных. Он крепко поверил в то, что коммунистическая идея — светлое будущее человечества. В 14 лет он ушел воевать, в 14 лет был впервые ранен. Через шесть лет, тяжело больной, контуженный, в чине командира полка уволен из Красной Армии».

Какое бы будущее не выбирал себе Егорка — это ранняя зрелость родного деда не могла не воздействовать на его жизнь. Она и подталкивала впоследствии — и тоже рано на чей-то взгляд! — к серьезным поступкам.

«Звучит очень романтично — в 17 лет командовал полком. Но при этом надо понимать, что такое гражданская война, какая страшная судьба, какая огромная тяжесть за всем этим стоит, сколько убитых тобой или по твоему приказу — пусть даже во имя дела, которое тебе кажется правым, — твоих же соотечественников. Отец вспоминал, что дед всегда отказывался рассказывать что-либо о гражданской войне» (Е. Гайдар, 1996).

Это очень важные и точно найденные слова. Как рассказывать про то, как ты убивал своих? И не только в бою, но взятых в плен, безоружных...

Сегодня в России многие вполне взрослые люди уже не понимают, что Гражданская, то есть братоубийственная война — прежде всего страшная трагедия. У человека вменяемого (невменяемых тоже всегда и везде достаточно) не могли не наступить рано или поздно отрезвление и ужас от всего того, что он делал (и не мог не делать, вот в чем суть!) на такой войне. Хоть и был на стороне тех, кто, как они сами думали, сражался за правое дело и в конце концов победил.

Именно после победы воспоминание обо всем этом становится трудным делом. Даже если человек до поры до времени и не сознает, что победители принесли горе своему народу.

«Пожалуй, больше всего из его книг люблю “Школу”. А когда совсем недавно впервые посетил его родной Арзамас, понял и полюбил еще больше» (Е. Гайдар, 1996).

Большая, в немалой степени автобиографическая, повесть Аркадия Гайдара «Школа» (1930) начинается так: «Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами...»

Книга отвечала рано проявившемуся научному складу Егоркиного ума — в ней логически последовательно (что нимало не мешает художественности) выстроена вся история прихода Бориса Горикова к большевикам. Прототипом же Горикова, повторим, во многом послужил сам автор повести — Голиков, он же Гайдар, он же Егоркин дед.

Уже в этой книжке показана и непереносимость для нормального человеческого сознания убийства людей своей же страны, и стремление подавить в себе эту непереносимость — ради *идеи*:

«Я увидел захваченного гайдамака, позади него трех товарищей и Чубука.

“Куда это они идут?” — подумал я, оглядывая хмурого растрепанного пленника.

— Стой! — скомандовал Чубук, и все остановились.

Взглянув на белого и на Чубука, я понял, зачем сюда привели пленного; с трудом отдирая ноги, побежал в сторону и остановился, крепко ухватившись за ствол березы.

Позади коротко и деловито прозвучал залп.

— Мальчик, — сказал мне Чубук строго и в то же время с оттенком легкого сожаления, — если ты думаешь, что война — это вроде игры или прогулки по красивым местам, то лучше уходи обратно домой! Белый — это есть белый, и нет между нами и ними никакой средней линии. Они нас стреляют — и мы их жалеть не будем!

Я поднял на него покрасневшие глаза и сказал ему тихо, но твердо:

— Я не пойду домой, Чубук, это просто от неожиданности. А я красный, я сам шел воевать... — тут я запнулся и тихо, как бы извиняясь, добавил: — за светлое царство социализма».

В повести был поразительный, юной талантливой рукой написанный конец. Конец этот тоже автобиографичен — автор повести сам получил тяжелое ранение в 16 лет.

«Навстречу пулеметам и батареям, под картечью, по колено в снегу двинулся наш рассыпанный и окровавленный отряд для последнего, решающего удара. В тот момент, когда передовые части уже врывались в предмете, пуля ударила мне в правый бок.

Я пошатнулся и сел на мягкий истоптанный снег. “Это ничего, — подумал я, — это ничего. Раз я в сознании — значит, не убит. Раз не убит — значит, выживу”.

Пехотинцы черными точками мелькали где-то далеко впереди.

“Это ничего, — подумал я, придерживаясь рукой за куст и прислоняя к ветвям голову. — Скоро придут санитары и заберут меня”.

...Струйки теплой крови просачивались через гимнастерку. “А что, если санитары не придут, и я умру?” — подумал я, закрывая глаза.

Большая черная галка села на грязный снег и мелкими шажками зачастила к куче лошадиного навоза, валявшегося неподалеку от меня. Но вдруг галка настороженно повернула голову, искоса посмотрела на меня и, взмахнув крыльями, отлетела прочь.

Галки не боятся мертвых. Когда я умру от потери крови, она прилетит и сядет, не пугаясь, рядом.

Голова слабела и тихо, точно укоризненно, покачивалась...»

Аркадий Гайдар не раз описывал ощущения тяжелораненого героя-мальчика. Это — и в «Судьбе барабанщика» тоже:

«Но, даже падая, я не переставал слышать все тот же звук, чистый и ясный, который не смогли заглушить ни внезапно загремевшие по саду выстрелы, ни тяжелый удар разорвавшейся неподалеку бомбы».

И у Егорки сладко и горестно замирало сердце, когда читал дальше — после особого просвета на странице — строки, почему-то заставлявшие вспомнить начало «Слова о полку Игореве»: его читала ему мама.

«Гром пошел по небу, а тучи, как птицы, с криком неслись против ветра. И в сорок рядов встали солдаты, защищая штыками тело барабанщика...»

— Поймите же! — хотелось крикнуть Егорке. Крикнуть неизвестно кому... — Он упал — и сразу в сорок рядов встали те, кто готовы были его защищать!.. Вот как! Так и должно быть, только так!

У Егорки начинало щипать глаза и выступали слезы, когда он читал и перечитывал эту страницу. Хорошо, что никто не видел! Ведь всем было известно, что он никогда не плачет — с самого детства.

Он мечтал стать таким же храбрым, как маленький барабанщик и как герой «Судьбы барабанщика». Ну а если не удастся — ну, тогда... Тогда он хотел бы встать в эти сорок рядов и защищать их обоих!

(...Он еще не знает, что этих сорока рядов, готовых защищать правое дело, может и вовсе не оказаться в паличии — и как раз тогда, когда они будут очень и очень нужны.)

«...Гром пошел по небу, и тучи, как птицы, с криком неслись против ветра. А могучий ветер, тот, что всегда гнул деревья и гнал волны, не мог прорваться через окно и освежить голову и горло метавшегося в бреду человека. И тогда, как из тумана, кто-то властно командовал: “Принесите льду! (Много-много, целую большую плавучую льдину!) Распахните окна! (Широко-широко, так, чтобы совсем не осталось ни стен, ни душевой крыши!) Быстро приготовьте шприц! Теперь спокойней!..”

Гром стих. Тучи стали. И ветер прорвался, наконец, к задыхавшемуся горлу...»

19. 1963—1964. ПЕРВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ГОД. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Письма из Гаваны в Москву

12 октября. Мама Егора — его бабушке.

«...В школе Егором довольны. У него есть чувство ответственности и упорства — это самое главное. Значит, будут и знания.

...Не волнуйтесь. До Гаваны ураган “Флора” не донес. Наибольший ущерб потерпела самая плодородная провинция — Ориенте».

27 октября. Отец Егора — его бабушке, своей маме.

«...Был в Камагуэе и Ориенте. Видел много людского горя.

Егор учится. Приходит перемазанный чернилами до ушей. Считает в уме быстрее Риды, да и меня тоже.

Желает быть морским пограничником. Не слабо!»

Ноябрь.

«Егор хороший парень. Справедливый, умный. Если иногда трусит, то всеми силами старается свою трусость побороть. Он хорошо учится и даже по письму приносит пятерки, хотя, видит бог, предки не дали ему к этому задатков».

27 ноября. Мама Егора — его бабушке.

«...Вся жизнь Егора теперь подчинена школе. Много дополнительных обязательств — то нужно клеить метр, то рисовать для выставки, то учить стихи для монтажа и еще английский. А теперь его выбрали командиром звездочки, так уж теперь от ответственности просто некуда деваться!

В плавании и испанском у Егора большие успехи. Если раньше на вопросы кубинцев он пожимал плечами и говорил “no comprendo”, то теперь сам первый заговаривает».

27 декабря 1963. Тимур Гайдар — матери в Москву.

«...Егор вытянулся и окреп. Плавает совсем хорошо. Неплохо стреляет из лука».

А в каникулы Тимур Гайдар предпринял путешествие с сыном по Кубе. И потом, *26 февраля 1964 года, писал матери:*

«Егор показал себя в дальней дороге хорошим товарищем. Выдержан, смел, трудолюбив и весел. С ним можно идти далеко и долго».

Март 1964-го. Письмо Егора бабушке и няне.

«...Я приезжаю, как только кончится учеба, первым же возможным рейсом! Приезжайте встречать. Тетя Шура,

пожалуйста, состряпайте котлеты и заготовьте побольше яиц. Я уж состарился на целый год, мне уж скоро 8 лет через пять дней. Очень бы хотел, чтобы вы прилетели сюда, хотя бы на этот день. Собираемся пригласить много гостей и маленьких и взрослых. Будем с мамой стряпать беляши и картошку, а папа привезет нам мороженое. Мы обнаружили такое место, где есть вкусное мороженое, правда, не такое вкусное, как в Советском Союзе, но все-таки ничего.

Скоро у меня каникулы, говорят, 21 отпустят. В каникулы буду много купаться, отдыхать. Может быть, поедem в Роэ Бэрмехо. Только не сможем поехать в Индийскую деревню — это далеко, а для нашей машины нужен только хороший бензин.

Мы во время путешествия побывали в городе Сантьяго. Это столица провинции Ориенте, второй по величине город. Он расположен на очень красивом месте. Там очень хороший отель “Версаль” и пресный бассейн около него. Плавать там приятно глотай воду сколько хочешь, не то что в море. Мы съездили на гору Гран Пьедро. Мама все время боялась и говорила, что это сумасшествие: ехать на такую высоту и так поздно. Ну как вы считаете 1300 метров от земли? Там на самой верхушке расположен бар. В общем можно было подумать, что мы съездили попить соку, но оказалось, что нет. Там очень красивые виды и прямо по тебе проходят облака. Потом пустились в обратный путь. Обратнo ехали в два раза быстрее. Ну какие же оттуда виды великолепные! Особенно когда мы спустились метров на триста и открылся вид на Сантьяго, бухту и море. Сантьяго очень похож на “старую Гавану”. Такие же там улочки.

Баба Лия! Я скоро приеду. Поедем с тобой в Дунино и будем купаться в Москве-реке. Целую. Егор».

Апрель 1964. Письмо мамы Егора его бабушке.

«...У нас с Егором возникли серьезные разногласия по поводу дороги домой. Я предлагаю самолет, он — корабль. И никаких компромиссных решений не существует. Вначале я совершенно категорически отвергла корабль. Те-

перь, вследствие разъяснительной работы, которую ежедневно ведет “среди меня” Егор, я начинаю потихоньку сдавать позиции. А он всякий раз спрашивает: — Сколько процентов в мою пользу?

Сначала был 1%. Теперь дело дошло до 30%. Может быть, и сдамся! Во всяком случае, кораблем ли, самолетом ли, не позже июня мы будем в Москве... Весьма вероятно, что 20 мая...

Иногда нам становится очень жалко Тимура. Сначала ему будет трудно привыкнуть к большой и пустой квартире...»

Май 1964. Письмо Тимура Гайдара матери.

«Мамук, родной! ...У нас в полном разгаре сборы. Пакуются вещи. Рида и Егор отплывают из Гаваны 18—19 мая на большом новом судне “Федор Полетаев”, который делает свой первый рейс. Это не пассажирский корабль. Но он лучше всех пассажирских. У них будет красивая просторная палата, кондиционер. У судна очень хороший ход. “Федор Полетаев” придет, по-видимому, в Одессу. Или в другой черноморский порт. Пока что неясно.

Таким образом, сбывается давняя мечта Егора Гайдара переплыть океан. Кроме того, они увидят голубое Средиземное море, равно которому нет на свете, пройдут Гибралтарским проливом, увидят берега Испании, Алжира, Сицилии, Греции, пройдут через узкий и красивый Босфор. Им можно слать телеграммы: “Одесса, Море, танкер «Федор Полетаев»”.

Я остаюсь на Кубе месяца на два-три. Потом тоже в Москву и, по-видимому, на этом “кубинский период” для меня закончится. Много не сделано, многое сделано не так, как нужно. Но теперь уже мало что можно исправить».

Это — первые сигналы разочарования Тимура Гайдара в послереволюционной Кубе, отнюдь не ставшей Островом Свободы.

20. КАК ЕГОРКА ПЛЫЛ С МАМОЙ ИЗ ГАВАНЫ ЧЕРЕЗ ВСЮ АТЛАНТИКУ

Телеграмма Тимура Гайдара матери в Москву: «Рида Егор отплыли Гаваны 20 мая на танкере “Федор Полетаев” придут Одессу примерно пятого июня...»

Из рукописи книги Ариадны Павловны Бажовой-Гайдар: «Уходили мы из Гаваны поздно вечером. Вот уже все провожающие покинули палубу, мы отдали концы, и наш красавец танкер тронулся в дальний путь... Памятник Хосе Марти прощально помигал нам своими верхними предупредительными огнями. ...А танкер идет все дальше. Вот уже проплыли “Гаван Либро”, здание Фокса, наш дом, наш бывший дом. Ведь мы, очевидно, уезжаем из Гаваны навсегда... Куба стала частью нас самих, нашей жизни. Гавана вошла в нее большим и важным куском.

Вот уже и скрылся факел нефтеперегонного завода, факел — символ пылающего острова... Танкер вышел во Флоридский пролив. Можно было подождать немного, не ложиться спать и посмотреть на огни Майями, мы должны были проходить близко от берегов Флориды. Но нам с Егором это казалось предательством по отношению к Кубе. Нам не хотелось заслонить память о Гаванских огнях другими, вражескими огнями. Поэтому мы отправились спать и не видели, как над нами кружили самолеты-разведчики, как нас сопровождали подводные лодки. Мы спали и видели во сне Гавану. Разница только в том, что я видела Гавану мирную, а Егор — военную. Идут будто бы по улицам танки. В первом стоит Рауль Кастро, а во втором — Егор, и вокруг стрельба, батареи бьют, а громче всех та, которая совсем близко возле нашего дома. Вражеские самолеты падают, корабли тонут, а из-под воды вдруг выныривает подводная лодка, и на ней стоит Егоркин папа и говорит:

— Спи, Егор, спокойно. С Кубой ничего не случится. Видишь, сколько людей вышло на ее защиту?

Егорка смотрит в ту сторону, куда показывает отец, и видит бесконечное море голов...»

Итак, восьмилетний Егор, мечтающий стать моряком, пустился в плавание через Атлантику... И не на пассажирскому судне, а на танкере, где ни одного бездельника-пассажира, где все при деле, а пассажиров только двое — он да мама. Мог ли он в этой ситуации остаться на правах пассажира и упустить единственный в своем роде шанс?!

«Утром началась для нас новая, корабельная жизнь. Егор получил должность на корабле. Его назначили капитанским впередсмотрящим. И теперь он занят с утра до вечера. У него есть даже персональный бинокль и много друзей. Он встает в 6 утра и сообщает мне:

— Я ухожу со старшим механиком в машинное отделение. Будь готова к завтраку, я за тобой зайду.

После завтрака он говорит:

— Я иду с капитаном на мостик. Приду к обеду.

И так весь день.

К вечеру он едва доносит ноги до кровати и засыпает, еще не успев положить голову на подушку. Хорошо, что есть еще адмиральский час!

Идем мы с Кубы не на обычном пассажирском корабле, а на новом замечательном красавце танкере... Судно отвезло на Кубу нефть и теперь возвращается в Одессу.

Танкер построен в Италии в генуэзской судостроительной верфи “Ансальдо” и спущен на воду совсем недавно. Он совершает свой первый рейс.

...Вот уже десятый день мы идем по водам Атлантики — 57 членов экипажа и два пассажира, Егор и я. Ничего, кроме неба и моря, моря и неба. То и другое временами начинает стремительно сближаться. Тогда все предметы теряют свою устойчивость и ползут в разных направлениях. За это время нам повстречались лишь четыре судна, да на траверзе Азорских островов я видела четырех чаек. Скоро Гибралтар, там станет интересней, а у Егора прибавится работы — встречных кораблей будет много.

Кажется, Егор уже делал на судне все! Стоял с капитаном на мостике, вел корабль, отдежурил как-то две вахты подряд, прокладывал курс, был диктором судового радио, чистил “медяшку”, лазал в машину, принимал участие во всех концертах, писал в стенную газету.

Только сейчас я услышала по судовому радио серьезный и чуть взволнованный голос Егора:

— Внимание! Сегодня день технической учебы. Палубной и машинной командам собраться по своим местам... Повторяю...

В прошлую среду, возвратившись после очередного занятия, он стремительно бросился к шкафу и вытащил всю нашу обувь.

— Эти туфли надевать нельзя, — сказал он. — У них железные каблуки.

И потом долго возился, пытаясь при помощи ножа сковырнуть со своих туфель железные подковки.

Я поняла — занятие было посвящено пожарам. Пожар на танкере может возникнуть очень легко.

— Но ведь мы сейчас идем без нефти, — попыталась я остановить его бурную деятельность.

— А газы? Ты разве не знаешь, что это такое?

Я не знала. И Егор объяснил мне все, что он узнал на занятиях. Мне это тоже было полезно и интересно.

Теперь Егор с нетерпением ждет, когда будет учеба: “человек за бортом”. Тогда, может быть, даже спустят на воду замечательные, закрытые бронированные шлюпки, которые, как в сказке, и в воде не тонут, и в огне не горят.

Теперь он меня тренирует на знание команды и судовой роли каждого.

— Я ухожу со вторым штурманом, — говорит Егор.

— Подожди, какой это второй штурман?..

— Ма-м-м-а! — гневно восклицает Егор. — Я тебе уже сто раз показывал и говорил... Он несет вахту с 12 до четырех часов дня.

В столовой за обедом он меня спрашивает:

— Мама, кто вошел?

— Второй штурман, — отвечаю я без запинки. — Он несет вахту с 12 до четырех...

Так постепенно я тоже все усвоила. Только никак не могла запомнить трудное название “донкерман”. Это тот, кто заведует насосами, и, по словам Егора, это очень важная должность. Но к концу пути я и с этим справилась...»

Так плыли они 19 суток.

И оказались наконец в поезде Одесса—Москва.

А из Москвы Егоркина мама торопилась в Свердловск — к своей маме и старшему сыну Никите Бажову, сдававшему в то лето выпускные экзамены...

21. 1964—1965. СНОВА МОСКВА. СПОРЫ О ХОЗРАСЧЕТЕ

Письма Тимура Гайдара

15 июня 1964 года в письме к жене, только что добравшейся до Москвы (выделяю курсивом фразы, на которые нужно обратить особое внимание): «...На Кубе установилась какая-то нехорошая тишина. Это не тишина угрозы, не “затишье перед бурей”. Это тишина паузы, остановки. Все замедлилось, затормозилось. Ничего не предпринимается, не решается, ничего не происходит. Но самолет, сбавив скорость, начинает терять высоту. С революциями происходит то же самое».

В июле 1964-го он напишет жене уже в Свердловск: «...А я не могу работать. Что-то сломалось внутри. Раздражение захлестывает. Простые слова никак не складываются в простые фразы. Я не вижу положительных процессов развития. У меня ощущение, что все стоит на месте, а значит, пятится назад. Мысль о простейшей информационной заметке вызывает в душе ужас.

Народ разъезжается...

...Без вас, без работы, без друзей, с ощущением долга перед редакцией, по которому я не в состоянии платить, чувствую себя запертым в мышеловке. Захлопнутым.

...И растет во мне чувство, что между нами лежат не только тысячи километров, но и десятки, сотни лет, что я отстал от людей, попал в другую эпоху и никакими самолетами это расстояние не перекроешь. Как у отца: “Все прошло. Лишь горят пожарища, слышны грохоты взрывов вдали. Все ушли от Гайдара товарищи. Дальше, дальше вперед ушли...”

...Ругаю себя сам и за то, что так поверил редакции, и за то, что впервые поддался на удочку майямской пропаганды».

Что значит — «попал в другую эпоху»?

Вот что. Он уехал из своей страны на пике Оттепели (1954—1962). Я пишу это слово с большой буквы — как название короткой, но важной, имевшей отдаленные последствия эпохи (сравним — Реставрация во Франции и проч.).

Главным ее двигателем стал доклад первого секретаря ЦК КПСС Хрущева на XX съезде партии в 1956 году. Открылись самые настоящие, как в страшных сказках про Людоеда или Синюю Бороду, злодейства Сталина.

Из личных воспоминаний. Я была на втором курсе, когда наш филологический факультет в несколько приемов собирали в самой большой аудитории «старого» МГУ на Моховой — Коммунистической — для прослушивания текста доклада. Секретарь партбюро факультета объявил суровым тоном:

—...Будет оглашен документ ЦК КПСС. Обсуждению не подлежит!

И по всей нашей студенческой массе прокатился недовольный шумок: «У-у-у-у...»

...Только через несколько лет я поняла, что это и стало чертой нового, послесталинского времени — при Сталине скорей всего никто не решился бы обнаружить своего недовольства.

Я вошла в аудиторию одним человеком — а через три с лишним часа вышла другим. В глубинах моего сознания пылала такая фраза: «Никогда!.. Никогда больше я не пойду за идеей, которая требует миллионов убитых!..»

Казалось, что покончено навсегда не только с его злодействами, но и вообще с атмосферой сталинской эпохи.

Весь дружеский круг Тимура Гайдара, шире — вся московская интеллигентская среда охвачена надеждами на обновление страны, на смягчение режима.

Это настроение скоро станет важной частью семейной атмосферы, в которой идет жизнь подрастающего Егора.

Летом 1963 года Гайдары в отпуске в Москве. И все трое читают опубликованный прошлой осенью «Один

день Ивана Денисовича». Повесть нового, неведомого автора, рязанского учителя математики Солженицына о советских лагерях. Верней, о том, какой значительной и притом усиленно скрываемой от всех частью советской жизни были сталинские лагеря, покрывавшие огромные пространства страны.

Повесть напечатана в «Новом мире», всем доступном журнале, — и ее читают, не веря своим привычным к слепой машинописи Самиздата глазам!

Казалось — в жизни страны наступил перелом...

На Кубе — по истечении двух первых лет, окрашенных эмоцией победителей, — Тимур Гайдар оказался отброшенным в СССР до Оттепели. Выделенные нами строки в его письме говорят об оценке ситуации — на Кубе строят тот самый социализм, который давно не удовлетворяет близкую Тимуру Гайдару московскую интеллигентскую среду.

Его настроение усугублялось тем, что он остался в Гаване один, без семьи. Только потому, что в Майами — центре кубинской эмиграции — очень активно говорилось о близящемся вторжении на Кубу. И Тимур Гайдар попался на эту «удочку» и решил отправить своих в Москву от греха подальше: и ему, и его жене хватило Карибского кризиса...

К тому же он поверил обещаниям своей редакции, что ему скоро пришлют замену и можно будет вернуться наконец в Москву: в мае он пишет матери, что он здесь — только на месяца два-три...

А дома набирало силу лето. То самое российское лето, о котором сказано Пушкиным:

Ах, наше северное лето —
Карикатура южных зим!

После палящего или душно-влажного кубинского климата его близкие отдыхали.

Егор жил у бабушки Валентины Александровны в любимом им бажовском доме, в котором было четыре печки. Там огород, большой сад. «Я углублялся в этот сад, получал бездну удовольствия», — вспомнит Егор много лет спустя.

А осенью 1964 года он пошел в школу — теперь уже московскую.

Интервью «Газете», 2003 год:

«— *А одноклассники как к вам относились?*

— Вы знаете, кто твой дед, интересно первые три недели, а дальше возникают нормальные мальчишеские взаимоотношения. Кому какое дело, у кого какой дед. Интересно, кто сколько подтягивается, отжимается, кто кому может в морду дать и кто как в шахматы играет.

— *Вы в детстве дрались?*

— Нет, я был спокойный молодой человек. ... Довольно сильный, занимался плаванием, немножко боксом и карате, что избавляло меня от необходимости быть агрессивным. Чего мне задираться? Это же идиотизм. У меня были со всеми нормальные отношения.

— *Вы всегда были очень правильным ребенком?»*

Он рассказывал про одну «страшную, просто немыслимую провинность», совершенную им в восемь лет.

«Перед нами поставили задачу сбора макулатуры. Я с большим октябрятским энтузиазмом принял за решение этой задачи, мы ходили нашим звеном по квартирам, собирали макулатуру. Потом я пришел к себе, спросил у нашей домработницы, нет ли у нас ненужных бумаг. Она говорит: «Посмотри, сколько всего тут есть!» Я сдал «ненужные» бумаги, а потом выяснилось, что это был кубинский архив отца...

Мои родители бегали туда, забирали его обратно. Ну, ничего, даже это мне сошло с рук.

— *У вас всегда были домработницы?*

— Нет, конечно, это была последняя. ... Те времена, когда в Москве были еще домработницы, шел поток людей из деревни в город — самое начало 60-х годов. А потом они исчезли. И все хозяйство вела моя мама. Хотя никогда не была домохозяйкой, она профессор-историк...

22. КРУГ ОТЦОВСКИХ ДРУЗЕЙ

...Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров...

Максимилиан Волошин

Когда устаю, начинаю жалеть я
О том, что рожден и живу в лихолетье.
Что годы потрачены на постиженьье
Того, что должно быть
Понятно с рожденья.
А если б со мной не случилось такое,
Я мог бы, наверно, постигнуть другое,
Что более важно и более ценно...

*Наум Коржавин. По ком
звонит колокол, 1959*

Наконец и отец возвращается с Кубы.

«У нас открытый дом, много гостей, приходят друзья отца: писатели, поэты, журналисты, военные» (*Е. Гайдар, 1996*).

В этом доме часто бывают поэты — Ярослав Смеляков, Давид Самойлов, Юрий Левитанский, Григорий Поженян, писатель Даниил Гранин, журналисты — Егор Яковлев и Лен Карпинский. Это те, кого назовут потом «шестидесятники» (я расскажу о них подробнее в отдельной главе).

Их сближает многое. Они ненавидят Сталина, больше других зная о его страшных преступлениях. У большинства из них на Лубянке и в лагерях погибли родители. Лен Карпинский — единственный сын Вячеслава Карпинского, близкого друга Ленина в швейцарской эмиграции и в последующие годы, редактора газеты «Беднота». (Понятно, что и необычное имя «Лен» — сокращенное «Ленин».) Только много позже друзья узнают, что Лен — не сын его, а усыновленный внук: оба родителя его убиты Сталиным в годы Большого Террора. Таких случаев было несколько — убивая близких, Сталин милостиво позволял большевикам с дореволюционным стажем не отда-

вать внуков в детдом (у «простых» дедушек и бабушек их отбирали насильно).

Ярослав Смеляков сам побывал в сталинских лагерях трижды — до войны и после.

...Один из близко знавших Лена Карпинского, философ и просто замечательный мыслитель Александр Пятигорский, в одном из последних интервью дает яркий очерк его личности. Он называет его «агрессивно порядочным» человеком. «Это был человек, который совершенно со слезами и с горечью переживал упадок советского строя, являющийся следствием морального упадка России».

Вообще все «шестидесятники» продолжают верить, что Октябрь 1917 года — правильное дело. Просто Сталин испортил, замазал кровью ленинские хорошие идеи.

Они не могут отвернуться от этих идей — ведь им искренне преданы были их отцы, погибшие мученической смертью. Доклад Хрущева на XX съезде вернул доброе имя их отцам и социальный статус им самим — многие получили достаточно высокие партийные должности и надеялись, что эти должности станут рычагами в обновлении страны...

Все они верят, что *революция* — это вообще хорошо. Но *в частности*... В каждом конкретном случае... Тут, как говорится, возникают вопросы.

Вот поэтому у Тимура Гайдара — сложные, не однолинейные воспоминания о Кубе.

В 1967 году отец Егора пишет небольшую книгу: «Из Гаваны по телефону» — о своей корреспондентской работе на Кубе.

В начале книги — первые сведения и впечатления: «Моя первая встреча с Кубой состоялась 11 апреля 1961 года под вечер... Очень много красивых девушек и женщин. Матово-белые, чуть смугловатые, смуглые, коричневые лица. Прически сложны и законченны. Одеты или в затянутые с большим вырезом платья, или в форму: зеленые брюки, голубые с погончиками рубашки и на широком брезентовом простроченном поясе в открытой кобуре пистолет».

Под самый конец книги появляются знаки давно усложнившегося его отношения к кубинской революции.

«Поначалу на Кубе все мне кажется довольно простым. Все прорисовано жестко, контрастно, как на схеме. Друзья и враги. Достижения и неудачи...»

Осторожно подыскивает корреспондент «Правды» «проходные» (способные пройти цензуру) слова о Кубе, прибегает к полунамёкам. Подчеркну: в эти годы публичное отношение к Острову Свободы советской власти (про внутрикабинетное, внутриаппаратное не говорим) не допускает полутонов и недоговоренностей — только патетические, восторженные слова. Так что уверена — Тимур Гайдар считал, что ему удалось передать свои сомнения относительно кубинского эксперимента — хотя на сегодняшний взгляд они практически неразличимы в его осторожных формулировках. Это и был язык времени — скованный подцензурный язык.

«В этой жесткости есть своя логика, своя правда.

Пройдет немало времени, произойдет множество событий. Ошибаясь и участь на ошибках, Куба будет нащупывать пути развития своей экономики. Минуют тревожные дни карибского кризиса. Прощумит над островом циклон “Флора”... Я буду влюблен в Кубу, потом начну огорчаться и даже раздражаться».

Правда, ни слова о том, на что именно раздражаться, — это раздражение замечал и семилетний Егор, но не мог понимать; об этом писал Тимур Гайдар в 1964 году жене — нет *«положительных процессов развития. У меня ощущение, что все стоит на месте, а значит пятится назад...»*.

Важны последние страницы книги, нескрываемо самокритичные.

«Перечитывая оригиналы своих гаванских корреспонденций, я вдруг с грустным удивлением обнаружил, что не одна, не две, а целых три заканчиваются одинаковой фразой, сообщающей, что сейчас поет вся Куба.

...Я выложил все корреспонденции на стол, целый ворох бумаги, и перечитал с надеждой, что из этого соста-

вится книга. Мне стало грустно. Лишившись злободневности, они потеряли право на жизнь. Одни показались выспренними, другие — поверхностными. Почти из каждой выпирали ненужные эпитеты: Гавана — “солнечная”, солнце — “палящее”, решимость — “непреклонная”, отпор — “решительный”».

Вот это уже — теплее, теплее... Здесь уже речь пошла о привычной советской риторике, о советизмах («решительный отпор» империалистам — это уж точно советизм, то есть фрагмент советского публичного языка).

«Конечно, во многом была виновата спешка...

Но дело не только в спешке. Болезнь эпитетов поражает почти каждого приехавшего на Кубу журналиста. Здесь все так ярко, броско, красочно. И солнце здесь в самом деле палящее. И Гавана взаправду солнечная. И решимость, без сомнения, непреклонная.

В этой атмосфере невольно начинаешь декламировать, а не говорить. ...Конечно, я не отказываюсь от своих корреспонденций. Я писал так, как видел, как понимал, как чувствовал. Но пусть они останутся в подшивке.

...Вот почему 1 мая 1961 года заканчивается эта книга».

* * *

Осенью 1964 года сотоварищи Хрущева по власти, воспользовавшись тем, что он в отпуске на юге и не сможет организовать себе поддержку, сняли его с поста Первого секретаря ЦК КПСС. В Москву из отпуска Хрущев прилетел уже пенсионером.

Естественно, публично ничего не объяснили. Но дело было главным образом в том, что Хрущев, рассказав на XX съезде о злодействах Сталина и неправосудных расстрелах известнейших людей (этот переломный в нашей истории доклад он делал как раз в те дни, когда родился на свет Егорка), собирался копать дальше...

Это никому из стоявших у власти не улыбалось. Они знали, что в преступлениях сталинских лет замешаны все, кто обладал в те годы хотя бы маленькой властью

(был, например, секретарем районного комитета правящей партии). Не в последнюю очередь и сам Хрущев. Но он явно решил в те годы по-русски рвануть рубаху на груди — не пощадить и себя...

А вокруг него в тот момент больше оказалось таких, кто не хотели ни разоблачений, ни покаяний. Они хотели — как в русских сказках — жить-поживать да добра наживать. И это у них очень хорошо получалось.

С презрением относятся шестидесятники к ставшему после Хрущева во главе партии и страны, ничем себя до этого не прославившему Брежневу.

Однако — «объявлена косыгинская экономическая реформа. Отец и гости ее приветствуют, она, по их словам, дает надежду на лучшее. Никто не ставит под сомнение социализм, речь идет о сталинских деформациях и их исправлении. Постепенно кое-что из сказанного начинаю понимать» (Е. Гайдар, 1996).

Егору девять с половиной лет.

* * *

...Дома вновь шелестят листы папиросной бумаги: мама и папа читают Солженицына. С началом брежневской эпохи его печатание остановлено («Один день Ивана Денисовича», попавший в печать, необъявленно признан ошибкой Хрущева). Пущены в Самиздат оставшиеся неопубликованными в советской печати романы «Раковый корпус», «В круге первом», «Август Четырнадцатого». Эти сочинения горячо обсуждаются друзьями Тимура. Все они — члены правящей партии, хотя все время конфликтуют с ее руководителями. Они верят, что можно многое улучшить, что можно построить в их стране «правильный» социализм.

«Мне разрешают оставаться в комнате, слушать взрослый разговор, но ни в коем случае в него не вступать. Бурные споры о хозрасчете, рынке, рыночном социализме, необходимости экономических реформ, политических свобод» (Е. Гайдар, 1996).

Что касается *хозрасчета* — как раз за два с лишним года до этих споров за столом у Тимура Гайдара, 1 марта 1963 года, начал свой эксперимент Иван Худенко.

До этого он был крупным финансовым работником в ранге замминистра. Но оставил комфортабельный кабинет и отправился в степи Казахстана — тогда это одна из республик СССР. Там хотел он провести в совхозах свой эксперимент.

План его очень простой: ввести систему *полного хозрасчета* (самоокупаемости) и хозяйственной самостоятельности. А зарплату платить так — не за выход на работу (сколько дней выходил — за столько получил), а за *результат*.

И результаты, само собой, не замедлили сказаться. Потому что незачем придумывать велосипед, когда на нем весь мир давно разъезжает по ухоженным дорогам. Так работать выгодней — и всем это (кроме нас) давно было известно.

Вместо отделений и бригад Худенко организовал 17 звеньев. Управленческий аппарат он сократил со 132-х человек до... *двух*: управляющий (он же главный агроном) и экономист-бухгалтер.

А вообще работников раньше было 830. Теперь вместо них стало 67 механизаторов, и точка.

На девяти токах до него работало (на обмолоте зерна) 500—600 человек. Худенко сделал три механизированных тока, их обслуживали 12 человек.

За год (1963-й) производство зерна выросло почти в три раза, производительность труда — *в 20 раз*...

Для страны, которая как раз в те самые годы начала не вывозить, а — на смех курам — *ввозить зерно*, это был поразительный результат.

Почему — «на смех курам»? Да потому что до революции 1917 года Россия считалась главной житницей мира! Она, конечно, *вывозила* свое зерно! И кормила хлебом полмира... А в 1963-м стали *ввозить*. Причем тайно. Конечно, тайно только от своих сограждан — потому что

свободные СМИ во всем мире и не думали об этом молчать! И ввозили *до самого конца советской власти...*

Один из занимавшихся ввозом зерна непосредственно, рассказывая мне об этом уже в годы Перестройки, все время употреблял слово «экспорт», то есть *вывоз, продажа за границу*. Наконец я решила осторожно спросить — почему он говорит «экспорт», ведь речь идет об «импорте», то есть *ввозе, покупке* нашей страной зерна за границей?..

Мой собеседник воскликнул:

— Ох, это я по привычке!.. У нас вместо «импорт» предписано было говорить «экспорт». И таблички на кабинетах висели: «Начальник отдела *экспорта*».

...Себестоимость зерна у Худенко уменьшилась в четыре раза. Прибыль на одного работника выросла в семь раз. А зарплата — в четыре раза.

Он доказал с цифрами в руках, что введение его системы позволит увеличить объем сельскохозяйственного производства — в четыре раза, а число работников, занятых в сельском хозяйстве СССР, — уменьшить с *тридцати миллионов до четырех!* Как, собственно, во всем мире.

О том, что стало дальше с этим замечательным человеком, едва ли не первым попытавшимся менять социалистическую экономику в одном конкретном хозяйстве, мы узнаем, когда дойдем до более взрослых лет жизни Егора.

23. 1966. ЮГОСЛАВИЯ. ДУНИНО. СВЕРДЛОВСК.

«НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫТЬ ДУРНЕМ»

...Когда-то была такая страна — Югославия. Сегодня ее уже нет. На ее месте много стран — Сербия, Хорватия, Черногория, Босния и Герцеговина, Словения, Македония...

В тот год, когда редактор газеты «Правда» отправил туда Тимура Гайдара корреспондентом, это: «поразитель-

но интересное по тем временам место. Югославия — единственная страна с социалистической рыночной экономикой. В 65-м здесь существенно демократизирован политический режим, идут экономические реформы, вводится рабочее самоуправление. Страна поражает невиданным по советским масштабам богатством магазинов, открытостью общественных дискуссий, публичным обсуждением проблем, которое совершенно немыслимо у нас» (Е. Гайдар, 1996).

Понятно, что именно там в сознании десятилетнего Егорки совершается скачок: «Впервые начинаю внимательно следить за экономическими новостями, вникать в те проблемы, с которыми столкнулись югославские реформы».

Югославия — шахматная страна. А в жизни Егора шахматы занимают важное место.

«...Жизнь в этой стране предоставила мне возможность лично познакомиться с ведущими шахматистами того времени. В доме у нас бывали Спасский, Петросян, Смыслов, Бронштейн, Тайманов, Таль».

В доме Тимура Гайдара они между собой играют блиц. «Смотреть на их игру было восхитительно!» — признается Егор Гайдар много лет спустя. Суэтин и Тайманов удастаивают десятилетнего мальчишку шахматными партиями. И сам он играет в шахматы в составе юношеской команды общества «Рад».

Кто только не останавливался в этом гостеприимном доме! Две недели жил Вениамин Александрович Каверин — автор любимых с детства «Двух капитанов». И все привязались к этому обаятельному человеку.

А что любит в эти годы подросток Егор?

«...Тогда я еще буквально бредил морем и был убежден, что мне уготована морская служба, судьба флотского офицера. Интереснее этого, считал я, нет ничего на свете» (Е. Гайдар, 1996).

А еще Егор любит цифры.

Впоследствии он вспоминал, что есть такой феномен — юношеская гиперпамять.

«Это необычно развитая память в юношеском возрасте. Что-то подобное было у Павла Петровича [Бажова]. Сегодня вижу эту особенность у моего младшего сына. Павлу абсолютно безразлично, что запоминать: номера телефонов в телефонной книге, таблицу умножения или сводку урожайности зерновых, оказавшуюся на моем столе. Видимо, это же было и у меня. Я довольно быстро заметил, что не составляет труда запомнить содержание просмотренного статистического ежегодника Югославии или случайно попавшегося учебника. На редкость удобное свойство для учебы в школе и институте. Потом, когда к двадцати годам эта способность начинает ослабевать, чувствуешь себя как без рук, будто в компьютере отказала оперативная память.

Отец, которому по наследству от деда досталась некоторая финансовая безалаберность, всегда тяготился отчетностью и бухгалтерией. Заметив, как легко мне дается все, что связано с цифрами, он повесил на меня, десятилетнего мальчишку, составление ежемесячного финансового отчета корпункта. Не исключено, что и это повлияло в какой-то степени на мой выбор будущей профессии» (Е. Гайдар, 1996).

Что касается дедушки Павла Бажова — ему было одиннадцать лет, когда учитель дал ему из своей домашней библиотеки том Пушкина из собрания сочинений. И пошутил:

— Когда выучишь первый том — приходи за вторым.
Павел и выучил.

Хотя, как справедливо пишет Ариадна Павловна Бажова-Гайдар в своей книге «Глазами дочери»: «начинался первый том произведениями, не очень понятными заводскому парнишке».

Когда приехал в Сысерть из Екатеринбурга известный просветитель, «ему рассказали о способном мальчишке из рабочей семьи, который “всего Пушкина на зубок знает”». И тот помог мальчишке поступить в Екатеринбургское духовное училище.

...А летом, на школьные каникулы, Егора отправляют на родину — либо к одной бабушке, в Свердловск, в дом

деда, Павла Петровича Бажова, либо к другой бабушке — Лии Лазаревне, под Звенигород, в прославленную писателем Михаилом Пришвиным деревню Дунино.

— Летом 1965 года Егор десять дней был в Свердловске, — рассказывает его мама. — Сажал цветы, поливал клумбы, копал землю, белил стволы яблонь — и все это с огромным удовольствием. Не отходил от Никиты. Разница в возрасте — десять лет, к Никите приходили друзья, и для Егорушки была огромная радость, когда в этой компании его принимали как равного...

Никите — 19 лет, а Егору — 9. Понятно, как лестно крутиться в компании старшего брата!..

«В бажовском доме в Свердловске все дышало уютом, видно было, что здесь жила большая дружная семья. Теперь семья разъехалась, остались лишь двое — бабушка и мой любимый старший брат Никита, которому контрабандой от родителей поставляю кубинские сигареты. В жизни мне пришлось сменить несчетное количество квартир, но, пожалуй, самое глубокое чувство *дома* навсегда осталось от маленького деревянного строения на улице Чапаева, окруженного садом, который посадил мой дед» (Е. Гайдар, 1996).

Кстати о цифрах. Заглянув в энциклопедический словарь конца позапрошлого века — знаменитый «Брокгауз и Эфрон», — в статье о городе своих дедушки, бабушки, мамы и старшего брата Егор мог с удовольствием прочитать: «Екатеринбург принадлежит к лучшим и многолюднейшим уездным городам России». Но интересней другое. В конце статьи сказано: «Доходы и расходы земства составляют около 400 тыс. рублей; из них расходуется на земскую администрацию около 30 тыс., на народное образование 88 тыс., на врачебные нужды около 82 тыс. рублей»...

Вот оно — то, что потом назовут *прозрачностью* государственных расходов. И чего уже в помине нет в той заменившей Россию стране под названием СССР, в которой шло детство и отрочество Егора Гайдара. (И чего — если забежать далеко вперед — не удалось добиться и в той России, которая в начале 90-х годов XX века вновь верну-

лась на карту мира. В той, в которой живем сегодня мы с вами...)

...В Дунине — весело. Полно ровесников-друзей. Летом 1966 года Егору 10 лет.

И каждое следующее лето — в 10, и в 11, и в 12 лет — несравнимо больше всех в этой летней веселой компании его интересует девочка Маша «с огромными загадочными глазами».

Что там, за этими глазами?.. Они вроде бы друзья... Но одно Егорке, во всяком случае, ясно: сам он интересуется Машу... примерно так, наверно, как фокусник в цирке. Ему можно, как с юмором опишет он сам много лет спустя, «задать самый неожиданный вопрос и получить точный ответ, ну, скажем, об урожае риса в Китае в 1965 году или о производстве стали в Люксембурге в 1967 году».

Маша стесняется славы отца и скрывает свои родственные связи. Только года через три их дружбы Егор с изумлением узнает, что Маша — дочь одного из самых любимых его писателей: Аркадия Стругацкого. Популярнее братьев Стругацких в те годы писателей, пожалуй, и нет.

Вскоре появится легенда, что на самом деле они — инопланетяне, заброшенные в нашу цивилизацию... Как раз то самое, что не раз они же сами и изображали.

Из их фантастических книг о нашем мире можно узнать гораздо больше, чем из советских газет и телевидения, где информации о реальных событиях практически нет. Даже о предполагаемом урожае или о реальном количестве собранных осенью зерновых узнать можно только из радиостанций «Голос Америки», Би-би-си или «Немецкая волна». И надо еще иметь время, чтобы пробиваться сквозь рев советских глушилок.

«Смешно, но я действительно точно помню, что я твердо решил разобраться в вопросах экономики и причинах инфляции, прочитав завершающую часть “Обитаемого острова”. Там Странник говорит Максиму:

“Ты понимаешь, что в стране инфляция? Ты вообще понимаешь, что такое инфляция?” Захотелось не быть

дурнем и разобраться. Тогда впервые начал искать специальные книжки по экономике» (Е. Гайдар, 1996).

Море еще не отступило в тень, не растаяло в тумане. Но уже подернулось в его мыслях подозрительной дымкой...

24. ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ И СМУТНЫЕ ЧУВСТВА

Когда в Югославии вспоминались ему Дунино и девочка Маша, неведомо почему приходила на ум читанная в детстве «Хозяйка Медной горы» дедушки Павла Бажова.

Мама говорила, что дедушка не разрешал называть свои сочинения *сказками*:

— Это — сказы.

Он начал записывать их со слов старых горных рабочих еще подростком — на самом «месте действия» этих сказов, в том числе и на Медной горе. Может быть, он сам верил в реальность рассказанных ему историй? Почему бы и нет...

Сильные чувства героев этих сказов еще сильнее, чем в детстве, бередили отроческую душу Егора.

В малахитовой комнате, где стены с алмазами, происходит решающий разговор Хозяйки Медной горы со Степаном — одним из тех, кто «в горе робили».

«— Ты, — говорит, — друг любезный, не вихляйся. Прямо говори, берешь меня замуж али нет? — И сама во все принахмурилась.

Ну, Степан и ответил напрямки:

— Не могу, потому другой обещался.

Молвил так-то и думает: огневается теперь. А она вроде обрадовалась.

— Молодец, — говорит, — Степанушко. ... Не обзарились ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменну девку. — А у парня, верно, невесту-то Настей звали. — Вот, — говорит, — подарочек для твоей невесты, — и подает большую малахитову шкатулку. А там, слышь-ко, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча...

Потом и говорит:

— Ну, прощай, Степан Петрович, смотри — не вспоминай обо мне. — А у самой слезы. Она это руку подставила, а слезы как-кап и на руке зернышками застывают. Полнехонька горсть. — На-ка вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают. Богатый будешь, — и подает ему.

Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая...»

И что же Степан — за свою верность Настеньке? Да, оказывается, — «...счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завел, дом обстроил, все как следует. Жить бы ровно да радоваться, а он невеселый стал и здоровьем хезнул (ослабел). Так на глазах и таял».

Ну и ничего хорошего: нашли потом «на руднике у высокого камня мертвый лежит, ровно улыбается... Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зеленую видели, да такую большую, каких и во все в наших местах не бывало. Сидит будто над покойником, голову подняла, а слезы у ей так и каплют. Как люди ближе подбежали — она на камень, только ее и видели».

Чем-то очень трогали, глубоко задевали Егора эти слова — «*Потому другой обещался...*». Он все повторял их шепотом, будто прислушиваясь к звучащему в них, еще невнятному для него, но уже волнующему голосу Рока. И каменные слезы Хозяйки Медной горы будто прожигали его самого...

Точно так же еще сильнее, чем раньше, задевала — чем-то другим уже, чем в детстве, — попавшаяся под руку и перечитанная заново, от начала и до конца, «Малахитовая шкатулка» — тот сказ, по которому дедушка Бажов назвал всю свою книгу.

Особенно те ее страницы, где оставшаяся после умершего Степана дочь Танюшка потребовала от барина, напращивавшегося в женихи, чтоб сначала отвез ее во дворец и *показал ей царицу...*

Но только в той палате, «которая малахитом тятиной работы обделана».

И когда, надев на себя все украшения из заветной малахитовой шкатулки, оказалась во дворце, — не посмо-

трела даже в ту сторону, где толпился народ, ожидая царицу. А сама «пошла по дворцу-то как дома». И все почему-то двинулись за ней...

«Народу набралось полным-полно, и все глаз с Танюшки не сводят, а она стала к самой малахитовой стенке и ждет... Царица вышла в комнату-то, куда назначено. Глядит — никого нет. Царицыны наушницы и доводят — турчаниновска невеста всех в малахитову палату увела. Царица поворчала, конечно, — что за самовольство! Запотопывала ногами-то. Осердилась, значит, маленько. Приходит царица в палату малахитову. Все ей кланяются, а Танюшка стоит — не шевельнется.

Царица и кричит:

— Ну-ко, показывайте мне эту самовольницу — турчаниновску невесту!

Танюшка это услышала, вовсе брови свела, говорит барину:

— Это еще что придумал! Я велела мне царицу показать, а ты подстроил меня ей показывать. Опять обман! Видеть тебя больше не хочу.

С этим словом прислонилась к стенке малахитовой и растаяла. Только и осталось, что на стенке камни сверкают, как прилипли к тем местам, где голова была, шея, руки...».

25. МОСКВА.

ЛЕТО 1968 — ВТОРЖЕНИЕ В ПРАГУ

«Летом 1968 года я был в Дунино, — вспоминал Егор Гайдар. — По газетам следил за тем, как развиваются события в Чехословакии. Утром 21 августа услышал о письме безымянной группы чехословацкого руководства и об «интернациональной помощи», которую оказывают Чехословакии войска Варшавского договора...»

В то утро торжественным голосом диктора прочитанное по радио сообщение предлагало всем советским гражданам поверить, что непоименованное «руководство» этой страны будто бы просило Советский Союз о военной

помощи, потому что туда вот-вот готовы вторгнуться военные силы ФРГ.

И наши танки на рассвете 21 августа вошли в Прагу...

«Откровенная ложь официальной версии, аморальность происходящего бросались в глаза даже мальчишке, — пишет Гайдар почти тридцать лет спустя. — Что за чушь? Ну какие там войска ФРГ готовятся вторгнуться в Чехословакию? И что это за правда, которую навязывают народу с помощью танков?» (Е. Гайдар, 1996).

То, что было ясно двенадцатилетнему в 1968 году, сегодня его ровесникам — читателям этой книжки — уже непонятно. И требует пояснений.

Многие из вас знают, например, что у чехов — классный хоккей. А про остальное — не очень.

Ну хотя бы: а что это вообще за страна — Чехословакия? На карте ее сейчас нет, есть Чехия и Словакия.

Когда она была?

Какое там было устройство?

Что за события в ней развивались?

Почему и зачем понадобилось нам, то есть тогдашним советским, входить туда на танках?

Тут такая же история, как с Югославией: одна страна распадается на несколько. Только Чехословакия это проделала раньше, чем Югославия, и мирным путем — распалась на две страны, Чехию и Словакию.

Но это произойдет 1 января 1993 года. В 1968 году до этого еще четверть века. Пока же — существует Чехословакия, появившаяся на карте мира после распада Австро-Венгерской империи в результате Первой мировой войны (1914—1918).

А после конца Второй мировой войны (1939—1945) в этой стране, под нажимом страны-победительницы — СССР, возглавляемой Сталиным, установлен был строй, близкий к тоталитарному.

И так во всех странах Центральной Европы — в Польше, Болгарии, Венгрии, Румынии... Все эти страны стали сателлитами Советского Союза (то есть — его приспешниками, исполнителями его воли). Тут то еще надо иметь

в виду, что все эти страны, кроме Польши, участвовали во Второй мировой войне на стороне Гитлера, — и Сталин после Победы добился у союзников права распоряжаться судьбами народов этих побежденных стран.

Лучше всего покажет вам атмосферу в послевоенной Чехословакии — так сказать, изнутри, — первый роман замечательного чешского писателя Милана Кундеры, написанный в 1962 году (сегодня этот писатель у нас широко известен, вышло много его книг). Автор чудом ухитрился отстоять свою книгу в цензуре (такие вещи случались), и ее напечатали как раз в 1967 году, в преддверии «пражской весны» 1968 года: ведь одним из требований инициаторов этой «весны» и была свобода печати.

26. «ШУТКА» КУНДЕРЫ

Самого Кундеру исключили из компартии в 1950 году за «ошибочные взгляды»: так было принято в мире «социализма». (Слово это приходится помещать в кавычки, потому что никакого такого «социализма», описанного Марксом и Энгельсом, нигде так и не получилось; но подробней об этом — позже, в свое время.) В 1956 году, после начала Оттепели, его восстановили. А в 1969—1970 уволили с работы.

Все его книги изымаются из продажи, и он не может больше печататься в своей стране. Кундера вновь исключен из партии — теперь за участие в «пражской весне» 1968 года.

В 1975 году ему разрешили из Чехословакии выехать по приглашению французского университета (до этого он был, как многие и у нас, «невыездным»). А вслед за тем лишили гражданства. И он навсегда поселился во Франции.

Правящая в Чехословакии, как и во всех странах-сателлитах, коммунистическая партия отняла у него не только родину, но и родной язык. Живя постоянно во Франции, он постепенно — можно сказать, вынужденно — стал писать по-французски. И мог бы сказать о себе

словами В. Набокова (который тоже, как известно, оторванный от России и русского читателя, с годами стал писать по-английски): «...Променять на чужое наречье / Все, что есть у меня, — мой язык».

В романе «Шутка» рассказывается про студенческие годы героя — конец 40-х — начало 50-х. Он получает от знакомой девушки Маркеты письмо о ее занятиях на двухнедельных партийных курсах. (Это было нечто вроде «университетов марксизма-ленинизма» в Советском Союзе: туда посылали учиться всякой политграмоте после рабочего дня членов партии — «в порядке партийной дисциплины», то есть отказаться было нельзя.)

Письмо «было таким же, как и она сама: исполненным искреннего согласия со всем, чем она жила. Все ей нравилось: и утренняя пятнадцатиминутная зарядка, и доклады, и дискуссии, и песни, которые там пели; она писала, что у них царит “здоровый дух”, а от усердия добавила еще свои соображения о том, что революция на Западе не заставит себя долго ждать.

В конечном счете я соглашался со всем, что утверждала Маркета, верил даже в близкую революцию в Западной Европе; лишь с одним я не мог согласиться: с тем, что она довольна и счастлива, когда мне без нее так грустно. И потому я купил открытку и (чтобы побольнее ранить ее, оглушить и сбить с толку) написал: “Оптимизм — опиум для народа! Здоровый дух пахнет глупостью! Да здравствует Троцкий! Людвик!”. (Первая фраза пародировала всем в «соцстранах» известную фразу Маркса: «Религия — опиум для народа».)

С этого все и началось. Его совершенно шуточную открытку перлюстрировали (то есть вскрыли на почте) органы безопасности — как это постоянно делали и в Советском Союзе, — прочитали. Маркету вызывают, допрашивают. Когда она потом встречается с Людвиком, то говорит ему, «что была в ужасе от того, что я написал ей, так как все мы знаем, Троцкий (напомню, что к тому времени Троцкий уже не менее десяти лет как убит по приказу Сталина. — М. Ч.) — самый страшный враг всего того, за что мы боремся и ради чего живем».

Его поступок осуждают на общем факультетском собрании. Ни один человек не признает его строки простой шуткой в частном письме. «Никто не заступился за меня, а под конец все (их было человек сто, среди них и мои преподаватели, и самые ближайшие товарищи), да, все до единого подняли руки, чтобы одобрить не только мое исключение из партии, но и (этого я никак не ожидал) мой принудительный уход из университета». Отчисленный из университета, он, естественно, оказывается в армии — среди тех, кто не в партии, а значит — политически неблагонадежен.

Сам же он все время возвращается мыслью «в зал, в котором сто человек поднимают руки и таким путем отдают приказ сломать мою жизнь». Его мысль идет дальше: «я нередко и по-разному варьировал эту ситуацию и представлял, что произошло бы, если бы вместо исключения из партии меня осудили на смерть через повешение. И я всегда, без колебаний, приходил к однозначному выводу: и в этом случае все подняли бы руки, тем более если в речи председательствующего уместность петли на моей шее была бы эмоционально обоснована.

С тех пор, встречая впервые мужчину или женщину, которые вполне могли бы стать моими друзьями или любовницами, я мысленно переносу их в то время и в тот зал и задаюсь вопросом, подняли ли бы они руку: ни один не выдерживал этого экзамена; все так же поднимали руку, как поднимали ее (охотно или неохотно, веря или от страха) мои тогдашние друзья и знакомые. Но согласитесь: тяжело жить с людьми, которые способны послать вас в изгнание или на смерть, тяжело довериться им, тяжело любить их».

Это 1948—1949 годы. В Чехословакии, как и в других странах, оказавшихся под Сталиным, та же удушливая для нормальных (то есть желающих свободно жить) людей атмосфера, что и в СССР.

После его смерти в марте 1953 года сам воздух в Советском Союзе стал иным. Началась Оттепель.

Открылись сталинские злодеяния не только в поработанной им нашей стране, но странах, как их официально

именовали, «народной демократии» (Чехословакия, Венгрия, Польша и др.). При Сталине многие из тех, кто стояли там у власти, оказались арестованы и по его указанию после ужасных пыток расстреляны. Теперь объявляли, что они не были ни в чем виноваты...

Но после доклада Хрущева, ошеломившего не только наших граждан, но и весь мир, советская власть быстро спохватилась. Не слишком ли бурно пошло свободное обсуждение людоедской политики Сталина на партийных собраниях?.. Власть испугалась, что потеряет контроль над общественными процессами. Она видела в этих процессах прежде всего личную угрозу себе, своему безраздельному господству в своей стране и во всех «социалистических» странах.

Начали исключать из партии самых умных и смелых. Тех, кто задавал слишком неудобные вопросы, будоража мысль людей...

Сама эта власть давно уже состояла из совсем других людей, чем те, за которыми пошел почти что в нынешнем возрасте Егора его дед Аркадий Гайдар.

Те, как и юный Аркадий Гайдар, шли за утопической, то есть ложной идеей. Но они в нее, по крайней мере, верили. Они готовы были пожертвовать ради *светлого будущего* всех людей не только своим благополучием, но даже жизнью.

Последним «кремлевским» утопистом оказался Никита Хрущев. Судя по всему, он тоже искренне верил, что к 1980 году построит в Советском Союзе не более и не менее как коммунизм: общество, в котором каждый будет получать не *по труду* — то есть не столько, сколько заработал, — а *по потребностям*: сколько кому понадобится...

Предлагая Третью программу КПСС, принятую на XXII ее съезде (1961 г.), Хрущев, пожалуй, и впрямь был уверен (или обманывал не только других, но и себя), что в ближайшее десятилетие «Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США». Что «всем будет

обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся (вот именно «превратятся» — как в сказке... — М. Ч.) в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах».

Его преемник Брежнев верил уже только в одно: в необходимость самосохранения и сохранения благосостояния — своего и своих близких.

Известно, что его дочь Галина, например, очень-очень любила бриллианты. И она забрала себе, доведя чуть не до обморока ужаснувшихся искусствоведок и музейщиц, часть бриллиантовых украшений русских цариц из Оружейной палаты...

Только пусть никто не подумает, что вера в утопию, которая многими русскими людьми овладела еще в 1910-е годы и сохранялась в 20-е, — хорошая вещь. Нет, она приносит много бед. Недаром ведь древние римляне сказали: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Задумайтесь-ка, почему они не сказали, например, — «в болото»? «в непроходимый лес»?.. Вот то-то же.

Первыми в странах Центральной Европы подняли восстание в 1953 году жители Восточного Берлина.

Напомним: Берлин после войны был поделен на Западный, под контролем союзников, и Восточный, ставший частью той Германии, где Сталин установил свои порядки. Позже один Берлин от другого отделили печально знаменитой «берлинской стеной» (разрушена осенью 1989 года). Сколько немцев, пытавшихся перелезть через нее и попасть на Запад, было безжалостно застрелено! Живи не там, где хочешь, а там, где тебе предписано...

Восстание в Восточном Берлине подавили советскими танками. Тогда знаменитый поэт и драматург Бертольд Брехт, живший как раз в «социалистической» Германии, написал ироническую поэму. Там такие строки: «Народ утратил доверие правительства... Тогда не было бы проще, если бы правительство распустило народ и выбрало новый?»

Вторая попытка освободиться от власти «старшего брата» — Советского Союза — и от того политического

устройства страны, которое называют *тоталитарным*, предпринята Венгрией. Осенью 1956 года, через полгода после доклада Хрущева.

Венгерское восстание подавлено еще более жестоко: мостовые Будапешта были буквально залиты кровью. Глава тогдашнего правительства Имре Надь арестован, приговорен к смерти и повешен.

Спустя 12 лет изменить атмосферу в стране попробовали чехи — именно они стали инициаторами «пражской весны».

Если сказать одной фразой — они сделали целью «социализм с человеческим лицом».

Тут «социализм» и показал им свое подлинное звериное лицо...

Дело было в том, что Брежнев и его приспешники испугались — не перекинулось бы и к нам... Не зашатается ли тогда под ними столь привычное место — всевластных распорядителей судьбами народов огромного СССР и еще немалого числа подчиненных европейских государств?

И советские танки на рассвете 21 августа 1968 года вошли в Прагу — чтобы прикончить эти попытки очеловечить «социализм».

27. ОТЕЦ И СЫН

Все это и предстояло осмыслить двенадцатилетнему Егору Гайдару.

За разъяснениями он обратился, конечно, к отцу.

А для тех, кто засомневается — не рано ли? действительно ли все это могло интересовать мальчика в его возрасте? — мы процитируем письмо Аркадия Голикова отцу на фронт летом 1917 года. Ему в это время *тринадцать* лет.

«Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне?..

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы...

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира? <...>

Пиши мне на всё ответы как взрослому, а не как малютке».

И Тимур Гайдар, зная всю биографию отца, полвека спустя отвечал своему сыну, внуку Аркадия Голикова, как взрослому.

«Я его не очень оберегал», — говорил он в 1995 году одному из приятелей, журналисту А. Борину.

Шел разговор о том, было ли ему страшно за сына. Ведь если он ясно поймет, что происходит в его стране, то, с детства воспитанный честным и болеющим за свою страну, мальчик мог решиться на опасные поступки... Но врать ему — хуже, опасней.

«— Потому что, — продолжал отец Егора, — оберегая таким образом, можно очень серьезно деформировать человека. Если он видит, чувствует, что кругом неправда, а в доме делают вид, что это правда, в результате у парня может развиваться душевный кризис. Но все-таки первый такой отчаянно откровенный разговор состоялся у нас где-то в 68 году — Егору было 12, когда наши танки вошли в Прагу.

— Не где-то, — поправил Егор отца, — а 21 августа 1968 года, часов, наверное, в 11 дня».

Как ему было не запомнить день и час такого поворотного разговора!..

Но и для его отца, Тимура Гайдара, это событие стало поворотным.

Со Сталиным Тимуру Аркадьевичу все ясно было еще при жизни тирана. Егор Гайдар рассказывает в своей мемуарной книге, как в послевоенные годы, во время службы на Балтике на подводных лодках, «молодой, еще очень наивный лейтенант Тимур Гайдар пишет письмо в теоретический орган партии, журнал «Большевик» (будущий «Коммунист», в котором, как увидим дальше, еще доведется работать его сыну. — М. Ч.) с просьбой разъяснить ему причины расхождений между последними выступле-

ниями Сталина и азбукой марксизма. Видимо, письмо попало в руки храброго и честного человека, может быть, помогла фамилия... Как бы то ни было, к счастью для лейтенанта, обошлось без последствий».

Но критическая мысль лейтенанта на этом не застыла. «В 1952 году слушатель факультета журналистики Военно-политической академии Тимур Гайдар встретил Ариадну Бажову — преподавателя истории в Уральском университете, дочь известного писателя Павла Петровича Бажова. Ночью перед свадьбой он поведал ей, что считает Сталина предателем дела Ленина и социализма, но убежден, что это святое дело все равно победит. Мама поплакала, представила себе грядущую тяжелую судьбу, однако, хотя и была правоверной комсомолкой, замуж за старшего лейтенанта все-таки пошла и, насколько я знаю, ни разу об этом не пожалела».

А что может их ждать — она знала не понаслышке. Ей было 11 лет, когда ее отца, в январе 1937 года исключенного из партии, вызвали в НКВД (Народный комиссариат внутренних дел; главным его *внутренним делом* были в те годы аресты и расстрелы безвинных сограждан).

«Бабушка, Валентина Александровна, собрала чемоданчик, — писал Егор Гайдар по рассказам мамы и бабушки, — и дед отправился по хорошо известному в Свердловске адресу. Однако к тому времени черед репрессий докатилась до самого НКВД, и в страшной системе начались сбои. Просидев несколько часов в приемной, Павел Петрович так и не дождался аудиенции. К счастью, не пошел узнавать по начальству, почему его вызывали и не принимают...»

Здесь можно прервать цитату, чтобы восхититься доставшимся Бажову от предков крестьянским инстинктом самосохранения. Представим себе на его месте человека из профессорской среды. Легко вообразить себе, что он, возможно, как раз пошел бы «узнавать по начальству»...

Так вот, дедушка Бажов суетиться не стал, а повел себя степенно: «тихо вышел, вернулся в свой дом на Чапаева, 11 и после этого больше года никуда из него не выходил».

Не слабо?

Ждал, когда охотники на людей забудут про него. И бабушка тоже старалась на улице не появляться. Жила вся семья на учительскую зарплату бабушкиной сестры... А дед сидел дома и писал.

И «спустя год с небольшим он прочитал бабушке и маме свои первые сказы. Полоса репрессий к этому времени пошла на убыль, деда восстановили в партии, вскоре он стал автором знаменитой книги «Малахитовая шкатулка»» (Е. Гайдар, 1996).

Но вернемся к отцу Егора. Ариадна Павловна вспоминает, что именно вторжение в Прагу стало для ее мужа, Тимура Гайдара, моментом крушения социалистических идеалов.

Да, там, где идеалы, — там не могут давить танками чье-то стремление к свободе!..

* * *

Об этом же спустя 30 с лишним лет скажет в одном из интервью «взрослый» Егор Гайдар: «Он был потрясен... На него было страшно смотреть — было ощущение, что у него рухнула картина мира. Он-то был убежден, что социализм — это правильно. Ну, надо что-то подправить, реформировать, изменить, но система-то в общем правильная. И вот в 68-м, в августе, у него просто сломался мир. Он понял, что, оказывается, то, во что он верил, не совсем хорошо...» (интервью 30 октября 2003 г. «Газете»).

Отто Лацис, известный публицист, в тот год — сотрудник «Известий», приятель Лена Карпинского (близко знавшего Тимура Гайдара), а кроме того — человек, известный своей порядочностью (существовала такая характеристика человека...), рассказывает в своей книге «Тщательно спланированное самоубийство» (в издательской аннотации сказано: ««Самоубийство КПСС» — так можно было бы назвать эту книгу...») следующее:

«Через несколько дней после 21 августа, заглянув в наш отдел, Лен (Карпинский. — М. Ч.) предложил вый-

ти погулять по Страстному бульвару. Заговорил сразу, как с давним близким другом:

— Тимурка вчера приходил. Он хочет шлепнуться в знак протеста.

С трудом я понял: Тимур Гайдар, знакомый Лену по работе в “Правде”, где Гайдар служил тогда собкором по Югославии, решил застрелиться, чтобы таким образом громко заявить о своем протесте против вторжения в Чехословакию.

С Тимуром я не был до того знаком, но к имени его не мог быть равнодушен. Писателя Аркадия Гайдара я любил не только в детские годы. Сообщение Лена о намерениях Тимура меня перепугало.

— Вот уж этого не надо. Власти только рады будут, а шума поднять не дадут — никто и не узнает.

— И я ему то же самое сказал, — ответил Лен. — Но что-то делать надо.

Потом мы, гуляя по бульвару, долго разговаривали о том, что же делать. Главное было ясно: надежды на постепенную мирную эволюцию в сторону демократии, порожденные XX съездом КПСС и “косыгинской реформой”, надо забыть. Надеяться можно только на себя...»

Понимать эти слова Лациса надо так, что надежда на «правильные» действия самой власти, появившаяся было после в высшей степени необычного для советской жизни доклада Хрущева, после публикации с его ведома первой повести Солженицына, — исчезла. Наступило время личных действий — и в первую очередь тех, кого скоро назовут «шестидесятниками»: среда Тимура Гайдара и его друзей.

И Тимур Аркадьевич Гайдар повез их на своей «Волге» в Дунино, где его мама (которую его отец Аркадий Гайдар вытащил в свое время из сталинской тюрьмы) постоянно снимала на лето пол-избы.

...Можно представить себе, в каком состоянии был водитель «Волги», всерьез задумывавшийся в эти дни о самоубийстве.

Его жена, мама Егора Ариадна Павловна, недавно сказала мне, что Тимур никогда ей об этом не говорил — она

узнала об этом только из книги Лациса. Это как раз понятно.

«Когда мы, рассуждая о своих крамольных замыслах, гуляли по сосновому бору близ деревни, перед нами вдруг вырос улыбочивый широколицый мальчик двенадцати лет, и Тимур нас познакомил: это был его сын Егор» (О. Лацис).

В течение нескольких месяцев 1968 года шли «лихорадочные встречи с бесконечными спорами: у Лена, у Тимура в городской квартире, у Егора Яковлева. К нам присоединились еще Геннадий Лисичкин (известный в те годы экономист и публицист, автор вышедшей в 1966 году книги “План и рынок”. — М. Ч.) и Георгий Куницын. Куницына, недавнего большого начальника в ЦК, мы рассматривали как авторитетного эксперта по партийному аппарату. И однажды кто-то спросил его:

— Ну есть хоть что-нибудь такое, что на них действует?

“На них” — это значило: на класс партийно-государственной бюрократии. Куницын ответил не задумываясь:

— На них действует только одно: инстинкт самосохранения».

Это было на большом домашнем собрании — на одной из «московских кухонь».

Лен Карпинский сделал доклад, где изложил концепцию борьбы с властью: «предполагалось, что власть не устоит в случае распространения истинных фактов и идей о сущности строя, выросшего под названием “социализма”. Для этого и замышлялся журнал.

На том же собрании стало ясно, что реальной возможности издавать журнал мы не видим. Тимур к тому времени уехал в Белград: кончился его отпуск. Оттуда он снабжал нас кое-какими книжками о югославской системе самоуправления, с которой мы связывали большие надежды...».

...Должно было пройти почти 20 лет до тех дней, когда Лацис будет заниматься именно этим — «распростране-

нием истинных фактов и идей о сущности строя». Только уже в легальном журнале.

А руководить экономическим отделом этого журнала он пригласит улыбчивого широколицего мальчика...

Но ни сам Отто Лацис, ни двенадцатилетний Егорка печальным летом 1968 года об этом и не подозревают.

28. ОТСТУПЛЕНИЕ: КТО ТАКИЕ ШЕСТИДЕСЯТНИКИ?

— И все же диссидентства в вашей семье не было?

— Почему — было. Отец нормальный «шестидесятник», хотя он и военный. И его друзья нормальные шестидесятники.

Егор Гайдар, 2003

...Народ вздохнул полной грудью, будто какой-то невидимый груз сбросил со своих плеч. И начались знаменитые шестидесятые годы, когда перед нами открылись новые горизонты и силы прибавились, и настроение улучшилось. Появилась светлая перспектива. <...> Так что за одно это Хрущеву можно простить многое — и кукурузу, и гонения на творческую интеллигенцию, и Кубу...

*Владимир Шингарев. Россия завтра:
повесть, 2011*

Идеализация участников революции, первых строителей социализма, которую не смогли поколебать во мне ни тюрьмы, ни лагеря, стала развеиваться именно тогда, в годы хрущевской оттепели. В конце концов выяснилось, что улучшать нечего — нельзя облагородить замешенное на лжи. В образах героев, порожденных не только пропагандой, но и естественным желанием иметь примеры

гражданственности, проступили ничтожество и бездуховность.

Семен Виленский. Стыковка лет.
Воспоминания, 2011

Этот особый слой умещается, по моим личным расчетам, в возрастные границы с 1918-го по 1935-й год рождения.

Кто в него вошел, кто получил именование шестидесятника?

Те, кто к середине 50-х годов кем-то уже были. У кого имелся статус (литературный или научный) — или общественная репутация. То есть — было имя.

Иногда все это заменял фронтовой или лагерный опыт.

Это были люди с образованием историческим, экономическим или «философским».

Ну, о философском образовании, когда речь идет о советском времени вообще, а о сталинском в особенности, трудно писать без кавычек. Ведь всех русских философов, не следовавших за Марксом, горячий его поклонник Ленин, не желая тратить время на философские споры, просто под страхом смерти посадил осенью 1922 года в Петрограде на пароход — и отправил в Европу. Все они расписались в документе, где сказано, что если только посмеют вернуться на родину — их ждет смертная казнь... Почти все они стали в Европе известными философами. А в нашей стране начали преподавать студентам только одну философию — марксизм-ленинизм.

В слое шестидесятников были партийные и комсомольские работники, в том числе и журналисты (Лен Карпинский, Егор Яковлев). В него входили и режиссеры, и сценаристы, и литераторы, особенно — поэты...

Два важнейших, нам кажется, личных свойства вели человека прямо в ряды «шестидесятников». Одно — биологическое, а второе — мировоззренческое.

Первое свойство — это активность натуры. Она, наверно, дается человеку от рождения — биологически. То есть — неукротимое желание действовать.

В плохие времена активным людям приходится нелегко — им не удастся эти времена пересидеть в уголке. Лю-

дей с жадной жаждой действия всегда выносило на поверхность советской так называемой общественной жизни. А там их ничего хорошего не ждало. Стать вполне *положительными* общественными деятелями в этой плохой рамке было практически невозможно.

И они, в том числе и талантливые люди, становились советскими функционерами со всеми вытекающими последствиями. То есть они, конечно, ухитрялись делать что-то *хорошее* — но его обязательно приходилось уравновешивать *плохим*.

Люди же пассивные по природе могли как-то пережить плохое время — и не выпачкаться.

Второе качество относилось уже не к биологическим чертам, а к *мировоззрению*.

Все они думали не просто о личной свободе, а о благе страны. Зять Геннадия Лисичкина, директор школы и режиссер школьного театра С. Казарновский, вспоминает, как в доме тестя сидел за столом «с очень известными и мудрыми людьми. Егор Яковлев, Тенгиз Абуладзе, Юрий Визбор...». И заключает: «Они жили в той же стране, что и я, но судьба этой страны их волновала по-настоящему».

Их тянуло к *соблазну*, про который сказал Пастернак, и лучше его не скажешь:

...Хотеть, в отличие от хлыща
В его существованье кратком,
Труда со всеми сообща
И заодно с правопорядком.

Хотеть «труда со всеми сообща» — в общем естественно для человека.

Но одни эпохи благоприятствуют этому, другие — нет.

«Шестидесятники» именно такого труда и жаждали. Они хотели такого действия, которое, во-первых, будет направлено на интересы всего общества, страны, а во-вторых — будет происходить «сообща» — в команде, коллективно.

Они не были индивидуалистами по своему складу. Потому, если забежать вперед, так органично они почув-

ствовали себя в «команде Горбачева» — и сами дали ей такое название.

Где можно было в советские годы найти условия для такого коллективного — притом *легального* («заодно с пра-вопорядком») труда?

Только в партии. Той, которая была единственной и правящей. Ведь подпольные организации появившихся постепенно в послесталинское время историков-нео-марксистов, любых диссидентов не давали возможности действия «со всеми сообща» — только в очень узкой группе.

Но «со всеми сообща», как скоро стало ясно, не получилось и в партии.

Та часть «шестидесятников», которая оказалась на фронте, вступила в партию там, нередко перед боем, на трагическом подъеме чувств. Те, кто не попали по возрасту на фронт, вступали после доклада Хрущева — в 1956—1958 годах — с целью *исправлять партию изнутри*.

Исправлять не получалось.

А потом это членство становилось тормозом в освобождении собственной мысли. Потому что объяснение мира невольно приспособлялось к своему личному положению. Ведь человек-то знал про себя, что он — порядочный! Нередко — порядочнее, самоотверженной, бескорыстней многих беспартийных, занятых только своими личными делишками.

И тогда ему приходилось доказывать и себе и другим, что он служит правильной идее...

Так во второй половине 50-х сформировался *слой*, объединенный общими ценностями и целями. Они могли обсуждаться вслух — а могли и сами собой подразумеваться. Все эти люди думали о важных для них вещах примерно одинаково.

Их объединял еще один общий признак. XX съезд и доклад Хрущева стали для каждого из них огромной важности рубежом. Доклад коснулся их лично — имен и судеб их близких.

Как вы уже знаете, это были дети расстрелянных или отбывших сроки в лагерях — и после смерти Сталина,

еще до доклада Хрущева, уже возвращавшихся оттуда. Сначала без особой огласки и безо всяких извинений (это Хрущев предпишет реабилитацию — то есть извинения власти).

У Булата Окуджавы и Василия Аксенова отцы расстреляны, а матери вернулись после долгих лет лагерей. У Лена Карпинского расстреляны оба родителя.

Мученическая смерть, как и многолетнее лагерное выживание теперь были признаны несправедливыми. Погибшие или потерявшие лучшую часть жизни в лагерях Колымы, Магадана и множества других оказались невиновными.

И вот что надо обязательно принять во внимание, чтобы хоть немного понять ту эпоху и ее людей.

Поскольку пытки, к кому бы они ни применялись, есть абсолютная мерзость, сами мучения этих людей в пыточных камерах как бы искупали личное участие этих людей в Октябрьском перевороте, Гражданской войне и пореволюционном разрушении страны — в уничтожении ее крестьянства, ее образованного слоя и т. п. Потому про человека, которого пытками заставили «признаться», что он — японский шпион, а потом расстреляли, говорить: «сам же и виноват», — согласитесь, как-то неэтично.

Для их детей вперед выступило главное — погибшие отцы воевали за Октябрь. И детям трудно стало от него отказаться...

И все-таки — все еще сложнее.

Люди, которых я стараюсь описать в этой главе, не могли жить и действовать вне представления о *главной цели*. Они нуждались в *вере во что-то*. Множество людей прекрасно обходятся без нее. Тем, кто не может жить без этого, было тяжелее — потому что иной веры, кроме веры отцов, они себе в те годы не представляли.

За верой естественным образом шла *надежда*. Время Оттепели, время *шестидесятников* — это время надежд. Радостный, оптимистический, молодой порыв ощущался в песнях к тогдашним кинофильмам — например, в песне

на слова Геннадия Шпаликова к фильму Г. Данелия «Я шагаю по Москве» (1963):

Бывает все на свете хорошо,
В чем дело, сразу не поймешь, —
А просто летний дождь прошел,
Нормальный летний дождь...

Шестидесятники надеялись, что сумеют очистить революционные ценности «ранних» коммунистов — их отцов. Очистить от кровавой грязи террора, освободить от фальшивого звучания сталинских лет. Так, помимо веры и надежды, появился и необходимый этому слою мотив борьбы.

Сначала — борьбы за решения XX съезда, то есть за полный расчет со Сталиным, убийцей миллионов.

Ведь быстро стало ясно, что предстоит именно борьба — с теми, кто с ними вовсе не согласен. Тогда еще об этом своем несогласии, о любви к Сталину (даже писать эти слова тяжело...) еще не заявляли громко — так, как делают это, не стесняясь, сегодня.

И Евгений Евтушенко пишет в 1962 году, после решения XXII партсъезда о выносе Сталина из мавзолея и непубличного его захоронения у Кремлевской стены, стихотворение «Наследники Сталина».

Позже, в брежневское время, это стихотворение уже не перепечатывалось — плохо говорить публично о Сталине стало теперь нельзя, — но, правда, и хорошо тоже!

Стихотворение распространялось в списках.

...А гроб чуть дымился.
Дыханье из гроба
текло,
Когда выносили его
из дверей мавзолея.
...И я обращаюсь
к правительству нашему с просьбою:
удвоить,
утроить у этой стены караул,

чтоб Сталин не встал
и со Сталиным — прошлое.

После насильственной отставки Хрущева и конца Оттепели часть шестидесятников пошла на обострение в отношениях с режимом. Эти люди ставили подписи под разнообразными письмами протеста, работали на Самиздат и Тамиздат. Некоторые и вовсе ушли в диссиденты — готовы были вновь оказаться в лагерях, но только не терпеть.

Часть же стремилась сохранить возможность реальных действий — они еще не потеряли веры в эту возможность.

С теми, кто обострял отношения с властью, первое время расправляться тоже было не так просто.

Почти все эти люди в той или иной степени принадлежали к партийной номенклатуре. (О том, что это такое, подробнее дальше.)

Одни — «по происхождению» (по их расстрелянным и посмертно реабилитированным родителям — старым партийцам, занимавшим высокие должности). Так Пельше — глава Комитета партийного контроля — не дал исключить из партии Лациса просто по старому, еще подпольному, дореволюционному знакомству с его отцом...

Другие — по собственному послужному списку: среди них — работники горкомов и райкомов, сборкоры партийных изданий. Третьи — по еще не ушедшему из общественной памяти их личному фронтовому прошлому.

Уже упоминавшийся Александр Пятигорский вспоминает, что Лен Карпинский «хотел быть Первым секретарем ЦК КПСС». Он был первым секретарем Горьковского (то есть — Нижегородского) обкома ВЛКСМ в конце 50-х, потом стал вторым секретарем ЦК ВЛКСМ — по пропаганде (1958—1962). Считался там лидером «либерального», то есть «истинно-ленинского» крыла; в 1962—1967 годах — член редколлегии «Правды», глава отдела пропаганды марксистско-ленинской теории; в 1967—1969 —

спецкор «Известий» (по сведениям историка Н. Митрохина, бравшего интервью у Пятигорского).

«Это был человек патологически порядочный, — вспоминал Пятигорский. — Так его за это и выкинули из ЦК. У него еще была манера прерывать докладчика и говорить: “А ты случаем не врешь сейчас?”».

По этим перечисленным мною причинам некоторых из них какое-то время не выгоняли с работы с «волчьим билетом», а переводили с одного места на другое. В 70-е годы эти шлейфы уже резко отсекались. Но Лен Карпинский был, например, уволен еще в 1967 году — выступил против цензуры. Юрий Карякин в 1968 году исключен из партии за выступление на вечере памяти Андрея Платонова в ЦДЛ и публичное упоминание Солженицына и Бродского — и удержался в ее рядах лишь по личному решению того же Пельше.

Новая ситуация возникла *после Праги*.

Под влиянием убеждений умные люди в партию в эти годы уже не вступали.

А поколение шестидесятников как раз в это время из партии начали исключать. Фронтовик Булат Окуджава исключен из партии в 1972-м, Лен Карпинский — в 1975-м.

Люди с *убеждениями* там давно уже были не нужны.

Но подробней об этом — позже.

29. КОНЕЦ ДЕТСТВА

...Не слух и не зрение — с самого детства
Нам вера, как знание, досталась в наследство,
— Высокая вера в иные начала...
О, как неохотно она умирала!

.....

Летели тачанки, и кони храпели,
И гордые песни казнимые пели,
Хоть было обидно стоять, умирая,
У самого входа в преддверие рая.

Еще бы немного напора такого —
И снято проклятие с рода людского!
Последняя буря, последняя свалка —
И в ней ни врага и ни друга не жалко!

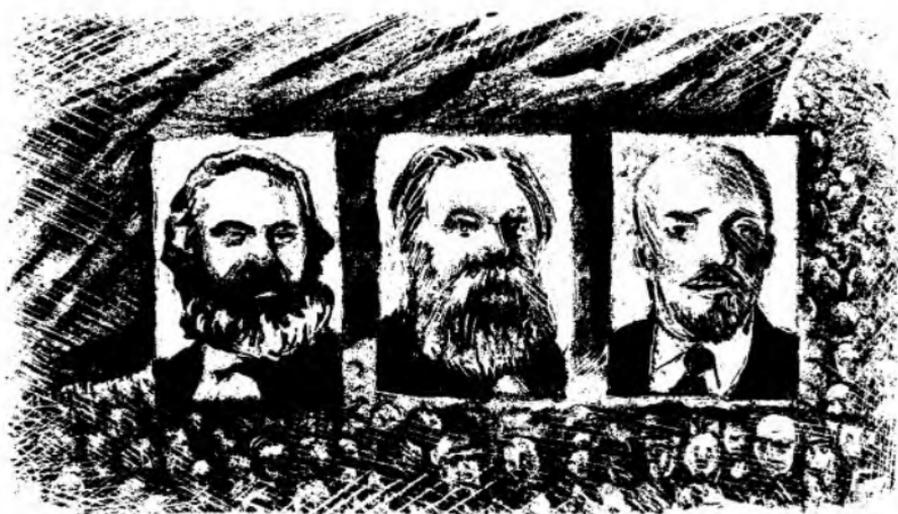
*Наум Коржавин. По ком звонит
колокол, 1959*

Итак, с неменьшей, пожалуй, силой, чем по Тимуру Гайдару, это расплющивание высоких социалистических идеалов под тяжелыми гусеницами советских танков на мостовых Праги — одного из красивейших городов Европы — ударило по его двенадцатилетнему сыну. В семье Гайдаров безразличных к судьбе своей страны не найти — эта судьба давно стала частью личной, семейной жизни.

* * *

...Ведь вот только что все было правильно и понятно с первых сознательных лет. И герои Аркадия Гайдара летели с пашками наголо — воевать за светлое будущее! И это светлое будущее — вот оно — стало уже настоящим!..

«Уютный привычный мир моего детства, где было все так хорошо и понятно, где была прекрасная добрая идея, красивая страна, ясные цели, вдруг дал трещину и начал рушиться. *Детство неожиданно кончилось*» (Е. Гайдар, 1996).

часть вторая

**ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ:
ЭКОНОМИКА НАВСЕГДА**

ОТРОЧЕСТВО

— ...Но ведь это же глупо — судить человека по росту.

— Но все люди считают, что это разумно.

— А я — не все, — возразил он. <...>

— Быть может, когда-нибудь люди станут настолько разумны и справедливы, что сумеют точно определять душевный возраст человека и смогут сказать: «Это уже мужчина, хотя его телу всего тринадцать лет», — по какому-то чудесному стечению обстоятельств, по счастью, это мужчина, с чисто мужским сознанием ответственности своего положения в мире и своих обязанностей.

Рэй Брэдбери, Рассказ о любви

— Пусть ребенок еще немножко поспит — сегодня у него экзамен.

Волька досадливо поморщился. Когда же мама перестанет наконец называть его ребенком? Шуточки — ребенок! Человеку четырнадцатый год пошел...

*Л. Лагин, Старик Хоттабыч
(1938—1940)*

Я не знаю иного наслаждения, как познавать.

Петрарка

В Толковом словаре Даля про *отрочество* сказано так: *пора от семи до пятнадцати лет.*

Этот возраст — может быть, самый важный в жизни человека. Его нельзя пропустить, потратить зря.

В эти годы складываются *привычки.*

И надо проследить за самим собой, чтобы сложились хорошие, а не дурные.

В эти годы читаются такие книжки, которые, если не прочитать их сейчас, не будут прочитаны *никогда.*

Сами посудите — ну кто сядет читать первый раз «Приключения Тома Сойера» или «Таинственный остров» в 30 лет?! А *перечитывать* — летом, на даче, покачиваясь в гамаке, вспоминая с удовольствием свое первое чтение, — очень даже годится...

И еще.

Если вы прочитали лет в двенадцать-тринадцать рассказы Джека Лондона, где человек, сцепив зубы, из последних сил преодолевает суровые обстоятельства, борется с холодом, с нечеловеческой усталостью, — это еще может вам помочь формировать свой характер.

Потому что, читая, вы преодолевали эти обстоятельства вместе с героем рассказа, вместе с ним мерзли и голодали, и проверяли себя — а смог бы я так?.. И давали себе слово — *смочь*...

А если первый раз взяли в руки эту книгу опять-таки ближе к тридцати годам — как говорится, поздно пить боржоми...

В отроческие годы принимаются важные и даже важнейшие решения. Такие, которым человек следует потом всю жизнь.

Конечно, в том случае, если он серьезно относится к *движению времени*. То есть если достаточно рано поймет, что оно, между прочим, движется исключительно *в одну сторону*. И купить обратный билет — чтоб вернуться назад и доделать недоделанное — пока еще не удалось никому...

Ну и, конечно, если человек с должным вниманием отнесется к особой поре своей жизни — *отрочеству*.

1. МАРКС, МАРКСИЗМ, ЛЕНИНИЗМ...

«Осень 68-го. Снова Югославия. Белград встречает хмуро. В Сербии традиционно доброе отношение к русским, здесь их любят, пожалуй, больше, чем где бы то ни было в мире, может быть, за исключением Черногории. Сейчас, после пражских событий, настроение настороженное. Опасаются, что за вторжением в Прагу наступит очередь Югославии» (Е. Гайдар, 1996).

А что именно произошло в Праге — в последующие месяцы, уже после того, как на августовском рассвете туда вошли наши танки?

— Поймите, — сказал молодой чешский коллега автору этой книги, пытаясь объяснить, что именно стало с его страной после нашего вторжения, — мы — не Россия, у нас маленькая страна. Когда убрали из культуры триста человек — это нанесло огромный удар по нашей культурной жизни в целом.

Всем участникам «пражской весны» запретили преподавать и вообще заниматься своей гуманитарной специальностью...

И отец, и в одно лето повзрослевший сын приехали в Югославию совсем иными, чем несколько лет назад на Кубу, — когда шестилетний Егорка вслед за отцом рвался принимать участие в кубинской Революции...

Егор Гайдар вспоминал себя в тот год: «Мне хочется разобраться в том, что произошло, в чем причины крушения уютного, светлого мира и справедливой идеи? Бросаюсь к книжкам».

С раннего детства знакомы ему книжки Аркадия Гайдара, где действительно замечательные люди — смелые, верные выбранной цели, своему долгу и своим друзьям — пошли, как Цыганенок в «Школе», «хорошую жизнь искать».

Ради этого — ради того, чтобы жизнь стала справедливой и хорошей (конечно, для тех, кто этого заслуживает!..), главный герой «Школы» даже убивает человека — «белого», который хотел убить его и уже успел ударить по голове дубинкой.

«...И скорее машинально, чем по своей воле, я нажал спуск...

Он лежал в двух шагах от меня со сжатыми кулаками, вытянутыми в мою сторону. Дубинка валялась рядом.

“Убит”, понял я и уткнул в траву отупевшую, гудевшую, как телефонный столб от ветра голову.

Так, в полузабытьи, пролежал я долго. Жар спал. Кровь отлила от лица, неожиданно стало холодно, и зубы потихоньку выбивали дробь. Я приподнялся, посмотрел на протянутые ко мне руки, и мне стало страшно. Ведь это уже всерьез! Все, что происходило в моей жизни раньше, было, в сущности, похоже на игру... а это уже всерьез. И страшно стало мне, пятнадцатилетнему мальчугану, в черном лесу рядом с по-настоящему убитым мною человеком...»

В поисках истока той справедливой идеи, ради которой приходится убивать, идеи, от которой захотели уклониться жители Праги, а в защиту ее по пражским улицам двинулись чужие — то есть советские — танки, Егор бросился к «Капиталу» Маркса и работам Энгельса...

К тому, о чем написал когда-то Сергей Есенин:

...И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

Есенин был поэт. Ему для его поэзии не понадобились ни Маркс, ни Энгельс (хотя критики-коммунисты уверяли, что без знания их работ, а также работ Ленина хорошо писать стихи невозможно).

А Егор Гайдар интуитивно уже тогда разворачивался от моря — к науке.

И в свои 12—13 лет он искал объективные (без них нет науки) закономерности в том, что произошло с его страной и с другими странами в XX веке.

«...Бросаюсь к книжкам. Именно тогда открываю для себя мир оригинального марксизма».

Что значит — *оригинального*? Это значит — не в пропагандистском упрощенном и искаженном переложении в многочисленных брошюрах советских лет, а в книгах *самых* авторов.

«Для многих моих современников знакомство с марксизмом прошло скучно, через школьное обществоведение, банальные, заезженные цитатки, поразительно унылые курсы исторического и диалектического материализма, нудную зубрежку».

«Заезженные цитатки» — любимые преподавателями «истмата» (*исторического материализма*) и «диамата» (*диалектического материализма*) в высших учебных заведениях страны цитаты из Маркса. Они повторялись бесчисленное количество раз. И потому лишались для студента вообще всякого смысла: «*Религия есть опиум для народа*», «*Рабочие не имеют отечества*», «*Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма*», «*Теория становится материальной силой, когда она овладевает массами*»...

К тому же суждения Маркса вскоре перемешивались в студенческих головах с цитатами из Ленина: «*Объективная реальность, данная нам в ощущении*», «*Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию*».

Слегка переделанное Сталиным из Ленина — «*Марксизм не догма, а руководство к действию*». Эти слова знали буквально все советские люди, получившие высшее образование. Трудно было встретить человека с дипломом, который услышал бы их от вас впервые...

Или вот еще ленинские слова: «*Строить социализм из того человеческого материала, который оставлен в наследство капитализмом*» (и человек по слову вождя на долгие десятилетия стал *человеческим материалом*).

И сто раз повторенное на всех многочисленных семинарах по общественным дисциплинам и довольно абсурдное по смыслу — «*Учение Маркса всесильно, потому что оно верно*».

А дисциплин этих было немало. Они отнимали время, данное для высшего образования, у «нормальных», по-

ложительных знаний — например, у тех, кто хотел быть инженером, — инженерных, у тех, кто хотел быть врачом, — медицинских.

Переписываю из вкладыша в своем дипломе (филологический факультет МГУ; но изучалось и сдавалось на всех гуманитарных факультетах):

Диалектический и исторический материализм (по семестру на каждый),

Политическая экономия (один семестр — капитализма, другой — социализма),

История КПСС,

История философии (натурально, не Бердяева и не Ясперса изучали; вообще же упор делался на марксистскую критику буржуазной философии; читать самих философов не требовалось — только критиковать).

На филфаке еще добавлялась — *Марксистско-ленинская эстетика.*

А в аспирантуре — *Научный коммунизм.*

И так далее.

Вышло так, что к тому времени, как Егор со всем этим скучным столкнулся — сначала в небольших дозах в школе, потом в огромном объеме в университете, — он все это уже знал. Только не по учебникам, а *из первых рук.*

Если еще проще — он познакомился с *марксизмом без ленинизма.* В Советском Союзе это сделать было практически невозможно — давно имелось единое учение: *марксизм-ленинизм.* Та самая нерасчленяемая масса.

И это знакомство с «чистым» марксизмом стало для него в отроческие годы, по его собственному признанию, «огромным событием» — «разрозненные знания по истории... сложились в единую, логичную, убедительную картину мирового развития».

Мечта умного подростка о единой, логичной картине мира — понятна. Марксизм здесь пришелся как нельзя более кстати — он рисует путь человеческого общества *этап за этапом, от одной формации к другой.* С виду все

очень логично — но только с виду. Если поверить Марксу, придется признать, что вслед за капитализмом с неуклонностью следования утра за ночью все европейские страны ожидает социализм.

Как известно, это оказалось очень далеко от реальности. Реальность продемонстрировала во многих странах обратный путь — от социализма к капитализму...

...Но вот что для нас с вами особенно важно и интересно — Егор и у Маркса вовсе не собирался принимать решительно все на веру!

У его мамы сохранился первый том «Капитала», расчеркнутый тремя цветными карандашами. Егор подчеркивал, рассказывает она, «красным все то, с чем он согласен, синим — все, с чем он не согласен, и желтым — о чем подумать. Когда он отрицал что-то — так он знал, что именно он отрицает».

2. А БЫЛ ЛИ КАПИТАЛИЗМ?

Пройдут после этого не годы, а десятилетия.

И замечательный ученый Карл Поппер (его высоко оценит Егор Гайдар) напишет «Письмо моим русским читателям» (1992). Предисловие к наконец-то дождавшемуся своего часа русскому переводу его знаменитой книги «Открытое общество и его враги».

Там он пояснит: «Все знают, что открытые общества Запада являются “капиталистическими”. Слово “капитализм” получило широчайшую известность и всеобщее признание благодаря Марксу и марксизму. ...Важно, однако, то, что “капитализм” в том смысле, в каком Маркс употреблял этот термин, *нигде и никогда не существовал* на нашей прекрасной планете Земля...

...Определение Маркса утверждает, в частности, что “капитализм” является исторической фазой развития человеческого общества».

Ну, фаза так фаза. Но какая?

А вот такая, — поясняет критик Маркса, — «для марксизма (и в еще большей мере для ленинизма) — это пре-

жде всего такая фаза общественного развития, когда рабочие живут в нищете, труд их изнурителен и тягостен, зачастую очень опасен, а заработка едва хватает, чтобы не умереть с голоду. Более того, их положение при “капитализме” безнадежно: до тех пор, пока “капитализм” не свергнут, не уничтожен, не искоренен, *ты, рабочий, должен оставить всякую надежду* (подобно тому, как оставляет ее душа, входящая в дантовский Ад)».

Напомним, что в одном из нескольких прекрасных переводов «Божественной комедии» Данте надпись над воротами в Ад гласит: *«Оставь надежду всяк, сюда входящий»*.

«...У тебя, — продолжает свои объяснения марксизма Поппер, — есть единственная надежда, имя которой — “социальная революция”.

Действительно, ведь при “капитализме” действует железный закон исторического развития — закон абсолютного и относительного обнищания рабочего класса...» (курсив К. Поппера).

Вот этот предполагаемый «закон» был очень важным для самого Маркса и для марксистов как существеннейшая черта «капитализма». Они в него искренне и истово верили.

Поппер пишет: «Не будет преувеличением сказать, что Маркс неразрывно связал с этим законом свою надежду на социальную революцию и крах “капитализма”».

Естественно! Если «научно» доказано, что во всех решительно «капиталистических» странах чем больше будет улучшаться техника («производительные силы») — тем больше будут нищать рабочие, то какой, собственно, выход?..

Можно было бы направить рабочих на борьбу за улучшение своего положения — под началом их профсоюзных вожakov.

Но нет! Для Маркса, а в особенности для марксистов, а более всех для Ленина это был не выход. А вдруг бы удалось добиться улучшения! Как же тогда революция? Только в нее одну они верили.

«Со времени Маркса всякий раз, — пишет Поппер, — когда рабочие, профсоюзы или марксистские партии терпели неудачу (то есть когда не удавалось забастовками и прочим улучшить положение рабочих. — М. Ч.), марксисты расценивали это как шаг в правильном направлении — к революции и иногда даже были этому рады: “Чем хуже обстановка, тем лучше для революции”».

Марксисты прямо-таки загоняли рабочих в революцию.

Однако история не подчинилась Марксу. Реально существующие в мире страны пошли иным путем. Общество, которое Маркс именовал «капитализмом», неуклонно совершенствовалось. Прогресс техники вел к тому, что труд рабочих становился все более производительным, эффективным. И это, конечно, вело не к «обнищанию» рабочих, а к тому, что их реальные заработки постоянно росли...

Интересно, что в России светлые умы понимали это еще в 20-е годы XX века. Известный горный инженер В. Е. Грум-Гржимайло писал в 1928 году: «...Учение Маркса — отсталое учение, уже потерявшее всякую почву. Оно было создано в период развития мускульного труда и почти полного отсутствия технических знаний и промышленности. Теперь картина резко меняется, и я совершенно убежден, что через 50 лет никакого пролетариата не будет... Наш инженерный идеал, зарю которого мы уже видели в железопрокатных заводах Америки, это завод без рабочих. Это даст людям такое обилие жизненных ресурсов, что в классовой борьбе не будет смысла. Капитализм прекрасно справляется с задачей насаждения этой будущей культуры: правительство САС Штатов уже сейчас в 12 раз богаче русского и во столько же раз обеспеченнее жизненными ресурсами».

Вернемся к Попперу. «Суммируя сказанное, отмечу, что самая важная и, конечно, самая существенная черта того общества, которое Маркс называл “капитализмом”, никогда не существовала. “Капитализм” в марксовом понимании представляет собой неудачную теоретическую конструкцию. Это всего лишь химера, умственный мираж. ...В действительности существовало и по сей день

существует стремительно изменяющееся общество, ошибочно названное “капиталистическим”, с внутренним механизмом самореформирования и самосовершенствования. В наших западных обществах у рабочих *есть* надежда. Им не требуется иллюзорная надежда на то, что коммунистическая диктатура избавит их от зла — от ненавистного железного закона обнищания.

Тем не менее советские правящие круги долгое время возлагали надежду на то, что будут в состоянии “покончить” с “капитализмом”, уничтожить этот мираж... с помощью военной силы и ядерного оружия. Эта надежда доминировала в теории и практике коммунизма даже при Н. С. Хрущеве, выдающемся антисталинском реформаторе. Ненависть к несуществующей мысленной конструкции, к чистой иллюзии чуть не уничтожила нас всех, когда Хрущев отправил на Кубу ракеты с ядерными боеголовками, на несколько порядков превосходившими по мощности бомбу, сброшенную на Хиросиму».

Поппер ссылается на А. Д. Сахарова, который обнародовал сведения о том, что одна из бомб, в создании которой он участвовал, по мощности «превосходила бомбу Хиросимы в несколько тысяч раз!».

Прямо-таки рядышком с этой бомбой, напомним, и находился Егор Гайдар вместе со своими родителями летом 1962 года, когда Карибский кризис всколыхнул весь мир и заставил с содроганием следить за переговорами двух ядерных сверхдержав...

Карл Поппер называет *трагической* историю марксизма.

Слово «трагическая» выбрано верно. Там, где смерть, — мы говорим о «трагедии». Десятки миллионов жизней были принесены в жертву теории Маркса, сделанной Лениным «руководством к действию».

Поппер определяет эту идеологию как «глубоко ошибочную». Она претендовала, «по замыслу ее основателя, на звание науки — науки об историческом развитии. Она снискала симпатию и даже полную поддержку ряда блестящих ученых». И надо радоваться, говорит Поппер,

«что открытые общества Запада так разительно отличаются от того, как они изображаются в коммунистической иллюзорной идеологии».

Поппер вместо слова «капитализм» вводит выражение «открытое общество».

Он подчеркивает — эти общества далеки от совершенства, это никак не общества, «основанные в первую очередь на любви и братстве».

Он добивается, чтобы мы поняли наконец — это совсем не то, что рисуют нам авторы разнообразных утопий.

Но эти «открытые общества, в которых мы живем сегодня, — самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех, когда-либо существовавших».

Давайте еще раз посмотрим внимательно на выделенные на этот раз мною, а не автором, слова. Потому что в России труднее всего понимают вот это. Что речь не о самом лучшем из всего того, что мы вообще можем себе вообразить.

Нет, открытые общества — лучшие только из реально существовавших и реально существующих.

И понимать эту разницу — очень-очень важно!

Потому что навообразать себе можно все, что угодно. Как в далекие времена наши крестьяне, создавая русские сказки, и правда верили, наверно, что где-то далеко-далеко, за семью морями, текут молочные реки в кисельных берегах — лишь бы туда добраться... А тот наш далекий предок, который первым стал сочинять сказку про пощучьему веленью, по моему хотенью? Он, может, и правда верил, что в случае особой удачи можно двинуться куда-то и достичь чего-то хорошего, не слезая с печи...

Вот, например, Никита Хрущев в 1961 году — вообразил (и сам в это явно поверил), что к 1980 году (году окончательного построения основ коммунизма...) в Советском Союзе «семейные отношения окончательно (! — М. Ч.) очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах любви и дружбы»...

Но коммунизм построить к 1980 году не удалось. Браки иногда, к сожалению, по-прежнему совершаются по

расчету. Зато в тот год, когда Поппер писал для русского читателя свое предисловие, 1992-й — Россия явно вступила на путь, ведущий именно к *открытому обществу*.

И Карл Поппер радостно приветствовал ее.

3. НЕБОЛЬШАЯ ПОВЕСТЬ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ГЛАВОК ПРО МИЛОВАНА ДЖИЛАСА, НОВЫЙ КЛАСС, ТАМИЗДАТ, САМИЗДАТ И «РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

Почему партия сильнее нас.
Мы по ее призывам боролись за светлое
будущее, она — за свое настоящее.
То есть мы не знали, за что.
Она знала, за что.

Михаил Жванецкий

Глава 1

«В Югославии круг разрешенного чтения был существенно шире, чем в Советском Союзе, — вспоминает Егор Гайдар. — Роясь в книгах... постепенно проделываю путь, естественный для горячего энтузиаста марксистской методологии, пытающегося применить ее к социалистическим реалиям».

Егор читает и по-русски, и — свободно — по-сербски.

И из книги Джиласа «Новый класс», прочитанной им от корки до корки, он узнает про бюрократию — *новый класс*, вставший над обществом. Присвоение ею государственной собственности, отсутствие у подмятых ею людей стимулов к труду...

Вот, оказывается, какой он — *социализм*... По Марксу, исторически неизбежная фаза развития человечества, куда должны непременно попасть в конце концов и Франция, и Англия, и Америка... Про них Егор, правда, знает еще очень мало.

Несомненно, книжка эта попала в его руки вовремя. В Советском Союзе она была только в *спецхране* — *специальном* таком отделе крупнейших библиотек, куда записывали только по особому ходатайству научных учреждений и куда подростка ни в коем случае бы не допустили.

Повезло: Егор вовремя оказался именно в Югославии. Эта книжка (да и некоторые другие) сыграла в политическом созревании подростка немалую роль. Егор читал — и ему становилось понятным то, что уже года два-три как вызывало у него недоумение, множество вопросов.

Книга Джиласа «Новый класс» — это был типичный московский *Самиздат*, которым в 60-е годы зачитывалась вся интеллигенция.

Самиздат — это то, что переписывается от руки (нередко — с печатной книжки), перепечатывается на машинке или фотографируется. А потом распространяется тайно, в виде машинописных страниц (нередко на папиросной бумаге — чтобы на пишущей машинке «прошло» больше копий) или фотографий. Все это — с риском распространителя попасть в тюрьму и далее — в советский концлагерь.

Часть Самиздата сначала была *Тамиздатом*. (И наоборот.)

Это — книжки, которые издавались в те годы по-русски, но только за границей.

Их возили в Советский Союз «под полой» иностранные туристы — тоже с немалым риском: им грозил во всяком случае отказ в дальнейших поездках в Советский Союз, а для многих эти поездки были очень важны — связаны с профессиональными занятиями, с личными обстоятельствами и т. п.

Провезенная через границу книжка затем превращалась в Самиздат — перепечатывалась на машинке по четыре-пять экземпляров и распространялась. Причем так, что тот, кому вы ее давали, обычно не знал, ни от кого вы ее получили, ни кому еще давали.

Это было такое гигиеническое правило, мы все старались его соблюдать. По известной поговорке: «Меньше

знаешь — крепче спишь». Когда потащат в КГБ на допрос (а все мы жили с чувством, что рано или поздно потащат), скрывать придется только одну фамилию — того человека, который давал читать тебе лично... А больше ты ни про кого и не знаешь.

«Новый класс», свидетельствуют исследователи нелегальной литературы, ходил в Самиздате с начала 60-х.

...Представляю себе, как шепчет удивленно наш юный читатель: «Какая еще машинка?.. Какие фотографии? Со всем с ума посходили... Почему же не ксерокопировали? Не сканировали? Сколько хочешь экземпляров можно...»

Возможно, он никогда не видел пишущую машинку.

Ему трудно даже представить себе, как она выглядит.

Еще труднее ему представить себе, что сканеров тогда не было совсем. А немногочисленные ксерокопировальные машины (очень большие!) стояли — в тех немногочисленных учреждениях, где они были, — практически под замком в «первом отделе». То есть в одном из миллионов филиалов КГБ на каждом предприятии.

И доступ к ним «простых» сотрудников — докторов наук, академиков, кого угодно — был совершенно невозможен. Или требовалось множество разрешительных подписей.

«Почему же?!» — опять спросите вы.

Да потому что советская власть боялась, что если так называемая множительная техника попадет к нам в руки — мы сразу начнем печатать на ней листовки против советской власти, и главное — большими тиражами...

...Биография Джиласа волновала Егора — как взволновала бы она любого подростка.

Судите сами. В 1932 году, еще будучи студентом Белградского университета, Джилас вступил в компартию Югославии. *И тут же попал в тюрьму — на три года.* Как вы понимаете, эта компартия до войны не была еще у власти, а, напротив, подвергалась гонениям.

Затем, в годы Второй мировой войны, он воевал — и на войне погибли два его брата и сестра.

После войны, когда компартия пришла к власти, Милован Джилас стал в ней вторым человеком после Тито. В начале 1953 года стал даже председателем Союзной народной скупщины — то есть главой законодательной власти в Югославии.

И тогда же стал писать резко критические статьи в главной партийной газете. Причем критиковал-то он саму партию — за переход на сталинские методы управления. И даже предлагал создать вторую партию — не коммунистическую, а социалистическую.

Но коммунисты, как только приходят к власти, не терпят рядом никакую другую партию — зачем она им, когда они владеют конечной истиной?

И эта их особенность здесь, в Югославии, тоже проникала в сознание Егора гораздо быстрее, чем это случилось бы на родине. Именно в книге Джиласа он и вычитал это — «Ленин уничтожил все партии, даже социалистические — кроме собственной».

Он узнал, что родная партия погнала Джиласа в январе 1954 года со всех партийных и правительственных постов, а в марте того же года исключила из своих рядов. В январе же следующего года приговорила — пока условно — к 18 месяцам тюрьмы за «клеветнические заявления, в которых он изображал положение в Югославии в злонамеренно искаженном виде».

Егор уже постигал цену этих советских формулировок. «Клеветнические», «злонамеренно искажал» — то есть читай: писал правдиво.

А в год рождения Егора, осенью 1956-го, Джилас открыто одобрил венгерское восстание. Заодно покритиковал Тито и коммунистическую власть вообще. За что и осужден был на три года тюрьмы — уже не условно. Через 20 с лишним лет после первой, «буржуазной» посадки.

Там-то, в тюрьме он и написал свою главную книгу — ее Егор сейчас держал в руках: «Новый класс». И то, что книга написана в тюрьме, конечно, увеличивало ее цену в глазах подростка. Как сказали бы его сверстники сегодня (а тогда так не говорили, в ходу были другие молодежные словечки) — это было круто!

И именно за эту книгу в 1957 году Джиласа осудили еще на семь лет.

В 1961 году освободили досрочно. Но через три месяца снова арестовали и посадили — уже за книгу «Беседы со Сталиным»...

Он отсидел еще почти пять лет.

И вышел на свободу за полгода до приезда Гайдаров в Белград.

Возможно, Егор даже и видел его — одного из первых послевоенных диссидентов «социалистического лагеря». Того, у которого родная власть забрала 12 лет жизни — за иной, чем у нее, образ мыслей...

Но встречаться с Джиласом его отец не мог — очень быстро об этом узнали бы «там, где надо».

И тогда ему — тоже очень быстро — пришлось бы вернуться из Белграда в Москву.

Глава 2

В книге «Новый класс» Егор прочитал о том, что на самом деле произошло в 1936 году.

В том году принималась новая советская Конституция, и Сталин провозгласил, что в СССР нет больше эксплуататорских классов. *На самом деле, писал Джилас, был не только завершен процесс «уничтожения капиталистов и других классов прежней системы, но и сформирован класс, не виданный до той поры в истории».*

Этот класс прямо связан с партией большевиков, но не полностью с ней совпадает: можно быть членом партии — и вовсе не принадлежать к новому классу. «...К новому классу можно отнести тех, кто исключительно благодаря монополии на управление получает особые привилегии и материальные преимущества».

Этих-то людей Джилас и называет *олигархами* — совершенно точно. Потому что «олигархи» — это не просто очень богатые люди, как сегодня многие у нас считают. Это слово относится только к таким людям, которые очень богаты и при этом управляют — открыто или при-

крыто — своей страной. Так что больше всего это слово относится вовсе не к миллионерам-предпринимателям, а к некоторым сегодняшним очень богатым российским правительственным чиновникам.

Джилас писал, что никакая партия, если бы она не была сама, *персонально*, материально заинтересована в производстве, «не смогла бы заниматься такой идейной и моральной эквилибристикой, а тем более так долго оставаться у власти, как коммунистическая партия».

Эквилибристика — это такие цирковые номера, когда человек старается сохранить равновесие, балансируя на неустойчивых предметах — каких-нибудь катающихся по полу бревнах или на вершине пирамиды стульев, стоящих один на другом на одной или двух ножках...

Партия вот так и балансировала. Она сменяла один лозунг — совсем другим, принуждала людей верить каждому новому лозунгу, верить, например, что вчерашний глава правительства Рыков или авторитетнейший деятель партии Бухарин с сегодняшнего дня — «разоблаченные» враги народа, японские шпионы и диверсанты...

Джилас пояснил, что все это проделывать можно было только при наличии очень сильного личного стимула. Им и было — страстное желание сохранить власть и благосостояние. Поэтому члены *нового класса* и шли безоглядно за новыми и новыми чудовищными замыслами Сталина, и соглашались отправлять сотни тысяч людей в Гулаг, на верную смерть.

Для формирования и комфортабельной жизни нового класса важнейшее условие — уничтожение *частной собственности*. Это в России было сделано сразу после Октября: все, что было собственностью конкретных людей, стало общенациональной собственностью.

«Свое могущество, привилегии, идеологию, привычки новый класс черпает из некоей особой, специальной формы собственности. Это — коллективная собственность, то есть та, которой он управляет и которую распределяет «от имени» нации, «от имени» общества». То есть — «общее» значит «мое».

В общем, по басне Крылова «Лев на ловле».

В этой басне «Собака, Лев да Волк с Лисой» решили вместе охотиться и потом поровну делить добычу. Вот Лиса каким-то образом добыла оленя, и все четверо собрались его делить.

Лев берется за дело — раздирает оленя на четыре части.

Теперь давай делить!
Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

В отличие от стран, где в основе социального устройства — частная собственность, в «коммунистических» (так называет их Джилас) странах сложилось такое устройство общества: «...Там участие в правительственной власти равнозначно владению, пользованию и распоряжению почти всем народным имуществом. Те, кто захватывают власть, захватывают привилегии, а значит, косвенным образом, захватывают и собственность. Вследствие этого при коммунизме стремление к власти или к политике как профессии характерно для всех тех, кто хочет вести паразитическую жизнь за счет чужого труда».

Со второй половины 20-х годов в Советском Союзе все, кто мечтали о такой именно жизни, двинулись в ряды правящей партии («идейных» членов партии тоже было немало — но в основном это были те, кто вступили раньше).

В 1934 году, после «первой пятилетки», эти ряды пополнились почти на миллион — выросли более чем в два раза. И если заработок рабочего в 1935 году составлял 1 800 рублей, то секретарь райкома, писал Джилас, «вкуче со всеми приплатами получал около 45 тысяч». Дело в том, что до 1932 года существовал так называемый *партмаксимум* — член партии не мог зарабатывать выше определенной

планки: считалось, что он работает «за идею». А беспартийный — мог. Сталин отменил партмаксимум; это был ход вполне в русле формирования «нового класса».

«Подобно прежней буржуазии, новый класс жаден и ненасытен, но у него нет тех добродетелей бережливости и хозяйственности, которые были у буржуазии. Новый класс так же выделен и обособлен, как была обособлена аристократия, но у него нет аристократической утонченности и гордой рыцарственности».

Да уж...

Егору только еще предстояло увидеть и понять, как именно *грубошерстность* (стоит запомнить это выразительное слово!) советского правящего слоя оказывала огрубляющее воздействие на весь российский общественный быт.

У Джиласа оказывалось, что прославляемая поклонниками Сталина индустриализация густо замешена на корыстных интересах *нового класса*.

«Процессу индустриализации была поначалу необходима новая, коллективная, так называемая общественная социалистическая собственность, в которой фактически запрятана собственность политической бюрократии. Классовая сущность этой собственности скрывалась за ширмой общенациональных интересов».

Этими словами кончалась 3-я главка книги Джиласа.

Главка 3

А теперь — *наша* 3-я главка.

«Пользование, владение и распоряжение собственностью, — пишет далее Джилас, — это привилегия партии, партийной верхушки.

Члены партии чувствуют, что власть и распоряжение собственностью ставят их в привилегированное положение. Поэтому в их рядах неизбежным становится рост беспринципного честолюбия, лицемерия, лести и зависти. Карьеризм, распухание бюрократии — неизлечимые болезни коммунизма. В результате того, что коммунисты

превратились в собственников и что путь к достижению власти и материальных привилегий открыт только при условии “преданности” — партии, классу, “социализму” — беспринципное честолюбие неизбежно должно было стать бытовым явлением и даже одним из главных путей развития коммунизма».

Обратим внимание на некоторые явления из жизни языка.

Джилас употребляет слово «беспринципное» в понятном значении — это когда человек для достижения своих целей отступает от этических ценностей, от твердых моральных принципов.

Советская власть усиленно насаждала язык *советизмов* — единственный публичный язык, на котором *положено* выступать на собрании и писать официальные газетные тексты. Вот в этом языке слова «беспринципный» и «принципиальный» — как в волшебной стране — поменяли свои значения на противоположные.

Егору еще предстояло узнать, как крупный партийный функционер сталинского времени Жданов публично растаптывал в своем докладе в августе 1946 года Ахматову и Зощенко. И постановление ЦК КПСС о том, какие они плохие, и в 70-е годы еще не отменено, изучается в школах и университетах. Правда, уже не в обязательном порядке, а только теми преподавателями, которые покорно или просто бездумно это делали.

Так вот, в этом докладе Жданов обрушился на тех, кто относился до этого к Зощенко и Ахматовой с естественным уважением. Тут-то и понадобилось слово *беспринципность*: «...Остается только поражаться тому, до какой степени *беспринципности*, нетребовательности, невзыскательности и неразборчивости могли дойти люди, прокладывающие дорогу Зощенко и поющие ему славословия!»

Принципиальным же поступком стал называться такой, который как раз демонстрировал *беспринципность* человека. «Дал *принципиальную* оценку поступку» значило — сказал не то, что думал или чувствовал, а то, что *положено*. Предал, например, на собрании своего же товарища.

Чем больше жирел новый класс — тем больше, утверждал отважный автор книги, разлагалась и его идеология, которая еще недавно казалась Егору логичной и последовательной.

«Так называемое “дальнейшее развитие марксизма” привело к усилению нового класса, и не только к владычеству одной единственной идеологии, но к владычеству этой идеологии в том виде, в каком она понималась отдельным человеком (подразумевалось: сначала — Лениным, потом — Сталиным, после его смерти — Хрущевым. — М. Ч.) или отдельной группой олигархов. Это привело, в свою очередь, к умственному упадку и обнищанию самой идеологии».

Это любому понятно! Если ты развиваешь вслух всякие теории, а тебе никто-никто не возражает, не задает неудобных вопросов, и ты не ищешь аргументов, чтобы защитить свои взгляды, то, ясен пень, твои убеждения не очень-то совершенствуются.

«...Наряду с этим возросла нетерпимость к чужим идеям и к человеческому мышлению вообще».

Эти слова пронзили Егора. Он еще не мог точно это сформулировать, но давно уже с особым уважением относился к человеческой мысли. Он знал ей цену, высоко ставил ее силу. И плохое отношение именно к мышлению, драгоценному человеческому дару, вызвало у него нечто вроде рвотного рефлекса.

Джилас писал об «угнетении духа», о «тирании во всех областях умственной деятельности». И показывал ее на конкретных примерах: «Что делать несчастным физикам, если атомы не желают подчиняться гегелианско-марксистской теории и не поступают согласно учению о тождестве противоположностей и об их развитии к высшему единству? Что делать астрономам, если космос проявляет равнодушие к марксистской диалектике? Как быть биологам, если растения не ведут себя в соответствии с лысенковско-сталинской теорией?.. Ученых постоянно преследует страх, как бы их открытия не разошлись с официальной догмой...»

Представление о своей стране и других социалистических странах как уверенно идущих к светлому будущему

рушилось и рушилось в сознании тринадцатилетнего Егора, превращаясь постепенно в руины.

«Кто-то в шутку сказал, — писал Джилас, — что коммунистические руководители в самом деле создали коммунистическое общество, но только для самих себя».

Глава 4

Да, от чтения этой книжки Егор испытал чувство, близкое к потрясению.

Потом он вспоминал, как «Новый класс» подводил его, подростка, «к осознанию необходимости покончить с монополией бюрократии на собственность».

Ну, предположим, покончили. Хотя дело это очень не простое — вырывать у нового класса из рук то, что он привык считать своим.

А дальше-то что делать?

В середине 90-х Гайдар вспоминал и описывал ход тогдашних полудетских своих мыслей.

Подросток Егор рассуждал так: надо перейти от бюрократического государственного социализма к социализму рыночному, «...базирующемуся на рабочем самоуправлении, широких правах трудовых коллективов, рыночных механизмах, конкуренции. А поскольку бюрократия по доброй воле собственность не отдаст, предстоит тяжелая борьба за нее. Борьба будет нелегкой, но успешной: ведь бюрократический социализм, это очевидно, не эффективен, он сковывает инициативу и самостоятельность людей, их свободу, а следовательно — и рост производительных сил. Все в точности по Марксу» (Е. Гайдар, 1996).

Выделенные нами слова «это очевидно» выдают подростка — ясный, но далекий от реальности взгляд на вещи.

В том-то и дело, что далеко не всем это было «очевидно».

«Новому классу» — бюрократии — это было выгодно. Но не только ей самой — партийной верхушке, секретарям об-

комов и райкомов, но и всей *челяди* — огромному штату облуги, которой также доставались привилегии и подачки.

Так что слой тех, кого неэффективный государственный социализм устраивал по чисто корыстным соображениям, был достаточно велик. По подсчетам социологов и демографов, к середине 80-х годов — к моменту появления на нашей исторической сцене Михаила Сергеевича Горбачева — он составлял примерно 18 миллионов человек... Заметим — столько же было членов КПСС. Но состав той и другой огромной группы не совпадал. Было очень много рядовых членов партии, не имеющих никакого отношения к *новому классу* — ни по уровню благосостояния, ни по жизненным запросам.

Егору повезло, как сам он считал впоследствии, что в момент этих его первых подступов к размышлениям на темы социально-экономического устройства общества, он оказался в Югославии.

И не только потому, что именно эта страна — в отличие от всех подчиненных Советскому Союзу стран Центральной Европы — была, по его определению, «полигоном рабочего самоуправления и рыночного социализма», но также из-за свободного доступа к запрещенным на родине книгам.

Егор во чтобы то ни стало хочет «разобраться в перипетиях экономической реформы» — и при этом понимает «бесконечную ограниченность собственных экономических знаний» (Е. Гайдар, 1996).

...Некоторые из вас думают: «Ну, где уж нам брать с него пример... Он вон какие вопросы в 12—13 лет брался решать...»

Самое главное тут вот что — понять, что каждому именно в *этом* возрасте надо в чем-то пытаться разбираться. А некоторые откладывают это *на потом*. «Ладно, там видно будет. Сейчас мне это, наверно, не по зубам».

Большая ошибка!

У нас в России *отложенные* вопросы рискуют навсегда остаются *нерешенными*. Не знаю точно — почему. Но точно знаю, что такая опасность есть.

Еще известен такой научный факт — наш мозг всегда сильно недогружен (а вовсе не перегружен, как утверж-

дают многие). Он способен на гораздо большее — в сравнении с тем, на что мы его тратим. И надо не бояться нагрузить его как следует — в любом возрасте! Ваш мозг всегда прореагирует как нужно.

Вообще же — будущее человека очевидно уже в детстве. Если он по-настоящему хочет кем-то *стать* — шаги в нужную сторону он сделает очень рано. А если не сделает — значит, ничего не хочет.

* * *

Вот так-то и дошло дело до Данилки Недокормыша. ...Годов поди тогда двенадцати, а то и боле. ...Пришел Прокопъич домой, а Данилушко около станочка стоит, досочку малахитовую оглядывает. На этой досочке зарез сделан — кромку отбить. Вот Данилушко на это место устался и головенкой покачивает...

— Ты что это! Кто тебя просил поделку в руки брать? Что тут доглядываешь?

Данилушко и отвечает:

— На мой глаз, дедушко, не с этой стороны кромку отбивать надо. Вишь, узор тут, а его срежут.

Прокопъич закричал, конечно:

— Что? Кто ты такой? Мастер? У рук не бывало, а судишь? Что ты понимать можешь?

— То и понимаю, что эту штуку испортили, — отвечает Данилушко.

...Прокопъич-то, вишь, сам над этой досочкой думал — с которой стороны кромку срезать. Данилушко своим разговором прямо в точку попал (П. Бажов. Каменный цветок).

4. АДАМ СМИТ И ЭКОНОМИКА FOREVER

Вернемся с бажовского Урала в Югославию, где взрослеющий, уже четырнадцатилетний Егор Гайдар бьется с ограниченностью своих экономических знаний.

«Пытаюсь поправить дело. Старший брат Никита дарит книжку, ставшую любимой на десятилетия, — двухтомник Адама Смита 1938 года» (Е. Гайдар, 1996).

* * *

А теперь — раз уж дошло до Адама Смита — отправимся ненадолго в пушкинское время. Ведь все, кто слышал это имя — «слышал» его скорей всего от Пушкина...

Если кто-то из вас успел прочесть «Евгения Онегина», не дожидаясь, пока его будут «проходить» в школе (а кончить среднюю школу в России, не прочитав «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки», дело настолько плохое, что я о нем ни говорить, ни слышать не хочу), тот вспомнит, чему же именно учился Евгений Онегин примерно в том же возрасте, в котором мы застаем в Югославии Егора Гайдара.

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый...

«Ученый малый» — это у Пушкина ирония (как и на счет его «строгих» судей, пришедших к такому выводу).

А ученье «понемногу, / Чему-нибудь и как-нибудь» — это результат того, что дворяне получали главным образом *домашнее* образование («воспитанье», как называет его автор «Евгения Онегина»). И качество его зависело от того, каких домашних учителей наняли родители.

Так чему же все-таки учился Онегин?

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,

Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,

Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И землю отдавал в залог.

На эти «онегинские» строки обратил в свое время внимание Маркс. Он писал: «В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги».

Если вы заметили — Пушкин выделяет слова «простой продукт». Почему? Потому что это термин современников Адама Смита — французских экономистов. Они считали, что продукт сельского хозяйства (если он, конечно, есть — и в достаточном количестве) составляет *основу* национального богатства.

И еще одно — «эконом» у Пушкина не от слов *экономный, экономить*, а от слова «экономия» — в том смысле, в котором сегодня оно употребляется в словосочетании «политическая экономия». Пушкин иронически называет Онегина знатоком экономических проблем...

Пока же хотим подчеркнуть только одно — Адам Смит с его книгой «О богатстве народов» (а именно этот заголовок запрятан в стихе «...Как государство богатеет») входит в непреременный круг чтения юноши-подростка пушкинского времени.

О ней напишут впоследствии как о книге, произведшей настоящий эффект разорвавшейся бомбы среди современников, изменившей в начале XIX века представления о мировой экономике. И главное — как о книге, правоту многих тезисов которой, казавшихся некогда фантастическими, доказало впоследствии время...

Итак, благодаря старшему брату в руки Егора попала правильная книга и в правильный момент.

Она написана необычайно просто — и очень ярко.

Едва ли не каждая ее фраза делает ясным и понятным что-то очень важное.

«Потребление — единственное завершение и цель всего процесса производства».

Впоследствии один из популяризаторов Адама Смита сказал, что этой фразой он «осветил все тайны экономики одной вспышкой»: получается, что «экономика — просто-напросто стратегия жизнеобеспечения, и ничего более».

Адам Смит формулирует в своей книге три — всего три! — основных экономических принципа. Если сказать по-другому — показывает, что весь экономический прогресс в мире зависит от трех — и независимых друг от друга, — факторов. Это:

— личный интерес (он обязательно должен присутствовать),

— разделение труда,

— свобода торговли.

Егор узнал, что до Адама Смита никто не додумался до такой, казалось бы, простой вещи, что именно *разделение труда* между людьми — специализация — способно улучшить жизнь каждого. И что даже сам термин в его современном понимании он же и изобрел.

Цель *разделения труда*, писал Смит: *«при меньших затратах труда производить большее количество работы».*

Как просто выражено! И как неоспоримо точно!

Егору очень нравился его пример с *гвоздем*: без специализации и, соответственно, специальной техники человек делал бы один гвоздь целый день... В примечаниях Егор еще прочел, что в черновиках к своей книге Смит писал: если бы один и тот же человек копал шахту, добывал руду и плавил металл, то «не изготовили бы один гвоздь и за год».

Вообще Адам Смит поражал и восхищал на каждой странице.

И с каждой прочитанной страницей море — главная любовь Егорки чуть ли не с рождения — отступало все дальше и дальше...

Его место захватывала еще не очень-то понятная, но уже безоглядно любимая наука экономика. Ведь это была наука об устройстве повседневной жизни человечества! Не больше и не меньше!..

Книга, попавшая в Егоркины руки, не была похожа ни на один учебник. В ней вообще не было скучных страниц. Она увлекала его, как в детстве Майн Рид и Жюль Верн.

Ну, например, как Смит обосновывал разделение труда еще и с совсем другой стороны. Он обращал внимание читателя на всем известный факт, что человек — самое могущественное на Земле существо — рождается совершенно беспомощным, не умеющим позаботиться о себе...

Это было очень даже понятно. Егор знал, например, что жеребенок чуть ли не сразу после рождения уже встает на свои еще слабые ножки и начинает ими переступать. А ребенок когда встает на ножки и начинает ходить?.. Вот то-то и оно-то. И еще. В два года разные другие млекопитающие уже охотятся, добывают пропитание не только себе, но некоторые уже и собственным детенышам. А человек хорошо если выучился есть ложкой ту кашку, которую ему мама сварила. А если не сварит?..

И вот еще что.

С точки зрения не религии и не высокой морали, а той науки, которую, собственно, *создавал* в этой книге Адам Смит, мы должны относиться к другим людям с уважением и признавать, что они совершенно равны нам — почему?.. Не потому даже, что нас вдохновляет высокая мораль (может, кого-то она вовсе не вдохновляет) или переполняют братские чувства ко всему человечеству (кого-то вовсе не переполняют). А просто потому, что мы вообще-то беспомощны...

Смит пишет — человек «во все времена нуждается в сотрудничестве и помощи множества людей, между тем

как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу всего нескольких лиц».

«Ну, тут Смит хватанул», — думал Егор и считал по пальцам, сколько друзей у него — к его небольшому еще возрасту — в разных местах земли. Пальцев не хватало.

Но следующие слова просто поражали простотой объяснения важнейших вещей: «Не от благожелательности мясника, пивовара и булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов»!

Что человек имеет право — и даже должен — быть лично заинтересован, искать свою выгоду, лишь бы только без надувательства, — это Егор давно уже понял. Но у Смита вообще не было призыва без зазрения совести наращивать богатство в условиях свободного предпринимательства, не думая вовсе о других.

Нет, у него все было окутано какой-то скрытой теплотой отношения людей друг к другу.

Получалось, что булочник рад возможности предоставить вам свежий теплый рогалик, а вы благодарны ему за то, что он их печет!

И мрачный мир «Капитала», где человеческое общество живет в условиях жестокой классовой борьбы — войны всех против всех, как-то отступал, сдавал свои еще недавно казавшиеся Егору такими прочными позиции спокойным рассуждениям Адама Смита.

Маркс — он все больше о том, как кто-то у кого-то имеет право отнять его собственность и в конце концов сделать любую собственность общей: «Монополия капитала, — писал он, — становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

У нас в России после Октябрьского переворота эту последнюю мысль — «Экспроприаторов экспроприиру-

ют» — выражали проще: «Грабь награбленное!» Ленину очень понравилось. Он говорил в одной из речей в начале 1918 года: «Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то — почему нельзя обойтись без латинских слов?»

А у Смита, в противоположность будущему его оппоненту Марксу — непререкаемая уверенность в том, что все имеют право обладать собственностью.

«Собственность, которой владеет каждый человек, заключается в его труде, и так как это является исходным основанием всей собственности всех граждан, это право должно быть священным и неприкосновенным... Наследство бедняка заключается в силе и ловкости его рук. И препятствовать ему в приложении его силы и ловкости к тому делу, которое он считает подходящим, если только оно не наносит ущерба его соседям, — это прямое нарушение священного права собственности».

Адам Смит совершенно не против *богатства* как такового. Потому что тогда вообще надо быть против личной выгоды, личного интереса! Но зато оставляет за собой право оценивать *поведение* разбогатевших: «Их богатство само по себе восхищает публику, но тщеславие, которое почти всегда сопутствует таким внезапно полученным состояниям, и глупое хвастовство, с которыми они обычно показывают это богатство, возбуждает все-таки больше раздражения и негодования».

А вот к власти у него гораздо более суровое отношение. Потому что чуть только власти начнут делать принудительные ограничения, как нарушается принцип *взаимной выгоды*. А уж тогда непременно разрушается процесс *торговли*. А за ним — неэффективным становится и принцип *разделения труда*... Ну и, соответственно, *личные интересы* тоже остаются не удовлетворенными. То есть — разрушаются все три необходимых условия экономического прогресса.

Свободная торговля, по Адаму Смиту, взаимовыгодна изначально. У одного есть что-то, а ему нужно нечто другое. А тому нужно как раз то, что есть у первого! Очень все понятно.

Понятно также, что некоторые сделки могут быть — или казаться со стороны — неравноценными. Но до этого никому не должно быть дело, кроме самих участников сделки — тех, кто меняет товар на товар. В этом и состоит принцип *свободы торговли*.

* * *

Много-много лет спустя знаменитый экономист Нобелевский лауреат Милтон Фридман напишет, что основная идея книги Адама Смита «обманчиво проста: если сделка между двумя партнерами является добровольной, она состоится только в том случае, если оба они полагают, что извлекут из нее выгоду». А суть «ошибок и заблуждений» многих экономистов (а я бы добавила — и тех, кто берется сегодня рассуждать об экономике, желая главным образом обругать реформы 90-х годов и созданный благодаря им рынок, о чем дальше, дальше... — М. Ч.) в том, что «они пренебрегают этой простой и глубокой идеей и склонны предполагать, что предметом каждой сделки является некоторая фиксированная сумма выигрыша, предназначенная “для дележа”, и что если один партнер получает от сделки какую-то выгоду, то только потому, что он тем самым лишил выгоды другого».

В том-то и заключалась потрясающая интеллектуальная заслуга Адама Смита, что он показал: старая русская поговорка «Не обманешь — не продашь», многим навсегда втемяшившаяся в голову как незыблемый экономический закон, — не универсальна.

А поговорка эта в советское время зазвучала еще громче — при ее помощи советская пропаганда с детства настраивала людей против Рынка как такового. Пропаганда внушала: на рынке — обманывают, а при *плановой экономике* — честно *распределяют*.

Вообще советская власть всегда и везде, особенно там, «у них», у капиталистов, привычно искала *происки* (само слово — типичный советизм!) темных сил, чью-то злую волю — по себе, видно, меряла.

Вот именно это, что называет Фридман ошибкой и заблуждением, она успешно людям внушала и внушила: что *не бывает кому-то выгоды без ущерба другому*.

Все это была чистой воды демагогия (надолго — даже и до наших дней — засевшая во множестве голов), потому что, разумеется, вполне можно продать (обменять) без обмана и с выгодой для обоих. И это давным-давно показано Адамом Смитом.

Да вспомним хотя бы торг Тома Сойера насчет побелки забора... Он всего лишь сделал вид, что ему страшно интересно белить и что эту работу не каждому можно доверить. И тут же у него оказалось без счета — скажем условно — *покупателей*.

«В простаках недостатка не было: мальчишки то и дело подходили к забору — подходили позубоскалить, а оставались белить. К тому времени, как Бен выбился из сил, Том уже продал вторую очередь Билли Фишеру, за совсем нового бумажного змея; а когда и Фишер устал, его сменил Джонни Миллер, внося в виде платы дохлую крысу на длинной веревочке, чтоб удобнее было эту крысу вертеть, — и так далее, и так далее, час за часом. К полудню Том из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши».

Дальше идет перечисление его приобретений, служащих опять-таки иллюстрацией к Адаму Смиуту: что для взрослых — хлам, для мальчиков — богатство.

«...Осколок синей бутылки, чтобы глядеть сквозь него, пушка, сделанная из катушки для ниток, ключ, который ничего не хотел отпирать, кусок мела, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастика, шесть хлопушек, одноглазый котенок...»

В общем, заключает автор, «если бы известка не кончилась, он разорил бы всех мальчиков этого города».

Вы, может, скажете — вот он как раз своих друзей и обманывал! А лично я нисколько так не считаю.

Забор и краска были перед ними. Хочешь — бели, не хочешь — иди стороной. Том Сойер только изобразил, что эта работа ему «по душе». И задал приятелю риторический (то есть не требующий ответа) вопрос:

«Разве мальчикам каждый день достается белить заборы?»

Где же тут обман?.. Я считаю — тут как раз *все* получили *свою* выгоду. Кому — удовольствие от беления забора, кому — дохлая крыса на длинной веревочке.

* * *

Адам Смит высмеивал тех, кто (в XVIII веке находились такие!) был против импорта продуктов потребления — и вывоза (экспорта) товаров долгого пользования. Егору нравился его особый, основательный юмор...

«Ничто, следовательно, как принято полагать, не может быть более невыгодным для любой страны, чем торговля, состоящая в обмене предметов длительного пользования на то, что иссякает в потреблении быстро. Но мы, как бы то ни было, не считаем, что торговля невыгодна, если она состоит в обмене производственного оборудования Англии на вина Франции; а производственное оборудование — предмет пользования весьма и весьма длительного, и как мы видим, если бы не постоянный вывоз этого оборудования из страны, то за все годы его использования в совокупности в стране наблюдался бы невероятный прирост котелков и сковородок».

В книге встречались и такие суждения автора, которые могли показаться весьма неприятными. Но — только на первый взгляд. Егор — отдадим ему должное — быстро в этом разобрался.

Ну, например: *«Сохранение мира и порядка в обществе важнее облегчения жизни нуждающихся».*

Егор быстро сумел сообразить, что во время гражданской войны и правда ничью жизнь не облегчишь. А ведь в советские годы его детства и юности Гражданская война, о которой так мечтал Ленин, призывавший солдат Первой мировой войны (когда Россия воевала с Германией) «повернуть штыки» против своих сограждан, и которую ему удалось-таки развязать, считалась правильным, героическим делом...

Умный подросток, прямо скажем, наслаждался и мыслями, и отточенными формулировками знаменитого экономиста: «Труд — всегда нужно помнить об этом — является реальной ценой, уплаченной за все предметы. Не на золото или серебро, а только на труд первоначально были приобретены все богатства мира».

Но главное — через всю книгу, написанную на старомодном языке XVIII века (его приятная тяжеловатость уцелела в переводе), невидимой нитью шла мысль, что свобода владения продуктом своего труда и свобода торговли, не стесняемая ненужными ограничениями со стороны государства, ведет к свободе мышления! И вообще налаживает как бы сама по себе разумную, для всех удобную жизнь.

Там не было этих торжественных и мрачных прогнозов «Капитала» о неизбежности революции — как единственного средства спасения человека от нищеты и нещадной эксплуатации.

В мире Маркса человек человеку был классовый враг. Принадлежность к определенному классу оценивалась многократно выше свободной воли человека, его свободного выбора между добром и злом. А у Адама Смита получалось, что при условии рыночной экономики и частной собственности (у Маркса — исторически обреченной) все могут вполне пристойно сосуществовать, не причиняя друг другу смертельных обид...

В общем — как в «Маугли».

Впоследствии взрослый Гайдар вспомнит об Адаме Смите — любимой книжке своего отрочества — так: «Здесь другая — либеральная и тоже целостная картина мира».

А что точно означает слово «либеральный» — Егору в те годы еще только предстояло узнать.

5. «НОВЫЙ КЛАСС» И ХОЗРАСЧЕТ

В это самое время на родине Егора продолжалась, быть может, самая эффективная попытка «правильной» экономической жизни в рамках советской власти — того

самого «рыночного социализма», который он наблюдал в Югославии. Она же оказалась и самой трагической.

В 1969-м шел так называемый эксперимент Худенко. Тогда же о нем был снят документальный фильм «Человек на земле». Показать его власти в тот год не разрешили. Вынесли такой приговор — «Дело преждевременное».

Организовал Худенко свое новое хозяйство осенью 1967 года. В первый же год работы по «безнарядной» (то есть — отличной от «плановой» экономики) системе получил очень хорошие результаты, во второй — еще лучше. В середине третьего года, когда все деньги вложили, а результаты должны были получиться, естественно, осенью (как известно, цыплят по осени считают), хозяйство ликвидировали — за убыточность.

Сохранилась стенограмма заседания коллегии республиканского (дело происходило еще в советском Казахстане) министерства сельского хозяйства. Представители «нового класса», озабоченные только своим местом под солнцем, не стесняясь друг друга, не прячут цинизма:

— Эксперимент в Акчи следует срочно прекратить. Сейчас июнь, а в августе-сентябре Худенко реализует продукцию, хозяйство получит прибыль, и тогда с ним не совладать.

Министр сельского хозяйства:

— Надо немедленно арестовать счет хозяйства в банке.

...Уже после полного разорения хозяйства «новый класс» (начальники главков и проч.) высказывался:

— Вы что же, считаете, что тракторист должен получать больше, чем начальник отдела в нашем министерстве?!

— Устроил такую безработицу!.. Еле от него избавились.

Это — в республике, где была острая нехватка трудовых ресурсов, где высвобождаемых работников ничего не стоило трудоустроить!..

— Худенко развалил хозяйство. Он и его люди — жулики и алкаши.

А все знали, что в его совхозе царит «сухой закон» — иначе много не наработаешь.

Его защищали известнейшие советские экономисты — Аганбегян, Заславская, Петраков... Но *новый класс* был сильнее людей с академическими заслугами.

А хозрасчет при социализме оказался тем, что называется *оксюмороном*. Например — «жареный лед» или «веселый мертвец».

«...Социалистическое государство, опираясь на объективные экономические законы, руководит народным хозяйством в интересах всего общества, определяет пропорции общественного воспроизводства, темпы развития различных отраслей и т. д. ...Хозяйственный расчет есть экономическая категория социализма, в которой выражаются определенные стороны социалистических производственных отношений...» (Политическая экономия: социализм — первая фаза коммунистического способа производства. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1974. Глава VIII. Хозяйственный расчет. С. 173).

6. ПОЛ САМУЭЛЬСОН И ЕГО «ЭКОНОМИКА»

Егор упорно движется по новоизбранному пути.

Экономика захватывает его все больше и больше.

«...Достаю изданный в 1964 году небольшим тиражом базовый университетский учебник экономики, очень популярный в эти годы в Америке, да, пожалуй, и по всему миру — “Экономику” П. Самуэльсона. Убеждает прагматичный анализ и изложение закономерностей действия рыночных механизмов. И хотя остаюсь ортодоксальным марксистом в понимании закономерностей общественного развития, впервые закрадываются сомнения» — на счет Марксова анализа повседневных экономических явлений...

Толстенный том (844 страницы!) выглядел любопытно. На титульном листе вверху справа было отпечатано — «Для научных библиотек».

Как это понимать?.. Отец объяснил пытливому Егору, что значит — книга скорее всего не поступает в свобод-

ную продажу. Но почему же? Отец, посмеиваясь, сказал, что «наши» (то есть наша власть), видно, побаиваются, что неподготовленные мозги могут поддаться буржуазной пропаганде. Таких не поступающих в продажу книг Егор еще не встречал.

Да, в этой книге было много интересного еще до самого ее чтения.

Например, в короткой аннотации на обороте титульного листа сообщалось: «В книге изложены основные положения современной вульгарной буржуазной политэкономии». Прямо так и написано — «вульгарной». Ради чего тогда старались — переводили эту вульгарщину целых пять авторов?..

А большая вступительная статья советского академика с первой страницы давала суровую отповедь автору, поясняя, кстати сказать, по ходу дела, зачем же его переводили: «Перевод книги, в которой достаточно полно представлен теоретический багаж нашего идеологического противника, дает богатый конкретный материал для его критики с позиций творческого марксизма-ленинизма».

И критиковать надо, оказывается, не только отдельные концепции и выводы этой «вульгарной политической экономии» — нет, критика должна быть направлена «прежде всего против ее общего методологического фундамента, ее антинаучного, поверхностного, идеалистического подхода к явлениям хозяйственной жизни в целом».

В общем, как пелось в «Интернационале» — гимне сначала коммунистической партии, а потом Советского Союза — «Весь мир насилья мы разроем до основанья...». Критиковать — рыть до фундамента.

Поясним — в анонимном русском переводе 1902 года было — «разроем» (в рифму с «построим») и — «это будет последний...» в припеве. С течением времени припев стал звучать — «Это есть наш последний и решительный бой».

Слово «антинаучный» Егору вообще не понравилось. Он не очень-то понимал, что это такое. «Ненаучный» — было бы понятней. Но почему-то в советской печати употреблялось только слово «антинаучный». Получалось,

будто некоторые люди изо всех сил боролись с наукой, не увидели ее. А не просто, скажем, не дотягивали до надлежащего научного уровня.

Вообще вступительная статья вся была очень ругательная. «Эклектика», «отживающий класс», «жалкие банкроты»... Все время повторялось слово «якобы» — к хорошим людям его не применяют. Егор стал считать, сколько раз употреблено слово «вульгарный», но сбился. Ну в одном только абзаце — *шесть раз!*

Вот смотрите: «...Господствующее положение заняла *вульгарная* экономия. Но сама *вульгарная* политическая экономия эволюционирует. В прошлом та или иная школа *вульгарной* экономики все же стремилась иметь свою концепцию... Вся *вульгарная* политическая экономия ныне превращена в нечто вроде лаборатории по разработке мер “спасения” капитализма. ...В нынешней *вульгарной* политической экономике царят эклектика и апология. Именно такая эклектика, сбор всяких, даже противоречащих друг другу концепций и взглядов... характерны для учебника П. Самуэльсона. Но от всего этого *вульгарная* политическая экономия не стала более убедительной».

Много позже он узнает, что такая ругань была единственным средством напечатать у нас хоть что-то стоящее западное.

Эту никуда не годную, по оценке академика, книгу Егор читал с большим увлечением. Ее автор писал совершенно по-другому, чем тот советский академик, который его разносил в клочья.

Пол Самуэльсон никого ни в чем не старался убедить насильно. Он просто рассуждал, приглашая читателя размышлять вместе с ним, о том, что самого его очень и очень занимало.

Уже во введении встретились Егору такие заманчивые строки: «Лауреат Нобелевской премии Макс Планк, основатель квантовой физики, однажды скромно заметил, что он начинал свою деятельность как экономист, но затем оставил эту профессию, потому что она слишком трудна. Когда об этом рассказали пионеру современной ма-

тематической логики Бертрону Расселу, он ответил: “Это странно. Я бросил экономическую теорию из-за того, что она слишком проста!”

Обе точки зрения содержат зерно истины. Но в них заключена и ошибка. Миллионы раз было подтверждено, что любой смышленный человек, достигший 16 лет, может хорошо усвоить экономические принципы. И в этом смысле Рассел прав. Однако в искусстве познания экономических сил человеческой жизни на одной лишь умственной виртуозности, как это понял Планк, далеко не уедешь. С другой стороны, опыт показывает, что, хотя простаки не достигали успеха ни здесь, ни в любой другой области, все же не нужно быть сверхчеловеком, чтобы плодотворно заниматься предметом, который люди называли экономической теорией и который находится на полпути между искусством и наукой».

Первое, что возбудило Егора, — «любой смышленный человек, достигший 16 лет...». Где 16 — там сгодится и 14, как ему сейчас!

А второе — «...На полпути между искусством и наукой». Не слабо! Ну как же не заняться таким замечательным предметом?..

Вот и Маркса отважный экономист подергал за пышную бороду: «Его утверждение, что богатые будут становиться богаче, а бедные — беднее, не может быть подкреплено тщательным историческим и статистическим исследованием. В Европе и Америке на протяжении длительного периода наблюдается устойчивое повышение минимального жизненного уровня...»

Так или иначе, здесь было над чем поразмыслить.

7. «КАЖДЫЙ РЕБЕНОК ЗНАЕТ...»

К каждой главе у Самуэльсона были эпитафии. И Егор сразу же встретился с уже любимым им Адамом Смитом, да еще с одной из главных его мыслей — что человек, употребляя принадлежащий ему капитал, обычно «и не имеет в виду содействовать общественной пользе и не со-

знает, насколько он содействует ей. Он имеет в виду лишь свой собственный интерес».

Но при этом «он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения».

В том, видимо, и суть экономической жизни общества, что в этой ситуации человек «часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремился служить им»!

Пленял эпиграф из «неизвестного автора» (не сам ли Самуэльсон и выдумал?) к главе «Спрос и предложение: первоначальные основы»: «Даже из попугая можно сделать образованного политэконома — все, что он должен заучить, это лишь два слова: “Спрос” и “Предложение”».

И подкупали простотой первые фразы главки «Механизм рынка»: «Начнем с примера. Сегодня утром вы просыпаетесь, испытывая неотложную необходимость в паре новых ботинок. Вы не скажете себе: “Я пойду в городскую ратушу и проголосую за того мэра, который скорее даст мне новые ботинки. Конечно, я имею в виду замшевые темно-коричневые ботинки девятого размера”».

(Двадцать лет спустя Гайдар вспомнит эти строки: его сограждане именно от власти будут требовать и ждать новых ботинок!)

«Или возьмем фактический пример из истории. Допустим, что люди стали достаточно зажиточными, чтобы позволить себе ежедневно питаться мясом, а не одной только картошкой. ...Кому из государственных деятелей сообщают об этом? Какие приказы в свою очередь отдает этот деятель фермерам, чтобы они переместились из штата Мэн в Техас?..

...Каждый знает, что все это делается совсем не так. В действительности происходит следующее. Потребители перестают покупать картофель и начинают покупать мясо. Это вызывает рост цен на мясо и снижение цен на картофель. В результате производители картофеля терпят убыток, а скотоводы извлекают выгоду. Рабочие скотоводческих ферм находят, что и их заработная плата может быть увеличена, а многие из тех, кто работает на карто-

фелекопалках (забавный перевод! — М. Ч.), бросают старую работу в поисках более высокой оплаты своего труда в других местах <...>

Каждый ребенок знает, что увеличение предложения, будь то вследствие обильного урожая или в силу какой-либо иной причины, по всей вероятности, вызовет падение цен».

Уже на словах о том, как рабочие бросают копать картофель и ищут что-нибудь более денежное, Егор как-то осекся и задумался.

Ну а на словах «каждый ребенок знает» окончательно приуныл.

Потому что, во-первых, он уже знал, что в Советском Союзе именно власть руководит всем на свете, в том числе и тем, где и сколько надо сажать картошки. И она ни за что не допустит ни снижения, ни повышения цен без своего распоряжения — что бы там ни думал на этот счет какой-либо американский ребенок.

А во-вторых, Егор хорошо помнил (при своей памяти на любые факты и цифры), что только в 1956 году, то есть в год его рождения, Хрущев отменил сталинский закон 1940 года о том, что никто не может самовольно покинуть одно место работы и переходить на другое, более денежное.

То есть в общем-то в течение шестнадцати лет господствовало крепостное право для всех работающих на заводах и любых предприятиях.

Ну а про деревню и говорить было нечего.

8. КОЕ-ЧТО О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ И О СВОБОДЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО СВОЕЙ СТРАНЕ

— Паспорт! — рявкнул кот и протянул пухлую лапу... — Каким отделением выдан документ? — спросил кот, всматриваясь в страницу. Ответа не последовало. — Четыреста двенадцатым, — сам себе сказал кот, вода ла-

пой по паспорту, который он держал кверху ногами, — ну да, конечно! Мне это отделение известно! Там кому попало выдают паспорта! А я б, например, не выдал такому, как вы! Нипочем не выдал бы! Глянул бы только раз в лицо и моментально отказал бы! — кот до того рассердился, что швырнул паспорт на пол.

Михаил Булгаков, Мастер и Маргарита

Когда в 1932 году в Советском Союзе ввели паспорта — *жителям сельских местностей их не выдавали.*

Это и было, судя по всему, главной целью паспортизации. Потому что если обнаруживали человека без паспорта не по месту его постоянного жительства, а в любом уголке его родной страны — ему грозила тюрьма.

Дело было в том, что после поголовной коллективизации и «раскулачивания» (1929—1930) крестьяне рвались сбегать из колхоза — куда-нибудь на заработки. Паспортизация останавливала эти попытки. Теперь покинуть село можно было только получив справку у правления своего колхоза.

Крестьянам оставалось все силы положить на то, чтобы хоть детей избавить от колхозной кабалы (а как иначе назвать труд за нищенские трудовни?). В колхоз добровольно-принудительно записывали *всех* живущих на его территории (то есть в своем селе) — как только им исполнилось 16 лет. Слово «крестьяне» вообще исчезло из русского языка — теперь они именовались на официальном языке только *колхозниками*. А позже стали высокопарно называться *тружениками села*.

Все они в те годы старались отправить детей в 14—15 лет на учебу в ФЗУ (фабрично-заводские училища), в техникумы... А уж там, в городе, дети их по всем правилам получали в 16 лет паспорт...

Тем из юношей, кто не успел уехать из родного села до 16 лет, оставался самый надежный способ — армия. Отслужив тогдашние *три* года, шли на заводы, стройки, в милицию, оставались на сверхсрочную службу —

лишь бы не возвращаться в колхоз. Родители, конечно, их в этом поддерживали.

Ну а девушкам, чтоб не остаться на всю жизнь в доярках (сплошь и рядом в нетопленых, разваливающихся без ремонта коровниках), оставался исконный женский выход — замуж за *городского*, если случайно повезет и такого занесет в их село...

Почему же удерживали крестьян в селе силой? Потому что «стране по-прежнему требовалось много дешевого хлеба, — писал исследователь этого вопроса, — а получить его иначе, как эксплуатируя крестьян, давно уже разучились».

...В 1967 году — как раз незадолго до того, как Егор Гайдар взялся за книжку Самуэльсона, — первый заместитель советского премьера Косыгина, отвечающий за сельское хозяйство, Д. Полянский заговорил о паспортах для крестьян.

Имейте в виду — нигде в газетах информации об этом не появилось. Судьбу жителей огромной страны решало Политбюро, втайне от них самих.

Количество людей, не имеющих права на паспорт, достигло в эти годы, писал в своей записке вступившийся за крестьян Полянский, *58 миллионов человек* — «это составляет *37 процентов всех граждан СССР*. Отсутствие паспортов у этих граждан создает для них значительные трудности при осуществлении трудовых, семейных и имущественных прав, поступлении на учебу, при получении различного рода почтовых отправок, приобретении товаров в кредит, прописке в гостиницах и т. п.».

Так что ущемлялся целый пучок законных прав крестьянина! Не говорим уж о том, что он не мог оформить и турпутевку даже в соцстрану — хотя бы в Болгарию...

«Смелчак» из Политбюро (в дальнейшем никакими смелыми поступками себя не прославивший) прибегнул даже к довольно сильным формулировкам: «Нынешний порядок паспортизации, ущемляющий права советских граждан, проживающих в деревне, вызывает у них законное недовольство. Они справедливо считают, что такой порядок означает для значительной части населения ни-

чем не обоснованную дискриминацию, с которой надо покончить».

Его предложение не поддержали ни Брежнев, ни главный идеолог страны Суслов.

Два года спустя о том же заговорил советский министр внутренних дел. У него был свой интерес. Ведь если в милиции нет фотографии каждого гражданина, получившего паспорт, то как опознавать приехавших из сел и совершивших в городе преступление?..

Но теперь уже против выступил «советский президент» — не имеющий практически никакой власти председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный.

Прошло еще несколько лет. Дело сдвинулось с мертвой точки в 1973 году. Теперь речь шла уже о *62,6 миллионах жителей сельской местности*. Министр МВД не скрывал своих мотивов: «Предполагается, что паспортизация сельских жителей улучшит организацию учета населения и будет способствовать более успешному выявлению антиобщественных элементов».

Только в 1974 году комиссия Политбюро КПСС (напоминаю — все решала правящая партия) объявила свои предложения: «Полагали бы необходимым принять новое Положение о паспортной системе в СССР, поскольку действующее сейчас Положение о паспортах, утвержденное в 1953 году, в значительной мере устарело... Проектом предусматривается выдавать паспорта всему населению. Это создаст более благоприятные условия для осуществления гражданами своих прав и будет способствовать более полному учету движения населения».

И дальше самое главное: «...Для колхозников сохраняется существующий порядок приема их на работу на предприятия и стройки». И какой же?.. «...при наличии справки об отпуске их правлениями колхозов».

Советское крепостное право сохранялось и в 1974 году.

...Так что насчет «бросают старую работу в поисках более высокой оплаты своего труда в других местах» — это было не про страну Егора Гайдара.

9. ДОЧИТЫВАЯ ПОЛА САМУЭЛЬСОНА

Главка «Валютные курсы»...

Уже само ее название к гражданам его страны тоже не имеет никакого отношения.

Мы, советские люди, в описываемые годы — а вообще-то на протяжении всех семидесяти с лишним советских лет — понятия не имели ни о каких валютных курсах. Знали их только наше правительство. Ни у кого из «простых» сограждан никакого дела с валютой не было и быть не могло.

Егор начинает читать.

«Посмотрим сначала, как происходит торговля. Если я покупаю кленовый сахар из Вермонта или чугун из Питтсбурга, то я, естественно, собираюсь расплатиться за них долларами».

(Мои сегодняшние читатели скорее всего знают, что Вермонт — это один из штатов США, а Питтсбург — американский город, славящийся издавна сталелитейной промышленностью.)

«...Но если я захочу купить английский гоночный автомобиль, то дело усложняется. Я должен в таком случае платить не в долларах, а в английских деньгах, в так называемых “фунтах стерлингов”. <...> Если валютные курсы известны, то для меня уже не составит труда купить английский автомобиль».

Тут Егор уже не может удержать вздох, вырвавшийся из груди. «Не составит труда»!.. Как рад был бы его отец — с его виртуозным автовождением — купить себе английский гоночный автомобиль!.. И рассчитать для такого замечательного дела валютный курс действительно не составило бы труда — правда не отцу, а Егору.

Но — и только. Даже на отечественные машины, для покупки на рубли, и в Союзе писателей, и в газете «Правда», где работает Тимур Гайдар, — очередь на годы. А рубли на валюту — в сумме, достаточной для покупки английского гоночного автомобиля, — никто его отцу менять не собирается, считай не считай.

Читать толстенную книжку — с диаграммами, графиками, сложными математическими расчетами — было

нелегко. И все равно было жалко, что она кончилась и началось огромное, уже не авторское, «Послесловие»:

«В современном мире, главной особенностью которого является переход от капитализма к социализму и коммунизму, идет ожесточенная борьба между коммунистической и буржуазной идеологиями. Опыт этой борьбы, научно обобщенный в Программе КПСС, наглядно показывает, что воспитание советских людей в духе коммунистических идеалов имеет важное значение как для успешного строительства коммунизма, так и для решительного разоблачения враждебной трудящимся идеологии современного капитализма...»

Опять борьба, борьба. И, конечно, «ожесточенная». Егор уже привыкает к тому, как пишут об экономике советские ученые.

Ни Егор, ни его отец, ни автор послесловия — вообще, пожалуй, никто на свете — и представить себе не могут, что всего через четверть века главной особенностью современного мира станет вовсе не «переход от капитализма к социализму». А наоборот — переход *от социализма к капитализму*. Ни Марксом, ни кем-либо другим не предсказанный. Всех, можно сказать, заставший врасплох. (Притом что он был совершенно закономерным, — как много-много лет спустя покажет Егор в своих книгах.)

И «ожесточенная борьба» между двумя идеологиями кончится; держаться за коммунистическую идеологию будут всего лишь две страны — КНДР и Куба. И уйдет в прошлое настырное и совсем не безобидное желание наших властей на всех материках водрузить красный флажок — и нередко ценою жизни своих солдат. Совсем молодых людей, которым вообще-то эта Ангола — до фонаря, и ни их матерям, ни им самим непонятно, почему они должны умирать в 19 лет за то, чтобы в каких-то странах Африки возник социализм...

...Да, кончится наконец эта многолетняя вражда и начнется пусть не всегда искреннее, и не без обострений, но все-таки добрососедство. Ну, в общем-то, — опять как не вспомнить «Маугли»... Да и пословицу про худой мир, который лучше доброй ссоры, еще никто не отменял.

А в послесловии к дочитанной Егором книге Пола Самуэльсона запестрели знакомые словечки «вульгарная», «якобы»; пошли сплошные иронические кавычки — «заслуга», «теории», «принципы» и «законы», свойственные «буржуазной политэкономии». То есть у нас, марксистов — теории, а у них, буржуев — только «теории» в кавычках.

Под конец уж неизвестно почему (наверно, лгать на многих страницах все-таки любому человеку утомительно) автор послесловия признавался: «И, наконец, небезынтересно для советских экономистов ознакомиться и с формой изложения материала, которая доходчива и понятна даже для мало осведомленного читателя».

Еще бы не доходчива! В книге шел человеческий, самому автору явно жгуче интересный разговор о каждодневной жизни людей. Об их обычных потребностях. Об их насущных интересах.

А у советского академика (автора предисловия), как и у заслуженного деятеля науки и техники (автора послесловия), слышалась в написанных на бумаге словах металлическая какая-то интонация.

Будто речь шла не о простой человеческой жизни и не о научных теориях, а совсем о другом, о чем-то грозном. Будто кого-то, например, готовились исключать из партии, как когда-то дедушку Бажова. А то и вовсе забирать на Лубянку, а затем в Гулаг. И пипущие к этому ведут. А в то же время в глубине души стыдятся своих лживых писаний. И от этого злятся.

...Вот это скрытое свойство советских обличительных текстов и вытаскил на свет Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Написан он был давно, еще до войны. А напечатан только недавно, зимой 1966/67 годов в журнале «Москва» — и прочитан, конечно, всей семьей Гайдаров.

Там герой, безмянный Мастер, напечатал отрывок своего романа о Пилате — о том, кто отдал на казнь Христа. И тут же Мастера стали поносить и обличать в газетах. И вот такая характеристика дается автором (от лица его

героя — Мастера) этим обличением: «Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон. Мне все казалось, — и я не мог от этого отделаться, — что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим».

10. ЕЩЕ НЕМНОГО О ЮГОСЛАВИИ

Если кто-то подумал, что Егор только и делал в Югославии, что сидел над умными книжками, тот очень сильно ошибся.

Дел хватало. Он, например, всегда довольно много занимался спортом, вообще физическими упражнениями. А в Югославии тем более.

Потому что если вообще можно высказывать суждения о нации в целом (в чем автор этой книжки совсем не уверен), то про сербов (самых многочисленных тогда жителей Югославии; сегодня они населяют Сербию) можно было бы сказать: несомненно, отчаянные храбрецы; пожалуй, и забияки.

Поэтому Егор там немало качался. Позже его московский одноклассник академик Виктор Васильев вспоминал: «Он считал, что надо уметь за себя постоять и держать себя в тонусе. Он рассказывал, что когда жили в Югославии, драться случалось с местной шпаной».

Много-много лет спустя выросший Егор Гайдар вспоминал: «С отцом и мамой я проехал на машине по всей Югославии. Это была одна из красивейших стран Европы. Запомнилась поездка с Константином Симоновым и его семьей на «Стружские вечера» на озеро Охрид».

«Стружские вечера поэзии» — один из известнейших в мире поэтических фестивалей. В 1967 году там получил премию «Золотой венец» Булат Окуджава, а в 1971-м — любимый поэт Иосифа Бродского Оден. Серпантин живописнейшей горной дороги ведет к месту проведения фестиваля — городу Стругу. Прекрасные дороги, аккуратнейшие

домики под черепичными кровлями, разбросанные по крутым склонам, чистенькие уютные придорожные кафе...

«...В Воеводину к старому мельнику, с которым дружил отец. Помню, мельник с достоинством, но настойчиво предлагал ему часть своей земли. Отец отказывался, мне казалось, напрасно.

Мы проехали почти по всему побережью Адриатики, которое теперь разрезано на куски. Отец был неуютим, когда сидел за рулем. Мы без труда преодолевали за день сотни километров. На ночь раскладывали палатку, иногда останавливались в гостинице, иногда у друзей.

У отца таких много среди югославо́в. За эту дружбу он поплатился. Когда мы возвращались в Москву, вслед нам полетела “телега” (так тогда мы между собой называли прямые доносы и тайные обвинительные докладные записки. — М. Ч.), где ему, как стало известно позже, инкриминировалось “слишком близкое общение с югославскими товарищами”. По тем временам это было серьезное обвинение, которое обернулось для отца большими неприятностями и инфарктом».

В 1971 году семья вернулась в Москву. Егору было 15 лет.

«Югославия мне многое дала, — говорил Гайдар в 2003 году в интервью “Газете”. — В ней был мягкий социалистический режим. Масса литературы, недоступной в Советском Союзе» — разрешено к печати многое, запрещенное советской цензурой. К тому же Югославия — страна рыночного социализма, и «рыночные реалии, навыки там были элементами каждодневной жизни, чего не было в Советском Союзе до 1991 года».

11. ГУСЬ СВИНЬЕ НЕ ТОВАРИЩ

Прежде чем мы окунемся в школьную жизнь Егора Гайдара, обращаюсь к тем моим самым внимательным читателям, которые сейчас недоумевают, прочитав строки воспоминаний взрослого Егора Гайдара про неприятности его отца после Югославии.

«Как это так?.. — думают они, наверно. — Если югославов в “телеге” называют *товарищами*, то почему же за близкое общение с ними человека доводят до инфаркта?!»

Читатели этой книжки — во всяком случае, те самые люди, ради которых она написана, — все как один родились тогда, когда советская власть уже кончилась. Понятно, что все вы не очень-то хорошо представляете себе, как именно была устроена наша страна в советское время.

Тем более что даже дома у вас нет единого мнения на этот счет: бабушка уверяет, что «при Брежневе» жилось очень хорошо, а отец молчит и только нехорошо улыбается.

Сейчас упомянем еще раз об одной лишь черте этого ушедшего времени: многие слова получили тогда иное значение, чем раньше.

Это случилось и со словом «товарищ».

До революции это слово не служило обращением. Обращались к незнакомым мужчинам по-разному: *сударь*, *милостивый государь*. Или же — *господин офицер*. К тем, кто на социальной лестнице стоял ниже, — *уважаемый*, *любезный*.

В качестве обращения слово «товарищ» использовали только члены различных социалистических партий.

Правда, было оно еще в ходу в студенческой среде — в значении «коллеги». Говорили так и в среде адвокатской, обширной и значимой в пореформенной (после Великой Реформы 1861 года) России. Известнейший адвокат В. Д. Спасович начинает в 1891 году речь в общем собрании Санкт-Петербургских присяжных поверенных обращением: «Господа *товарищи!*».

После Октябрьского переворота это двойное обращение звучит уже пародийно — и попадает под сатирическое перо Зощенко: «Эх, господа, господа, господа-*товарищи!*» Потому что после Октября 1917 года слово «господа» совершенно исчезло из речевого обихода русских людей (вернулось спустя 74 года — после Августа 1991, положившего конец советской власти). Если кто нечаянно обмолвливался и говорил «господа!», ему нравоучительно, нередко и с нешуточной угрозой замечали: «Господ здесь

нету! Господа все в Париже!» То есть — в эмиграции; а что ты здесь делаешь — надо еще выяснить!..

В те первые революционные годы в ходу было два обращения.

Первое — «товарищ». То есть — «свой», член правящей партии большевиков или «сочувствующий» (это были вполне официальные, употреблявшиеся в анкетах определения — «член партии», «сочувствующий»).

Писатель Михаил Осоргин, насильственно отправленный советской властью за границу осенью 1922 года вместе с философами, писал об этом времени: «Кличка “товарищ”, одним ставшая ненавистной, для других звучала священно».

В книге «Мысли о России» (1924) философ (тоже высланный Лениным из России осенью 1922 года) и прекрасный литератор Федор Степун, описывая первые годы советской власти, пояснял:

«Но службы для власти всегда было мало; она требовала еще и отказа от себя и своих убеждений. Принимая в утробу своего аппарата заведомо враждебных себе людей, она с упорством, достойным лучшего применения, нарекала их “товарищами”, требуя, чтобы они и друг друга называли этим всеобщим именем социалистического братства. Протестовать не было ни сил, ни возможности. <...> Как ни ненавидели советские служащие “товарищей”-большевиков, они мало-помалу все же сами под игом советской службы становились, в каком-то утонченнейшем стилистическом смысле, “товарищами”. <...> Слова — страшная вещь: их можно употреблять всуе, но *впустую* их употреблять нельзя. Они — живые энергии и потому неизбежно влияют на душу произносящих их людей».

В повести М. Булгакова «Роковые яйца» к профессору Персикову, открывшему *красный луч*, приходит участник Гражданской войны, очень деятельный и в мирной жизни Александр Семенович Рокк (его кипучая энергия при полном невежестве чуть не погубит в конце повести всю страну). Естественное для Рокка обращение к профессору действует на того, как красная тряпка.

«Пришельца профессор не столько обидел, сколько удивил.

— Извиняюсь, — начал он, — вы же, *товарищ?*..

— Что вы все “*товарищ*” да “*товарищ*”... — хмуро пробубнил Персиков и смолк».

Второе обращение было — «гражданин».

Разница между обращениями «гражданин» и «товарищ» замечательно зафиксирована Николаем Островским в романе «Как закалялась сталь». Главный его герой Павел Корчагин в 1919 году ищет место в вагоне для такой же, как он, коммунистки Риты Устинович:

«— *Гражданин*, забери свои мешки с прохода, здесь *товарищ* станет, — обратился он к тому, кого звали Мотькой...».

Эта разница в употреблении двух обращений смешно обыграна Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита»:

«— Что вы, товари... — прошептал ополоумевший администратор, сообразил тут же, что слово “товарищи” никак не подходит к бандитам, напавшим на человека в общественной уборной, прохрипел: — *Гражда...*»

Через шесть-семь лет слово полностью утратило романтический налет — след того времени, когда революционеров преследовали, отправляли в ссылку, когда они были друг другу подлинными *товарищами* по борьбе.

Но в среде «старых» коммунистов (так называли вступивших в партию большевиков до того, как она стала правящей) оно по-прежнему в ходу. Жена поэта Мандельштама вспоминала вопросы жены давнего члена партии в 1930 году, в правительственном доме отдыха в Сухуми:

«“Где ваш *товарищ*?” — спрашивала она, когда я бывала одна. В первый раз я не поняла, что она говорит об О. Мандельштаме. В их кругу еще сохранялись обычаи подпольных времен, и муж в первую очередь был товарищем».

...Так в каком же смысле говорилось в 1971 году о «югославских товарищах»?

А вот в каком. Югославия занимала в «социалистическом лагере» особое положение: вела себя более или

менее независимо, пыталась внедрять «рыночный социализм». Это Брежневу и его «товарищам» не нравилось. Так что товарищи-то товарищами (то есть члены компартии), но все же не совсем. И слишком дружить с ними советскому коммунисту, сотруднику главной советской газеты «Правда» не полагалось.

В 1930 году Сталин на XVI съезде ВКП(б) — будущей КПСС — говорил назидательно:

«Некоторые товарищи думают, что тракторы уже отжили свой век, что пора перейти от тракторов к электрификации сельского хозяйства. Это, конечно, фантастика. Таких товарищей надо осаживать. Наркомзем так именно и поступает с этими товарищами».

Здесь в слове «товарищи» слышится уже не дружественный, а угрожающий оттенок.

Так и с Югославией.

...Было и еще одно сугубо советское значение этого слова. Его не так-то легко описать. Пожалуй, лучше всего пояснить на примере.

Писатель-фронтовик Г. Бакланов вспоминал, как в 1985 году попал в Америку на празднование сорокалетия Победы над Германией вместе с переводчицей и еще с одним лицом, который представлялся «участником Сталинградской битвы». На деле же был он генералом КГБ, не объявлявшим своего звания. Опытному фронтовику Бакланову быстро стало ясно, что он «обслуживал» армию с той стороны Волги — то есть с левого берега, где боев не было. Погибая на правом берегу, участники Сталинградской битвы немцев, как известно, туда не пустили. Помимо всех возможных орденов, у этого генерала еще висел на груди и американский орден.

«Американцы уважительно интересовались, за что награжден он американским орденом. И тогда он брал на ладонь висевший на колодке орден, как женщина берет на ладонь свою грудь, и говорил дословно вот что:

— Была выдвинута моя кандидатура. *Товарищи* посоветовались. Возражений не последовало. *Товарищи* решили вопрос положительно.

Я спрашивал Наташу:

— Как вы это переводите?

— Ну разве можно это перевести?

Действительно, ее перевод бывал заметно длинней, американцы выслушивали с должным вниманием и почтительно поглядывали на его седины».

Видимо, американцы в связи с каким-либо юбилеем Победы решили дать свой орден какому-либо советскому фронтовику — и обратились к нам за консультацией. Ну а консультации такого рода в Советском Союзе давали только *товарищи* из КГБ. Сами же эти люди предпочитали никогда не называть родную организацию — изъяснялись обиняками. Так и изъясняется у Бакланова генерал КГБ.

...Но слова родного языка — живучи. И слово «товарищ», несмотря на все злоключения советского времени, продолжает жить своей трогательной нас жизнью в прославленных стихах («Мой грустный товарищ, махая крылом...») и в давних песнях («Товарищ, я вахты не в силах стоять», — / Сказал кочегар кочегару...»).

часть третья

ШКОЛА И УНИВЕРСИТЕТ

...Эта детскость внешняя, она постоянно присутствовала, он постоянно радовался как ребенок, хохотал как ребенок, воспринимал все как ребенок, с широко открытыми глазами. Но с другой стороны, у меня было такое ощущение, что он настолько мудрый, настолько старше себя. В нем одновременно было что-то необыкновенно взрослое. Было впечатление, что это человек с огромным жизненным опытом — так он говорил, так он себя вел.

*Из воспоминаний однокурсницы
Егора Гайдара Ирины Назаровой
(цит. по опубликованным главам
из будущей книги К. Рогова
о Гайдаре)*

В среде психологов существует такая гипотетическая периодизация:

до трех лет ребенок *воспринимает*,

до шести — *воспитывается*,

от шести до двенадцати — *перевоспитывается*,

а от 12-ти до 21-го — 22-х уже занимается *самовоспитанием*...

То есть продолжает *умнеть*.

Если, конечно, не теряет из виду эту цель.

1. ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ

Темно-синее утро в заиндевевшей раме
напоминает улицу с горящими фонарями,
ледяную дорожку, перекрестки, сугробы,
толчею в раздвальной в восточном конце Европы.

...что до черной доски, от которой мороз по коже,
так и осталась черной. И сзади тоже.
Дребезжащий звонок серебристый иней
преобразил в кристалл. Насчет параллельных линий
все оказалось правдой...

И. Бродский

Итак, Егор, проведя немало лет за границей — на Кубе и в Югославии — вернулся наконец домой.

Девятый класс он начинает уже в Москве. В 152-й школе — недалеко от так называемых *аэропортовских* (то есть — близ станции метро «Аэропорт») «писательских» кооперативных домов. Там среди прочих членов Союза писателей жил и Тимур Гайдар со своей семьей.

...В последней четверти в его девятый класс пришли два юноши из разогнанных (не случайно, а из-за слишком хорошего уровня преподавания: выделяться в советской стране не полагалось) московских школ. Они быстро подружились с Егором Гайдаром. О них он напишет впоследствии: «Мои ближайшие друзья — Витя Васильев и Юра Заполь. У нас тесная дружная компания. У каждого есть свои сильные стороны. Виктор, впоследствии российский математик с мировым именем, показал мне, как надо щелкать задачи математических олимпиад. Юра Заполь... тогда поражал меня способностью играть в шахматы “вслепую”».

А Виктор Васильев (сегодня — академик, президент Математического общества), в свою очередь, вспоминает: «Мы все время были вместе, говорили на одном языке, читали примерно одно и то же... Егор, конечно, гораздо больше читал — о чем бы мы ни говорили из литературы, он уже читал и имеет свое мнение. По истории, филосо-

фии он очень много знал, называл какие-то имена, о которых я ничего не слышал. В то время мое гуманитарное образование было связано, конечно, с ним» (воспоминания В. Васильева в записи К. Рогова; далее — КР; наши беседы с В. Васильевым цитирую безо всяких помет. — М. Ч.).

Класс был покорен преподавателем литературы — Ириной Данииловной Икрамовой. В это время давно уже жена писателя Владимира Войновича, она сохраняла фамилию первого мужа Камиля Икрамова — литератора, после расстрела отца с 14 лет прошедшего сталинские лагеря.

«Моя любимая учительница, — напишет позже Егор Гайдар. — Скучный, казенный курс русской литературы у нее становится живым, ярким».

Она была не только хороша собой, но и удивительно женственна, естественно кокетлива. Но главное — хорошо знала и любила литературу. И хотела во что бы то ни стало не просто донести ее до своих учеников, но завожжить их ею.

Шли 70-е годы — «застой» еще не наступил, но к тому шло. После вторжения в Прагу и замораживания «пражской весны» про нашу собственную Оттепель постарались забыть.

И в то же время...

Много позже, в своей книге «Гибель империи: Уроки для современной России», Егор Гайдар напишет: «Между началом 1950-х и серединой 1980-х годов радикально изменилась информационная ситуация в стране. В 1950 г. лишь у 2% советских граждан были радиоприемники с коротковолновым диапазоном. К 1980 г. число тех, кто имел к ним доступ, возросло до половины населения».

И сколько ни тратили власти средств на их глушение — «полностью контролируемый информационный мир к 1980-м годам уходит в прошлое». Гайдар цитирует справку КГБ в ЦК КПСС от 12 декабря 1976 года, где говорится сокрушенно «о распространенности среди молодежи интереса к зарубежному вещанию».

...Трудно и сегодня отнестись спокойно к этому цинизму: по отечественному вещанию правдивой информации не дают — и сокрушаются, что молодежь ее ищет!..

Далее КГБ сообщает: «С большей или меньшей регулярностью радиостанции слушают 80% студентов и около 90% учащихся старших классов, ГПТУ (это были такие ремесленные училища, которые давали среднее специальное образование. — М. Ч.), техникумов. У большинства этих лиц слушание зарубежного радио превратилось в привычку (не реже одного-двух раз в неделю зарубежные радиопередачи слушают 32% студентов и 59,2% учащихся)».

...Так велика была тяга у тогдашней молодежи к политическим новостям.

«По меньшей мере, в столичных городах, — свидетельствует Егор Гайдар, — для образованных людей незнакомство, скажем, с запрещенными публикациями А. Сахарова или А. Солженицына стало неприличным».

Но разрыв между неофициальной и официальной информацией в эти годы был особенно велик.

В школах на уроках истории не вспоминали о Гулаге, о миллионах безвинно погибших. В школьную программу не входили ни Булгаков (его включили туда только после конца советской власти, в начале 90-х), ни Платонов, ни Мандельштам. Роман «Доктор Живаго» Пастернака печатался только за границей и известен был лишь тем немногим, кто не боялся брать на ночь для чтения или даже хранить дома Тамиздат. В круг этих немногих входила семья Гайдаров.

К характеристике ситуации этих лет: в конце 70-х — начале 80-х я готовила к изданию одну из своих книг — с адресацией «Книга для учителя» — в издательстве «Просвещение». Это издательство выпускало *только* литературу для школы, включая учебники. Несколько лет шла моя изнурительная борьба с редакцией — заведующий редакцией, выпускник нашего же филфака МГУ, но уже давно принявший правила игры советской издательской жизни в ущерб целям филологии, безуспешно пытался мне втолковать: «Поймите: в книгах издательства “Просвещение” никогда не будут упоминаться (даже просто упоминаться!.. — М. Ч.) имена Булгакова, Мандельштама и Пастер-

нака!» Руководство издательства было уверено, например, что роман «Мастер и Маргарита» находится в спецхране — то есть не выдается в библиотеках рядовым читателям! Вот в каких условиях пыталась Ирина Данииловна донести до своих учеников эти имена.

Ирина Икрамова нашла выход: стала вести факультатив по русской литературе XX века — в советское время эта литература кончалась в 1917 году, дальше шел предмет «советская литература». Творчество писателей-эмигрантов в расчет не принималось.

Их учительница изучала с ними этих писателей: Аверченко, Тэффи, поэтов Серебряного века — например, Сашу Черного. А также не включенных в курс «советской литературы» Зощенко, Андрея Платонова, Булгакова. «Давала нам представление, — говорит Виктор Васильев, — что есть писатели, кроме Горького и Фадеева».

Он рассказывал, как удивляла его ее манера читать Ахматову. Уже хорошо известные им с Егором Гайдаром стихи Анны Ахматовой звучали совсем иначе, «чем я читал про себя». Он прибавил — «без артистического завывания».

Егор находил возможность высказаться не только на факультативе, но и на уроках.

Академик Васильев пересказывает один из таких эпизодов.

Егор говорил о романе Фадеева «Разгром» — его автор хочет убедить читателя, что Мечик проявляет трусость и совершает предательство, потому что он — интеллигент. А Морозко не предает, он дает условный сигнал отряду о врагах и героически погибает, — потому что он не интеллигент...

«Но вот читаем “Сотникова” Василя Быкова, — говорил Егор, — и там все наоборот!» Возможно, в классе никто, кроме него, и не читал роман, только что, в 1970 году, напечатанный и широко обсуждавшийся в критике и в кругах людей читающих — в том числе, конечно, и среди тех, кто бывал в доме Тимура Гайдара.

Так что же именно в романе Быкова было «наоборот», над какими его страницами размышлял пятнадцатилетний Егор?

Там двое на войне: Рыбак — что называется, из простых, деревенских, — и Сотников, сын красного командира (а раньше — поручика), в котором Егор и видит что-то родственное — интеллигентское. Оказавшись в плену, перед неизбежной наутро казнью, каждый из героев думает о своем. Рыбак вспоминает, как в неполные двенадцать лет «в каком-то бездумном порыве бросился под кренящийся тяжелый воз, подставляя под его край свое еще слабое мальчишеское плечо. Тяжесть была невероятной», но он не дал возу свалиться в овраг — с маленькой сестренкой на снопах.

«...Коля поверил, что он человек смелый. Самым важным было, конечно, не растеряться и не струсить.

И вот теперь перед ним опять тот самый обрыв.

Только здесь не растеряться мало, и никакая смелость здесь не поможет, *здесь нужно что-то другое, чего ему явно недоставало*».

Эта недостача обнаруживается — наутро он спасает себя от петли, согласившись быть полицаем, и помогает вешать Сотникова.

Но Сотников этого не предполагает. Он не может уснуть в том же подвале, где слышно «притихше-настороженное дыхание людей. И тогда Сотников вдруг понял, что истекает их последняя ночь на свете. Утро уже будет принадлежать не им.

Что ж, надо было собрать в себе последние силы, чтобы с достоинством встретить смерть. ...Если что-либо еще и заботило его в жизни, так это последние обязанности по отношению к людям, волею судьбы или случая оказавшимся теперь рядом. ...Теперь он чувствовал в себе новую возможность, не подвластную уже ни врагам, ни обстоятельствам и никому в мире. Он ничего не боялся, и это давало ему определенное преимущество перед другими, равно как и перед собой прежним тоже. Сотников легко и просто, как что-то элементарное и совершенно логическое в его положении, принял последнее теперь решение: взять все на себя. Завтра он скажет следователю, что ходил в разведку, имел задание, в перестрелке ранил полицая, что он — командир Красной армии и противник

фашизма, пусть расстреляют его. Остальные здесь ни при чем.

По существу, он жертвовал собой ради спасения, но не менее, чем другим, это пожертвование было необходимо и ему самому. Сотников не мог согласиться с мыслью, что его смерть станет нелепой случайностью по воле этих пьяных прислужников. Как и каждая смерть в борьбе, она должна что-то утверждать, что-то отрицать и по возможности завершить то, что не успела завершить жизнь. Иначе зачем тогда жизнь? Слишком нелегко дается она человеку, чтобы беззаботно относиться к ее концу».

Вот эта «интеллигентская» способность к размышлению о смысле жизни и смерти и было тем, чего «не доставало» Рыбаку.

Друзей удивляло, сколько книг Егор проглатывал. Прочел, например, всю «Жизнь Клима Самгина», хотя по школьной программе это и не требовалось. Зато мог рассказать им, что он думал об этом знаменитом романе. А думал он, как вспоминает Виктор Васильев, вот что: Горький, как Фадеев, хотел обличить интеллигента. А его Клим — прежде всего вовсе и не интеллигент!..

Его мысль работала неустанно.

И, читая роман, он почувствовал, как Горький, всегда уважавший этот специфически российский слой интеллектуалов, стремится теперь, перелаывая себя самого, принизить его — в угоду большевистскому презрению к этому слою. Ведь писатель помнил слова Ленина в одном из его писем 1919—1921 годов. В ответ на очередную попытку Горького защитить русских ученых и литераторов от репрессий Ленин написал ему: «Интеллигентики мнят себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...».

Егор привык считать интеллигентами своих родителей и их друзей. И Клим Самгин, морально уничтоженный Горьким, видимо, в этот круг никак для него не вписывался.

2. «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

На факультативе обсуждали с Ириной Данииловной Булгакова вообще, но особенно — его волшебный роман «Мастер и Маргарита».

Потому еще волшебный, что отцовский дружеский круг до сих пор продолжал недоумевать — как же все-таки этот роман оказался опубликован в советской печати? Там, где весь контекст этому противоречил?..

В стране, где атеизм с первых лет после Октября был, так сказать, государственной «религией», автор романа с первых страниц дает понять, что он не сомневается в Бытии Божьем. Роман, в центре которого — Дьявол, Сатана. Он по-хозяйски орудует в красной столице...

Среди прочего затронуло Егора в романе и то, что на его страницах встретилось ему неписаное правило их семьи. Оно шло от Аркадия Гайдара к сыну Тимуру. А от Тимура — к его сыну Егору.

Афраний рассказывает прокуратору (называя его *игемоном*, что означает «вождь», «правитель» — *гегемон*) о последних минутах Иешуа на Кресте, под палящим солнцем Ершалаима. Прокуратор Пилат, очень неглупый человек, знает, что Иешуа погибает страшной смертью из-за его, Пилата, страха перед кесарем — правителем Римской империи. И он спрашивает Афрания:

«— Не пытался ли он проповедовать что-либо в присутствии солдат?..

— Нет, игемон, он не был многословен на этот раз. Единственное, что он сказал, это что *в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость*».

Именно так всегда считал отец Егора. Этому он с детства учил сына. Не трусить — в их семье это относилось к важнейшим свойствам человека. Таких, ценность которых не подвергается сомнению, как таблица умножения.

Имя Михаила Булгакова не было новым в их доме.

Отец Егора со школьных лет дружил с сыновьями жены Булгакова — Елены Сергеевны. Старший, Евгений, был офицером и умер от быстро развившейся болезни

в 1956 году — тридцати пяти лет. Младший, Сергей, был ровесником Тимура — сотоварищем его довольно-таки веселой московской юности...

Первый раз Егор читал этот роман в 12 лет. Прямо скажем — не очень-то понял. Разве что кот Бегемот запал в душу навсегда.

Сейчас, перечитывая, он воспринимал его уже иначе. Среди прочего — видел, что роман резко выбивался из всего, что он знал про советскую литературу. Это была не та литература, о которой довольно нудно рассказывал школьный учебник. Автор будто пришел в советскую жизнь конца 60-х — начала 70-х годов из какой-то иной, несоветской реальности.

Весьма необычным было и то, что невозможным оказывалось скрыть от читателей: рукопись пленительного романа пролежала в столе автора четверть века после его смерти... Это как-то очень сильно противоречило тому, что внушалось с детства — будто талантливых писателей у нас в СССР тут же и печатают. Не то что в страшном мире капитализма, где таланту пробиться трудно...

Заглавный герой *Мастер*, автор оставшегося неопубликованным романа о Иешуа и Пилате, дразнил читателя явным напоминанием о судьбе самого автора романа о Мастере.

При этом на месте реальной биографии автора было белое пятно. Никто о нем ничего не знал — кроме того, что он написал в 20-е годы роман, который очень дерзко назвал «Белая гвардия». И тогда же поставил на сцене знаменитого МХАТа пьесу по роману: «Дни Турбиных» — с огромным и скандальным успехом.

«Белогвардеец», «золотопогонник» (погоны ведь в Красной армии были отменены) — это в те годы хуже, чем ругательство. А герои Булгакова, сверкающие на сцене МХАТа вражескими золотыми погонами, оказались и в романе и в пьесе очень даже симпатичными. В этом и была скандальность.

Роман Булгакова о Гражданской войне почему-то, в отличие от других книг на эту тему (Шолохова, Фадеева, и даже с 1956 года — после посмертной реабилитации —

Бабеля), не издавался с 1925 года. Он был напечатан только в 1966-м.

А роман о Мольере, написанный для «ЖЗЛ» (серии биографий «Жизнь замечательных людей»), и вовсе пролежал в столе автора 30 лет...

В то время живы были все три жены писателя, а также его сестры — Вера Афанасьевна и Надежда Афанасьевна. Все они молчали о хорошо известных им важнейших фактах его биографии, относящихся к 1917—1921 гг.

Молчание их очень даже понятно. Но только, конечно, тем людям, которые хорошо знают советскую жизнь. От биографии писателя тогда зависело — будут его печатать или нет.

Советские издательства решались публиковать только и исключительно писателей с «хорошей» биографией. Тех, кто заслужил право на доступ к советскому читателю своим лояльным отношением к советской власти на всех ее этапах. И уж во всяком случае никогда не находился в рядах тех, кто поднимал против нее оружие. И, конечно, никогда не хотел избавиться от нее, уехав за границу.

У Булгакова весь этот набор имелся, поэтому восстанавливать его биографию было очень трудно...

Советская власть все-таки дотянулась до последнего — главного — романа писателя, который каким-то чудом вырвался из-под ее контроля и проник в советскую печать: текст его появился в журнале «Москва» с большими сокращениями (цензурными купюрами). Но мало этого — для переводов романа за границей советская власть стала официально (но, конечно, никак об этом не объявляя) продавать эти выброшенные в советском журнале фрагменты иностранным издателям — натурально, за валюту...

После выхода обеих журнальных книжек Елена Сергеевна Булгакова добросовестно, с большой точностью все их перепечатала, указала место каждого фрагмента на журнальной странице и стала раздавать поклонникам Булгакова; иными словами — пустила в Самиздат. И сегодня еще можно встретить в некоторых российских домах пухлые журнальные книжки «Москвы» с аккуратно вклеенными машинописными вставками...

3. ЕГОР В ШКОЛЕ И ДОМА. ЧТЕНИЕ

Самостоятельность мысли и непрерывная жажда познания в 9-м и 10-м классах были уже устойчивыми чертами Егора.

«Он очень много читал в это время философов. Гегель, Фейербах. Я к нему пришел, — вспоминает Виктор Васильев, — у него лежит Гегель. Ругался очень сильно, потому что очень скучно. Он говорит: “Это гораздо глубже, чем Фейербах, Фейербах поверхностный, Гегель гораздо глубже, но ужасно скучно”.

...Тогда знание первоисточников было очень важно. Для человека, их изучавшего, первоисточники были оружием, с помощью которого можно отстаивать свою точку зрения, даже вполне не ортодоксальную. Если он знал, что у Маркса на такой-то странице это написано, то он мог выложить это и сказать: “Вот, пожалуйста”. И Егор этим оружием овладел.

...Солженицына я впервые прочитал у Егора дома. “В круге первом” я читал у них таким образом: навynos не выдавалось, но я приходил к Егору, он садился заниматься, меня сажал в уголок с книжкой, и я эту книжку там проходил. Были и другие книги, но они пролистывались за один раз или проговаривались. “Доктор Живаго” он мне дал навynos, хотя это было издание “Имка-Пресс” (парижского русского издательства, которого КГБ боялось, как черт ладана. — М. Ч.). Конечно, это не он определял, а Тимур Аркадьевич. Солженицын — это был другой уровень опасности» (КР).

...В то время еще не напечатан за границей «Архипелаг Гулаг»; он вышел там в 1974 году — в очень маленьких трех томиках, которые тайно привозили к нам. Их мы сразу стали называть «посадочным материалом»: это был уже самый высокий «уровень опасности». Не хотела советская власть, чтоб писали про ее концлагеря и про миллионы зазря погубленных людей! И даже хранение «Архипелага...» дома считалось ужасным преступлением, за которое неминуемо следовал срок (то есть тюрьма).

«Я довольно часто приходил к Егору домой. У них в квартире рядом висели два портрета: Гайдар и Бажов. Параллельно, одного формата. Запомнились разные экзотические штучки, привезенные с Кубы: на полу лежала чья-то шкура.

У Егора было много железок: гири, супер-эспандеры, штанги — он качался очень сильно.

Он был определенно самым сильным человеком в школе, не только в классе.

Он занимался боксом до некоторого момента, но затем понял, что частое попадание ударов по голове мешает чтению, мешает углубленным занятиям. Пришлось ему от этого отказаться, но он качался.

Он считал, что надо уметь за себя постоять...» (КР).

Виктор Васильев встречал в доме Гайдаров интересных людей. Он вспоминает поэтов:

«Борис Слуцкий, еще поэт, который прославился своим единственным стихотворением, — “танкист обгоревший”» (КР).

Понятно, что Виктор Васильев вспоминает о Сергее Орлове — поэте-фронтовике, действительно горевшем в танке. Он прославился не столько даже одним стихотворением, сколько одной строфой в этом стихотворении:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат.
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Если еще точнее — славу ему принесла первая, действительно необычная, строка этого четверостишия: «Его зарыли в шар земной...».

А если уж стремиться к научной точности...

Дальше — о том, как хорошая память, которая обычно в жизни помогает, иногда может и подвести...

В конце 70-х годов я рассказала в одной из своих статей, что эта всем помнящаяся строка из послевоенного стихотворения Орлова — она на самом деле из стихотво-

рения, напечатанного много раньше, в 1939 году, в «Литературной газете»: в те годы ее непременно читали все молодые литераторы; среди них был и Сергей Орлов.

И час пробьет,
И я умру,
Поплачьте надо мной.
И со слезами, поутру
Заройте в шар земной.

Это — стихи 22-летнего талантливого литератора Мирона Левина, через полгода умершего в Крыму от туберкулеза. В некрологе, подписанном Н. Асеевым, С. Маршаком, К. Чуковским, В. Шкловским, его старшие товарищи писали, что он «напечатал свои стихи, шутливо выдав их за перевод из английского поэта. Это были стихи мужественные, написаны они были человеком, который умирал. Мы потеряли друга, в будущее которого верили».

В семье Тимура Гайдара обо всем этом никто, конечно, не имел представления. Вряд ли и сам Сергей Орлов, сочиняя свои стихи, помнил о той странице «Литгазеты», на которой прочел когда-то эти строки — и невольно запомнил их, привык к ним и по прошествии времени считал, видимо, уже своими — вот почему я говорю, что хорошая память может иногда подвести...

Виктор Васильев вспоминает о разговорах в доме Гайдаров за чаепитием: «Болтали в основном о судьбах страны, мира. По поводу сталинизма он начинал цитировать какие-то конкретные истории. Говорим про начало войны, в качестве аргументации он сразу приводит книжку Бакланова «Июль 41-го года». Военных писателей он сразу цитировал и тут же объяснял. Я впитывал его эрудицию. Можно хорошую книжку прочитать, а можно с Егором поговорить» (КР).

Гайдара жгуче интересовала реальная история его страны. Сегодня изданы сотни сборников документов, из которых самому можно почерпнуть это знание. Тогда их не было и в помине.

Реальное знание о трагедии Великой Отечественной войны ближе всего лежало в книгах наиболее честных писателей-фронтовиков.

Прочитаем первые страницы романа писателя-фронтовика Григория Бакланова, изданного в 1965 году, — книжки, на которую ссылался Егор.

Здесь описан июль 1941-го — второй месяц Великой Отечественной войны.

К началу 70-х, когда идет разговор друзей, уже немало сделано для того, чтобы заставить людей забыть правду страшных начальных месяцев — разгром наших войск, непрерывное отступление и миллионы наших военнопленных.

Попытки наступления были редкими и желанными. Забывая себя, люди шли на смерть, стремясь уменьшить страшные последствия преступногоговора Сталина с Гитлером в 1939 году и его ставшего губительным для миллионов людей доверия весной 1941 года тому, кому не доверял уже никто в мире.

«Приказом о наступлении командующий армией подчинял Щербатову еще одну дивизию... Но Щербатов знал то, что, видимо, не знал еще командующий армией: дивизии этой не было. Она не дошла до фронта. Ее разбомбили в эшелонах, в пути. Единственный полк, успевший выгрузиться и двигавшийся на машинах днем, походной колонной, заметила немецкая авиация, слетелась отовсюду и уже не выпустила живым. На песчаной вязкой дороге Щербатов видел колонну грузовых машин, растянувшуюся на два километра. Они стояли среди бомбовых воронок, сгоревшие, пробитые осколками. Но были и совершенно целые машины. В кузовах вповалку лежали бойцы. Как сидели они тесно, с винтовками между колен, так лежали сейчас, расстрелянные сверху из пулеметов. Молодые, крепкие ребята, во всем новом, с противогазами в холщовых сумках, со скатками через плечо, иные — в касках. Возможно, даже увидели самолеты и смотрели на них снизу: любопытно — немецкие, не видели еще ни разу. И далеко по обе стороны от колонны лежали в поле

убитые: кто успел выскочить и бежал и за кем гонялись самолеты.

Вот эту дивизию подчиняли сейчас Щербатову приказом о наступлении».

Одной фразой автор дает представление о грозной стремительности немецкого наступления — командующий армией уже не имеет представления о реальном количестве того, что называли *живой силой и техникой*.

К середине июля 1941 года — меньше чем за месяц едва начавшейся войны — наша армия потеряла свыше двух миллионов человек, более 3 500 танков, 6 000 самолетов.

Немцы, по-видимому, не ожидали встречи с нашими в основном немоощенными дорогами. Шестого октября выпал первый снег, который, растаяв, превратил эти пыльные дороги в реки грязи. Наша спасительная осенняя распутица вместе с резко возросшим сопротивлением опомнившихся от первого шока людей начали менять ситуацию.

Но в июле 1941-го до этого было еще далеко.

Живой, углубленный интерес к реальной, а не пропагандистской истории Великой Отечественной войны, подлинное ее знание замечали знавшие Егора в разные годы его жизни. Так, однокурсник вспомнит, как летом 1980 года жили они в палатке недалеко от Ржева — «и Егор рассказывал нам о “ржевском котле”, что там происходило».

Конечно, и о «власовцах» — о тех, в основном военнопленных, умиравших с голоду в немецких лагерях почти с самого начала войны, кто согласились вступить в части, зоевавшие на стороне немцев, — у него было более объемное представление, чем у его одноклассников.

Много лет спустя об этом явлении так напишет вернувшийся из лагерей Колымы и повидавший там и «власовцев» — рядом с героями Брестской крепости — Семен Виленский: «Чтобы многие тысячи россиян воевали на стороне захватчиков — такого в истории нашей страны не было: ни в совсем давние времена, ни при наполеоновском нашествии, ни в Первую мировую войну — это стало

следствием необъявленной войны против собственного народа, которую вели большевики, превращавшие трудолюбивых хозяев и их детей в бесправных рабов, выброшенных из родных мест, из отчих домов» (2000 г.).

— Играли в шахматы, проводили турниры, — вспоминает Виктор Васильев. «Лучше всех играл Заполь, потом Егор, потом я. Заполь по всем известным обстоятельствам поступил в МИСИ — туда евреев принимали. У него родители оба были инженеры-строители...»

Поясним слова «туда евреев принимали».

Вскоре после войны Сталин начал преследование евреев — будто задумав продолжить дело, не законченное Гитлером. В 1948—1952 годах прошли аресты и расстрелы — расстреляны писатели и поэты, писавшие на языке идиш. Среди них — замечательный детский поэт Лев Квитко. Известный всем детям страны в прекрасных переводах не меньше, чем Маршак или Барто, он в одночасье исчез из библиотек и книжных магазинов — безо всяких объяснений.

В январе 1953 года арестованы известные врачи — в основном евреи. Многие поверили официальной информации о том, что они разными способами умерщвляли своих пациентов. По стране прокатилась паника — наиболее легковверные отказывались лечиться у врачей-евреев.

Один из арестованных врачей (почти все они были людьми пожилыми) умер под пытками. Гибели остальных помешала только смерть Сталина (5 марта 1953 года), который вынашивал мысль публично повесить их на Красной площади. Вскоре после его смерти, в апреле, «дело врачей» официально признали сфабрикованным, оставшихся в живых освободили. В печати сказано о «недозволенных методах следствия», при помощи которых были получены их признания в убийстве пациентов.

...Это выражение поставило тогда в тупик многих подростков, ничего не знавших о сталинском терроре 30-х годов и о применявшихся с санкции Сталина жесточайших пытках... Они спрашивали друг друга: «Не знаешь, что это такое — “недозволенные методы следствия?”».

Прямые репрессии против евреев прекратились. Но тогда же власть создала препятствия для их поступления в высшие учебные заведения. В сущности, была вновь введена *процентная норма*, существовавшая в дореволюционной России и отмененная Временным правительством.

Разница, и существенная, состояла в том, что царское правительство, во-первых, никогда не скрывало этих ограничений, а советское правительство всегда их отрицало. Во-вторых, ограничения в дореволюционной России носили конфессиональный, а не расовый характер. Еврей, принявший лютеранство или православие, для власти переставал быть евреем; *выкресты*, как их называли, получали те права, которых они были лишены, пока оставались *иудеями* — евреями, исповедующими иудаизм.

Поясним подробнее отвратительную черту послевоенного сталинского общества, о которой редко упоминают.

После победы над расистской идеологией нацизма советская власть — в точности следуя стандартам нацизма, против которого только что воевала и одержала победу, — стала считать евреем не только всякого, у кого был евреем один из родителей, но и всех имевших еврейских родственников (например, кого-то одного из четырех бабушек и дедушек). Таким абитуриентам чинили препятствия при поступлении в Московский университет и институты; они, в сущности, вынуждались — ради высшего образования — менять фамилию, национальность в паспорте, а потом еще подвергаться за это насмешкам антисемитов.

Эти негласные ограничения действовали вплоть до прихода Горбачева.

До начала Перестройки было несколько институтов, куда евреев принимали почти без ограничений. К ним и относился Московский строительный, о котором упоминает Виктор Васильев.

«...Егор в классе был самый зрелый, взрослый человек. Он мог с учителем разговаривать на равных, его переубеждать. Получалось вполне...

Учился на одни пятерки. В гуманитарной сфере он был абсолютный лидер, его аргументация была совсем на другом уровне, чем у остальных, по математике я был сильнее...

Егор был в комитете комсомола школы. В комсомоле я тоже был, но по необходимости. У Егора отношение к комсомолу было более серьезное. Он хотел на что-то влиять. Не только отсидеться формально, а влиять. Влиять было невозможно без этого, потом без вступления в партию. Я в партию не вступал. У экономистов, гуманитариев без этого было невозможно.

Такая установка “влиять”, “изменить” — чувствовалась. Не потребительская идеология, а идеология — что-то сделать» (КР).

Обратим внимание на выделенные нами слова академика Васильева. Важное свойство личности. К нему мы еще не раз вернемся.

...Это — время, когда на московских кухнях, объявленных впоследствии «легендарными», старшие уже поднимали неизменный на ближайшие 10—15 лет тост: *За успех нашего безнадежного дела!*

(Потому, замечу, они и не могли никак поверить в свою победу в Августе 1991-го, — до тех самых пор, пока в «нулевые» годы снова не проиграли.

И тогда уж с легкой душой могли повторить заключительные строки поэмы Давида Самойлова «Конец Пугачева»:

Как его бояре встали
От тесового стола.
— Ну, вяжи его! — сказали.
— *Снова наша не взяла!*

Но мое горестное рассуждение, случайно вырвавшееся на клавиатуру, рассчитано вовсе не на тех, кому сейчас от десяти до шестнадцати, — и за него я приношу им свои искренние извинения...)

Егор, кабы пил в те годы вместе со старшим поколением, — уверена, поднимать с ними такой тост не стал бы. Его мысли и намерения были другие, совсем другие.

Влиять, изменить, что-то существенное сделать в любых условиях — вот это, наверное, с юных лет — самая важная черта его личности. Она отделила его и от большинства ровесников, и от взрослых. Определила дальней-

шую судьбу — выделила Егора Гайдара из всех, кто оказался рядом.

Одного широчайшего кругозора и яркого научного таланта здесь недостаточно. Нужна неукротимая тяга к конструктивному действию. Не всякому, совсем не всякому в нашем отечестве она дана. И потому особенно ценна. И нередко — драматична.

Да, жизнь по природе своей деятельного, активного человека в ненормальном — авторитарном и тем более тоталитарном — государственном укладе всегда исполнена глубокого драматизма. Нередко — и трагизма. (Мы увидим это хотя бы на примере Худенко, задумавшего эффективно хозяйствовать при «социализме».)

Хотеть что-то *делать*, а не только сетовать, жаловаться, пусть и вполне справедливо... И тогда, и теперь в России мало людей, способных хотя бы понять вот это *хотение*.

«И было еще вот что, — вспоминает Виктор Васильев о шестнадцатилетнем Егоре. — Может быть, это такая слабость: нежелание иметь слабостей.

Если можно вообразить, что он может где-то струсить, значит надо показать, что он трусить не будет.

Видимо, был какой-то суперменский комплекс. Такое желание не признаваться самому себе ни в каких слабостях. Если вдруг что-то осознается как возможная слабость, то в этом месте себя сломать и слабость преодолеть.

Сделать столько, сколько удастся в этом мире...» (КР).

4. КАК ОНИ СДАВАЛИ ВЫПУСКНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

...Нас примет родина в объятия...

Булат Окуджава

«Мы настроены, как я говорил, были к власти очень негативно, — рассказывает академик Васильев. — Разговаривали об этом постоянно, ругались на окружавшее

нас безобразие. Радио западное слушали. Еще сильно на нас очень подействовала история с Заполем.

А история такая. Видимо, нашему отделению милиции надо было выполнять план по раскрытию преступлений. И произошло какое-то изнасилование в соседних домах. И вот проходил какой-то милиционер мимо лавочки, на которой сидели четверо парней, и среди них Заполь. Это конец мая. Что-то милиционер к ним обратился, записал данные, фамилии, кто такой, где живете, мол, шумно себя ведете. А на следующий день Заполя арестовали. И вдруг оказывается, что ему такое обвинение. Абсурд полный!

Начались у нас обсуждения разные: как же так? что это такое? У меня в то время были еще большие иллюзии насчет нашей милиции. Мы с Егором сами ходили в разные места. Сначала мы подошли к нашей комсомольской секретарше, что надо идти вместе, но она сказала: “Ой, мальчики, мне в МГИМО поступать...” Ну ладно. Пошли сами в милицию сначала объясняться, потом в прокуратуру, что вот, мол, мы знаем, что этого не может быть никак. В прокуратуре со следователем поговорили, она: “Ну, я тоже думаю, что там ничего такого, просто надо проверить...” И примерно в этот же день она к нему посадила какого-то бывалого мужика. И тот его обрабатывал: “Ну, ты вот просто подпиши признательную, тебе напишут подписку о невыезде. ...Под подписку выйдешь, зато экзамены сдашь, поступишь спокойно, а тем временем потихоньку разберутся”.

А мы все сходили с ума: его взяли буквально за пять дней до первого выпускного экзамена...

Видимо, для него было самое главное: что надо сдать, надо сделать все, что угодно, чтобы выйти и сдать экзамен этот... И он подписал. И, конечно, поехал не домой, а в “Матросскую тишину”. Мальчишка! Ему еще 17 не было, только 16. И четыре месяца — максимальный срок, который можно держать под подозрением, — он там оставался. К тому времени уже нашли серьезных адвокатов, в общем, взялись за дело. И через четыре месяца его отпустили. Но в целом эта история произвела на нас ужасное впечатление» (КР).

Интервьюер спрашивает Виктора Васильева в 2010 году:

«— Есть такой феномен: школьные троечники с возрастом становятся начальниками, а отличники оказываются их подчиненными, а то и вовсе не у дел. Почему?»

— Я не замечал такого правила. У нас в классе обычной московской школы № 152 были четыре медалиста. Две девочки были стабильные отличницы. Они не стали крупными деятелями, но на хороших должностях прилежно, как и в школе, выполняют свои функции. И двое мальчиков — я и Егор Гайдар, не нуждающийся в представлении. И был еще один лидер в классе — Юра Заполь, не дотянувший до строгого “медального” регламента, но тоже с пятерочным средним баллом, он стал президентом группы компаний “Видео Интернешнл”. Трудно сказать, что мы были “не у дел”».

5. УНИВЕРСИТЕТ. ПОЗНАНИЕ И ЗАЗУБРИВАНИЕ

Почему все так вышло? И будет ложью на характер сваливать или Волю Божью. Разве должно было быть иначе?

Мы платили за всех, и не нужно сдачи.

И. Бродский, 1972

В 1972 году, окончив школу с золотой медалью, Егор поступил в Московский университет, на экономический факультет.

Сергей Дубинин вспоминает, что, когда он был на экономическом факультете МГУ молодым преподавателем, а Егор Гайдар — студентом, то первое, что он «услышал о нем, разумеется, помимо знаменитой фамилии, это то, что этого студента не имеет смысла спрашивать на семинарах, поскольку он “все равно все знает”. Спрашивать приходилось, хотя бы для того, чтобы поставить неизменное “отлично” на экзамене».

...На семинарах и в учебниках обнаружилась, однако, совсем другая экономика, чем в книгах Адама Смита и Пола Самуэльсона.

На тех страницах трепетала живая жизнь мира. Здесь же шла речь о какой-то ирреальности. Так, во всяком случае, воспринимал эти страницы один из студентов.

«Прибыль социалистического предприятия выражает отношения общественной собственности, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи свободных от эксплуатации работников производства; она коренным образом отличается от капиталистической прибыли, основанной на все усиливающейся эксплуатации человека человеком».

Ну хотя бы самые последние слова — вполне ли автор за них отвечает? Он совершенно уверен, что — «все усиливающаяся...»? Может подтвердить это фактами?..

«Капиталистическая прибыль формируется стихийно, в результате ожесточенной конкурентной борьбы предпринимателей и монополий. Прибыль социалистических предприятий образуется на базе планируемых процессов производства и реализации продукции».

Почему одно лучше другого — тоже совершенно непонятно.

Это — только что, в 1974 году, изданный учебник по «политической экономии социализма» («первой фазе коммунистического способа производства», как пояснялось в заголовке) для так называемых «университетов марксизма-ленинизма». Предлагалось поверить, что *прибыль* — естественная часть любого производства — резко отличается при разном устройстве общества...

Был еще такой «Политический словарь». Там так объяснялось про *прибавочную стоимость*:

«Прибавочная стоимость — результат неоплаченного труда рабочих, источник обогащения капиталистов. Учение Маркса о прибавочной стоимости, по определению Ленина, представляет краеугольный камень марксистской экономической теории. В этом учении дано исчерпывающее объяснение эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Не имея ни средств производства, ни

средств существования, рабочий вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту. Капиталист, купив рабочую силу пролетария, заставляет его трудиться в течение всего времени, на которое нанят рабочий...»

Вынужден продавать... А что ему делать со своей рабочей силой?.. И что значит — «заставляет»?..

Очевидно, что авторы не задают себе вообще никаких вопросов. Пишут и пишут по какой-то заранее заданной схеме, без признаков живой, ищущей мысли.

Студенты должны были верить, что в СССР рабочий никому не продает свою рабочую силу и что там вообще «нет прибавочной стоимости. Все трудящиеся СССР работают на свое социалистическое государство».

Как сам Егор Гайдар впоследствии оценивал университетские годы?

«Учиться и легко, и сложно. Стержень обучения, его основа — марксистская экономическая ортодоксия».

Кто не знает смысла слова «ортодоксия» — ну, это примерно то, что требуется просто вызубрить — без особого понимания и без какой-либо критики.

«К концу обучения студент-отличник должен знать близко к тексту три тома “Капитала”, уметь жонглировать цитатами... Знать десятки других работ Маркса, Энгельса, Ленина, партийных документов. Суть задачи образования — подготовить специалистов, которые мастерски могут обосновать любые меняющиеся решения партии ссылками на авторитет основоположников марксизма-ленинизма. Учиться просто, потому что базовые работы я хорошо знаю. Цитаты отскакивают у меня от зубов, как “дважды два — четыре”.

И вместе с тем все больше накапливается чувство дискомфорта, неудовлетворенности: искусство софистики, игра тезисами, идеологическая “гибкость” не дают ощущения состоятельности изучаемой науки. Спасает университетская библиотека, она открывает огромные возможности для самообразования... Знакомство с первоисточниками не слишком поощряется, но и не возбраняется» (Е. Гайдар, 1996).

6. «СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ»

Я тоже, например, считаю, что бежать в Америку из отечества — низость, хуже низости — глупость. Зачем в Америку, когда и у нас можно много принести пользы для человечества? Именно теперь. Целая масса плодотворной деятельности.

Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых»
Достоевского

Поздравляю себя
с этой ранней находкой, с тобою,
поздравляю себя
с удивительно горькой судьбою,
с этой вечной рекой,
с этим небом в прекрасных осинах,
с описаньем утрат
за безмолвной толпой магазинов.

И. Бродский

От окраины к центру, 1960-е

Школа ушла в прошлое, а двое школьных друзей остались его друзьями.

Академик Васильев, учившийся тоже в МГУ, но на мехмате, вспоминает об их общении, продолжавшемся и в студенческие годы, и после: «Помню, мне надо было сдавать социально-экономические дисциплины в аспирантуре после мехмата. Я из-за нелюбви к ним лекции пропускал. Приходил: Егор, спасай, я не понимаю, что это такое. Он вытаскивает “Философский словарь” последнего издания и говорит: читай, очень хороший словарь, краткий, все сразу выучишь. И действительно, так и произошло. Этот учебник я учил зрительно. Пришел на экзамен, закрыл глаза, за счет зрительной памяти вспомнил страницу, на которой это читал, — рассказал. Или надо было реферат написать. Он мне с полки доставал какой-то том: переписывай с 40-й страницы до 67-й и с 81-й до 94-й. Я так и сделал, получил “5”. Это прагма-

тический интерес, но я и без этого приходил, болтали на разные темы.

...Егор учился всерьез и выучился. Был такой учебник политэкономии Цаголова, про который он без дрожи говорить не мог, но его надо было выучить. Он его выучил.

Да, надо иметь крепкие нервы, большое душевное здоровье, чтобы после Адама Смита и Самуэльсона читать, да еще выучивать к экзамену на пятерку, Цаголова.

Автор учебника излагал не свои, конечно, мысли, а повторял давно им заученное: «Необходимость перехода от капитализма к социализму прежде всего обусловлена действием закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. “Усиливающийся конфликт между производительными силами и производственными отношениями, — говорится в Программе КПСС, — властно ставит перед человечеством задачу — разорвать прогнившую капиталистическую оболочку, укрепить мощные производительные силы, созданные человеком, и использовать их на благо всего общества”».

Цаголов писал об *азбуке марксизма-ленинизма* — «исторической необходимости замены капитализма социализмом». О том, как «в недрах капитализма созревают материальные предпосылки социализма, а вместе с тем растут и крепнут социальные силы, призванные обеспечить его победу». Как рабочий класс «выступает гегемоном всех революционных сил, борющихся против капитализма». О «национализации средств производства» — потому что «социалистическое обобществление невозможно без такого предварительного условия, как овладение рабочим классом фабриками, заводами, рудниками, транспортом, банками».

О непременно введении государственной монополии внешней торговли, поскольку «с установлением государственной монополии внешней торговли империализм лишается последнего рычага...». И так далее.

Егор уже ясно сознавал химеричность этих с виду логичных построений. Но всем, кто получал советское высшее образование, надо было заучивать их и помнить до экзамена — чтобы потом постараться забыть.

Думал ли он о том, что именно ему придется крутить колесо истории?.. И ликвидировать, среди прочего, введенную Лениным государственную монополию внешней торговли?..

Не оставим без внимания важное свидетельство одноклассника и друга: сверх учебника Цаголова, поясняет В. Васильев, «ему надо было выучить что-нибудь такое, благодаря чему, когда все рухнет, можно было бы понимать, что надо делать».

Был такой момент. Прихожу я к нему и говорю: Канторович Нобелевскую премию получил, мы с тобой вдвоем неужели хуже? Давай тоже что-нибудь сделаем, например — по экономике. Он говорит: попробуй. Вот тебе список: Самуэльсон, Кейнс, Ланкастер и Чемберлен. Где хочешь, там бери. Сам Егор это уже прочел, это для него были азы. Еще он мне сказал: «Только ради бога не думай, что тут самое главное применить какую-то изысканную математику. Вот тут есть стандартные методы, надо понять, как они работают в экономике, и надо понимать, в чем состоит собственно экономика. А дальше как-нибудь вот так и двигаться. А то, знаю я вас, вы сразу думаете о том, что надо какую-нибудь новомодную математическую теорию. От этого ничего хорошего не получается». Вот произошла от него такая житейская мудрость, совершенно справедливая.

...И было еще высказывание, которое я хорошо помню, аспирантского времени или чуть позже, что «я из этой страны никуда не уеду, мое место здесь, и я буду работать в этой стране и для этой страны». Это точно было сказано тогда. Потом он это говорил еще раз в 1996 г., когда была опасность, что придет к власти Зюганов, но первый раз я слышал это от него тогда.

...Он женился на втором курсе. Я был свидетелем с его стороны. А свидетельницей со стороны невесты была Мария Аркадьевна Стругацкая. Там я, собственно, с ней и познакомился» (КР).

...Здесь можно бы воскликнуть вместе с героями «Мастера и Маргариты» — «Как причудливо тасуется коло-

да!» Вряд ли кто-то из участников торжества в тот день предполагает, что свидетельнице невесты через сколько-то лет суждено стать женой жениха...

Незадолго до этого нечто весьма серьезное поставило судьбы недавних школьников на край пропасти.

Об этом — немного позже.

Пока же остановимся на так называемой «политэкономии социализма», которую изучает Егор Гайдар вместе с однокурсниками.

7. ЛЕНИН — СТРОИТЕЛЬ ЗАГНИВАЮЩЕГО КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Страницы учебника Цаголова вдоль и поперек прошиты цитатами из Ленина. Но и Ленина автор учебника, широко цитируя, вряд ли глубоко понимал.

Не больше понимали и студенты, держа экзамен по политэкономии — «капитализма» и «социализма». Но в советских вузах понимание этих предметов не требовалось — только заучивание. Мало того — понимание только мешало, потому что любое углубление в материал вскрыло бы червоточину.

Да хотя бы вот это: монополистический и особенно государственно-монополистический капитал создает аппарат для планомерной организации производства... И потому «тут остается только превратить реакционно-бюрократическое регулирование в революционно-демократическое простыми декретами...» Или: «...В обстановке революции, при революции государственно-монополистический капитализм, — подчеркивал В. И. Ленин, — непосредственно переходит в социализм».

Худший вид капитализма переходит в социализм?.. И что же хорошего из этого может получиться?..

...Двадцать лет спустя, в 1994 году, в работе «Государство и эволюция» (и название книги, и ее смысл противопоставлены дореволюционной книге Ленина «Государство и революция»), Егор Гайдар разъяснит то, что когда-то бездумно заучивалось его сокурсниками. Он по-

кажет и происхождение, и гибельный для России смысл этих ленинских идей.

Они сформулированы в лучшей, по оценке Гайдара, «работе Ленина, написанной еще в годы первой мировой войны, — “Империализм, как высшая стадия капитализма”».

Она недаром появилась в годы войны — на основе наблюдений Ленина над состоянием экономики именно в военное время.

«В странах, участвующих в войне, шло подчинение промышленности и торговли — государству. В России возникли военно-промышленные комитеты, в США — тресты и картели, то есть крупные монополисты.

Войну можно охарактеризовать как максимально возможное вмешательство государства в человеческую жизнь, в жизнь общества, — поясняет Гайдар. — Проявляется это во всем, прежде всего в экономике.

<...> Свободный, рыночный капитализм, попав под жесткий государственный контроль, становится, как верно пишет Ленин, империализмом. Напомню его классические характеристики, данные Лениным: “Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм”.

Именно этот точно описанный им экономический строй, но под названием “социализм”, Ленин сознательно построил в России».

Гайдар подробно обосновывает свое суждение, пересказывая Ленина, который называет главным признаком этой «загнивающей» фазы капитализма монополистический характер экономики, убивающий конкуренцию, рынок. Отсюда и “паразитизм” (на природных ресурсах, включая “трудовые”), отсутствие стимулов к саморазвитию, отсюда и “загнивание”, и “умирание”.

Все это и стало частью учрежденного Лениным в России строя.

Паразитирование на «трудовых ресурсах» в стране «победившего социализма» достигло невероятных размеров — даровой труд миллионов невинных узников Гулага может быть сопоставлен только с рабовладельчеством древних цивилизаций.

...Но чтобы загнивать как следует, надо обзавестись высшей степенью монополии — государственной монополией, государственным протекционизмом разным предприятиям — вместо свободной конкуренции.

Ленин поставил целью довести этот строй до логического совершенства. Империализм остается неполным, пока он полностью не слит с государством, пока построен на базе независимой от государства частной собственности.

Ленин называл империализм «куколкой», из которой выпорхнет бабочка социализма... Звучит красиво.

«С предельной ясностью, не допускающей разночтений, он писал: “Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой... и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет”. Что же нужно, чтобы из империализма “махнуть” прямо в социализм? Только одно: захватить власть!»

Дальше Гайдар назовет и второе — отнять собственность. Монополия государства во всех отраслях хозяйства означает и конец рынка.

Гайдар вычленил из работы Ленина не замеченные многими ее изучавшими точные условия перехода от империализма к социализму.

Империализм, поясним еще раз, это огосударствленный капитализм — с усеченным рынком, с уничтоженной конкуренцией.

«Ленин дал формулу: коммунизм есть империализм плюс диктатура партии коммунистов. ...Две стороны медали соответствуют друг другу: диктатура в экономике и диктатура в политике. Так возникает чертеж тоталитарного здания. И эта формула в отличие от лепета

про советскую власть и электрификацию (Гайдар имеет в виду широко распространенную в советское время формулировку Ленина: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны», — конечно, нимало не выражавшую суть того общества, которое Ленин хотел построить. — М. Ч.) была действительно воплощена в жизнь полностью и железной рукой.

Ленин поставил перед собой неслыханную задачу: «*Не притеснение частной собственности, а радикальное искоренение, юридическая ликвидация и делегитимизация в глазах общества...*»

Гайдар делает важное пояснение:

«Тоталитаризм вообще любит окончательные решения, перечеркивающие всю предыдущую историю. Германский тоталитаризм искал окончательное решение еврейского вопроса, российский — окончательное решение “рыночного” вопроса.»

Гайдар поясняет — для морального оправдания тотального уничтожения того, к чему люди привыкли за несколько веков — частной собственности и рынка, — необходима была мощная идеология. Она должна прикрыть «тотальную экспроприацию собственности государством некими сверхпривлекательными утопическими лозунгами. Роль этой идеологии и выполнял социализм, провозглашавший, разумеется, не “огосударствление”, но исключительно “обобществление” собственности...»

Ну и, конечно, земля — крестьянам, фабрики — рабочим... Не забудем при этом, что множество людей — в том числе дед Егора Гайдара — искренне поверили этим лозунгам и пошли воевать, готовые отдать при надобности свою единственную жизнь за светлое будущее человечества.

...И все равно трудно было скрыть, что обобществление — слово довольно-таки бессодержательное и вся собственность будет принадлежать при новом строе государству. То есть общее — значит государственное. И судить по советскому Уголовному кодексу за хищение социалистической (то есть государственной) собственности будут гораздо строже, чем за кражу личной... За подобранные

с колхозного поля колоски, оставшиеся на нем уже после уборки, множество матерей малолетних детей отправляли в тюрьму на долгие годы.

Далее — довольно сложное, но очень важное рассуждение Гайдара. Понять его можно — если постараться. Ведь решали же вы задачки, которые с первого взгляда казались нерешаемыми.

Вот это рассуждение: «Для того чтобы здесь перепрыгнуть через логическую пропасть и ухитриться поставить знак равенства между *огосударствлением* и *обобществлением*, нужна была определенная словесная эквилибристика — *объявлялось, что само всемогущее государство при благодетельной диктатуре компартии каким-то чудом «отмирает»*».

...Помню, как удивляло это ленинское утверждение на младших курсах филфака... Ну никак не заметны были какие-либо признаки отмирания грозного, тратящего огромную — при этом никогда не объявляемую! — часть бюджета на оборону, распоряжающегося душами и судьбами подданных советского государства...

Ленинский план удался. Не знаю, из какой именно «куколки» или скорее «кокона», но бабочка ленинского, а затем сталинского «социализма» — без частной собственности, но с Гулагом — выпорхнула.

По этой причине и стоит в каждом нашем городке и поселке, а также во многих селах на главной площади памятник Ленину. И человек трех-четырёх лет спрашивает бабушку:

— А кто это? За что ему поставили памятник?..

И бабушка ему что-то такое отвечает.

Хотела бы я подслушать — что именно?..

И спросить себя и вас — сколько лет еще будут стоять десятки тысяч памятников человеку, который круто свернул Россию с исторического пути на проселки, ведущие в исторический тупик?

И еще — что лично вы будете говорить про Ленина вашим детям?

А что случилось там, на Западе, с империализмом? С той самой последней фазой капитализма, на которой он, по мысли Ленина, должен окончательно *загнить и умереть*? Чтобы, как в сказке про Конька-Горбунка, вынырнуть из крутого кипятка в виде молодой страны социализма — России?..

Вынырнуть он действительно вынырнул.

Империализм — то есть монополистический, не конкурентный, не эффективный, управляемый государством способ хозяйствования — оказался, как и задумано Лениным, перенесен в Россию, насильственно там привит и господствовал в нашей стране больше 70 лет.

А что, повторим, случилось с Западом?

А ничего.

Ничего там не загнило и не умерло, хотя несколько поколений советских людей на протяжении всей жизни слышали и повторяли на уроках и семинарах ленинские слова о *загнивающем капитализме*. И даже сложили короткий анекдот: «Капитализм, конечно, загнивает. Но зато какой аромат!..»

Поппер ясно написал о *самоналаживании* открытых (то есть капиталистических) обществ. И это было продемонстрировано после конца мировой войны в 1918 году.

...Год спустя, в своем первом печатном выступлении, в газете, издававшейся на Северном Кавказе, еще занятом Добровольческой армией, будущий писатель Михаил Булгаков писал:

«На Западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны.

Конечно, они поправятся, очень скоро поправятся!

И всем, у кого наконец прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на Запад и поразит его (о химере мировой революции, в которую безраздельно верил Ленин, ведя страну к Октябрьскому перевороту и позже. — М. Ч.), станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества.

А мы?

Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще?»

Булгаков оказался редкостно прозорлив. Он угадал положение России на много лет вперед — вплоть до наших дней.

Но все-таки — откуда берутся эти его пессимистические прогнозы насчет России осенью 1919 года?

Он видит, что в России, заключившей с Германией сепаратный — то есть отдельно от союзников — Брестский мир и вышедшей из войны за полгода до победы (поэтому, понеся за три года войны огромные жертвы, она потеряла права на свою долю репараций — после поражения Германии), всюю польхает спроектированная Лениным братоубийственная Гражданская война... Ленин призвал солдат «вернуть штыки от немцев — против своих “буржуев”». И все вышло как по писаному.

«И вот пока там на Западе будут стучать машины созидания, — с горечью пишет Булгаков, — у нас от края и до края страны будут стучать пулеметы.

...Там будут строить, исследовать, печатать, учиться...

А мы... Мы будем драться.

Ибо нет никакой силы, которая могла бы изменить это».

Это выпестованная Лениным могучая бабочка революции и империализма-социализма билась и рвалась из кокона.

А как работали после конца мировой войны «машины созидания» на Западе?

«...Именно потому, — пишет Гайдар в той же работе со знаменательным заголовком “Государство и эволюция”, — что монополистический капитализм даже в зародыше нес грозную опасность свободному предпринимательству и политической демократии, именно благодаря очевидности того, что он ведет не к логическому развитию, а заводит в тупик, представляя собой злокачественное, паразитическое новообразование на теле капита-

лизма, американское общество вступило в борьбу с этим явлением. ...Конгресс и администрация США приняли целый ряд антитрестовских мер, которые “перекрыли кислород” монополистическому перерождению капитализма, редукации рынка».

И открытые общества мерной поступью двинулись дальше.

Вот и все про *империализм*, оставшийся только в истории XX века и в старых учебниках по истории ленинизма.

8. СОПРОТИВЛЕНИЕ. ЛИСТОВКИ

Нам хотелось разлиться заразой
По широкой и тусклой стране, —
Неожиданно всех взяли сразу,
Безоружных, в мальчишеском сне.

Леонид Чертков, 1953

«Негативизм наш нарастал, — рассказывает Виктор Васильев. — Радио (западное) слушали. Диссидентов мы считали героями. И вот, значит, еду я как-то с Егором в метро утром — мы в МГУ учились, и часто ездили вместе. И в какой-то момент он мне говорит: “Ну как? Понятно ведь, что надо бороться с этой штукой. Ну вот, тогда приходи сегодня вечером”. И я пришел.

...На тот момент было нас пять человек, потом больше — человек восемь, может быть, десять. В основном первокурсники. Много было бывших учеников 2-й школы, которые были на взводе из-за разгона школы. Заполь в этом не участвовал, в этот момент он был уже достаточно битый. Он знал про эту нашу затею, но сказал, что это уже не для него... Я точной формулировки не помню.

Обсуждали-обсуждали, и потом решили: что-то надо делать. Решили писать листовки. Содержания примерно такого, что всем понятно, какая у нас нехорошая власть. Второе: что с этим надо бороться, и мы оповещаем всех, что есть такие мы, что мы не боимся всех оповещать и сказать, что надо бороться. Вот, примерно, такое содержание.

На самом деле никаких таких светлых, свежих идей, никакой позитивной программы у нас не было. Да, мы писали, что надо бороться. Слово «фашизм» там употреблялось по поводу нашей власти. Оправдание и возврат сталинизма, национальная дискриминация, отсутствие свободы слова, других основных гражданских прав, значит — фашизм. В общем — серьезные слова. Такие слова — сейчас их позволительно произносить кому не лень. А тогда это было очень серьезно.

Листовку в основном писал Егор, еще один человек, и я немного редактировал. Я не буду называть имена людей: не знаю, как они бы к этому отнеслись. Вот, написали такую листовку. Мальчишеское такое желание быть причастными к тому, что считали достойным поведением.

Мы жили в некоторой культурной и литературной среде, в которой был Галич, и он пел: *«Можешь выйти на площадь в назначенный час?»*».

Сегодня для того поколения, к которому принадлежат читатели нашей книги (напомню ее адрес — «от десяти до шестнадцати...»), эта строка, оказавшаяся знаковой для поколения Егора Гайдара — Виктора Васильева, неизвестна и непонятна. Поясним ее.

Спустя два дня после советского вторжения в Чехословакию в августе 1968 года Александр Галич, один из самых известных и любимых бардов — Окуджава, Галич, Высоцкий, — написал под влиянием этого события, очень остро воспринятого всеми интеллектуалами, «Петербургский романс». И 24 августа 1968 года он впервые исполнил его в широко известной московской интеллигенции квартире Льва Копелева — в тех самых «аэропортовских домах», о которых мы уже говорили, в которых жила и семья Гайдаров.

В песне речь шла о восстании декабристов на Сенатской площади и о том офицере, который не решился выйти утром на площадь. И было прямое обращение к современникам:

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь

Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

Наутро после пения Галича, 25 августа 1968 года, на Красную площадь с плакатами протеста, резко осуждавшими вторжение в Прагу, вышли семеро. Среди них — Наташа Горбаневская, поэтесса, с нашего московского филфака, кормящая мать, — вышла с трехмесячным сыном в коляске. Она знала, что ее заберут, и потому не могла оставить его дома: надеялась, что в любом случае ей дадут все-таки его кормить...

Спустя годы один из этих семерых, слушавший накануне Галича, вспоминал, что, в волнении слушая строки песни, едва удержался, чтобы не рассказать об уже намеченной на завтра демонстрации: «Когда Галич пел: “Смеешь выйти на площадь”, я чувствовал, что это обращено прямо ко мне. Никогда я этого не забуду».

По-видимому, и дружеская среда Егора Гайдара чувствовала четыремья годами позже (когда все вышедшие на Красную площадь в 1968 году уже сидели) то же самое — что это обращено прямо к ним.

«Все это продолжалось где-то год, — рассказывает дальше Виктор Васильев. — В основном, это были обсуждения: что делать, к чему призывать, какими методами бороться. Постоянно стоял вопрос, чтобы привлечь новых людей, хотя это было очень опасно. Много было разговоров про историю: про опыт и нашей страны, и мира, и особенно всякой революционной деятельности. Много спорили. Например, я вначале сохранял много иллюзий, типа того, что все беды от Сталина, испортившего хорошие ленинские идеи. Последние несколько месяцев все разговоры были, конечно, про планируемую акцию: разнос листовок. Как соблюсти все возможные предосторожности. И почти ничего — про то, что делать дальше.

Видимо, понимали, что “дальше” вряд ли будет».

Происходило это в двух основных местах, одно из них — дома у Егора Гайдара.

«Мы эту листовку отпечатали на машинке, потом сфотографировали. Потом делали копии: печатали с негатива. И так напечатали 2 000 штук...

Осенью, где-то в ноябре 1974 года собирались мы устроить эту разброску листовок. Но до распространения не дошло.

За пару недель до того, точной даты не помню, это таким образом пришло к концу...

Мы составили план, как разносить. Мы были очень умные: решили разносить не ночью, а поздним утром — раскладывать по почтовым ящикам. Тут, с одной стороны, толпа, идущая на работу, уже схлынет, а с другой стороны, вид человека что-то разносящего не вызывает большого подозрения.

Но, повторяю, до этого не дошло.

Потому что вроде бы стало понятно, что нас вычислили. Возникло подозрение, что за нами следят: кто-то проболтался, кто-то попытался привлечь кого-то не того. У нас же была главенствующая идея — привлекать новых членов.

И вот появилось подозрение (с большой вероятностью), что за нами уже следят. И ждут, когда мы проявимся. И надо закруглять это дело и уничтожать улики» (КР).

...Виктор Васильев рассказывал мне, что Егор собрал всех и сказал: отца человек из «органов» по старому знакомству предупредил, что его сына и всю компанию выследили и вот-вот будут брать. И Егор все это рассказал сотоварищам. Тогда и стали решать, что делать.

«Было голосование: сжечь листовки или спрятать? И было решено, что — полностью ликвидировать».

Виктору Васильеву помнится, что, кажется, семь человек были за то, чтобы сжечь, четверо — за то, чтобы спрятать...

Вот что рассказывала об этом мама Егора Гайдара корреспонденту журнала «Огонек» в декабре 2010 года:

«...У них был кружок ребят, которые собирались, обсуждали, протестовали. Даже ходили листовки раскидывать. Это было ужасно, потому что репрессивная машина у нас была всегда хорошо налажена. Мы с Тимуром стояли на балконе всю ночь и ждали, когда он вернется. Единственно,

что я помню, — это жуткое было переживание. Он вернулся под утро. К счастью, никаких последствий. Один из его друзей вынужден был уехать за границу, родители его быстро отправили... Да, время было опасное. Ну, слава Богу, Тимур удалось убедить его, что таким путем не надо бороться. Бороться надо путем серьезной подготовки к тому, чтобы в экономике нашей страны что-то поменять.

Они были очень политизированные ребята. Ведь Егор долго жил с нами в Югославии и мог сравнить. Он очень много читал...»

Снова — к рассказу Виктора Васильева:

«И вот эта ночь, про которую вспоминает Ариадна Павловна, это была ночь, когда мы с этим делом разбирались. Сожгли их в большом тазу, но не ночью тогда, а, пожалуй, на следующий день.

Видимо, родители Гайдара догадались еще раньше. Был такой эпизод. В какой-то момент, когда мы собрались как-то у Егора в комнате, потом разошлись, к нему подошел Тимур Аркадьевич и заговорщицки спросил: “А где у вас тут продается славянский шкаф?” То есть понимание того, что происходит какая-то конспирация, у него точно было. В какой-то момент реагировал шутливо. А потом, может быть, они действительно перепугались.

...Я должен сказать, что Гайдар потом к этому очень скептически относился. Он считал, что это было для него чересчур инфантильно. В 15 лет еще можно было бы, но в 17 — это уже несерьезно. Он говорил: “Какое это было все-таки мальчишество...”

Он ощущал тогда себя 17-летнего уже более взрослым. Было видно, что он этого стесняется.

Страшно было на самом деле. Со мной бывало по ночам: просыпался, потому что останавливалось сердце от страха. Мы ведь как раз перешагнули 18-летие вот по ходу этой истории. А это означало уже совсем другие сроки в случае приговора. Но отступать было нельзя» (КР).

Да, отступать совсем молодым, очень честным и несомненно смелым людям было нельзя. И вынужденное отступление Егором очень и очень обдумывалось.

Он не хотел потратить жизнь без смысла и прока: разбросать листовки — и уже точно, теперь он это знал, сесть на долгие годы, не сделав того, что он хотел и мог сделать.

Он наверняка не раз это продумывал и пытался себе представить. Вот они пишут листовки. Ну, час, два, три... Вот разбрасывают. Еще несколько часов. Затем их берут. Полгода — не меньше — в следственном изоляторе. Допросы. Нужных книг нет, заниматься нельзя. Это Егору очень трудно себе вообразить: без серьезных книг, серьезных занятий он себя уже не мыслит. Затем — приговор, и долгие годы (меньше пяти-семи лет советский суд за эти дела не давал) умственного бездействия. Здесь воображение Егора отказывало.

Потому что смысл именно *своей* жизни — на что, если повезет, ее *действительно* стоило бы потратить, — он к этому времени уже примерно понимал.

Но ведь он понимал и другое — кто-то должен делать и *это!*.. Под лежащий камень вода не течет. Не протестовать — нельзя.

Выбор делался между отчаянно-рискованным действием и уверенной нацеленностью на то, что твои силы пригодятся твоей стране в гораздо большем объеме.

А что, если такая ситуация — когда ты можешь пригодиться в другом качестве, гораздо более эффективно, — и вовсе не возникнет? Ведь брежневский застой крепчал — и сковывал страну все больше.

Так что выбор этот был очень и очень трудным. Ведь Егор не хотел показаться малодушным прежде всего себе самому. Значит, надо решать свою судьбу так, чтобы не презирать самого себя.

9. ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ДАНА ЮНОСТЬ?

...Нет-нет, не затем, о чем вы сейчас подумали.

Не для поглощения бесчисленных банок пива. И даже не для сидения до семи утра в интернете.

Не мог таким быть Замысел. Слишком уж глупо.

И даже не для еженощных дискотек, нет. Они все-таки *вторые* в очереди.

В самую первую очередь юность дается человеку для того, чтобы ежедневно уметь. Юность — очень важное в этом смысле время. Другого времени для такого дела уже никогда не будет.

Напомню последние строки таблицы разных возрастов, предложенной психологами:

...От 12-ти до 21—22-х лет — занимается самовоспитанием.

То есть — умнеет и умнеет. Если, конечно, поставил себе эту цель.

Иначе выйдешь в зрелость, уже до отказа забитую работой, заботами семейной жизни, с недодуманными мыслями.

И очень скоро набор примитивных, незрелых суждений, которые — увы! — уже некогда всерьез пересмотреть, станет *видимостью* твоего мировоззрения. То есть окажется, что серьезные взгляды на важные предметы не сложились — так, что-то приблизительное...

И умные люди будут переглядываться между собой спустя десять-пятнадцать минут общего разговора на серьезные темы. Будут украдкой, за твоей спиной пожимать плечами, давая друг другу понять, что вот — уже и не о чем говорить с бывшим одноклассником.

И, покинув твой дом после оживленного застолья, обменяются, прощаясь, парой реплик:

— Да... А ведь был совсем не дурак...

— Примитивно, примитивно рассуждает. И не скажешь, что был гордостью школы...

И все реже и реже будут встречаться с тобой самые яркие из одноклассников. И все больше и больше в твоих застольях будет тех, с которыми не о чем говорить, но можно много пить. И дружно ругать «дерьмократов» и «либерастов»...

Вообще же в студенческие годы Егора Гайдара (1972—1977) — многое в его стране мало-помалу превращалось в видимость деятельности.

В ходу была позднесоветская поговорка: «Мы делаем вид, что работаем, а они делают вид, что нам платят».

«Мы» — это, так сказать, весь народ. «Они» — это власть. Безработицы нет. Она — страшный сон советской власти: все, что угодно, только не она, поскольку безработица — это примета «загнивающего» капиталистического общества.

Поэтому пьяница, выгнанный с одного завода, всегда будет принят на другой — и там тоже будет *делать вид, что работает*.

Безработицы нет — потому что работу, которую мог бы делать один и получать хорошие деньги, раскладывают на десятерых — и так же делят деньги. Каждому достается не намного больше прожиточного минимума. Так что вполне можно сказать: *власть делает вид, что нам платит*.

Женщины прибегают на работу в бесчисленные советские конторы, бросают сумку на стул около своего стола («Я — здесь!») и отбывают в поход по магазинам — до обеда. Потому что, не обежав с десятков магазинов, нужно вещь не купить. Да и то — если повезет.

Точно так же ведет себя — укрывшись от глаз «народа» — и само начальство.

На излете застоя советская жизнь текла очень неравномерными потоками: мощь системы выдохлась, поскольку ничем давно уже не вдохновлялась. Потому что задача самосохранения власти — хоть и насущная для самой власти, но уж очень какая-то не пафосная.

Получалось так: там, где попадалось несколько приличных людей в руководстве — там удавалось создать нужную атмосферу. Где нет — нет.

Еще было важно — кто именно в ЦК надзирал за данным заведением. Так, экономический факультет МГУ считался *идеологическим*. Проходил по ведомству самого жесткого и узкого советского идеолога, негибачего догматика — Михаила Суслова. Это он сказал писателю-фронтовику Василию Гроссману, у которого в 1962 году КГБ провел обыск и забрал все машинописные экземпляры, рукописи и даже черновики романа «Жизнь и судьба», что его роман может быть напечатан в нашей стране не раньше, чем через 200 лет.

Ошибся на 175 лет.

...Это увлекательное занятие — следить, как интенсивно *умнеет* человек: сначала — подросток, потом — юноша.

Следим же мы с удовольствием, как распускается цветок на нашем подоконнике — побег, потом крохотный бутон, потом он набухает, потом появляется верхний краешек розового или лилового лепестка... Главное здесь — *неостановимость* процесса. *Рост* — это ведь одно из самых привлекательных явлений.

«Постепенно к чувству удовлетворенности от прибывающих знаний, — вспоминал Гайдар юные годы, — приmeshивается сложное чувство осознания прежних, казалось бы, прочно устоявшихся убеждений, по швам трещит каркас сформировавшегося юношеского мировоззрения. Именно в это время выявляется несовершенство всей конструкции “Капитала”...» (Е. Гайдар, 1996).

...Многие ли способны так безжалостно отнестись к своему собственному, с усилиями сформированному мировоззрению — ради поисков *истины*?.. Сколько молодых людей «зависают», как говорится, над собственными обрывочными, недодуманными мыслями? Не стремятся проверить их новыми фактами и не стесняются повторять и повторять давно запавшие в их голову мысли вслух и тогда, когда в устах взрослого мужчины они звучат уже просто как детский лепет?..

Повторю простую мысль — юность тоже дается человеку не зря.

Не для того, чтобы его ум проспал эти драгоценные годы! Нет — непременно нужно выйти из юности умнее, чем ты в нее вошел.

...У студента Егора Гайдара начинает вызывать сомнения то, что недавно — в Югославии — казалось удачным выходом из стольких явных несообразностей советской системы — *рыночный социализм*: «Когда начинаешь детально разбираться во внутренних несущих конструкциях рыночного социализма, понимаешь — работать все это по-настоящему эффективно не может».

В чем же загвоздка? Да вот к примеру: «Как заставить предприятия, работающие в условиях рабочего самоуправления, создавать новые рабочие места?» (Е. Гайдар, 1996).

И правда — зачем рабочим, «самоуправляющимся» заводом, на котором они работают, расширять производство, нанимать новых рабочих?.. Они невольно видят в них конкурентов — претендентов на их собственные места. Их более или менее все устраивает на своем заводе.

И напрасно! Двигаться нужно всегда.

10. МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ И ИХ РЕЗУЛЬТАТ. ПРОЗРЕНИЕ

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

*В. Лебедев-Кумач. Широка
страна моя родная..., 1936*

В первые студенческие годы Егора Гайдара далеко от Москвы завершалась трагедия человека, опередившего время, — Ивана Худенко. Того, кто, как впоследствии Гайдар, мечтал обновить экономику страны — но на опыте одного хозяйства.

Посмотрев документальный фильм об этом человеке, снятый в 1969 году, много лет спустя, два журналиста (В. Белкин и В. Переведенцев) писали:

«Мы увидели на экране два хозяйства, два полярно противоположных подхода к крестьянскому труду. Одно расположилось на земле Украины. И людей здесь много, и техники, и вполне налажен быт. Но отчего такие равнодушные лица, вялые взгляды? Чуть ли не к каждому трактористу приставлен контролер, дотошно проверяют учетчики глубину вспашки, количество обработанных гектаров. Механизатор смотрит на кропотливую их работу отстраненно, безучастно. Не хозяин он, а поденщик. Но вот на экране возникли сцены жизни другого совхоза — в Акчи. Голая, в те годы еще плохо обжитая казах-

станская степь (напомню — и Украина, и Казахстан были тогда частью СССР. — М. Ч.). Но какие живые лица у механизаторов! Они с удовольствием и работают, и спорят, обсуждая дела на завтра. У них подряд, самоуправление. В конце шестидесятых! Тучный человек в клетчатой рубашке — Иван Никифорович Худенко — что-то рассказывает, энергично жестикулируя, улыбается... Мог ли тогда Иван Никифорович предположить, что его родное детище, эксперимент в Акчи, грубо растопчут, а сам он умрет, отбывая наказание, определенное ему судом?

...Из выручки от продажи продукции государству экспериментаторы возмещали затраты на горючее, удобрения, запчасти и другие расходы, связанные с эксплуатацией всех видов техники. Оставшийся доход поступал в полное распоряжение хозяйства. Из него оплачивали труд, на него строились, обзаводились имуществом. Высшим органом управления был совет звеньевых, которому и дирекция («управленческое звено» из двух человек: директора М. Ли и экономиста-бухгалтера И. Худенко) полностью подчинялась. Совет — совхозный законодатель, а дирекция — исполнительная власть. Так было заведено».

Производительность труда — выше *в шесть раз*, заработки — *втрое*, чем в обычных совхозах.

Спросите у тех, кто хорошо помнит советское время, — могли ли соседи, которые ни шатко ни валко вели свое плановое хозяйство с огромным числом полузанятых работников, такое потерпеть?..

Много лет спустя в журнале «Коммунист» Гайдар займется историей со старательской артелью Вадима Туманова — очень известного человека, дружившего со многими людьми искусства.

«Артель его, — описывал ситуацию О. Лацис, — как и всякая порядочная организация такого рода, отличалась от государственных предприятий прежде всего тем, что там впятеро лучше работали и втрое больше зарабатывали. Последнее было причиной периодических придинок чиновников, которые с чужими высокими зарплатами примириться не могли».

Да, вот такое у советских чиновников было свойство — не могли они перенести спокойно, чтобы «простые люди» зарабатывали больше их!

...Иван Худенко исключен из рядов КПСС и затем арестован. (Такая последовательность действий всегда соблюдалась. Членов партии арестовывать было не положено.) В августе 1973 года он и его заместитель осуждены за «хищение государственной собственности» — к шести и к четырем годам.

12 ноября 1974 года Иван Худенко скончался в тюремной больнице.

В том дружеском кругу «шестидесятников», с соседстве с которым шла юность Егора, события этого рода, не попадавшие ни в печать, ни на радио, отражавшиеся лишь в самиздатской «Хронике текущих событий» (составители которой с 1973 года уже сидели в тюрьме), хорошо известны — со слов О. Лациса, Лена Карпинского, Г. Лисичкина да и многих других. Все они напряженно и безотрывно следили за неофициальной информацией о внутренней жизни страны.

Студент Егор Гайдар прочно связал свою жизнь с наукой — экономикой. И все больше и больше прояснялись для него угрожающие проблемы, которые очень скоро неминуемо должны встать перед *социалистической экономикой*.

15 лет спустя он берется их обозначить: «Попытаюсь вкратце описать их так, как виделись они мне в то время».

Сначала Егор Гайдар описывает происходившее в 30-е годы: «Беспрецедентные масштабы изъятия ресурсов из сельского хозяйства, жесточайшая эксплуатация загнанного в колхозы закрепощенного крестьянства» — именно это позволило в сжатые сроки провести индустриализацию «на костях крестьянства».

Осталось множество свидетельств того, как именно загоняли в колхозы и что такое *жесточайшая эксплуатация* крестьянства.

Егор жадно поглощал все доступные ему источники, рисующие фактическую, реальную картину разрушения российской сельской жизни.

* * *

Приведем воспоминания об этом времени крестьян Вятской области (как она называлась до убийства Кирова, после чего переименована в Кировскую), собранные историком В. А. Бердинских и его студентами:

«Как образовался колхоз? Сделали сход деревни и объявили, что будет колхоз, все будет общее. Кому охота, кому неохота — все должны идти. А если не вступишь — все отберут. На одной вечеринке один парень спел частушку (он был не колхозник):

Все окошечки закрыты,
Здесь колхозники живут.
Из поганого корыта
Кобылятину жуют.

На него кто-то донес, его забрали и увезли. Больше его никто не видел».

Это — за насмешливую песенку!..

«Когда в колхоз записались, коней сводили всех. У нас крестная была старая, и когда тятенька повел лошадь — Лаской звали — она ее похлопала по шее, всю обняла, всю обревела. И увел тятенька лошадь... Вот, помню, мужик и женщина едут на телеге, и женщина воеет, как по покойнику. Жалко ей лошади-то».

«Раскулачивали всех подряд: нищих, которые изо дня в день работали. Был в деревне Степан, у него даже лошади не было, на жене пахал — тоже раскулачили. Все труженики, но все врагами оказались. Еще в деревне семья была: бабка с внуками, не шли в колхоз, так у них окна выбили, дверь с петель сняли, все, что можно, отобрали. Бабка лежит на печи и плачет от бессилия, а внуки — от страха».

«...Сочли нас за кулаков. Стали накладывать большие платежи, не под силу нам это было, сделали опись, дом у нас продали, имущество все увезли. Когда выгоняли из дома, люльку с ребенком выбросили на улицу и соседям наказали, чтоб никто нас не пускал, а если кто пустит, то и с ними так же поступят...

А соседа одного так же раскулачили, ему некуда было деваться, так он повесился на березке. Золовка у меня жила в селе Крымыже, двор у них продали, лошадь взяли, послали на лесозаготовку, лошадь там у них пропала, а было у них четверо детей... Детей кормить было нечем. Муж от такого переживания задавился. Церкви были закрыты, священника расстреляли на кладбище у толстой елки.

Люди сдали все в колхоз. Часть бросила дома и уехала в город. Во главе колхоза ставили тех лентяев и выпивох, которые плохо работали на своем подворье. Люди это очень переживали. Хозяина во главе колхоза они не видели, а русский человек всегда уважал работающего мужика... Мужик серьезно не верил в колхоз, он думал, что, мол, поиграют большевики и успокоятся. Но большевики не поуспокоились, началось раскулачивание. Настоящих кулаков в округе не было, было много хороших, работающих, настоящих мужиков. И вот новая власть в деревне в лице бывших лодырей стала грозить всем средним хозяйствам раскулачиванием, особенно тем, кто не поил самогоном и водкой. Начали заниматься вымогательством. Немало хороших хозяйств было ликвидировано: отбирали дома, мужиков с женами ссылали, стариков с детьми пускали по миру. Оставшихся детей и стариков обычно соседи брали по домам, кормили, поили, одевали. Один из домов, конфискованных государством, соседи собрали деньги и выкупили обратно, передав семье, в которой было 10 детей».

Это — конец 20-х — начало 30-х годов.

Прошло несколько лет — и в 1937—1938 годах уже никому не разрешали взять в дом детей арестованных и сосланных или расстрелянных родителей. Их отправляли в детские дома, где воспитывали в презрении и ненависти к родителям — «врагам народа».

«...По железной дороге на Котлас почти ежедневно шли составы товарных вагонов, в которых везли людей целыми семьями. Эти вагоны-теплушки охранялись конвоирами с собаками. Люди говорили, что везут на север, на Печору “контру” и кулаков, которые идут против советской власти. Мальчишки моего возраста бегали на разъезд посмотреть на эти охраняемые поезда с людьми».

Профессор, собравший эти записи о реальных событиях, пишет: «Ужасающая бедность, полуголодное рабское существование основной массы крестьянства — главного податного сословия России <...> просто поражают сегодня наше воображение...»

Почитайте и подумайте — это те самые годы, когда в Москве и в других крупных городах в магазинах были продукты по более или менее доступным ценам.

«...Из постели было одно одеяло на семь человек да две подушки... На ногах вся семья круглый год носила лапти. Весной и осенью к лаптям приделывали деревянные колодки... Мыла не было. Делали щёлок. Это нагребали из печи в тряпку золы и замачивали, им мылись и стирали одежду. Керосину было мало (об электричестве, как видим, и речи нет. — М. Ч.), сидели с лучиной на посиделках (по очереди их делали), один кто-нибудь весь вечер дежурил у корыта, жег лучину...»

Страшная жизнь деревни после войны была полностью скрыта от городских жителей. Телевидения еще не существовало, в газетах об этом не писали. Да многие горожане и сегодня, при огромном количестве опубликованных документов, не представляют себе, как жили крестьянские семьи страны-победительницы.

Егор Гайдар в 70-е — годы своего студенчества — уже прекрасно знал, за чей именно счет устраивал Сталин в конце 40-х — начале 50-х годов ежегодные (первого апреля) копеечные снижения цен. За которые и сегодня люди, не привыкшие размышлять и анализировать (зря потратившие юность, не научившись этому!), не устают его благодарить.

Немало сел, в которые не вернулся живым ни один мужчина. Во многих семьях погибли и отец, и сыновья.

Причина этого трагического положения послевоенного села простая: в городе часть мужчин — среди них и выходцы из деревень, работавшие на заводах, — оказалась забронирована. Их не имели права забирать на фронт, потому что предназначали для работы в оборонной промышленности. Они должны были ехать со своими заводами на Урал и налаживать там производство танков, снарядов и т. п. В деревнях же мужчин призывного возраста забирала под метелку. Все работы ложились на женщин и подростков.

Еще записи:

«Мой отец в 1944 г. был репрессирован за то, что, побыв в своей деревне в отпуске и вернувшись назад на завод, рассказал, что пахал дома на бабах землю. Расценили это как “дискредитацию” советской власти, дали ему 10 лет. Срок отбыл полностью, вернулся в 1954 г. больным человеком и скоро умер».

«Перед концом войны ездила по деревням — работала заготовителем, так приходилось собирать налоги. А налоги были очень большие на каждое хозяйство наложены... А где люди должны взять? Всдъ война уже идет четвертый год... Были такие семьи, что от хозяина остались одни дети, их по три человека, а мать одна — и та выбилась из сил. Вот однажды я захожу в одну избу (была открыта), спрашиваю: “Кто есть?” Молчок, никто голоса не подает, перешагнула порог: справа стоит кровать деревянная, совсем голая, в переднем углу стоит стол, на столе чугунок, но пустой — в нем ничего не было. Я прошла в кухню — никого, ни звука. Когда вернулась обратно, взглянула на потолок и увидела полати, а на них пять детских головок, так на меня уставились, как будто я их возьму и съем. Спрашиваю их, чего они там делают. “А мы здесь лежим”. Оказывается, у них буквально нечего одеть, все они голые, даже рубашонки нет, и в избе шаром покати — ничего нет. Мать на работе в колхозе, корову зимой съели, и каждый день чугунок варят ведерный картошки — этим и живут. А еще налог какой-то с них просить...

...Вот как приходилось жить... Дождались! Война кончилась. Стали возвращаться домой солдатики по одному, по два человека — а уходили десятками».

Очень важное обстоятельство: многих из тех, кто выжил на фронте, провезли мимо родных мест непосредственно в Гулаг — в казахстанские лагеря, в Магадан, на Колыму...

Кого же? Тех, кто по вине Сталина в первые же месяцы войны оказался в плену (таких насчитывается около четырех миллионов). Они бежали из немецких лагерей, с трудом пробирались к линии нашего фронта, воевали — и после Победы оказались в «своем» концлагере. Есть такая книжка — Льва Разгона, человека, просидевшего в сталинских лагерях 17 лет, — «Плен в своем отечестве». Очень точное и очень грустное название.

Почему, спросит кто-то из моих читателей, — «по вине Сталина»? Да потому, что он, не доверявший никому на свете, ни родным, ни друзьям, неизвестно почему поверил одному человеку на свете — Гитлеру. Которому, как уже было сказано, никто в мире, кроме него, давно не верил! Заключил с ним в 1939 году два договора — один о ненападении, а другой — секретный — о дружбе! И уверял всю страну, что теперь мы с Гитлером дружим и он ни за что на нас не нападет. И не готовил страну к войне — хотя, как известно теперь из рассекреченных недавно материалов нашей внешней разведки, ему поставляли совершенно точные сведения о близящемся начале войны непосредственно из штаба Геринга...

...Те немногие, кто все-таки вернулись с войны в родные села, оказались в ситуации, которой не ожидали. Немыслимый подвиг народа с непредставимым количеством жертв не был оценен его жестокой властью.

Победителям предстояло стать жертвами в собственной стране.

«После демобилизации из армии в 1947 году некоторое время я был председателем колхоза. Помню, нас, председателей, вызвали в район для отчета. Колхозы после войны ослабли, народ жил плохо, голодно, ел траву.

Вот стал отчитываться один председатель, тоже фронтовик, и сказал, что задание района выполнить не сможет. У него было две лошади всего, урожай немолоченный, а у него забирали этих лошадей на лесозаготовки. А ведь лошади нужны были ему на молотилку, такой был конный привод. Да еще хлебозаготовки (то есть зерно, которое до выплаты трудодней, в первую очередь, сдается государству. — М. Ч.) вывозить. Поэтому, говорит, лошадей не дам. Председатель райисполкома встал и говорит, что вот это враг народа. Таких врагов народа надо искоренять, чтобы они нам не мешали. Прокурор района взял трубку телефона, сказал, чтоб прислали двух человек. Когда стали выходить, то увидели, как в кабинет вошли двое милиционеров, пробыли там минуты две-три и вышли с этим председателем. Вот тогда я и решил уйти из председателей» (из записей В. А. Бердинских).

* * *

Все это, повторю, уяснилось Егору Гайдару еще в юные студенческие годы.

Он видел — героические поступки героев книг Аркадия Гайдара не привели к светлому будущему. По трагической иронии истории они отбросили страну в прошлое — «лентяи и выпивохи», вставшие во главе колхозов, помогали этому попятному пути.

Егору становилось ясно, к чему привело лишение людей собственности — разорение крестьянских дворов и замена осмысленного труда на земле «планированием» пахоты и сева из райкомов КПСС.

Его страна безнадежно отстала от мирового уровня, к которому Россия реально приближалась в 1912—1913 годах.

Истреблено было наиболее дееспособное крестьянство. Молодежь, видя происходящее, рвалась в город, правдами и неправдами покидала родные села и деревни.

Отток сил из деревни шел неуклонно, хотя препоны ему были воздвигнуты очень серьезные: вернули крепостное право, отобрали у крестьян паспорта.

У советских крестьян, в отличие от их далеких предков, отняли даже Юрьев день — тот единственный день в году (для любознательных читателей — 16 ноября по старому стилю), когда до конца XVI века несвободный крестьянин, выполнив свои обязательства, мог уйти хотя бы от одного владельца к другому... В советском колхозе кабала по месту жительства предполагалась вечной.

Как только, напишет потом Гайдар, «ресурсы аграрного сектора оказались исчерпанными, наступил кризис социалистического роста. Особенно наглядно он проявился в начале шестидесятых годов, когда доля сельского населения опустилась ниже 50-процентной отметки».

А успехи индустриализации?

«Сложившиеся в ходе индустриализации предприятия и целые отрасли продолжали существовать и даже расти практически вне всякой связи с эффективностью их работы. По сути, они уподобились пробуксовывающей машине: колеса крутятся, а движения вперед нет».

Важнейший вывод — социалистическая индустриализация «подобна допингу в спорте: позволяет на какой-то отрезок времени форсировать темпы роста, но ценой разрушения саморегулирующих функций организма».

Итак — ресурсы в «обескровленной российской деревне» исчерпаны. И неминуемый кризис оттягивается «на какой-то срок открытием богатейших нефтегазовых месторождений Западной Сибири».

Дальше у Гайдара очень важная фраза, которую даю курсивом и советую моим читателям тут же показывать ее своим родным, когда услышат от них рассуждения о том, как хорошо жилось при Брежневе: *«Именно они создали иллюзию благоденствия и стабильности брежневской эпохи...»*

«Они» — то есть эти открытые стараниями наших замечательных геологов богатейшие запасы наших недр.

А дальше?

«Но с начала восьмидесятых стало очевидно, что эта кислородная подушка иссякает. Наиболее богатые месторождения вступают в фазу падения добычи и требуют новых, все более масштабных капитальных вложений».

Как это понимать? А так, что выкачали всю «легкую нефть» — из верхних слоев, откуда легко ее добывать. И остались месторождения, где нефть залегает глубоко... Чтобы добыть ее оттуда — нужно особое и весьма дорогое оборудование, которое *сами мы не производили*.

Из личных воспоминаний. В начале 90-х я преподавала в одном из университетов Калифорнии. Как-то ехала там на автобусе и разговорилась с российским гражданином: он рассказывал, что как юрист помогает вести переговоры в Техасе о продаже нам оборудования: там так же глубоко залегает нефть, и они, в отличие от нас, производят нужное для ее добычи оборудование, но у России на него нет денег... Вот он и ищет выход — как купить без денег.

Нашел ли — я уже не узнала.

Все больше надо денег на топливно-энергетический сектор (столь важный в нашем климате). А где их взять — «...не ясно. Изуродованная социальная структура деревни как сквозь песок пропускает капитальные вложения, направляемые в этот сектор, *их отдача — минимальна, а по многим направлениям — просто нулевая*».

Что означала «нулевая отдача» вложений в сельское хозяйство? Хотя бы то, что «мало-мальски удовлетворительное продовольственное снабжение» (какое именно — вы увидите через несколько страниц в рассказах Михаила Жванецкого) Москвы и Ленинграда (для тех, кто не знает: так в советское время после смерти Ленина с конца января 1924 года до сентября 1991-го называли Петербург) поддерживалось главным образом за счет импорта...

Вернемся к «успехам» (в эти годы их уже можно, увы, помещать в кавычки) индустриализации.

Доля нашего машиностроения в мировом экспорте составила 3%.

А в 1913 году Россия занимала пятое место в мире по удельному весу промышленного продукта на мировом рынке...

«Растет износ основных фондов на транспорте. Далек от современного мирового уровня нефтехимия, химия, усугубляется технологичная архаичность металлургии. Долгосрочные прогнозы говорят о неизбежном падении темпов экономического роста...»

Эти темпы, похоже, вот-вот «снизятся до нулевой отметки, а то и до отрицательных величин».

И — главный вывод: *«Становится совершенно очевидным, что, не запустив рыночные механизмы, принципиальных проблем советской экономики не решить...»* (Е. Гайдар, 1996).

11. ЕГОР ГАЙДАР В ВОСПРИЯТИИ ОДНОКУРСНИКОВ

Кирилл Рогов, работая над «политической биографией» Гайдара, собрал и опубликовал на сайте фонда Гайдара воспоминания его однокурсников (по его публикации мы их далее цитируем).

На наш взгляд, оценки девушек-однокурсниц оказались более объективными, чем некоторые «мужские» воспоминания.

Объяснить это нетрудно.

У девушек отсутствовали комплексы по отношению к бьющей в глаза незаурядности Егора Гайдара (исключения, по свидетельству очевидцев, были — но редкие) — ведь в 70-е годы феминизм до России еще не докатился. Наоборот — яркая талантливость однокурсника им импонировала, притягивала к нему...

С юношами дело обстояло иначе. Одних однокурсников личность Гайдара просто восхищала, и они безоговорочно и без лишних эмоций отдавали ему первенство: «Он был первым на курсе, хотя с нашего курса вышло немало известных людей. Мне, да и всем нам повезло, что мы учились с ним, потому что, если что не добавал преподаватель, то мы в общении с Егором поднахватывались» (Аркадий Вилитенко).

У других рождалось чувство соревновательности. А когда становилось ясно, что выиграть соревнование вряд ли удастся, оно могло переходить (но могло и не переходить!) в закомплексованность, саморазъедание...

А там уж недалеко и до неперемногого спутника этих опасных качеств — острого чувства зависти и ревности (и, как следствие, — бессознательное желание любыми путями принизить, умалить незаурядную личность — желание, которое, увы, порой не покидает таких людей и много лет спустя...).

К счастью, эти достаточно сильные эмоции, сопровождавшие Егора Гайдара всю его последующую жизнь и очевидные даже сегодня, когда его нет, владели все-таки небольшой частью российских мужчин и совсем малой частью женщин...

Девушки с его курса испытывали совсем другие, вполне женские чувства.

Какие именно — увидим по нескольким цитатам из их воспоминаний.

«Красавцем Гайдар не был, но его сила личности была необыкновенная. И даже некоторые студентки у нас в группе были, мне кажется, им увлечены» (*Ирина Назарова*).

«Было ясно, что у Егора колоссальное будущее. И было понятно, что это мужик, которого надо попытаться охмурить, честно скажу. Я в тот момент не знала, что у него Ира — Егор никогда про нее не рассказывал, пока они не поженились...» (*Ольга Григорьева (Швыркова)*).

Те однокурсники и однокурсницы, которых не сковывали привходящие чувства, рисуют нам одного человека — и, судя по всему, их портрет близок к натуре.

Другие же, кажется, вспоминают совсем иного человека — или, вернее, исходят из заранее сформированного, явно предвзятого представления о том, каким он *должен был бы быть*, если иметь в виду знаменитую фамилию и т. п.

...Большинство людей с большим трудом отказываются от своих первых — поверхностных и стандартных — суждений, цепляются за них всю жизнь. А ведь не только

к чужим, но и к собственным суждениям, мнениям надо уметь отнестись критически, проверять их время от времени.

Ирина Назарова: «Когда я увидела его первый раз, то невольно улыбнулась — небольшого роста, уже тогда лысоватый, круглолицый, но без сомнения — очень умные глаза. Он скорее походил на взрослого ребенка. Очень добродушный. Он был немного моложе нас, где-то на полгода, и у него на лице была абсолютно обожающая мир улыбка.

Но это было только первое впечатление. У нас были сложные семинары по “Капиталу” Маркса. Приходилось много читать, конспектировать... Для нас, вчерашних школьников, первые выступления Егора были просто потрясением. Идеи, логика изложения, незнакомая нам красота, академичность речи. Завораживающе звучали словосочетания: “имманентные свойства”, “фетишизация отношений”, “адекватность восприятия” и т. д.

У него была достаточно специфическая манера речи: взмах, очень эмоционально, впечатление было, что он разговаривает сам с собой, забывая, что вокруг, и совершенно отдаваясь тому чувству и тем мыслям, которые излагал.

Поражали широта эрудиции и знание предмета. Конечно, Егор был прирожденным ученым, неординарным мыслителем. Сравнить себя с ним было просто невозможно.

Но мощь его интеллекта не была деструктивной, он никогда не подавлял, а с энтузиазмом вовлекал нас в дискуссии. И, думаю, это сыграло не последнюю роль в том, что многие выпускники нашей группы поступили в аспирантуру и защитили диссертации к 26 годам».

Эти слова захотелось выделить. *Щедрость таланта* — ценнейшее человеческое качество!

Ольга Григорьева (Швыркова): «Егор был невысокого роста, фигура неспортивная, он не был красавец-мужчина... Но все это исчезало, когда он начинал говорить увлеченно. Любой человек проникался его логикой и его интеллектом».

Ирина Назарова: «На самом деле он не был пай-мальчиком. Он был веселым, любил выпить, подурачиться. Что очень важно: он был абсолютно лишен желания командовать и руководить.

Что касается “груза фамилии”, то на самом деле этот “флер” у нас на факультете был у многих, особенно на “зарубежке”, но у него как раз этого не было. Он был действительно необыкновенно интеллигентен, он был настолько умен, чтобы этого не показывать. И это было не нужно ему. Егора уже курсе на третьем заметили на других кафедрах. И вот только сейчас, с высоты собственного преподавательского опыта понимаю, что за ним просто шла охота — охотились кафедры за одаренным студентом».

Борис Кузнецов: «Впечатление он производил на меня довольно несчастного человека, сильно замкнутого и зажатого, явно находящегося под гнетом имени. Он выглядел, как человек, которому с детства говорили: ты должен, потому что ты внук, и ты не можешь, как все, порвать штаны, сделать что-то не так. И было ощущение, что он все время в напряжении, чтобы не сделать что-нибудь не так, чтобы не опозорить, не осрамить. Это ему не доставляло удовольствия — этот груз фамилии. Впечатление было такое, что жизненные радости были как-то не для него, нельзя уйти с лекции и пива выпить, устроить дебош. Если хотите, он нес не только собственную честь, но и честь фамилии».

Здесь кажется важной последняя фраза: однокурсник свидетельствует — слово *честь* не было для Егора Гайдара, в отличие от многих и многих его сегодняшних ровесников (то есть — находящихся в том его студенческом возрасте), пустым звуком.

Памятный с детства эпиграф к пушкинской «Капитанской дочке» вошел в плоть и кровь.

Борис Кузнецов: «Был он пухлый, рыхловатый юноша, каким и остался. Очень серьезный, очень доброжелательный внешне, очень легко улыбающийся, но улыбающийся не потому, что ему весело, а чтобы продемонстрировать дружелюбие».

Ирина Назарова: «...Не могу забыть, как он смеялся — непосредственно, радостно и так громко, что люди вокруг на него оборачивались. Он очень смешно смеялся. Тавтологично, но точнее не скажешь. Так, наверное, может смеяться только свободный, абсолютно безразличный к оценке окружающих, юный и чистый человек.

Вспоминается один случай: мы едем в метро. С одной стороны у меня однокурсник — студент из Конго Эмиль, с другой — Егор, в короткой курточке и достаточно поношенной пыжиковой шапке, небрежно сдвинутой на затылок. Гайдар что-то рассказывает и хохочет. Хохочет, всхлипывая и заливаясь. Я чувствую, как весь вагон смотрит на меня с осуждением: русская девушка в сомнительном обществе африканца и чудного вызывающего смеющегося молодого человека. ...До сих пор помню настороженные и недружелюбные взгляды пассажиров вагона».

«Вообще он понимал и ценил женскую красоту — взгляд у него был мужской. Мы знали, что он очень рано влюбился в девочку и женился на ней, у него рано появились дети. ...Мы знали только, что она очень красивая девочка. Они жили, видимо, довольно стесненно».

...Четверть века спустя Гайдара спросит «Газета», беря интервью:

— *Вы к родителям никогда не обращались за материальной помощью?*

— Нет. Это неприлично.

— *А если сын придет и сообщит: «Папа, я женюсь, мне нужна отдельная квартира». Что вы скажете?*

— Работайте, снимайте. Но им даже в голову не придет такое мне сказать.

«Егор очень рано начал зарабатывать. Занимался репетиторством буквально с первого курса. Он ведь очень рано женился, девятнадцати лет еще не было. Я все время говорила — хоть до девятнадцати подожди. Ира была очень красивая девушка» (из рассказа *Ариадны Павловны Бажовой-Гайдара Кириллу Рогову*).

Виктор Походун: «Получилось, что мальчиками после школы в нашей 102-й группе оказались только мы с Егором вдвоем. Остальные ребята были после рабфака или иностранцы. У нас было иностранцев, если не ошибаюсь, 12 человек. У нас даже был принц Камбоджи. Был из Ливана, я так понимаю — ливанский террорист, потому что он был без ногтей. Я думаю, в Советском Союзе его прятали от “Моссада” (это секретная внешняя разведка Израиля, известная своей успешностью. — М. Ч.). И мы только двое с Егором — после школы. Как-то естественно на этой почве мы сблизились.

...Надо сказать, что уже тогда у него довольно четкая линия своего будущего вырисовывалась». Как-то на седьмом этаже здания экономического факультета они стояли и смотрели на Москву. «А вид на Москву там отличный открывается. Я ему показываю на здание МИДа и говорю: “Егорушка, а ты не хотел бы после университета там работать?” Он говорит: “Нет, а что там делать?” Я говорю: “Ну как — интересная работа, за границей”. Он говорит: “Нет, я хотел бы быть советником евреем при дураке генерале”. Я запомнил тогда на всю жизнь эту фразу.

...Довольно быстро, где-то уже, наверное, к концу первого семестра, стало понятно, что когда никто в группе ничего не знает, то знает только Гайдар. Он читал не учебники, он знал первоисточники.

Нам, кстати, сменили философа, когда узнали, что у нас в группе Гайдар. Дали сначала какого-то не то аспиранта второго года, не то стажера на предзащите. Но после месяца занятий, когда он пару раз с Егором столкнулся, нам поменяли преподавателя».

И еще одно — особенно важное.

Шла вторая половина 70-х годов — очень тяжелое, муторное время. Власть боялась любой правды, относящейся к истории советского общества. Правды о лагерях — особенно после выхода за границу в 1974 году убойной книги Солженицына «Архипелаг Гулаг». Правды о расстреле в Катynie — официальная версия гласила, что 20 тысяч поляков расстреляли не сотрудники НКВД

по приказу Сталина, а фашисты во время оккупации Смоленска. Правды о войне и о цене Великой Победы. А цена была очень, непомерно высока.

Егор владел правдивой информацией по самому широкому кругу вопросов. Но она не сама свалилась ему на голову — он ее настойчиво и вдумчиво собирал. С отрочества, едва ли не с детства.

Виктор Походун: «...Он не принимал этот строй. Один из его постоянных тезисов был, что лагерь на 250 млн, который огорожен тремя рядами колючей проволоки, это небольшая разница от того лагеря, который огорожен на пятачке двух квадратных километров. Это были его слова, которые он повторял не раз.

Мое мировоззренческое формирование очень сильно проходило под влиянием Егора. ...Понимание глубинных процессов — что, где, откуда? Егор это все обдумывал, рассказывал...

Я впервые от него узнал про Катынское дело и про другие исторические эпизоды, про которые у нас не говорили. У него бабушка сидела на Лубянке за то, что якобы собиралась на здании Лубянки установить пулемет и расстрелять первомайскую демонстрацию. А это — худенькая, щупленькая женщина, она Егору до плеча не доставала... Вот она, якобы, собиралась затащить пулемет “Максим” на крышу Лубянки.

Егор много чего такого рассказывал».

Ирина Назарова: «В принципе он был романтиком. Самая его любимая книга “Три мушкетера”, он ее постоянно перечитывал. Просто удивительно, что из такого романтического героя получился достаточно жесткий политический деятель. Бывает, что в характере человека есть некая жесткость, которая дана ему от рождения, и это ощущаешь даже при мимолетном общении. В Егоре я этого не замечала. Но его и мягким нельзя было назвать, потому что заставить его сойти с собственной позиции силой авторитета, а не аргументов, было невозможно. ...Это в нем было — убежденность, уверенность в своей правоте, но чтобы эта жесткость проявилась в делах — это для меня было неожиданностью».

Ольга Григорьева (Швыркова) вспоминает первое впечатление от Егора Гайдара — на первом же семинаре по истории КПСС: «...В своем ответе он употребил термин “младогегельянцы”, и я обалдела. Я подумала, что он, наверное, неделю готовился к семинару, чтобы выпендриться: Прудон, “нищета философии”, Каутский, младогегельянцы. И эта характерная манера подачи — как будто он это всегда все знал. Потом это повторилось и на втором, и на третьем семинаре, и к концу сентября поняла, что он не сидит ночами, чтобы хорошо выступить, а это все у него уже давно в прошлом, он давно все это знает — еще со школьных лет...

Вели мы с девочками где-то разговор, и я сказала: “Девки, Гайдар будет министром, поверьте”. Мне никто не поверил: с чего ты взяла? — будет ученым.

Я ошиблась — он стал премьер-министром. Мне и тогда казалось, что люди такого ума обязательно должны быть востребованы государством».

В 1978 году Егор кончает университет. С красным, конечно, дипломом.

Вспоминает однокурсник С. П. Богданов: «Не помню, как назывался его диплом, что-то связанное с нормативами в экономике... Я испытал шок от того, что говорил Егор. Первый шок — количество профессоров на защите. И как он закончил выступление — дальше им было неинтересно, но все пять экземпляров диплома они расхватали, они исчезли моментально».

«Юность кончается в один день — и этот день не отметишь в календаре: “Сегодня окончилась моя юность”. Она уходит незаметно — так незаметно, что с нею не успеваешь проститься. Только что ты был молодой и красивый, а смотришь — и пионер в трамвае уже говорит тебе: “Дяденька”. И ты ловишь в темном трамвайном стекле свое отражение и думаешь с удивлением: “Да, дяденька!” Юность кончилась, а когда, какого числа, в котором часу? Неизвестно» (В. Каверин. Два капитана).

12. НАЧАЛО 80-х: ПОЛНЫЙ АТАС В МОСКВЕ

«Хорошо бы где-нибудь отыскать людей, — подумал он. — Для начала просто людей — чистых, выбритых, внимательных, гостеприимных. Не надо полета высоких мыслей, не надо сверкающих талантов... Не нужно еще, чтобы они были принципиальными сторонниками или противниками чего-нибудь. Не нужно, чтобы они были принципиальными противниками пьянства, лишь бы сами не были пьяницами. Не нужно, чтобы они были принципиальными сторонниками правды-матки, лишь бы не врали и не говорили гадостей ни в глаза, ни за глаза. И чтобы они не требовали от человека полного соответствия каким-нибудь идеалам, а принимали и понимали бы его таким, какой он есть...»

А. Стругацкий, Б. Стругацкий.

Улитка на склоне, 1969

Эти годы в Советском Союзе — довольно тяжелые. Кажется, что сопротивление властью в значительной степени подавлено. Академик Сахаров — в ссылке в Горьком, под круглосуточным наблюдением КГБ; к нему почти никого не допускают. Часть диссидентов — в лагерях, другая выдвлена за границу. Но вся мыслящая часть страны, принося ухом к радиоприемникам, пытается расслышать сквозь гэбистские глушилки западные радиостанции, следит за происходящим в Польше. С 1980 года по стране идут забастовки и демонстрации. Рабочие в массовом масштабе создают новые, независимые профсоюзы; у нас в стране про такое и слыхом не слыхали — наши профсоюзы, которые Ленин назвал «школой коммунизма», полностью подчинены власти. 17 сентября 1980 года в Гданьске (где большая судостроительная верфь — главный очаг забастовочного движения) собираются представители всех новых профсоюзов и объединяются в союз «Солидарность». После полуторамесячной борьбы «Солидарность» была заре-

гистрирована. Для европейских «соцстран» она стала на всю первую половину 80-х единственным — и крайне важным — очагом (и примером) борьбы граждан за свои права и за свободу. Даже когда в декабре 1981 года в Польше вводится военное положение, лидеров демократического движения интернируют — «Солидарность» продолжает борьбу с режимом. Ее не останавливает жестокость власти, человеческие жертвы.

Это — предвестие недалеких перемен в «социалистическом лагере». Но мы, современники, не видим их признаков в нашей стране, которая возглавляет этот «лагерь» (как верно скажет позже один юморист — «Хорошее место лагерем не назовут»). Реальный признак один — явное дряхление режима. Но кто поручится, что он не переживет нас?..

...В конце 70-х Егор Гайдар учился в аспирантуре и написал диссертацию за полтора года (вместо трех лет и более, как пишут обычно) — о том самом *хозрасчете*, за попытку ввести который хотя бы в одном совхозе погиб в тюрьме Иван Худенко.

Напомню, что *совхоз* — это *советское хозяйство*, но в основном сельское. Тема Гайдара — *хозрасчет* не в сельском хозяйстве, а на *промышленном* предприятии. Но, так или иначе — речь идет о *единственном* теоретически возможном «рыночном» вкраплении в социалистической экономике...

Итак, он защищается досрочно, в 1980-м. «К этому времени точно знаю, что буду делать дальше» (Е. Гайдар, 1996).

Он начинает работать в Институте системных исследований. Директором был академик Д. Гвишиани, зять премьер-министра СССР А. Н. Косыгина.

Здесь — одна тонкость, непонятная ни иностранцам, ни тем, кто родился после советской власти, и нуждающаяся в пояснении.

Надо иметь в виду, что главные усилия мыслящих и деятельных людей в советское время были направлены на то, чтобы найти себе такое рабочее место (нору, нишу...), где власть *не очень сильно мешала бы* нормальной работе. Если в нормальных странах власть в основном (за исклю-

чением исключений) удовлетворена, если люди успешно работают, в Советском Союзе «брежневской» эпохи — все наоборот: как только где-то становилась очевидна успешная творческая работа — ее бросались гасить, обвиняя ее участников в идеологической неполноценности или в чем-нибудь подобном.

Директорство зятя Косыгина «обеспечивало институту хорошие связи, а следовательно, относительную идеологическую автономию» (Е. Гайдар, 1996). То есть — какую-то самостоятельность, работу без ежеминутной оглядки на власть.

И в этом институте, и в родственном ему Центральном экономико-математическом на научных семинарах обсуждаются «самые острые теоретические проблемы без оглядки на идеологическую “чистоту” суждений».

Да, это Москва... Она несравнима в те годы в этом смысле с любым провинциальным городом — и даже с тогдашним Ленинградом. В ней кое-что все-таки *можно*. Почему? Трудно объяснить. Быть может, потому что очень большое сгущение мыслящих и нетрусливых людей оказывает на власть невидимое, но ощутимое давление. Власть «брежневского» разлива, не очень-то расположенная к непрерывной борьбе, устает от необходимости постоянного сопротивления нашему нажиму. И, сама того не желая, погибается...

«Когда я впервые попал на такой семинар, руководимый Николаем Петраковым, с трудами которого был давно знаком, появилось ощущение, что вот-вот собравшихся потащат в кутузку», — вспоминал Гайдар.

Воспоминания нынешних питерцев о первых встречах с московскими семинарами — еще круче.

Рассказывает А. Чубайс участнику московских семинаров П. Авену: «...о своих ощущениях от Гайдара и всей вашей команды. Ты даже не представляешь, каким масштабным это было для нас потрясением по сравнению с тем, какими мы были до вас. Потому что мы жили в этом изолированном питерском мире, который... даже не знаю слова... идеологически был стерилен, что ли... А у вас — Аганбегян, Шаталин, Ясин выступают! Ничего себе!»

(Поясню: академик Аганбегян имел сомнительную репутацию в глазах власти; его доклады о реальном — устрашающем! — состоянии советской экономики ходили в Самиздате. — М. Ч.)

«Гриша (Глазков) с семинара приехал к нам, слушай, говорит, ты знаешь, в Москве — полный атас, ты не представляешь себе! Знаешь, как они к рыночникам относятся? Я говорю: как? (А это 1982—1983 год. У нас в Ленинграде само слово “рынок” запрещено — это же “антисоветчина”.) А в Москве относились так, как сейчас примерно относятся на Западе к гомосексуалистам. Кто-либо из рыночников выступает, а другие спрашивают: это кто? А в ответ: а это, говорят, не наши. И это всё! Никаких гонений, никаких персональных дел на парткоме, ничего... Я совершенно охренел от этого. Очень разная атмосфера была в Питере и в Москве. У нас в Ленинграде крупнейшие наши экономисты, может, две-три фигуры, но они совершенно несопоставимы с московскими...

И мы на этом интеллектуальном и человеческом фоне в 1984 году, имея за спиной пять лет реальной работы (обратим особое внимание на выделенные нами слова — в суровых, пронизанных сыском и доносами условиях советского Ленинграда группа молодых экономистов с 1979 года работает над тем, каким образом, когда *настанет время*, преобразовать скатывающуюся в пропасть страну! — М. Ч.), которая была настоящей, с планом работ, с заблаговременным внесением письменного доклада, с библиографией на 30—50—70 авторов на нескольких языках, работали совершенно в вакууме. Как это назвать, когда ты узнаешь, что там, в Москве, тоже обсуждаются абсолютно наши проблемы, у людей наш язык, наше понимание сути ситуации, наше ощущение просто надвигающейся катастрофы? Причем обсуждается все это абсолютно спокойно, как что-то само собой разумеющееся, а не как нечто на последнем градусе крамолы, как что-то такое, что приравнено к вооруженному восстанию против советской власти. Это было одно из самых сильных событий за всю предшествующую 1991 году историю.

...Было ощущение полного бессилия, абсолютного бессилия всей официальной экономической науки перед неотвратимо надвигающимся экономическим крахом. В доме полыхает пожар, а обсуждение идет о смене цвета штукатурки».

...Эти же впечатления безмятежного поведения высоких чиновников, призванных заниматься экономикой, перед лицом совсем близкой катастрофы, остались у Гайдара:

«Хорошо помню свое первое знакомство с управленческими традициями и практикой поздней социалистической эпохи. В самом начале 1985-го с группой чиновников, направленной ЦК КПСС и Советом министров СССР, выехал в Минск для проверки хода так называемого крупномасштабного экономического эксперимента в министерстве легкой промышленности. Комиссия начинала работу в 8 утра. Сменявшие друг друга представители ЦК компартии и Совета министров Белоруссии начинали произносить тосты еще за завтраком, и эта веселая жизнь продолжалась до ужина, когда просто грех не выпить на сон грядущий. Впрочем, надо признать, что к моим попыткам получить какие-либо данные по эксперименту белорусские хозяева относились вполне снисходительно: ну, понятно, парень из науки, надо же ему хоть что-нибудь писать в отчете».

13. НОМЕНКЛАТУРА

Это — характерная черта последнего советского десятилетия: *власть, которую давно интересует только и исключительно проблема личного выживания и сохранения привилегий, искренне не верит, что кого-то что-то в жизни страны может интересовать всерьез, а не для отчета.*

Вот это и называется — цинизм. Сегодня он многих справедливо раздражает. Но расцвел-то он вовсе не после советской власти, а именно при ней, в годы «застоя».

Именно с конца 60-х из идеологии, за которую, какая бы она ни была, в Гражданскую войну все-таки люди шли

умирать, исчезло всякое содержание. Его заменил инстинкт самосохранения «нового класса».

Но и он в эти последние годы жизни советской империи, по-видимому, притупился.

...Сами эти люди с 70-х годов стали называть себя *номенклатурой*.

В учебном пособии для партийных школ (были такие! В 1973 году, помимо Высшей партийной школы при ЦК КПСС, работали 13 республиканских и межобластных *высших партийных школ* и еще 20 «совпартшкол» — советских партийных школ...), выпущенном в 1981 году, пояснялось: «*Номенклатура* — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.)».

«*Номенклатура*» — это не только *перечень*. Так давно уже назывались и *лица*, занимающие те самые посты, назначить на которые и снять с которых их имеет право только *партия*. Та самая единственная в стране партия, которая в шестой главе советской конституции названа была руководящей и правящей...

Доктор исторических наук М. С. Восленский, уехавший в 1972 году из Советского Союза, в авторском введении к книге «*Номенклатура*», напечатанной в Германии в 1980 году, а затем изданной на всех языках, написал: «В СССР все, относящееся к номенклатуре, тщательно скрывается — и от собственного народа, и от заграницы. Мир не должен знать о номенклатуре».

Для того, чтобы люди узнали о ней, я пишу эту книгу».

К ней мы не раз еще обратимся.

14. ЧУБАЙС О ГАЙДАРЕ

«...Мы вообще очень сильно отличались друг от друга, — вспоминает А. Б. Чубайс про знакомство с Гайдаром, — мы были очень разные. Исключительно... Московские почти все, конечно, были из элитных семей, а питерские — разночинцы такие, почти народные...»

Петр Авен, ссылаясь на Владислава Широнина, говорит, что Гайдар стал лидером этого движения, поскольку он один был не просто ученым, а — «заточен» на реформы.

«У всех были разные интересы: наука там, личная жизнь, что-то еще. Но лишь Гайдар думал фактически только об этом. Он хотел реформировать страну. С юности его интересовали только рыночные реформы.

А. Чубайс. Я рискну возразить, но специфическим образом. Первое. Я считаю, что, действительно, он был заточен прежде всего на это, чистая правда. Второе. Я вообще-то тоже был заточен на это, но лидером стал Гайдар, следовательно, дело не только в этом.

А. Кох. Почему Гайдар все-таки стал лидером, а не Чубайс?

А. Чубайс. А на этот вопрос легко ответить. Ну, очевидно, что у Егора был существенно более мощный культурный слой, несравнимо более мощный научный уровень, более сильный интеллект».

...Легко ответить.

Среди интеллектуалов, вынуждена свидетельствовать, очень и очень мало таких, кто с *легкостью* признает чей-то интеллектуальный приоритет, даже и неоспоримый.

Для этого надо было быть Чубайсом.

Тем человеком, который стал для Егора Гайдара — и навсегда — самым близким другом.

15. ЗМЕИНАЯ ГОРКА, ИЛИ В ПОИСКАХ КАМЕННОГО ЦВЕТКА

Среди сказов Павла Петровича Бажова, прочитанных Егором еще в детстве, есть сказ «Каменный цветок». Мы упоминали его героя Данилку — когда ему было «годов двенадцать».

Но самое интересное произошло с Данилой тогда, когда он уже был «парнем».

Вместо привычных изделий из малахита «по барским чертежам» он стал мечтать сделать такую чашу, «чтобы

камень полную силу имел». Ходит по лесу и все ищет что-то, «с лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял».

И тут еще подвернулся «ветхий старичоночко» с рассказами про горных мастеров у Хозяйки Медной горы.

«...В горе живут, никто их не видит... Случилось мне раз видеть. Вот работа! От нашей, от здешней, на отличку... Любой мастер увидит, сразу узнает — не здешняя работа. ...Им ведь что! Они цветок каменный видали, красоту поняли. ...Слыхал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет.

Данилушко на это и говорит:

— Я бы поглядел».

С того времени повадился он на медный рудник.

«Когда в шахту спустится, по забоям обойдет, когда наверху камни перебирает. Раз как-то поворотил камень, оглядел его да и говорит:

— Нет, не тот...

Только это промолвил, кто-то и говорит:

— В другом месте поищи... у Змеиной горки.

Глядит Данилушко — никого нет. Кто бы это? Шутят, что ли...

Будто и спрятаться негде. Погляделся еще, пошел домой, а вслед ему опять:

— Слышишь, Данило-мастер? У Змеиной горки, говорю.

Оглянулся Данилушко — женщина какая-то чуть видна, как туман голубенький. Потом ничего не стало».

* * *

«— Анатолий Чубайс однажды сказал, что единственный его близкий друг — это вы. Вы ведь давно дружите?

— Мы познакомились в 82-м. Я помню этот момент с точностью до места и времени. ...Открылась дверь у меня в кабинете, и вошел молодой худенький рыжий человек. Он сказал, что читал мою последнюю статью в журнале “Вопросы экономики” и хотел бы, чтобы я подъехал к ним

и выступил у них на семинаре. Что я и сделал. К 1986 году, когда мы проводили семинар на Змеиной горке, с которого и начались российские реформы, мы уже стали близкими друзьями» (Интервью с Е. Гайдаром).

Интервью с Вячеславом Широным в 2006 году:

«— Как вы видите место этого семинара в истории — политической, экономической?»

— Есть такой Вацлав Клаус — нынешний президент Чехии (это — 2006 год. — М. Ч.). Он как-то летел с половиной этих людей в самолете и сказал, что если они сейчас упадут, то Россия останется без экономистов, — что совершенно верно.

...Зайдите в книжный магазин и посмотрите на полки с экономическими и юридическими книгами. У юристов эта работа проделана не была — там ни переводов, ни осмысления — ничего. На мой взгляд, это огромная проблема для страны. В экономике же было сделано «переваривание» современной мысли...»

Как же происходило это «переваривание»?

В начале 80-х действовали разные неформальные экономические семинары в Москве и в Ленинграде. И их участники с 1982 года, познакомившись, ездили друг к другу в гости — обсуждать насущные вопросы. Некоторые из этих семинаров КГБ, выследив, прикрыл. Участникам, естественно, хотелось их возобновить.

В Ленинграде (как и в Новосибирске) слежка была гораздо сильнее, чем в Москве. Это вообще всегда чувствовалось — в 60—80-е годы, когда мы, москвичи, попадали в Ленинград, то сразу видели, что люди ведут себя тише, осторожнее...

А Егору и нескольким его сотрудникам повезло дополнительно: глава их института не только был, как уже сказано, зятем премьера Косыгина, но и заместителем председателя Госкомитета по науке, да к тому же по международным делам, так что, по мнению Широина, «человеком с погонами или около того». (Под «погонами» мы в те годы всегда подразумевали невидимые, то есть присвоенные секретно погоны офицеров Комитета госбезопасности).

«...У нас не было той проблемы, что чего-то нельзя говорить».

Но тут же одно пояснение устанавливает границы этой свободы слова.

«— Велась ли запись семинаров?

— Нет, этого боялись».

А разговаривать — разговаривали.

«Было много кулуарного общения. И “ученого”, и “не ученого”. Коллеги много говорили о будущих реформах».

Вообще, если попытаться сказать коротко, — *все эти молодые люди хотели узнать правду о том, как устроена экономическая жизнь в их стране.*

16. ТУФТА БЕЗ КОНЦА И БЕЗ КРАЯ

О, весна без конца и без краю —

Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя, жизнь!..

Александр Блок

Вспоминает Широнин: «Мы с Авенем были во многом под впечатлением от того, что увидели на Алтае. Татьяна Ивановна Заславская пустила нас туда».

С академиком Заславской — одним из лучших экономистов советского времени — власти считались.

И при ее помощи молодым экономистам в Алтайском крае открылась действующая по немислимым в цивилизованном мире правилам, вывернутая наизнанку советская экономика...

Петр Авен и Вячеслав Широнин — в Барнауле. Заславская с утра — на заседании бюро крайкома КПСС. И, вернувшись, рассказывает Петру Авену и Широнину, как все происходило.

А молодые экономисты, хоть и жили все время здесь, в Советском Союзе, просто поверить не могут своим ушам.

На заседании составляются планы на будущий урожай — кто сколько центнеров предполагает в своем райо-

не взять с гектара. Секретари называют цифры, которые они *берут на себя*, — ручаются за ту цифру урожая с гектара, которую надеются получить.

«Выглядело это так: зал дома культуры, партер и сцена, на ней — бюро крайкома во главе с первым секретарем, а в партере — первые секретари районных комитетов. Обсуждают они план по урожайности. Вопрос звучит так: «Ты сколько центнеров взял?» Так первый секретарь обращается к районным секретарям. И дальше они начинают торговаться. Вилка — от 16 до 18 центнеров с гектара. Районы хотят брать меньше, чтобы потом было легче отчитываться, а с них требуют больше, и они торгуются очень всерьез: все красные, курят в коридоре, нервничают...

Вообще, если ты выбил 16, то ты герой, если уступил до 18-ти — это стыдно. Дальше мы приезжаем в этот район, я беру в руки книжечку, в которой записана статистика по Алтаю за последние 50 лет, и вижу, что средняя цифра — 12 центнеров с гектара. За все эти 50 лет больший урожай, что-то около 18-ти, *был только один раз*.

Я начинаю разбираться, какая тогда им разница: 16 или 18 центнеров.

Оказывается, что есть.

Есть план, который, если перевыполнить, то дадут орден или еще что-то. Есть плановое задание, которое уже не 16, а 14, — от него зависит зарплата. Есть задание райкома, которое, скажем, уже 12, 5. И от него зависит, что тебя не вызывают на ковер и не наказывают. А еще у секретаря райкома есть книжечка, в которой записано все, что он *заначил* (для тех, кто не знает этого слова: *запратал*, не объявил — жене или начальству; утаенную сумму называют *заначка*. — М. Ч.) перед своим начальством, чтобы было чем кормить скотину зимой. То есть на самом деле сложность этих информационных потоков была потрясающей.

— А насколько в бюро обкома понимали степень разнообразия цифр?

— *Все всё понимали*».

То есть — вся партийная власть *знает*, что 16 или 18 центнеров — цифры нереальные. Секретари называют

эти цифры, зная заведомо, что столько с гектара им не собрать. И еще они знают, что именно эти цифры будто бы убранного урожая они отправят «наверх» — в ЦК...

Вот это и называлось — *знать туфту*. Появилось это выражение, возможно, в сталинских лагерях, где без *туфты* нельзя было получить свою пайку черного хлеба, то есть физически выжить.

Но особенностью советской жизни было расползание лагерного уклада по всему отечественному пространству.

И в «брежневское» время *туфту* *знали* по всей стране. И знали — без этого не проживешь. Будешь весь облеплен выговорами «по партийной линии», а то и из партии погонят. А это значит — лишат не очень, может быть, больших (если мерить сегодняшними мерками), но существенных для повседневной жизни — своей и своей семьи — льгот.

...Все эти молодые люди, которые вот-вот готовы были объединить свои усилия, кончали экономические факультеты. Они сдавали экзамены по *политэкономии социализма*. Но ни в одном из их учебников не описывались *такие* — то есть взятые из реальной жизни — «социалистические» формы экономической жизни общества.

Скоро Егор Гайдар и многие его коллеги прочтут в английском переводе книгу Я. Корнаи «Сверхцентрализация» (вышла в Венгрии в 1957 году, а в английском переводе — в 1958-м).

Венгерский экономист, имя которого станет для них паролем, пояснял в предисловии к своей совершенно необычной для печати «соцстран» книге:

«В десятках учебников и университетских изданий уже описали наши методы планирования, систему ценообразования и начисления заработной платы и т. д. Однако у всех есть серьезный недостаток: в этих трудах рассказывается не о том, как работает этот хозяйственный механизм в *реальности*, а о том, как бы он работал, если бы работал по мысли авторов».

Описание же *реальной* картины действия «социалистической» экономики «представляется *новой, до сих пор не осуществленной задачей*».

И Корнаи начинал выполнение этой задачи с такого пояснения: плановая экономика, увы, отнюдь не думает, как можно было бы ожидать, на много лет вперед — об этом нет и речи. Больше того — и годовой-то план никто не воспринимает всерьез.

Этому вторит Отто Лацис: «Как-то раз уже в начале восьмидесятых... я заговорил о плохих перспективах очередной пятилетки, на что Фирсов (помощник тогдашнего советского премьера А. Н. Косыгина. — М. Ч.) удрученно ответил:

— Какая пятилетка? И на год вперед никто ничего не может загадывать. Увязать бы концы с концами на ближайший квартал — предел мечтаний».

Почему же нельзя было *в стране плановой экономики* составить четкий план хотя бы на год?!

Да потому, что этот план никак не был связан с какими-либо материальными стимулами.

Его *надо* выполнять только затем, чтоб не наказали...

«Чем менее система полагается на материальную заинтересованность (и чем меньше она может рассчитывать на людской энтузиазм) — тем больше она нуждается в средствах принуждения», — объяснял Я. Корнаи.

Энтузиазм когда-то был — и не только в стихах Маяковского. Мощный импульс Великой Утопии — царства небесного на земле, где в недалеком будущем *всё* (именно *всё!* Это-то и было важнейшим признаком Утопии) будет хорошо, — продолжал действовать *в первые годы после революции*.

...Сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,

но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
В. Маяковский, «Рассказ Хренова
о Кузнецкстрое и людях Кузнецка», 1929

Но начиная с тридцатых, а уж тем более в позднесоветские годы полагаться на энтузиазм не приходилось.

В советских журналах и книгах ничего подобного этим рассуждениям о крахе плановой экономики увидеть было еще нельзя. Но время, когда об этом можно будет *начать писать*, стояло уже на пороге.

Одним из тех, кому суждено было *начать*, стал Егор Гайдар.

17. КАК СОБИРАЛАСЬ КОМАНДА

В. М. Широнин вспоминает, как познакомился с Гайдаром в 1983 году. Это было в одном из институтов, где была создана *лаборатория хозяйственного механизма* — после смерти Брежнева в 1982 году, после чего «в воздухе запахло переменами»...

На эти последние слова трудно реагировать спокойно, — страна, где перемен к лучшему можно ожидать только после физической смерти властителя!..

«Помню свои первые впечатления от встречи с Егором. Внешне это был невысокий коренастый молодой человек (тогда 27 лет), с крупной головой, на которой, казалось, с трудом помещается шапка. Для меня, тогда “простого деревенского парня”, была довольно непривычной его подчеркнуто корректная и немного дистанцированная манера держаться... По телефону он не говорил “папа”, только “отец”.

Он был не только очень талантлив, но дисциплинирован и трудолюбив.

Вообще правильнее всего сказал про Егора, кажется, Петя Авен — как человеческий тип он был не “интеллигент”, а скорее капитан подводной лодки».

...Как понимать это очень точное, я бы сказала, талантливое определение? Очевидные свойства лидера, способность руководить действиями людей. Умение принимать решения, связанные с судьбами людей в условиях угрозы их жизни. Готовность брать на себя ответственность в критической ситуации.

Многие не понимают, что можно быть настоящим интеллигентом, с лучшими свойствами этого специфически российского слоя — и не обладать теми качествами, которыми сполна обладал сын командира подводной лодки Егор Гайдар.

...Помимо той лаборатории образовали год спустя (никто еще представить себе не мог, что догорают последние годы советской власти!..) еще и Комиссию Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию хозяйственного механизма...

Это происходило уже при генеральном секретаре КПСС К. У. Черненко. Его сотоварищи по Политбюро прямо-таки втащили его на этот пост — хорошо зная, что он практически умирает. Так велик был их страх перед любыми переменами, перед самой возможностью потери своего статуса, а с ним и всех значительных привилегий. Поэтому им до зарезу понадобился на этом главном месте свой человек, проверенный кадр, которому не может прийти в голову мысль о переменах.

Они ведь знали, что их никто не выбирал...

Черненко — тот самый генсек, в биографии которого выделялись гордые слова: «С пяти лет — батрачил». Ценное качество для главы огромной и сложной страны!..

В документе, выработанном Комиссией (конечно, сугубо внутреннем — об обнародовании его в советских условиях и речи не могло быть), речь шла, как писал потом Гайдар (он, как и Чубайс, входил в Комиссию), «...о достаточно осторожной экономической реформе... Предполагалось отказаться от директивных плановых заданий,

вести стимулы, связанные с прибылью... осуществить осторожные меры по либерализации внешнеэкономической деятельности, создать рядом с государственным частнопредпринимательский и кооперативный секторы экономики» (Е. Гайдар, 1996).

То есть группа совсем молодых по советским меркам людей — 27—29 лет — стремилась создать предпосылки для будущего «мягкого выхода из социализма».

Что выходить придется — всем им становилось постепенно более или менее ясно. И важно было — не дать развиться взрыву.

В. М. Широнин: «Довольно скоро у меня сложилась уверенность, что в силу незаурядности его личности при любых условиях его ждет большое будущее. В то же время Егор был и достаточно непосредственным человеком... прекрасно понимал и шутки, и комические стороны серьезных вещей. В этих случаях он никогда не перебивал, а затаив дыхание выслушивал фразу или историю до конца, как бы впитывая мысль и готовясь на нее реагировать, а потом радостно хохотал. Иногда опираясь руками на два стола и даже болтая в воздухе ногами от удовольствия».

Премьером был Н. А. Тихонов. Неплохой человек, но, как и вся советская номенклатура, совершенно не способный понять, что огромная страна неумолимо движется к катастрофе и единственное спасение — в том, чтобы принципиально поменять способ хозяйствования. Повидимому, некое вещество Утопии проникло в состав их крови, заставляя их самих верить, что они построили что-то очень хорошее и вечное.

Н. И. Рыжков — будущий премьер при Горбачеве, а в этот момент — секретарь ЦК КПСС, ведавший экономикой, дал задание разработать вот эту самую «Концепцию совершенствования хозяйственного механизма предприятия».

Молодые экономисты выработали концепцию жизненно необходимых стране изменений.

Она «получила, — пишет Гайдар, — почти единодушную поддержку академической элиты. ...Зато при обсуждении концепции на вышестоящем партийном и государственном уровне нас ждали серьезные разочарования. Выступления на рабочей группе представителей ведомств напоминали традиционную идеологическую проработку. Если принять предложенный документ, возмущался один из представителей ЦК, придется признать, что мы скатимся на путь развития товаро-денежных отношений, разве это допустимо?..»

Ведь марксистско-ленинская догматика учила, что товаро-денежные отношения будут не развиваться, а сворачиваться. И эти выпускники высших партийных школ, зубрившие там догмы, повторяли их вслух, хотя реальность, простиравшаяся вокруг, говорила совсем другое...

Возможно, дело было в том, что они сами получали многие товары без денег?..

18. СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА И ТОВАРО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Какие мотивы заставляют действовать чиновника бюрократического аппарата [в «социалистических» странах]?..

...5. *Материальная выгода.* Здесь можно перечислить наиболее очевидные формы вознаграждения: более высокий оклад, премии, вознаграждение в натуральной форме и *привилегированный доступ к товарам* и услугам.

Я. Корнаи. Социалистическая система:
Политическая экономия коммунизма.
М., 2000. С. 144, 145

Да, тут нельзя упускать из виду, что люди номенклатуры, помимо идеологической зашоренности, искренне, на лично-бытовом уровне не могли понять — зачем развивать товаро-денежные отношения?

Потому что и *товары, и деньги* к ним самим поступали бесперебойно, почти автоматически.

Эту ситуацию резкого водораздела между номенклатурой и «населением» остроумно описывал замечательный сатирик Михаил Жванецкий (упомяну, что они с Егором Гайдаром были знакомы и друг другу симпатизировали):

«И что смешно — министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит.

И что интересно — мясная и молочная промышленность есть, мы ее видим и запах чувствуем.

И что самое интересное — продукции выпускаем в пять раз больше, чем в 40-м году.

И что очень важно — действительно расширен ассортимент.

И в общем в очень удобной упаковке.

Все это действительно существует, что бы там ни говорили.

Просто, чтобы это увидеть, надо попасть к ним внутрь.

Они внутри, видимо, все это производят и, видимо, там же все это и потребляют, благодаря руководству за заботу и ассортимент.

У них объем продукции возрастает, значит, и возрастает потребление — ими же...

И нам всем, стоящим тут же за забором, остается поздравить их во главе с министром, пожелать дальнейших успехов им, их семьям и спросить, не нужны ли им юмористы, буквально три человека».

Итак, «скатиться на путь развития товаро-денежных отношений» партия не позволяла.

«Джермен Гвишиани, вернувшийся от Рыжкова, подтвердил: политическое руководство страны не готово к столь радикальным преобразованиям. И значит, надо оставить бесплодные мечтания и заниматься дальше развитием экономического эксперимента на уровне рутин» (Е. Гайдар, 1996).

Как в старом анекдоте про Брежнева — узнав про разобранные впереди поезда пути и невозможность продолжать движение, решили задернуть в вагоне шторы и считать, что мы едем...

19. ЯВЛЕНИЕ ГОРБАЧЕВА

Прощайте, годы безвременщины!

Б. Пастернак. Август, 1953

Егор Гайдар продолжает рассказ о ситуации 1985 года: после печальных сведений, которые принес директор института, «в отвратительном настроении заехал к отцу (он лежал в военном госпитале), рассказал о последних новостях, под дождем поехал домой. Включил телевизор — выступление Горбачева на совещании по научно-техническому прогрессу. Во многом — наши слова, наши предложения, записки, которые мы писали, демонстрируемая готовность уходить от догм... Появилась надежда пробиться через слои высокой бюрократии и достучаться до верхней власти, объяснить реальное положение...

Вообще время раннего Горбачева было временем надежд и сомнений» (*Е. Гайдар, 1996*).

Михаил Сергеевич Горбачев заступил на место скончавшегося в апреле 1985 года К. У. Черненко, меньше года пробывшего Генеральным секретарем КПСС.

С его приходом вскоре началась эпоха, получившая именование Перестройки. Он был человеком совсем другого поколения, чем Брежнев, Суслов, Андропов, Черненко: Оттепель дохнула на него на выпуске с юрфака.

Горбачев прежде всего ослабил цензуру.

Это сразу же проявилось в литературе. Он разрешил печатать то, что не печаталось десятки лет, — например, поэта Гумилева, расстрелянного советской властью в 1921 году.

...Никаким денежным премиям тогдашняя интеллигенция не обрадовалась бы так, как стихам Гумилева, появившимся на страницах массового и самого популярного журнала «Огонек», — до Горбачева такое было абсолютно невозможно.

Начинало что-то меняться и в освещении проблем истории, социологии, экономики... Поэтому у тех, кто понимал необходимость перемен и жаждал их, — ожила надежда.

Ослаблением цензуры; не объявленной, но сразу ставшей очевидной отменой ограничений приема евреев в институты и на работу; открывшейся для людей науки возможностью работы в университетах всего мира — этим Горбачев укреплял надежду.

...Можно сказать, через 65 лет после своей трагической гибели поэт Гумилев обеспечил Горбачеву самую широкую поддержку интеллигенции.

20. О ТЕХ, КОТОРЫЕ ИСКАЛИ (И НАШЛИ) КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

А. П. Бажова-Гайдар: «А потом он познакомился со своими ленинградскими друзьями. Они начали готовиться к переменам, начались обсуждения, образовался семинар на Змеиной горке под Ленинградом...

Эта Змеиная горка — это очень смешно. Есть у моего папы сказ «Каменный цветок», и там Хозяйка Медной Горы говорит Даниле, который стремится к совершенству: «Приходи ко мне на Змеиную Горку, Цветок Каменный покажу».

И вот Егорка пошел на Змеиную Горку.

Почему Змеиная Горка в Ленинграде?.. Бывают же странные совпадения.

Пошел он на Змеиную Горку, познакомился с этими ребятами, новыми друзьями, и началась другая, новая жизнь...»

В конце августа 1986 года, под Сестрорецком, в пансионате того института (ЛИЭИ), который кончили большинство участников намеченного семинара под названием «Змеиная горка», собрались уже в основном знакомые между собой ленинградцы, москвичи и несколько человек из других городов.

«В общей сложности человек 30 экономистов-рыночников. В более узком кругу обсуждаем самые идеологически опасные вопросы. Например, пути формирования рынка капитала, обеспечение прав собственности» (*Е. Гайдар, 1996*).

Почему же эти экономические вопросы «идеологически опасные»? — думает кто-то из читателей. Да потому что власть как огня боялась возвращения отнятого у людей России в конце 1917 года — как казалось, навеки, — права иметь частную собственность. И уж тем более не собиралась ее защищать.

«Все мы остро испытываем чувство открывшейся свободы, простора для научных исследований, для реального изучения процессов, происходящих в экономике. Можно отказаться от эвфемизмов и недоговоренностей, описывать происходящие процессы принятыми в мировой экономической литературе терминами...

Закончив работу, жжем костры, поем песни, шутим. На завершающем семинаре-капустнике я изложил два возможных сценария развития кризиса.

Первый назывался “На гребне”. В нем определялось, кто будет играть какую роль в реформировании экономики. Надо сказать, что я точно определил ключевую роль Чубайса в этом процессе».

Второй вариант был кардинально иной. В нем определялись сроки тюремного заключения и размеры пайки для участников семинара...

«Настроение, однако, было веселое» (Е. Гайдар, 1996).

Так Гайдар собирал свою *тимуровскую команду*.

Но ни он сам, ни члены команды, конечно, не догадывались, что они-то и есть его будущая команда.

21. КОГДА, ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ ГАЙДАР ВСТУПИЛ В ПРАВЯЩУЮ ПАРТИЮ, В ИДЕИ КОТОРОЙ ДАВНО НЕ ВЕРИЛ?

Вернемся в университетские годы Егора Гайдара, послушаем еще одного его однокурсника.

Аркадий Вилитенко: «На первом курсе сохранялось разделение: мы, рабфаковцы, держались отдельно, они отдельно. Они: одна девушка — дочь академика, другая — доктора наук, известного экономиста, у них у всех спецшколы, а мы — кто откуда, после армии, уровень другой

совершенно. Из “школьников” парней было всего двое — Гайдар и Витя Походун. Естественно, они сдружились. На переменах у них — свое, у нас — свое, после занятий мы по своим делам, они — по своим. Еще нас брали для того, чтобы мы все эти посты занимали: комсорги, старосты. Но к концу первого курса пропасть пропала...

...А среди рабфака у нас тоже было разделение: ортодоксальные коммунисты, как мы их называли, и не очень. Я был не очень. Я никогда в партии не был...

Насчет ортодоксальности это все выяснялось очень просто. Диспутов в коридорах не было, диспуты были на семинарах. Причем это иногда происходило в довольно резких выражениях... Девочка из Коста-Рики кричала на всех по-испански и по-русски, что вы, мол, такие-сякие, не цените социализм. Споры были на тему: что лучше — план или рынок? Что за ерунда такая, мы план не выполняем, не все планируем, почему? — это иностранцы возмущались ортодоксальные. Другие говорят: а зачем все планировать?..

...Иностранцы возмущались: почему вы коммунистический строй ругаете? В конце концов они затихли, когда пожили в Советском Союзе. Это было очень заметно».

Иностранные студенты, как правило, были членами зарубежных компартий. Их партии были на содержании у советского правительства. У себя дома, на расстоянии, по книжкам и коммунистическим газетам этим студентам социализм, конечно, нравился больше, чем лицом к лицу.

Небольшая «зарисовка» однокурсника о Егоре Гайдаре: «Едем в метро. Он рассказывает: “Мне кошмарный сон приснился, мне приснилось, что я в партию вступил”».

Поясню для нашего читателя, почему — «кошмарный».

С начала 70-х годов широко ходил такой афоризм неизвестного автора: *Три качества никогда не даются в одном наборе — ум, партийность и порядочность.*

Подчеркиваю — этот афоризм появился после рубежно-го для многих 1968 года. Когда стремление чехов к свободе стали давить советские танки, в идеях социализма разуверились и те, кто через 12 лет после доклада Хрущева еще

продолжали в него верить — например, Тимур Гайдар (вы об этом читали в конце первой части моей книги).

То есть — в партию Егор Гайдар вступить никак не хотел. Но вступил. Почему? Или точнее — зачем?

«Зная мощный научный потенциал Егора, после защиты им кандидатской диссертации (в 1980 году. — М. Ч.), которая была написана всего за один год, — вспоминает его научный руководитель В. И. Кошкин, — я решил помочь ему в дальнейшем профессиональном росте. Во-первых, предложил ему вступить в члены КПСС. “А это обязательно?” — спросил он. Пользуясь своим авторитетом, я все-таки сумел убедить в необходимости этого шага и дал ему рекомендацию для вступления в ряды партии».

Сыграл свою роль и отец Егора.

«Влияние Тимура было очень сильное. Вступать или не вступать в партию — тоже вместе они принимали решение. Это тоже влияние Тимура, который считал, что надо изнутри действовать, чтобы построить правильное общество.

Сам Егор не очень стремился. Он рассказывал, как его в Бюро комсомола (факультетское. — М. Ч.) записали, потому что он международную премию получил на первом или втором курсе. И решили: как же так, он вообще не охваченный (“охваченный” — такой советизм, означало — “не охваченный общественной работой, оставшийся вне комсомольских обязанностей”. — М. Ч.), надо его в бюро комсомола» (из рассказа Ариадны Павловны Бажовой-Гайдар Кириллу Рогову).

...В тот самый год, когда Егор Гайдар принял решение вступить в партию, М. Восленский, который покинул Советский Союз в 1972-м, успев хорошо изучить «фактуру» — все устройство страны, писал в вышедшей в Германии в 1980 году книге «Номенклатура»:

«Прислушаемся к голосу народа. Что говорят люди в Советском Союзе — не на собраниях, а между собой — о мотивах вступления в партию?

Говорят всегда одно: в партию вступают исключительно ради карьеры.

Речь идет не обязательно о головокружительной карьере. Просто, если вы хотите быть уверенным, что начальство на работе не будет к вам придирается, что вы нормально будете продвигаться по службе и будете относиться к числу поощряемых, а не преследуемых, вступайте в партию».

Это — не про Егора Гайдара. «Придирается» к нему вряд ли кто-то бы стал. За ним была его фамилия. А также — и его отец: Тимур Гайдар был элитарный журналист-международник, морской офицер — не в отставке, получивший как раз в 1980 году чин контр-адмирала.

Мотивы здесь надо искать иные.

О них Восленский пишет далее.

«Что же касается карьеры в обычном смысле слова, то существовало ясное правило: партбилет — не гарантия карьеры, но его отсутствие было гарантией того, что вы никакой карьеры не сделаете».

Исключения встречались только в научной среде и в сфере искусства. Беспартийными были вполне преуспевающие, пользующиеся доверием советской власти академик А. Н. Туполев (после того, как отсидел свое в лагере и на «шарашке»), И. Эренбург, поэт Н. Тихонов — бессменный председатель Советского комитета защиты мира. То есть, люди с вполне состоявшейся карьерой.

Дальше у Восленского — самое главное. И многие, читая это, сами догадаются, почему же Егор Гайдар решил все-таки вступить в партию — совершенно не имея желания находиться в ее рядах.

«Одна закономерность фактически не знала исключений: беспартийный не мог занимать даже скромный административный пост; если же по каким-либо соображениям его формально назначали на такой пост (что тоже мыслимо только в области науки и культуры), никто этого всерьез не принимал, и все дела вел специально приставленный партиец. Так, физик с мировым именем, Нобелевский лауреат академик П. Л. Капица занимал пост директора Института физических проблем Академии наук СССР, но все административные дела вел его партийный заместитель».

...Теперь, когда вы, мои читатели, уже получили какое-то представление о Егоре Гайдаре, задайте себе один вопрос: мог ли он, еще в студенческие годы напряженно думавший над экономическими реформами в масштабе страны, удовольствоваться ролью номинального директора какого-либо института экономики?..

Ответ очевиден.

Впрочем, кто-то может спросить: «А чем вы докажете, что он вступал в партию, думая именно о судьбе страны, а не о своих собственных, сугубо личных интересах?».

Ответ лично для меня не представляет ровным счетом никакого труда: да просто всей его дальнейшей жизнью и деятельностью. Человек, не испорченный темной завистью и беспредметной злобой (а я верю, что среди моих читателей таких нет и быть не может), легко увидит, как и для чего использовал Егор Гайдар свое членство в правящей партии.

А как же все-таки с убеждениями?..

Вернемся снова к книге М. Восленского: он все это очень хорошо, мне кажется, продумал и проанализировал — именно на материале нашей общественной жизни того времени, конца 70-х годов.

«А как же с убеждениями? — недоумевающе спрашивает западный читатель. — Что же, так вот и нет в Советском Союзе людей, которые идут в КПСС по убеждению, так, как идут в коммунисты в странах Запада? Что-то не верится!»

Знаю, что не верится. Если бы я родился и вырос на Западе, то и мне бы не верилось.

Но хоть и не верится, а все же правда такова, что вступление в КПСС ни с какими идейными убеждениями не связано. А чтобы неверующие на Западе немного призадумались, спросим их: каких, собственно, убеждений вы ожидаете от вступающих в КПСС? Убеждения в том, что советский строй — самый демократический в мире? В том, что он — советский гражданин — пользуется всеми свободами? Что в СССР живется лучше, чем на Западе, куда его, однако, предусмотрительно не выпускают? Что на протяжении всех лет советской власти неуклонно рас-

тет благосостояние советского народа и доросло до того, что по жизненному уровню СССР оказался среди промышленно слаборазвитых стран? В чем он должен быть убежден из того, что его годами заставляли повторять: что Сталин и Берия справедливо репрессировали изменников Родины? Или что по преступным приказам Сталина изменник Родины Берия необоснованно репрессировал невинных людей? Или же, наконец, что Солженицын, написав об этом, стал изменником Родины?»

...В 1986-м — как раз в год, когда молодые экономисты впервые собрались на Змеиной горке, — менялось руководство главного партийного журнала «Коммунист». Эта смена стала одним из важных знаков начинавшейся Перестройки. Потому что все, что печаталось на страницах этого журнала, было для коммунистов истиной в последней инстанции.

«Мощным тараном, крушащим идеологические стены, — вспоминал девять лет спустя Егор Гайдар, — неожиданно становится обновленный журнал “Коммунист”, традиционная цитадель ортодоксии. Возглавлять его поставлен старый знакомый Горбачева — академик Иван Фролов».

Этот довольно-таки либеральный человек сразу же заменил из восемнадцати членов редколлегии пятнадцать. И пригласил на любую из нескольких руководящих должностей известного экономиста и публициста с полудиссидентской репутацией, долгие годы опального Отто Лациса. И Лацис стал членом редколлегии, курирующим экономический отдел журнала.

«А отдела не было, — пишет Лацис, — ушел прежний заведующий, ярый апологет “социалистического планового хозяйства”, ушла с ним почти вся его команда».

Нового заведующего Лацис долго не мог подобрать — нужен был человек «с научными регалиями, хотя бы кандидат экономических наук, иначе ему было бы трудно разговаривать с многочисленными профессорами марксистско-ленинской политэкономии, а нередко — и с академиками, желающими донести до читателей дорогую им истину непременно в директивном журнале. И в то

же время требовался журналист, редактор — ведь работа в журнале прежде всего литературная. Человека с такой квалификацией найти нелегко».

И однажды Лацис пожаловался на свою «кадровую задачу» институтскому товарищу.

«— А ты возьми Гайдара, — сказал он.

— Какого Гайдара?

— Егора. Он работает у Стаса Шаталина.

Тут вспомнил я нашу с Леном и Тимуром конспиративную встречу на даче Гайдара в Дунине (если кто забыл — летом 1968 года, после вторжения наших танков в Прагу. — М. Ч.) и улыбчивого мальчика, с которым меня познакомил Тимур. Девятнадцать лет прошло. Мальчик окончил школу и экономический факультет университета, уже девять лет работает в науке. Кандидат экономических наук, готовится защищать докторскую. Работает у академика Шаталина — лучшей рекомендации мне не требовалось. Можно не сомневаться, что он хороший экономист. А журналист? Неизвестно. Журналистом никогда не был».

И тут Лацис производит такой мысленный расчет: два деда — замечательные писатели, отец — журналист...

«Не может быть, чтобы от литературной атмосферы семьи Егор ничего не получил. Я решил понадеяться на семью — и не ошибся. Егор сразу стал выступать в “Коммунисте” как зрелый журналист».

Заметим — ведь раньше он себя в журналистике не пробовал...

«Для журнала, однако, важнее было, что он быстро собрал сильную команду молодых сотрудников и авторов».

Почему же ему удалось сделать это «быстро»?

Да потому что они все уже собрались за два года до этого на Змеиной горке!

Так что оставалось только дать *позывной сигнал по форме номер один общий*, как предписано это в «Тимуре и его команде».

Что и было сделано.

«Никто не знал тогда, — пишет О. Лацис, — что по коридорам редакции ходит добрая половина будущей “команды Гайдара” в правительстве России».

22. В ЖУРНАЛЕ «КОММУНИСТ». РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА ОБ ЭФФЕКТИВНОМ СОВЕТСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Запад, конечно, для нас не пример.
Впрочем, я не вижу лучшего примера.

Б. Окуджава

...Так зачем все-таки Гайдар пошел в главный партийный журнал?

Сам он пояснял впоследствии, что заведующий отделом в «Коммунисте», с одной стороны, «сам себе был цензором» (чего, пожалуй, в те времена нигде больше и не было), а с другой — «одна ошибка могла стоить всей дальнейшей карьеры». Потому эти люди «были, как правило, крайне осторожны».

Нынче наши соотечественники, по моим наблюдениям, в подавляющем большинстве своем психопатически убеждены, что все одним миром мазаны. Многие уверились сами и уверяют других — в том числе, к моему глубокому сожалению, детей и подростков, не имеющих еще собственного жизненного опыта, — что не существует и никогда не существовало в отечестве людей, чьи поступки определяются не мыслями о деньгах и карьере, а чем-то еще.

И словам Гайдара, которые я дальше приведу, такие люди (в отличие от автора этой книги и, надеюсь, моих юных читателей) поверить не смогут, что называется, по определению:

«Но это был не мой случай, и пришел я в журнал не для того, чтобы оглядываться на Старую площадь. (То есть — на ЦК КПСС, на ней расположенный. — М. Ч.) Мне было в высшей степени наплевать на возможность сохранения начальственного кресла и тем более — дальнейшей партийной карьеры, меня это место занимало исключительно с точки зрения возможности отстаивать свои собственные суждения, независимо от сохраняющихся еще цензурных идеологических ограничений».

...Трудно удержаться, чтобы не процитировать дальше:

«Периодически раздаются звонки со Старой площади. Что вы делаете?! Разве эта проблема подлежит открытому обсуждению? <...> Переспрашиваю: разве вы еще не знаете? И чиновник, точно не знающий, какова последняя партийная установка, тушуетя и оставляет в покое».

...Ах, многие ли нынче вспомнят, о чем вообще здесь речь?

И кто из моих читателей понимает, что это такое — «партийная установка»?..

Это Гайдар морочил голову трусливым работникам ЦК, делая вид, что он по своим каналам узнал, что эту проблему уже разрешили обсуждать в печати — что есть такая еще неизвестная им установка...

А это были не шуточки. Речь-то шла о сведениях, «отсутствие которых в открытой печати, — пишет Гайдар, — парализовало целые направления экономических исследований».

Много чего не попадало тогда в печать. Потому-то и тешит себя полстраны до сих пор байками о процветании и размахе советского производства: они просто не знали тогда (и не хотят знать сегодня, когда все данные об этом имеются в открытой печати), насколько паршиво обстояло дело.

Тогда им узнать об этом было неоткуда. А в последние 20 лет, когда полно печатных материалов на эту тему, — не удосужились.

Гайдар едва ли не первым печатал, например, в «Коммунисте» «данные о разбросанном по всей стране неиспользованном импортном оборудовании».

Скажут некоторые из нынешних (не смысленных...) читателей:

— Сами же с Горбачевым и разбросали! В Советском нашем Союзе все в порядочке было!

Говорю же — случилось что-то с головой и памятью у людей, с виду нормальных, нередко преуспевающих в предпринимательской деятельности (напрочь забывших при этом, что дорогу-то к этому успеху открыли им реформы ненавистного Гайдара).

И приходится напоминать.

Беспорядок в СССР был фантастический. К примеру, импортное оборудование покупалось за большую валюту: надо — не надо. И стояло потом без применения.

Одна из причин этого проста как репа: граница для советских простых смертных была на замке — не то, что сейчас. И попасть за границу, да еще за государственный счет стало в те годы делом очень заманчивым.

Один из множества примеров. Цитирует Гайдар некий документ 1981 года:

«...В соответствии с директивными сроками строительства газопровода... (от Уренгоя. — М. Ч.) ...проектирование системы автоматизированного управления должно быть завершено в 1981 году. Крайне сжатый срок требует...» и т. п. Егор Гайдар (вместе со своим соавтором Виктором Ярошенко — в «Коммунисте» 1988 года) пишет далее: «Обратим внимание на аргументы — они типичны: 1) сроки сжатые — мы торопимся; 2) сроки не обсуждаются, потому что они директивные, то есть, спущены сверху».

Авторы статьи — Гайдар и Ярошенко — поясняют, что такие проекты сами же номенклатурщики и проталкивали изо всех сил через «директивные органы». А потом ссылались на их решения и на сжатые сроки...

А зачем? Затем, что *пробившие* (специфически советское словцо; наверно, и сегодня применяется) проект сами распоряжаются выделенными ресурсами. И «вполне удовлетворены ситуацией, при которой ответственность за все перед народом несет партия (а с нее, заметим от себя — если кто не помнит, — ответа не спросишь: в лучшем случае окажешься в психушке с диагнозом о неадекватном восприятии реальности. — М. Ч.), а они формально лишь выполняют принятые решения».

Но дьявол, как всем уже давно известно и навязло в зубах, — в деталях.

Читаем дальше:

«...Создание системы управления газопроводом на базе оборудования, выпускаемого странами СЭВ (про СЭВ всем понятно? Совет экономической взаимопомощи. Это такой был штаб — в Москве, на Новом Арбате — по

руководству экономическим сотрудничеством стран Восточной Европы: Венгрии, Чехословакии, Польши и других. Словом, ненастоящая такая заграница; вассальные страны Восточной Европы. Сейчас прояснится, к чему тут про СЭВ. — М. Ч.), в указанные сроки не представляется возможным».

Здесь перед автором обоснования, пишут Гайдар и Ярошенко, видимо, уже замаячили увлекательные зарубежные командировки. И продолжают цитировать много говорящий советскому человеку документ:

«...Система управления... соответствующая предъявляемым к ней техническим требованиям, может быть введена в эксплуатацию в установленные сроки путем закупки системы в развитой капиталистической стране. Генеральный директор ВНПО «Союзгазавтоматика» М. М. Майоров. 6.03.1981 года».

Говоря попросту — генеральному директору приелись Польша да Болгария, его потянуло в страны развитого капитала.

Дальше цитируется приказ по Мингазпрому СССР об образовании закупочных групп. И вот уже глава группы (тот же Майоров, но имя им — легион) пишет технико-экономическое заключение по выбору фирмы-поставщика:

«...Целесообразно закупку системы управления... провести во Франции (понятно теперь про СЭВ? Во Францию ездить за государственный счет по закупки это вам не в Болгарию. — М. Ч.) с условием, что генеральным поставщиком системы будет фирма...»

В общем, такая-то — сякая-то фирма. И только она, без вариантов! Тогда слова «откат» еще, кажется, не было. Но технология «отката» работала вовсю, отнюдь не дожидаясь конца советского времени.

Контракт заключен; деньги заложены серьезные — включая, натурально, обучение фирмой советских специалистов; как без этого?

Ну а пять лет спустя Комитет народного еще контроля (был такой в СССР) сообщает, что вместо обещанной выгоды — «не менее 100 миллионов рублей в год

с высвобождением более 2 тысяч человек эксплуатационного персонала» — получили мы с вами, люди еще советские, 466 ЭВМ (и Мингазпром принял почему-то их «на хранение») «без математического обеспечения, и работы по их монтажу и наладке министерством не проводились».

Не слабо?

«В результате газопровод...» Ну, как вы думаете — что «в результате»?..

В общем, не скроем от читателей — газопровод в 1984 году ввели в эксплуатацию безо всяких этих французских штук управления и радиорелейной связи.

Обошлись.

А Майоров разместил, надо думать, дома всякие французские сувениры.

...Через полгода, в феврале 1987-го, зампред Госплана поясняет, что система управления газопроводом «начнет работать в полном объеме в 1991—1992 году на базе морально устаревших технических средств, разработанных в семидесятых годах». И приказом Мингазпрома и Минвнешторга руководить рабочей группой по вводу назначен — угадайте, кто? Тот же Майоров, прокатившийся (надеюсь, не однажды) во Францию и уже нагретый страну на большие деньги.

«Круг замкнулся», — пишут соавторы статьи в «Коммунисте». И уверяют читателей, что историй про подобные сделки — немало. В том числе и «о том, как под видом оборудования приходили ящики с видеомагнитофонами и телевизорами, видеокассетами и персональными компьютерами для министерских чиновников».

Это к вопросу о России, «которую мы потеряли».

Той самой, о которой на интернетных форумах, в телевизионных ток-шоу и вообще повсюду в нашей стране беспрерывно льются скупые мужские слезы.

— А сегодня? — скажут. — Сегодня-то как насчет отката чиновникам?..

Сегодня, в результате сомнительных достижений «нулевых» лет, «откат» увеличился, по данным всех монито-

рингов, в несколько раз. Но отработано-то все это было в советское еще время, которое некоторым сегодня, за дымкой времени, представляется безгрешным...

И сегодня спрос за это — не с Егора Гайдара. С людей с другими совсем именами.

А Гайдару уже в 1988 году ясно — «Господство государственной собственности вполне может сочетаться с игнорированием общественных интересов».

Постскриптум. ...Надо ли пояснять, что если бы Гайдар не вступил в партию в 1980 году — с немалым насилием над собой, — то он по определению не мог быть принят на должность заведующего отделом в редакции главного партийного журнала? И не смог бы выполнить в конце 80-х годов работу огромной важности?

Второй постскриптум. Сергей Васильев (из ленинградской экономической команды) вспоминает:

«Перейдя в “Коммунист”, он получил рычаги, да и нас смог прикрывать. В 1987 году наш кружок заметили органы: Найшуль у нас выступал по приватизации, о ваучерах говорил (идея ваучеров, которую все упорно связывают с Чубайсом, принадлежала В. Найшулю, но в 1987 году она, так сказать, опережала время. — М. Ч.), и кто-то “стукнул”. Был сильный наезд, вызывали к куратору из КГБ. И Егор смог нас полностью прикрыть с помощью своего статуса в журнале “Коммунист”».

23. ЧТО ТАКОЕ ДЕФИЦИТ...

У нас чего только может не быть? У нас всего может не быть! У нас чего только ни захочешь, того может и не быть.

Михаил Жванецкий

В одном из замечательных исследований недавних лет дается анализ частной переписки начала 80-х годов:

«Походы за едой, поиск одежды — что-то вроде похода за грибами — то ли найдешь, то ли не найдешь. Вопрос

ставится в пассивной форме: “Как вас снабжают?” Кто снабжает, какая таинственная сила, от которой зависит человеческая жизнь? “Снабжение несколько улучшилось. Может это в связи с выборами. Молочные продукты без перебоя, иногда торгуют мясом, курами. Масла по-прежнему нет”. <...>» (22.11.1982).

Приводится отрывок из письма, «где эта неведомая «снабжающая» сила персонифицирована в секретаре обкома:

«У нас новый секретарь обкома, вроде чуть получше стало с продуктами — талоны на масло отменили, но на сахар (по 1 кг) и на колбасу (0,5) еще сохраняется» (Козлова Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005. С. 413, 414. Выделено автором).

Приведу эпизод из моей личной жизни этих же самых лет. Мой муж, профессор Александр Павлович Чудakov, вернулся из продуктового магазина около нашего дома с пустыми руками, но как-то слишком для такого нередкого в те годы события расстроенный и огорченный.

— Знаешь, ты, пожалуйста, не посылай меня больше за курицей...

— А что такое?

— Мы все стояли у пустого прилавка, ждали. Обещали вывезти кур. Вот рабочий с грохотом везет тележку с курами неправдоподобно синего цвета. Старушки как кинулись к ней — и в одну минуту всех кур расхватали...

Он помолчал и сказал:

— Я, конечно, мог через их головы дотянуться и взять — хоть три... (Он был высокого роста.) Но я же не могу так делать...

И пошел к своему письменному столу.

Напоминаю: *дефицит* — это когда всем необходимых товаров на всех не хватает. За ними — огромные очереди. Такие очереди — многочасовые — стояли, например, на улицах Советского Союза за туалетной бумагой. И приня-

то было, купив штук десять рулонов — (демонстрируя для того отстоявших в очереди детей или внуков!..), нанизать их на бумажную веревочку, повесить на шею — и гордо идти по улице с этим добытым в боях ожерельем...

А кто мне не поверит, пусть спросят у своих бабушки и дедушки — они не дадут соврать!

А если они скажут, что ничего подобного никогда не видели, — Бог им судья!

...Тогда в кругу близких я пустила афоризм собственного изготовления: «Мужчина, дважды простоявший в очереди за туалетной бумагой, теряет способность быть гражданином».

Когда какой-то необходимый товар вдруг появлялся на прилавке — знаете, какие употреблялись для этого глаголы?

Выкинули и выбросили.

Соседки заполошно кричали друг другу:

— Алевтина, беги скорей — полукопченую *выкинули!* Хватай Ольгу на руки, Сережку с собой — полкило дают *в одни руки!*

Значит, если захватить двоих детей — можно *отослаться* полутора килограммами полукопченой колбасы...

Тут штука была еще в том, что полукопченую *выбрасывали* на прилавки еще реже, чем вареную. А она ценилась выше, поскольку, во-первых, считалась более качественной закуской под выпивку, а, во-вторых, — могла дольше лежать в холодильнике...

Другими словами, *дефицит* — это черта так называемой «плановой» экономики, — той самой, которая существовала в нашей стране до реформ Ельцина—Гайдара. До замены *плановой* экономики — на рыночную.

При рынке понятие *дефицита* исчезает. Почему?

Да потому что любой торговец тщательно следит за спросом. Где первые признаки дефицита — туда он радостно бросается со своим товаром (пока конкуренты не прознали), зная, что у него *все раскупят*. А покупатель не ищет товары впрок: он уверен, что когда понадобится — пойдет и купит.

При *плановой* же экономике план совсем не зависит от спроса. Выпускают и закупают за границей товара не столько, сколько люди требуют, а сколько *спланировали*. А планируют, учитывая не *спрос*, а какие-то совершенно другие данные.

Например — знали, что такая-то часть колбасы, ветчины, мандаринов, а также импортной одежды и обуви пойдет в *спецраспределители* — магазины для партийных и государственных чиновников и их семей. А остальное — *простым советским людям*. Пусть давятся в очередях, вырывают друг у друга рулоны туалетной бумаги... Кому не хватит — обойдутся.

Именно про брежневскую эпоху (напомним ее хронологические рамки: 1964—1982) многие пожилые люди (а за ними и их близкие, того времени не знавшие) сегодня повадились говорить: «У нас всё было!». В действительности именно в те годы как раз *ничего не было*.

Тогда-то и появился такой анекдот. Проходит 20 лет. Продуктовый магазин. Человек подходит к продавцу: — Свешайте, мне, пожалуйста, полтора кило *пищи*.

К этому все и шло — и самым серьезным образом.

24. КАК В СОВЕТСКИХ МАГАЗИНАХ ИСЧЕЗАЛИ И ПОСТЕПЕННО ИСЧЕЗЛИ ЕДА, ОБУВЬ, ОДЕЖДА И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Холодильник был в те времена, во-первых, — роскошью, во-вторых, его почти невозможно было *достать!* Такое чудное, сейчас забытое слово бывало в ту счастливую эпоху... (конец 1950-х — начало 1960-х).

Е. Кумпан. Ближний подступ
к легенде. СПб., 2005

В Южной Африке еще недавно процветал расовый апартеид, в Советском Союзе и сегодня безмятежно процветает социальный апартеид. У истока этого явления стоит Ленин. Это

он в годы гражданской войны приказал установить привилегированное снабжение ответственных работников, потом присоединил к их числу и иностранцев.

...Так зародилось то, что развилось потом в так называемую «торговую спецсеть».

М. Восленский. Номенклатура
[1980]. М., 1991

«... При тотальном дефиците магазин — вовсе не магазин. Как бы ни был он скуден, грязен и запущен, все равно это некий священный храм распределения благ, а его работники — жрецы, получившие от высшей власти право наделять и лишать, казнить и миловать... Именно так все это и выглядело осенью 1991 года» (*Е. Гайдар, 1996*).

Можно добавить — как и несколько десятилетий до этого.

Об этом — еще один рассказ Жванецкого 70-х годов: «На складе». Опять о пище, но также и о продукции легкой промышленности. В советские годы она еще более недоступна тому, кто не приближен к партийным властям.

Рассказ о таком человеке, который попал «к ним штурь».

«Главная мечта нашего человека — попасть на склад. Внутрь базы. В середину».

С этого места слушателям — советским людям, замученным дефицитом, — все уже было ясно. И они заранее послушно ложились от смеха.

Прочитируем фрагменты. Рассказ — длинный, но весь состоит из простейших и кратчайших реплик: диалог того, кто ведает складом, и посетителя.

Первая реплика — посетителя. Он называет предмет, который ему нужен. Сотрудник склада записывает предполагаемое количество — «одна». Но ошавевший от избытка посетитель тут же корректирует запрашиваемое количество...

«— Шапки.

— Одна.

- Да. Две.
- Дальше.
- И еще одна.
- Три. Дальше.
- Пишите четвертую.
- Так. Обувь?»

Конечно, чтобы смеяться над этими короткими репликами, кое-какое представление о советском времени иметь надо. Но ведь и «Войну и мир» Льва Толстого, пожалуй, не понять, если ничего не знать о войне 1812 года: какие-то французы посреди зимней Москвы почему-то костры жгут...

Так вот поясняю: хорошую мужскую зимнюю шапку купить в магазине в «брежневское» время было *невозможно!* (И именно об этом написал Владимир Войнович остроумнейшую повесть «Шапка».)

Пожалуйста, дорогие друзья-читатели, примите это как факт. Хотя поверить этому вам, родившимся в 90-е, скажем, годы, нелегко. И это — благодаря в первую очередь герою книжки, которую выдержите в руках. Да, это он, как увидите дальше, решился — и кардинально изменил ситуацию.

Пока же почитаем смешной и грустный рассказ дальше:

«— А что у вас из продуктов питания?»

— Что вас интересует?

— Меня интересует, ну поесть что-нибудь. Вот, например, ну хотя бы, допустим, колбаса.

— Батон?

— Два. А хорошая?

— Два.

— Три. А какая?»

Обратите внимание — посетитель не просит какую-то определенную колбасу: просто *колбасу* как вид *пищи*. И это — совсем не художественное преувеличение. На возглас *Колбасу дают!* — все, как уже было сказано, выстраивались в очередь. Какую — спрашивали нередко уже стоя в очереди.

А как герой рассказа вообще-то попал на этот склад?

Он сам поясняет так:

«Мне сказали: в порядке исключения для поощрения».

...Так пожилая тетушка одного моего знакомого спорила с ним о брежневском времени: «И не говори! И не спорь! Все у нас было! К нам на завод каждую осень сапоги привозили! И мы покупали...» — «Тетя Оля! — проникновенно говорил мой знакомый. — Сапоги не на заводе, а в магазине покупать надо — вот как сейчас. Понимаешь ты это?»

Но нет, тетя Оля этого понимать не хотела.

...Рассказ идет к концу. Невиданная роскошь: разные колбасы, свежая рыба, шапки...

Очумелый от изобилия посетитель склада уже и не знает, по какому же из семейных или дружеских адресов эту роскошь отправлять:

«— Все! (Лязгает железом). Сами повезете заказ?

— А что, вы можете?

— Адрес?

— Всё положите? Может, я помогу?

— Куда везти?

— На Чехова... то есть на Толбухина. А в другой город можете?

— Адрес?

— Нет, лучше ко мне. Хотя там сейчас... Давай на Красноярскую. Нет, тоже вцепятся. Давай к Жорке. Хотя это сучка. А ночью можно?

И просит боевое орудие для сопровождения и при этом — двух солдат.

И вот такой конец:

— Мне до вокзала. Там — на платформу, сам охраняю, и — на Север.

— Ты же здесь живешь.

— Теперь я уже не смогу. Не дадут. Плохо — живи. А хорошо... Не дадут».

Из личных воспоминаний. Чтобы вы не подумали, что раз это литература, то к реальной жизни, может, и мало имеет отношения, — вот вам пример из самой что ни на есть жизни.

В 1974 году, когда я продолжала работать в Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина, Министерство культуры задумало туристскую поездку работников культуры (куда относились и библиотекари) в ГДР — то есть в «социалистическую» часть Германии. У меня не было никакого желания ехать в эту страну и любоваться на Берлинскую стену. Но имелось одно обстоятельство непреоборимой силы. Мой муж А. П. Чудаков был высоким человеком со спортивной фигурой. Такое сочетание советскими швейными фабриками в расчет не принималось. Если у тебя рост 1 метр 88 см — вот тебе брюки на толстяка. Его брюки пришли в упадок, купить новые в пределах СССР было *совершенно нереально*. А для поездки в ГДР — в отличие от «капстран» — меняли много денег. Я поехала — и купила ему три пары брюк и вязаный жакет. И он носил все это много-много лет.

25. ПРО ДРУЖБУ

...Обходились, как говорится, подручными средствами — обыкновенным граненым стаканом, который хранили в дупле старого дерева, или картонными стаканчиками разового пользования. Такой можно в любом мусорном ящике найти. Мы — народ не гордый. Только вот с закуской плоховато было. Это обстоятельство и подсказало нашему Лехе-Патриоту тост: «За дружбу!» Опять же объяснять надо. «Дружба» — это сырок плавленый. Он дольше всех продуктов на прилавках продержался в эпоху развитого социализма. Правильно я говорю? Так называлась эпоха? Мясо пропало, масло, рыба... Полки пустые во всех магазинах. Москва и Ленинград — не в счет. Там для иностранцев на витринах показуху устраивали. А плавленый сырок «Дружба» лежит, как ни в чем не бывало. Даже в сельских буфетах. И цена ему была копеек 15—20. Точно не помню. Чем не жизнь? Закуска первоклассная. Лежит он, бедняга, под стеклом и в ус не дует. Маленький такой, на ладони умещается. Начинаешь снимать с него

фольгу блестящую, а там — зеленая плесень, покрытая в свою очередь беленьким нежным пушком. Значит, все сроки хранения этого продукта прошли сотни раз. Смелые люди, такие, как наш Леха, утверждали, что плесень полезна для здоровья потому, что это — не что иное, как лекарство пенициллин. Так сказать, в натуральном виде. Точно! Ни одного смертельного случая по этой причине в нашей многомиллионной стране отмечено не было. Каждый сырок разрезали на пять или на десять кусочков в зависимости от числа участников торжества. Или скажем точнее — пиршества. Так было. А теперь? Полки в магазинах ломятся от различных колбас и сыров, но нашего сорта и в помине нет» (Владимир Шингарев. Россия интра: повесть, 2011).

26. ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И МИХАИЛ БУЛГАКОВ О ДЕФИЦИТЕ И О СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ

Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал домогаться селедок с крупой.
...Типичная пошлость царила
В его голове небольшой.

*Н. Олейников. Неблагодарный
пайщик, 1930-е*

Дефицит в России начался сразу после революционных событий 1917 года и десятилетие спустя красочно описан Маяковским в поэме «Хорошо!». Там тяжелые дни Гражданской войны — в противопоставлении дню сегодняшнему, когда стало «хорошо»:

...Ученому
хуже:
фосфор
нужен,
масло
на блюде.

Но,
как нáзло,
есть революция,
а нету
масла.

(Маяковский очень правильно связал то и другое. Эти слова — «есть революция, а нету масла» — могли бы стать эпиграфом к книге Я. Корнаи «Дефицит».)

Ну, конечно, ученым выписывает «мандат» (здесь — пропуск, талон) на получение пищи народный комиссар просвещения Луначарский.

То есть продукты в эти годы выдаются не за деньги, а по талонам. И не то, что просят, а — бери, что дают!

Вот комиссар, ведающий раздачей пищи, читает «мандат Луначарского»:

«Так...
сахар...
так...
жирок вам.
Дров...
березовых...
посуше поленья...
и шубу
широкого
потребленья.
Я вас,
товарищ,
спрашиваю в упор:
хотите —
берите
головной убор.
Приходит
каждый
с разной блажью.
Берите
пока што

ногу
лошажью!»
Мех
на глаза,
как баба-яга,
идут
назад
на трех ногах.

На следующих страницах — запоминающиеся строки:

Мне
легше, чем всем, —
я
Маяковский.
Сижу
и ем
кусочек
конский.

И к десятилетию Октября картина полностью меняется. Описываются уличные витрины («окна») магазинов, наполненные товарами:

Окна
разинув,
стоят
магазины.
В окнах
продукты:
вина,
фрукты.

В. Маяковский. Хорошо! 1927

Продукты в магазинах — результат нескольких лет НЭПа: объявленной Лениным в 1921 году *новой* (а на самом деле — старой, то есть дореволюционной) *экономической политики*. Возвращение, хотя и с большими ограничениями, частной торговли, то есть *рынка*, мгновенно

венно — по воспоминаниям многочисленных очевидцев, уже *наутро* — наполнило витрины.

Одним из таких очевидцев стал Михаил Булгаков, въехавший в Москву из Киева в конце сентября 1921 года — без денег, без каких-либо вещей и без литературного имени. Имя-то у него могло бы быть — если бы ему не приходилось скрывать начало своей литературной деятельности. Дело в том, что оно пришлось аккурат на разгар Гражданской войны, — а он, как и его младшие братья, участвовал в ней на стороне белых.

Но речь сейчас не о его биографии — мы используем его свидетельства очевидца.

На деньги в тогдашней донэповской Москве купить ничего было нельзя. А «мандатов» Булгакова не заимел. Для получения их следовало поступить на советскую службу, да еще как-то доказать, что ты не «бывший», а — «сочувствующий».

...Так и говорили тогда про людей — «он из *бывших*». То есть — бывший офицер, университетский профессор, вообще человек «из дворян» или «из купцов».

Через полтора года, в апреле 1923-го, Булгаков напишет очерк о Москве этих полутора лет — «Сорок сороков» (считалось, что в Москве было «сорок сороков» церквей; в 30-е и последующие годы советская власть разрушила значительную их часть):

«Теперь, когда все откормились жирами и фосфором, поэты начинают писать о том, что это были героические времена. Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре...»

Михаил Булгаков писал свой очерк прямо с натуры — это Москва зимой и весной 1922 года.

Напоминаю, что основы НЭПа (главное — свобода торговли) были законодательно закреплены в *декабре 1921 года*. И это сразу же почувствовалось — дальше в цитате из Булгакова обратите внимание на выделенную мною курсивом фразу про *пирожки*.

«...Я человек обыкновенный, рожденный ползать, — и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду. Никто кормить

меня не желал. Все буржуи заперлись на дверные цепочки и через щель высовывали липовые мандаты и удостоверения...

К героям нечего было и идти. Герои сами были голы, как соколы, и питались какими-то инструкциями и желтой крупой, в которой попадались небольшие красивые камушки вроде аметистов.

Я оказался как раз посредине обеих групп, и совершенно ясно и просто предо мною лег лотерейный билет с надписью — смерть. Увидав его, я словно проснулся. Я развил энергию, неслыханную, чудовищную. Я не погиб, несмотря на то, что удары сыпались на меня градом...

...Закаленный, с удостоверениями в кармане... я шел по Москве и видел панораму. Окна были в пыли. Они были заколочены. *Но кое-где уже торговали пирожками.* На углах обязательно помещалась вывеска «Распределитель №...». Убейте меня, и до сих пор не знаю, что в них распределяли. Внутри не было ничего, кроме паутины и сморщенной бабы в шерстяном платке с дырой на темени. Баба, как сейчас помню, взмахивала руками и сипло бормотала:

— Заперто, заперто и никого, товарищ, нетути!

И после этого провалилась в какой-то люк».

Увы, придется еще раз отвлечься от темы. Надо бы пояснить юному моему читателю про «рожденный ползать» и про поговорку «гол как сокол», примененную Булгаковым.

«Рожденный ползать летать не может» — это афоризм Горького про Ужа из его «Песни о Соколе» — поэмы, написанной ритмизованным белым (то есть без рифм) стихом. Эту проникнутую революционным духом поэму, где смелый Сокол противопоставлен Ужу, не знающему счастья полета, активно насаждали в школе с ранних советских лет. Скорей всего, словами о героях, «голых как соколы», Булгаков обращал читателя к этой же поэме. Он, как и очень многие, видно, не знал происхождения этой поговорки и смысла самого слова «сокол» — омонимия наименования птицы... В поговорке «гол как сокол» с ударением на последнем слог (иначе не было бы риф-

мы) «сокол» — это железный или стальной лом, которым разбивают стены или (если с насадкой) трамбуют землю. Возможно, *сокол* связан со словом *кол*. Он действительно гладкий — «голый». А потом слово «сокол» в этом значении вышло из употребления (заменялось «ломом»)...

В очерке «Сорок сороков» в следующей главке показано, как через два-три месяца Москва «начинает жить». Но еще раньше, 13 января 1922 года, Булгаков посылает сестре в Киев один из первых очерков (надеясь, что она пристроит его в какую-нибудь киевскую газету) с характерным названием — «Торговый ренессанс», с подзаголовком «Москва в начале 1922 года»:

«То тут, то там стали отваливаться деревянные щиты, и из-под них глянули на свет после долгого перерыва запыленные и тусклые магазинные витрины. В глубине запущенных помещений загорелись лампочки, и при свете их зашевелилась жизнь: стали приколачивать, прибивать, чинить, распаковывать ящики и коробки с товарами. Вымытые витрины засияли...»

Трудно понять, из каких таинственных недр обнищавшая Москва ухитрилась извлечь товар, но она достала его и щедрой вытряхнула за зеркальные витрины и разложила на полках...»

В Елисеевском продуктовом магазине «икра черная лоснится в банках. Сиги копченые. Пирамиды яблок, апельсинов. К окну какой-то самоистязатель носом прилип, выкатил глаза...»

А фразу про «таинственные недра» — мы с вами вспомним, когда дойдем в рассказе о жизни и действиях Егора Гайдара до начала 1992 года.

27. «ТЫ КОРНАИ ЧИТАЛ?»

Эта глава — исключительно для того читателя, который интересуется экономикой. И хочет, например, понять — почему это при *плановом* хозяйстве обязательно возникал *дефицит*...

Такой человек найдет здесь о-о-очень много для себя интересного.

— У нас всё было!

Расхожая фраза тоскующих
о советском времени.

А вообще у нас есть всё, но не везде и не всегда
и в недостаточном количестве.

Михаил Жванецкий

— ...Беда в том, что на этой почве у некоторых коротышек развивается страшная болезнь — жадность или скопидомство. ...У нас есть один такой малыш — Пончик. У него вся комната завалена всевозможной рухлядью. Он воображает, что все это может понадобиться для обмена на нужные вещи. Кроме того, у него есть масса вещей, которые могли бы кому-нибудь пригодиться, а у него они только пылятся и портятся. Разных курточек, пиджаков — видимо-невидимо! Одних костюмов штук двадцать, а штанов, наверно, пар пятьдесят. Все это у него свалено на полу в кучу, и он уже даже сам не помнит, что у него там есть и чего нет. ...Ниточка очень смеялась, слушая этот рассказ.

Потом лицо у нее стало серьезное, и она сказала:

— Стыдно над больными смеяться! Хорошо, что у нас никто не может заболеть этой страшной болезнью. К чему нам держать у себя целую кучу костюмов, если в любое время можно получить в магазине вполне приличный костюм!

Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе, 1958

...Знакомая утверждала, что товары у нас были, есть и будут, но слишком большое чис-

ло соотечественников неоправданно желает эти товары приобрести, отчего и происходит вечная кажущаяся нехватка, толкотня, ругань и отчуждение.

Е. Попов. Душа патриота, или Различные послания к Ферфичкину, 1982

В 1980 году в «социалистической» Венгрии — то есть в подцензурной печати — вышла книга, которая в Советском Союзе в эти же годы появиться ни в коем случае не могла.

В Венгрии, Югославии, Польше в те годы можно было напечатать то, что никак не напечатали бы в Советском Союзе, равно как и в Болгарии и тем более — в ГДР. (Сегодня — поясню для тех, кто не знает или забыл, — страны под названием ГДР, то есть Германской демократической республики, бывшей советской зоны оккупации Германии после проигранной ею войны, — на карте мира уже не найти: после объединения двух Германий в 1990 году она влилась в ФРГ.)

Это была книга Яноша Корнаи «Дефицит».

Почти одновременно вышел ее английский перевод. А отсюда уже рукой подать до перевода на русский каким-либо доброхотом и появления этого перевода — не в печати, разумеется, а в советском Самиздате. Венгерский язык мало кто знает, кроме специалистов. А перевести бесплатно нужную книгу с английского и затем на свой страх и риск распространять ее в машинописных списках — на это у нас в 60—80-е годы, к чести нашей интеллигенции, всегда было немало охотников.

...И в 1981 году Егор Гайдар книги Корнаи уже, несомненно, знал.

Я. Корнаи вспоминает: «Я познакомился с Гайдаром в 1981 году. Меня пригласили в Москву на конференцию по ценам, а жили мы с женой в гостинице СЭВа. Гайдар пришел к нам в номер, разговор начался с нескольких вежливых фраз, а потом Егор сделал жест, показывающий, что стены и потолок комнаты «имеют уши», и пред-

ложил пойти прогуляться — он-де покажет нам Москву. Выйдя на улицу, мы немедленно стали спорить по поводу политической ситуации в Советском Союзе, Венгрии и других стран Восточной Европы. И я понял: передо мной действительно выдающийся молодой человек».

Корнаи рассказывает, как его пригласили в Будапеште в Университет экономики прочесть цикл публичных лекций о «Дефиците» перед широкой аудиторией. Это были и студенты, и самые разные слушатели со стороны. На первой же лекции Корнаи объяснил особенности *принудительного выбора* (помните, у Маяковского: «Берите пока што ногу лошажью!») и привычного людского унижения перед тем, кто распределяет дефицитные продукты. Признание аудитории было завоевано, когда он привел строчку из популярной песенки всем известного в Венгрии певца и композитора: «...*Пиво-то теплое, а нам и так сойдет...*».

...Если бы Корнаи читал популярную лекцию в Советском Союзе, он мог бы с точно таким же успехом использовать сценку из первой главы «Мастера и Маргариты».

Там двое приятелей-литераторов появляются на Патриарших прудах «в час жаркого весеннего заката», когда, «кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо...»

Их, понятно, мучает жажда.

«Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым делом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью “Пиво и воды”».

...— Дайте нарзану, — попросил Берлиоз.

— *Нарзану нету*, — ответила женщина в будочке и почему-то обиделась.

— Пиво есть? — сильным голосом осведомился Бездомный.

— *Пиво привезут к вечеру*, — ответила женщина.

— А что есть? — спросил Берлиоз.

— Абрикосовая, *только теплая*, — сказала женщина.

— Ну, давайте, давайте, давайте!

Абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской» (курсив наш. — М. Ч.).

Это уже не 1918—1920 годы, как у Маяковского, — в романе изображены 30-е годы.

А дефицит по-прежнему на месте! Все выделенные нами курсивом фразы — это все те же «головной убор» и «нога лошажья» вместо того, что просит потребитель.

Самое замечательное здесь, на мой вкус, — «и почему-то обиделась».

Это — то самоощущение «советского» продавца, которое у Маяковского — еще до начала нормальной торговли, на этапе *распределения* продуктов! — передано словами, за которыми ощутима та же самая обида: «Приходит каждый с разной блажью...».

Дефицит может возникать в любой экономике.

Вы пришли перед праздниками покупать билет на самолет. Но билеты на все рейсы этих дней уже раскуплены.

Хотите посмотреть новый фильм — и должны выстоять длинную очередь в кассу: это тоже проявление дефицита.

Но, поясняет Корнаи, «в подобных явлениях нет ничего особенно серьезного, они случайны и длятся недолго» — в «нормальном», рыночном обществе.

А об *экономике дефицита* надо говорить только тогда, «когда дефицит ощущается во *всех* (или практически во *всех*) секторах экономики: на производстве, в быту, в сфере товаров и услуг... Дефицит — явление не переходное, но *хроническое*. Предложение существенно отстает от спроса, и разрыв зачастую очень велик — другими словами, дефицит растет *интенсивно*».

Например, в России те, у кого память не отшибло (таких тоже немало), хорошо помнят, что в 1970-е годы «достать» (напомню еще раз, что слово «купить» — безо всякого преувеличения! — постепенно исчезало из по-

вседневной речи) хорошую одежду, обувь, колбасу и прочее было *все труднее и труднее...*

В предисловии к советскому изданию (а оно смогло появиться только в 1990 году, в Перестройку, когда стало возможным напечатать множество «задержанных» книг) Корнаи пишет, что явление, о котором идет речь в его книге, «хорошо известно читателю. Венграм и советским людям, китайцам и румынам, кубинцам и полякам в равной мере известно, что значит отстоять в очереди за мясом или обувью, а вместо покупки услышать грубость от продавца, им приходится годами ожидать ордера на квартиру, сталкиваться с остановками производства на предприятии из-за отсутствия материалов или комплектующих изделий».

С глубоким пониманием особенностей жизни в упомянутых странах Корнаи пишет, что, «вероятно, самый большой ущерб состоит в том, что продавец получает превосходство над покупателем, ущемленными оказываются независимость и свобода индивида. Господство продавца над покупателем ставит человека в подчиненное, а нередко и в унижительное положение, идет ли речь о покупателе в магазине или работнике на предприятии».

Корнаи начинает анализ с того, что происходит в сфере производства.

Он показывает, что характерные для «социалистического», «планового» производства чисто количественные показатели неизбежно ведут к так называемой *накопительской тенденции*. «Предприятие стремится наращивать производство, для чего необходимо все больше и больше ресурсов». Поэтому *снабженец* (тот, кто закупает для завода необходимое) никогда не скажет: «У меня достаточно материалов. Несмотря на то, что можно получить еще, я добровольно отказываюсь». Как же он откажется, если знает — когда позже эти материалы опять понадобятся, их может уже не быть в наличии!

Почему? Да хотя бы и потому, что все остальные снабженцы точно так же, как он, берут не столько, сколько нужно, а столько, сколько можно.

К тому же, заметим, деньги на закупку снабженец тратит не свои и не своего партнера, а государственные — счет совсем другой...

И дальше Корнаи выводит нечто вроде закона — один из «порочных кругов, образуемых дефицитом»:

«...Возникает накопительская тенденция (вспомним Пончика из “Незнайки в Солнечном городе”! — М. Ч.), в свою очередь усиливающая дефицит ресурсов. Чем выше дефицит какого-либо материала, тем больше его накапливают и тем более неопределенным становится его восполнение (потому что при таком поведении снабженцев, как сказала бы какая-нибудь деревенская старушка, *на всех не напасёси*. — М. Ч.), а в результате усиливается гонка за количественными показателями выпуска именно этих изделий...»

...У умного читателя этой главы уже, конечно, возникает вопрос — а как насчет показателей качества?..

Вот то-то и оно-то. С качеством у социалистических производителей всегда был большой «напряг». Многие еще помнят это по изделиям легкой промышленности: обувь, плащи, пальто, детские платьица... Почему-то все предпочитали импорт — если удавалось его *достать*.

Вывод, который сам Корнаи выделил курсивом: «*Погоня за валом, накопительская тенденция и дефицит ресурсов сливаются в один взаимоусиливающийся, самовоспроизводящийся процесс*».

И — дальнейшее рассуждение, все более и более проясняющее полную бесперспективность так называемого планового хозяйства. Это при том, что сам автор находится внутри этого планового хозяйства, пишет и печатает свою книгу в «социалистической» стране — и поэтому ищет такие формулировки, чтобы его книгу не «зарезала» цензура. Он старается писать так, чтоб читатель сам сделал вывод о нежизнеспособности «социалистического» способа хозяйствования:

«Можно рассуждать и по-другому. Если бы не нависала постоянная угроза дефицита, предприятие не испытывало бы беспокойства в связи со снабжением ма-

териалами. Оно было бы уверено в том, что поставщик всегда имеет запасы необходимых полуфабрикатов или может быстро приспособить свое производство к возникшим потребностям, а поэтому не стремилось бы к накоплению запасов. Это сдерживало бы возникновение дефицита.

...Следует сделать еще одну важную оговорку. В хозяйственной жизни различаются «залежалые» и «текущие» запасы». Первые — это те, что давно «валяются на предприятии почти без всякого шанса быть использованными, так называемые «неликвиды»... Снабженец завода по производству болтов приобрел в конце 1976 г. 100 тонн стали марки 7 в надежде, что она скоро понадобится. Прошло два года, но потребность в стали так и не возникла, а затем стало ясно, что она вообще не понадобится. Таким образом, 100 т. стали превратились в непроездительный резерв.

...Дефицит порой ведет к закупочной лихорадке. «Куплю — авось пригодится». Просто рассуждать таким образом, ведь потребитель не очень ограничен в финансовом отношении. (Как уже было сказано — деньги же не свои! — М. Ч.). Позже часть легкомысленно приобретенных материалов, полуфабрикатов, деталей превращается в залежалый запас, в непроездительный, немобилизуемый резерв. А это может еще более усилить дефицит там, где ощущается потребность именно в этих материалах».

Корнаи писал не только о производстве, но и о ситуации рядового потребителя — покупателя продуктов.

Он спорил с «рассуждениями пытающихся упростить проблемы, связанные с потребительским рынком дефицитной экономики. Их обычные доводы таковы: да, правда, что существуют проблемы в снабжении мясом, зато у каждой семьи есть телевизор. Не хватает жилья, но в магазинах — широкий ассортимент готовых швейных изделий. Однако устранение дефицита в одной группе продуктов не компенсирует потерь, обусловливаемых дефицитом в другой».

Для описания поведения домашней хозяйки в условиях дефицита Корнаи вводит понятия — *вынужденная за-*

мена и вынужденная трата — и проводит между ними различие.

Если хозяйка хотела купить докторскую колбасу, но, не найдя ее, купила ветчину — это вынужденная замена.

«Если же она покидает магазин с пустыми руками и по дороге домой приобретает на предназначенные для покупки колбасы деньги игрушку для ребенка, то это вынужденная трата. Вынужденная замена моментально заполняет вакуум, тогда как вынужденная трата оставляет вакуум после себя».

Я бы сказала — есть нечто увлекательное в его выделении трех мотивов вынужденной траты в ситуации дефицита. К тому же это перечисление дает возможность сопоставить ту, «социалистическую» ситуацию, незнакомую моим читателям — с сегодняшней, прекрасно им знакомой. И прийти к самостоятельным выводам.

Итак, Корнаи объясняет, почему жители «социалистических» стран тратят свои деньги не на те покупки, которые они хотели бы сделать:

«1. Нетерпение потребителя. Многие думают: “Даже если мы и не купили того, что хотели, все равно что-нибудь купим”, “Ну что ж, потратим деньги на то, что принесет удовольствие”.

2. Маневрирование потребителя. В дефицитной экономике умудренный потребитель совершает покупку не тогда, когда нужен товар, а когда его можно достать (опять, как видим, «достать» вместо «купить». — М. Ч.), делая это нередко задолго до возникновения необходимости. Как правило, он даже делает гарантийный запас, на случай если позже этот товар нельзя будет приобрести...

Таким образом, если домохозяйка не купила в продовольственном магазине то, что хотела, и даже не смогла найти близкую замену, она оглядывает прилавки, ища, что же можно купить? И если есть что-нибудь “интересное”, она это “интересное” покупает, даже если оно весьма далеко от ее первоначальных намерений.

3. Ожидание инфляции. Чем сильнее потребитель опасается падения покупательной способности денег, тем больше он спешит израсходовать их...»

Вот что интересно — эти неизлечимые особенности социалистического хозяйства стали очевидны вовсе не в 70-е годы, а на полвека раньше!

Корнаи ссылается на русских ученых Л. Н. Крицмана и В. В. Новожилова, открывших явление дефицита уже в середине 20-х и опубликовавших свои выводы в советской печати. Характерно лаконичное название статьи Новожилова в «Вестнике финансов» (1926, № 2) — «Недостаток товаров».

Корнаи рассказывает о дискуссиях 20-х годов, «в которых “всеобщее перепроизводство” капиталистической экономики противопоставлялось “всеобщему дефициту” социалистической экономики». Его называли тогда «кризисом недопроизводства».

...Про то, как капиталисты не знают, куда девать изготовленную продукцию, и даже нагло сбрасывают ее в море, когда в Африке людям есть нечего, в сталинское время особенно любили рассказывать и школьникам, а также писать об этом в газетах. О нашем постоянном дефиците с конца 20-х годов и до конца советского времени газеты не писали. И в школе про это в те годы тоже не рассказывали.

Вот почему для участников семинара на Змеиной горке стал паролем вопрос:

— Ты Корнаи читал?

28. КАНУН ПЕРЕСТРОЙКИ

«Мы подготовили программу умеренных, постепенных реформ советской экономики, основанную на гипотезе, что у власти есть желание провести их до наступления катастрофы, — вспоминал Гайдар. — Модель, взятая (с учетом советской специфики) за основу, была комбинацией венгерских и китайских реформ... Потом ее представили руководству...» — то есть директору института Д. Гвиши-

ани. Он, поддерживавший своих молодых сотрудников, показал их программу либо премьеру, либо генеральному секретарю компартии, то есть год как занявшему этот главный в Советском Союзе пост (президента у нас тогда не было) М. С. Горбачеву.

Каков, как вы думаете, был ответ?

«Вы что, хотите *рыночный социализм* построить? Забудьте! Это за пределами политических реальностей».

Это была весна 1986 года, начало правления М. Горбачева» (Е. Гайдар, 1996).

То есть — власть все продолжала думать о *политике*. Вернее, о том, что у нас считалось *политикой*, — о верности идеям марксизма-ленинизма...

А давно пора уже было задуматься о другом — об *экономической катастрофе*, к которой неуклонно приближалась страна.

часть четвертая

**«ВСТАНЬ И НЕ ГНИСЬ!
ПРИШЛА ПОРА!»
Годы зрелости**

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех.
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех...

<...>

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой.
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег...

Р. Киплинг. Заповедь

1. ЩЕЛКА, ОТТЕПЕЛЬ
ИЛИ НАЧАЛО НОВОГО ВРЕМЕНИ?
1985—1989. «ПРОЦЕСС ПОШЕЛ»

Куй железо, пока Горбачев!
Поговорка времени Перестройки

...С первых «горбачевских» лет в обществе идут споры о Перестройке, объявленной Горбачевым. Что это — еще одна Оттепель? Которая в наших широтах — отнюдь не начало весны, а *временное* потепление: за оттепелью, как известно, неизбежно следуют новые заморозки. Или же все-таки — это начало Нового времени?

Одни твердо уверены — все это временно. Советская власть ни за что не выпустит из своих лап измученную «плановым хозяйством» страну. Это только — очередной просвет, щелка, которую надо до отказа использовать: например, успеть напечатать все, что не удавалось напечатать при «застое». Дальше этого мысли интеллектуалов не идут.

В литературных журналах, в «Литературной газете», в печатных флагманах Перестройки — еженедельной газете «Московские новости» и журнале «Огонек» — у всех на устах новая поговорка, девиз дня: *Куй железо, пока Горбачев!*

Другие (среди них, не скрою, автор этой книги) уверены, что мы — у начала Новой Эпохи. Возврата к старому устройству уже не будет. Задача — идти дальше. Но куда? Горбачев провозглашает лозунг — «Больше социализма!». Его многие бездумно подхватывают — просто из сочувствия к действиям Горбачева. Но это — путь в никуда. Определенному кругу людей ясно — путь в сторону «социализма» Россия прошла и исчерпала. Теперь, пожалуй, нам бы — *меньше* «социализма».

У Егора Тимуровича к этому времени, с 1985 года, — вторая семья.

Как напишет об этом он сам: «Моя первая детская любовь, девочка Маша с огромными загадочными глазами, стала моей женой... У нас, наверное, самая счастливая семья из всех, что мне приходилось видеть в жизни».

У жены — сын Иван от первого брака. У Егора сын и дочь от первого брака: Петр — ровесник Ивана, и Маша, всем известная сегодня Мария Гайдар.

А в 1990 году у Маши Стругацкой и Егора Гайдара появляется на свет сын Паша.

...Как скажет мне позже Ариадна Павловна Бажова-Гайдар про всех своих близких — «У нас очень сложная и очень дружная семья»...

Гайдар руководит экономическим отделом «Коммуниста», и на страницах этого журнала появляются ранее немыслимые применительно к «социализму» термины: *Инфляция. Безработица. Бедность. Бюджетный дефицит.*

Бюджетный дефицит (не путать с дефицитом товаров!) — то есть перевес расходов над доходами государства — давно, конечно, в СССР имелся. Но раньше упоминать про него не полагалось.

Бюджетный дефицит означает, что у страны не хватает денег, чтобы оплатить все те работы, товары, услуги, которые нужны ей в данном году. Если дефицит небольшой (несколько процентов от внутреннего валового продукта страны) и страна более или менее успешно развивается, а значит, способна платить по долгам — то ситуация еще неплохая. В этом случае можно, во-первых, взять займы (получить кредит) у других стран. Во-вторых — одолжить у себя в стране: выпустить, например, облигации, которые купят (то есть заплатят государству за них деньги) граждане или предприятия — если они доверяют своему государству и надеются на эти облигации когда-нибудь что-нибудь получить.

Если же бюджетный дефицит очень большой — никто уже государству денег в долг не даст. И оно теряет возможность обеспечивать нормальную жизнедеятельность страны.

В результате *в лучшем случае* происходит смена правительства, резко снижается уровень жизни и начинается сложный процесс восстановления экономики.

В худшем случае — делается попытка заткнуть дыру в бюджете печатанием денег. За этим неминуемо следует инфляция и революционные потрясения с мучительной (и неизбежной) сменой всего жизнеустройства в стране.

Вместе с сотрудниками журнала Гайдар азартно рассказывает читателям «Коммуниста», как именно и в каких масштабах разбазариваются государственные деньги при советском строе.

Читатели — коммунисты с немалым партийным стажем — читают, не веря своим глазам. Все они про это более или менее знают. Но не представляли себе, что про это можно прочитать на печатной странице. И не в Тамиздате, а в здешней, советской, подцензурной печати. Да еще в главном партийном журнале!..

«В условиях дефицита и ослабления централизованного контроля за процессом развития ресурсы имеют тенденцию перетекать не туда, где они нужнее всего с точки зрения интересов общества, а туда, куда им легче перетечь, <...> где их проще потратить или, как у нас любовно говорят, “освоить”. <...> Сильнее позиции тех отраслей, которые <...> имеют возможность отчитываться не реальными результатами, переданными потребителю, <...> а миллионами кубометров земляных работ и миллиардами рублей “освоенных средств”» (Е. Гайдар в соавторстве с В. Ярошенко. Нулевой цикл: К анализу механизма ведомственной экспансии // Коммунист. 1988. № 8).

То есть — советское планирование хозяйственной деятельности устроено так, что легче всего «выбить» деньги на «нулевой цикл» какого-либо строительства. И по всей огромной стране разбросаны стройки, так и не двинувшиеся дальше «нулевого цикла»...

По словам пригласившего Гайдара в редакцию журнала «Коммунист» Отто Лациса, Гайдар «блестяще... показал истинное состояние советской экономики. Заголовок одной из его статей был намеренным повтором названия романа Андрея Платонова “Котлован”». *Затратная экономика* становилась особенно наглядной «в образе котлована, безвозвратно поглощавшего несметные богатства страны и труд миллионов людей».

Гайдар сообщал факты, поразившие даже хорошо знавшего состояние дел в стране Лациса.

«Например, сообщение о том, что за десять лет, с 1976-го по 1985-й, государственные капиталовложения

в агропромышленный комплекс составили 600 миллиардов рублей — по реальному тогдашнему курсу черного рынка это составляло 150 миллиардов долларов — и в итоге этих фантастических затрат прирост чистой продукции оказался НУЛЕВЫМ».

...Очень прошу моих юных читателей с хорошей памятью запомнить эти цифры — 10 лет, 150 миллиардов (!) долларов — и нулевой эффект!

И всегда приводит их в разговорах с теми взрослыми собеседниками, которые будут говорить, что вы, мол, при советской власти не жили и потому судить о ней не можете, а должны слушать нас. То есть верить нам на слово, что все в Советском Союзе эффективно работало и развивалось. А потом пришли Горбачев, Ельцин и Гайдар — и все развалили.

Но зачем же верить на слово, когда можно опираться на факты? И при помощи фактов обоснованно разрушить мифы.

«Советский Союз, — продолжает Лацис пересказ статьи Гайдара, — добывал железной руды всемерно больше, чем США. Чугуна выплавляли из этой руды *втрое* больше, чем США. Стали из этого чугуна — *вдвое* больше».

Из этой стали делали машины.

«О качестве и рыночной конкурентоспособности этих машин — только один факт из тогдашних статей Гайдара: СССР производил зерноуборочных комбайнов в 12 раз больше, чем США, но собирал пшеницы меньше, чем США».

...То, что назвали словом «гласность», — сыграло огромную роль. В печати, на телевидении (появилась, например, такая информационная телепередача «Прожектор перестройки» — с весьма острыми сюжетами), в трансляциях со Съезда народных депутатов, *огласили* очень многое из того, что раньше излагалось только в документах ЦК КПСС с грифом «Сов. секретно». И страна, много лет цепеневавшая в *застое* (определение эпохи последнего брежневского десятилетия тоже придумали в годы Перестройки) пришла в движение.

Мы все посмеивались над любимыми словами Горбачева, которые он нередко повторял. Годы показали, однако, что лучше не скажешь про то время: *процесс пошел!*

...Но усиливалось и сопротивление процессу изменений страны.

Мутный страх напознал на советский *новый класс*, описанный еще Джиласом, на *партократию*, или, по Волленскому, *номенклатуру*. С приходом Горбачева они ведь никуда не делись, по-прежнему правили в райкомах и обкомах. Но под ними заколебалась почва. А они были очень сейсмочувствительными. Они знали, что все их блага — начиная с бесплатных или почти бесплатных продуктовых наборов — зависят от того, чтобы в общественном устройстве *ничего не менялось*. И они дружно, даже не сговариваясь, стали тормозить уже начавшийся процесс...

Вместе с О. Лацисом в декабре 1988 года Гайдар пишет Записку, прогнозируя рост бюджетного дефицита — если не будет принято срочных мер. И передают Записку (такой уж особый жанр; чтоб вы не спутали его с *записочками* на уроке — пишу с большой буквы; впрочем — давно уже — эсэмэски...) М. С. Горбачеву.

Далее — цитирую уже известную вам книгу Лациса с точным заглавием «Тщательно спланированное самоубийство». И сама цитата подтверждает смысл заглавия.

«Записка настолько заинтересовала Горбачева, что он зачитал ее в начале очередного заседания Политбюро, в повестке которого этот вопрос даже не стоял. Два часа длилось обсуждение... никто не мог вспомнить, когда вообще Политбюро обсуждало проблемы финансов, бюджета».

(Так и подмывает воскликнуть: «Ишь какие нежные!...»)

«...Горбачев провел беспрецедентное решение поручить правительству пересмотреть только что утвержденный бюджет на 1989 год с целью сокращения дефицита. Предотвратить катастрофу можно было только ценой одновременного принятия нескольких непривычных решений. Надо было резко сократить военные расходы...» — и сделать еще несколько важных шагов.

«Правительство не решилось ни на один из этих шагов. Был утвержден список второстепенных мероприятий, позволивших наскрести — скорее всего, на бумаге — экономиию на сумму 27 миллиардов рублей. Между тем председатель Госплана и член Политбюро Юрий Маслюков опубликовал в “Правде” статью, в которой утверждал, что первоначально утвержденный на 1989 год бюджет предусматривал дефицит на 127 миллиардов рублей».

Иными словами, страна катилась к обвальной инфляции. При этом — «даже перед лицом неизбежной катастрофы, о которой было осведомлено всё Политбюро во главе с Горбачевым, наш “Титаник” не мог уйти от столкновения с айсбергом. ...Я не раз вспоминал этот эпизод позднее, когда Гайдара обвиняли во всех смертных грехах, считая его виновником экономических и социальных потрясений 1992 года. Между тем в записке Горбачеву в декабре 1988 года Гайдар предупреждал, что именно эти самые бедствия произойдут, если не принять немедленных мер. Большинство населения страны не понимало, что происходит, и правительство ничего не объясняло людям, да и само вряд ли осознавало всю серьезность ситуации и неизбежность срочного перехода к рыночным отношениям.

Когда финансовая катастрофа состоялась, многие сочли первопричиной своих несчастий рыночные реформы, хотя истинная причина состояла в их запаздывании» (О. Лацис, 2001).

2. ПОСЛЕДНИЕ СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВЗДОХИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен.

XXVII съезд КПСС, 6 марта 1986 г.

Есть такое выражение — «*национальный вопрос*».

«Вопрос» — значит, что-то спрашивают. Так вот — спрашивают: какие там у вас в стране отношения между людьми разных национальностей? И еще — а как эти раз-

ные национальности относятся к вашей общей для них всех власти?

Везде — по-разному. И что уж можно точно сказать, почти везде — этот вопрос не простой. И ответ на него — сложен. Так уж повелось в мире, что люди особенно болезненно реагируют, когда их преследуют, оскорбляют, наказывают не за их личные провинности, а за кровь, которая течет в их жилах.

Советская власть всегда уверяла себя и других, что здесь у нее проблем нет.

Михаил Горбачев в этом отношении не стал исключением. Он «в первые годы своего правления не осознавал, какой взрывной потенциал заложен в межнациональных отношениях, верил, — писал Гайдар в 2006 году в книге «Гибель империи», — что национальный вопрос в СССР решен».

Но он не был решен — просто подавлен силой. Но подавление вместо решения — всегда дело временное. Навсегда — не получается.

За советские десятилетия, когда власть держалась насилием, накопилось много обид.

Среди них — и кровных.

И даже — кровавых.

В начале 1930-х годов с территории Белоруссии и Украины депортировано немало поляков. А из Ленинградской области — финнов. В августе 1934 года приказом НКВД (разумеется, секретным) предписано постепенно увольнять, а также снимать с руководящих должностей советских немцев, корейцев, финнов, литовцев, латышей и поляков (а давно ли «красные» латыши и поляки были опорой советского режима и охотно рекрутировались в ряды ЧЕКА, ГПУ и затем НКВД — как Петерс или Дзержинский?..).

Намечена и вторая группа «враждебных» национальностей, за которыми заводской администрации предлагалось «следить»: евреи, армяне, крымские татары, чеченцы, ингуши, осетины...

А Узбекистан во время переписи 1939 года протестовал, например, против включения в число таджиков (жи-

телей Узбекистана) других — малых — национальностей. То есть против цифр, дающих увеличение в этой республике численности таджиков.

Рванул же этот протест только через полвека — в кровавых конфликтах между узбеками и таджиками.

Если нет демократических традиций (а откуда было им взяться при советской власти, все решавшей за всех?) — проще всего сыграть на национальных обидах. Нужно, например, только убедить себя и других, что репрессировала вас не *советская власть*, а — *русские*. Сделать это нетрудно — ведь на высоких партийных и государственных постах в основном — русские...

Старший товарищ Гайдара Отто Лацис пишет об этом же в уже не раз цитированной нами книге с детективным названием: «Тщательно спланированное самоубийство» (2001) — и с не менее детективным сюжетом. В издательской аннотации, которая напечатана, как обычно, мелким шрифтом на обороте титульного листа, сказано: «“Самоубийство КПСС” — так можно было бы назвать эту книгу...»

Лацис пишет об опубликованной в журнале «Коммунист» подборке сообщений Берии — Сталину о ходе высылки чеченцев и ингушей:

«Конец 1943 — начало 1944 года, еще не открыт второй фронт против Гитлера, еще наша армия ведет тяжелейшие наступательные бои на своей территории, а сто тысяч сытых, до зубов вооруженных бериевских головорезов ведут войну с женщинами, детьми и стариками в собственном тылу. Бухгалтерская точность сообщений: сколько солдат использовано, сколько вагонов подано...»

Невозможно не думать о том, сколько восемнадцатилетних мальчиков вернулось бы домой живыми, если бы Сталин отказался от злодейской идеи войны с целыми народами внутри страны и послал бы своих энкавэдэшников на фронт!

Из личных воспоминаний. Мало кто из вас знает, что из юношей, попавших на фронт по призыву именно в эти

месяцы — на рубеже 1943—1944 годов, домой вернулись *один из ста...* В нашей семье это известно доподлинно.

Мой старший брат, 1925 года рождения, уходил на фронт из Сокольнического райвоенкомата Москвы — с ним призвали из нашего района триста его ровесников.

Сначала их два месяца учили на младших лейтенантов — в одном из подмосковных городков, — потом долго везли на фронт, который передвинулся уже в Польшу. Они жили вместе в казармах, потом ехали и теплушках. Брат говорил: «Мы все знали друг друга *поименно*».

Когда кончилась война и брат вернулся — с двумя тяжелыми ранениями, но живой, — они вдвоем с еще одним лейтенантом (запомнила с детства его фамилию — Заичев...) пошли в военкомат — узнавать, кто еще из их ребят вернулся. И узнали.

Из *трехсот* мальчиков, два года назад со школьной скамьи уходивших на войну из нашего зеленого, с Сокольническим парком в центре, района, домой к матерям вернулись *трое*.

«Антисоветского элемента» из числа чеченцев и ингушей арестовано *2 тысячи человек* — больше врагов не нашлось... А выселено *более 478 тысяч человек* — все вайнахское население поголовно (*О. Лацис*).

То есть — те, кого сам Берия считал «антисоветским элементом», составляли *менее половины процента...*

Это с трудом укладывается сегодня в голове у тех, кто не застал советское время. Идет 1944 год. До конца войны еще далеко. Армия продолжает нести огромные потери.

Чем занят Верховный Главнокомандующий Сталин — вместо того чтобы сосредоточиться на делах военных?

«По мановению руки ошалевших от власти и крови бандитов целые народы один за другим отправлялись за тысячи километров: немцы, калмыки, чеченцы, ингуши, армяне, турки, курды, хемшилы.

Народы слишком многочисленные, чтобы их можно было выселить целиком, отправлялись вдалеке отдельными категориями: такие были из числа русских, украинцев,

литовцев. Но и в этих случаях — не по суду и не за личную доказанную вину, а за принадлежность к определенной категории: русские сектанты, литовцы — члены семей (!) “активных бандпособников”.

Всего “выселенцев и спецпереселенцев” оказалось три миллиона 332 тысячи 589 человек — это уже из справки об итогах перерегистрации в 1948—1949 годах. Из нее же видно, что из выселенных в 1944 году чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев через четыре года умерла четвертая часть, из крымских татар, болгар, армян, греков — пятая часть» (О. Лацис).

...И как же можно было думать, что в такой стране «решен в принципе национальный вопрос»? Что люди забыли и простили смерть своих маленьких детей от голода и холода?..

«Процесс увлекал и нравился, останавливаться не хотелось. Берия докладывает: “В связи с предстоящим окончательным выселением чеченцев и ингушей считал бы возможным часть освободившихся войск и чекистов использовать для выселения балкарцев с Северного Кавказа”. То есть ребятки бериевские нечаянно оказались в простое, а тут народишко подвернулся — как не выслать.

...Не было народа на просторах одной шестой части мира, в памяти которого не остались бы страшные картины произвола властителей Советского Союза — дружбы народов в сталинском исполнении. Понимал ли Горбачев, какое минное поле национальных отношений досталось ему в наследство, и какое терпение, какая осторожность и такт требуются, чтобы его разминировать? ...Последующие события показали: в национальных отношениях он разбирался хуже всего и в этой сфере совершил самые грубые ошибки» (О. Лацис).

«О мере непонимания Горбачевым потенциальной серьезности» этой проблемы пишет и Гайдар. Об этом, замечает он, свидетельствуют собственные слова Горбачева: «Если бы у нас в стране не был решен в принципе национальный вопрос, то не было бы того Советского

Союза, каким он сейчас предстает в социальном, культурном, экономическом, оборонном отношениях. Наше государство не удержалось бы... если бы не возникло общество на основе братства и сотрудничества, уважения и взаимопомощи».

«Это политическая ошибка, — сурово заключает Гайдар, — тот случай, когда лидер доверился официальной пропаганде, не хотел понимать реальности».

Иными словами — люди советской власти так часто произносили и писали советские формулировки, которые давно стали штампами и ничего реального не выражали, что *сами поверили* в реальность ими же самими придуманного в целях пропаганды!..

А если бы удалось взглянуть в лицо реальности как можно раньше...

Если бы Горбачев вспомнил хотя бы, что про Нагорный Карабах в Армении заговорили еще двадцать с лишним лет назад. Когда 24 апреля 1965 года прошли стихийные митинги, в которых приняли участие от трех до восьми тысяч человек. Если бы вспомнил — стал бы, наверное, с должным вниманием следить за происходящим в Армении и Нагорном Карабахе — по мере укрепления гласности и исчезновения страха перед насилием государства. И сумел бы, возможно, опередить решительными, но мирными действиями события 1988 и последующих годов. Не дал бы пролиться потокам крови.

...Хорошо помню на телеэкране красное лицо Горбачева, гневно отчитывающего ректора Ереванского университета и других армянских интеллектуалов. Речь — о возникшем движении за возвращение Нагорного Карабаха Армении. На лице его еще больше, чем в его словах, читается главное его опасение: «Если этим позволить — так все захотят!»

И мы с ужасом видим, что он совершенно не понимает: *все равно захотят*. Остановить он никого уже не может. Только — помочь избежать кровопролития.

Еще более яркое и драматическое зрелище — его встреча в Литве с литовскими народными депутатами.

С высоким, чуть сутуловатым, с очень добрым лицом Вилкасом и другими.

Опять помню наше — сочувственное к Горбачеву — сильнейшее недоумение.

Такое же красное лицо (есть такое суждение, что в момент риска, опасности смелые люди краснеют, а трусливые — бледнеют...), но он уже не кричит, а страстно убеждает окружающих его депутатов-литовцев. Он настаивает — Литве ни в коем случае нельзя выходить из Союза. Не надо ей становиться независимым государством, а нужно вместе с Россией и другими республиками дружно строить демократию...

И на всех до одного лицах литовцев, очень сочувственно обращенных к Горбачеву, написан отчетливыми, ясно читаемыми буквами один и тот же текст.

И мы, сидящие у телевизора, видим его и легко читаем. А он, находящийся среди этих людей, таинственным образом не видит и не может прочитать.

А текст, написанный на лицах литовцев, был такой:

— Дорогой, глубоко нами уважаемый Михаил Сергеевич! Неужели вы допускаете, что ради чего бы то ни было мы можем позволить себе упустить этот немыслимый, более полувека нами ожидаемый, благодаря вам наконец нам выпавший исторический шанс?! Шанс жить в своей стране — так, как мы можем и хотим жить...

3. 1989—1991. ПОЛУМЕРЫ. СКОЛЬЖЕНИЕ ВНИЗ

На исходе восемьдесят девятого года: «Мы развязали языки, но это не значит, что мы развязали свободу деятельности человека, свободу избирать поле работы, которое он хочет. Создать ему другие условия — это ведь мы не торопимся сделать. И наоборот, чувствуется, что хочется будто новые одежды надеть, а сущность оставить ту же самую. Я не верю в плодотвор-

ность этих кустарных, маленьких, я бы сказал даже, отчасти лицемерных попыток возродить какую-то там аренду и так далее. Тут может быть только откровенное признание провала марксистских теорий, и надо переворачивать страницу. Надо опять переходить на испытанные хозяйственно-экономические структуры... Во всяком случае, без этой нищеты и унижения в очередях, которые мы уже, слава Богу, столько лет терпим. Я думаю, это самое главное. Потому что нельзя больше, надо отказаться от попыток опять еще дальше говорить о каких-то плюсах социализма. Их нет нигде. Да и не было. *Что такое социализм — никто даже по-настоящему сказать не может.*

Олег Васильевич Волков, российский дворянин, отсидевший 27 лет в сталинских лагерях, автор книги «Погружение во тьму», — в беседе с Андреем Битовым.

Партия отмирает, как государство по Энгельсу. Кто бы мог подумать, что так вот беззвучно начнут распадаться эти ткани. На чем все держалось? На трусости тех, кто теперь из партии бежит?..

Сопровский, 1990

...Горбачев отменил 6-ю статью Конституции, говорящую о руководящей и направляющей роли партии в нашей стране. И вся номенклатура заволновалась, почувствовав близость конца...

И в то же самое время он говорил, что он не может отказаться от социалистического выбора, потому что этот выбор сделал когда-то его дед. Именно поэтому он не может пойти на возвращение к частной собственности...

Мы слушали с недоумением. Причем тут выбор чьего бы то ни было деда?..

Ясно как день — перемены, начатые в политической жизни, требуют перемен в социально-экономическом укладе.

Большой новацией казалась тогда программа Явлинского «500 дней». Она раскладывала положительные изменения в экономике по дням!..

«Разумеется, — писал Гайдар, вспоминая ее спустя пять лет, — к экономике это никакого отношения не имело, невозможно по дням расписать такой процесс, как масштабные социально-экономические реформы, особенно в условиях распадающейся экономики». Но дело было, подчеркивает Гайдар, не в экономике, а в политике — программа обещала «выбитому из привычной колеи российскому обществу простые рецепты создания рыночного счастья. Притом — малой ценой!»

Здесь самое время вспомнить Маркса — отроческое увлечение Егора Гайдара — и слегка перефразировать его: «...Даже ложная идея, овладевшая массами, становится материальной силой».

Что же получается, спросите вы меня, Гайдар готов был обманывать людей? Но ведь обманывать кого бы то ни было — нехорошо. А целые массы — и подавно!

Прочитайте тогда внимательно вот этот его абзац. Он, может быть, слишком сложно построен. Но зато, если вы сумеете его понять — вы поймете всю тогдашнюю (да во многом и сегодняшнюю...) ситуацию:

«Представление о том, что крушение социализма отнюдь не равнозначно появлению развитой, эффективной рыночной экономики, что родимые пятна социализма придется выводить десятилетиями, что предстоит огромная, тяжелейшая работа для того, чтобы создать хотя бы предпосылки нормально функционирующего рынка — далеко за пределами экономических идей, доминирующих в массовом общественном сознании».

Вот эту выделенную нами мысль можно бы, конечно, выразить и попроще. Типа: большинство людей ни черта не понимают в экономике, а просто хотят жить спокойной и обеспеченной жизнью!

Летом 1990 года Гайдар обсуждал программу и с Явлинским, и с его соавторами — замечательными экономистами Е. Ясиным, Борисом Федоровым и другими. Он уверен, что «большинство из них ни в малой степени не

сомневалось в ее утопизме». Тогда — зачем она была нужна?..

Да хотя бы затем, чтобы Ельцин и Горбачев, приняв эту программу, какое-то время проводили согласованную линию в экономике. Чтобы хоть что-то делали с экономикой! С экономикой, которая разрушалась на глазах.

Но советские функционеры уговорили Горбачева оставить в экономике все как есть. План «500 дней» навсегда остался на бумаге.

Между тем, пока мы в СССР медлили расставаться с «социалистическим выбором», в «социалистическом лагере» события, стимулированные нашей Перестройкой, уже шли полным ходом.

В 1989 году прошла «бархатная революция» в Чехословакии; через несколько лет страна мирно разделилась на Чехию и Словакию.

В ноябре 1989 года рухнула Берлинская стена — и граждане ГДР смогли пойти в западную часть Берлина (то есть в ФРГ) свободно, а не под выстрелами пограничников. Но примечательно, что еще за несколько недель до этого начался массовый уход граждан ГДР в ФРГ...

Поразительные события происходили в Польше. «Результаты выборов 4 июня 1989 года для всех стали неожиданностью. Успех “Солидарности” превзошел все ожидания. ...Впервые после войны у антикоммунистической оппозиции появился шанс получить по крайней мере часть власти» («История «Солидарности» 1980—1989», 2010).

Первого января 1990 года перестала существовать ПНР, возникла Польская Республика — «страна совершенно иная, со свободным рынком, осуществляющая внешнюю политику, ориентированную на Запад (а не на СССР, как в течение почти полувека. — М. Ч.). В 1990 году на всеобщих президентских выборах победу одержал лидер “Солидарности” Лех Валенса. Через два года территорию Польши покинули последние советские солдаты» («История “Солидарности” 1980—1989», 2010).

То есть — Польша, подвергшаяся еще в 1939 году почти одновременному нападению с Запада (Гитлер) и с Вос-

тока (Сталин), а после победы над Гитлером полностью подчиненная Сталиным, стала наконец независимой.

А в Советском Союзе, где внутри страны очень заметно обозначился поворот к свободе, в январе 1991 года стремление литовцев к независимости стали подавлять танками.

Это сильно повредило мнению о Горбачеве, хотя, похоже, он и не отдавал об этом приказа.

4. ГОРБАЧЕВ И ГАЙДАР. КАНУН РОКОВЫХ СОБЫТИЙ

Андрей Нечаев в своей очень внятной, свободным, легким слогом написанной книге «Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики» (М., 2010), посвященной «Памяти моего друга Егора Гайдара», вспоминает: «Мало кто знает, что в судьбе самого Гайдара важную роль сыграл Михаил Сергеевич Горбачев».

В 1990 году Гайдар поднялся еще на одну ступеньку на советской лестнице влияния на принятие государственных решений — он стал заведовать экономическим отделом главной тогда газеты «Правда». Тираж газеты во много раз превосходил тираж журнала. И Гайдар мог познакомить еще большее количество читателей с истинным положением дел в их стране. С тем, например, что огромное количество денег по-прежнему выделяется на новые и новые стройки, при этом фактические сроки строительства более чем в два раза превышают нормативные...

«К тому, что крупные предприятия строятся десятилетиями, все давно привыкли, — писал Гайдар. — Нерешительные попытки сократить сроки строительства успеха не имели. В такой ситуации из всех красивых и справедливых слов о необходимости подъема машиностроения, сельского хозяйства или легкой промышленности получается только одно — новые котлованы, в лучшем случае — фундаменты.

С огромным трудом собранные ресурсы оказались тонким слоем размазаны по десяткам и сотням начатых строек».

Гайдар обладал удивительным — для нашей страны особенно — даром: он умел трезво, не прикрывая от страха глаз, взглянуть в лицо реальности. И показывал, куда мы катимся, движимые желанием подштукатурить нашу «плановую» экономику — вместо того чтобы от нее наконец отказаться.

«Резко ухудшилось снабжение, не хватает товаров, прежде всего — продовольствия. Значит, надо сконцентрировать все силы в сельском хозяйстве, бросить сюда больше ресурсов, увеличить капиталовложения, — пишет он саркастически, хорошо зная бесперспективность этих действий. — Начиная с XIX партконференции (лето 1988 г. — разгар Перестройки. — М. Ч.), эта мысль звучит все громче. Это просто, убедительно, наглядно. Куда труднее объяснить, что *безмерные, неэффективные капиталовложения в производственное строительство на селе, создание железобетонных дворцов для малопродуктивного скота, рытье мелиоративных канав, поставка рекордного количества крашеного металлолома, гордо именуемого сельскохозяйственной техникой, и являются важнейшей причиной всеобщего товарного дефицита* (Е. Гайдар. О благих намерениях // Правда, 24—25 июля 1990 г.).

Понятно, что все то, что он писал в газете с огромным тиражом, работало на горбачевскую Перестройку, внушая людям сознание необходимости перемен.

Гайдар, вспоминает А. Нечаев, принял «самое активное участие в подготовке нескольких программных выступлений Горбачева по экономическим вопросам.

...Одно из выступлений Горбачева, почти полностью написанное Гайдаром, оказалось весьма удачным и было хорошо принято депутатами Верховного Совета СССР. В итоге осенью 1990 года Горбачев решил «вознаградить» Гайдара за выполненную на высоком профессиональном уровне работу созданием «под него» Института экономической политики, призванного разрабатывать практиче-

ские и теоретические вопросы экономических преобразований. Главным опекуном и “учителем” молодежи был выбран академик А. Г. Аганбегян. ... Меня Гайдар пригласил стать заместителем директора по науке. Согласился я, не раздумывая, потому что интуитивно почувствовал — затевается большое и нужное дело» (А. Нечаев. Россия на переломе, 2010).

О. Лацис пишет: «Редколлегия “Правды” осталась откровенно враждебной Гайдару... Оценив обстановку, Гайдар при первой возможности ушел из “Правды”, проработав там едва ли больше года. Он вернулся в науку, теперь уже в качестве директора института...».

Между тем для Горбачева 1990—1991 годы стали роковыми.

«Политические обозреватели отмечали огромный контраст между блестящими, уверенными действиями Горбачева на международной арене и его крайне непоследовательными метаниями внутри страны в поисках выхода из затянувшегося кризиса. Перспектива быстрого, решительного переходом к рыночным отношениям пугала его. ... Но чем дольше медлил Горбачев, тем стремительнее ухудшалась обстановка в стране (В. Степанков. ГКЧП: 73 часа, которые изменили мир. М., 2011. Далее: В. Степанков, 2011).

Плохо понимая, что нужно делать с экономикой, Горбачев понимал необходимость изменения политического устройства громадной советской империи, во главе которой находился и которая расшатывалась на глазах. Он готовил новый Союзный договор — Советский Союз должен был стать Союзом суверенных государств... То есть — входящие в Союз республики должны были получить гораздо большую независимость. Но было уже поздно...

30 июля 1991 года в Ново-Огареве (где и шла подготовка нового Договора) Горбачев встретился с президентом России Ельциным и главой Казахстана Назарбаевым.

«...Было принято решение, что после подписания нового Союзного договора покинут свои посты премьер Ва-

лентин Павлов, министр обороны СССР Дмитрий Язов, председатель КГБ СССР Владимир Крючков и другие “товарищи”» (В. Степанков, 2011).

Премьером соглашался стать Назарбаев...

Четвертого августа Горбачев с семьей улетел в Крым. С ним тепло прощались провожающие.

И уже вечером следующего дня начались законспирированные встречи некоторых из провожавших президента — со снятыми мигалками машин, подвозивших их участников этих встреч.

Готовился вооруженный переворот.

По дороге домой с одной из последних встреч — 17 августа 1991-го, — министр обороны Язов «посочувствовал Горбачеву: “Подписал бы Договор, а потом в отпуск отправлялся. Все было бы хорошо...”» (В. Степанков, 2011).

В Крыму, в Форосе «покой президента берегли около пятисот хорошо вооруженных и отлично обученных людей» — это не считая разнообразной obsługi. «Парадокс, однако, заключался в том, что все это множество людей, чей профессиональный долг заключался в защите президента, даже милovidные горничные, получали зарплату в КГБ, и самым большим начальником для них был Крючков, а не президент. Сами того не сознавая, они не охраняли, а стерегли Горбачева. Форосская дача была комфортабельной ловушкой, готовой по велению Крюčkова захлопнуться в любой момент» (В. Степанков, 2011. Выделено нами. — М. Ч.).

...Таково было место КГБ в Советском Союзе, которое Горбачев, к сожалению — и к несчастью для себя, — сохранил почти в неприкосновенности в годы Перестройки.

5. РУБЕЖНЫЙ АВГУСТ

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
<...>

Ф. Тютчев. Цицерон

Обязательно целиком прочитайте стихи Тютчева, выбранные мною для эпиграфа. И поймите при этом в виду — в те августовские дни, которые я описываю, *никто не подозревал*, что уже идут эти самые «минуты роковые». И как на самом деле близок *кровавый закат* Советского Союза.

«...В начале августа 1991 года я взял отпуск и, оторвавшись от рутинной череды институтских забот, отправился в подмосковный дачный поселок Красновидово, чтобы засесть наконец за давно задуманную книгу.

...В воскресный вечер 18 августа засиделся особенно поздно. Уже за полночь дописал последний абзац вводной главы: «На этапе трансформации, который переживают СССР и страны Восточной Европы, экономически разумная политика, чаще всего, является непопулярной...»

Разумеется, в тот момент мне не могло прийти в голову, что всего через два месяца мне придется взять на себя ответственность за попытку проведения экономически разумной, но заведомо непопулярной политики в России.

Ранним утром разбудил необычно громкий и неприлично встревоженный голос жены: «Егор! Скорее сюда!»

— Что случилось? Пашка?

— Переворот! Военный переворот у нас в стране! Горбачев арестован!» (Е. Гайдар, 1996).

Из личных воспоминаний. Многих из нас ранним утром 19 августа 1991 года разбудили восклицанием — вживе или по телефону — «Переворот! Горбачев смещен!» Меня, например, разбудила в семь утра телефонным звонком редактор моей вышедшей два года назад — благодаря Перестройке — книги «Жизнеописание Михаила Булгакова»... Не удержусь от того, чтобы процитировать самую первую ее реплику, из которой ровно ничего нельзя было понять — кроме того, что у кого-то из нас двоих резко едет крыша: «Ну, что вы *теперь* скажете, М. О.?!».

Так что это было?

19 августа 1991 года в 6 утра московского времени по радио и по телевидению передавали «Заявление советского руководства». Оно гласило:

«В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и с переходом в соответствии со статьей 127.7 Конституции СССР полномочий Президента СССР к вице-президенту Янаеву Геннадию Ивановичу...»

Далее сообщалось, что вводится чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР, а для управления страной образуется Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР). Ну и так далее. «Руководство» — это вице-президент (новоиспеченный президент) Янаев, премьер-министр Павлов, глава КГБ Крючков, министр обороны Язов, секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Бакланов...

Стало ясно, что Гайдару надо срочно ехать в Москву, в свой институт.

«...В понедельник от Красновидова ближайший рейсовый автобус до Москвы в 11 утра. Возле маленькой сто-

рожки, где установлен единственный на всех городской телефон, очередь. (Для читателей от десяти до шестнадцати лет — возьмите себе на заметку: *никаких мобильных еще нет и в помине!* — М. Ч.) Звоню в институт, сообщая, что буду примерно в половине первого, прошу собраться к этому времени у меня в кабинете.

Маша звонит Аркадию Натановичу Стругацкому. «Танки, — сообщает она мне, выйдя из сторожки. — Отец сказал, что под окнами по проспекту Вернадского идут колонны танков. К центру...» Потом выходит с детьми проводить меня в Москву. Машет рукой, на глазах слезы, явно не уверена, что вновь встретимся. Масштаб предстоящих событий еще никому не ясен».

Гайдар приехал в институт. Там все уже в сборе.

«Говорю, что никакой дополнительной информации у меня нет, но очевидно...»

Что именно ему было очевидно в то странное утро?

«...Если путчисты победят, возникнет мрачная и кровавая мерзость, ну а если потерпят поражение, существующая система власти рассыплется, и угроза хаоса и анархии станет предельно реальной».

...Вот что такое масштабное мышление.

«...В любом случае есть только один человек, авторитет которого дает шанс избежать катастрофических для страны последствий — Борис Ельцин. Значит, наша задача сделать все, чтоб ему помочь».

Гайдар позвонил в Белый дом и попросил помощников Ельцина «передать начальству, что институт в распоряжении российской власти».

...В ночь с 18-го на 19-е самолет Ельцина, летевшего из Алма-Аты, приземлился во Внуково. Он поехал на дачу в Архангельское — к семье.

«Разбудила меня в то утро Таня. Влетела в комнату: «Папа, вставай! Переворот!» ...Все это было слишком нелепо. Я сказал: «Вы что, меня разыгрываете?» Тот же самый вопрос задавали друг другу люди по всей стране. Именно теми же словами» (Б. Ельцин. Записки президента, 1993).

Вскоре Ельцин вместе с сотоварищами уже диктовал обращение к народу.

...Мы же, как и многие москвичи, сидели дома и ждали — когда же скажет свое слово Ельцин? Где он? Куда нам идти?

Что надо будет куда-то идти, как-то реагировать — в этом сомнений не было.

Ждали мы его слова только по «Эху Москвы»: по телевизору весь день — с перерывами на оглашение очередных текстов путчистов — транслировался балет «Лебединое озеро».

...Я знаю людей, которые в последующие годы вздрагивали при первых звуках музыки этого балета.

Дочери помогли Ельцину перепечатать текст.

«Стали звонить родственникам, друзьям, чтобы выяснить, куда в первую очередь можно передать текст. Передали в Зеленоград». Факс на даче, «как ни странно, временами работал. Работал вместе со всей остальной телефонной сетью.

Этого тоже не предусмотрел Крючков...»

За годы Перестройки «в стране появилось невероятное количество новых средств связи. Буквально через час после того, как мои дочери напечатали наше обращение к народу, в Москве и других городах люди читали этот документ. Его передавали зарубежные агентства, профессиональная и любительская компьютерная сеть, независимые радиостанции типа “Эхо Москвы”... А сколько появилось прежде запрещенных ксероксов!»

Машина Ельцина уехала в Белый дом. Семья его осталась в Архангельском.

И почти сразу после его отъезда к воротам дачи подъехали человек восемь в десантных костюмах.

«Старший предъявил удостоверение десантных войск на имя подполковника Зайцева. Охраннику они объяснили, что приехали по заданию генерала Грачева охранять президента Ельцина. И надо же было такому случиться, что старшим по охране семьи в этот день оказался Саша

Кулеш, человек, который отлично знал, что подполковник Зайцев никакой не десантник, а офицер КГБ».

Группа имела на руках приказ взять Ельцина как бы под охрану, а потом внезапно арестовать.

Но план был сорван совокупностью обстоятельств, в том числе и стремительностью отъезда российского президента в Москву. Не забудем: спешно уезжая, он терял возможность лично заниматься судьбой своей семьи. И тем не менее поехал спасать Россию.

Поступок исторического деятеля крупного масштаба.

...Дочь Ельцина Елена вспоминала, как посадили в машину детей, дали им инструкцию — как только скажет охранник, «надо ложиться на пол и не спрашивать почему. Боря спрашивает: “Мама, они в голову стрелять будут?” Вот эта фраза нас потрясла. Я подумала: не знаю, как это все кончится, но ужасно, когда дети задают такие вопросы».

* * *

...Если вам будут говорить взрослые люди, что 19—21 августа 1991 года — это все была чепуха, ничего страшного, один театр, что никто Белый дом штурмовать не собирался — пожалуйста, никому не верьте. Бывает, что человек, не отдавая себе в том отчета, стремится убедить себя и других — раз я там не был (вовремя не сообразил, не попал, не доехал...), значит, там и не могло происходить ничего значимого.

Во-первых, я сама находилась возле Белого дома всю решающую ночь с 20 на 21 августа — и слушала каждые полчаса предупреждения о возможном его штурме. А во-вторых — потом тщательно изучала все обстоятельства. И всегда повторяю: «Да, когда занавес уже опущен — тогда легко говорить, что это был спектакль...».

И, в-третьих, в одной из последующих глав вы познакомитесь с недавно (в августе 2011 года) обнародованными документами, из которых вам станет совершенно ясно, как готовился штурм и почему он не состоялся.

Удивительно верно напишет позже Егор Гайдар:

«В истории все произошедшее быстро обретает устойчивую непоколебимость. Так легко убедить себя в том, что иначе и быть не могло. Видимо, отсюда сегодняшние рассуждения об опереточности путча, его очевидной обреченности».

Оче-видно — то есть видно невооруженным оком. Но — когда видно? Когда все кончилось не так, как рассчитывали путчисты. Но все могло развернуться иначе. Их цель — хватит этих игрушек, пора возвращаться домой, в прежнюю, доперестроечную советскую жизнь — могла быть достигнута: *на время*.

«Стратегически они действительно были обречены...»

То есть — историческое время советской власти действительно кончилось — только она сама этого не знала.

«...Но крови могли пролить немало и какое-то время способны были удержаться у власти».

Для этого предположения были основания —

«Большая часть населения реагировала на путч отрицательно, но пассивно...» (Е. Гайдар, 1996).

Из личных воспоминаний. ...Хорошо помнится, так и стоит перед глазами картинка на эскалаторе станции метро «Баррикадная» в 11 часов вечера 20 августа.

Я еду вверх и не знаю — задержат меня сразу на выходе из метро или нет: с 23-х часов объявлен комендантский час.

Я понимаю, что какая-то часть людей на моем эскалаторе движется туда же, куда и я. Но на эскалаторе, едущем вниз, народу ничуть не меньше, если не больше. Я с ужасом смотрю на их лица, безучастные к громкому бою часов истории. И с трудом удерживаюсь, чтобы не крикнуть: «Куда же вы?!»

«...Республики замерли в ожидании, как повернутся дела в России. ...Все должно было решить развитие событий в столицах, особенно в Москве».

Прежде всего, считал Гайдар, поражение путчистов было обусловлено «их глубоким неуважением к собственному народу и особенно к политическим оппонентам...»

...Помню это чувство оскорбленности, будто от удара в грудь, от наглого вранья по телевизору и радио про болезнь президента Горбачева. Про то, что он будто бы не может исполнять свои обязанности. «За кого же они нас принимают?!»

...Они принимали нас за прежних советских людей, которым можно объявить что угодно, и люди покорно промолчат, поругивая власть только дома, среди близких. Но за годы Перестройки мы стали уже другими.

«Знаю, — писал Гайдар, — в среде тех, кто выступал за силовое решение, была распространена легенда, что все демократы по своей природе трусы, стоит только хорошенько стукнуть кулаком по столу, как они разбегутся по норкам и затихнут. То, что в Москве и Питере ничего подобного не произошло и путч натолкнулся там на массовый протест и сопротивление, было для гэкачепистов неприятнейшим сюрпризом».

Вечером 19 августа в кабинет к Ельцину в Белом доме зашел премьер правительства РСФСР — 60-летний Иван Степанович Силаев. Он сказал: «Борис Николаевич, простите, но я уйду домой. Хочу быть с семьей в эту ночь».

Он был уверен, что в ближайшую ночь погибнут все члены российского правительства. И хотел встретить смерть рядом с близкими.

Не было еще только одного министра: выполняя поручение Ельцина, он уже летел в родной им обоим город — Свердловск. Летел обычным регулярным рейсом — в спецрейсе, который нужен в таких чрезвычайных обстоятельствах, струсивший перед путчистами министр гражданской авиации СССР Панюков ему отказал. Министр летел обеспечивать местопребывание правительства России на случай, если путчисты захватят Белый дом. И действительно — он быстро нашел бункер в Сы-

серти под Свердловском и рассчитывал продержаться там 15 дней — пока не кончится сухой паек...

Когда около полуночи за окнами послышалась стрельба, из американского посольства, чьи окна сияли прямо напротив Белого дома, пришло сообщение — президенту России США готовы предоставить убежище.

Ельцин отказался.

Приказ по институту за подписью Гайдара:

«В связи с произошедшим 19 августа с. г. военным переворотом и во исполнение Указа Президента РСФСР Б. Н. Ельцина

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Объявить, что Институт экономической политики присоединяется к политической забастовке против путчистов с 20 августа 1991 года.

2. Запрещаю оказание любой консультативно-аналитической помощи органам, сотрудничающим с военной хунтой.

3. Считаю первоочередной задачей сотрудников института оказание всемерной помощи законным органам власти».

К семи вечера Гайдар добрался до Белого дома. Людям запомнилась его невозмутимость.

А к Белому дому стал стекаться народ.

На второй день путча, 20 августа 1991 года, Гайдару предстояло одно специфическое дело — окончательный расчет с той партией, в которую он без малейшего энтузиазма вступил десятилетие назад. Напомню тем, кто забыл: не ради денег вступил и не ради привычного понимания карьеры. А только для того, чтобы дали делать дело — в советских условиях; на отмену самих этих условий никто не надеялся. Я рассказывала на этих страницах, как именно он делал свое дело — в журнале «Коммунист», на страницах газеты «Правда».

После недавнего указа Ельцина о департизации учреждений на территории РСФСР Гайдар выпустил приказ

о прекращении работы первичной партийной организации института. Теперь он на час приостановил действие своего же приказа — для вполне конкретных дел:

«Проводим партийное собрание, на котором ставим два вопроса: первый — о выходе сотрудников института из партии в связи с попыткой государственного переворота, поддержанного ЦК КПСС, второй — о ликвидации в этой связи нашей партийной организации. Только одна сотрудница говорит дрожащим голосом, что это очень тяжелое для нее решение и нужно посоветоваться с мужем. Все остальные — люди разного возраста, с разными биографиями и жизненным опытом — дружно поддерживают. Таким образом, последнее партийное собрание заканчивается быстро».

Один из трех заместителей Гайдара-директора А. Нечаев вспоминает: «Кроме сотрудников нашего института, подобных “резких движений” в Академии не делал больше никто. Всего через два-три дня, начиная с 23 августа, в стране появилось несколько миллионов “сознательно расставшихся с КПСС”. Но 19—20 августа, на гребне власти ГКЧП, многие сдували пыль с партбилетов...» (А. Нечаев. Россия на переломе, 2010).

Но отток из рядов КПСС начался раньше: «В 1990 году партию покинули более двух с половиной миллионов человек» (В. Степанков, 2011).

Из личных воспоминаний. Среди них, например, мой старший брат, искусствовед с мировым именем, в постсоветское время — лауреат двух Государственных премий, вступивший в партию в 1954 году и в советские десятилетия сделавший немало полезного при помощи ее рычагов.

В этот час «приостановки» закончился и личный расчет Егора Гайдара с партией большевиков, как когда-то она называлась.

В эту партию по убеждению вступил в ранней юности его дед Аркадий Гайдар. Тоже рано и так же веря вступил сын Аркадия Гайдара, отец Егора — Тимур Гайдар. И по-

том разочаровался в ней. Егор Гайдар вступил в партию в 24 года — уже нисколько не веря в ее идеологию, ради использования ее, повторю, как рычага для положительных действий.

Сейчас инициаторы путча растаптывали его надежду на мирное — то есть при участии власти — преобразование страны. Российская и советская история подсказывала, что ясно обозначившееся сопротивление путчистам будет скорей всего жестоко подавлено.

«Заговорщики были явно к этому готовы», — полагал Гайдар. Дело оставалось за малым — «кто возьмет на себя ответственность за масштабное кровопролитие, массовые репрессии, кто организует и заставит действовать войска... Такого человека среди руководителей переворота не нашлось» (Е. Гайдар, 1996).

Однако далеко не сразу это стало ясно.

Мы, москвичи, совсем не знали, насколько развитие ситуации будет зависеть от наших личных действий. Но стали действовать.

На улицах шли непрерывные переговоры с молодыми танкистами. Они слушали нас, высунувшись из башен танков. Женщины протягивали им пирожки — они с удовольствием брали и тут же съедали, охотно рассказывая:

— Нас из казармы подмосковной подняли среди ночи и отправили без завтрака. А куда, зачем — ничего не сказали!

Выпускник нашего филологического факультета, известный ученый-лингвист, рассказывал потом о характернейшем российском диалоге, свидетелем которого он оказался. Работяга, по виду напоминавший слесаря-водопроводчика, в рабочей одежде, стоял, задрав голову, перед танком и мучительно искал слова, чтобы пояснить — почему танкисту нельзя стрелять по своим людям. И, так и не найдя нужных слов, сказал с огромным напряжением:

— Понимаешь, б...!

И танкист, как оказалось, совершенно понял своего случайного собеседника! И готовно ответил ему, разведя руками:

— Ну, раз так, б...!

И стало ясно, что стрелять по людям он не будет.

6. НА МИРУ И СМЕРТЬ КРАСНА

Особенно важной оказалась ночь с 20 на 21 августа.

«Десятки тысяч москвичей, собравшихся у Белого дома при известии о готовящемся штурме, не имели никаких оснований полагать, что все не кончится кровавым месивом. Как это было двумя годами раньше в Пекине на площади Тяньаньмынь, где трупы убирали бульдозерами. И, прекрасно понимая это, все же пришли. Потому что не захотели быть бессловесными марионетками, потому что ценили и хотели отстоять свою свободу. Пожалуй, впервые с августа 1968 года я почувствовал, что имею полное право гордиться своей страной и своим народом» (Е. Гайдар, 1996).

Взрослые люди — поздно вечером 20 августа их ежеминутно становилось больше и больше — ясно понимали риск, на который шли. Любого могла сразить во время штурма шальная пуля. Женщины понимали, что их может просто затоптать толпа, которая неминуемо отхлынет от здания в момент начала штурма.

Андрей Нечаев рассказывает, как «в ту ночь произошла трагедия с одним нашим молодым сотрудником, который работал у меня в отделе. Когда объявили, что начинается штурм, я увидел его совершенно ошалевшие глаза и понял, что дело неладно, здесь не просто страх. Он действительно сошел с ума, заболел тяжелым психическим расстройством. ...В ту ночь и впоследствии я, как мог, опекал парнишку... Человека подлечили, я даже взял его в министерство, но время от времени у него эти приступы повторяются до сих пор» (А. Нечаев. Россия на переломе, 2010).

Спецподразделения, которые должны были в ночь на 21-е взять Белый дом и арестовать Ельцина и его окружение (эта операция занимает у специально обученных людей примерно 20 минут), вглядываясь в телеэкраны

в своих казармах, видели огромную толпу безоружных, не менее чем пятнадцатую шеренгами опоясывающую дом... Чтобы пробиться к нему, надо сквозь нее прорубаться — сквозь человеческое мясо. Печальный опыт — в Грузии, в Вильнюсе — уже был. Повторять его в сердце России — не хотелось.

Спецназ не вышел из казарм.

К утру 21 августа победа москвичей стала очевидной.

Ценой ее стали три жизни — трое молодых людей погибли той ночью под танками недалеко от Белого дома.

...Когда в шесть утра 21 августа я, попрощавшись с незнакомыми соотечественниками, рядом с которыми простояла всю ночь, отправилась домой, где мой муж лежал больной, и прошла последнее оцепление, я увидела мужчину в окружении нескольких человек. Мужчину трясло мелкой дрожью. Он рассказывал, как на его глазах погибли люди. Все слушали молча.

Когда через 10—15 минут я вошла на платформу метро «Баррикадная», картина повторилась: стоял мужчина, которого *точно так же колотило*. Он рассказывал окружившим его мрачно молчавшим людям о том же, виденном им в ту ночь...

Так обозначился конец жестокой советской империи — «закат звезды ее кровавый», говоря словами Тютчева.

Победители полетели в Форос за заблокированным там президентом СССР Горбачевым.

Опередив их, туда же вылетели члены ГКЧП...

Когда жена Горбачева узнала, что эти люди летят к ним, резкий гипертонический криз лишил ее — к счастью, на короткое время, — речи, отказала левая рука...

Хорошо зная повадки «товарищей по партии», она, не имея информации о развитии событий в Москве, решила, что они летят, чтобы свое заявление от 19 августа о недееспособности президента СССР привести в соответствие с реальностью...

И Горбачев, и его жена знали, что КГБ издавна располагает широким спектром возможностей для выполнения

такой злодейской задачи — лишить человека дееспособности, причем необратимо.

Раисе Максимовне стало лучше не только от быстрых и точных действий врача, но и от сообщения мужа, «что охрана поклялась не подпускать без его разрешения ни одного человека к Главному дому...» (В. Степанков, 2011).

7. КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

А теперь вернемся ненадолго к самому началу грозных событий. Рассмотрим их теперь не только со стороны защитников Белого дома, а изнутри — со стороны тех, кто все это затеял. Главным источником будут обнародованные тогдашним Генеральным прокурором В. Степанковым их показания после ареста.

Накануне событий, днем 18 августа, полетели в Форос Бакланов, генерал Варенников, еще несколько человек, среди них и генерал-майор Генералов, начальник одного из управлений КГБ, которое занималось хозяйственным обслуживанием руководства. Ему практически подчинялась охрана Горбачева. Поэтому незваные гости нагло прошли в холл Главного дома, где обычно отдыхала семья президента. Генералов зашел в дежурку и отчитал охрану за недружелюбную встречу: «вооружились автоматами и чуть было не заступили им дорогу» (В. Степанков, 2011; все дальнейшие цитаты в кавычках в этой главе — из его книги).

Из показаний сотрудника личной охраны Президента СССР И. Савосина: «Генералов упомянул и о судьбе охраны Чаушеску: «Вы не шутите, а то может получиться как в Румынии, когда спецслужбы схватились с народом и армией, а потом их перестреляли».

Напоминание о судьбе румынского коммунистического лидера Чаушеску прозвучало зловеще. В Румынии коммунистический режим рухнул в годы Перестройки раньше других — и самым кровавым способом: Чаушеску с женой вывели во двор и тут же расстреляли — без суда и следствия.

В 10 вечера 18 августа депутация ГКЧП, летавшая в Форос к Горбачеву — уговаривать его добровольно уйти в отставку и согласиться на объявление чрезвычайного положения — вернулась в Москву несолоно хлебавши.

Президент СССР ни в какой сговор с ними вступать не стал.

Я хотела бы подчеркнуть — он занял эту твердую позицию несмотря на то, что находился в самой уязвимой из возможных для мужчины ситуаций: рядом с ним была вся его семья — жена, дочь, маленькие внуки...

Горбачев ясно понимал — с этих минут не только он, но и все они подвергались серьезнейшему риску. Тем не менее он выпроводил незваных гостей ни с чем. (К моим читателям: пожалуйста, не принимайте во внимание иных суждений — это только сплетни. Многим почему-то нравится с важным видом изображать, что они-то знают правду. И она всегда рисует известных людей в неприглядном свете).

В Москве неудачливые визитеры, уже под хмельком, рассказывали собравшимся подельникам о своей встрече с президентом...

Из протокола допроса Дмитрия Язова от 30 августа 1991 года: «— Он их выгнал, подписывать документы не стал. В общем, мы, дескать, “засветились”. И если сейчас расходимся ни с чем, то мы на плаху, а вы — чистенькие...»

Валентину Павлову запомнилось, как Болдин, один из наиболее приближенных к Горбачеву людей (с 1985 по 1987 — его помощник, с мая 1991 года — руководитель аппарата президента СССР), «наседал на собравшихся в премьерском кабинете. “Вы не думайте, если мы летали, то вы здесь не при чем. Все сожжены... Я об этом могу вам сказать совершенно точно, так как хорошо знаю президента. Мы теперь все повязаны”».

То есть — летавшие в Форос и выгнанные президентом шантажировали остававшихся в Москве и слушавших теперь их рассказ.

С этого времени на действия гэкачепистов ложится печать истерики. Они знают, что им некуда отступать, — за сам умысел на заговор и государственный переворот

их так и так ждала, как они выражались, «плаха» — прямо как в русском Средневековье. Значит, надо было выполнить замысленное и надеяться на победу.

В этот вечер, 18 августа, надо было убедить Янаева (которому Горбачев неизвестно почему так доверял, что уговорил Верховный совет, проваливший его кандидатуру на пост вице-президента, переголосовать!..) подписать указ о вступлении его в исполнение обязанностей президента СССР.

Янаев отбивался: «...Я не чувствую себя ни морально, ни по квалификации готовым к выполнению этих обязанностей». Да еще стал интересоваться, что именно произошло с Горбачевым, действительно ли он болен?

Из показаний Валентина Павлова: «Ему ответили: “А тебе-то что? Мы же не врачи... Сказано же — он болен!”

...— Неужели вы не видите? — обращаясь к Янаеву, сказал Крючков. — Если не спасем урожай, наступит голод, через несколько месяцев народ выйдет на улицы, будет гражданская война».

КГБ предлагал — в рамках своей компетенции и исторического опыта — своеобразный способ спасения урожая и предотвращения голода: танками на улицах столицы.

«Официанты внесли чай, кофе. Над столом клубился табачный дым. Янаев курил одну сигарету за другой.

— Подписывайте, Геннадий Иванович, — мягко настаивал Крючков».

Из показаний Г. Янаева: «И тут я дрогнул и согласился подписать указ, оговорив это тем, что буду исполнять обязанности президента не более двух недель».

Уж теперь-то мосты точно были сожжены.

«...Когда все документы были готовы к тиражированию, Крючков предложил интернировать некоторых лидеров демократического движения, сказав, что составлен список, в котором более десятка человек.

— Тысячу надо! — зашумел Павлов».

Когда участники заговора покинули Кремль, «на часах Спасской башни было 0.16.

Наступило 19 августа 1991 года» (В. Степанков, 2011).

А на Форосе, на даче президента, с полпятого дня 18 августа отключены все виды связи, в том числе — канал управления *стратегическими ядерными силами России...*

В четыре утра 19 августа Севастопольский полк КГБ СССР заблокировал дачу непокорного президента в Форосе.

В шесть утра 19 августа 1991 года начали передавать по радио и телевидению «Заявление...» о его болезни.

В семь утра по приказу министра обороны маршала Язова вторая мотострелковая Таманская дивизия и четвертая танковая Кантемировская дивизия начали движение к Москве.

В девять утра у памятника Юрию Долгорукому (напротив здания Моссовета, нынешней мэрии) начался митинг москвичей в поддержку демократии и Ельцина.

Генеральный прокурор России, после короткого совещания в прокуратуре, приехал в Белый дом. В своей книге он рассказывает:

«...На площади перед Белым домом уже приступили к сооружению баррикад. Не обращая внимания на занявшие свои позиции танки, люди деловито таскали прямо к парадному входу все, что потяжелее. И откуда только брались в центре Москвы, на Краснопресненской набережной, с ее чисто метеным асфальтом и ровно стриженными газонами, все эти здоровенные бревна и тяжелые металлические конструкции. А потом очередь дошла и до машин, которые депутаты Российского парламента оставляли в ту пору прямо у тротуара.

Я и несколько моих товарищей по депутатскому корпусу наблюдали эту картину из окна. “Пропали машинки”, — сказал кто-то. И мы рассмеялись. Не от жестокосердия. А потому что день был такой».

(В. Степанков поясняет дальше, что «ни один “жигуленок” не пропал» — все вернулись «к своим владельцам, разве что у некоторых был слегка помят капот...»)

«В 9.28 Язов подписал шифрограмму о приведении всех войск СССР в повышенную боевую готовность».

В 9.40 Ельцин прибыл в Белый дом и в телефонном разговоре с Крючковым отказался признать ГКЧП.

Можно сказать, что с этого момента Россия провозгласила себя противницей переворота — то есть возврата к старому советскому «доперестроечному» порядку.

Власти и жители других союзных республик в тот момент, находясь по географическим обстоятельствам далеко от Москвы, еще решали — как именно они будут действовать.

В 12.15 Ельцин прочитал с танка тысячам собравшихся у Белого дома москвичей свое «Обращение к гражданам России», где назвал действия ГКЧП «реакционным, антиконституционным переворотом». Смелость этого поступка Ельцина — выйти из Белого дома (его останавливали все отвечавшие за его безопасность) и подняться на танк — то есть стать мишенью для снайперов — трудно переоценить.

Впоследствии в мемуарах, озаглавленных «Неповторимое», генерал Варенников, в тот момент — Главнокомандующий сухопутными войсками СССР, активнейший сторонник путча, напишет: *«Выглядело это дико и мерзко — чуждые советскому обществу существа топтали советский танк!»*

Кто как видел происходящее...

В те дни, на исходе первых суток, генерал слал в ГКЧП одну шифрограмму за другой: «Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас к Москве. Мы все убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б. Н.» (В. Степанков, 2011).

Сразу вслед за чтением «Обращения» Ельцин выпустил Указ президента РСФСР, где также назвал действия ГКЧП попыткой государственного переворота.

Это сразу ввело ситуацию в нужные рамки.

Все, кто возмущены были наглой ложью о Горбачеве, закрытием всех газет, кроме ретроградно-коммунистических (читателям школьного возраста — непременно посмотрите значение слова «ретроград» в словаре! — М. Ч.), получили точку опоры для своих действий.

Из протокола допроса Дмитрия Язова от 30 августа 1991 года:

«— А почему вас не оказалось в составе делегации, отправлявшейся в Крым на переговоры с Горбачевым? Почему направили туда Варенникова, а сами остались в Москве?

— Трудно ответить на этот вопрос определенно. Скорее всего, потому что неловко было перед президентом показываться с ультиматумом в качестве предателя...»

Изо всех членов ГКЧП личность Д. Т. Язова заслуживает, на мой взгляд, внимания — наличием того, что называют *совестью*. Он — из тех, кого называют в России «военная косточка».

«...Родился в сибирском селе Язово Оконешниковского района Омской области. Мать и отец в годы сплошной коллективизации вступили в колхоз... В неполные десять лет Дмитрий вынужден был прервать учебу и пойти на работу, чтобы помочь матери, оставшейся после смерти мужа с четырьмя детьми на руках» (В. Степанков, 2011).

В 17 лет ушел воевать добровольцем, приписав себе год, был ранен. В 1956 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. С октября 1961 года стал командиром мотострелкового полка, в период Карибского кризиса был переброшен со своим полком на Кубу для отражения вторжения войск США...

(Нисколько не исключаю, что он познакомился там в те напряженные дни с Тимуром Гайдаром — действующим офицером, военным корреспондентом «Правды». — М. Ч.)

В 1967 году окончил Военную академию Генштаба.

В 1987 году получил от М. С. Горбачева должность министра обороны СССР, а в апреле 1990-го — звание маршала СССР.

Он стал единственным из находящихся в Лефортове под следствием участников переворота, кто просил передать Горбачеву просьбу простить его, «старого дурака», за то, что он предал своего Верховного Главнокомандующего...

8. ПОЧЕМУ ГРУППА «АЛЬФА» НЕ ПОШЛА НА ШТУРМ БЕЛОГО ДОМА

(По материалам книги бывшего генерального прокурора РСФСР В. Степанкова «ГКЧП. 73 часа, которые изменили мир».)

Гладко вписано в бумаге.

Да забыли про овраги...

Л. Толстой. Песня
про сражение на реке Черной
4 августа 1855 г.

Диспозиция, составленная Толем, была очень хорошая. Так же, как и в аустерлицкой диспозиции, было написано, хотя и не по-немецки: «Die erste Colonne marschiert туда-то и туда-то, die zweite Colonne marschiert туда-то и туда-то», и т. д. И все эти колонны на бумаге приходили в назначенное время в свое место и уничтожали неприятеля. Все было, как и во всех диспозициях, прекрасно придумано, и <...> ни одна колонна не пришла в свое время и на свое место.

Л. Толстой. Война и мир, 1863—1869.

...И, стало быть, кому-то придется умирать. Те, кто бегут, умирать не будут, кто же будет умирать?

— Умигать — не в помигушки иг'ать, — вдруг, картавя, сказал неизвестно откуда появившийся перед спящим Алексеем Турбиным полковник Най-Турс.

М. Булгаков. Белая гвардия, 1923—1925

...В два часа дня 20 августа, когда энергичное сопротивление москвичей перевороту и их объединение вокруг главы РСФСР уже сутки как стало очевидным, в кабинете заместителя министра обороны СССР Владислава Ачалова собрались мастера военного дела — для решения вопроса, как именно брать Белый дом.

Среди них — бывший командующий советскими войсками в Афганистане, а теперь, после вывода оттуда наших войск по приказу Горбачева, — заместитель министра внутренних дел СССР Борис Громов. Здесь и первый заместитель председателя КГБ.

«Поблизости от него в пятнистой спецназовской форме сидел генерал Виктор Карпухин, начальник группы “Альфа”. Рядом — командир воинской части 35690 (группа “Б”) Борис Бесков».

Все присутствующие понимали, что решать судьбу предприятия и, в конечном счете, их личную судьбу будут именно эти двое...

«Обсуждали, как взять Белый дом».

Операция была вчерне разработана утром в КГБ.

«...Принятый в результате совместного обсуждения план предусматривал синхронные действия силовых ведомств.

Внутренним войскам МВД СССР численностью в 3 тыс. человек предстояло разместиться на Краснопресненской набережной, преградив тем самым доступ к зданию прибывающим сторонникам российского руководства.

Десантники под руководством генерала Александра Лебеда, взаимодействуя с мотострелковой дивизией особого назначения МВД, должны были блокировать здание Верховного совета со стороны посольства США, взяв общими усилиями Белый дом в кольцо...

Изюминкой операции было предложение наступать на здание Верховного совета “клином”. Бойцы отряда милиции особого назначения при поддержке десантников вклиниваются в массу защитников, оставляя за собой проход, по которому к Белому дому продвигается “Альфа”, за ней группа “Б”, далее подразделения КГБ, чтобы осуществить так называемую фильтрацию — выяснить личности находящихся в здании Верховного совета РСФСР людей. Лица, подлежащие интернированию, заключаются под стражу в воинской части, дислоцированной в поселке “Медвежьи Озера”.

Участвующие в операции фотографы из КГБ запечатлевают ответный огонь защитников Белого дома, чтобы

потом можно было сказать, будто они начали стрельбу первыми.

“Альфа” при поддержке остальных участников операции пробивается, подавляя сопротивление, на пятый этаж здания Верховного совета РСФСР и захватывает руководство России».

Да, все получалось, как изображено это — с насмешкой — у Толстого: первая рота марширт, вторая рота марширт...

Картину испортило появление перед совещавшимися генерала Лебеда, прибывшего непосредственно от стен Белого дома.

Из показаний Александра Лебеда: «...Все были возбуждены... Грачев был тоже возбужден. Он сказал, что вот прибыл его заместитель, который все доложит. Присутствующих интересовала обстановка вокруг Белого дома и его охрана. Я доложил, что внутри здания находится около 700 человек, вооруженных стрелковым оружием, включая и пулеметы, а снаружи 50-тысячная толпа людей. Никакой штурм здания невозможен. На это Варенников грубо заявил мне: “Ты генерал, должен быть оптимистом, воодушевлять людей, а проявляешь пессимизм!”»

Из показаний Владислава Ачалова: «Я со своего места наблюдал, кто как себя ведет и как выступает. Все происходящее казалось мне авантюрой. Чувствовалось, что со стороны КГБ всерьез и круто, но готовности никакой. Вообще от всего происходящего становилось не по себе».

Когда человеку в погонах становится «не по себе»? Тогда, когда он видит, что «круто» заваривают одни, а втягиваться непосредственно в дело и умирать явно предназначается не им («готовности никакой...»), а другим. (По некоторым прикидкам того дня выходило, что при штурме погибнет 50% участвующего в нем спецназа.)

«Генерал Виктор Карпухин (напомню — начальник группы “Альфа”. — М. Ч.) доводил до сведения личного состава поставленную задачу.

— Говоря о предстоящем штурме, — свидетельствует начальник отделения группы “Альфа” Анатолий Савельев, — он, бравлируя, заявил, что задача несложная. Здание Верховного совета РСФСР устроено по примитивному коридорному типу. По обе стороны коридора расположены кабинеты. Ориентироваться и действовать нетрудно».

Офицер, руководивший в начале года в Вильнюсе захватом телецентра, спросил, есть ли письменное разрешение на штурм. Потому что в Вильнюсе перед штурмом «бойцам показали распоряжение, подписанное президентом СССР».

Из показаний начальника отделения [«Альфы»] Леонида Гуменного: «Мы стали возмущаться. Карпухин закричал, что мы стали слишком много говорить, что там, возле здания Верховного совета, молодежь, студенты, как он выразился, сосунки, которых мы быстро раскидаем».

Но командир «Альфы» ошибался.

В тот знаменательный день, когда у Белого дома кончился огромный митинг, один из его организаторов обратился к собравшимся с такими примерно словами:

— Прошу остаться офицеров запаса и ветеранов Афганистана, десантников. Нужно договориться конкретно о ночной обороне Белого дома.

Из личных воспоминаний. До этого я думала прийти сюда ночью. И очень хорошо помню, как после этих слов решила не идти, подумав (свою мысль запомнила, если можно так сказать про мысль, дословно): «Зачем я буду болтаться под ногами у “афганцев”?»

То есть — мне стало ясно, что готовится серьезная, профессионально продуманная оборона. «Афганцев», совсем недавно выведенных из Афганистана и не разучившихся стрелять, в Москве было немало. Эти люди, многократно отправлявшие на родину груз 200 — цинковые гробы с телами погибших друзей, — имели к советской власти свой тяжелый счет.

И в десять вечера я решила все-таки пойти туда на ночь только потому, что услышала (с опозданием) про комендантский час. Стало ясно, что после 23 часов могут многих похватать — и тогда людей у Белого дома может оказаться меньше, чем нужно. (Комендантский час у них не получился — на его подготовку требуется, оказывается, не менее двух суток. Но тогда этого никто из нас, разумеется, не знал.)

...Никогда не забуду, как, дойдя до баррикад, я с изумлением увидела рядом с ними памятник с фигурами погибающих в 1905 году на баррикадах Красной Пресни... В чугунные пальцы девушки кто-то уже воткнул красную гвоздику.

В Белом доме был сформирован штаб самообороны.

«Оборона была организована по военному принципу. Штаб разбил добровольцев на взводы и роты. Охрана каждого из подъездов здания Верховного совета поручалась двум-трем взводам и огневым группам, вооруженным бутылками с зажигательной смесью».

Иными словами — десанникам генерала Лебеда собирались противостоять тоже десантники, и в немалом количестве...

«...В бутылках был бензин с пищевым желатином. Бензин наливали из баков автомашин. Желатин покупали в расположенных поблизости магазинах на собранные пожертвования.

Водка, прихваченная кое-кем на баррикады “для храбрости”, изымалась и выливалась в Москву-реку или передавалась в госпиталь самообороны. Штаб старался не допускать пьяных на баррикады. КГБ распространял провокационные слухи о том, что у Белого дома скопилось большое количество “пьяных хулиганствующих элементов”. Таким образом готовилась почва для оправдания применения силы.

В первую ночь, на 20 августа, ряды защитников были еще не столь значительны. Но 20 августа, после грандиозного митинга, на защиту Белого дома ринулись тысячи москвичей. Баррикады, еще вчера сугубо символические,

превратились в довольно мощные и запутанные сооружения, которые преодолеть было непросто. Подступы к ним перегораживались тяжелыми грузовиками, кранами, асфальтовыми катками, железобетонными балками. Тащили всё, что попадало под руку. В баррикаде оказался даже памятник Павлику Морозову, стоявший в сквере у здания Верховного совета РСФСР. <...>

Настроение у ветерана “Альфы” Анатолия Савельева было мрачным. Группой в последнее время командовали все кому не лень. Каждый столоначальник из КГБ считал себя вправе послать спецназ под пули. И вот новое мокрое дело — да еще какое. Предстояло поднять оружие на депутатов, на правительство России! <...>

— Нас снова хотят замарать в крови, — сказал он подчиненным. — Каждый волен действовать так, как подсказывает совесть. Лично я штурмовать Белый дом не собираюсь.

Когда разрабатывалась операция, никто не думал, что на защиту Белого дома прибудет огромное число людей. По различным источникам, к вечеру на площади перед зданием Верховного совета в заслонах стояло от 50 до 100 тысяч человек.

Всего же 20 августа в акциях сопротивления — строительстве баррикад, контроле передвижения войск, обеспечении защитников Белого дома продуктами и медикаментами (видела своими глазами! — М. Ч.), выпуске и распространении листовок приняли участие более миллиона человек.

Чтобы сокрушить защитников Белого дома, предстояло устроить кровавую бойню. Среди десятков тысяч людей, готовых стоять насмерть, были личности всемирно известные — Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, Мстислав Ростропович. (Там же был и Егор Гайдар, до всемирной известности которого оставалось несколько месяцев. — М. Ч.) В Белом доме находились зарубежные корреспонденты, представляющие самые престижные телекомпании и пресс-агентства.

— По уточненному плану действий группа “Б” (отдельный учебный центр КГБ) должна была обработать первый и второй этажи секретным оружием огромной

разрушительной силы, — заявил следствию начальник отделения группы “А” Леонид Гуменный. — После такой обработки оба этажа перестали бы существовать. А задача арестовать Ельцина, которую поставил Карпухин, была нереальной по той причине, что после зачистки, произведенной нами, все, в том числе и президент России, были бы уничтожены».

20 августа, 17.00—20.00

«Вечерние часы у военных проходили в напряженном ожидании. Все поглядывали друг на друга, армия — на КГБ, КГБ — на войска: не выдвигаются ли они на исходные рубежи. МВД поглядывало на тех и на других.

За всю историю советского государства не было случая, чтобы воинские подразделения отказались выполнять боевой приказ. И все хорошо знали: расправа может быть короткой и жесткой».

Из обвинительного заключения по делу ГКЧП:

«Свидетель Петров В. А. [генерал-майор, помощник командующего Московским военным округом] показал, что 20 августа около 18 часов его вызвал к себе в кабинет Варенников и приказал подготовить три танковые роты, оснащенные боевыми осколочными снарядами, для выдвижения к зданию правительства России» (В. Степанков, 2011).

«...Посты докладывали, что в расположении защитников все чаще появляются разведчики. Видели военных в автомобиле, которые с картой в руках производили рекогносцировку местности.

...Около 21 часа на баррикадах появилась женщина. ...Попросила провести ее в штаб самообороны. Там женщина сообщила, что ее муж, офицер КГБ, получил задание штурмовать Белый дом». Затем появился ее муж «в накидке, скрывающей лицо. Отказавшись назвать свою фамилию и должность, мужчина сказал, что на совещании, прошедшем в КГБ, перед группой “Альфа” поставлена задача начать штурм Белого дома в 3 утра. “Альфа” должна появиться со стороны гостиница “Украина”. Ее сотрудни-

ков можно отличить по большим сумкам типа баулов. Он сказал также, что “Альфа” вооружена специальными средствами, оказывающими ослепляющий эффект, и объяснил, какие надо принять меры, чтобы снизить их воздействие.

Из штаба Белого дома по радио обратились с просьбой к женщинам покинуть площадь.

Защитники, разбитые на взводы и роты, взялись за руки, образуя живые заградительные цепи.

Площадь изготовилась к отражению атаки» (В. Степанков, 2011).

Из личных воспоминаний. Прекрасно помню весь этот эпизод — с небольшими коррективами к тексту книги. По радио объявили, что пришел лазутчик из КГБ с важными и достоверными сведениями, что необходимо относиться с особым вниманием к возможному появлению группы мужчин с баулами (не скрою, что звучало это странновато) — тут же оповещать об этом штаб. Предупредили, что при обнаружении такой группы по ней из окон первого этажа будет открыт огонь без предупреждения. Поэтому всех нас настоятельно просили оттянуться от здания на 50 метров. Помню еще, что размышляла: «Неужели пуля летит только на 50 метров?..» Для защиты от средств, поражающих глаза, просили приготовить любые куски смоченной водой материи — закрывать ею глаза и нос, через нее и дышать. Сделать это было легко — достаточно выставить носовой платок под мелкий дождик.

После объявления о женщинах ко мне обратился мой сосед по цепи — незнакомый седой мужчина, научный сотрудник какого-то московского химического учреждения.

— Может, уйдете, а? — сказал он просительно, очень искренне.

Мой ответ ему воспроизводить не буду, потому что речь здесь не обо мне.

Не помню никакого разбиения нас на взводы и т. д. — по-видимому, структура видна была в штабе, но не в самих цепях.

И последнее уточнение — мы, конечно, взялись не за руки, а *под руки*, и очень крепко.

И всю ночь — примерно до четырех-полпятого утра — каждые полчаса с балкона Белого дома нам объявляли, что, по информации очередного лазутчика из рядов КГБ, штурм может начаться в ближайшие 30—40 минут. И вновь и вновь просили оттянуться от здания и предупреждали, что при появлении любой чужеродной группы мужчин из окон Дома будет открыт огонь без предупреждения.

Мы стояли шеренгами, крепко держась под руки. Напряжение не спадало до рассвета. Необычно для московского августа холодно. Столь же необычным было то, что мельчайший дождь сеялся уже вторые сутки, не прекращаясь ни на минуту...

До четырех утра опасность штурма оставалась в силе. Материалы, собранные Генеральным прокурором России, полностью это подтверждают.

Я рассказала о том, что испытывали находящиеся вокруг Белого дома. А теперь попытайтесь представить, что испытывали те, кто находились внутри здания и прекрасно знали, что их собираются штурмовать, применяя «секретное оружие», не оставляющее никого в живых, — Ельцин, Егор Гайдар, Мстислав Ростропович, специально примчавшийся в Москву и прошедший ночью 20-го под наши аплодисменты и восторженные крики в Белый дом... (Потом уже мы узнали, что он помчался на родину без визы — и как-то его пропустили наши пограничники...)

В ночь на 21 августа главной задачей членов ГКЧП стало убедить армейских генералов действовать. Армия должна была начать — спецназ мог включиться только вслед за ней.

Но генералы уже знали, что в начале ночи на 21 августа в схватке безоружного гражданского населения с экипажами боевых машин Таманской дивизии, патрулировавших Садовое кольцо, погибли трое молодых людей...

Ясно стало, что это только начало, что собравшиеся у Белого дома москвичи не отступят перед танками.

А на час ночи намечалось выдвижение войск, которые должны были обеспечить «Альфе» проникновение в Белый дом...

Заместитель Язова Ачалов после осмотра места трагедии и оценки обстановки вернулся в министерство обороны.

Из протокола допроса В. Ачалова: «Сказал Язову: что хотите, делайте, но ввязываться мы в операцию не должны, все необходимо остановить. Если примете решение о захвате, прольется море крови, на площади 50—70 тысяч (он оценивал шеренги перед главным входом, а мы стояли по всему периметру, и люди все время подходили. — М. Ч.). Следует немедленно отменить операцию! Иначе народ нас проклянет до седьмого колена!

<...>

Язов снял галстук, расстегнул рубашку и крикнул мне: “Иди в кабинет! Дай команду «Стоять!»”.

По этой команде все войска должны оставаться на местах, не производить никаких движений и не выполнять никаких команд.

...Позвонил Грачеву и Громову, передал команду Язова “Стоять!”.

По телефону на меня вышел Назарбаев, сказал, до него дошли сведения, что идет штурм Белого дома. Я ответил, что штурма нет и не будет. Назарбаев облегченно вздохнул: “Ну, вы с меня камень сняли”».

Из показаний Д. Язова: «...Я принял решение о выводе войск из города. К этой мысли я пришел к часу ночи 21.08.91, но ночью нельзя было вывести войска».

В это самое время один из батальонов войск специального назначения КГБ, «призванный перекрыть Кутузовский проспект у гостиницы “Украина”, выдвигался на исходные позиции. У спецназовцев свое ведомство — КГБ. Оттуда команды “Стоять!” не поступало».

Колонна была остановлена в движении по указанному маршруту начальником Управления спецчастями КГБ в 2 часа 15 минут ночи. К четырем часам утра батальон вернулся в пункт постоянной дислокации.

Из показаний В. Ачалова: «Язов вызвал меня к себе и сказал: “Езжайте к Крючкову, я с ним больше разговаривать не буду!” После двух часов ночи я, Громов, Варенников прибыли в КГБ к Крючкову».

Туда же Б. Путо послал своего заместителя Громова.

«Громов подчинился, но сказал министру, что от своей позиции не откажется: “Какие б задачи внутренние войска на этом совещании не получили, в Москву они не войдут”» (В. Степанков, 2011).

Когда Ачалов и Варенников вошли в кабинет Крюčkова, они увидели там Бакланова, Шенина и большую группу руководящих работников КГБ, одетых в штатское.

«— Наше появление, — свидетельствует заместитель министра обороны Ачалов, — встретили недовольными возгласами: “Вы, военные, ничего не хотите! Ничего не можете!”

— Что, трусили? — напористо спросил Бакланов, когда Ачалов доложил о позиции министра обороны и своих личных выводах после инспекционной поездки к месту столкновения гражданского населения и военных: “В случае штурма не избежать большого кровопролития. В войсках сильное недовольство. Операцию проводить нецелесообразно”».

Добавлю — военное начальство уже имело сведения о том, что в течение двух дней происходит на улицах Москвы, — о том, как население неустанно объясняет молодым танкистам, что они не должны воевать со своим народом... А так как все они вместе уже прожили не менее пяти лет Перестройки — и читали в газетах и журналах и слышали по телевизору такое, что в брежневско-андроповское время им могло разве что присниться, — то это были уже другие, не совсем советские люди.

И юные танкисты не горели желанием давить гусеницами старушек, совавших им пирожки...

«— Находившиеся в кабинете ругались и ссорились, — подтверждает Борис Громов. — Особенной активностью отличался Бакланов. Он требовал, чтобы войска выходили на исходные позиции».

(Сегодня этот человек, двадцать лет назад сделавший все, чтоб устроить в центре столицы кровавую кашу, занимает пост председателя совета директоров ОАО «Рособщесмаш». — М. Ч.).

«Крючков, все более убеждавшийся в том, насколько серьезно он недооценил меру нежелания военных участвовать в штурме, прилагал немало усилий для того, чтобы хотя бы сохранить лицо. Но напряжение продолжало нарастать» (В. Степанков, 2011).

А как ему было не нарастать, если Шенин, Бакланов и Крючков уже «засветились», по их же словам, и в случае провала своего переворота ожидали страшных кар — судили по себе — по тому, как они поступили бы с побежденными...

Крючков знал, что его (то есть КГБ) спецназ — знаменитые группы «А» и «Б» — действительно, сравнительно легко могут взять любой дом. Но брать Белый дом и захватывать российское руководство (или собирать с полубога, что от него останется после применения «секретного оружия») они могли только после того, как армейские и милицейские части расчищают к Дому проход.

А армии «расчищать» проход сквозь 15—20 шеренг живых людей, готовых к сопротивлению не на жизнь, а на смерть, почему-то не хотелось...

А милиции?.. Внутренним войскам?

Из показаний Бориса Громова: «Когда Крючков поинтересовался у меня, вводится ли в центр Москвы Особая мотострелковая дивизия имени Дзержинского, я сказал, что дивизия не выдвигалась, и в категорической форме высказался против операции, заявив, что внутренние войска в ней участвовать не будут, потому что будет море крови».

Видимо, не только для «штатских» москвичей и не только для армии, но и для внутренних войск годы Пере-

стройки не прошли совсем бесследно. В «раньше времена» кровь соотечественников их не пугала.

...Напомню — заявление о «море крови» сделал заместитель одного из активных участников переворота — министра внутренних дел Б. Пуго!

«Заявление Громова окончательно похоронило надежды сторонников штурма. Спецназ КГБ в одиночку, без поддержки военных и МВД, уж точно не пошел бы штурмовать здание Верховного совета РСФСР. Упорствовать, настаивать в ситуации, ставшей после заявления Громова тупиковой, было бесполезно. Даже Бакланов сник».

Из показаний Бориса Громова: «Бакланов стал говорить, что в таком случае надо каким-то другим путем захватить Ельцина и российское правительство. Сказал: “Если мы их не возьмем, они нас повесят”».

Все участники заговора (кроме Б. Пуго, 22 августа покончившего жизнь самоубийством; к этому трагическому событию мы еще вернемся) были арестованы и давали показания. Государственный прокурор СССР В. Степанков предъявил им обвинение в государственной измене.

Их не повесили и не уничтожили «секретным оружием», которое они готовили для тех, кто были в Белом доме.

9. КТО ПОБЕДИЛ В АВГУСТЕ 1991 ГОДА?

А теперь посмотрим внимательно на цифры социологических опросов (данные Левада-центра).

Задавался вопрос: «Как вы думаете, что главным образом помешало успеху ГКЧП в августе 1991 года?» И давались несколько вариантов ответа.

В первый год после путча 55—57% опрошенных выбрали два ответа: «Сопrotивление народа» и «Решительные действия руководства России».

Те, кто только что прочитали предыдущие главы, надеюсь, с этим согласятся.

Но за истекшие с тех пор 20 лет информация о реальных деталях событий оставалась совершенно неизвест-

ной подавляющему большинству граждан России. Тем более — тем, кто родился на свет после этих событий.

В течение «нулевых» лет события Августа вполне последовательно полностью замалчивали. К десятилетию после августовской победы приклеили постоянный (как в фольклоре) эпитет — *лихие 90-е*.

22 августа 2011 года был день 20-летия национального флага России. ...Огромное полотнище этого флага, сшитое за одну ночь, пронесли по Тверской (тогда — еще улице Горького) 22 августа 1991 года...

Ни президент России, ни премьер не поздравили в 2011 году российских граждан с этим событием.

Именно поэтому в 2011-м первые два ответа выбрали уже 13—15% наших граждан. И если в 1991 году с ответом на вопрос затруднились всего 7%, то сегодня таких затруднившихся — 26%.

Четверть взрослого населения страны не знают толком, что же именно произошло в Августе 1991 года! Понятно, что им нечего сказать по этому поводу своим детям.

Вот почему я взялась так подробно рассказывать на страницах этой книги о том, что с полным правом можно назвать *победой народа*, победой граждан, победой соотечественников.

Граждане России должны гордиться своей победой. И не позволять мазать ее грязью лжи.

10. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

...Утром 18 августа 1991 года никто не предполагал, что через три дня премьер-министр, министр обороны, председатель КГБ, руководитель ВПК окажутся за тюремной решеткой, министр внутренних дел и руководитель управления делами правящей партии покончат жизнь самоубийством. Что к утру 22 августа действующей власти в СССР вдруг не будет, как ее не было в России 28 февраля 1917 года.

Е. Гайдар. Смуты и институты, 2009

Виноват ли август 91-го в том, что мы имеем сейчас? Нет. В этом виноваты мы сами: наша неготовность жить в правовом государстве, брать на себя ответственность и за нашу собственную жизнь, и за страну, проявлять общественную активность. Мы не смогли воспользоваться возможностями, которые открылись 20 лет назад, мы позволили бюрократии, прежней и новой, полностью захватить власть на всех ее уровнях.

И. Харичев. Итоги августа 1991 года.

// «Знание — сила», 2011, № 7

Егор Гайдар в своей последней книге описывает день победы 22 августа 1991 года: «На Лубянской площади в центре Москвы собралась толпа. Она отличалась от той, что двумя днями раньше пришла защищать Белый дом. 20 августа... десятки тысяч пришли к Белому дому, чтобы умереть или победить.

22 августа на Лубянской площади царило иное настроение... Люди пришли не умирать за свободу, а праздновать свержение ненавистного режима» (Е. Гайдар. Смуты и институты, 2009).

(Вы, читатели этой книжки, родившиеся после конца советской власти, обратите внимание на это слово: множество людей, живших при советской власти, действительно относились к ней, увы, с ненавистью. Хотя это и не самое хорошее чувство, но иного эта власть, которая огромное количество собственных граждан погубила, а еще большее количество лишила возможности применить свои таланты, — никак не заслуживает. Хотя охотников тосковать по ней сегодня немало. Но этому есть объяснение, и не одно. — М. Ч.)

«В условиях рухнувшей власти, при отсутствии дееспособных силовых структур такая толпа опасна. Подобные толпы в феврале 1917 года громили Охранное отделение, жгли Министерство внутренних дел, Судебную палату, убивали городских.

В тот день угроза того, что подобное повторится, была реальной. Когда десятки, возможно, сотни тысяч людей со-

брались на площади, в зданиях КГБ раздавали гранаты, готовили к бою счетверенные пулеметы. Те, кто там находился, историю событий 27—28 февраля в Петрограде знали. При удачной провокации кровавая каша была гарантирована.

Один из участников событий, А. Яковлев (Александр Николаевич Яковлев, фронтовик, хорошо представлял себе, что произойдет на площади после десяти минут стрельбы одного счетверенного пулемета... — М. Ч.) описывает происходившее так: «В бурные дни августа 1991 года я выступал на митинге на Лубянке. Психологически это были необыкновенные дни. Толпа на Лубянке была огромная. Что бы я ни сказал, толпа редела, гремела аплодисментами. Кожей ощутил, что наступает критическая минута. Задай я только вопрос, вроде того, а почему, мол, друзья мои, никто не аплодирует в здании за моей спиной и, мол, любопытно, что они там делают, — случилось бы непоправимое. И как только эта мысль пришла в голову, спина похолодела, я понял, что взвинченных и готовых к любому действию людей надо уводить с площади, и как можно скорее. Быстро спустился вниз и пошел в сторону Манежной площади. Меня подняли на руки, я барахтался — наверное, до этого только мать держала меня да еще медицинские сестры в госпитале во время войны — и так несли до поворота на Тверскую. Милиция была в растерянности, увидев массу людей, заполнившую улицу. Меня проводили до здания Моссовета. До сих пор уверен, что, не уведи я людей с площади именно в тот момент, трагедия была бы неминуема. Толпа ринулась бы громить здание КГБ».

«Угрозу массового насилия удалось отвести, — продолжает Гайдар в книге «Смуты и институты». — Служащим ЦК КПСС пришлось покинуть свои кабинеты, но их никто не избивал и, тем более, не убивал».

Из личных воспоминаний. Я видела это своими глазами. Сотрудницы ЦК — главным образом женщины — выходили из запасных входов, откуда-то со двора, с авоськами (хорошо помню! этих сетчатых сумок больше нет — остались в советском времени), чем-то наполненными, боязливо поглядывая на толпу. Шли как сквозь строй.

В толпе что-то выкрикивали, но пальцем никого не тронули. А для меня главным зрелищем стал высоченный, древнеегипетских масштабов парадный подъезд. Потому что посередке он был заклеен — внахлест — двумя белыми листами бумаги, формата А4.

А на этих листах крупными буквами, простой шариковой ручкой было написано:

ЦК КПСС ЗАКРЫТ

Я смотрела-смотрела, глядела-глядела — и не могла наглядеться...

...Вдруг раздался чей-то крик:

— Архивы выносят!

И в переулок, ведущий на задворки здания ЦК, кинулась, топоча, небольшая, очень пестрая по составу толпа — человек 30. По виду большинства этих людей можно было с уверенностью сказать, что они имеют весьма туманное представление о том, что такое архивы... Возможно, у того, кто крикнул, застряло в памяти, что в Февральскую революцию жгли архивы.

За толпой бегом бежали двое иностранных журналистов с кинокамерами на высоких штативах...

«Разительный контраст происходившего с тем, что случилось после краха царского режима, — продолжает Гайдар. — Сказалось стремление тех, кого слушалась толпа, не допустить кровавого исхода, избежать развития событий по сценарию 1917—1922 годов.

...Опираясь на исторический опыт, можно было предполагать, что при крахе территориально-интегрированной (то есть, сосредоточенной на единой территории — не разбросанной, как некогда Британская империя, далеко за границами метрополии — центральной части империи. — М. Ч.) империи большая кровь неизбежна».

Почему этого не случилось?

Гайдар выдвигает свои гипотезы:

«Думаю, что важными факторами были уровень образования, степень урбанизации, то, что крах режима не наложился на большую войну, когда основными участниками событий становятся массы вооруженных людей.

Сказалось и иное. Два ключевых участника процесса принятия решений, Б. Ельцин и М. Горбачев, не хотели насилия. Но если после краха старого режима выбираешь линию на ограничение насилия, надо трезво оценивать последствия такого решения.

Первое, что произошло после крушения коммунистического режима, стержнем которого были КПСС и КГБ, — объявление бывших советских республик о своей независимости. В этом нет ничего неожиданного. Такое право предоставляла им советская Конституция. В свое время лозунг о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения, помог большевикам выиграть гражданскую войну, удержать власть. Это был лозунг, не более того».

Но сколько людей приняли ленинские лозунги за чистую монету!.. Этим способом и была большевиками захвачена и удержана власть.

Вы уже читали на страницах этой книжки, что советская власть никогда и не думала разрешать какой-либо союзной республике осуществить свое конституционное право и выйти из Союза. Собственно, эту двусмысленную ситуацию — «можно, но нельзя» — запечатлела первая же строка советского гимна (впоследствии в третий раз перекроенного одним и тем же автором — С. В. Михалковым): «Союз нерушимый республик свободных»...

Но вот этот час настал. *Нерушимый Союз* обрушился. Республики почувствовали себя *свободными* не на словах, а на деле.

У власти, которая, пустив танки по улицам столицы, погубила троих молодых людей — защитников Белого дома — и практически распалась в три дня, никто больше спрашивать разрешения не собирался.

Гайдар в своей последней книге «Смуты и институты» приводит сообщения, появлявшиеся одно за другим в газете «Известия» от 26 августа до 2 сентября:

«24 августа 1991 года провозгласила свою независимость Украина, тогда же Россия признала независимость Литвы, Латвии, Эстонии. 27 августа заявила о суверенитете Молдавия, 30 августа — Азербайджан, затем Армения, Узбекистан и Киргизия. Горбачев и руководители союзных

республик заявили, что в создавшейся ситуации продолжение работы союзных органов власти невозможно.

Съезд народных депутатов СССР принял решение о самороспуске. У него не было иного выхода. За ним не было ни силы, ни легитимности, как не было их за Государственной Думой после отречения Николая II. Возникла ситуация, которую человеку, прожившему жизнь в стабильном обществе, понять трудно. Начиненная ядерным оружием территориально интегрированная империя развалилась в считанные дни. В ней не стало работающих государственных институтов.

И прежде всего — развал союзной армии. При крахе полиэтнических империй именно она оказывается наиболее уязвимым институтом. Это хорошо известно по опыту разложения австро-венгерской армии в 1918 году». Поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне, повлекшее за собой распад еще недавно мощной империи, Гайдар связывает именно с этим. То, что части ее армии, не являвшиеся австрийскими или венгерскими, «не готовы сражаться за империю, стало важнейшим аргументом в пользу капитуляции».

Это повторилось на пространстве советской многонациональной империи осенью 1991 года.

«После провала путча председатель Верховного Совета Украины Л. Кравчук пригласил командующих трех расположенных на Украине военных округов и объявил, что отныне они должны подчиняться приказам украинских властей. Однако Министерство обороны СССР было по-прежнему уверено, что они должны выполнять его приказы. Подобное происходило и во многих других союзных республиках, объявивших о своей независимости. Чьи приказы в таком случае будут выполнять военные? Ответ очевиден — ничьи» («Смуты и институты»).

11. ПОСЛЕ КОНЦА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Экономическая система того самого Советского Союза, который неслышно рушился в течение трех дней в город-

ском пространстве, окружавшем Белый дом, десятилетиями работала — при отсутствии рыночной экономики. Нужные комплектующие части подвозились из одной области в другую, где шла сборка — станка, трактора или танка. И зерно везли в города, где его не сеяли и не собирали...

Как же все это работало — без рынка? — спросит меня сегодняшний юный читатель. Он ведь уже с детства представляет себе, что такое рыночные отношения.

«Каждая из этих связей, — пишет Гайдар, — носила директивный характер» (Е. Гайдар, 1996). То есть — кто-то давал директиву, остальные выполняли.

Ну почему все-таки эту директиву выполняют? И везут какие-то детали и продукты питания из одной области в другую, если никакой экономической выгоды тому, кто везет, от этого нет?

Я открою вам секрет. Помните, в сказках? «Сезам, открой дверь!» И дверь открывается, а за ней — сокровища... Волшебное такое слово. В позднесоветское время таким волшебным словом была одна короткая фраза: «Положишь партбилет на стол!»

А раньше, в сталинские годы, другая. Она, правда, не произносилась вслух, но была в голове почти у каждого взрослого: «Сотру в лагерную пыль!»... Автором ее считается Берия.

До путча западные правительства давали кредиты под реформы Горбачева — до поры до времени они видели, что делаются реальные шаги в сторону демократии, и надеялись, что дойдет дело и до реальных реформ. А значит — будет возможность отдавать долги.

После путча исчезла власть, а с ней и деньги. Кому и подо что давать кредиты? Если нечем *обслуживать* (то есть регулярно выплачивать проценты) уже наделанные долги — кто же будет давать деньги такому должнику?..

В октябре 1991 года известный экономист академик Абалкин предупреждает: «...Если в течение максимум двух месяцев не будут проведены чрезвычайные меры по стабилизации финансово-денежного положения в стране,

то нас ожидает социальный взрыв, по сравнению с которым то, что происходило в августе, это извините, не более чем вечер бальных танцев».

Все в России ждали худшего.

Что было делать?

В середине октября 1991 года более половины опрошенных социологами ответили: «Нужны более быстрые, решительные изменения».

Только каждый четвертый высказался так: «Действовать нужно более осторожно, осмотрительно».

Но бывают моменты в жизни страны, когда разумным людям ясно — время осторожных и безболезненных действий прошло.

И наступило время действий быстрых, решительных и болезненных. А если промедлишь, просрочишь — последствия наступят гораздо, гораздо более болезненные.

Но смысленных и разумных в любой стране (как и в почти любом классе в любой школе) — много меньше, чем несмысленных и неразумных. И насчет *будущих* последствий промедления — мало кто задумывается. А зато свои *сегодняшние* потери — очень даже чувствует. И кипит возмущением против очевидного их виновника. И долго помнит понесенный урон.

Потому тот, кто решается на эти действия, — не дождется благодарности соотечественников. Во всяком случае — при своей жизни.

Именно поэтому никто, решительно никто поздней осенью 1991 года не хотел взять на себя ответственность — принять «непопулярные», как это принято называть, меры.

Непопулярные — это значит, что они вызывают темную, безотчетную злобу людей к тому, кто эти меры принял. Люди оказываются неспособными понять, что именно этот человек не вредил им по своим злым намерениям, а спас страну от самого страшного из любых народных волнений...

— Какого же? — воскликнет в изумлении мой читатель.

А я ему отвечу — да просто-напросто от *бунта матерей*, у которых дома плачут от голода дети.

В этой ситуации все матери мира, любых стран и народов, теряют голову и становятся готовыми на все, начиная с битья витрин магазинов... Так уж создано человечество, что материнский инстинкт — защита жизни своего детеныша — едва ли не самый сильный из всех инстинктов. Во всяком случае, сильнее инстинкта самосохранения.

«...Очень хотелось бы сохранить за собой приятную привилегию — анализировать, советовать, критиковать, подправлять. И все же постепенно прихожу к убеждению: если не найдется никого, кто взял бы на себя ответственность за начало жизненно необходимых, тяжелых, социально-конфликтных радикальных реформ, придется за это браться. ...Все равно невозможно смотреть, как страна катится в пропасть просто потому, что все перебрасывают, словно горячую картошку с руки на руку, ответственность за непопулярные и конфликтные решения» (Е. Гайдар, 1996).

Для него-то судьба страны всегда оставалась частью его личной жизни: так был воспитан.

12. ДЗЕРЖИНСКИЙ, СОЛОВЕЦКИЙ КАМЕНЬ И НАСЛЕДИЕ ГУЛАГА

Пока экономисты думали в состоянии, близком к отчаянию, что делать, в стране быстрыми шагами шла жизнь *после советской власти*.

Еще в дни Августа при большом стечении народа на бывшей площади Дзержинского, ставшей снова Лубянской, снесли, обмотав трос вокруг шеи, памятник Дзержинскому, кощунственно воздвигнутый там в 1958 году.

Из личных воспоминаний. В тот далекий год я училась на четвертом курсе филфака МГУ. Доклад Хрущева два года назад прослушали на собрании «партийно-комсомольского актива» факультета (реально же — все студенты: в аудиторию впускали по студенческому билету) и пережит. Мы уже знали, что почем. Мой муж и однокурсник Александр Чудаков и я были поэтому

возмущены появлением в Москве памятника Дзержинскому. И Чудаков тогда сказал мне — «Неужели мы увидим день, когда его снесут?..» В том, что когда-нибудь снесут, он не сомневался.

Слово «кощунственно» употреблено мною не для красоты слога, а в точном смысле слова. Можно сказать, что его поставили на земле, пропитанной кровью невинных, чего делать никак нельзя. Есть такое давнее выражение — «кровь вопиет».

Под этим памятником шел тоннель из огромного здания мрачно знаменитой Лубянки на идущую от Лубянской площади к Кремлю улицу Никольскую. Там и сейчас стоит здание бывшей Военной прокуратуры, где обреченным людям в течение нескольких минут выносили смертный приговор, тут же волокли их в подвал и расстреливали. Здание стоит и все ожидает, когда давнее решение об устройстве в нем Музея политических репрессий будет воплощено в жизнь.

Дзержинский не дожид до Большого террора, он умер в 1926 году. Но именно он, как руководитель советских «органов» (название их менялось — ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, но не менялась античеловеческая суть), ввел практику расстрелов за принадлежность к слою (в первую очередь — к дворянству), который по определению должен быть враждебен советской власти... Так, например, расстреляны были — только за то, что они — княжны, — несколько юных барышень, ни сном, ни духом не проявивших еще враждебности к новому строю.

...Из первого советского концлагеря в Соловках привезли огромный камень — и установили еще 30 октября 1990 года рядом с памятником Дзержинскому. А год спустя, когда памятника расстрельщику уже два месяца как не стало на площади, 30 октября 1991 года, в день памяти политзаключенных, на митинге на Лубянской площади заключенный сталинских лагерей, много лет долбивший вечную мерзлоту на Колыме, Семен Виленский говорил о книге, подготовленной им к печати уже не подпольно, а открыто — «Сопроотивление в Гулаге»:

«— Теперь, когда историки задаются вопросом, было ли в стране сопротивление режиму тоталитаризма, рукописи людей, переживших тюрьмы, лагеря и ссылки и не побоявшихся свидетельствовать о преступлениях режима, дают ответ: да, было! Взятые за перо вчерашние узники сознательно подвергали опасности себя и своих близких...

Люди, читавшие «Архипелаг Гулаг» Солженицына, рассказы Шаламова, воспоминания двадцати трех женщин в сборнике «Доднесь тяготееет» и другие подобные им свидетельства, были уже не теми, кого можно обмануть и разобщить. И в памятном августе здесь, на улицах Москвы, они доказали это.

В огромной стране, где в течение семидесяти лет свирепствовал неведомый мировой истории тоталитаризм, растет осознание самоценности человеческой жизни. И чтобы это осознание стало массовым, нужна правдивая история послеоктябрьского периода.

Чтобы обрести гражданское достоинство, немыслимое без исторической памяти, новым поколениям необходимо знать судьбы тех, кто провидел гибельные для России последствия большевистского переворота, знать о неравной борьбе с тоталитарным обществом, на которую отважились одиночки, знать о восстаниях заключенных, сотрясавших Гулаг.

Некоторые из руководителей и активных участников этих восстаний еще здравствуют. К стыду нашему, сегодня они безвестны и одиноки.

...Архипелаг Гулаг — это страдания, гибель, растление людей и вместе с тем — торжество духа, мужества и товарищества.

Светлая память замученным, убиенным жертвам ГУЛАГа!

Слава его героям!»

Год спустя, в 1992 году, С. Виленский начал издавать журнал «Воля» — журнал узников тоталитарных систем. В нем он писал: «Несмотря на все бедствия и убожество быта, Россия полна талантов. В ней созрели духовные и политические силы. Мы предлагаем трибуну пока еще безвестным людям...

Мы в России живем теперь на развалинах самого долговременного тоталитарного режима XX века. Живем в плену старых стереотипов мышления. Мы должны вырваться из него. Мы должны осознать, что делали с нами и что делалось в нас.

Грозит России новый тоталитаризм? Увы, это можно написать и без вопросительного знака. Разумеется, мы будем стремиться предотвратить такое развитие. Иначе тупое зло восторжествует в новом обличье, а наш журнал превратится в инструкцию “Как следует вести себя в первую минуту, когдаходишь в камеру”».

Не все из читателей этой книги понимают, что же это такое — *тоталитаризм, тоталитарный режим*.

Большинство читателей понимает, что *тотальный* — значит «всеобщий», охватывающий все и всех.

Существовали в истории человечества и существуют поныне диктаторские режимы, автократии, даже тирании... *Тоталитаризм* — худший из режимов. При любой, самой жестокой диктатуре у человека есть право на частную жизнь, на ее хотя бы относительную защищенность. Диктатору достаточно, чтобы человек не высказывал публично недовольство его режимом, тем более не выступал против власти, — и он оставляет его в покое. Например, он позволяет поэту писать и печатать лирические стихи, студенту — учиться, не участвуя в «общественной жизни». Тоталитаризм проникает человеку, так сказать, в печенки. Студента выгоняют из университета за «пассивность». Лирическое стихотворение находят «несозвучным» нашей эпохе, обнаруживают в нем пессимизм, «упадочничество», обреченность — и оно никогда не попадет в печать.

«Классический» тоталитаризм был у нас все годы сталинского самодержавия: уничтожение крестьянства, миллионы арестованных безо всякой вины и погибших в лагерях Колымы, Магадана и проч. Хрущевская Оттепель многое изменила. Вслед за ней 18 брежневских лет — это «мягкий» тоталитаризм: за «пассивность» из университета не выгоняют, но напечатать самые безобидные стихи

не удастся — причем в любом журнале на всем огромном пространстве страны. Тем более нельзя напечатать свои сочинения за границей (в феврале 1966 года А. Синявский и Ю. Даниэль получают за это 7 и 5 лет лагерей). Редактор правит стихи даже умерших поэтов. Выехать за границу по собственному желанию — ни на время, ни навсегда — невозможно. Если человек взял да и остался за границей самовольно — это приравнивается к измене Родине, за это полагается смертная казнь. В Уголовном кодексе СССР — 17 составов преступления, за которые положена смертная казнь. А в тогдашней ЮАР — стране апартеида, являвшейся тогда пугалом для всех цивилизованных стран, — 5 составов...

В тоталитарной стране за вас решает власть — какие книжки вам можно читать, а какие нельзя. За чтение «Доктора Живаго», изданного на Западе, можно попасть в лапы в КГБ. Сосед в метро или в автобусе может нагло спросить вас: «А что это за книжку вы читаете? Вон я вижу — там Троцкий упоминается, Бухарин... Такая книжка должна находиться в спецхране...» (Реальный случай.)

Из личных воспоминаний. Я работала старшим научным сотрудником в Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина (сегодня — РГБ), обрабатывала архив М. Булгакова. Коллега из Англии прислала мне свою книжку о «Мастере и Маргарите» (на английском языке) с дарственной надписью. Мне позвонили из так называемого 1-го отдела Библиотеки (филиал КГБ):

— Тут вам прислали книжку из Англии...

— Я могу прийти — забрать ее?

— Нет, отдать ее мы вам не можем. Она подлежит специальному хранению. Мы передадим ее в спецхран, и вы можете читать ее в читальном зале.

— Нет, в читальном зале подаренную мне книгу я читать не буду.

Историки считают, что в XX веке только в двух странах был тоталитаризм: в гитлеровской Германии — 12 лет, и у нас — более 70 лет...

13. «ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ»

После победы над ГКЧП вдруг открылась государственная граница — для выезда кого угодно и куда угодно.

Возникла совершенно новая для советских граждан ситуация. Все давно привыкли, что в основном за границу ездит только начальство. И вряд ли простому работяге, учителю, врачу светит увидеть какие-то страны.

С пионерских лет люди, родившиеся и жившие при советской власти, слышали и сами повторяли выражение: «Граница на замке!»

И только после конца советской власти стало постепенно ясно, *от кого же* она была на замке...

Это только в детской литературе — и не в лучших ее образцах, — рассказывалось, как шпионы и диверсанты изощряются в попытках пробраться к нам через наши *священные рубежи* (еще одно привычное в советские годы словосочетание — *советизм*). Прицепляют, например, к обуви коровьи копыта, чтобы запугать пограничника Карацупу и его верного пса Индуса, и тому подобное.

В реальной жизни шпионы попадали в нашу страну, как и в любую другую, не пешком через границу, по лесам и болотам, а на самолетах и поездах, с официальным статусом.

А наша граница была на замке исключительно *от своих* — чтоб не ушли через нее в страны загнивающего капитализма... И, кажется, еще не обнародованы цифры, сколько советских граждан, пытающихся покинуть свою страну, застрелили на нашей очень длинной, протянувшейся на тысячи километров границе.

Официально уехать из СССР можно стало только начиная примерно с середины 1960-х, только в Израиль и только по вызову родственников. А поехать в тот же самый Израиль не навсегда, а на время, в турпоездку или на конференцию было нельзя — страна считалась нашим врагом, с ней не было дипломатических отношений...

Вообще поехать даже на время в какую-либо страну — например, по приглашению на научную конференцию, — удавалось далеко-далеко не всем. Полно было тех, кого называли «невыездными» — но, заметим, не в печати, не

публично, а только внутри тех самых кабинетов, где и делали людей *невыездными*...

И множество советских ученых, всю жизнь занимавшихся историей Европы, искусством Италии, Франции, Испании, никогда не пересекли границу и не увидели вживе предмет своих профессиональных занятий.

Писатель Михаил Булгаков все годы московской жизни — до самой смерти в 1940 году — мечтал увидеть Францию. Там жили два его младших брата, с которыми он расстался в 1919 году. Но Сталин так ни разу и не выпустил его за пределы Советского Союза.

Уже в «наше» время — в 60—80-е годы — не выпускали за границу вплоть до прихода Горбачева очень и очень популярных писателей — братьев Стругацких.

Когда же кого-то все-таки решали «выпустить» за границу (то есть всесильный КГБ — Комитет государственной безопасности — разжимал свои когти) — *на них* (употреблялся именно этот падеж) должны были составить *характеристику*. Ее подписывал «треугольник»: директор учреждения, секретарь парткома, председатель профкома.

Это делалось без участия надеявшегося выехать (не поехать куда-то, а именно *выехать*: главное было — *выехать* за пределы собственной страны) — ему только сообщался результат: подписали или не подписали.

А дальше предстояло главное унижение — лично идти на заседание *выездной комиссии районного комитета партии*. И эта комиссия — скопище партийцев-пенсионеров, обычно полуобразованных — после беседы с желающим выехать эту характеристику утверждала. Либо не утверждала. Об этом мы уже кратко упоминали, но все-таки вернемся еще раз: очень уж мерзкое было обыкновение.

Заметьте, что вся эта процедура относилась не только к поездкам на научные конференции, но и в туристические — например «по линии», как тогда выражались, министерства культуры (так я первый раз в жизни поехала за границу в группе библиотечных работников).

И вот грянула Перестройка.

Один из сотен тысяч, но характерный пример. Известный исследователь средневековой европейской культуры

А. Я. Гуревич, никогда не выезжал (поскольку не выпускали) в «капиталистическую» Европу. (В существовавшую до объединения Германии ГДР — то есть, «социалистическую» Германию, — его «выпускали»). Он рассказывает в мемуарах «История историка», как его пригласили в министерство иностранных дел на совещание у замминистра. А там будет обсуждаться проблема гуманитарного знания в связи с нашей внешней политикой...

С ним вместе приглашен еще более известный Ю. М. Лотман. Его также никогда не «выпускали» в «кап-страны», несмотря на бесчисленные приглашения из всех университетов мира. И на этом совещании профессор Лотман рассказывает заместителю министра иностранных дел о том, что «проследил, каким образом подданные нашей великой державы могли посещать Запад, начиная со времен Ивана Грозного и до наших дней. Выяснилось, что самые большие трудности чинились в наши дни».

...Тут как раз — в начале 1988 года, то есть в разгар Перестройки! — решили наконец «выпустить» А. Я. Гуревича (после его прямого обращения в КГБ!). Написали ему характеристику.

И ученый с мировым именем отправился в сопровождении члена партбюро своего института в райком. Там престарелые члены правящей партии должны ему разрешить поехать впервые в жизни в Рим на научную конференцию.

«В комиссии сидят заслуженные члены партии — человек десять-двенадцать, — описывает он запомнившееся навсегда, — пробавляющиеся тем, что играют какую-то роль при райкоме, значит, не лишние люди». И вот после того как характеристику прочитали вслух, «один из членов комиссии, обращаясь не ко мне, а к представительнице парторганизации, которая меня привела, говорит:

— Неужели в вашем институте, где столько народу, не нашлось больше никого послать в Рим, кроме Гуревича?

Я жду, что же будет дальше.

Она объясняет:

— Но, простите, они приглашают именно Гуревича, их интересует определенная проблематика, по которой он является специалистом.

— Нет, но все-таки».

...Что такое «наука», «интересы науки» — эти люди в течение своей жизни узнать просто не сумели. Зато они хорошо знали, что поездка «за рубеж» — льгота. И абы кому она не выделяется.

А вот теперь, чтобы вам понятней стало, что творили в советское время с людьми, вообразите себе такую более близкую вам ситуацию.

Например, вся школа знает, что вы лучше всех стоите в воротах.

Поэтому вы — вратарь в футбольной сборной школы. Потом — в сборной района. И так далее. И вот вас включают в юношескую команду города. А кто-то — от кого зависит, войдете вы в команду или нет, — вдруг заявляет:

— У вас в школе так много спортивных ребят — пловцов, лыжников, — неужто некого поставить в воротах, кроме вот этого, конопатого?..

В советском заграничном паспорте сначала должна была появиться отметка, что вам разрешен *выезд*... А въезд — то есть виза той страны, куда ты приглашен, — дело десятое. Если вы не находились под следствием и у вас в своей стране оставались близкие родственники (то есть вы вроде бы не замыслили остаться там, куда едете) — вам обычно не отказывали. Трудность была не в том, чтоб куда-то *въехать*, а в том, чтоб *выехать* из своей страны.

И еще немаловажная подробность — ни у кого из советских людей (кроме дипломатов) никаких заграничных паспортов на руках не имелось.

Они хранились в «первых отделах» советских учреждений и выдавались человеку перед самой поездкой — уже с визой — *в обмен на общегражданский, внутренний*. А когда вы благополучно возвращались в родную страну, то волей-неволей должны были как можно скорей сдать заграничный паспорт — потому что вам необходимо было как можно быстрее получить в обмен на него свой внутренний паспорт: без него, как известно, наш человек не только в советское время, но и сегодня — как без рук...

И только после Августа 1991 года вся ситуация с поездками за границу изменилась.

Из личных воспоминаний. В ноябре 1991 года я полетела в Будапешт на симпозиум, посвященный 100-летию М. А. Булгакова. Коллега — житель Вены — предложил мне приехать после окончания симпозиума на один день к нему в Вену.

— Два часа на автобусе — утром приедете, я покажу вам Вену, вечером ходим на концерт — и уедете обратно в Будапешт.

Дело было за малым — получить визу в Австрию. Я начала, конечно, с российского (тогда еще советского) посольства — не будут ли они возражать против моего однодневного вояжа в Вену?

Необычайно любезно встретивший меня сотрудник посольства взял мой паспорт, открыл на последних страницах, указал на какую-то закорючку и сказал вкрадчиво: — Видите, М. О.? Мы вам открыли выезд из нашей страны в любое время, в любую страну мира. Теперь дело только за ними, за этими странами...

Я вышла, не веря своим ушам.

Пошла в австрийское посольство. Визу они мне не дали, сказали — надо получать в Москве. Но это уже не могло сбить моего приподнятого настроения. Моя страна разомкнула наконец свои железные объятия.

Через два года, в декабре 1993, это стало частью новой Конституции Российской Федерации: «*Статья 27, часть 2: Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.*»

...Тем, кто не жил при советской власти, уже, пожалуй, не понять, что мы чувствовали в декабре 1993, читая такие статьи перед голосованием на референдуме о Конституции... Но далеко не все, как увидим дальше, отнеслись к принятию важнейшего правового документа страны с должной заинтересованностью.

...А если ваша бабушка или бабушкина приятельница скажет: «А какая мне-то во всем этом прибыль? Я за границу вашу в жизни не ездила и не собираюсь», — то ваше как раз дело ей пояснить: «А вот тут ты, моя горячо любимая бабушка, неправ».

Потому что нельзя танцевать от своей только печки. (Даже если у нее и нету дома никакой печки.)

И ученые с мировым именем, и любимые писатели в любой стране составляют предмет национальной гордости. И те унижения, которым подвергались они и тысячи их коллег, так никогда и не попавшие на международные конференции или встречи с зарубежными читателями, куда их настойчиво приглашали, да и вообще — не сумевшие из-за советской власти мир повидать — это все-таки позор всей страны. А значит — и вашей незнакомой мне бабушки вместе с ее приятельницей тоже. Я нисколько не хочу их обидеть и заочно считаю очень достойными женщинами. Но надо всем понимать, что позор — это позор.

И он не уравнивается дешевизной советской вареной колбасы. Которая к тому же все равно кончалась, пока ваша бабушка стояла за ней в очереди.

14. «НЕ ТРУСЬ!»

В начале 92 года, когда Егор Гайдар, разворачивал рыночные реформы, похоронившие социализм, тележурналисты спросили его:

— Как полагаете, что бы сказал о вашей сегодняшней деятельности дед — Аркадий Петрович?

— Я полагаю, дед бы сказал: «Не трусь!»

* * *

«Выпрямляйся, барабанщик! — повторил мне тот же голос. — Выпрямляйся, пока не поздно».

— Хорошо! Я сейчас, я сию минуточку, — виновато прошептал я.

Но выпрямляться мне не хотелось. Мне здесь было хорошо, за сырыми холодными камнями».

И вот герой повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика» решается действовать — и протягивает руку к лежащему рядом браунингу, завернутому в лопух, чтобы выстрелом не дать уйти преступникам.

«И только что я до него дотронулся, как стало тихо-тихо. Воздух замер. И раздался звук, ясный, ровный, как будто бы кто-то задел большую певучую струну и она, обрадованная, давно никем не тронутая, задрожала, зазвенела, поражая весь мир удивительной чистотой своего тона.

Звук все нарастал и креп, а вместе с ним вырастал и креп я.

“Выпрямляйся, барабанщик! — уже тепло и ласково подсказал мне все тот же голос. — Встань и не гнись! Пришла пора!”

И я сжал браунинг. Встал и выпрямился».

* * *

Вернулся из Крыма, где проводил отпуск, отец, заехал к сыну. Тот описал ему ситуацию и пути выхода. Тимур Аркадьевич согласился, что предлагаемый сыном путь — видимо, единственно реальный.

«Когда же он понял, что, возможно, его сыну придется не только советовать все это кому-то, а самому садиться и исполнять, наверное, впервые в жизни я увидел выражение откровенного ужаса на его лице».

Пауза была небольшой.

«Отец посмотрел на меня, сказал: “Если уверен, что нет другого выхода, делай как знаешь”» (Е. Гайдар, 1996).

Ведь все-таки оба они были Гайдары.

Третьего ноября 1991 года «из информированных источников приходит новость» — будто бы экономист Гри-

горий Явлинский со своей командой возглавляет российское правительство.

Трудно представить этого умного человека и сильного экономиста в тот момент в такой роли. Слишком важна была для него — как и всегда, — его репутация. Он ни в коем случае не мог допустить, чтоб люди его проклинали: Явлинскому всегда полагалось выглядеть народным заступником (помните ведь в поэме Некрасова Гришу Добросклонова? В школе всегда давали такую тему сочинения — «Образ народного заступника в поэме «Кому на Руси жить хорошо»»). Дают ли теперь?..).

* * *

«До меня долетели слова:

— Разведка по оврагу. <...>

— Чубук, — негромко, как бы спрашивая, сказал Шибалов, — ты за старшего пойдешь. С собой Шмакова возьми и еще выбери кого-нибудь понадежнее.

— Возьми меня, Чубук, — тихо попросил я. — Я буду очень надежным. <...>

— Меня, Чубук, — зашептал я опять, — возьми меня... Я буду самый надежный.

— Угу! — сказал Чубук и мотнул головой.

Я вскочил, едва не завизжав, потому что сам не верил в то, что меня возьмут на такое серьезное дело. Пристегнув подсумок и вскинув винтовку на плечо, остановился, смущенный недоверчивым взглядом Сухарева.

— Зачем его берешь? — спросил он Чубука. — Он тебе все дело испортить может — возьми Симку.

— Симку? — переспросил, как бы раздумывая, Чубук и, чиркая спичкой, закурил.

“Дурак! — бледнея от обиды и ненависти к Сухареву, прошептал я про себя. — Как он может при всех так отзывать обо мне?..”

Чубук закурил, хлопнул затвором, ...сказал равнодушно, не чувствуя, как важно для меня его решение:

— Симку? Что ж, можно и Симку. — Он поправил патронташ и, взглянув на мое побледневшее лицо, неожиданно улыбнулся и сказал грубовато: — Да что ж Симку... Он... и этот постарается, коли у него есть охота. Пошли, парень!

Я кинулся к опушке» (Аркадий Гайдар. Школа).

* * *

Егор Гайдар размышлял, обуреваемый сложными эмоциями.

«Не убежден, — фиксирует Гайдар тогдашний ход своих мыслей, — что Григорий подходит для роли, которую необходимо играть в это время. Боюсь, что будет под разными предложениями уходить от неизбежного решения по либерализации цен. И все же такое чувство, будто только что выскочил из-под колес мчавшегося на тебя поезда».

На следующее утро, четвертого ноября, выясняется — информация была неверной.

«5 ноября. Телефонный звонок. Президент подписал указ. ...Вице-премьер, министр экономики и финансов (то есть — главнейший пост в этот момент: экономика и финансы. — М. Ч.) — Е. Гайдар... То, что это должно было случиться, я чувствовал, и все же сообщение грянуло, как гром... Из советника я превратился в человека, принимающего решения. И теперь тяжесть ответственности за страну, за спасение ее гибнущей экономики, а значит, и за жизнь и судьбы миллионов людей, легла на мои плечи» (Е. Гайдар, 1996).

* * *

Из интервью 2003 года «Газете»:

«— Отец не говорил, что вас бросили на амбразуру?»

— Ну, бросили и бросили — судьба, значит, у нас такая... Куда родина послала — туда и иди.

Он всегда был моим единомышленником, всегда подерживал меня. Он был умный, хорошо образованный, интеллигентный человек. Он прекрасно понимал, что такое реформы после краха тоталитарной системы.

<...>

— Когда в вашей судьбе произошел этот резкий поворот и вы возглавили российские реформы, что ваша жена говорила?

— Она понимала, что это данность, неизбежность, но ей это страшно не нравилось. Она женщина и прекрасно понимала, насколько это небезопасно, причем не только для меня, но и для всей семьи, для детей. При этом она понимала, насколько это неблагодарно. Ей это все крайне не нравилось, но она знала, что об этом ее никто не будет спрашивать — это было не в традиции семьи.

И папа бы не спрашивал о подобного рода вещах.

— У вас в этом плане патриархат: мужчина принимает решения и всё?

— Нет, почему. Неправда — есть масса вещей, в которых принимает решения женщина: что приготовить на ужин, какую одежду купить детям, как построить дом... Это все решает Маша. А вопросы, как проводить реформы в России, решаю я».

15. АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ ЧУБАЙС

Наше поколение забыло, что система частной собственности — важнейшая гарантия свободы не только для владельцев собственности, но и для тех, у кого ее нет.

Можно ли усомниться, что у мультимиллионера, оказавшегося моим соседом, а может быть, и работодателем, надо мной гораздо меньше власти, чем у ничтожнейшего чиновника, в чьих руках государственный аппарат насилия и от чьей прихоти зависит, позволено ли мне будет жить и работать? И кто возьмется отрицать, что общество, в котором власть в ру-

как богатых, все равно лучше общества, в котором богатыми могут стать только те, в чьих руках власть?

Ф. Хайек

Интервью А. Б. Чубайса в самолете Владивосток—Москва в декабре 2010 г.:

«...Ребята (участники учрежденного А. Б. Чубайсом в Петербурге в конце 80-х клуба «Перестройка». — М. Ч.) предлагали: “Толя, давай в народные депутаты! Иди на выборы в Верховный Совет СССР или России”. Но мне это было не нужно и неинтересно. Как тому же Алексею Кудрину или Сергею Игнатьеву. Мы видели перед собой иную парадигму, готовясь не к политической, а к профессиональной работе по преобразованию отечественной экономики.

К 90-му году наша команда оказалась фактически единственной в стране, кто именно этим занимался долго и предметно. Второй такой не было ни в официальной науке, ни вне ее.

— *А Гайдар?*

— Разумеется, я и Егора подразумеваю. К тому моменту мы уже несколько лет шли вместе, мгновенно сблизившись на общности интересов...»

Одновременно они разошлись со своими недавними учителями, представлявшими лучшую часть советской экономической науки.

Эти честные и умные люди, профессора и академики, были именно советскими экономистами — «боролись за рыночный социализм с человеческим лицом». А Гайдар и Чубайс к этому времени уже точно знали, что ничего такого не бывает.

«...К 88-му году понимание, что частная собственность является основой эффективной экономики, было для нас азбукой, аксиомой. Для мэтров же это находилось за гранью добра и зла, было чем-то невозможным, немыслимым. ...Классики застряли в эпохе совершенствования социализма, которая закончилась раз и навсегда. Это откровение стало для большинства жуткой личной

трагедией, кое-кто из них, как известно, спился, остальные превратились в наших непримиримых оппонентов» (Е. Гайдар, 1996).

«— Значит, Ельцин в 91-м году был обречен выбрать Гайдара и его команду?

— Ничего подобного! Решение Бориса Николаевича противоречило всем законам — логики, политики, психологии. Абсолютная загадка! Представьте себе Ельцина, прошедшего колоссальную жизненную школу, поработавшего директором крупного домостроительного комбината, возглавлявшего Свердловскую областную парторганизацию, а затем Московский горком КПСС, ставшего кандидатом в члены Политбюро ЦК, все потерявшего и поднявшегося вновь. А рядом — 35-летний Егор, интеллигент в четвертом поколении, у которого за плечами лишь научная да журналистская работа. Трудно вообразить двух менее совместимых людей! Все разное — облик, язык, манеры, культурная среда, жизненные ценности. До сих пор не понимаю, как Ельцин смог принять Гайдара...»

«Принять» — имеется в виду не только «принять на службу»...

Конечно, тогда свою роль сыграл Геннадий Бурбулис — *государственный секретарь* России: он представил Гайдара Ельцину. «Но ведь тогда, — справедливо говорит Чубайс, — вокруг Ельцина вилось много всякой публики».

...Вы, наверно, подумали, что в определении должности Бурбулиса я ошиблась: ведь *госсекретарь* — это только в США?.. Нет, не ошиблась — в 1991—1992 годах в России существовала эта должность, и занимавший ее Бурбулис остался единственным российским *госсекретарем*...

В общем, как Ельцин выбрал Гайдара — об этом речь пойдет позже. Пока же — о том, как Анатолий Чубайс по просьбе Гайдара взялся за совсем уж смертоубийственное дело: возвращение в Россию *частной собственности*.

А дело было так.

Они сидели на госдаче в Архангельском, работали над структурой будущего российского правительства — за месяц до назначения Гайдара! Просто чтобы в случае необходимости — все уже было, как говорится, на мази.

И вот однажды поздно ночью, рассказывает А. Б. Чубайс, «Егор поднялся из-за рабочего стола и предложил: “Давай прогуляемся на свежем воздухе, заодно и поговорим”. Ладно, пошли. Не успели отойти на десяток метров, как Гайдар без предисловий сказал: “Толя, я думал-думал и решил, что тебе необходимо возглавить комитет по госимуществу”. Это предложение прозвучало совершенно неожиданно, поскольку Егор прекрасно знал, что в профессиональном смысле я терпеть не мог приватизацию, она была мне абсолютно неинтересна».

И Чубайс рассказал, как в свое время сильный экономист и их сотоварищ Виталий Найшуль предложил проект *ваучерной приватизации*. И они с Гайдаром этот проект разгромили (так что ваучер, повторяю, — совсем не выдумка Чубайса, хотя все уверены именно в этом!), «не оставив от него камня на камне. И вот спустя несколько лет Гайдар вдруг предлагает взяться за проект, который мы сами же раскритиковали в пух и прах! Хорошо известно, что в мировой экономической мысли нет проблемы приватизации ...это вопрос технологический и политический, а не научный...»

Тут видно, что еще недавно вопрос о политических аспектах для этих сильных экономистов не стоял — они занимались наукой! Но Гайдар уже готовил общий план действий — на тот случай, если придется взять в руки бразды управления всей экономической реформой.

Это очень важная вещь — заранее обдумывать, что конкретно делать будешь в случае чего...

А в Советском Союзе почти никто ничего этого не обдумывал. Умные, либерально настроенные люди, которым давно осточертела советская власть, собирались на кухнях и очень аргументированно ее критиковали. Но что именно они будут делать, если удастся ее победить, — об этом не говорили и не думали.

Потому, в первую очередь, что не верили, что она в самом деле когда-нибудь рухнет. И только пили стопку за

стопкой «за успех нашего безнадежного дела». И неверие это потом откликнулось — большими трудностями в установлении настоящих демократических порядков.

Но пока вернемся к разговору Гайдара с Чубайсом осенью 1991 года.

«...Кроме того, мы оба прекрасно сознавали, что история такая ...“антинародная”... Перспектива стать пугалом для миллионов граждан мне не слишком улыбалась. Поэтому открытым текстом сказал: “Егор, после этого я на десятилетия вперед превращусь в самое ненавидимое существо на свете! Ясно как божий день”. Гайдар ответил столь же прямо: “Но и ты пойми, Толя... создание института частной собственности в стране — ключ, сердцевина”. Спорить с таким аргументом смысла не имело, я согласился с Егором: надо — значит надо».

16. МИСТЕР ТВИСТЕР

Что такое частная собственность — каждый советский ребенок знал с детства по стихам Маршака:

Мистер Твистер,
Бывший министр,
Мистер Твистер — миллионер,
Владелец заводов,
Судов,
Пароходов,
Решил прокатиться
В СССР...

Все родившиеся в СССР дети с пеленок знали, что нет ничего гаже, чем быть владельцем заводов, судов, пароходов — такой человек автоматически считался у нас мерзавцем. Например, таким, как мистер Твистер, который «не любит цветного народа» и не может поселиться в гостинице, в которой живет хоть один темнокожий или желтолицый.

(Сейчас такие расисты, ненавидящие «черных» — так они называют вовсе не темнокожих, а черноволосых, — тоже

встречаются. И не в Америке, а как раз в России. И при этом они не владеют ни заводами, ни пароходами. И, может быть, это их особенно злит и заставляет кидаться на «черных» с ножом в руках. И потом проводить полжизни за решеткой.)

Дети, воспитанные на звонких стихах Маршака, выросли. А тут как раз Гайдар с Чубайсом задумали возвращать в Россию частную собственность. Так почему эти бывшие советские дети должны были взять да полюбить российского Мистера Твистера?

Читатель этой книжки уже знает, что в Советском Союзе был довольно обширный слой — «новый класс», или «номенклатура», — которые жили почти как мистер Твистер, хотя и безо всякой частной собственности. Просто потому, что они пользовались общегосударственной собственностью как своей: спецдачами, спецстоловыми, спецсанаториями... Только это никак не афишировалось. В газетах об этом не писали, по радио и телевизору не говорили. И никто не видел, как именно они живут на всем готовом. Только догадывались.

И пришла пора от этого положения дел отказаться.

17. «ПОЧЕМУ Я ВЫБРАЛ ГАЙДАРА?»

Это был человек дела и вместе с тем мыслитель; он действовал безо всякого усилия над собой, движимый неукротимой жизненной энергией, отличался редкостным упорством и никогда не страшился возможных неудач. Большие познания сочетались у него с практическим складом ума и, как говорят солдаты, с большой сметкой; к тому же он выработал в себе замечательную выдержку и ни при каких обстоятельствах не терял головы, — короче говоря, у него в высокой степени развиты были три черты, присущие сильному человеку: энергия физическая и умственная, целеустремленность и могучая воля.

Жюль Верн. Таинственный остров

Видишь, товарищ, заря поднимается...
Вновь за работу народ принимается...
Там, где труднее и круче пути,
Гайдар шагает впереди!

Из песни 1962 года

В сентябре Борис Николаевич Ельцин улетел в Сочи — восстанавливаться после путча и всего пережитого. И Геннадий Бурбулис отправился к нему туда — срочно демонстрировать разработки Гайдара и его команды.

Ведь дело было в том, что союзная власть (то есть, власть, которая управляла Советским Союзом) после путча потеряла всякие рычаги управления. Республики не хотели больше подчиняться Москве, на улицах которой в любой момент могут появиться танки.

В разговоре-интервью с Петром Авеном и Альфредом Кохом Г. Бурбулис рассказывает: «Надо было что-то делать. Страна катилась к коллапсу...

Что хорошо было: в гайдаровских бумагах идея тут же сопровождалась шагами, инструментом. Закон — указ, указ — закон, постановление. И понятно было, что предлагается и как это сделать. Проходим раз — Борис Николаевич: «Не могу. Как же так? Что, только так и не иначе?» — «Только так». — «А есть другая возможность?» — «Нет». И каждый день, пока мы теряем время на обсуждение, эти другие возможности безвозвратно тают, тают... Но финал такой: Ельцин говорит — если ничего другого нет, значит будем делать так. Точка.

П. Авен. Это вы сумели убедить Ельцина, что это просто безальтернативно?

Г. Бурбулис. Да. И более того. Это на самом деле было безальтернативно. ...У меня есть такой образ, я его считаю точным и содержательным. Есть ситуации выбора, как в жизни каждого человека, а в данном случае страны, когда выбор не между спектрами возможностей, а когда он настолько ограничен, что выбор, по сути, ограничивается тем, что нельзя не делать. То есть делать или не делать — у нас уже не было этого выбора. Нельзя уже было это не делать!

...Этого, кстати, совершенно не понимал тот же Явлинский, потому что у него всегда была такая позиция: буду делать только то, что хочу, а то, что надо, но не хочу, я делать не буду. А в данном случае эта предельная ситуация была четко командой Егора прописана, и она совпала с рациональным типом мышления Ельцина. Точная, понятная, динамичная задача и решение. Но вот персонально по Гайдару еще не было определено...

П. Авен. То есть ты, когда уезжал из Сочи, ты уезжал без решения по Гайдару?

Г. Бурбулис. Без, конечно. Я сказал Борису Николаевичу: «Приедете в Москву — будете с ним встречаться»...

П. Авен. Ты Гайдара знал до этого?

Г. Бурбулис. Ну как, мы в августе познакомились, а эта работа велась в августе-сентябре. Я привез Ельцину программу и говорил, что это сделал Гайдар и надо встречаться, надо разговаривать и с командой, и с ее лидером. Там не было никаких сомнений, что лидером этой группы является Гайдар».

Сам Ельцин в мемуарах «Записки президента» (1993) отвечает на им же поставленный вопрос «Почему?..» И очень интересно отвечает. Нужно со вниманием читать его слова. Тут есть нам всем о чем подумать. Много узнаешь и о Гайдаре, и о Ельцине — о масштабе его личности.

«...Главное было определиться в своем собственном окружении, сделать какой-то рывок, резко прибавить обороты в российском правительстве, привести другие ключевые фигуры.

Меня не устраивал рабочий состав Совмина. ...Настала пора привести экономиста со своей концепцией, со своей командой, возможно. Настала пора самых решительных действий в экономике, не только в политике.

...Сейчас если у России не появится свой архитектор экономической реформы — это станет стратегической ошибкой».

Трудно переоценить ту роль, которую сыграло в истории постсоветской России вот это понимание ее прези-

дентом необходимости самых решительных действий в экономике.

Сегодня можно смело утверждать, что именно его понимание — то, что Ельцин не стал прятать голову в песок в надежде, что все рассосется, все как-нибудь, пользуясь толстовским словом, образуется, — спасло в начале 90-х годов Россию.

«Еще я понимал, что сразу же утвердить этого человека на пост главы правительства не удастся, ему придется дать роль вице-премьера, министра экономики, что-то в этом роде.

...Почему я выбрал Гайдара? В отличие от многих других ключевых фигур выбор главного «экономического рулевого» мне хотелось, наконец, совершить осмысленно, не торопясь, не оглядываясь на чужое мнение.

Хотя, безусловно, “чужое мнение” было — Гайдару протезировал Бурбулис. Гайдар, как говорят в таких случаях, “его человек”. Но я хочу, чтобы читатель ясно осознал — такие серьезные назначения и не могут совершаться без рекомендации. Президент просто обязан в таких случаях выбирать из целого ряда кандидатур, которые кто-то предлагает...

Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении... Сразу видно было, что Гайдар — не то, что называется “нахрапистый мужик”. Это просто очень независимый человек с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства. То есть интеллигент, который, в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений, своих размышлений, своей слабости, но будет при этом идти до конца в отстаивании принципов, потому что это не партия сказала “надо” — комсомол ответил “есть”, это его собственные принципы, его мысли...»

...Тут придется прервать воспоминания Бориса Николаевича, чтобы пояснить кое-что главным читателям моей книжки — тем, кто не застал советского времени и советских песен.

Ельцин цитирует строку песни 1953 года, ставшей на все последующие советские десятилетия — то есть почти на 40 лет! — ходячим выражением, присловьем, чем-то вроде поговорки: «Если партия сказала: *надо!* Комсомольцы отвечают: *есть!*»

«Было видно, что он не будет юлить. Это для меня тоже было неоценимо — ведь ответственность за “шоковую терапию” в итоге ложилась на президента, и было очень важно, чтобы от меня не только ничего не скрывали, но и не пытались скрыть».

...По всему, что лично мне приходилось слышать о «кремлевских коридорах», там *правдивость*, да еще в отношениях с главой государства — это не просто редкое качество. Даже слово *уникальное* — кажется здесь недостаточно сильным.

К тому же — что говорить!.. У нас в России вообще почему-то врут — как воду пьют. Если кто скажет — «это повсюду так!» — весьма сомневаюсь. Но я — специалист по России, а не по всем странам. И с неохотой вынуждена свидетельствовать — *у нас с вами* дело обстоит именно так.

«Гайдар умел говорить просто...»

И вновь прервем Первого Президента России, чтобы отметить — черта выдающегося ученого! Средний исследователь и устно, и письменно выражается обычно весьма сложно.

«...И это тоже сыграло огромную роль. ...Он не упрощал свою концепцию, а говорил просто о сложном. Все экономисты к этому стремятся, но у Гайдара получалось наиболее убедительно. Он умеет заразить своими мыслями...»

И еще немаловажное: «...Научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро. Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились — надо идти!»

И еще: «Гайдар дал понять, что за ним стоит целая команда очень молодых и очень разных специалистов. Не просто группа экспертов, а именно ряд личностей, самостоятельных, рвущихся в дело, *без комплексов*».

«Без комплексов» — выделим здесь это важное определение. Ельцин увидел человека, близкого ему по главным личностным чертам. И едва ли не прежде всего — незакомплексованного (таких среди российских интеллигентов — в силу разных причин — днем с огнем не сыщешь), без болезненного самолюбия.

Вообще, пожалуй, не обеспокоенного совсем личными амбициями. (Что ему было кому-то доказывать — на государственном поприще? Он давно уже состоялся как ученый!) Озабоченного исключительно мыслью о России. О том, как остановить — даже и ценою собственной репутации в глазах несведущего большинства соотечественников — ее сползание в пропасть.

«...Я понимал, что в российский бизнес, помимо тертых советских дельцов, обязательно придет такая вот — простите меня — “нахальная” молодежь. И мне страшно захотелось с ними попробовать, увидеть их в реальности.

Короче говоря, было очень заманчиво взять на этот пост человека “другой породы”».

Это означало — не из надоевшей Ельцину за долгие годы его партийной работы *номенклатуры* (напомню вновь, что «до Горбачева» он был секретарем Свердловского обкома — то есть главой Свердловской области)

«Безусловно, самым популярным экономистом к тому времени в стране был Григорий Явлинский. Но, измученный борьбой за свою программу, он уже приобрел некоторую болезненность реакций. Кроме того, чисто психологически трудно было возвращаться во второй раз к той же самой — пусть и переработанной — программе “500 дней” и ее создателям» (Б. Ельцин, 1993).

Оба объяснения — простые и понятные. Президент тоже имел право на какой-то психологический комфорт в этом новом для него и обещающем огромный дискомфорт деле... Закомплексованные, с болезненным самолюбием люди, с которыми и вообще-то всем и всегда трудно, для Ельцина были в этой ситуации непозволительной нагрузкой.

Геннадий Бурбулис в разговоре-интервью с Петром Авенном и Альфредом Кохом обсуждает проблему Явлинского:

«Тогда говорили, что его сам Борис Николаевич предлагал. Но это было не так. Я прекрасно знаю тогдашнее отношение Ельцина к Грише. Он бы его даже рассматривать не стал.

...П. Авен: Явлинский в интервью “Форбс” говорит, что ты просто напрямую ему предлагал, еще до Гайдара...

Г. Бурбулис. ...Нет, я ему ничего не предлагал».

Бурбулис ценил Явлинского, однако, с его точки зрения, он «был абсолютно недееспособным с точки зрения принятия решений и ответственности... Я не мог предлагать Явлинскому эту работу, потому что работа была другая. Та, на которую Явлинский был не способен. Про которую я заранее знал, что он с ней не справится».

«...Вернемся к Гайдару. Теперь вопрос лирический и исторический. Почему Ельцин выбрал Гайдара? ...Я считаю, что окончательно для Ельцина стимулом, мотивом для принятия решения явилась личная встреча с Гайдаром. Когда Борис Николаевич, человек не без психологического изящества, не без какой-то внутренней эстетики, встречается с человеком, который ему по этим параметрам отнюдь не уступает, то для Ельцина это был сильный удар (под “ударом” имеется в виду, конечно, неожиданное и очень сильное впечатление от личности молодого экономиста. — М. Ч.).

При этом он видит молодое дарование, которое достаточно спокойно и очень четко излагает свои взгляды, в отличие от разного калибра косноязычных невежд, от которых ему за эти годы пришлось послушаться всякой самоуверенной болтовни.

...Таким образом, первая предпосылка выбора Гайдара содержательная. Вторая, не менее важная, ее усилившая: у Ельцина мощный слух на то, что называется социальной глубиной. Он смотрит внутрь человека. Они еще немножечко там вспомнили “наши свердловские корни”. Бажов, дедушка Бажов, улица Чапаева (на ней стоит дом, в котором в детстве бывал Егор у бабушки, а потом он стал музеем П. П. Бажова. — М. Ч.), детство Егора, “Малахитовая шкатулка”... Это какое-то редчайшее братание. Вдруг получается: мы из одних земель, из одной вулканической

породы, одного корня... Потом Гайдар — романтик (подразумевается второй дед — Аркадий Гайдар. — М. Ч.). Вот этот утопизм, мифология большевистской удали, служения идее — это тоже в парне присутствует. И этот код историко-культурный и социально-романтический — все спрессовалось. И он [Ельцин] наверняка — мы это потом немножко обсуждали — представил, как здорово зазвучит, скажем, в сознании масс и первая, и вторая корневая система, и как она может быть воспринята доброжелательно...

Вот эти три фактора: ясность программы, во-вторых, четкость личностная, где сочетание хорошего ума с практичной волей, и эти предпосылки, историко-культурные коды: Бажов, Гайдар...»

Забегая вперед, скажем: так все оно и было. «Социально-романтический» расчет тоже оказался верным: людям России понравилось, что выручать страну в острой ситуации поручено внуку Аркадия Гайдара — Гайдар опять «шагает впереди».

И нужны были большие пропагандистские усилия тех, кто с концом советской власти потерял свои спецпайки и другие привилегии, чтобы внушить людям, что в их пореформенных тяготах виноваты не десятилетия советского «планового хозяйства», а лично Егор Гайдар — «его» реформы, неизвестно зачем им придуманная «шоковая терапия»...

«Б. Н. Ельцин: ...И все-таки внятно объяснить свой выбор все равно непросто. Самое главное — и теперь я в нем не раскаиваюсь. И еще знаете, что любопытно — на меня не могла не подействовать магия имени. Аркадий Гайдар — с этим именем выросли целые поколения советских детей. И я в том числе. И мои дочери.

Егор Гайдар — внук писателя... И я поверил еще и в природный, наследственный талант Егора Тимуровича».

Добавлю и некоторые свои соображения.

Ельцин устал от тех, про кого в России говорят — «мужик»: «отличный мужик», «настоящий мужик». Устал от их мата, густо покрывающего поле любой беседы. Сам

он — редчайший случай! — никогда не прибегал к этому обычному способу российского общения. Поэтому жена и дочери Ельцина вздрагивали, когда его сотоварищи, «приняв на грудь», начинали слишком вольно выражаться за их домашним столом.

И вот перед ним был тот, к кому слово «мужик» никак не прилипало, кто легко обходился без мата...

Возвращаясь к перечню различий, — язык и жизненные ценности у этих очень разных людей оказались как раз во многом общие.

Глубоко интеллигентная манера поведения Егора Гайдара в сочетании с несомненной честностью Ельцину необычайно импонировала. Обещалось что-то новое, большого масштаба...

«Альфред Кох. Ельцин часто встречался с такого рода образованными и умными людьми, которые могли бы вот так ясно и четко излагать? Егор ведь имел очень свежий язык, яркий, образный. Так не говорили чиновники. Это было очень неожиданно для Ельцина, который в основном общался с номенклатурой. Это было для Бориса Николаевича то, что Петя [Петр Авен] называет культурный шок?

Г. Бурбулис: Не знаю насчет шока, но очарование было. И возникшее следом как бы покровительственное доверие».

18. ЗАСЕДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР 15 НОЯБРЯ 1991 ГОДА

Итоги изучения нынешнего российского общества поразили даже самих организаторов опроса. Большинство россиян (около 70%) не согласны с тем, что у инициаторов реформ не было другого выхода и что предпринятые ими меры перезагрузки жизни в стране были безальтернативны.

Независимая газета, 23 июня 2011 г.

Началось спешное формирование нового правительственного кабинета — такого, который во главе с Гай-

даром сумеет провести остро необходимые и неизбежно болезненные для каждого в России реформы.

«Были и забавные эпизоды, — вспоминает первый заместитель Гайдара в Министерстве экономики и финансов Российской Федерации Андрей Нечаев. — Мы единодушно решили, что министром образования должен стать Борис Салтыков, которого многие из нас знали... Борис Георгиевич много лет занимался вопросами экономики и организации научных исследований. ...Звонок ему из-за дефицита времени состоялся в 2 часа ночи. Разбуженный Салтыков решил, что его неудачно разыгрывают, и, посоветовав нам всем меньше пить (совершенно несправедливо, надо сказать, так как нам было тогда не до гуляний), бросил трубку. Пришлось звонить снова. Не до конца поверивший и со второго раза, осторожный Салтыков попросил время до утра. Но утром уже обсуждал с нами, едва державшимися на ногах после многих бессонных ночей, задачи и детали своей будущей работы...»

Наступил решительный день.

Придя на заседание правительства уже вместе с Егором Гайдаром, Ельцин поздравил всех «с назначением членов Правительства Российской Федерации, правительства реформ, так будем называть. ...Надо было сформировать, самое главное, единую команду. И мне, например, кажется, что это удалось. ...Действительно, люди все нравственно чистые и не позволят втянуть себя в дразги друг с другом вместо того, чтобы заниматься очень плотно и очень много нашими российскими делами. Я убежден и верю лично в назначение каждого члена правительства».

Конечно, Ельцин сразу оценил, какой мощный коэффициент полезного действия может дать единственная в своем роде «тимуровская команда» — правительственная команда *единомышленников!* Кабинет министров, в котором нет подковерной борьбы, нет взаимного подсиживания, а все объединены общей труднейшей задачей — и все более или менее одинаково ее понимают (в отличие от предыдущего кабинета)!

Андрей Нечаев вспоминает, что еще до того, как они стали кабинетом, а все вместе составляли по заданию Г. Бурбулиса экономическую программу для Ельцина, «все было как-то очень по-доброму, по-товарищески — никакой вражды, зависти, соперничества... Да и трагизм положения в стране не оставлял места для личных амбиций».

И все они понимают, говорил дальше Ельцин, в какое время они приходят руководить Россией: «Такого кризисного состояния не было, может быть, за всю историю России: экономического, финансового, материального обеспечения людей, социальной сферы, культурной, духовной, в развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта, экологии. Что ни возьми, то не просто проблема, а или кризисная ситуация, или близкая к катастрофе. Действительно, мы оказались сейчас на узкой тропинке, которая идет по краю пропасти, а одна нога уже практически в пропасти. И вот надо успеть пройти по этой тропе, и надо все-таки за достаточно короткий срок — столько, сколько выдержит народ, чтобы не выйти на улицу и не смести всех нас. Кстати, вместе с другими республиками».

Ведь Советский Союз юридически еще существовал, хотя практически — уже почти нет. В тот момент всем было ясно, что не Ельцин и Гайдар разрушили хозяйство страны — они пришли на уже разрушенное и думали над тем, как что-то спасти. Миф о них как о разрушителях «прекрасно работавшего» хозяйства возник позднее.

Но многие в том зале выслушали слова Ельцина с тревожным изумлением. Они, конечно, видели, что происходит и куда неудержимо катится огромная страна. Но им не хватало интеллектуального бесстрашия для того, чтобы отдать себе полный отчет в происходящем. И, следовательно, взять на себя ответственность за решительные и, конечно же, непопулярные действия.

Это довольно распространенное качество — боязнь додумывать тревожные мысли до конца. Ее называют еще — поведение страуса (он прячет голову в песок — и думает, что укрылся от врагов).

«Да, действительно, — продолжал Ельцин, — ответственность на нас большая, потому что каждый из нас понимает, что мы идем все-таки в рисковую зону и идем с риском для дела, для политической карьеры своей и авторитета, чего угодно. Но я, например, лично на это пошел открыто, прямо и не сомневаясь, потому что все-таки у России огромные возможности и огромный потенциал».

Ельцин рисковал больше всех. Его ставка была самой высокой. Потому что ему больше, чем кому-либо из присутствующих в том зале, было чем рисковать и что терять: после трех августовских дней его авторитет был огромным.

Теперь он положил его весь, без остатка, на заведомо непопулярные реформы — уверившись, что они необходимы его стране. Это хорошо понимал Егор Гайдар — и это усиливало его уважение к Президенту России.

«— Первый вопрос — о системе неотложных мер по реализации экономической реформы.

Егор Тимурович Гайдар, пожалуйста».

И все взоры устремились на вышедшего к трибуне.

19. ЯВЛЕНИЕ ГАЙДАРА

Каждому из присутствовавших в зале с детства была знакома эта фамилия — Гайдар.

Носивший ее молодой человек был почти никому из них неизвестен.

Волновался ли он в этот поистине исторический момент?

Наверняка, и очень.

Был ли уверен в себе?

Вне всяких сомнений.

Главное — не сомневался в правильности своего выбора.

А понравится он или не понравится сидящим в зале — об этом Егор Гайдар совсем не думал. Просто не умел.

— Уважаемые товарищи!

Этот совсем молодой, по меркам правительственных чиновников, человек с первых звуков своей слегка задыхающейся речи приковал к себе все взгляды.

Невооруженным глазом было видно, что он слеплен из другого теста, чем почти все они. Что его, например, ни капельки не занимает, как отразится предлагаемая им реформа на его карьере, на продвижении по служебной лестнице.

Да и куда ему было двигаться по ней? Он оказался поставлен Президентом России Ельциным на самую верхнюю ее ступеньку.

Но ведь сверху падать больнее.

Как ни старались слушавшие — ничей опытный глаз не различил на детски розовощеком лице (эта детскость многих особенно внутренне раздражала) озабоченности этим возможным будущим падением. Ничего — кроме озабоченности судьбой страны.

И какое-то неудобство воцарилось в зале.

Как будто среди присутствующих внезапно оказался марсианин. И всем надо делать вид, что ничего особенного — обыкновенный марсианин.

Гайдар с первых слов описал главную сложность осуществления реформы — «Россия не имеет всего набора атрибутов государственности и механизмов государственного управления экономикой...». А никто и не озабочивался в советскую эпоху, стремительно, на глазах уходящую в прошлое, чтоб РСФСР, как все другие республики, имела свои институты... Самая большая республика была как бы дублером всего Советского Союза. Сейчас это работало против России.

В этих сложнейших условиях Гайдар выстроил цепочку необходимых действий.

Вспоминает А. Чубайс: доклад Гайдара «занял, наверное, всего минут 15. Но все темы, затронутые в нем, — либерализация цен, либерализация внешнеэкономической деятельности, конвертируемость рубля... В 15 минут было втиснуто больше полудюжины реформ, каждая из которых назревала десятилетиями.

Решиться на их проведение советская власть так и не смогла. Тот же вопрос о либерализации цен Правительство СССР за предшествующие семь-восемь лет обсуждало неоднократно, но не сделало ни одного содержательного шага».

Гайдар обозначил программу, «каждый пункт которой требовал месяцев дискуссий и консультаций». Но именно потому, что бездарно упущены годы и годы, теперь у членов нового правительства «такого времени физически не было. На всю процедуру принятия решений отводилось двое-трое суток...

Тогда это стало возможным только благодаря тому, что предшествовавшие 10 лет работы нашей команды были полностью посвящены профессиональному осмыслению одного единственного вопроса: «Как преобразовать советскую экономику?» И все 10 лет мы не раз писали и переписывали проекты документов — постановлений, решений, указов — по ключевым аспектам преобразований.

Для нас, соратников Егора Гайдара, его выступление тоже стало поворотной точкой. Мы впервые не дискутировали между собой, а предлагали комплект указов Президента и постановлений Правительства... И продуманность всего комплекса мероприятий была такой, что практически все решения «с колес» превращались в государственные документы».

Это стало совершенной новацией в сравнении с неповоротливой машиной советского управленчества.

Именно эта неповоротливость, среди прочего, неуклонно двигала страну к краху.

Теперь документы, готовившиеся самой квалифицированной командой экономистов в стране, «с колес» шли в работу, выводя страну, на десятилетия застрявшую в историческом тупике, на ту дорогу, по которой давно шли цивилизованные страны.

«Из предложенного Егором набора мер 90% было реализовано».

20. В КАКОМ СОСТОЯНИИ ЗАСТАЛ ЕГОР ГАЙДАР СТРАНУ, ИЛИ — БЫЛА ЛИ ВСЕ-ТАКИ АЛЬТЕРНАТИВА? ЗАОДНО — СНОВА О ЗАВИСТИ

Никогда ненависть не бывает столь непримиримой, как зависть.

А. Шопенгауэр

Два человека никогда не простили Ельцину его выбора — Руслан Хасбулатов и Гавриил Попов. Оба давно читали курсы лекций по экономике в высших учебных заведениях; каждый из этих профессоров был, видимо, уверен, что именно он должен возглавить правительство России при президенте Ельцине.

Заодно не простили они и Гайдара.

Р. Хасбулатов будет мстить Ельцину, возглавив Верховный Совет. Он стал требовать отставки Гайдара уже с середины января 1992 года — то есть через несколько дней после начала реформ. В результате неустанной работы он этого к концу года добился, но не остановился. В своем мстительном раже он поставит страну на грань новой Гражданской войны. Об этом — речь позже.

* * *

Перенесемся ненадолго на много лет вперед — когда у Г. Х. Попова изольется вдруг злобная зависть на того, кого уже не будет в живых.

Нарушив обычай, которому испокон веку следуют все русские люди независимо от мировоззрения и верования, в большой статье, написанной в соавторстве с Ю. Лужковым (оба они поочередно были московскими мэрами) и опубликованной в начале 2010 года, он будет поносить Гайдара, не дождавшись сорокового дня после его кончины.

Экономист и политик В. Милов (бывший замминистра энергетики) начнет свои возражения завистникам и клевет-

никам простыми и точными словами: «Какую же все-таки мерзость написали Лужков и Попов о Гайдаре!» И предложит объективную картину происходившего как раз в описываемое нами время: «Давайте просто по фактам пройдемся. Ну вот, например, о пресловутой либерализации цен».

Многие, напишет В. Милов, «сейчас удивленно поднимают брови, слыша это», но таковы факты: 28 октября 1991, «более чем за неделю до назначения в правительство Гайдара и его команды (эти назначения состоялись шестого ноября), V Съезд народных депутатов РСФСР одобрил предложенные Ельциным “основные принципы радикальной экономической реформы”», где либерализация цен шла первым пунктом! За — проголосовали 876 (!) депутатов, а против — только 16.

«Либерализация цен, — свидетельствует В. Милов, — на тот момент была консенсусом всех политических сил, что бы кто сейчас ни говорил».

Почему, задает он вопрос, все депутаты, включая коммунистов, практически единогласно голосовали в этот день за либерализацию? И сам отвечает:

«Потому что она на тот момент была безальтернативным выходом из “ножниц” между оптовыми и розничными ценами, в которые страну завели безответственные действия союзных властей — повышавших оптовые цены, но сдерживавших розничные. С 1 января 1991 года указом Горбачева оптовые цены были повышены более чем на 50%, при этом розничные цены сохранены фиксированными — это требовало дотаций из госбюджета, в результате чего дефицит госбюджета нарастал. В 1991 году дефицит российского бюджета и той части союзного бюджета, которая приходилась на РСФСР, составил 32% ВВП России».

Как понимать эти экономические дела? А очень просто. Даже если ты только что пошел в школу, в первый класс — все равно поймешь, я тебя уверяю. А уж про третьеклассников и не говорю — любой, мне кажется, поймет. И еще своей бабушке все объяснит, если она ему скажет — то ли по раздражению, то ли по незнанию азов экономики, — что именно Егор Гайдар взял да и разорил ее.

Итак, внимание: что именно происходило в стране до Гайдара?

Государство стало платить высокие цены (*оптовые*) предприятиям, кооперативам (которые к тому времени появились чуть ли не при каждом заводе и фабрике), совхозам за купленную им у них продукцию. Почему? Потому что за более низкие они ему уже не продавали. А *заставить* уже никого было невозможно.

Потому что если скажет даже сам Генеральный секретарь КПСС Михаил Сергеевич Горбачев: «Положишь партбилет на стол!», то директор ответит: «Да пожалуйста! Вот сюда или на тот угол?..» Не то что в «брежневское» время, когда дрожали за свой партбилет как за гарантию разнообразных льгот.

...Покупает государство, понятное дело, чтобы потом эту самую продукцию — от картошки до телевизоров — продавать в государственных (других тогда не было) магазинах гражданам. То есть, оно торгует этой купленной продукцией *в розницу*. И при этом не произошло само собой, казалось бы, разумеющегося: раз поднял оптовые цены, так подымай и розничные.

Не произошло потому что Горбачев боялся поднять розничные цены — те, что в магазинах. Он боялся вызвать недовольство советских людей — они же привыкли, что цены в магазинах не должны увеличиваться, хоть трава не расти... Вот не должны — и все.

Таков был негласный уговор народа со своей властью — мы вам покорно подчиняемся, не протестуем, а вы за это сохраняете в неприкосновенности наш минимум:

- низкая квартплата,
- приемлемые цены на продукты,
- неукоснительно своевременная выдача нищенской (у очень многих) зарплаты.

...И хотя общее правило торговли во всем мире — низкие оптовые цены, повыше — розничные, у нас получилось иначе.

«Дефицит покрывали кредитами Госбанка — печатанием денег. В результате, — поясняет В. Милов, — мы имели бесконтрольный рост денежной эмиссии и скры-

тую гиперинфляцию (так называемую “подавленную инфляцию”), огромный неудовлетворенный спрос, отсутствие товаров в магазинах».

Открытая инфляция — это когда вы приходите утром в магазин и видите, что сегодняшняя цифра на ценнике гораздо выше вчерашней.

Откуда вообще берется *инфляция*?

В нормальной рыночной экономике цена товара определяется соотношением *спроса* на него — и его *предложением* на рынке. *Спрос* определяется тем, сколько человек хочет купить товаров и сколько у него для этого денег (ну и, конечно, — сколько людей одновременно этого хотят и могут себе позволить). *Предложение* зависит от количества имеющихся на рынке товаров и цен на них.

Если спрос на товары растет, а количество предлагаемых на рынке товаров не увеличивается — неизбежно растут цены на эти товары. То же самое происходит с ценами, если спрос — такой, как и был, а товаров по какой-то причине стало поменьше. Этот рост цен и называется *инфляцией*.

То есть, деньги, которые получают ваши родители за свою работу, по цифрам все те же, а как будто день ото дня дешевеют... Купить-то на них можно все меньше.

А скрытая, или *подавленная инфляция* — это когда вы точно знаете, что товар здорово подорожал, но его новую цену нигде не увидите.

Потому что самого товара на прилавках нет — только под прилавком. Или вообще не в магазине, а у кого-то дома. Стоят в одной из трех комнат десять вовремя купленных холодильников. Приходишь (конечно, по знакомству!) — и покупаешь у хозяина квартиры. Но уже, конечно, намного дороже, чем сам он покупал два месяца назад.

А не дорожать эти отсутствующие на прилавке товары не могли (хотя государство цены и не поднимало!) — таково неперемное следствие безрассудного увеличения денег в обороте, если к тому нет экономических оснований.

«...Именно это, кстати, — продолжает В. Милов свою профессиональную экспертизу, — *уничтожило основную часть сбережений населения*, ответственность за которую пытаются целиком повесить на правительство Гайдара:

основные потери вкладчиков пришлось на 1991 год, когда цены выросли на 150%...»

То есть Горбачеву все равно пришлось 2 апреля 1991 года повысить розничные цены. И они сразу же скакнули — выросли в два с половиной раза, а затем больше и больше... Ударили по людям, но при этом — *безо всякой пользы для экономики*, поскольку не сопровождались реформами.

«...а покупательная способность сбережений упала в 1991 году на 60% (еще до Гайдара!) ...Власть потеряла контроль над денежным обращением, товаров в магазинах не было, занимать деньги дальше было некуда — к концу 1991 года внутренний госдолг составил около триллиона рублей, внешний долг — 47 миллиардов инвалютных рублей. После этого *либерализация розничных цен* (то есть — магазинных. — М. Ч.) была просто *предопределена* — с Гайдаром или без, кто бы что сейчас ни говорил. Такой нарыв можно было только вскрывать. Сейчас идет какой-то детский лепет про “постепенное” повышение цен, но любая постепенность обернулась бы дальнейшей денежной эмиссией для субсидирования сдерживаемых цен и еще более сильной гиперинфляцией в последующем.

...Говорят, были в момент прихода Гайдара в правительство какие-то альтернативы.

Да, были. Вот такие, например: почитайте вот текст постановления Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР, одним из руководителей которого в конце 1991 года был Лужков, от 31 августа 1991 года «О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием». Пункт 4 этого постановления говорит *о фактическом введении в стране натуральной продразверстки, экспроприации зерна у собственников*. «Другое решение» проблемы дефицита.

Вот говорят: разговоры о том, что Гайдар предотвратил гражданскую войну, — якобы преувеличение. Да никакого преувеличения. Встань во главе правительства Силаев (премьер российского правительства в 1991 году. — М. Ч.) и Лужков с их идеями продразверстки — вот и получилась бы самая настоящая гражданская война».

Комитет под таким военизированным названием («по оперативному управлению») был создан после Августа 1991 года, когда враз рухнуло советское государство. «Каким-то загадочным органом» называет его в своей книге Андрей Нечаев, — «нечто среднее между ГКЧП, Советом министров и Особой тройкой (той самой, которая при Сталине выносила приговоры без всякого суда. — М. Ч.)... В Комитет входили Силаев (председатель), Вольский, Лужков и Явлинский».

Как поясняет А. Нечаев, странное сочетание «опытного советского хозяйственного руководителя, матерого аппаратчика ЦК КПСС, начинающего регионального руководителя (это — будущий мэр Москвы, злобный враг Гайдара Ю. Лужков. — М. Ч.) и идеолога предыдущей, отвергнутой на союзном уровне программы реформ (Г. Явлинского. — М. Ч.). Формально этому комитету подчинялись всесоюзные министерства, т. е. это было некое квазиправительство. Но реально его власть с каждым днем угасала, переходя к руководству республик».

Это и было началом распада советской империи...

Прочитаем напоследок этот «пункт 4», да и некоторые другие из порожденных «загадочным органом»:

«В целях стабилизации обеспечения населения страны продовольствием Комитет по оперативному управлению народным хозяйством (само название Комитета более всего говорит об угрожающей ситуации: «оперативное управление» только в таких ситуациях и появляется. — М. Ч.) постановляет:

<...>

2. *Считать недопустимым*, что в ряде мест при наличии достаточных зерновых ресурсов в хозяйствах, благоприятных экономических условий для закупки зерна *сдерживается его продажа государству*.

<...>

4. Ввести временно порядок («временно» — это у нас самое грозное слово; так поздней осенью 1917 года ввели в России цензуру — временно, на небольшое совсем время уппрочения нового порядка; отменили же — по россий-

ской Конституции — только осенью 1993 года. — М. Ч.), в соответствии с которым указания Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР о поставках зерна и продовольствия общесоюзным потребителям, по межреспубликанским поставкам и об отгрузке продовольствия в районы Крайнего Севера являются *обязательными для исполнения* (выделено нами. — М. Ч.).

Как в моем детстве любили говорить в нашем большом московском дворе — «Одно из двух — отдавай мои деньги!»...

Когда некий доктор наук А. Гончаров в одной из «желтых» газет сегодня (в 2011 году) заявляет, что пустота магазинных полок «была полностью срежиссирована», что «продуктов-то было навалом», что много чего «лежало в закромах родины», он не понимает или делает вид, что не понимает, что взять лежащее в закромах можно было *только двумя путями* — или силой оружия, или освобождением цен.

...Был в постановлении Комитета еще и пункт 7, в котором Министерству обороны СССР вменялось «производить передислокацию автомобильных батальонов, принимающих участие в уборке урожая, по указанию Комитета по оперативному управлению»...

Перед самым приходом Гайдара в правительстве разработана, как видим, программа мер *принуждения*.

Как иначе можно назвать постановление, в котором отгрузка (то есть, продажа) зерна объявляется «*обязательной для исполнения*»? Тут ведь сразу встает вопрос о том, какими средствами добиваться «исполнения», если производитель зерна отгружать его по предлагаемым ценам не хочет? А партбилетом, который у него скорей всего есть, уже ничуть не дорожит?

Программа этих мер живо напомнила о 1917—1918 годах. Не тем, конечно, кто ее составлял.

Но, во всяком случае, Егору Гайдару.

21. О КУЛЬТУРНОМ КРУГОЗОРЕ И О РОЛИ ЗЕРНА В ИСТОРИИ РОССИИ

В отличие от тех, кто разрабатывал эту программу, он очень хорошо знал *историю России*.

И не по советским школьным и вузовским учебникам — а именно из них-то и черпали и разработчики этой программы, и многие другие деятели той необычной эпохи вполне мифологизированное представление об отечественной истории XX века, — а по доброкачественным источникам.

И вот это его отличие от членов Комитета и не только от них — весьма важное.

То, чем обладал Гайдар, называется — *культурный кругозор*. Он или есть, или его нет. Он не сводится к простой сумме знаний — это дело более тонкое. То самое, от чего Ельцин при первой встрече с Егором Гайдаром испытал *культурный шок*.

Отсутствие такого кругозора не заменяется никаким *хозяйственным, управленческим* и прочим опытом, который в критические моменты способен только завести в тупик. Куда и завел в конце августа 1991 года членов Комитета по оперативному управлению... Потому что смотря чем ты оперативно управляешь! Если совхозом, поселком и даже хозяйством — то, пожалуй, этого опыта достаточно. А вот если огромной страной со сложной историей, да еще на историческом переломе...

Когда же именно этот кругозор приобретается?

Скажу со всей ответственностью — *культурным кругозором* люди обзаводятся только и исключительно в *детстве, отрочестве и юности*. Вот только в этом отрезке жизненного времени.

Если оно упущено — пиши пропало. В более поздние, зрелые годы обзавестись культурным кругозором практически уже не удастся. Можно его только *расширять*, если он уже имеется.

Егору Гайдару повезло — он в детстве и отрочестве любил читать, как вы могли убедиться, помимо просто увлекательных, и серьезные, научные книги. И чем больше он

их читал — тем больше расчищал себе в будущем дорогу к пополнению умственного багажа: знал, какие именно книги заказать в библиотеке (он за день в библиотеке перемалывал уйму книг), к каким историческим источникам — как здешним, так и иностранным — можно отнестись с доверием.

Знание истории своей страны предостерегло его в 1991 году от трагических ошибок.

Покажем это на конкретном материале.

В своей последней книге «Смуты и институты» Гайдар возвращается ко времени Первой мировой войны, к тому, как к 1916 году инфляция, обесценение бумажных денег привели к тому, что «средств на приобретение хлеба по рыночным ценам не хватало».

При этом «заставить деревню сдавать зерно в необходимых объемах царское правительство не могло. *К жестоким репрессиям против крестьян оно было не готово.* Стал ли недостаток продовольствия в Петрограде причиной февральских беспорядков, вопрос спорный. Но из официальной переписки видно, что положение со снабжением армии, крупных городов накануне Февральской революции было напряженным. *К февралю 1917 запасов зерна, которым правительство могло бы маневрировать, не было*» (здесь и далее в этой главе курсивом выделено нами. — М. Ч.).

Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.

Гайдар не настаивает, но *допускает*, что именно *нехватка хлеба* стала конечной причиной конца Российской империи — Февральской революции. А за ней — и всего последующего.

...А вот и Временное правительство осенью 1917 года попадает в такое же положение. Деревня не хочет продавать хлеб по предлагаемым ценам — ждет более высоких. Правительство перед дилеммой — или удвоить цену, или, как докладывает министр продовольствия, «непосредственно перейти к репрессивным мерам — применению воинской силы, и с помощью этой силы взять хлеб у населения...»

Приведя эти слова, Гайдар пишет далее: «В угрозу применения силы мало кто верил.

Ухудшение продовольственного положения подрывало доверие к Временному правительству. В сентябре 1917 г. в Петрограде ежедневная порция не превышала 1 фунта черного или полубелого хлеба, часто из прогнившей муки. За четыре дня до октябрьского переворота в городе норма выдачи хлеба была понижена до $1/2$ фунта (полфунта = 200 г. — М. Ч.) в день на едока. После октябрьского переворота в кабинете А. Керенского нашли лист бумаги, на котором его рукой написано: «Хлеба на $1/2$ суток!?»».

Гайдар не мог не увидеть аналогию с современностью — даже в самой порции хлеба на душу... Он хорошо знал и не хуже понимал участие нехватки хлеба в событиях октябрьского переворота и последовавшей за ним Гражданской войны — с огромными, незаживающими ранами на теле страны. И еще он умел — в отличие от многих — из известных ему фактов *делать выводы*.

Но ведь это все было при царском и при Временном правительствах, которые боялись репрессий. А как пошло дело с хлебозаготовками при большевиках? Которые репрессий ничуть не боялись?

Гайдар повествует:

«Российская деревня начала XX века представляла собой во многом замкнутый, самодостаточный мир. Хлебом, мясом, овощами она обеспечивала себя сама. Городские товары, к которым деревня привыкла, приобретали за счет доходов от сельского хозяйства, подсобных промыслов. ...Деревня воспринимала внешний мир отстраненно, не хотела, чтобы он вмешивался в ее жизнь.

На первых порах крушение старого порядка было для деревни безболезненно: налогов больше не требовали, сыновей в армию не забирали, усадьбу помещика никто не охранял, ее можно разграбить и сжечь, землю поделить.

Расстройство городской промышленности, рост цен на ее товары, сокращение поставок того, к чему село привыкло, порождало проблемы. Но в руках у крестьян оставалась самая надежная в период кризиса валюта — хлеб, на который можно обменять любые фабричные товары. Ехать в город не надо — те, кому нужен хлеб, приедут сами.

Положение городов, особенно крупных, сложнее. Жизнь в них без регулярного притока продуктов питания невозможна. Деревня обеспечить потребности города в продовольствии не торопилась...»

Но вот наступил Октябрь, большевики совершили переворот — свергли Временное правительство.

«Если учесть, что большевикам были чужды сантименты Временного правительства, не позволявшие предъявлять для изъятия продовольствия репрессии, можно было предположить, что, захватив власть, они сумеют силой взять зерно. Этого не произошло.

Они не смогли наладить даже снабжение Петрограда и Москвы».

«К лету 1918 г. ситуация с продовольствием в столице стала катастрофичной».

Гайдар объясняет — причин было несколько.

«Главная из них — отсутствие у большевистского режима механизмов принуждения, позволяющих изымать продовольствие, обеспечивать его транспортировку в столицу. Слабость государства невозможно компенсировать жестокостью власти».

Вот это афористическое суждение Гайдара и является ответом тем, кто считал меры принуждения достойной альтернативой либерализации цен.

Даже если бы Ельцин пошел за сторонниками жестких мер в конце 1991 года, зачеркнув демократические основы общества, — это ни в коем случае не привело бы к нужному экономическому эффекту — просто по слабости государства... А к чему, вместо экономического эффекта, привели бы эти меры принуждения — можно только гадать.

Гайдар выбрал меры *экономические*.

Результат — страна, которую он практически построил и в которой мы все живем.

Владимир Милов, говоря об «очернительной аналитике» завистников, цитирует их слова, что в результате гайдаровских реформ мы «оказались отброшены на 35 лет назад».

«35 лет назад — это какой год? 1975-й? 1957-й (если считать от 1992-го)? Что за бред? Что, 35 лет назад была возможность свободно покупать любые товары, свободно

ездить за границу?.. Что, каждый четвертый россиянин имел автомобиль, как сегодня? ...Я не говорю уже о мобильной связи, интернете, возможности купить современную удобную мебель, бытовую технику или сделать в квартире приличный ремонт.

Это все появилось бы и без Гайдара? Что-то вот я смотрю на верную социалистическим идеалам Кубу, где не было никакого Гайдара, и не вижу всего этого — вижу, что вот там люди действительно живут как 50 лет назад».

В своей последней книге Гайдар подводил итоги решения о реформе и самой реформы:

«Идею, что столкнувшись с дефицитом зерна, можно добыть его, посылая вооруженные отряды в богатые хлебом регионы, правительство всерьез не обсуждало. Хлеб крупным городам был необходим. Конфисковать его невозможно. Валюты, чтобы его купить за рубежом, нет. Остается одно: получить продовольствие, заплатив цену, которая будет приемлема для его производителей. Собственно, в этом суть либерализации цен, путь, подобный тому, которым пошел В. Ленин в 1921 году, когда столкнулся с угрозой потери власти.

Как и тогда, сама по себе либерализация цен в 1991 году не давала гарантий решения проблемы снабжения городов продовольствием. Ключевым был вопрос: будет ли село продавать городу зерно за ненадежные, обесценивающиеся рубли? Именно от этого зависело, повторится ли катастрофический сценарий событий времен русской революции начала XX века.

...Речь шла о развитии событий в ядерной державе, стабильность которой во многом зависела от того, что будет происходить с продовольственным снабжением городов. Решение было одним из самых рискованных в мировой истории».

Говоря кратко — *ядерная держава* просто не может себе позволить *потерять стабильность*. Потому что тогда и ядерная кнопка может оказаться в случайных руках...

Спустя годы ситуация зимы 1991—1992 годов обсуждалась на международном семинаре лучших экономии-

стов (бывших и действующих министров финансов и др.) мира. Гайдар вспоминает, что на его вопрос — «что, на взгляд столь опытных людей, в этой ситуации надо было делать, министр финансов одной крупной страны ответил: «Застрелиться. Остальные решения хуже»».

22. ДЕКАБРЬ 1991

Из беседы бывшего министра экономики России Якова Уринсона с ведущим радиостанции «Свобода» Виктором Шендеровичем двадцать лет спустя:

В. Ш. ...Я слышал, что еды оставалось на неделю, на несколько дней.

Я. У. Была полная катастрофа с продовольствием.

...В декабре мы отслеживали движение всех наших кораблей из канадских портов с зерном и так далее, причем все они были арестованы за неуплату еще горбачевско-рыжковских долгов. И поэтому каждый корабль у нас был на вес золота, поскольку действительно ни зерна, ни муки, ни тем более печеного хлеба в стране просто не было. В некоторых губерниях, Екатеринбург хорошо помню, даже в таких, как Воронеж, где черноземные земли, как известно, там хлеба осталось где на неделю, где на месяц. Не только хлеба, с углем были гигантские проблемы. И только когда Егор разными путями договорился о разблокировании некоторых наших кредитов копеечных буквально, удалось продовольственную проблему решить, удалось с поляками договориться по углю и так далее. То есть накануне самого настоящего коллапса...

В. Ш. ...Довольно быстро на смену всеобщему убожеству пришло чудовищное расслоение. Я думаю, что прекрасно понимали и Гайдар, и Чубайс, что мы из огня в это полымя входим... До какой степени понимали эту мину?

Я. У. Понимали на сто процентов. ...Когда только правительство было сформировано Гайдара, то ли Шохин, то ли Нечаев сказал: мы правительство камикадзе, дай Бог нам продержаться три месяца. Наша задача либерализовать цены, либерализовать внешнюю торговлю, построить

хотя бы основы какие-то, начать приватизацию, дальше нас сметут. Причем сметут те, ради кого мы работаем...

Недовольство будет гигантское — и от красных директоров, и от простых работяг, которые попадут в абсолютно непредсказуемую ситуацию.

Худо-бедно любой человек, который родился и жил в Советском Союзе, понимал, что ребенок окончит школу, будет институт, или техникум, или завод, раз в три года он съездит отдохнуть сначала в пионерский лагерь, потом в Сочи, у него так или иначе будет рабочее место, свои гарантированные 60 рублей зарплаты, профсоюзная путевка, ну, и в магазине хлеб, водку так или иначе всегда он добудет.

...А здесь абсолютно непонятно, абсолютно непредсказуемо. ...Простой работяга не понимал, как это можно, когда у него нет зарплаты — такого не бывает.

В. Ш. В общем, должен сказать в защиту, я тоже бы не понял, как можно, что у меня нет зарплаты, — такого не бывает. Для этого надо перестать быть работягой и начать быть политическим деятелем, надо переходить на другой какой-то уровень.

Я. У. Понимаете, к сожалению, даже до сих пор многие думают, что у них была зарплата. Но только забывают, что на те рубли, которые они получали, на зарплату, почти ничего нельзя было купить.

В. Ш. ...Я не экономист, но мне кажется более важным вопрос, что производили люди на свою зарплату.

Я. У. ...Масса продуктов, которая производилась, никому не была нужна. Я уже не говорю о милитаризации экономики, когда порядка 60% национального продукта тратилось на оборону и на отрасли, связанные с ней. То, что производилось на рядовых предприятиях швейной промышленности, нормальный человек надевал тогда, когда вообще нечего было надеть. И даже за какими-нибудь польскими или чешскими товарами стояли бешеные очереди. Об этом все забыли, но помнят то, что теперь великие люди называют *стабильностью*.

...Когда все живут одинаково бедно, когда все ходят в одни и те же магазины, где нет ничего, а во всякие кремлевские кормушки ходит только 0,3% населения и видит

в этих кормушках колбасу, и сервелат, и все, что угодно, или 200-я секция ГУМа, помните, такая была, туда ходило высокое начальство, но это 0,5%... А сейчас любой человек в этой же стране может зайти в любой магазин, и там будет все, начиная от автомобилей “Роллс-Ройс”, кончая последним дешевым сыром.

В. Ш. Ему остается только заработать.

Я. У. Кто-то покупает что-то дорогое.

В. Ш. ...Коротко расскажу байку: как объяснить детям, что такое совок. ...Я по первой специальности театральный человек, после премьеры в одном провинциальном театре — в другом провинциальном городе премьеры, а я педагог по пластике. Перестроечные времена, в телевизоре уже Майкл Джексон скачет с группой дрессированных мулатов (приношу свои извинения за воспроизведение не совсем политкорректной шутки Виктора Шендеровича: слово «мулат» давно не употребляется, оно осталось в книгах Марка Твена и других американских писателей XIX века. — М. Ч.), там они танцуют — замечательно.

И я подвыпившим актерам, собравшимся в гостиничном номере и после премьеры клюкоающим, говорю: вот, говорю, сволочи, смотрите — вот это называется *синхронно*. Вот синхронно — это это, а не то, что вы делаете!..

На что прокуренная, пропитая актриса провинциального театра, глядя на Майкла Джексона, говорит мне: вы заплатите мне миллион долларов, я тоже так станцую, — говорит она мне.

И для меня эта фраза, мелочь, стала каким-то символом *совка*.

Потому что в голову этой даме не приходило, что *надо сначала так станцевать, надо сначала научиться что-то делать*, а потом объявить за это миллион долларов. А мы все в обиде, что нам не платят миллион долларов, будучи прокуренными, пропитыми и в общем малоконкурентными».

Вернемся к началу этой беседы — к словам Виктора Шендеровича о возникшем вслед за укоренением рынка расслоением общества.

Здесь, правда, нужна одна поправка. *Расслоение* возникло гораздо раньше, с первых лет советской власти.

Оно введено еще Лениным — я рассказывала вам об этом, опираясь на книгу Джиласа «Новый класс» и Восленского «Номенклатура».

Очень важное уточнение делает не раз упоминавшийся мною (и по заслугам) венгерский экономист Янош Корнай в солидной монографии «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» (М., 2000). Он пишет, что в «социалистических» странах высокопоставленные работники партийного и государственного аппарата, помимо лучших поликлиник и больниц, «получают и дополнительные бесплатные блага — им предоставляют бесплатное ведомственное жилье, служебный автомобиль с водителем, более благоустроенные санатории и дома отдыха, чем рядовым сотрудникам».

Дальше — самое главное!

«Подобные различия возникают во всех системах. Но специфически присущим именно классическому социализму это явление делает противоречие между словами и делами. Эгалитарные (вы, конечно, уже поняли, что это от французского слова égalité — равенство, один из лозунгов французской революции) лозунги официальной социалистической идеологии провозглашают, что все имеют равные права на получение бесплатных благ, однако эти лозунги никогда не претворяются в жизнь» (выделено нами. — М. Ч.).

Добавим немаловажное — тогдашнее расслоение было надежно укрыто от глаз всех жителей страны.

Не могло быть и речи, чтобы в какой-либо газете появилась фотография роскошной дачи, в которой совершенно бесплатно живет семья секретаря какого-либо обкома... Газета сразу была бы закрыта, а фоторепортер в лучшем случае уволен. А в худшем — его могли бы и посадить за *антисоветскую деятельность, за изготовление и распространение антисоветских материалов*. Но ничего такого не могло случиться просто потому, что ни один цензор такой фотографии не пропустил бы в печать.

Так что насчет того, что расслоение общества появилось только после реформ — как говорится, не будем горячиться...

23. КАК И ПОЧЕМУ РАСПАЛСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ИЛИ — КАК НА КАРТУ МИРА ВЕРНУЛАСЬ СТРАНА РОССИЯ

Раздался взрыв чудовищной силы, который слышен был на расстоянии в сто миль. Взлетели вверх обломки скал, упали в океан, и несколько минут спустя его воды уже покрывали то место, где только что был остров Линкольна.

Жюль Верн. Таинственный остров

Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.
А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше.

• *Б. Окуджава*

...Было событие. Фундаментальное историческое событие. Обрушилась, может быть, одна из самых зловещих империй в истории человечества — советская империя.

Г. Бурбулис

Советский Союз рухнул гораздо раньше, чем трое президентов собрались в Беловежской пуще.

Он взлетел на воздух в течение трех августовских дней. Только не все тогда услышали взрыв. Не все увидели летящие в разные стороны обломки.

Но подточены были опорные столбы, разрушился его фундамент гораздо раньше трех исторических дней. Об этом рассказывалось в разных главах моей книги.

А последний председатель Совета министров СССР, участник августовского путча Павлов в своих мемуарах пишет о том, что главным шагом к распаду Союза было разрешение Горбачева республикам выпустать самостоя-

тельно рубли — то есть децентрализация функции эмиссии денег.

В сентябре 1991 года Госсовет СССР признал независимость трех прибалтийских республик. За ними одна за другой, страхуясь от повторения августовского путча, спешно выходили из состава СССР другие республики. Итог такой: к ноябрю 1991 года 12 из 15 бывших советских республик объявили о государственной независимости. В составе СССР остались только РСФСР, Белоруссия и Казахстан; Украина, можно сказать, стояла в позиции «С вещами на выход!». Поскольку еще 24 августа — то есть на третий день после подавления путча — была принята Декларация о независимости Украины.

Важнейшим шагом к распаду советской империи стал референдум Украины 1 декабря 1991 года — более 90% украинцев проголосовали за одобрение Декларации о независимости. То есть — за полный суверенитет их республики. Слишком давно многие из них этого хотели и ждали.

На Украине жили и живут много русских, среди них — немало тех, кто не хотел отъединяться от России. Но в истории редко встречаются решения, которые устраивали бы всех.

Первый и последний Президент СССР недооценил давнюю тягу украинцев к независимости. Русский человек, с молодости находящийся у власти в огромной советской империи, не понимал, просто не мог себе представить, что какие-то народы по доброй воле могут захотеть покинуть эту могучую, наводящую на всех страх империю. Он совсем не понимал того, что многие активные люди разных национальностей, ощущая свою подчиненность высшим партийным органам, не забывают, что эти органы состоят в основном из русских. И не перестают ощущать второсортность своей нации в Советском Союзе рядом с огромной Россией...

Михаил Горбачев не знал, или не помнил, или не придавал значения тому, например, что украинцы не могли выступать на собраниях, на конференциях, читать и слушать лекции в университете на родном — «материнском», как называют его в разных странах мира, — языке.

Конечно, в Киеве и в других крупных городах большинство горожан говорило по-русски. Но в селах говорили по-украински. И надо было предоставлять свободный выбор — для тех, кто хотел публично говорить или учиться по-украински.

Что такое угнетение права свободно пользоваться родным языком, многие в России поняли только когда впервые (!) столкнулись в последние десятилетия с давлением на Украину, в республиках Прибалтики на русский язык.

Точно так же Горбачев по незнанию не смог придать должного значения конфессиональному угнетению.

Когда Советский Союз по сговору с Гитлером забрал Западную Украину, на ее территории было распространено католическое вероисповедание. Эту церковь сразу запретили. Людей, привыкших считать себя католиками или униатами, все последующие годы вынуждали крестить детей в православной церкви (она тотальному запрещению не подвергалась).

И через полгода после прихода к власти Горбачева, в августе 1985 года Иосип Тереля получил *семь лет* тюремного заключения и пять лет ссылки за защиту прав украинских католиков — то есть за протест против *сталинского* запрещения их церкви. (Это был человек, который отсидел в советских лагерях *23 года* — за иной образ мыслей и за веру.) Выпустили его в 1987-м — когда уже Перестройка шла полным ходом.

Горбачев не понял результатов референдума на Украине после августовского путча — когда большинство высказалось за отделение от Союза и независимость, а не за новый союз: «Я уверен, — говорил он, — что сегодня люди на Украине думают о союзе так же, как и люди в других уголках нашей огромной страны».

Тут даже само слово «уголки» — часть советского словаря: «...во всех уголках нашей необъятной родины». И оно подсказывает, что слова Горбачева — не результат наблюдений и анализа, а плод привычки оперировать готовыми шаблонами.

Конечно, множество людей в республиках, входивших в СССР, довольно безразлично относились ко всему, что

не касается их личной, семейной жизни. Эти люди вполне согласны были жить и дальше в Советском Союзе. Но более или менее политизированные — то есть те, кому не безразлично, на территории какой страны стоит их дом, — больше не хотели зависеть от горстки чиновников в Кремле. Не хотели по утрам бежать к телевизору — что там в Москве, не появились ли опять на улице танки?..

Но главное — *вышел срок советской империи.*

Она больше не могла поддерживать сама себя.

24. ВГОР ГАЙДАР И РАСПАД СССР

«А. Чубайс о Гайдаре: Он не был идеологом развала Союза. Совсем. И он не был драйвером переговорного процесса. ...Но он глубоко понимал, что это а) неизбежно, б) наиболее техничным способом минимизации катастрофических последствий является оформление в таком виде.

А. Кох. А Горбачев, когда я у него в мае брал интервью, мне сказал, что теперь и он понимает, что это было неизбежно.

А. Чубайс. Как говорит Жванецкий, если бы я был такой умный, как моя жена потом!

Кстати, вопрос о неизбежности развала СССР, когда я впервые услышал эту мысль, был для меня большим потрясением, нужно сказать. Я помню это до сих пор».

А. Чубайс вспоминает, как кто-то из их экономическое сотоварищества (то есть — со *Змеиной горки*) примерно в 1987 году «сформулировал три неизбежных перехода, которые нам предстоит пройти. Из авторитаризма в демократию, из плана в рынок и из империи в постимперскую конструкцию. В таком виде вопрос до этого никогда не стоял, и к тому же было сказано, что *переход к рынку будет проще, чем к демократии и уход от империи.*

Вот это меня просто перевернуло. У нас не было этого взгляда до того, и это был такой интеллектуальный прорыв! Во всяком случае, лично для меня.

...Петя (Авен) говорил, что вы, ребята, ...не понимаете, что такое Узбекистан. Это другой мир, другая плане-

та, другой состав кислорода. Вы не имеете ни малейшего представления о том, что это такое, и пытаетесь свои хозрасчеты и самофинансирование там внедрять. Там вообще другая жизнь. Вот это я помню хорошо.

...Мы поняли тогда и зафиксировали свое понимание письменно, что с этого момента развал СССР неизбежен. *Значит, реформы придется делать в России, а не в СССР.* Вот суть. ...И что из этого следует для нас? Для нас из этого следует на самом деле переосмысление целых блоков нашего видения, начиная с мелкого вопроса под названием «макроэкономическая стабилизация» (с одним Центральным банком или с 15-ю Центральными банками) и кончая всякими таможенными делами. То есть из неизбежности развала СССР выросла необходимость пересмотра программы реформ, а не из программы реформ вырос развал СССР. Этот нюанс очень важен на самом деле.

А. Кох. Есть же вообще позиция, ...что инициатива по денонсации союзного договора исходила от Кравчука, который имел на руках результаты референдума о выходе из состава СССР.

А. Чубайс. Приятно все-таки, что хотя бы это развалили не мы».

Когда Ельцин спросил Кравчука — можно ли как-то приспособить новый Союзный договор к тому, чтобы Украина его подписала, тот ответил категорическим «нет».

То есть Украина больше не хотела находиться с Россией в составе одного государства — федерации, конфедерации или чего угодно другого.

Она не хотела больше никому передавать какие-то свои права. Хотела быть полностью самостоятельным лицом и на международной арене...

Гайдар вспоминает «югославский сценарий» — «агрессивная риторика лидеров республик», а затем — «кровь, война. Чудо, что этого не случилось на территории бывшего СССР.

Почему так произошло? Думаю, что сказались личные убеждения Б. Ельцина, который не хотел войны. А так-

же — само наличие на территории распавшейся сверхдержавы ядерного оружия, в том числе тактического. Понимание того, что игры с переделами границ несут угрозу стране и миру, были немаловажными в процессе принятия решений.

Суть того, о чем договорились 8 декабря в Беловежской пуще, а потом 21 декабря в Алма-Ате, проста: мы признаем факт распада Советского Союза, не предъявляем друг другу территориальных претензий, ядерное оружие будет вывезено на территорию России. Остальное — детали» (Е. Гайдар. Смуты и институты, 2009).

«Беловежские соглашения были ратифицированы голосами 188 членов Верховного совета РСФСР 12 декабря 1991 года (при 6 против и 7 воздержавшихся), среди голосовавших “за” было немало людей, позже обрушивавшихся с нападками на Ельцина за “развал СССР”. Спрашивается: при чем тут Гайдар?» (В. Милов).

Одним из важных следствий распада Советского Союза стало возвращение на карту мира — после семидесятилетнего на ней отсутствия — названия огромной, единственной в своем роде страны.

Через густонаселенные области Европейской части, хребет Урала, пространства Западной и Восточной Сибири, малонаселенные, увы, просторы Приамурья, Приморья, Камчатки и Чукотки протянулось короткое, но очень важное для многих и многих (среди них — и автор этой книги) слово:

РОССИЯ.

25. ЕГОР ГАЙДАР У ВЛАСТИ

— Да ведь и то разобрать, за что жалеть-то? Силой нас сюда никто не гнал, значит, сами знали, на што идем. Значит, нечего и жалиться!

А. Гайдар. Школа, 1930

А почестей мы не просили,
Не ждали наград за дела...

Г. Поженян

Мой принцип — без крайней нужды никогда не ввязываться в драку, но если уж ввязался — драться до конца, пока есть силы.

Е. Гайдар. Дни поражений и побед, 1996

Пришло осознание того, что, принимаясь ты это или нет, но политика почти всегда — не выбор между добром и злом, а выбор между меньшим и большим злом. И начал лучше понимать людей, которые в свое время, стиснув зубы, поддерживали меньшее зло, закрывая глаза на его пороки.

Е. Гайдар. Там же

«Однажды утром к Ласампо, министру продовольствия короля Ментахо, явился заведующий хлебопекарнями.

— Имею честь доложить вашему превосходительству, — уныло начал он, — у меня муки на складе осталось только на три недели. Если не поступит пополнение, придется закрывать булочные и кондитерские...

— Пополнение, пополнение! — раздраженно перебил его министр. — Откуда оно может поступить?..

— Так какие же будут инструкции, ваше превосходительство?

— Убирайтесь вон!

Едва озадаченный чиновник удалился, как вошел смотритель складов, где хранились молочные продукты.

— Ваше превосходительство, — заговорил он. — У меня в амбарах масла и сыру хватит не больше чем на две недели.

— А что я могу сделать?

— Но... быть может... ваши распоряжения... — заборотал испуганный смотритель.

— Вот мои распоряжения! Кондитерам в масле отказывать! Солдатским кашеварам масла не давать! ...Поняли?

— Понял, ваше превосходительство, — ответил смотритель, пятясь к двери.

С ним столкнулся королевский виночерпий. Министр, взглянув на его расстроенное лицо, упал в обморок.

— И вы? — тихо спросил смотритель молочных продуктов.

— Да, — тихо ответил виночерпий. — Вина осталось всего на неделю.

Они принялись приводить Ласампо в чувство. Очнувшись, тот поспешил к министрам других королей.

Оказалось, что с продовольствием везде такое же катастрофическое положение. Решено было собрать Большой совет. Но этого не случалось в течение столетий, и все забыли, как это делается. Пришлось обратиться к старым летописям...» (Александр Волков. Семь подземных королей).

* * *

«...К концу ноября, за семь месяцев до нового урожая, в распоряжении государства остался примерно двухмесячный запас зерна. Продовольственные госрезервы — тушенка, масло и сахар, — за счет которых кое-как латали дыры в снабжении крупных городов, на исходе. И, как это ни горько для великой страны, ее возможность выжить до нового урожая зависит от щедрости дальних и близких соседей.

С тех пор не могу спокойно слушать именно от коммунистов их ритуальные митинговые и парламентские рыдания по утраченному имперскому величию страны, которую они, после семи десятилетий своего жестокого правления, поставили перед миром с протянутой рукой» (Е. Гайдар).

В том страшном месяце ноябре 1991 года правительству — то есть Гайдару — шли телеграммы из всех областных российских центров — о том, что хлеба осталось где на две недели, где на восемь дней, где на неделю... Пришла информация из Читинской области: «Выделено муки

по 260 г. на человека. Это ниже нормы военного времени, ситуация с обеспечением хлебом критическая».

И так — везде. Но так как настоящую экономику не изучали в советское время ни в школе, ни в университетах, — никто не знал, где же искать выход.

Гайдар знал его давно.

...Двадцать лет спустя Е. Г. Ясин вспоминал, как в 1990 году они с Гайдаром были на семинаре в Венгрии.

«Собралось почти все будущее российское правительство — Гайдар, Чубайс, Шохин, Авен. Обсуждаем с авторитетными западными экономистами планы реформ в России. Как-то после дискуссий сидим в ресторанчике, и моя жена спрашивает Егора: “Ты говоришь, что нужно освободить цены и тогда в магазинах появятся товары. Но откуда они возьмутся, если их нет?” И тогда Егор ответил: “Лидия Алексеевна, я не знаю, откуда это все возьмется. Но то, что все это будет, вы увидите”. Так оно и произошло...»

Пояснение для юных читателей моей книги — это был ответ не просто хорошего ученого, а выдающегося. Потому что выдающийся ученый четко отграничивает ту область знания, где за свои утверждения он отвечает стопроцентно, от той, где его суждения могут быть приблизительными.

Он мог, конечно, высказать свои вполне убедительные предположения относительно того, откуда именно «возьмутся» товары. Но не стал этого делать. Зато он точно знал — из всех мировых учебников экономики, что они — *возьмутся*.

В ноябре 1991 года на вопросы социологов более половины россиян ответили, что *не поддерживают переход к свободным рыночным ценам*.

Одобрила эту меру *четверть* всего населения.

Не так уж, между прочим, мало оказалось в России в тот час трезвых и умных людей.

Но все же тех, кто непременно назовет Главным Злодеем и Грабителем Народа того, кто отпустит цены, было гораздо больше.

В начале 1992 года, вспоминая в 2008 году экономист и историк Дмитрий Травин, когда Егор Гайдар «разворачивал свои рыночные реформы, похоронившие социализм», тележурналисты спросили его: «Как полагаете, что бы сказал о вашей сегодняшней деятельности дед — Аркадий Петрович?»

Дмитрий Травин пишет: «Ну как на такой вопрос ответить? Глупо ведь делать вид, будто герой Гражданской войны, известный писатель, прививавший детям 30-х годов ценности, весьма далекие от рынка, частной собственности и конкуренции, поддерживал бы реформы своего внука. Но в то же время глупо признавать перед всей страной, что ты изменил заветам деда. Не будешь же объяснять в маленьком телеинтервью, как изменились времена, как расширились наши знания, как жизнь доказала ошибочность коммунистической идеи, в которую раньше верили миллионы честных людей по всему миру.

Гайдар не стал растекаться мыслью по древу. — Я полагаю, — заметил он, — дед бы сказал: “Не трус!”».

Дальше верно сказано Травиным об ответе Гайдара, что это был не уход в сторону, а вполне точная реакция на тогдашнюю ситуацию. Когда цены взлетели на заоблачную высоту, многие ждали «социального взрыва» — проща говоря, народного бунта.

«Команда Гайдара готовилась к тому, чтобы сосредоточить на себе всю ненависть людей, не вписавшихся в новую жизнь, и в этом смысле слова “Не трус!” вполне отражают повестку дня того весьма необычного времени».

Андрей Нечаев вспоминает: «Последний месяц 1991 года был крайне тяжелым для всех. Страна мучилась, часами простаивая в очередях за самым необходимым — молоком, мясом, хлебом. Люди металась по опустевшим магазинам в униженных попытках как-то отоварить добытые в ЖЭКах талоны на масло, крупу, сахар, водку. Мы же судорожно, из последних сил старались мобилизовать хоть какие-то резервы, которые можно было “выбросить” на прилавки для задерганных тотальным дефицитом людей. Все было на пределе. В общем, медлить с освобожде-

нием цен больше было некуда. В стране шел полный развал потребительского рынка, нарастал ажиотаж с закупками впрок. Не было реальной возможности пресечь накопление товаров работниками торговли, которые в подсобках, на складах и базах утаивали все, что можно, рассчитывая в сложившейся ситуации нагреть руки. Кое-как, конечно, с этим боролись. С помощью торговых инспекций и всяких общественных комиссий некоторую часть припасаемых товаров удавалось вернуть на прилавок, но существенных изменений в ситуацию это не вносило. Да, если признать-ся честно, особого смысла в этих усилиях мы не видели. Поскольку принципиальное решение об освобождении цен было принято, а развал потребительского рынка стал реальностью, такое накопление товаров позволяло надеяться на то, что после либерализации цен оно хотя бы в некоторой степени сдержит их рост».

...С мыслью о том, как встретит население страны 2 января 1992 года — день либерализации цен, — проводило молодое правительство России новогоднюю ночь.

«Мы провели ее, — рассказывает Андрей Нечаев, — на той самой даче в Архангельском, где несколькими месяцами раньше писали свою программу. Приехали с женами. Сели за довольно убогий в смысле яств, совсем не “правительственный” стол. Старая система правительственных привилегий была нами ликвидирована, кремлевские пайки отменены, поэтому поставили на стол то, что могли захватить из домашних холодильников... Поскольку магазинное изобилие лишь маячило где-то впереди, то, помню, пришлось довольствоваться в основном полтавской колбасой и чем-то вроде кабачковой икры. Чудом наскребли пару бутылок шампанского для новогоднего тоста, поэтому пить пришлось в основном водку. Позже подъехали Гайдар и Шохин, которые как более крупные начальники до полуночи встречали Новый год в Кремле.

...О втором января практически не говорили. И без того на эту тему было наговорено достаточно. Но мысли, так или иначе, крутились вокруг послезавтрашнего дня. Говорили о том, что жить нашему правительству, судя по

всему, предстоит недолго. Все же слишком непопулярной выглядела сама эта мера по освобождению цен. Однако никаких упаднических настроений не было. Мы были молоды, практически все ровесники. Это был первый вечер отдыха после каторжной двухмесячной работы в правительстве. Было весело. Недавно Чубайс напомнил мне, что в ту ночь я долго развлекал их рассказом про ниобий. Накануне один из многочисленных посетителей настойчиво просил у меня квоту на его экспорт, утверждая, что через это можно решить половину проблем страны. Где уж он собирался брать этот редкий металл и кому его продавать, я сейчас не припомню, но помню, что явную авантюру не поддержал. Тогда по правительственным и министерским коридорам ходило много авантюристов, предлагавших революционные и судьбоносные решения. Один из них даже убедил Бурбулиса разрешить экспорт так называемой «красной ртути», хотя существование в природе такого вещества так и осталось недоказанным».

На следующее утро, 1 января 1992 года, все они были на работе. По коридорам сновали корреспонденты Центрального телевидения, брали интервью — чего вы ожидаете завтра?

...Товары появились в магазинах через пару дней — «хотя и с новыми, пугающими ценниками. И с того дня товары уже больше в России не исчезали.

В первые дни товарооборот был мизерным. Люди заходили в магазины в основном посмотреть, прицениться. Некоторые товары они до этого не видели в открытой продаже месяцами».

Наверное, точнее было бы сказать — годами.

Одна моя знакомая вспоминала недавно: «Ходили как в музей».

«Но уже довольно быстро начали осваиваться». Потянулись в магазины и за товарами длительного пользования — пылесосами, холодильниками, — хоть и сильно подорожавшими, но зато появившимися в продаже.

Конечно, решение купить подогревалось тем, что люди «опасались (и не напрасно) дальнейшего роста цен.

Но это был уже не тот панический, ажиотажный спрос, который в ноябре и в декабре сметал с прилавков все без исключения... Так из нашей жизни исчезло понятие “мас-совый дефицит”, касавшееся еще недавно самых простых, насущных товаров».

Одно сравнение будет вам понятно, даже если вы учитесь еще только в первом классе — и отважно (и правильно!) взялись за эту книжку.

Егор Гайдар встал у руля российской экономики как раз тогда, когда все экономисты мира повторяли шутку одного остроумного чеха (насидевшегося в «социалистической» Чехословакии — распавшейся после конца «социализма» на две страны: Чехию и Словакию — в тюрьме за диссидентство): «Превратить социалистическую экономику в экономику нормальную так же легко, как превратить рыбный суп в живой аквариум». То есть вареную рыбку превратить снова в живую.

Невыносимо сложной была не только экономическая ситуация, но и тесно связанные с ней разные формы социальной жизни. В первую очередь — армия. Ее непреложный закон — подчиняться приказам Верховного Главнокомандующего. В новой, постсоветской России это был президент.

Реальную же атмосферу в армии голодной зимой 1991/92 годов показывают две фразы из выступлений участников армейского собрания в январе 1992 года: «армию не удастся втянуть в политические игры» и «терпение людей в погонах имеет предел».

Вспоминая впоследствии эту ситуацию, холодно и твердо Егор Гайдар пишет, что, услышав такие слова, «нетрудно понять, что армии у государства нет. Есть вооруженные люди, озабоченные своими проблемами. Их поведением трудно управлять».

Вот точная характеристика ситуации, данная одной журналисткой:

«Какой ему досталась страна? Пустые полки магазинов, талоны. Очень хорошо помню шутку того периода: “Вы руки будете с мылом мыть? Тогда чай без сахара”. Да

и перемены, отмечу, начали до него, когда в 1991 году тогдашний премьер-министр Валентин Павлов вначале санкционировал изъятие крупных банкнот... а потом провел акцию по первой в стране либерализации цен в 2—3 раза.

Гайдар полностью сломал систему госрегулирования как цен, так и производства товаров. Предприниматели развернули инициативу, а до того пустые прилавки начали наполняться импортными товарами. Никогда не забуду то непонятное выросшим уже в России молодым людям впечатление, когда приходишь в магазин и можешь все купить...» (Анна Каледина, «Комсомольская правда»).

«Помню, меня пытали в то время журналисты — контролирует ли правительство потребительский рынок для того, чтобы там не завышались цены? — вспоминает Андрей Нечаев. — Например, говорили они, пошли резко вверх цены на стиральные порошки, а вы бы дополнительно закупили где-то крупную партию и выбросили в продажу?»

Но министр отвечал им:

«...Более мы, правительство, стиральные порошки вообще не покупаем, и в этом вся прелесть. Введя свободу внутренней и внешней торговли, свободу закупки и продажи любых товаров без всякой административной привязки, мы внедрили саморегулирующийся рыночный механизм. Сама его суть в том и состоит, что если цены на стиральные порошки вдруг сильно пошли вверх, тут же находятся сотни “экономических муравьев” — торговых фирм, “челноков” и т. п., которые немедленно ради собственной выгоды, а не по плану, начинают закупать эти порошки у нас или за рубежом. И в течение короткого времени ситуация приходит в норму».

Нарочно выделила слова «ради собственной выгоды» — чтобы обратить на них ваше внимание.

Да, в рыночной экономике все ищут свою выгоду. И тут нет ничего плохого (вспомним уже известного вам Адама Смита!), если торговцы при этом никого не обманывают — ни своего поставщика, ни покупателя. Если с по-

ставщиком они честно расплачиваются, а покупателю не подсовывают что-то недоброкачественное.

...Но крупные централизованные закупки на первых порах были — например, правительство закупило много картофеля в Польше.

Почему картофель, а не те же стиральные порошки?

«...Потому что, — объясняет гайдаровский министр Андрей Нечаев, — это не мобильный товар».

То есть картофель либо есть зимой на базах, а если нет — значит, нет. Потому что нельзя было ожидать, что его подвезут быстро. Потому что еще не было настоящей конкуренции: когда один продавец старается опередить другого в доставке на прилавок товара, имеющего спрос, и тут уже он не считается со сложностями транспортировки...

26. ВРЕМЯ — БЕСЦЕННАЯ ВЕЩЬ

«...Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники развели об этом, и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и еще одного мальчика, и еще двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети, и сами этого не заметили — ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята — старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?»

И один из ребят-старичков подслушал, что надо сделать, чтобы всем им вернуться в свой возраст.

«Прежде всего — надо было найти всех-всех, кого волшебники состарили, всем собраться — и вместе отпра-

виться к этому домику с огромными часами на стене...»
(Евгений Шварц. Сказка о потерянном времени).

Замечаешь ты время, когда готовишь уроки? Сколько минут пошло на упражнение по русскому языку, на решение задачи, на параграф по истории или географии?..

Есть и такие, кто по минутам вообще счет вести не может — только по часам: «С пяти часов сижу над алгеброй...»

Егор Гайдар с детства привык беречь и рассчитывать время — всегда хотел побольше успеть.

Но в новой должности счет пошел на секунды.

Картинка с натуры — вечером после какого-то совещания в вестибюле стоит Егор Гайдар и быстро заканчивает деловой разговор с двумя или тремя людьми. Сам же в это время, не прекращая разговора, *привычно протягивает обе руки назад — и на него натягивают зимнее пальто*. Он застегивается, прощается с собеседниками и быстрыми шагами выходит в подъезд к машине — возвращается на свое рабочее место.

Тот, у кого время ежедневно утекает между пальцев и вечером он горестно замечает, что не сделал почти ничего из намеченного утром, увидит эту сценку по-своему.

— Ишь, — скажет, — барин какой! Даже не смотрит назад — есть там кто с его пальто в руках или нет! Привык, чтоб холуи вокруг него суетились...

Так подумает тот, для кого счет времени никогда не шел по минутам. Тем более по секундам. А Гайдару до зарезу нужны были те секунды, которые он выгадывал, протягивая руки назад и не прерывая разговора.

Как он работал в те годы, я знаю от Леонида Гозмана — он был тогда советником вице-премьера. Достаточно будет одной фразы:

— Я приходил к нему в кабинет с докладом в 4 часа ночи, а в 8 утра у него уже было назначено заседание правительства.

Через несколько лет Гайдар будет вспоминать о главной проблеме «адаптации к работе в правительстве,

особенно в условиях экстремального кризиса, — это радикальное *изменение протяженности времени*. Ученый планирует свою работу в размеренности лет, месяцев, недель. Советник измеряет время в часах и днях. Руководитель правительства вынужден оперировать временем в секундах, в лучшем случае в минутах... В течение полчаса провести важное совещание, за три минуты успеть связаться с Минфином — дать распоряжение, за две минуты пообедать, еще через одну минуту выскочить из кабинета, чтобы мчаться выступать в Верховный совет — вот это норма, и такая круговерть непрерывно в течение дня, с раннего утра до поздней ночи».

Нарушено привычное общение с друзьями: «Нельзя же пригласить близкого друга для общения в два тридцать пять ночи, уделив ему семь минут. Так просто не делается».

Круг общения неизбежно сжимается — «до тех, с кем видишься только по делу».

Мама Егора Гайдара Ариадна Павловна рассказывает:

— Когда в правительстве он сутками работал, он ночью нам звонил или даже заезжал. Уже не мог смотреть — глаза стеклянные. Но все-таки заезжал: как у вас дела? А отец ему: еще вы не сделали то, вы еще должны сделать это... Егор только смотрит и повторяет: «Отец, я работаю 18 часов, я не могу больше. Больше не могу».

...На самом деле он работал больше 18 часов в сутки — просто не хотел пугать маму.

Сам он вспоминал: «Времени не хватает даже на самых близких людей. За весь 1992 год, наверное, всего раза три успел выбраться к родителям, и каждый раз уже под утро и смертельно уставший».

Он был совсем необычный высший чиновник — например, ненавидел то, что на чиновничьем языке носит название «протокол». Это — некие обязательные действия, от которых никакого прямого проку нет. У каждого лица государственного масштаба — свои.

«Когда смотришь по телевизору, как какой-нибудь государственный деятель обходит почетный караул, подписывает бумаги, поднимает бокал шампанского на зва-

ном обеде, можно подумать, что работка в общем-то не пыльная. Может быть, оно и так, когда государственная машина работает спокойно и размеренно. А в 1991—1992 годах, когда столько всего было нужно успеть, становилось безумно жалко каждой потерянной минуты. Всякий раз, когда выяснялось, что надо ехать кого-то встречать, провожать, принимать и всегда в самое неподходящее время — испытывал бессильное бешенство» (Е. Гайдар, 1996).

...А как насчет детей-старичков? Наверно, кому-то все-таки интересно — удалось ли им вернуть потерянное время?

К счастью, они сумели друг друга найти: опознали — одна старушка играла в мячик, другая — в классики... А один старичок вообще прицепился сзади к трамваю! Сразу стало ясно, что это за старичок.

И вот они все вместе отправились в лес — искать домик, где волшебники стерегли украденное время.

«Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и — раз, два, три — закрутил их обратно, справа налево».

Ну, и так далее. Все грамотные, прочитаете эту замечательную сказку сами. Приведу только конец:

«Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет».

27. В РОЛИ ФИЛИППА ФИЛИППОВИЧА

В 1995 году в разговоре с литератором А. Бориным Егор Гайдар сравнивал работу премьер-министра в те критические годы с работой... продавца. Не вообще продавца, с которым, скажем, мои читатели встречаются в магазинах сегодня, а продавца именно в последние советские десятилетия:

«Выдержать напор, натиск разных чужих интересов бывает невероятно трудно. Я бы сказал, что премьер-министр, например, в определенном смысле похож на продавца колбасного магазина в эпоху советского дефицита. Тот знает, что всем колбасы не хватит, из очереди ему кричат: “В одни руки больше килограмма не отпускайте”, — и он должен решать, кому сколько давать. Так и к премьеру идет колоссальный поток просьб и запросов. Произошло землетрясение, нужны на это деньги, останавливается атомная электростанция, не выплачивают зарплату в школах Бурятии... Работа состоит в том, чтобы определять, что из этого является реальной проблемой, но не первоочередной, а что вообще фиктивной...»

...Тем из вас, кто уже успел вплотную познакомиться с Михаилом Булгаковым, эти строки непременно напомнят некоторые его страницы.

Самого-то Егора Гайдара, как и его одноклассников, знакомила с Булгаковым еще в 9-м классе их любимая учительница Ирина Данииловна. И он наверняка иногда смотрел на себя со стороны сквозь призму булгаковских романов — окрашенных непревзойденным юмором.

И, конечно, он помнил «Записки покойника» — роман о прославленном московском Независимом театре, помнил и булгаковское описание администратора театра Филиппа Филипповича...

«...Говорил ли мне кто-то или приснилось мне, что будто бы Юлий Кесарь обладал способностью делать несколько разных дел одновременно, например, читать что-либо и слушать кого-либо.

Свидетельствую здесь, что Юлий Кесарь растерялся бы самым жалким образом, если бы его посадили на место Филиппа Филипповича.

...Филипп Филиппович, полный блондин с приятным круглым лицом, с необыкновенно живыми глазами, на дне которых покоилась не видная никому грусть, — затаенная, по-видимому вечная, неизлечимая, — сидел за барьером в углу, чрезвычайно уютном. ...Филипп Филиппо-

вич был огражден от внешнего мира барьером, и в любой час дня на этом барьере лежали животами люди в самых разнообразных одеждах. Здесь перед Филиппом Филипповичем проходила вся страна, это можно сказать с уверенностью; здесь перед ним были представители всех классов, групп, прослоек, убеждений, пола, возраста...

Но кто бы ни шел к барьеру, все, за редчайшими исключениями, имели вид льстивый, улыбались заискивающе. Все пришедшие просили у Филиппа Филипповича, все зависели от его ответа» (М. Булгаков, «Записки покойника»).

«Все зависели от его ответа...» — именно так и обстояло дело в тот год, когда денег у государства почти что вовсе не было, а в долг уже не больно-то давали. Тот, у кого просят денег, всегда смотрит — а сможет ли должник отдать? Давать стали, когда увидели, что Россия вырывается наконец на тот путь, по которому давно идут преуспевающие страны. И значит, можно надеяться, что станет скоро платежеспособной.

«Три телефона звенели, не умолкая никогда, и иногда оглашали грохотом кабинетик сразу все три. Филиппа Филипповича это нисколько не смущало. Правой он брал трубку правого телефона, прижимал ее к левому уху, а освободив правую, ею брал одну из протягиваемых ему записок, начиная говорить сразу с тремя — в левый, в правый телефон, потом с посетителем, потом опять в левый, в правый, с посетителем. В правый, с посетителем, в левый, левый, правый, правый.

...У него просили билетов в самой разнообразной форме. Были такие, которые говорили, что приехали из Иркутска и уезжают ночью и не могут уехать, не посмотрев «Бесприданницы»...

Кто-то говорил:

— В любую цену, цена мне безразлична...

— Зная Ивана Васильевича 28 лет, — вдруг шамкала какая-то старуха, у которой моль выела на берете дыру, — я уверена, что он не откажет мне...

— Дам постоять, — внезапно вдруг говорил Филипп Филиппович и, не ожидая дальнейших слов ошеломленной старухи, протягивал ей какой-то кусочек бумаги.

— Нас восемь человек, — начинал какой-то крепыш, и опять-таки дальнейшие слова застревали у него в устах, ибо Филя уже говорил:

— На свободные!

— Я от Арнольда Арнольдовича, — начинал какой-то молодой человек, одетый с претензией на роскошь.

«Дам постоять», — мысленно подсказывал я и не угадывал.

— Ничего не могу-с, — внезапно отвечал Филя, один только раз скользнув глазом по лицу молодого человека.

— Но Арнольд...

— Не могу-с!

И молодой человек исчезал, словно проваливался сквозь землю» (М. Булгаков, «Записки покойника»).

В тот 1992 год перед Егором Гайдаром примерно таким вот образом проходила вся страна — хоть ее представители и не лежали животом на барьере, а сидели в приемной, звонили по телефону, писали слезные письма или действовали через депутатов.

«Разумеется, — вспоминал потом Егор Гайдар, — среди народных депутатов было немало достойных людей, к которым навсегда сохраню глубочайшее уважение — Борис Золотухин, Михаил Молоствов, Сергей Юшенков, Сергей Ковалев, Олег Басилашвили, Георгий Задонский и многие, многие другие. К сожалению, отнюдь не они настойчиво добиваются встреч, толкуются в приемной. Чаще всего там те, кто пробивает какую-нибудь коммерческую сделку и явно обслуживает интересы нахрапистого проходимца, жаждущего то ли экспортной квоты, то ли льготного кредита, а может быть, предлагающего какую-нибудь финансовую аферу» (Е. Гайдар, 1996).

«...С течением времени я понял, что он руководился не внешним видом людей и, конечно, не их засаленными бумажками.

...Умудрившись, я понял, что передо мной человек, обладающий совершенным знанием людей. Поняв это, я почувствовал волнение и холодок под сердцем. ...А главное, он знал их права. Он знал, кто и когда должен прийти в театр, кто имел право сидеть в четвертом ряду, а кто должен был томиться в ярусе, присаживаясь на приступочке в бредовой надежде, что как-нибудь вдруг освободится для него волшебным образом местечко» (М. Булгаков, «Записки покойника»).

Одолевали лоббисты — те, кто защищали (чаще всего корыстно) чьи-то интересы.

...Если человек сам нечестный, то он не очень обращает внимания на тот запах нечестности, которым веет от другого. Свой запах, знакомый.

А человек стопроцентно честный просто не может не ощущать что-то неуютное, дискомфортное... И вдруг понимает — да перед ним же хитрован!

И ясно видит, как хитрит и замечает следы его собеседник...

Борис Немцов (он два срока был успешным губернатором Нижегородской области) рассказывает:

«— Я когда губернатором был, приехал к нему с просьбой не повышать уровень водохранилища Чебоксарской ГЭС. Говорю: “Егор Тимурович, вот тут безумные люди, чтобы электроэнергию больше производить, хотят уровень поднять. Это означало бы, что Нижний Новгород будет затоплен”. И он послал этих умников-энергетиков к черту и написал, что повышать нельзя.

Я выскочил на улицу, встретил там своего зама Ивана Склярова. Говорю: “Егор все решил”. А он: “Надо ему подарить икры и водки”. Дал мне две банки икры, там килограмма два, наверное, и огромную бутылку водки “Арзамас”, литра на три. Я, как идиот, опять пошел в кабинет к Гайдари. “Егор Тимурович, спасибо вам огромное, вот вам, пожалуйста...”»

Какова же была реакция Гайдара на это подношение, так сказать, от всей души?.. Немцов вспоминает:

«Он вышвырнул меня за дверь. Он вообще был парень скромный и честный».

Петр Авен: «...Белая кость? — Да. Но перед жизнью не тушевался. Он совершенно спокойно засаживал стакан. Не пьянел. Хорошо держал удар. И для человека интеллигентного это была нетипичная ситуация... У него было очень развито чувство иерархии, например. Он, с одной стороны, был человеком чрезвычайно демократичным, очень простым и ясным в общении, с другой — хорошо понимал: есть начальник — есть подчиненный. Когда, например, мы ездили читать лекции от общества “Знание” и от главного политуправления Советской армии, то по приезду в часть нас с нашими бумагами воспринимали как больших начальников, хотя и было нам 27—28 лет, — и майоры таскали нам чемоданы. Я себя чувствовал неловко, а вот для Гайдара это было очень естественно. Такое понимание иерархии, дисциплины — при полном отсутствии фанаберии».

28. НУЖЕН ШЕРЛОК ХОЛМС

В том сборнике Конан Дойла, которым Егор зачитывался в детстве, был рассказ «Обряд дома Месгрейвов».

Речь там шла об одном старинном документе — с серией вопросов и ответов. Каждый член рода Месгрейвов, достигнув совершеннолетия, должен выслушать эти вопросы — и дать на них ответы, записанные в том же документе. Так и делали члены этого рода из поколения в поколение, так как британцы, как всем известно, больше всего на свете ценят традиции:

- Кому это принадлежит?
- Тому, кто ушел.
- Кому это будет принадлежать?
- Тому, кто придет.
- В каком месяце это было?
- В шестом, начиная с первого.
- Где было солнце?

- Над дубом.
- Где была тень?
- Под вязом.
- Сколько надо делать шагов?

И так далее. Члены рода с середины семнадцатого века повторяли этот семейный церемониал, никогда не придавая ему практического значения.

И вдруг Реджинальд Месгрейв, соученик Шерлока Холмса по колледжу, застаёт ночью своего дворецкого Брантона за внимательным изучением этого документа, да ещё при помощи какой-то карты! «Отлично! — сказал я. — Вот как вы оправдываете наше доверие! С завтрашнего дня вы уволены». Дворецкий стал просить месяц отсрочки: он не хочет быть уволенным на глазах прислуги, поскольку бесчестье убьёт его.

«...Можете уйти через неделю под каким хотите предлогом.

— Через неделю, сэръ? — вскричал он с отчаянием. — О, дайте мне хотя бы две недели!

— Через неделю, — повторил я, — и считайте, что с вами обошлись очень мягко.

Опустив голову на грудь, он медленно побрёл прочь, совершенно уничтоженный, а я погасил свечу и пошёл к себе».

А через два дня горничная Рэчел сообщила хозяину, что дворецкий пропал.

«— Пропал?! То есть как — пропал?

— Пропал. Никто не видел его. В комнате его нет. Он пропал, да-да, пропал!

Она прислонилась к стене и стала истерически хохотать...»

Девушку увели в её комнату, при этом она продолжала хохотать и рыдать. А Брантон, как выяснилось, действительно исчез, причем в комнате остались все его вещи, даже часы и деньги... Горничная же хохотала и рыдала не просто так. Несколько месяцев назад Брантон с ней обручился, а потом вдруг взял да и бросил её ради дочери старшего егеря. Горячая и неуравновешенная Рэчел после этого слегла с воспалением мозга; недавно выздоровела, но ходила «как тень; у нее остались одни глаза...»

Надо ли говорить, что Шерлок Холмс все это распутывает?

Он понял, что дворецкий отнесся к документу не как к обряду, а как к практическому указанию на спрятанное сокровище рода. И сыщик повторил путь, которым прошел дворецкий. А тот выяснил, где именно в XVII веке была тень под вязом и так далее...

И Месгрейв включился в поиски и расшифровал слова «и вниз». Речь шла о подвале — ровеснике дома. Там и нашли они Брантона над старым, окованным медью деревянным сундуком с откинутой крышкой. Он задохся, поскольку тяжеленная каменная плита, закрывавшая вход в подвал, была опущена — и скорей всего это была месть девушки... Вот почему она впала в истерику, когда заговорили о ее неверном возлюбленном.

Кстати — хотя золота и прочего в подвале не оказалось, но кое-что Холмс там нашел. А именно — древнюю корону английских королей.

Как раз сыщика Шерлока Холмса, с детства им любимого, остро не хватало Егору Гайдару, когда он ознакомился с катастрофическим состоянием золотого запаса и валютных резервов СССР (Россия стала преемницей распавшегося Союза).

«Когда в жизни государства наступает критический момент, приходит время пустить в ход накопленные на черный день запасы. В первую очередь твердую валюту...»

Ну, сегодня все знают, что тогда это были доллары, а теперь к ним давно уже прибавились евро; «твердая» — то есть неспособная в одночасье подешеветь в 100 раз. Гайдар продолжает:

«...И золото. В любом государстве они бережно хранятся, впустую ни в коем случае не разбрасываются. Напомню, что царское правительство после двух с половиной лет тяжелой войны (напомню и я нашим читателям, что Первая мировая война, о которой идет здесь речь, началась летом 1914 года. — М. Ч.) сохранило к февралю 1917 года и передало Временному правительству 1300 тонн золота».

Так было к концу *монархии*. А конец *советской власти* оказался совсем иным — картина *этого конца* больше напоминала французскую поговорку «После нас — хоть потоп!».

«За 1989—1991 годы из страны вывезли более 1000 тонн, причем процесс шел с ускорением. Печальный рекорд 1990 года — 478,1 тонны».

К концу 1991 года от золотого запаса Советского Союза осталось очень мало — 289,6 тонн. То есть примерно в четыре с половиной раза меньше, чем оставило после отречения царя царское правительство...

Этого золотого запаса уже не хватало на самые срочные финансовые обязательства — и на самые насущные потребности. Потому что и платежи по зарубежным долгам, и расчеты за импорт (в первую очередь — зерна) шли, конечно, в долларах или золотом — рубль ведь был неконвертируемым. (Сегодня он конвертируем частично — обменять на доллары или евро его можно, но только в пределах России и некоторых соседних стран, например, Украины и Белоруссии.) А спустя неделю после вступления Гайдара в должность ему было доложено, что для выплаты зарубежных долгов в казне не хватает 3,5 миллиардов долларов и что наша страна может быть объявлена неплатежеспособной...

* * *

Небольшое отступление про наши долги.

Лично для меня нижеследующая информация — 20 лет спустя после того времени, когда Егор Гайдар в холодном, надо полагать, поту взирал на пустую казну, — была открытием.

Для моих читателей, думаю, будет тоже.

...Ну, все более или менее понятно про наши долги США или Канаде, которые с 1963 года поставляли России зерно. Понятно про долги странам Западной Европы за разнообразный импорт (многие еще помнят, как гонялись женщины в советское время за итальянскими сапогами...).

Но вот и 20 лет спустя после 1991 года не может кое-чего уразуметь слушатель «Радио “Свобода”» и задает естественный, на мой взгляд, вопрос бывшему министру экономики Я. Уринсону (при посредстве ведущего программы В. Шендеровича):

«...Вот сейчас говорят, что Россия платит долги Польше, Словакии и т. д. Вопрос: откуда у нас могли быть перед ними какие-то долги, когда они после войны полвека сидели на нашей шее?»

Я. Уринсон. Объясняю, все предельно просто. Мы поставляли все, начиная от сырья, кончая оружием, в такие страны, о которых упоминал человек, задавая этот вопрос. Поставлялись они, как правило, путем разных соглашений, иногда их подписывал во время визитов Генеральный секретарь (то есть секретарь КПСС — глава страны. — М. Ч.), а иногда они оформлялись как государственные долги. Значительная часть поставок, которая шла оттуда сюда, формально была описана документами, а значительная часть поставок, которая шла от нас туда, или никак не была подписана, или их подписывал, допустим, Брежнев, как Генеральный секретарь...

В. Шендерович. А, мы стеснялись писать, что оружие...

Яков Уринсон. Да нет, по разным причинам. Он одно время был генсеком, но не был Председателем Президиума...»

Предлагаю заглянуть в главу четвертую первой части нашей книги («Егоркино детство») — про устройство Советского Союза. У нас генсек был фактическим главой государства. Но его подпись — как подпись не президента, не премьера и не королевы, а подпись лидера *партии*, пусть даже и правящей, на финансовых документах во всем мире (кроме нашего, «социалистического») не считалась правомочной!

Вот в чем тут дело.

«...Поэтому когда мы в 1992 году взяли на себя все советские долги и попытались вести переговоры с этими странами, кому мы оказались должны огромные деньги, — скажем, Словакии были должны, Венгрии, извини-

те, были должны почти миллиард долларов чистыми, в то время это гигантские деньги, — выяснилось, что у них есть документы, что мы им должны, а у нас документов, что они нам должны, — нет!» (Я. Уринсон)

...Вот вам и еще одно доказательство (если кому-то мало) того, что Брежнев и его окружение пребывали в безмятежной уверенности, что их царствие — то есть их безбрежная власть над своими подданными и над странами-сателлитами — будет вечной. А между своими какие там счета?! Какие там правильно оформленные финансовые документы?!

* * *

Вернемся к Егору Гайдару, которого мы оставили стоящим перед пустой казной.

...Просмотрев статистику оттока валюты и вывоза золота в 1990—1991 годах, Гайдар задумался: «...А все ли здесь чисто? Не случилось ли так, что правившая страной политическая элита, осознавая неизбежность краха коммунистического режима, перевела часть валютных ресурсов страны на подконтрольные счета в западных банках?»

Действительно — уж слишком стремительно таяли в последние полтора советских года запасы золота и валюты.

Гайдар стал изучать государственные контракты. Он увидел, что цены на экспортируемую в последние годы Советским Союзом продукцию «необъяснимо занижались», а накупаемые нами комплектующие — «необъяснимо завывшались»...

Ему не составило труда догадаться, что «все это служило прикрытием различных форм финансирования нелегальной деятельности или помощи коммунистическим партиям в зарубежных странах. Вопрос был только в том, чтобы выяснить, куда конкретно ушли деньги и золото».

Партийной верхушкой Советского Союза давно определены были те зарубежные банки и счета подставных доверенных лиц, куда можно перебрасывать любые сум-

мы. И только люди партаппарата знали — куда и сколько. О прозрачности денежных расчетов — норме поведения власти по отношению к обществу в любой демократической стране — не было и речи. «Куда считаем нужным — туда и тратим; не вашего ума дело».

Правила страной, конечно, не вся партия — все решали 10—12 человек. А на самом деле — один: Генеральный секретарь КПСС. Последним этот важнейший в Советском Союзе пост занимал с 1985 года М. Горбачев. Вся власть в нашей стране была в его руках. Только поэтому он смог начать Перестройку. И она довольно быстро потребовала от него новых и новых важных действий.

В разных странах мира главные лица — где президент (во Франции, в США), где — премьер-министр (Англия) или канцлер (Германия). А у нас — генеральный секретарь партии... Это становилось уже как-то неудобно. Ведь мы объявили, что движемся к демократии. И даже реально двигались к ней.

14 марта 1990 года М. Горбачев был избран на Съезде народных депутатов президентом СССР. Одновременно по его инициативе отменена та самая 6-я статья Конституции, которая узаконивала особое — руководящее — место единственной в стране партии.

Тогда наиболее высокопоставленным членам партии, переставшей в одночасье быть правящей, стало ясно как день, что их песенка спета. И близится совершенно несомненный конец их огромным квартирам и государственным меблированным дачам, за которые не плачено ни копейки. Их особым магазинам, спецобслуживанию, бесплатным санаториям самого высокого класса. А также регулярным командировкам в страны заклятого врага — капитала — за государственный счет.

И пора — и даже очень пора — подумать не о «борьбе за победу коммунизма» (о которой, прямо скажем, они давным-давно не думали), а об обеспечении сугубо личного будущего. Своего и своей семьи.

Вот тогда-то и потекли валютные запасы страны, еще остававшиеся под контролем партии, на Запад — в ей одной известные укромные места и только ей известными путя-

ми... Недаром везде в Советском Союзе висели плакаты, гласившие — «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи».

И Гайдар, ясно понимая, что довольно большие валютные запасы страны не могли испариться, как вода в очень жаркий день, улетучиться как газ, а также и провалиться сквозь землю, — решил попробовать их отыскать. Уж очень они бы пригодились сейчас России, которой не на что было покупать до зарезу нужное ей зерно.

29. КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, УХОДЯ, ЗАБИРАЛА С СОБОЙ ЖИЗНИ СВОИХ ВЕРНЫХ СЛУГ

В детективном рассказе Шерлока Холмса — загадочная смерть того, кто сумел расшифровать зашифрованную дорожку к возможным сокровищам.

В реальной российской жизни — не менее загадочные смерти осенью 1991 года. Трупов оказалось тогда, увы, не меньше, чем в рассказах Конан Дойла.

Наименее загадочным (хотя от того не менее трагичным) было самое первое самоубийство — главы МВД Б. Пуго, одного из главных членов ГКЧП.

До того, как в декабре 1990 года возглавить союзное министерство внутренних дел, он с 1977 года работал в КГБ, в 1980-м стал председателем КГБ, с 1984 по 1988 — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, а в последние годы — 1988—1990 — глава Комитета партийного контроля КПСС. В его кабинете (том самом, где потом, при Ельцине стала заседать Комиссия по вопросам помилования при Президенте России) решались судьбы членов партии. Судьбы — потому что при советской власти исключение из партии было нередко близко к большому сроку заключения, если не к смертной казни. И случалось, что прямо в этом кабинете после оглашения партийного приговора люди падали замертво, сраженные обширным инфарктом; их выносили на носилках.

Б. Пуго покончил с собой, сначала выстрелив в жену (по их общему решению); она скончалась в больнице. Это

произошло на следующий день после поражения путча. А поражение стало очевидным 21 августа — после той решающей ночи, которую десятки тысяч москвичей провели у стен Белого дома, и спецназ, который должен был арестовать Ельцина, не решился прорубаться саперными лопатками сквозь наши тела.

Чего же так испугались супруги — в буквальном смысле до смерти? Возможно, того, что Ельцин поступит с ними так, как они поступили бы с ним, если бы победил ГКЧП...

Да, сотоварищи Пуго по путчу были арестованы. Однако Ельцин никого из них пальцем не тронул.

Предвидеть этого Пуго не мог. Он судил по собственному — советскому — опыту, когда жестокость власти была нормой.

Кто-то может мне возразить — а почему вы не допускаете, что тут дело в убеждениях? Он всю жизнь работал на советскую власть, и вот она обрушилась... Отвечаю вопросом: но зачем тогда убивать жену?! Возможное объяснение — в ожидании физических мучений для нее.

Мысли, что его жену никто не тронет, у партийного функционера с очень долгим, как мы видели, опытом, видимо, не было. Хоть в год «Большого террора» — 1937-й — он только родился на свет, но, тем не менее, хорошо знал, что после расстрела маршалов и командармов в мае 1936 года их жен в лучшем случае отправляли на долгие сроки в лагерь.

Повторю — судил по себе, по собственному партийному опыту — особенно по опыту работы в КГБ. Исходил из своих представлений о хорошо знакомых ему единомышленниках (партия считалась союзом единомышленников).

...Когда вечером 20 августа начальник спецподразделения заявил, что решил не участвовать в штурме, и попросил разрешения покинуть кабинет, то услышал от заместителя управления КГБ по Москве и Московской области Карабанова: «Не надо. Если что, мы тебя расстреляем» (из материалов, собранных В. Степанковым). Это — со «своими». Как же в таком случае с «чужими»?..

...В одной из статей публициста и писателя Дениса Драгунского приводится рассказ его знакомого, в августе 1991 года работавшего в аппарате российского правитель-

ства. В первые дни после поражения заговорщиков КГБ, размещавшийся в печально знаменитом здании на Лубянке, после того, как перед окнами этого здания в ночь на 23-е число снесли по решению Моссовета памятник Дзержинскому, находился в большом смятении, в полном неведении относительно своей судьбы. В эти дни к собеседнику Драгунского пришел молодой офицер КГБ.

Он пришел с единственной просьбой — *сохранить жизнь его жене и годовалому сыну*. В том, что сам он в ближайшее время будет расстрелян, он не сомневался, как человек военный, считал это закономерным и о пощаде не просил. Уверенный, что репрессии захлестнут всю его семью, он просил пощады только им...

Собеседник Драгунского говорил, что, слушая молодого офицера, он впервые за эти дни по-настоящему испугался, да так, что холодный пот потек у него по позвоночнику...

— Я понял, что они собирались сделать с нами в случае их победы...

19 августа на 18 часов было назначено экстренное заседание кабинета министров. Повестка указана не была. Было только строгое распоряжение премьера Валентина Павлова: «Стенограмму не вести!»

Из показаний заместителя министра информации и печати СССР А. Горковлюка:

«Начал он это совещание словами: “Ну что, мужики, будем стрелять или будем сажать?”

Начав этой фразой, Павлов постоянно держал присутствующих (надо думать, среди них был на заседании кабинета и министр внутренних дел. — М. Ч.) в психологическом напряжении. В течение вечера он несколько раз говорил об использовании ракет типа “Стингер”, воинских формирований, говорил: “Или мы их, или они нас!”» (В. Степанков, 2011).

...Отсюда понятным становится настроение участников ГКЧП после их поражения.

Но Пуго ошибся.

Бывший секретарь Свердловского обкома Ельцин, два года слушавший академика Сахарова, находясь с ним в одной депутатской группе, пережил в те годы глубокий духовный перелом. Он был уже совсем другим человеком, чем его бывшие единомышленники. Сталинские методы ему претили.

Ни одну жену членов ГКЧП Ельцин, конечно, не тронул. Ошибка Пуго оказалась трагической.

...Будем, однако, иметь в виду, что трагедии самоубийства — когда принимается тяжелейшее в человеческой жизни решение: *собственной* рукой прервать единожды данную ему жизнь, — не имеют однозначных объяснений. Ведь сам человек уже не может сказать нам о своих подлинных мотивах. И даже предсмертные записки не всегда отражают эти мотивы точно и полно.

21 августа, когда жена Б. Пуго ждала его ареста, она, позвонив ему на работу, сказала: «Я без тебя жить не буду ни минуты».

Из показаний Вадима Пуго, их сына:

«...Они очень любили друг друга, и я знаю, что мать не смогла бы жить без отца...» (В. Степанков, 2011).

Через два дня, 24 августа, М. Горбачев заявил о сложении с себя полномочий Генерального секретаря и призывал к самороспуску ЦК КПСС.

В этот день повесился в рабочем кабинете маршал Советского Союза, советник Президента СССР по военным делам С. Ф. Ахромеев.

На столе его лежало несколько записок. В одной из них он объяснял свой поступок: «Я не могу жить, когда моя Родина погибает и разрушается все то, что я считал смыслом своей жизни». Ведь поражение путча ясно обозначило и конец советской власти.

Казалось бы, причина трагически ясна — идеологическая. Однако смерть Ахромеева была первой, оставившей неразрешенные загадки, начиная с избранного военным человеком — маршалом — способом самоубийства... Но здесь мы останавливаться на этих тяжелых подробностях не будем.

К деньгам партии обе эти смерти отношения не имели.

Гайдар верно пишет — «куда более загадочное самоубийство управляющего делами ЦК КПСС Кручины, отвечавшего за финансы партии».

...Хорошо помню сообщения об этом событии. Через два дня после самоубийства Ахромеева, 26 августа, мы с ужасом узнаем, что рано утром на тротуаре одного из подъездов элитного — для работников ЦК — дома в Плотникове переулке обнаружено тело мужчины, упавшего из окна...

30. ЗОЛОТО ПАРТИИ И ЕЕ ТРУПЫ, ИЛИ СМЕРТЬ НА ВЫСОКИХ ЭТАЖАХ

— ...Все придут в восторг от твоей неподкупности? Ты в это веришь?.. Слухи разрушают репутацию быстрее, чем правда.

Дик Фрэнсис. Серый кардинал, 1997

Н. Е. Кручина, управляющий делами ЦК КПСС — то есть человек, прямым образом занимавшийся партийными деньгами, — в пять часов утра выбросился из окна своей квартиры — с пятого этажа. Рядом с ним лежали две записки, одна из них — семье. «Я не предатель и не заговорщик, — писал Николай Кручина, — но я боюсь...» В другой записке — «...но я трус».

Официальные сообщения особенно настаивали на том, что в доме были жена и младший сын, и «они не могли не услышать даже сквозь сон шум борьбы и крики».

Но разве в распоряжении его умелых товарищей по партии не имелось средств без борьбы и без криков поставить человека перед выбором, где падение из окна окажется наилучшим выходом?.. Чего-то ведь он боялся?..

Под контролем Н. Кручины находились все счета КПСС — и в Советском Союзе, и за границей. Нельзя исключить того, что были люди — и, скорей всего, не один, не два и не три, — которые хотели полностью исключить ситуацию, когда этот человек в процессе расследования,

инициированного новой, уже непартийной властью, дал бы какую-то информацию об этих счетах, в последние полтора года ставших частными...

Деньги партии, лежавшие на тайных счетах, — конечно, это деньги страны, государства, всего населения. Ведь собственных ресурсов партия не имела: она ничего не зарабатывала.

А до Н. Кручины, еще при Брежневе, Управлением делами ЦК КПСС ведал Георгий Павлов. Преемник Брежнев, ставший Генеральным секретарем, Ю. Андропов сразу же отправил Павлова на пенсию, заменив его Кручиной.

Осенью 1991 года Павлову было 80 лет, он часто болел. Узнав о самоубийстве Кручины, он сказал в кругу семьи: — Вот мужественный человек. Я бы так не смог.

Через полтора месяца после трагического события, утром шестого октября, завершив семейный завтрак, Георгий Сергеевич ушел в свой кабинет и выбросился — из окна или с балкона. Сам или с чьей-то помощью — осталось невыясненным.

Через 11 дней после этой гибели, 17 октября 1991 года, вечером, недавний немаловажный работник ЦК КПСС Дмитрий Лисоволик смотрел программу теленовостей.

Он совсем не старый человек — ему всего 54 года. Еще недавно его партийную карьеру можно было считать удавшейся. Он подолгу работал за рубежом — секретарем парткома советского посольства в США... Потом, уже в Москве, не терял связей с Америкой — заведовал сектором США в Международном отделе ЦК КПСС. А позже даже стал заместителем заведующего всем этим отделом.

Но на этой последней должности Лисоволику долго поработать не пришлось. Время менялось, и, кажется, упразднился сам отдел. А потом, в 20-х числах августа 1991 года на огромном, в масштабах Древнего Египта (в отличие от античности, не на человека рассчитанных), подъезде на Старой площади появилась (как уже упоминалось, но, не скрою, с удовольствием повторю) надпись на двух склеенных вместе листах бумаги — «ЦК КПСС ЗАКРЫТ». (Кстати сказать, тогда редко говорили «В ЦК...»,

чаще говорили — «На Старой площади...»). Сотрудникам ЦК предписано было покинуть здание.

В последующие дни документами ЦК КПСС — на каждом из которых справа сверху почти всегда стоял гриф «Совершенно секретно»; столько секретов от своих граждан не было, наверно, ни у одной власти! — занимались следователи.

И очень скоро в печати появились рассекреченные сведения о щедром финансировании компартией нашей страны — почти до самых последних дней, чуть не до августа 1991 года, когда казна уже почти опустела! — зарубежных единомышленников — американских, французских и других коммунистов.

Хотя, положа руку на сердце, вряд ли кто из этих спонсоров за счет своего народа верил, что в США (где членов партии было, как уже упоминалось, около 10 тысяч человек...) или даже во Франции коммунистам удастся установить что-то вроде советской власти.

Среди прочего будто бы на Старой площади обнаружили два «бесхозных» (то есть никак не учтенных) миллиона долларов. Выяснилось, что они предназначались для главы американских коммунистов Гэса Холла — соответственно, непосредственного подопечного Лисоволика...

Бесхозными же они оказались, возможно, потому, что не так давно было принято решение больше не содержать американских коммунистов — уж очень яростно они критиковали Горбачева за разрушение социализма.

А в тот вечер 17 октября Лисоволик, досмотрев по телевизору новости, вышел на балкон своего последнего 12-го этажа и закурил.

И затем жена и сын из комнаты с ужасом увидели, как он перегибается через перила. Добежать к нему они не успели.

...Тогда осведомленные люди рассказывали под большим секретом добрым знакомым, что видели финансовые документы, зафиксировавшие так называемые трансфертные операции по переводу в общей сложности 280 миллиардов рублей в доллары — и сосредоточению на тайных счетах за границей около 12 миллиардов долларов...

При этом рассказывавшие вели себя примерно так, как финдиректор Варьете Римский из всем известного романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Я имею в виду того самого персонажа, который после ночной встречи с нечистой силой, а именно с Геллой и с завербованным ими в оборотни администратором Варьете Варенухой, впал в невменяемое состояние, обнаружен был в платяном шкафу гостиничного номера в Ленинграде (который теперь вновь — Петербург), на вопросы отвечать практически не мог и просил только об одном — «чтобы его спрятали в бронированную камеру и приставили к нему вооруженную охрану».

...Вот такой же страх испытывали осенью 1991 люди, решавшиеся говорить даже близким знакомым о денежных делах партии, много лет распоряжавшейся судьбами и жизнями людей на немалой части земного шара. Страх был оправданным — они знали, что их родная партия в выборе средств не сковывает себя рамками морали.

Впрочем, когда читаешь один документ (вывешенный в интернете) из 200 вроде бы томов уголовного дела «О финансово-хозяйственной деятельности ЦК КПСС», то поневоле начинаешь верить всему, чему раньше бы не поверил.

Это чистый бланк под названием «Личное обязательство перед КПСС»:

«Я, _____, член КПСС с ____ года, партийный билет № _____,

настоящим подтверждаю сознательное и добровольное решение стать доверенным лицом партии и выполнять доверенные мне партией задания на любом посту и в любой обстановке, не раскрывая своей принадлежности к институту доверенных лиц. Обязуюсь хранить и бережно использовать в интересах партии доверенные мне финансовые и материальные средства, возврат которых гарантирую по первому же ее требованию. Все заработанные мною в результате экономической деятельности на фонды партии средства признаю ее собственностью,

гарантирую их передачу в любое время и в любом месте. Обязуюсь соблюдать строгую конфиденциальность доверенных мне сведений и выполнять поручения партии, передаваемые мне через уполномоченных на то лиц.

Подпись члена КПСС _____

Подпись лица, принявшего обязательство _____».

И это не партия в подполье, не заговорщики, не клан сицилийской мафии, а легальная организация, которая уже семьдесят лет правит страной!.. «...Не раскрывая своей принадлежности...», «...В любое время и в любом месте...»

Приходит на ум известное выражение — «Тайны мадридского двора». Ироническое, но и напоминающее о страшном: об эпохе инквизиции, об отравлениях, оставшихся нераскрытыми...

Не хватает только подписей кровью.

Тем не менее Егор Гайдар решил попытаться найти *золото партии*.

Он обратился к очень известной международной фирме, которая сумела разыскать секретные счета иракского диктатора Саддама Хусейна. И здесь Гайдар наткнулся на глухое сопротивление российского Министерства безопасности.

«Демократические» преемники советских чекистов не хотели выдавать новой власти их тайн. Стало ясно, свидетельствует Гайдар, «что в руководстве правоохранительных органов кто-то умышленно тормозит эту работу.

К маю 1992 года окончательно понял: сил у меня для того, чтобы заставить Министерство безопасности всерьез этим заниматься, не хватит.

А без сотрудничества с этим Министерством усилия фирмы были напрасны. Гайдар не мог разбазаривать государственные деньги. Поиски секретных счетов пришлось прекратить.

...Когда лет десять спустя мы вместе оказались по печальному поводу в доме Владимира Войновича, Егор Тимурович твердо говорил, что ни Ельцину, ни ему это министерство вообще не давало никакой *необходимой правительству информации*.

— Мы были для них не свои. Ситуация Путина совершенно другая: он — чекист, от него у них секретов нет.

Теперь, когда я уже никак не могу повредить Егору Тимуровичу, я привожу эти его слова.

...Через год после прекращения поисков партийных счетов, весной 1993 года, когда Верховный совет повел на Гайдара самое настоящее наступление, вице-президент (тогда была такая должность) Руцкой объявил, что именно Гайдар вывез из страны золотой запас и разбазарил изумруды.

«...Пока я был у власти, ритуальные обвинения в коррупции ко мне как-то не прилипали. Но в тот вечер после выступления Руцкого, как давно собирались, отправились мы с Машей во МХАТ на новый спектакль, и тут-то впервые почувствовал на себе по-особому заинтересованные взгляды: “подумать только, схарчил золотой запас страны и сидит, как ни в чем не бывало...”»

— *Кому это принадлежит?*

— *Тому, кто ушел.*

— *Кому это будет принадлежать?*

— *Тому, кто придет.*

Тому, кто пришел, золото партии вернуть стране не удалось.

31. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА ТОРГОВЛИ

— Но мне совершенно ни к чему все эти тюки золота, серебра и драгоценных камней.

—...Тогда, — продолжал обиженно Хоттабыч, — купи на это золото побольше товаров и открой собственные лавки во всех концах города. Ты станешь именитым купцом, и все будут тебя уважать и воздавать тебе почести.

— Я лучше умру, чем буду купцом. Пионер-частник! Торговлей у нас занимается государство и кооперация.

Волька с удовлетворением слушал собственные слова. Ему нравилось, что он такой политически грамотный.

— У вас очень странная и непонятная для моего разума страна, — буркнул Хоттабыч из-под кровати и замолчал.

Л. Лагин. Старик Хоттабыч, 1939—1940

Одним из первых шагов *реформы* стал такой: каждому магазину предложили стать самостоятельным юридическим лицом и завести счет в банке (при «плановом» хозяйстве об этом и речи не шло: директор магазина состоял на службе государства и все).

«Государственная торговля уже повела смертельную войну за сохранение дефицита. Именно дефицит при социализме делал положение продавца, товароведа, заведующего секцией величайшим благом, предметом вождельных мечтаний почти каждой советской семьи» (*Е. Гайдар, 1996*).

Конечно — если у всех есть возможность купить все, что им нужно, были бы деньги, то зачем нужны те «заведующие секцией», которые доставали отсутствующий на прилавке товар *из-под прилавка* (так и говорили — «Вот — удалось купить: из-под прилавка, конечно») — с переплатой или за какие-то услуги?.. Исчезала целая функция — почти что особая должность.

И вот Гайдар, вместе с депутатом П. Филипповым и с другими сотоварищами, решил подготовить президентский указ о *свободе торговли*. В конце января президент подписал его. По закону, как только указ опубликовали — он вступал в силу.

Примечательное воспоминание Егора Гайдара:

«На следующий день, проезжая через Лубянскую площадь, увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина “Детский мир”. Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно. “Очередь, — привычно решил я. — Видимо, какой-то товар *выкинули*”... (Помните — я объясняла советское значение слов “выкинули” и “выбросили”? — М. Ч.) ...Каково же было мое изумление, когда я узнал, что это вовсе не покупатели! Зажав

в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты «Указ о свободе торговли», люди предлагали всяческий мелкий товар...

Не эстетично? Не благородно? Не цивилизованно? Пусть так».

И Гайдар так заключает эти рассуждения:

«Если у меня и были сомнения — выжил ли после семидесяти лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе — то с этого дня они исчезли».

Конечно, люди вышли торговать по нужде — нужны были деньги на еду. Но все-таки вышли. И сумели добыть необходимые им деньги.

Дальше — печальные свидетельства о «тяжелейшей борьбе за сохранение режима свободной торговли» — особенно в первые месяцы, пока не появились нормальные частные магазины «и не сформировалась сеть торговых палаток».

Кто же именно хотел помешать свободной торговле?

«Особенно недовольны указом были некоторые сотрудники милиции и районных администраций, потерявшие возможность заниматься привычным лихоимством. Подчас они намеренно старались придать местам концентрации частной торговли возможно более неприглядный вид...»

Смысл этого очевиден для большинства российских сограждан. Чиновников, привыкших к взяткам совсем так же, как к постоянной зарплате, больше всего раздражил разрешительный указ. Гораздо выгодней, чтоб частная торговля была под запретом — и чтоб они с каждого нелегального торговца ежедневно продолжали брать деньги за то, что не забирают его вместе с товаром в отделение милиции.

Таким образом, раз появилась легальная, удостоверенная Указом президента свобода торговли — значит, исчезала еще одна должность, или, точнее, еще одно нелегальное теплос местечко: должность своего рода *сборщика дани*, как в Римской империи, появившаяся в конце Перестройки, при первых ласточках свободной торговли — тогда еще нелегальной...

32. О НАЖИВЕ, СПЕКУЛЯЦИИ И НЕМНОЖКО О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Богатство, деньги — самый лучший оселок для человека. Патриотизм, смелая гордость, открытая речь, храбрость на поле битвы, услужливая готовность одолжить — все это легко встретить, — но человека, который бы твердо сочетал свою честь с практикой так, чтобы не качнуться на сторону 1000 душ или полумиллиона денег — трудно.

А. Герцен. Дневник 1844 г.

«Наши», то есть бывшие советские люди, выросли на привычно отрицательном отношении к тому, кого называли *спекулянтом*, и к *спекуляции*. Что такое спекуляция? Это «скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью получения прибыли». В других словарях — «с целью получения наживы». А *наживать*, *наживаться* — дело плохое. Или очень плохое. И увидим еще в дальнейших главах, как оно могло оказаться в глазах советской власти заслуживающим не более и не менее как *смерти*.

Из личных воспоминаний. Когда вышел указ о свободе торговли, в подземном переходе моей станции метро «Беляево» появилась симпатичная аккуратная старушка. Каждый вечер, когда в двенадцатом часу ночи я возвращалась из библиотеки, она торговала единственным товаром — моими любимыми батонами, стоившими когда-то 13 копеек. Не помню, сколько они стоили тогда, в начале 1992-го; старушка, естественно, продавала их немножко дороже магазинной цены. И это для многих оказалось совершенно неестественным. Бедную старушку ежевечерне поносили последними словами. Размахивая перед ее носом руками, возмущенно кричали, как же ей не стыдно *спекулировать*, что во-он в том магазине эти батоны стоят на сколько-то копеек дешевле.

Сначала я пробовала увещевать людей:

— Так ведь она вам не мешает покупать в магазине! Идите и покупайте по более подходящей вам цене. А она берет свою цену за то, что принесла эти батоны сюда, где я могу, не теряя времени, купить их на бегу. Тем более, что когда я возвращаюсь домой, магазин уже закрыт! Она берет свою наценку за то, что облегчает мне жизнь.

Мои логические доводы отлетали, как от стенки горох. Я поняла, что здесь работает не разум, а прочно укоренившиеся стереотипы советской этики: любая перепродажа с выгодой для себя — спекуляция, спекулировать — плохо и даже преступно.

Именно тогда, когда стала восстанавливаться свобода торговли, а за ней — и частная собственность, стало очевидным то разрушение, которому подверглась в течение семидесяти с лишком лет российской жизни многовековая система простейших понятий, связанных с *деньгами* и с *собственностью*.

Даже не на обломках этой системы — нет, на пустом месте, где когда-то лежали обломки, — происходило в начале 90-х в России восстановление института частной собственности. Понятно, что оно принимало (и до сих пор то и дело, увы, принимает) уродливые формы. Неожиданно руководитель чего-либо получал вдруг в руки такие деньги, которые он, во-первых, никогда раньше не держал в руках. А во-вторых — это были не советские бумажки (недаром назывались они «дензнаки» — так сказать, знаки денег), а реальные деньги, на которые можно что хочешь купить (без многомесячных очередей, номеров в списках и тому подобных советских обычаев). А то и вовсе — взять да и поехать в отпуск в Испанию! О чем он раньше и мечтать не мог, что, надеюсь, уже известно и понятно юным читателям моей книжки.

И не надо ему теперь для этого проходить комиссию в райкоме партии по месту работы — комиссию, состоящую из членов правящей партии на пенсии, которые строго будут требовать, чтобы собравшийся за границу назвал имя генерального секретаря компартии Испании,

Венесуэлы, Гондураса или США. (И это совсем не анекдот, а советская реальность.)

Десятилетия без частной собственности и реальных денег превратили большую часть населения в подобие выпускников детдома. Те, как известно, выйдя в мир, не знают, как обращаться с деньгами: до 16-ти лет находились на казенном коште и своих денег не имели.

И в сознании бывших советских людей все, что связано с частной собственностью, оказалось многократно заклеячено — в годы их детства, отрочества, юности, зрелости... Ленин стремился именно к этому — и цели достиг.

С 1947 года сколько поколений затвердило чеканный стих Маршака — его «Быль-небылицу. Разговор в парадном подъезде»?

...Капитал

Своей он дочке завещал —

Три миллиона ровно.

На эти деньги лет пятьсот

Прожить без горя и забот

Могла Адель Петровна...

Идея дочернего вложения денег в отцовское производство не рассматривается. Предполагается, как видим, не приумножение капитала, а исключительно его *проживание*. Поэтому сама идея богатого наследства приобретает нарочитые черты абсурдности: ну кто ж это надеется пятьсот лет прожить?..

Первые для многих (уж точно — для детских лет ваших бабушек и дедушек) уроки политической экономии социализма... Какие звонкие, легко укладываемые в детскую память строки! В память тех, кто родился и жил в стране, уничтожившей частную собственность.

...А дети продали завод,

Затон и пароходы...

— Да что вы, дедушка! Завод

Нельзя продать на рынке,

Завод — не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки!

— <...> Всё продавали господа:
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда —
Лишь выгодно продать бы!

Ну, не мерзавцы ли эти «господа»? (В советское время слово «господа» имело весьма плохую репутацию — оно уже не было обычным обращением, как до Октября 1917 года и после Августа 1991-го). Подумать только — *выгоды* искали!

...Купец Багров имел затон
И рыбные заводы.
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, старик Багров,
На этих пароходах,
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах.

Его плоты сплавлял народ,
Его баржи тянул народ,
А он *подсчитывал доход*
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

Подумать только — сам не ходил на пароходах, купленных на его деньги, не стоял у штурвала, не бросал уголь в топку — а посмел назвать собственный пароход своей фамилией!..

Маршак с детства нам азбучно просто объяснял: разве ж это работа — доход подсчитывать? И мы начинали думать — и правда...

А *доход* — понятие в советское время вообще очень сомнительное. Недаром в Словаре Ушакова среди немногих

примеров на это слово значатся «нетрудовые доходы». «Доход» и «выгода» — явно плохие вещи (И опять напомним — Адам Смит в середине XVIII века думал об этом совсем иначе...).

А «нажива», между прочим, в русском языке не всегда означала непременно что-то плохое или очень плохое. Когда-то звучало это слово иначе. С XI по XVII века *нажив* на Руси — это *то, что нажито, приобретено, нажитое имущество*. Было еще слово *нажиток* — к значению добавляется *прибыль, доход*. Заметим — никакого плохого оттенка еще нет!

Правда, среди примеров в словаре старого русского языка — некий *торговый немчин*, пуская в дело не отданный своевременно долг, кредитора *Кузмы животом владеет, промышляет торговым промыслом, себе большие нажитки нажил; а ево учинил бес промыслу* — то есть оставил ни с чем. Но на само слово *нажитки* эти действия пронырливого немчина (немца или вообще иностранца) тени не бросают.

Да и в разных диалектах еще в середине XIX века слово *нажив, нажива* означало *заработок*, и только.

«*Нажива-то плоха стала*», — так говорили и в вологодских, и в архангельских, и в северодвинских, и в олонецких местах. *Наживальщик* означало — *тот, кто зарабатывает, кормилец*, — а отнюдь не что-то плохое.

У Даля в его Словаре *нажива* — это *пожива, барыш, корысть, прибыль*. *Наживное* — *нажитое добро, наживной промысел* — *прибыльный*.

У слов *барыш, корысть, нажива, прибыль* в те далекие времена еще совсем нет гадкого оттенка. Наоборот: «*Даровой рубль дешев, наживной — дорог*».

Предупреждение лентяям, завистникам и ворам: «*От чужих нажитков не наживешь пожитков*».

В России XX века предупреждение, как известно, не сработало. И вслед за раскурочиванием после Октябрьского переворота «чужих нажитков» *прибыльность* поновому устроенных, *социалистических хозяйств* постепенно перестала интересоваться кого бы то ни было. Пусть неприбыльное — лишь бы *плановое хозяйство*. Усилия

власти все больше сосредоточивались на задаче самосохранения — удержания власти как таковой.

И писатель Валентин Овечкин в 1952 году в своих на долгие годы ставших знаменитыми «Районных буднях» пробует вернуть этот интерес, пишет о «прибыльном ведении хозяйства». Партийная номенклатура травит его за это как бешеного пса (вспомните более позднюю судьбу умелого хозяина Ивана Худенко, погубленного в тюремной больнице!). Кончилось все это в 1960 году его пулей себе в висок, после которой, потеряв один глаз, писатель чудом выжил, но писать уже не смог.

...Вот как пробивался в Россию Свободный Рынок на смену Плану и Дефициту.

А в 1994 году, когда я, попав на Замятинскую конференцию в Тамбов, проехала заодно в течение целого дня по Уваровскому району (в качестве члена Президентского совета), пытаюсь понять, что же происходит в стране за пределами столицы, доярки с фермы наперебой спрашивали меня возмущенно:

— Что же вы там, в Москве, молоко-то у нас не закупаете? Ведь масло-то нужно вам! Вон вы его из Новой Зеландии возите! А мы тут мучаемся — у нас 70 коров, кормить нечем!

— А какой средний годовой удой?

— 3 000 литров.

В этой цифре и заключался ответ — даже в советское время личные коровы давали минимум в два раза больше; про новозеландских умолчим. Но сами доярки, трудолюбивые, замученные женщины, совета этого не слышали.

Дело-то простое и ясное — купить новозеландское масло, выработанное *эффективным* новозеландским сельским хозяйством, было государству много дешевле...

Но пояснять это советским еще людям, у которых в недавнем прошлом госзакупка никогда не зависела от себестоимости, было бы бессмысленно и даже беспощадно.

Пожиток — тоже прибыль, выручка, барыш, выгода, польза, нажиток (вот сколько синонимов! Все как мет-

лой смело). Правда, грань тут тонкая (с деньгами с давних пор и доныне так): *пожиться* — это уже *добывать чужое, жить на чужой счет*. Бывает — точь-в-точь как нынче — что *«Не до поживы — быть бы живу»*.

Предки понимали возможность нечестной наживы: *Как нажито, так и прожито*. Но в основном-то все же — *Не деньги нас наживали, а мы их нажили*.

Зато в Толковом словаре Ушакова в 1938 — «сталинском» — году нажива сопровождается уже стилистической пометой «неодобр.» («неодобрительно»). И расшифрована исключительно как *легкий доход*. Пример — единственный: *Погоня за наживой*.

Не следует, значит, за ней гнаться. Гни спину, да и все. Доход за тебя найдется кому распределить.

...Через двадцать лет, в «хрущевском» 1958 году, это значение как единственное зафиксировано уже и Академический словарь: *легкий нетрудовой доход; наживание денег, материальных ценностей*. Приводятся соответствующие примеры из Льва Толстого — «Все эти люди... наживают деньги так, что при наживе заслуживают презрение людей» и Чехова: «Вся жизнь у него в деньгах и в наживе». Между прочим, так карты XX века легли, что очень помог Толстой большевикам морализированием позднего своего периода — физический, мол, труд главнее умственного, и так далее. Но так пошла история, что им вообще тогда многое легло в масть...

И спустя многие годы, уже в 2003-м, через двенадцать лет после конца советской власти, — один характерный разговорец.

Шахтеры, муж и жена, выйдя на пенсию, приехали жить и работать в красивые места — в Горный Алтай. И показали всем, что могут сделать работающие люди. И санитарный врач их района, молодой еще человек, говорил мне с возмущением о единственной едва ли не на всю республику семье преуспевающих фермеров: «Они же о *наживе* думают!»

Прочно держится привитая учениками Ленина философия и психология!

Известный вирусолог, академик Н. В. Каверин, услышав от меня рассказ с этой характерной репликой, напомнил с возмущением: «Ведь только *в погоне за наживой* нэпманы в середине 20-х вернули жизнь в разрушенную страну! А вспоминает ли кто о них?»

Михаил Булгаков, в отличие от многих собратьев по цеху не поддавшийся утопии, наблюдал в первый год нэпа с крыши высокого дома в Большом Гнездиновском чрево Москвы:

«Оно еще не ворчал, как ворчит грозно и радостно чрево больших, живых городов, но снизу сквозь тонкую завесу тумана подымался все же какой-то звук. Он был неясен, слаб, но всеобъемлющ. <...>

— Москва звучит, кажется, — неуверенно сказал я, наклоняясь над перилами.

— Это — Нэп, — ответил мой спутник, придерживая шляпу.

— Брось ты это чертово слово! — ответил я. — Это вовсе не Нэп, это сама жизнь. Москва начинает жить» (Сорок сороков, 1923).

Как поступили с нэпом — тем, кто интересуется историей, известно: во второй половине 1920-х годов Сталин с ним полностью покончил, а наиболее преуспевающих нэпманов пересажал. (А если кто-то из ваших старших родственников скажет «И правильно сделал!» — он будет очень неправ.)

И вскоре (и очень надолго) стало уже непонятно, как это деньги, во-первых, могут сами по себе увеличиваться. А во-вторых — зачем вообще нужны люди, *наживающие* деньги? Эти странные и противные существа? Ведь деньги берутся вот откуда — их выдает нам два раза в месяц государство в виде зарплаты. Или один раз в месяц — в виде пенсии.

Еще один недавний — «нулевых» лет — разговор:

— Вот я, например, выстроил бы всех олигархов — и всех до одного собственноручно бы расстрелял.

— А как же тогда ваша пенсия?

— А причем тут моя пенсия?

Этот свой коротенький диалог с незнакомым ветераном пересказал мне генерал МВД С. Е. Вицин (мы с ним еженедельно заседали в президентской Комиссии по вопросам помилования).

Ветеран не знал и понимать не хотел, что его пенсия не с облаков на него валится, а берется, в частности, из налогов, которые платят государству богатые люди. Зато он хорошо знал (и, несомненно, как мог, передавал детям и внукам) то, что было ему внушено за долгие годы советской власти: за богатство можно и даже нужно людей убивать.

Когда, в процессе приватизации и развития рынка, появилось немало очень богатых людей, и главное — стал расти разрыв между чрезвычайно богатыми и весьма бедными, возникли совсем новые именно для России XX века этические вопросы — о поведении богатых людей, о том, как воспитывать им своих детей, об их особой ответственности.

Не имея возможности — в пределах замысла этой книги — много рассуждать на тему *этики богатых*, отсылаю читателей к эпиграфу к этой главе.

Читая Герцена, всегда найдешь, о чем поразмыслить.

33. КОГДА КОРАБЛЬ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ — ОН НЕ ПЛЫВЕТ

Те, кто очень не любил Гайдара, особенно охотно упрекали его за сокращение производства.

Хорошо помню разговор с жителями Самары после одной научной конференции в середине 90-х. Они возмутились:

— У нас такое производство закрыли! Мы все на этом заводе работали!

— А что выпускал-то ваш завод? — спросила я сочувственно.

— Взрыватели — для тяжелых бомбардировщиков!

— Так вы хотели бы, чтоб его снова открыли?

— Ну да!

— Кого бомбить-то думаете? — не удержавшись, спросила я.

Дальнейшее можно передать такими словами — мои собеседницы возмущенно молчали.

А вот теперь задайте сами себе вопрос: а что было делать, если не менее 60% промышленности Советского Союза работало на так называемую «оборонку»? (Цифры эти, конечно, не оглашались.) А при том состоянии бюджета, которое оставила в наследство советская власть, при стоимости нефти от 10 до 20 долларов за баррель (в «нулевые годы» — 100—150) трудоустроить всех, потерявших рабочие места, было невозможно...

34. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГАЙДАРА

...Сегодня, когда вы видите на очень серьезных должностях двадцатипятилетних людей — и они прекрасно справляются! — вы вряд ли поймете, какое впечатление производило на все российское общество сформированное Гайдаром правительство.

Недаром один из недругов впоследствии ядовито сказал: «Мальчики в розовых штанишках!..» И кто-то тогда же возразил — «А вам бы все министров в солдатских подштанниках!»

Именно Гайдар начал это изменение самого внешнего облика нашей страны...

В советское время главным критерием при выдвижении человека на должность министра был достаточно большой «опыт руководящей работы». Все остальное — второстепенно.

Гайдар круто поменял критерии. Это стало частью его подспудного реформирования всей системы.

Некоторые его министры не имели ни малейшего «бюрократического» опыта — никогда и ничем не «руководили».

А откуда было взяться такому опыту? Во-первых, в недавнем «брежневском» прошлом невозможно представить себе на посту *любого* руководителя — да хоть бы баней или прачечной — человека моложе сорока лет. А все гайдаровские министры в те годы как раз и были «моложе».

...Вот что такое эпоха Ельцина—Гайдара, следы которой почти полностью изгладились в «нулевые» годы — когда премьер-министром назначили человека, про которого Жванецкий воскликнул на телеэкране: «Когда я увидел Зубкова, я помолодел на 30 лет!..»

Физиономически (и по сути, потому что правы те — кажется, французы, — кто придумал пословицу: «После сорока лет человек сам отвечает за свое лицо») это был тип правительственного чиновника времен почти что его молодости.

...А во-вторых, «приличные люди», то есть те, кто хотели сохранить уважение к самим себе, начиная примерно с конца 60-х уже не могли себя представить в среде советского «начальства». И, соответственно, не нажили опыта руководства чем бы то ни было.

Но после краха советской власти в конце 1991-го для того, кто намеревался реформировать страну, важны стали совсем другие качества.

Гайдар считал «самым ярким примером в этом плане» своего министра по внешнеэкономическим связям Петра Олеговича Авена.

«Интеллигентный парень, хорошо разбирающийся в экономике, знаток русской литературы, выпускник элитной 2-й математической школы, затем экономического факультета МГУ... Никогда не работал чиновником, ничем, кроме своего письменного стола, не заведовал.

...Вопрос о замене Авена Борис Николаевич обсуждал со мной регулярно. Основной аргумент был один и тот же: «Ну, Егор Тимурович, он, может, и хороший специалист, но вы же видите — не министр»».

Ельцин, хотя он резко, как никто другой из его поколения, развернулся в сторону демократии, в сторону новой России, не мог отбросить старые критерии, с которыми

просто сросся, руководя много лет Свердловской областью и постоянно решая «кадровые вопросы».

«...Отнюдь не только товарищеские чувства, — вспоминал Гайдар, — заставляли меня каждый раз защищать Петра Олеговича и категорически выступать против его отставки. Для меня все его недостатки перекрывал тот фундаментальный факт, что он прекрасно понимал общий замысел преобразований и мне не надо было контролировать его действия по подготовке к введению конвертируемого рубля... В целом, я был в этом убежден, стратегическая линия будет выдержана. Как мне кажется, я не ошибся. Сегодня я твердо знаю, что никто из руководителей российских министерств не сделал для введения конвертируемости рубля больше, чем Петр Авен».

Какой грандиозный бесшумный переворот произвело в нашей стране это действие — сегодняшним читателям этой книги, выросшим при конвертируемом рубле, в окружении валютных «обменников», объяснить очень трудно... Но попробую.

Посвящу этому не одну и даже не две главы.

«Валютная» разница между советским и постсоветским временем уж слишком серьезная.

35. «У МЕНЯ, МОЖЕТ БЫТЬ, ПОЛНЫЙ ПРИМУС ВАЛЮТЫ!»

Когда читаете в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» эту реплику кота Бегемота — вам, родившимся позже 1991 года, конечно, смешно: валюта в примусе!..

Но само слово «валюта» особых эмоций не вызывает. Потому что вы с раннего детства знаете, что валюта — это доллары или евро. И что если ваши родители собираются в отпуск или еще зачем-либо за границу и у них нет банковской карточки — они могут в обменном пункте купить на рубли валюту. Столько, сколько смогут себе позволить.

В Советском Союзе это слово воспринималось совсем иначе. Оно пахло Уголовным кодексом. Сколько взять

с собой за границу валюты — решали не вы, исходя из семейного бюджета, а государство, исходя из своих никому не раскрываемых мотивов.

Нигде во всей стране нельзя было легально ни купить, ни продать *ни одного* доллара, немецкой марки, французского франка (общей для Европы валюты — евро — тогда еще не было).

Так это в 1939 году, когда Булгаков читает только что законченный роман — по рукописи — оцепеневшим от авторской смелости друзьям (было от чего оцепенеть — за всеильным сатаной угадывался всеильный Сталин!..). Так — и в 1966—1967 годах, когда роман впервые напечатан — с огромными сокращениями — в журнале «Москва». В этом смысле в советской жизни за истекшие десятилетия ничего не изменилось — вплоть до 80-х годов.

Человек собирается в туристическую поездку. Во-первых, он не может поехать с женой или всей семьей — только один (семью советская власть оставляла в заложниках — чтоб не сбежал), только в составе группы и только с оформлением по месту работы, с характеристикой («Политически грамотен, морально устойчив...»), заверенной, как я уже упоминала, подписями «треугольника»: директора, секретаря парткома, председателя профкома... И при каждой следующей поездке (если его в следующий раз «выпускают») в конце характеристики торжественно вписывают такую фразу: «Замечаний по поездкам не имел».

...Как читали по слогам в первых советских букварях: «Мы не рабы. Рабы не мы».

Потом ему торжественно меняют определенную сумму рублей — на деньги той страны, куда он едет. В «соцстраны» (так они назывались вполне официально) — гораздо больше (с ними взаиморасчеты проще). В «капстраны» (так они назывались — тоже официально) — такой минимум, про который стыдно говорить. Страна не может тратить на нужды частного лица драгоценную валюту!

Очень известный в те годы комический артист Роман Карцев вспоминает, как в 1985 году они с еще более из-

вестным Михаилом Жванецким отправились на теплоходе «Суслов» (имя главного партийного идеолога брежневского времени) в круиз из Одессы по Средиземному морю — вместе с писателями, художниками — «в общем, интеллигенцией». Они должны были увидеть Турцию, Испанию, Грецию, Марсель... «Надо сказать, что тогда нам меняли скупое — двадцать четыре доллара на двадцать четыре дня». Это я выделила курсивом, чтобы вы, читатели, лучше почувствовали. «Маловато! И мы везли всякие сувениры, матрешек, икру, открытки, значки с Лениным (он хорошо шел)». То есть они их дарили продавцам и надеялись (представьте себе это унижение!), что, может, кто-то из них даст им за это бесплатно какую-нибудь мелочь, на которую у них нет денег...

«Бедные нищие люди — писатели — ходили по улицам, заходили в магазины — просто так, посмотреть! Сенк ю! Я посмотреть! Йес! Посмотреть! ...Но красота побережья, открытого моря, солнце скрашивали наше убогое финансовое состояние».

А на обратном пути в Стамбуле русская экскурсоводка повела их в магазин.

«Там висели десятки кожаных изделий — настоящих, дорогих, не менее трехсот долларов!

— Господа, — сказала наша спутница, — выбирайте по одной вещи, любой.

Миша сказал:

— У меня осталось семь долларов!

— Ничего, — сказала она, — это презент!

Я выбрал жене лайковый костюм, Миша куртку, и напоследок она говорит:

— Передайте привет товарищу Петухову и ему презент.

Взойдя на теплоход, мы стали гадать, как все это провезти. Вещи дорогие! Мы боялись, что больше нас не выпустят».

Последние — выделенные нами — три фразы сегодня нуждаются в переводе с советского на постсоветский язык.

Известнейшие в Одессе писатель и артист волнуются, как они пройдут таможеню на родине. Почему?

Да потому что на таможне известно, какая сумма — 24 доллара! — была у них с собой в 24-дневном круизе. И в функции таможни входила проверка — не оказалось ли у них с собой на обратном пути новых дорогих вещей — покупок, на которые родина им денег вовсе не давала. И откуда же в таком случае они взяли валюту на дорогие покупки? А?..

Вот так власть запросто залезала в карманы людей.

Заметьте — не наркотики, даже не запрещенная литература, а — *заграничные вещи*, которые они не имеют права везти, потому что *им не положено их иметь!*.. Это уже, напоминая, считалось уголовщиной. И, как минимум, по доносу таможни их могли больше *не выпустить* за границу.

«Когда Миша, надев куртку, подошел к таможеннику в Одессе, тот еще издали вскричал:

— Михал Михалыч! У вас этой куртки не было!!!

Миша:

— Она была в чемодане! — Миша открыл чемодан. — Вот здесь!

И таможенник увидел в чемодане плакат Пугачевой! С автографом!

— Это мне? — сказал он.

— Конечно! — сказал Миша и спокойно прошел.

Моя очередь.

— Ну, что везем?

Я затрясся!

— Что везем, что везем? — сказал я. — Как вы могли такое допустить? Месяц меня не было, а “Черноморец” вылетел из высшей лиги!

— Представляете, — возмущился и он, — проиграть “Кайрату” на своем поле!!! Иди, ты меня расстроил.

Прошел!»

Карцев вспоминает дальше то время, когда «открылась граница» — стало возможно отправиться в разные страны уже без характеристик с подписями треугольника — лишь бы эти страны выдали визу. И получить эту визу было, как правило, много легче, чем в советское время — разрешение на выезд за пределы своей страны...

«И самое главное, — пишет Карцев, — мы были свободны, у нас появились деньги, мы уже не брали с собой колбасу, консервы и кипяtilьники...»

Некоторые люди вот это возвращение чувства человеческого достоинства не ценят ни во что — в сравнении с ценами на товары.

По-моему, это неправильно.

36. ВСЕ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ БЫЛИ РАВНЫ, НО ОДНИ РАВНЕЕ ДРУГИХ

...Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику...
<...>

Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.

Н. Некрасов, 1863—1877

... Скажем прямо — не всем в Советском Союзе меняли на 24 дня — 24 доллара.

В том-то и дело, что в советской общественной структуре было полно разнообразных льготных тонкостей. Но знали про них только те, кто ими пользовались. То есть — чиновники, вельможные бояре и министры государевы уже советского разлива.

Отто Лацис вспоминал, как он в качестве эксперта помогал готовить речи премьеру А. Н. Косыгина на сессиях СЭВ и в 1980 году летел с премьером на сессию в Прагу.

«Вылетали из правительственного аэропорта Внуково-2, разумеется, без таможенных формальностей. Меня предупредили перед вылетом, что можно взять не червонец, полагавшийся любому туристу, а побольше денег — обмен на чехословацкие кроны будет возможен без ограничений.

В день закрытия сессии новый многоэтажный универсам «Котва» в центре Праги после окончания его работы будет открыт на два часа специально для участников сессии СЭВ. Но для большинства приехавших советских чиновников возможность покупок в Праге — рыночном рае для рядового советского человека — была не очень интересна. Оказывается, смысл вывоза рублей был в другом: там же, в Праге, советское посольство устраивало высокопоставленной делегации обмен выменянных за рубли неистраченных крон на чеки «Березки».

По правилам такой обмен дозволялся лишь постоянно работавшим за рубежом советским гражданам, что позволяло государству частично вернуть себе выплаченную в виде зарплаты иностранную валюту. Приехавшим в краткосрочную командировку обмен валюты на чеки был формально запрещен, и лишь по знакомству можно было договориться в посольстве об обмене жалких остатков командировочных валютных сумм. Но чтобы вот так, без ограничений поменять рубли в трехдневной поездке... В Москве на черном рынке чеки, получаемые за валюту соцстран (они считались второсортными — выше ценились чеки, выдаваемые в обмен на твердую валюту [повторю пояснение, если кто забыл, — *твердой*, то есть всегда остающейся в цене, называлась валюта капиталистических — как учил ленинизм, *загнивающих* стран. — М. Ч.]), можно было продать по два рубля за рубль. Иначе говоря, благодаря предоставляемой совминовским чиновникам возможности неограниченного обмена они могли удвоить ту сумму, которую захватывали в дорогу.

Такие мимолетные радости для третьеразрядных чиновников ЦК и Совмина давали доход, какой рядовым гражданам и не снился. Но все это были копейки в сравнении с тем, что доставляли им *вполне узаконенные, хотя и не афишируемые привилегии* (здесь и дальше выделено нами; вот на этих-то скрытых привилегиях и воздвигалось невидимое, но весьма серьезное расслоение советского общества. — М. Ч.). И уж тем более это не шло ни в какое сравнение с реальными доходами чиновников более высокого ранга.

Помня это, я очень скептически отношусь к суждениям тех социологов, которые сопоставляют данные статистики о социальной дифференциации в годы «социализма» и в пору рыночных реформ и вздыхают о возросшем разрыве между бедными и богатыми. Реальной статистики о жизни богатых времен «социализма» *просто не существует*, а на основании эмпирических наблюдений можно с большой долей уверенности утверждать, что *разрыв по меньшей мере не возрос, а то и сократился*. Возросла информированность общества о доле богатых — не более того.

Но главный ущерб стране от класса партгосчиновников заключался, конечно, не в том, сколько они проедали, а как они управляли...» (О. Лацис. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001).

37. «СДАВАЙТЕ ВАЛЮТУ!»

Какая б ни была вина,
Ужасно было наказание!
А. Пушкин. Бахчисарайский
фонтан, 1822

«Тут ему приснилось, что зал погрузился в полную тьму и что на стенах выскочили красные горящие слова: «Сдавайте валюту!» Потом опять раскрылся занавес и конференсье пригласил:

— Попрошу на сцену Сергея Герардовича Дунчиль.

Дунчиль оказался благообразным, но сильно запущенным мужчиной лет пятидесяти.

— Сергей Герардович, — обратился к нему конференсье, — вот уже полтора месяца вы сидите здесь, упорно отказываясь сдать оставшуюся у вас валюту, в то время как страна нуждается в ней, *а вам она совершенно ни к чему*, а вы все-таки упорствуете. Вы — человек интеллигентный, прекрасно все это понимаете и все же не хотите пойти мне навстречу.

— К сожалению, ничего сделать не могу, так как валюты у меня больше нет...

...Дунчиль спокойно и с достоинством повернулся и пошел к кулисе.

— Одну минуточку! — остановил его конферансье. — Позвольте мне на прощанье показать вам еще один номер из нашей программы...

Черный задний занавес раздвинулся, и на сцену вышла юная красавица в бальном платье, держащая в руках золотой подносик, на котором лежала толстая пачка, перевязанная конфетной лентой, и бриллиантовое кольцо...

Дунчиль отступил на шаг, и лицо его покрылось бледностью. Зал замер.

— Восемнадцать тысяч долларов... хранил Сергей Герардович в городе Харькове в квартире своей любовницы Иды Геркулановны Ворс, которую мы имеем удовольствие видеть перед собой, и которая любезно помогла обнаружить эти бесценные, но бесцельные в руках частного лица сокровища...

Тут рухнул передний занавес и скрыл всех бывших на сцене.

Бешеные рукоплескания потрясли зал...

— В лице этого Дунчиля перед вами выступил в нашей программе типичный осел. Ведь я же имел удовольствие говорить вчера, что *тайное хранение валюты является бессмыслицей. Использовать ее никто не может ни при каких обстоятельствах, уверяю вас*.

На последнюю фразу — как, впрочем, и на все, выделенные мной, — обратите особое внимание. «Ни при каких обстоятельствах»!

Про это и пойдет наш дальнейший рассказ — о судьбе трех молодых людей, решившихся использовать валюту — занимавшихся ее скупкой и продажей.

Рокотов, Файбышенко и Яковлев — эти три имени в 1961 году были у всех на устах.

* * *

Начнем с конца — с письма отца Рокотова (инвалида с ампутированными выше колен ногами) Хрущеву

с просьбой о помиловании сына и с изложением его короткой биографии:

«...Когда ему было 3 месяца, умерла его мать. Моя мать, т. е. бабушка, взяла к себе ребенка, вырастила и воспитала его. Я тем временем был откомандирован на Дальний Восток...

В первом классе школы с Яном опять случилась беда — девочка, сидевшая с ним на одной парте, нечаянно проколола ему глаз, и он ослеп на этот глаз.

Семнадцати лет — в 1945 году, когда, окончив школу, собирался поступить в институт, он был репрессирован и почти десять лет просидел в тюрьме и в лагере. Лишь в 1954 г. (до окончания срока) он был полностью реабилитирован и вернулся домой в возрасте 27 лет, не получивши в лагере никакой специальности или профессии».

Это не помешало журналистам во время судебного процесса писать, что он «не хотел учиться и остался неучем. Ведь из материалов следствия и судебного процесса совершенно ясно, что Ян не мог продолжать учебу потому, что почти 10 лет без вины пробыл в лагере. Но пусть это будет на их совести».

Все газеты в тот год (когда герою нашей книги было пять лет — и он обыгрывал отцовских гостей в шахматы) писали об этом судебном процессе. И все — одно и то же. Поясним для юных читателей: разные мнения об общественно-важных событиях тогда в печати не высказывались.

Что же это был за процесс?

...С середины 30-х годов (к этому времени иностранные инженеры, которых в 20-е годы на заводах и советских стройках было немало, в панике покинули страну — если успели до ареста, Лубянки и лагеря) и до середины 50-х иностранцы на улицах Москвы на глаза попадались редко.

После смерти Сталина и особенно после доклада Хрущева на XX съезде КПСС в конце февраля 1956 года ситуация начала меняться. Интуристов в Москве стало много.

Они приезжали к нам с валютой в бумажниках. А слово *валюта* в Советском Союзе, напомним, имело стойкий запах уголовщины.

Иностранцам, естественно, нужно было поменять свою валюту на советские деньги. Вокруг этого все и развернулось...

Валюта могла быть только в руках у государства — и ни в коем случае не в руках у частных лиц. Она выдавалась при заграничных командировках чуть ли не в последний момент — и ни один доллар, франк или марка не должен был застрять в вашем кармане при обратном пересечении границы.

Правозащитник, историк-арабист И. Фильштинский вспоминает: «Когда в 1961 году я узнал из газетного фельетона о суде над Яном Рокотовым, выглядевшим под пером журналиста страшным злодеем, ...я невольно вспомнил хрупкую фигурку в грязной, рваной телогрейке, представшую перед нами в зимнюю пору в лагерном бараке. Разумеется, о прошлой горькой судьбе Рокотова в фельетоне ничего не говорилось.

Это был невысокого роста худенький юноша, казавшийся значительно моложе своих лет. За годы работы на лесоповале в режимной бригаде, где его систематически избивали за невыполнение нормы (которую, к слову сказать, редко кто выполнял), он на время утратил способность сознательно воспринимать действительность».

Перестал, например, узнавать хорошо знакомых людей. Когда после отсидки, говоря лагерным языком, большей части срока (сидел он, разумеется, по 58-й — «антисоветской» — статье) с него были сняты режимные ограничения, «молодые жизненные силы Яна взяли свое, и через несколько месяцев его психическое состояние полностью восстановилось. Он даже сумел как-то «приспособиться» к лагерным условиям, ...и, когда уже после смерти Сталина, дело его было пересмотрено, покидал лагерь с большим, набитом “имуществом” чемоданом, в новеньком, неизвестно где сшитом костюме.

— Освобождаюсь вчистую, с полной реабилитацией! — с торжеством прокричал он мне, стоя на вахте, уже за пределами зоны, и помахивая реабилитационной справкой.

— Сколько же тебе пришлось зря просидеть? — спросил я.

— Около семи, — ответил Ян уже другим, несколько упавшим голосом.

Тюрьма и лагерь действуют на неустойчивые в моральном отношении натуры деморализующе, особенно если человек попадает в заключение молодым, с еще не сложившимися убеждениями, этическими нормами. Негативный опыт лагерной жизни среди воров, бандитов, убийц и насильников чаще всего способствует выработке “приблатненной” психологии и морали».

И Рокотову «захотелось после страшных лагерных лет пожить “на всю катушку”, а учеба в институте и грошовая стипендия давали слишком мало возможностей... Ян бросил институт и занялся подпольным промыслом. В этом ему помогали еще несколько человек из нашего лагеря, которые в свое время также сидели по 58-й статье и были реабилитированы, но в лагере прониклись уголовным взглядом на мир и жизнь».

Так сталинский лагерь ломал всю жизнь молодых людей. ...Во время моей работы (1994—2000) в Комиссии по вопросам помилования при Президенте России (существовала при Ельцине такая Комиссия, и шло помилование — снижали сроки наказания от 500 до 800 заключенным *ежемесячно*) мне не раз приходилось читать дела осужденных, не вылезавших из тюрьмы, — по пять-шесть приговоров за жизнь. И почти всегда первая посадка обнаруживалась в конце 40-х годов, в 16—17 лет... Первый лагерь определял всю дальнейшую судьбу.

Тогда за доллар по официальному курсу давали четыре рубля, туристам из «капстран» — 10 рублей. Иностранных туристов это, естественно, не очень-то устраивало. Рокотов предлагал совсем другую цену — 20—25 рублей. А потом с выгодой перепродавал валюту — доллары или западногерманские марки — советским туристам или командировочным.

«Одна моя бывшая солагерница, — пишет И. Фильштинский, — шепотом рассказывала мне, что обороты Яна достигали многих десятков тысяч рублей. Ходили слухи о его легендарном богатстве, каких-то немисли-

мых кутежах в московских и ленинградских ресторанах и о любовных связях с красотками уголовного и полууголовного мира».

...Уже этого одного советская власть не могла вытерпеть. Не могли быть богатым! Только нам, партчиновникам, это позволено. И кутим мы подальше от ваших глаз.

А ведь Рокотов не только никого не убил и не ограбил, но вряд ли даже по-крупному обманывал! Кроме родной советской власти.

...«Черный рынок» — пространство «валютчиков» — простирался от Пушкинской площади до гостиниц «Националь» и «Москва». Там сновали те, кто скупали у иностранцев (их стало в Москве намного больше после Всемирного фестиваля молодежи летом 1957 года) валюту и золотые монеты (их привозили почему-то арабские офицеры...). Все это постепенно попадало в руки Рокотова и его поделщиков.

Летом 1960 года вышел указ — дела о «нарушении правил валютных операций» передавались от МВД к КГБ. То есть дела эти приобретали знакомую всем зловещую «антисоветскую» окраску...

В мае 1961 года 33-летнего Рокотова, а также его ровесника, аспиранта Плехановского института Д. Яковлева и 24-летнего студента В. Файбышенко арестовали.

«Известия» и «Комсомольская правда», соревнуясь в эпитетах, называли их слизняками, подонками, «обезьяньим стадом, которое жалело лишь об одном: в нашей честной Москве нельзя так, как в Лондоне, Париже или Нью-Йорке, открыто потрясать своими барышами (журналисты проговорились: только *скрытно* можно пользоваться барышами — как партноменклатура! — М. Ч.) и, требуя и ликуя, мчаться по дневным, освещенным светом солнца улицам».

Сегодня и не очень-то поймешь эти слова...

Арестованные ожидали приговора, положенного по закону, — *три года* лишения свободы с конфискацией имущества.

К началу следствия приняли основы нового законодательства. Теперь им могли дать *восемь лет*.

Но за две недели до начала процесса, по настоянию тогдашнего председателя Президиума Верховного совета Л. Брежнева, Президиум выпустил указ — нарушители валютных операций теперь могли получить *пятнадцать лет*.

Известно во всей мировой юриспруденции — закон, ухудшающий положение подсудимого, *обратной силы не имеет*. Но, как писал Маяковский:

У советских
собственная гордость:
На буржуев
смотрим свысока.

Поэтому всем троим был вынесен приговор — 15 лет.

А обещали Рокотову на следствии не больше пяти... Он был потрясен. Генерал КГБ, курировавший процесс и дававший это обещание, угрюмо сказал ему — «Это неожиданность и для нас». И обещал пересмотр дела.

Происходило же все это потому, что вернулся из Западного Берлина (еще не отгороженного каменной стеной от Восточного) разъяренный Никита Хрущев. Он там поучал буржуев — почему у вас городом управляет «черная биржа»? Тут ему и сказали, что и здесь, как обычно, мы переплюнули растленный Запад и такой «черной биржи», как у нас двух шагах у Кремля, у них все-таки нет...

Председатель КГБ Шелепин готовно доложил Хрущеву, что головка московской «черной биржи» уже сидит.

— И сколько им дадут?

— По кодексу — пять-шесть лет.

Хрущев чуть не задохнулся от гнева.

...И когда, нарушив ради воли первого секретаря правящей партии закон, фарцовщикам вынесли приговор — 15 лет, он потребовал *расстрела*.

Несмотря на свой антисталинский доклад 1956 года, он сам был воспитанником той эпохи, которая началась в конце 1917 года. Когда вообще отменили суд, поскольку он был «буржуазным». И людей стали расстреливать, «руководствуясь своим революционным правосознанием».

А позже, формально уже при наличии суда — много лет жизни Хрущева шло под сталинским негласным девизом: «Нет человека — нет проблемы».

Первого июля спешно принят указ, введивший смертную казнь за валютные операции.

17 июля 1961 года «Правда» опубликовала информацию: «В Верховном суде РСФСР.

Генеральным прокурором СССР был внесен в Верховный суд РСФСР *кассационный протест на жесткость приговора* Московского городского суда по делу Рокотова и др. Однако, учитывая, что Рокотов и Файбышенко совершили тяжкое уголовное преступление, Верховный суд РСФСР на основании части второй ст. 15 Закона о государственных преступлениях *приговорил Рокотова и Файбышенко к смертной казни — расстрелу...*

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Приговор встречен с одобрением присутствующими в зале суда».

...Сохранились свидетельства, что, услышав смертный приговор, Рокотов еле дошел до своей камеры. К нему вызвали врача, долго приводили в чувство.

— Кому поверил? — хватаясь за голову, повторял Рокотов. — Суке советской поверил!

У двоих молодых людей отнимали жизнь в угоду одному человеку. А культурного кругозора самого Хрущева не хватило для понимания того, что нарушение аксиом права затмит для западных наблюдателей впечатления от московской «черной биржи».

Просил о помиловании сына безногий отец Рокотова. Просил он сам.

«...Преступление мое заключается в том, что я спекулировал иностранной валютой и золотыми монетами. Ко мне 2 раза применили обратную силу закона... Я очень прошу Вас сохранить мне жизнь и меня помиловать... Ведь я не убийца, не шпион, не бандит. Был стяжателем-спекулянтом. Сейчас прояснился ум у меня, я хочу жить и вместе с советскими людьми строить коммунизм.

Вы говорили, что людям надо верить, и если они говорят, что покончили с прошлым — то можно поверить.

Заверяю Вас — я другой человек, поверьте мне в этом, и я докажу Вам на деле. А расстрелять меня всегда не поздно».

Умоляла Хрущева, с трудом подбирая слова, и мать Файбышенко: «...Неужели расстрел юноши 24 лет, осознавшего свое преступление и искренне желающего исправиться, более гуманный акт, чем то, что из него в будущем будет настоящий человек, если оставить ему жизнь. Я Вас умоляю...»

Через несколько дней в газетах появилось несколько строк, озаглавленных: «*Валютчики расстреляны*».

...Когда вы спокойно заходите сегодня в обменный пункт поменять или купить доллары — вспоминайте советское прошлое, от которого твердой рукой выводил страну совсем еще молодой человек — Егор Гайдар.

Страну, где жестокость власти к людям и ее презрение к закону были нормой, он хотел и надеялся преобразовать.

38. ЕЛЬЦИН, ГАЙДАР И ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы...

В. Хлебников, 1917

Ах, свобода, ах, свобода.
У тебя своя погода.
У тебя — капризный климат.
Ты наступишь, но тебя не примут.
И. Бродский, Песенка о свободе, 1965
(с посвящением Булату Окуджаве)

Демократия не равнозначна свободе; демократия — это свобода, вписанная в рамки закона. Свобода сама по себе — без ограничений, нала-

гаемых правом и обычаями, — это путь к анархии и хаосу, где царствует право более сильного.

Адам Михник, 1997

Сначала — небольшое личное отступление, связанное с первым эпиграфом к этой главе.

В 1999 году, перечитывая Велемира Хлебникова, я была поражена одной его строкой и в том же году с рассказа об этом впечатлении начала доклад «О свободе». А потом и напечатала его. С тех пор эту первую строку стихотворения (которая всем очень понравилась) люди пишущие стали использовать как инкрустацию, как красивый завиток, и, как это нередко бывает, затаскали и лишили смысла.

А это не просто красивые слова. Это — одна из самых глубоких и сильных строк русской поэзии XX века.

«Свобода приходит нагая». Яркая, многомерная, точная мысль. Сегодня нам, людям России, трудно повторить ее, не почувствовав при этом боли.

Да, *свобода приходит нагая*. Неожиданно, как прекрасная юная девушка, появившаяся вдруг обнаженной среди грубой толпы.

Именно так она явилась в нашем отечестве двадцатилетие назад — в 1991-м. Она и не могла явиться иначе в России — после всего перенесенного нашей страной в XX веке.

Нагая — то есть незащищенная. От тех, к кому она пришла, зависело, как поступить с ней: прикрыть ее наготу, дать ей достойный ее красоты и юности вид (она была юной, наша российская свобода) — или коллективно растлить.

Многие в нашей стране выбрали последнее.

Хищное, плотоядное отношение к свободе — оно вокруг нас, его легко заметить. Свобода не спорить с противником аргументированно и уважительно, а по-ленински облить его помоями (именно Ленин завел в российской публицистике начала XX века этот беспардонный тон) — в интернете, а то и в печати.

Еще шире распространено жульническое, я бы сказала, пользование свободой. Поясню. Во время войны

жены и матери фронтовиков, готовя детям на плитке, но не имея денег для оплаты перерасхода электричества, обманывали, грешницы, свое заботливое государство: заземляли как-то отводной провод («жучок») — так, чтоб на счетчик эта электроэнергия не шла...

Так сегодня свободой пользуются при помощи «жучка» — ничего не желая за это платить.

Ведь в Августе на баррикадах о плате с ними не договаривались.

Буквально все демократические институты, в том числе и три самостоятельных ветви власти, приживались в России с трудом. (И сегодня мы еще никак не можем похвастаться полной независимостью этих трех ветвей друг от друга. И в первую очередь — независимым судом.)

Считалось, например, что депутаты Верховного совета, избранные народом, контролируют работу правительства — блюдя интересы избравшего их народа.

Это неплохо. Особенно же, когда в правительстве не очень компетентные или не очень честные министры. А народные избранники — честные, некорыстные и более или менее сведущие в экономике.

А теперь представьте себе: ученикам шестого класса поручено контролировать деятельность университетского профессора (так, кстати, и было у нас в стране в 1920-е годы).

Что из этого может получиться? Ведь даже самые хорошие ученики, отличники из отличников, просто не знают тех предметов, которые профессор пять лет изучал в университете и теперь сам преподает.

Так получилось с контролем правительства Гайдара со стороны депутатов. Депутаты Верховного совета, если и изучали в вузе экономику, то в советском ее варианте. Все мы, учившиеся в советское время, по целым семестрам изучали (и сдавали!) несуществующий предмет — *политэкономия социализма*, весь состоящий из пропагандистских придумок. Там, например, объяснялось, как я уже упоминала, что в социалистическом производстве

не образуется *прибавочной стоимости* — только у капиталистов есть эта гадость... Кто не верит — пусть найдет «*Политический словарь*» и прочитает:

«*Прибавочная стоимость* — результат неоплаченного труда рабочих, источник обогащения капиталистов. ...В СССР уничтожена эксплуатация человека человеком, а потому нет прибавочной стоимости. Все трудящиеся СССР работают на себя, на свое социалистическое государство».

Теперь эти люди должны были контролировать деятельность человека, досконально изучившего мировые экономические теории. И в то самое время, когда он прилагал огромные усилия, чтобы отвести страну от края пропасти.

Главная задача Верховного совета — принимать новые законы, улучшающие и облегчающие жизнь и деятельность людей. Но законотворчество — всякому понятно — дело трудное. Не скажешь с бухты-баряхты — «Нукося, примем-ка вот такой закон!»

Зато очень удобное дело — задавать вопросы членам правительства. Это, как пишет Гайдар, во-первых, в отличие от законотворчества, «одно из самых интеллектуально необременительных занятий. Один дурак, как известно, может задать столько вопросов, что сто мудрецов не ответят. Во-вторых, это позволяет наглядно продемонстрировать избирателям, как их избранник заботится об их интересах».

Тем более что все дебаты — то есть обсуждения, дискуссии на заседаниях — транслировались ведущими телеканалами. Большинству депутатов было очень даже приятно вызвать на глазах у миллионов телезрителей прямо на заседание одного из министров («Сей минут чтоб приехал!») или, еще лучше, самого Гайдара (у которого, в отличие от депутатов, весь день по минутам расписан) — и заставить отвечать на каверзные вопросы. И все избиратели воочию видят, какой же у них деловой и отчаянный депутат.

Ну только сам Гайдар их довольно быстро от этого отучил. Сам он скромно писал, что к тому времени от его юношеской гиперпамяти «остались жалкие крохи», тем не менее...

«Мне кажется, у коммунистов пропала охота задавать мне слишком много вопросов после того, как в ответ на какое-то вполне демагогическое замечание о состоянии здравоохранения я провел с ходу подробный анализ динамики заболеваемости по основным группам болезней на протяжении последнего года. А когда лидер думских аграриев (была такая Аграрная партия, которая давила зарождавшееся фермерство и выбивала у правительства деньги для поддержки колхозов; правда, полученное они потом в основном прибирали к рукам. — М. Ч.) Михаил Лапшин был публично уличен в полном непонимании разницы между учетом зерна в амбарном и бункерном весе, стало ясно — оппозиция опозорена. И потом при каждом моем выступлении по рядам коммунистов и их союзников проносился шепоток: “Гайдару вопросов не задавать”. Честно говоря, это была одна из маленьких, но приятных побед».

Ну а кто-нибудь в Верховном совете был все-таки на стороне Гайдара в его болезненных, но необходимых стране реформах?

«Самая энергичная, мощная моя поддержка в Верховном совете — Петр Филиппов, председатель подкомитета по приватизации, — вспоминал Гайдар. — Одна из колоритнейших личностей российской политики последнего десятилетия (это пишется в 1996 году. — М. Ч.). Экономист, юрист, журналист, предприниматель. Человек с неумной, кипучей энергией, в свое время немало сделал, чтобы мобилизовать меня и моих питерских коллег к активному участию в политике. ...Петр — трибун, прирожденный публичный политик, в 1990 году был выбран в народные депутаты России. К осени 1991-го — один из самых авторитетных членов Верховного совета, автор важнейших экономических законопроектов. ...Решительно поддержав нашу программу, он в конце 1991 — начале 1992 годов полностью, без остатка вложил весь свой парламентский авторитет в нашу поддержку. Методично, громко, просто объяснял законодателям суть того, что мы делали, почему это необходимо, почему других решений не существует. Но парламентское большинство терпеть

не может менторов, объясняющих к тому же неприятные, непопулярные вещи».

И если осенью 1991 года поддержка Филиппова была решающей для того, чтоб провести нужный экономический законопроект, то весной 1992 его поддержка сразу вызывала голосование против законопроекта.

А ты — терпи, терпи и жди,
Терпи и мучайся в работе.
И не сходи на полпути,
И не кренись на повороте.

39. АГНОСТИК, ДИХОТОМИЯ И ОТНЮДЬ

— Заклинаю тебя, о мой юный повелитель, — сказал он, обращаясь к Вольке, — потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

— Потряс, — ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью посмотрел на старика Хоттабыча.

Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся.

*Л. Лагин. Старик Хоттабыч,
1939—1940*

Гайдара упрекали за то, что он не может ясно и просто объяснить людям, что и почему он и его правительство делают. И что в этом-то и вся беда. Объяснил бы раз и навсегда — и все бы успокоились.

Ведь люди привыкли, что советская власть им все время объясняла свою цель — мы строим светлое будущее! И люди верили... Да и кто же решится сказать: «Нам не надо. Не стройте, пожалуйста»?

Гайдар писал: «Частично принимаю эти упреки».

Почему так вышло? Во-первых, он привык общаться почти исключительно с профессионалами — с теми, кто и так все понимает и кому нужно лишь объяснить кой-какие детали.

Это только кажется, что каждому человеку можно все объяснить, если постараться. Да ничего подобного!

Для того, чтоб понять, почему правительство не может напечатать много денег и всем раздать, чтобы все могли купить себе побольше еды, — нужен определенный умственный и образовательный уровень. Нужны тренированные мозги и умение логически мыслить.

Тем, кто в школе учился на круглые пятерки и привык думать — над задачами, над параграфами по истории и экономической географии — бывает легче понять нечто ранее неизвестное, чем троечнику, который учил все кое-как и думать не привык.

Такой — хоть горло себе сорви, объясняя ему, — все равно не поймет, почему увеличение денежной массы неминуемо ведет к инфляции, то есть к удорожанию всех товаров. Тот, кто навсегда троечник, упрямо будет свое талдычить: «Не путайте меня! Не морочьте голову! Если мне дадут много денег — я пойду и много всего накуплю. Может, на два месяца! Или на три! И пусть тогда инфляция — а я уже все купил!» Его спрашивают — «А потом?» А потом его уже не интересует. Там уж кое-как и как-нибудь, рассчитывая на знаменитое русское авось. А премьера-то не может не интересоваться «а потом» — он права не имеет только на два месяца вперед думать.

...Во-вторых — размышлять над популярными, всем понятными объяснениями своих действий Гайдару «мешала постоянная, не проходящая усталость... навалились огромные перегрузки: голова была забита сотнями забот, тут уж было не до красноречия. Из-за всего этого случались иногда довольно комичные казусы».

И честно рассказывает об одном из них.

Осенью 1992 года Гайдар отправился в Якутию. После переговоров с правительством республики, полетели в село Черепча, за пятьсот километров от столицы к востоку. Там была, как это называлось, встреча с общественностью. Жители села, куда редко кто добирался, впервые видели живого главу правительства. Внимательно и напряженно слушали его рассказ про их насущные проблемы — например, о строительстве водовода.

«Потом — масса вопросов. Кто-то из собравшихся спрашивает меня о моем вероисповедании. Я откровенно отвечаю — агностик. “Это что, секта такая?” — слышится из зала. Объясняю, что это философское учение. Зал изумлен, а сопровождающие меня московские коллеги не могут спрятать улыбки».

Агностицизм — это такое философское учение, которое говорит, что мы можем, конечно, изучать объективный мир — физические законы, химический состав разных веществ, молекулы, атомы. Но мы не можем постигнуть самую сущность явлений — и самую суть реальности. То есть не можем дать уверенный ответ на вопрос — управляет ли видимым миром какая-то высшая сила или нет?..

Неудачный ответ Егора Тимуровича — следствие колоссального умственного и особенно нервного утомления. Оно лишало его возможности четко контролировать все свои действия и слова (*главное* он контролировал). Психологическая ошибка была в том, что ему не пришла в голову одна простая мысль. А именно — что среди присутствующих в зале жителей села Черепча, возможно, нет ни одного, кто ясно понимал бы, что такое *агностик*. Так, ученое какое-то слово.

Ну мало читали в детстве, плохо изучали философию и недостаточно лазали в словари — смотреть значение непонятных слов. А про вероисповедания тоже знали мало. «Православный». Ну, может быть, еще — «католик». Знали, что часть из них самих — атеисты, то есть люди, уверенные, что Бога — нет. А вот что есть еще *агностики*, то есть люди, вообще отказывающиеся выносить свое суждение о существовании Божьем — как о том, что нельзя ни доказать, ни опровергнуть, — этого они знать не знали и ведасть не ведали.

Вот почему улыбались московские коллеги Гайдара. На них-то не лежала такая непомерная нагрузка, как на нем. И они своими не очень утомленными мозгами быстро смекнули про жителей села то, что не успел додумать перед своим ответом Гайдар...

Как-то один журналист написал, что непонятные термины в речи Гайдара воспринимались депутатами чуть

ли не как оскорбление. А когда однажды он произнес слово «дихотомия» (юные читатели — загляните в словарь иностранных слов!), то все подумали, что он их просто матом послал...

«Помню и свое личное впечатление по этому поводу, — пишет Андрей Нечаев. — Гайдар выступил в Верховном Совете и отвечал на вопросы депутатов. Сейчас уже забыл суть вопроса одного из депутатов... Услышав вопрос, Гайдар ненадолго задумался, потом по старой привычке хлопнул себя ладошкой по лбу и сказал что-то типа — вы имеете в виду известный “эффект Гриффита”. Дальше депутат ответ не слушал. Он посмотрел на Гайдара долгим ненавидящим взглядом и молча сел» (А. Нечаев. Россия на переломе, 2010).

Хуже всего Гайдар понимал, что кто-то чего-то не знает.

Есть люди, которые думают, что только они одни умные, а остальные — дураки. С Гайдаром было скорее наоборот. Он думал, что он — умный, и другие, конечно, тоже.

А теперь серьезное.

Язык вообще очень серьезная вещь. Гораздо серьезнее, чем многие думают.

За 70 с лишним лет общество привыкло к определенному, стандартному языку советских публичных политиков: «невиданные успехи», «возросшие потребности народа», «теперь, как никогда раньше», «огульно охаивать», «горячо одобрять»...

Годы Перестройки вывели на трибуну — и, соответственно, на телеэкраны — новых людей. И далеко не все из них свободно владели русской литературной речью, могли грамотно говорить без бумажки...

С 1988 году я стала вести картотеку под названием «Депутатский язык». И убедилась, в частности, что депутаты выучили всю страну говорить «более оптимальный», «менее оптимальный»... К ужасу моему, так стали говорить и образованные люди, которым раньше это в голову бы не пришло. Теперь, по десять раз в день слыша с экрана «наиболее оптимальный» и «самый оптимальный», они уже, ви-

димо, невольно забывали, что «optimus» — это и есть «наилучший», «самый лучший» и в усилениях не нуждается.

Зато появились на телеэкране и на страницах публицистики и те немногие люди, которые виртуозно владели родным языком — с естественным, непринужденным включением в него народной образности. Самый широкий речевой диапазон был у безвременно скончавшегося Василия Селюнина, памяти которого Гайдар посвятил в 1994 году упоминавшуюся мною книгу «Государство и эволюция». Не забуду, как в большой статье о Руцком, уже готовившемся, видимо, к прыжку из вице-президентов в президенты (об этом — дальше) и размашисто рассуждавшему о «загранице», Селюнин заметил (цитирую по памяти), что не вся заграница в его кабинете уместилась — *осталось кое-что и по закрайкам...*

Воздействие же редко выступавшего Гайдара на наше речевое поведение тоже было немалым.

Во-первых, на всю страну зазвучала речь интеллектуала и интеллигента. Во-вторых, она не была заражена советизмами, как речь управленцев — предшественников его «тимуровской команды».

И хотя верно, пожалуй, говорили, что эти люди больше ненавидели его за слово «отнюдь», чем за реформы, но гайдаровская прививка не прошла бесследно.

И когда в последние годы я провожу блиц-викторину по русскому языку по школам России и всегда среди прочих вопросов задаю такой: — Значение слова «отнюдь»? — то сельские школьники (даже успешнее городских) охотно и совершенно правильно на этот вопрос отвечают.

Они уже не будут ненавидеть Гайдара за это слово. А также, хочется верить, и вообще.

40. ОТСТАВКА

Егор Гайдар не раз впоследствии повторял, что не сомневался — Ельцин не сможет удержать его на главном правительственном посту больше двух-трех месяцев. Он

должен будет принести его в жертву массам, возмущенным реформами...

Президент, однако, удерживал его на главном правительственном посту, защищая от нападков, больше года.

Наступил момент, когда съезд депутатов, давно жаждавших крови Гайдара, должен был решить вопрос о назначении полноценного премьера — вместо исполняющего обязанности...

На открытии VII Съезда народных депутатов первого декабря 1992 Гайдар в качестве и. о. Председателя Правительства Российской Федерации выступил с докладом о ходе экономической реформы. Он подводил итоги годовой работы правительства:

«Вы помните тональность дискуссий осенью прошлого года и здесь, и в прессе, в нашей и в зарубежной. Ведь обсуждался вопрос не о том, насколько сократится в 1992 году производство танков, минеральных удобрений или даже хлопчатобумажных тканей. Речь шла об угрозе массового голода, холода, паралича транспортных систем, развала государства и общества.

Ничего этого не случилось. Угроза голода и холода не стоит. Мы прошли этот тяжелейший период адаптации к реформам без катаклизмов».

...Казалось очевидным, что самоотверженная работа правительства Гайдара по реформированию страны должна быть продолжена. Но личные амбиции Р. Хасбулатова и его окружения оказались для этих людей весомее интересов страны.

Девятого декабря при голосовании кандидатуры Гайдара на пост премьера за человека, на глазах у всех закончившего с многолетним товарным дефицитом в стране, проголосовало меньше половины депутатов.

14 декабря 1992 года Ельцин вынужден внести пять кандидатур на пост премьера для рейтингового голосования депутатов. Это было сделано путем соглашения с депутатским корпусом (которое депутаты вскоре цинично нарушили — пошли на конфронтацию с президентом).

При голосовании первое место — 637 голосов депутатов — получил Юрий Скоков, секретарь Совета безопасности, родившийся в семье офицера НКВД, второе — 621 голос — В. С. Черномырдин. Гайдар занял третье место.

Нельзя преуменьшить значение решения Ельцина выбрать Черномырдина, а не Скокова (вскоре Скоков окажется на стороне депутатов в их противостоянии президенту).

После утверждения Черномырдина Гайдар отправлен в отставку со всех правительственных постов.

Можно смело утверждать, что эта «победа» Хасбулатова и наиболее недалёковидной части съезда сломала ход реформ в России и определила мучительную непоследовательность дальнейшего ее пути.

Если бы Гайдару дали продолжить реформы — страна сильно выиграла бы. Хотя большинство ее жителей, не утруждая себя изучением реальной ситуации тех лет, продолжают думать иначе.

...Прямо на съезде к Гайдару кинулись журналисты с вопросами о назначении Черномырдина.

— Виктор Степанович, во всяком случае, порядочный человек, — сказал Гайдар твердо.

Помню, как мы — те, кто были сражены отставкой Гайдара, — ухватились за эти его слова.

В дальнейшем, на крутых поворотах российской истории, они полностью подтвердились: Черномырдин неизменно вел себя порядочно. Что немаловажно.

Дочь Ельцина Татьяна Юмашева вспоминает:

«Помню, как он страшно переживал, когда не смог отстоять его... Утром, когда он уезжал на этот съезд, мы все вышли провожать его к машине — мама, Ленка и я. Мы с Ленкой упрямо и, я бы сказала, вызывающе проговорили: “Папа, ты не можешь не отстоять Гайдара!” Мы знали, что говорим то, что в нашей семье говорить запрещено, папа терпеть не мог, когда кто-то дома обсуждал какие-то политические вопросы. Но Егор Тимурович для нас не

был политикой. Для нас он был надеждой, лучом света, опорой. Да, понятно, папа. Но Гайдар знает, что делать, и без него папе не справиться. Он посмотрел на нас суровым взглядом, ничего не ответил, сел в машину и уехал.

Мы неотрывно смотрели репортаж со съезда. Нам все верилось, что папа пойдет на все, но Гайдар останется. И потом как гром среди ясного неба. Черномырдин Виктор Степанович. Не Гайдар.

Когда папа приехал домой, у нас у всех были опухшие от слез глаза. Он сам был мрачнее тучи. Сели за совсем поздний ужин. Молча ели. Мы тоже молчали, хотя хотелось спросить — ну как? Как он мог отдать этому озверевшему съезду своего Гайдара. В самом конце папа пророчил одну-единственную фразу: "Я сделал все, что мог. Но я не смог сохранить Гайдара". Встал и ушел».

часть пятая

УДАРЫ СУДЬБЫ

Наутро после отставки Гайдару позвонил Ельцин и предложил стать его главным экономическим советником.

Гайдар отказался. Такое дублирование экономических решений будет стеснять нового премьера — и просто опасно. Отвечать за все должен один.

«А помочь вам, Борис Николаевич, я всегда готов — без всяких официальных должностей».

Вот так всегда он был *всегда готов*.

1. СВОБОДЕН...

И тут что-то начало жечь Маугли изнутри, как никогда в жизни не жгло. Дыхание у него перехватило, он зарыдал, и слезы потекли по его щекам.

— Что это такое? Что это? — говорил он. — ...Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат, это только слёзы, какие бывают у людей, — ответила Багира.

Р. Киплинг

...Возможность же все это наблюдать, к осеннему прислушиваясь свисту, единственная, в общем, благодать, доступная в деревне атеисту.

И. Бродский. В деревне Бог... (1964)

Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
лишь согласное гуденье насекомых

*И. Бродский. Письма
римскому другу, 1972*

На своей подмосковной даче первые трое суток спал, спал, спал...

«Какое счастье утром проснуться, глянуть в окно на заснеженные лапы елок и — заснуть снова. Когда выбрался наконец на улицу, услышал, что посвистывает ветер, хрустит снег под ногами, увидел симпатичную дворнягу. Возле запруды на озере парень в тулупчике сидел у лунки, наблюдая за поплавком...

— Как клюет?

— Да так, мелочишка.

Нормальный, живой, просторный мир возвращался ко мне со всеми его запахами, звуками».

И где-то далеко-далеко виднелся такой знакомый длиннющий и узкий кремлевский зал... Когда-то Сталин велел переделать его «из целой анфилады, чтобы проводить там партийные съезды... Вот уж поистине чудовищный “коридор власти”...» (Е. Гайдар, 1996).

Это — выражение с переносным смыслом. Его часто употребляют, говоря о власти, о Кремле. И идет оно именно от *кремлевских коридоров сталинских лет*.

В эти коридоры и сегодня не войдешь, конечно, без пропуска, но тогда... Тогда Сталин обретался там, как в сказке, за семью запорами. И войти в Кремль можно было только по его личному приглашению, пройдя десяток контрольных пунктов: очень рано всеильный вождь стал бояться покушения на свою жизнь — он ведь знал, что лишил близких не сотни, не тысячи, а *миллионы* людей — взрослых и детей, оставшихся по его воле сиротами. И опасался мести.

...Нельзя никому войти в Кремль, как в давние «царские» времена, через Боровицкие либо Спасские ворота — посмотреть, например, Царь-пушку или Царь-колокол. Все про них знали, но никто давным-давно уже не видел.

И тем, кто застал сталинское время (как, например, отец Егора Тимуровича), очень понятны были строчки Твардовского про смерть Сталина — в поэме «За далью — даль» (с выделенным автором одним словом):

Но не ударила царь-пушка,
Не взвыл царь-колокол в ночи,
Как в час урочный та *Старушка*
Подобрала к нему ключи —
Ко всем дверям, замкам, запорам,
Не зацепив лихих звонков,
И по кремлевским коридорам
Вошла к нему без пропусков.

...Егор все спал, и никак не мог выспаться, и однажды ему приснился один его детский сон. Он опять попал в чудесный мир детства, где реальную жизнь не отделишь от

сказки. Но — именно так, как когда-то в детстве, — сонный мир из чудесного, легкого и счастливого стал постепенно обращаться в какой-то другой — с плохими людьми, смотревшими на Егорку с ненавистью... И во сне он плакал, как в детском сне, и думал — как бы поскорей проснуться. А проснувшись, с горечью думал о том, что детский сон стал реальностью, и теперь очень много людей относятся к нему с ненавистью, нисколько им не заслуженной.

«Чувства, которые я испытал сразу после отставки, были очень сложные, противоречивые. Это — и облегчение, и горечь.

Облегчение от того, что с плеч свалилась громадная тяжесть».

Между прочим, это как раз не так уж трудно любому человеку себе представить. Просто вообразите, что вы в походе где-то в горах — и несете на спине рюкзак в 20 кг. И еще один на плече — шесть-восемь килограммов. А дорога все время в гору. Но тут привал. И вот вы все это с огромным облегчением сбрасываете на землю! Представили?..

«...Не надо больше отвечать за все происходящее в стране. Уже не раздастся тревожный звонок: где-то произошел взрыв на шахте, где-то потерпел крушение поезд. Не надо ни принимать решений, от которых зависит судьба людей, ни отказывать в финансовой поддержке регионам, крупным предприятиям, научным учреждениям, которые жизненно в ней нуждаются... Теперь за все это должна болеть голова у других. ...А вместе с тем — тяжелое чувство, что больше не можешь делать то, что считаешь нужным для страны, развитие событий пойдет независимо от тебя, будешь со стороны наблюдать за ошибками, которые ты не в силах поправить».

Он сравнивает свои ощущения с не слишком приятным чувством «водителя, которого внезапно пересадили из-за руля на пассажирское место... Еще чувствуешь себя за все ответственным, и, когда видишь ухаб, канаву, бревно поперек дороги...» — тянет немедленно принять ре-

шение, как объехать. «И вдруг вспоминаешь, что сделать ничего нельзя, ты просто пассажир».

Он не бьет на жалость — не пишет про мучительность этого ощущения. Про острое, гнетущее сожаление о том, что больше ничего нельзя сделать из того, что считаешь совершенно необходимым.

Его мама, Ариадна Павловна, рассказывала журналисту Павлу Шеремету год спустя после того, как ее сына не стало:

«—...Приехал к нам, к отцу. Вот тогда у отца-то второй инфаркт и случился. Тимур чувствовал себя ответственным за то, что он не воспрепятствовал, не уговорил Егора не браться за это тяжелое дело.

— Как он пережил отставку?..

— Очень тяжело. Однажды в детстве я не разрешила ему взять собаку домой, и он так плакал, что слезы градом лились по куртке. Он плакал второй раз в жизни — после отставки. Он только сожалел, что не успел сделать то, что надо было сделать».

Из личных воспоминаний. ...Мне выпало видеть, как Гайдар плакал — третий раз.

Это было зимой 2005 года. Писатель Владимир Войнович приехал в Москву из Германии, похоронив там долго и мучительно болевшую жену Ирину — любимую учительницу Егора Гайдара. И мы пришли к нему и к их дочери — на девятый день. Пришел Егор Тимурович с женой Машей. И стоял в комнате перед портретом Ирины с глазами, полными слез.

Спустя 15 лет после отставки, в феврале 2007 года, Альфред Кох, активный участник реформ начала 90-х годов, брал у Егора Гайдара обширное интервью.

«— Мы выросли с ощущением, что политики высококого ранга, начиная от премьера и выше, уходят из власти каким-то естественным образом: либо просто умирают, как Брежнев, Андропов, Черненко, либо как-то еще, но все равно уже немолодыми людьми, пенсионного возраста. Ты, по-моему, был первым политиком, который был

отставлен от управления страной в возрасте тридцати шести лет.

Ты оказался первым, кто после отставки должен был думать: “А что дальше делать-то?”

Это довольно необычное состояние, ведь ты уже побыл в должности, которая играет роль достаточно сильного наркотика, а остальные должности такого адреналина, по определению, не дадут, разве что, я не знаю, прыгать без парашюта или входить в клетку со львами. Поэтому мне интересно, что с тобой происходило, какими были “ломки”, как ты “снижал дозу” и избавился ли ты от этого наркотика или и до сих пор есть это желание получить дозу?»

(По вопросам можно подумать, что, давно зная Гайдара, вопрошающий все же знал его плоховато. Он судит о нем, как о стандартном «начальнике», потерявшем высокое место. А из ответов Гайдара видно совсем-совсем другое. Впрочем, может, вопросы были нарочито провоцирующие — сейчас «так носят». — М. Ч.)

«— Когда я уходил с должности премьера, ничего, напоминающего ломку, не было. Первое, что почувствовал, — безумную усталость. Еще — подсознательно — было чувство тревоги. Казалось, что вновь зазвонит телефон и снова нужно будет куда-то ехать, что-то решать, с кем-то ругаться, кого-то наказывать, заставлять, конфликтовать. Что на меня опять выльют ведро помоев.

Умом я понимал, что больше не отвечаю за страну, телефон не прозвонит и мне не скажут, что произошло нападение на батальон ОМОНа на границе Осетии и Ингушетии, идут боевые действия, надо что-то делать. Умом-то я понимал...

Дай вспомнить. Итак — усталость, тревога. Да вот, собственно, и все. Ломки не было. Обратно порулить не тянуло. Перед самой отставкой я занимался урегулированием ингушско-осетинского конфликта. Это было тяжело, нужно было перебрасывать войска. Военные... один говорит, что он не смог перебросить, потому что ему не дали самолетов, а другой еще что-то не смог, — в общем, нужно было заниматься проблемой в режиме ручного

управления. Одновременно улаживал ситуацию в Таджикистане — там гражданская война и более 100 000 русских, 201-я дивизия, погранотряды...

— Абсолютно все замечают, что безумно сложно сразу после отставки заставить себя трудиться. Это самое главное — заставить себя снова работать.

— Это правда. Ты знаешь, я работяга: привык работать, читать много профессиональной литературы, делать пометки, писать. Вернуться в этот ритм работы тяжело. Попытался заставить себя, но посмотрел на происходящее трезвым взглядом: сажусь за стол, но лучше бы и не садился... Голова отказывалась работать. ...Заметил — все время сплю. Стоя, сидя, лежа...

Не знаю, чем бы все кончилось с моей сонливостью, но мне особо отдохнуть не дали.

...Дело в том, что пока я пребывал в таком сумеречном состоянии, Виктор Степанович [Черномырдин] заморозил цены. В первые две недели, пока меня не было в правительстве, происходила какая-то вакханалия. Денег набухали в экономику столько, сколько не вливали никогда, ни за какие любые две недели предыдущего года. Потом заморозили цены, ну не совсем заморозили, а слегка приморозили. В результате недельная инфляция подскочила до уровня, на котором она никогда не была, и что самое страшное, вновь возник товарный дефицит, хотя казалось, что мы это уже все прошли!»

Почему же это произошло? Просто потому что Гайдара, находившегося во всеоружии знания мировой экономической науки, сменил В. С. Черномырдин. «Порядочный человек», по определению Гайдара, повторю — вполне подтвердившемуся, он в этом отношении был, что называется, девственен.

Черномырдин много знал про социалистическую экономику — с ее дефицитом, с непременными снабженцами и их умением «выбивать» нужные материалы. С ее туфтой, с «социалистическими обязательствами» по «перевыполнению плана». (Невежественные иностранцы все диву давались: зачем же составлять такой план, который надо *перевыполнять*? Не лучше сразу составить *точный*,

чтобы точно его и выполнить? Но где же им было нас понять!..)

Но что такое «нормальная» рыночная экономика, каковы ее законы — Черномырдину узнать было неоткуда. К тому же к нему прочувствованно взывали недавние товарищи по партии:

«Мы обращаемся к россиянам: на вас надежда! Обращаемся к Черномырдину: не предавайте Россию, будущее ее не в рынке и не в частной собственности, которые разделяют людей, а в разумной организации экономики на прогрессивных принципах социализма, соборности» («Правда», 31 декабря 1992 г.).

Это уже было нечто новенькое, привнесенное в идеологию коммунистов новым временем — удивительное соединение «социализма» с мало кому понятной, но приятно звучащей «соборностью».

Черномырдин, например, не знал, что если цены перестают быть *свободными*, если их искусственно сдерживать — они все равно растут, вот какая штука. Только еще больше.

Он, видимо, думал так: «Вот Гайдар разрешал взвинчивать цены, обирал народ... А мы не разрешим повышать цены на особо важные продукты! И народу станет легче...»

И тут же товары, цены на которые приморозили, таинственным образом исчезли с прилавков...

Еще раз зададим вопрос — почему? И послушаем ответ Гайдара — в его много раз нами цитированной автобиографической книге «Дни поражений и побед». Советую моим юным читателям вникнуть в эти довольно элементарные экономические вещи — хотя бы для того, чтобы суметь ответить несведущим людям на их невежественные рассуждения о Егоре Гайдаре. Вот она, технология инфляции:

«Российские потребители, на чисто бытовом уровне уже понявшие, к чему это может привести, бросились раскупать товары, пока они еще имелись в магазинах. Поднялась волна ажиотажного спроса. При высоких недельных темпах инфляции индекс насыщенности потребительского рынка пошел вниз» (Е. Гайдар, 1996).

...Надо ли говорить, что обвинили в этом Гайдара? «Вот что он наделал, теперь будем после него долго разгребать!»

Но, к чести Черномырдина, он быстро понял насущную необходимость нужных знаний. Е. Г. Ясин, оставшийся работать в его правительстве, стал давать ему уроки современной экономики. И Черномырдин оказался очень старательным учеником. Но, конечно, обучиться этому в зрелом возрасте было непросто. И пока он учился — делал серьезные ошибки в масштабах страны. И пущена была впоследствии острота: «Виктор Степанович получил самое дорогое в мире экономическое образование».

«...А я уехал под Питер, — рассказывал Гайдар Альфреду Коху, — газет не читаю, радио не слушаю. Мне звонит Толя (А. Б. Чубайс) и говорит: “Ты знаешь, что здесь происходит? Ужас, кошмар”.

Тут я проснулся.

Понимаю, чем чревато произошедшее.

Знаю, что имею возможность влиять на ситуацию, вмешаться в которую сочту нужным. Звоню Борису Николаевичу, говорю, что это важно, что пришлю ему короткую записку о том, что, на мой взгляд, нужно делать немедленно. Он записку прочитал, дал соответствующие указания. Короче, мало-мальски ответственную денежную политику и свободные цены удалось отстоять. Но не без потерь, не без потерь...»

2. «ЛИФТ НЕ ЕДЕТ»

...И еще одно ощущение того, кого на полном скаку посадили с коня: «Вдруг приходит понимание того, насколько сам изменился, постарел. Всего год назад пришел работать в правительство молодым энергичным тридцатипятилетним человеком, а сейчас такое ощущение, что прибавилось по меньшей мере лет пятнадцать».

Он хочет понять — в чем же дело? Не все могут заглянуть в себя — да еще поглубже. Многим боязно. А он умеет. И не боится того, что там увидит.

«...После этого сумасшедшего года радикально изменилось восприятие жизни, людей».

Всего только год! Ну представьте себе — один школьный год — разве может что-то радикально измениться?

Но это был год, когда именно он, Егор Гайдар, каждую минуту отвечал за жизнь огромной страны, находящейся к тому же в ужасном экономическом положении...

«Самое неприятное — стал гораздо жестче, холодней».

А как иначе? Ведь на этом посту нельзя мямлить, мекать-бекать. Надо сразу решать — этому выделить средства, а тому — нет, хоть он и стоит перед тобой чуть не со слезами на глазах и, кажется, сейчас брякнется в обморок: ведь его там, в Вологде или в Иркутске, люди с деньгами ждут!

А вот и забавное.

«Сразу после ухода от власти, — делится Егор Тимурович со всеми желающими своими первыми ощущениями, — практически неизбежно у всех возникает синдром, который я для себя называю: “лифт не едет”. Основа термина — реальный случай. Как-то один из отправленных в отставку членов Политбюро ЦК КПСС зашел в здание на Старой площади, сел в начальственный лифт и с удивлением пытался понять, почему же он не едет, напрочь забыв, что для этого полагается нажать кнопку. Сработала привычка, члены Политбюро кнопки не нажимали, за них это делала охрана».

Ни у кого из людей, ушедших из власти, вы не прочитаете таких признаний. Ведь для того, чтобы попросту, искренне и без мучительных эмоций об этом рассказывать, надо быть таким человеком, каким был он.

«Разумеется, у тех, кто пришел во власть на короткое время, этот синдром не приобретает столь анекдотичных форм, но ощущение того, что все вокруг вдруг разом перестает крутиться так, как привычно крутилось, приходит неизбежно. Возникает масса конкретных бытовых проблем, которые еще вчера тебя лично не касались. Одновременно раздвигаются границы времени: ты вновь начинаешь мерить свою жизнь не секундами, а часами и днями».

Вот на эти подчеркнутые мною слова и обращаю внимание — вспомните его режим дня, когда он был вице-премьером...

«В адаптации к этой новой реальности все зависит от личности того, кто ушел от власти. Те, у кого хватает ума понять, что весь предшествующий гул медных труб к твоей личности не имеет никакого отношения, был связан с должностью, которую ты занимал, приспособляются к частной жизни быстро. Но видел людей, поработавших в правительстве, а потом так никогда и не привыкших к жизни нормальной, без внешних атрибутов власти. Их жалко» (Е. Гайдар, 1996).

А насчет не едущего лифта — в советское время немало ходило рассказов о том, как сняли, например, с должности Председателя Президиума Верховного Совета Н. Подгорного: Хрущев решил занять и этот пост, потому что стало неудобно встречаться с президентами разных стран в качестве первого секретаря некоей партии... Подгорного сняли, как было принято, на заседании Президиума Политбюро КПСС. Он вышел из здания ЦК, а персональной машины у подъезда уже и нет — так поступали коммунисты с товарищами по партии. И он в буквальном смысле слова не знал, как добраться домой: где ближайшее метро — не знает, а в карманах — ни копейки денег...

Десятки тысяч людей в нашей стране, когда их убирали из власти — лишали чиновничьего кресла, сдувались как воздушные шары, превращаясь в ничто. Но мы мало что знаем об этих ситуациях со слов самих этих людей — потому что разве может человек рассказывать о том, как он превратился в ничто?.. Для такого рассказа о человеческом ничтожестве надо быть Достоевским и писать от первого лица о господине Голядкине (со временем вы прочтаете, я уверена, его знаменитый рассказ «Двойник»).

А Егор Гайдар — у власти он или не у власти — всегда оставался Егором Гайдаром. Это и отделило его незримой (но непреодолимой!) чертой от подавляющего большинства российских чиновников.

И именно это особенно злило его врагов: ведь глубоко внутри себя человек все равно всегда знает себе цену. Понимает, например, что он гораздо ничтожней того, кого он так ненавидит. Человек бесталанный просто *не может* понять талантливого человека с его специфическими реакциями — он же невольно меряет его по себе!..

...И это же свойство Гайдара восхищало и радовало его друзей.

3. И ЕЩЕ РАЗ — ОЧЕНЬ КОРОТКО — ПРО ЧУБАЙСА

«В отличие от назначения на высокую должность, отставка — прекрасное время, чтобы разобраться в своих отношениях с окружающими. Для себя ввел специальную условную единицу устойчивости человеческих отношений под названием “один чуб”, развернуто “один Чубайс”. Как бы ни менялись наши с Чубайсом соотносительные статусы, это никогда и никак не сказывалось на характере наших взаимоотношений. К сожалению, куда чаще эту устойчивость приходится измерять в “сантичубах”, “милличубах” и даже в “микрочубах» (Е. Гайдар, 1996).

4. 1993. АПРЕЛЬСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ, ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОБОИЩЕ И ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ 3 ОКТЯБРЯ

— Презреннейшие из презреннейших, глупейшие из глупцов! Вы, смеющиеся над чужими несчастьями, ...разве достойны вы носить имя людей!..

...Когда разъяренный Хоттабыч начал свою гневную речь и еще только собирался махнуть руками, Волькин парикмахер, задыхаясь от смеха, гаркнул:

— Это еще что за чучело гороховое?!

— Ха, ха, ха! Хо, хо, хо! Хи, хи, хи! — грохнула немедленно вся парикмахерская... Хохот стоял такой, что прохожие останавливались...

Парикмахер...внезапно ослабевшим голосом простонал:

— Ой, мама!

...Он испуганно посмотрел в зеркало и вместо своей привычной физиономии увидел на редкость глупую баранью морду. Тогда он горько заплакал, встал на свои новые четыре ноги и, цокая копытцами, выбежал с остальными восемнадцатью баранами из парикмахерской.

Л. Лагин. Старик Хоттабыч. 1939—1940

...Есть веселый, смелый человек впереди, который крикнет: «Ура!» — отряд в пять тысяч стоит тридцати тысяч...

Л. Толстой. Война и мир

Д'Артаньян спал эту ночь в комнате Портоса, как и все ночи с начала возмущения. Шпаги свои они на всякий случай держали у изголовья, а пистолеты клали на стол так, чтобы они были под рукой.

А. Дюма. Двадцать лет спустя

В сентябре 1993 года Гайдар по просьбе Ельцина согласился на роль вице-преьера у Черномырдина. И снова погрузился в ту жизнь, которой жил год назад, — счет времени пошел на минуты и секунды...

Из-за этого острого цейтнота случались и смешные истории. Рассказывает его многолетняя бессменная помощница Елена Мозговая:

«— Старая площадь. Гайдар — Первый вице-премьер правительства. Работает и днем и ночью. Когда отдыхает — непонятно. По 15 минут в обед и часа 3—4 ночью. Нас (секретарей) работает 3 человека, и мы устаем, но нас трое, а он один. Ведем график его работы. Одна из нас делает на определенное время и день запись в календа-

ре — зубной. Забывает сказать, что это она идет к врачу. Составляя график на день, записываем визит к зубному в план Гайдара. Он настолько доверяет близким людям (а нам он полностью доверял и в конце концов мы стали просто родными людьми), что не задумываясь в назначенное время надевает пальто, идет к зубному. Там его не ждали, поднялся переполох, вдруг Первый вице-премьер появился к врачу (зубной кабинет там же, на Старой площади), но сказали что правильно пришел, есть что полечить. Как же потом смеялись он и Маша (жена), и Маша веселилась: «Смотри, они тебя еще к гинекологу запишут — и ты пойдешь!» И представьте на минутку такой случай с любым высокопоставленным чиновником. Да всех троих секретарей бы уволили, да еще и начальника секретариата в придачу».

Сергей Дубинин, в 1993 году — замминистра финансов, в одном из интервью:

«Помню, как весной 1993 года я входил в зал Верховного совета РФ, поднимался на трибуну, чтобы объяснить, на что есть в федеральном бюджете деньги, а на что их однозначно не хватает, а из зала “народные избранники” кричали мне: “Мы вас будем вешать и расстреливать!”

Мы пытались объяснять, что у Минфина таких денег нет. Нам говорили: “Берите в ЦБ [Центральном банке]! Кто вам мешает напечатать еще”. А о том, что в этом и состоит главная причина инфляции, никто и слушать не хотел. Депутаты использовали любой вопрос как повод для политической борьбы против правительства и президента. Им надо было доказать, что они “хорошие”, дают деньги, а правительство “плохое”, эти деньги отбирает. Это, прямо скажу, вызывало сильные эмоции».

В книге (Россия против кризиса. Кто победит? М., 2009) С. Дубинин продолжил про «вешать и расстреливать»:

«Похоже, они ожидали каких-то событий, которые предоставят им такую возможность».

Обстоятельства одной моей поездки вместе с тогдашним Председателем Верховного Совета Русланом Хасбулатовым лишь подтверждают такие выводы».

С. Дубинин рассказывает, как в начале 1993 года Р. Хасбулатов вместе с несколькими крупными чиновниками, а также с группой личных советников, «в числе которых был и бывший советский генерал», отправился с официальным визитом сразу в несколько бывших советских республик.

«Первая остановка была в Минске. ...К нашему удивлению, Хасбулатов сразу же по прилете куда-то исчез вместе со своим ближайшим окружением. Команда Хасбулатова отсутствовала весь день. Никакие переговоры с делегацией Белоруссии не велись. Похоже, поездка была ширмой для чего-то более серьезного.

Потом всех сразу же повезли на аэродром, чтобы лететь на Украину. Таинственное поведение главы Верховного Совета прояснил тогдашний Председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич. В последнюю минуту он успел сказать мне: «Знаете ли вы, что Хасбулатов ездил на встречу с командованием Белорусского военного округа?» Мы об этом, разумеется, не знали, так как такая встреча не значилась в программе визита.

Что же интересовало Хасбулатова в разговоре с военными? По словам белорусских коллег, разговор был предельно конкретным.

Сколько надо времени расквартированным в Белоруссии войскам, чтобы прийти в Москву? Готовы ли российские войска выступить на защиту советской власти?

Генералы уклонились от прямого ответа. Думаю, что после провала первого ГКЧП в августе 1991-го никто из них не хотел рисковать. А перспектива, на которую нацеливал Хасбулатов, была достаточно ясна.

Добравшись до Киева, я передал весь этот разговор российскому послу в Украине. Настоял, чтобы довели историю тайных переговоров до Бориса Ельцина. Судя по дальнейшим событиям, Ельцин вскоре был в курсе...

Какой же режим рассчитывали установить окружившие себя выходцами из советской бюрократии и «красными директорами» Хасбулатов и Руцкой (тогда вице-президент. — М. Ч.)? Анализ их экономических предпочтений дает достаточно ясный ответ: это был бы

глубокий откат и в реформах экономики, и в демократии.

...На словах они одобряли идею приватизации. Но предлагали модель, максимально удобную для “красных директоров”. Это было нечто похожее на будущие “залоговые аукционы”. Сегодня многие ругают залоговую приватизацию. Но интересно, что схему залоговых аукционов предложил отнюдь не Анатолий Чубайс, а первый заместитель Председателя Правительства Олег Сосковец, сам в прошлом директор крупного металлургического комбината.

Популизм тогдашнего Верховного Совета толкал Россию к катастрофической гиперинфляции. Чего от меня требовало руководство ВС как от представителя Минфина? Денег. Еще денег. Очень много денег! Страна, между прочим, и без того с советского времени уже была затоплена пустыми деньгами — “деревянными”, как говорил народ. Государство было настолько ослаблено, что даже налоги собирать не могло. Откуда же деньги? Тем не менее Банк России, руководимый в то время Виктором Геращенко, пошел навстречу Верховному Совету и провел “взаимозачет задолженности”. В экономику хлынула новая волна “деревянных”. В результате рост цен за год составил более 1 500%. Многие в падении уровня жизни обвиняют Егора Гайдара. А ведь сбережения граждан обесценились не в ходе отпуска цен “по Гайдару”, а в результате гиперинфляции и “взаимозачетов”, реализованных Банком России».

И вот Хасбулатов решил все тяготы населения... свалить на Ельцина, на его «антинародные реформы». 26 марта он попробовал провести импичмент президента. Его поддержала партия «Яблоко» во главе с Явлинским. Возможно, Явлинский самонадеянно решил, что после смещения Ельцина президентом России выберут его.

И тогда к Васильевскому спуску (близ Кремля) двинулись сотни тысяч протестующих москвичей.

Московские гуманитарии с изумлением и радостью увидели в своих рядах таких уважаемых коллег, которых

и на научных конференциях-то почти не встречали — по их занятости своими первоклассными научными трудами. Так, весь длинный путь с нами прошел академик Владимир Николаевич Топоров, лауреат Государственной премии СССР, отказавшийся от нее в знак протеста против введения танков в Вильнюс в январе 1991 года...

Импичмент Хасбулатову не удался.

Ельцин объявил в апреле референдум. Каждому гражданину России предлагалось ответить на четыре вопроса:

Доверяете ли вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

Одобряете ли вы его социально-экономическую политику с 1992 года?

Считаете ли необходимыми досрочные выборы президента?

Считаете ли необходимыми досрочные выборы народных депутатов?

Референдум шел по всей стране под контролем большого количества общественных наблюдателей от разных партий. Подтасовки были практически исключены (что сегодня уже трудно себе представить, но из своего тогдашнего опыта на участке голосования в Новосибирске могу это подтвердить).

Больше половины голосовавших поддержали президента по двум первым вопросам. За его перевыборы высказались меньше половины. А за перевыборы народных депутатов — 64,2%.

...Не забуду в Новосибирске прибежавшую с работы в перерыв проголосовать типичную фабричную девчонку (название популярной пьесы А. Володина. — М. Ч.), которая, не заходя в кабину для голосования, прямо на краю деревянной урны ставила галки в четырех бюллетенях, приговаривая себе под нос:

— Со своим мы всегда договоримся, а эти нам не нужны...

...А политическая ситуация все накаляется. Он так опишет ее потом в своей автобиографической книге:

«...Все говорит за то, что конституционные ресурсы исчерпаны. У народа на референдуме спросили, однозначный ответ получили, и теперь, вопреки его мнению, коалиция коммунистов, националистов и просто проходимцев требует убрать Президента, которого еще совсем недавно убедительно поддержала Россия» (Е. Гайдар, 1996).

Позже Гайдар считал ошибкой Ельцина то, что он сразу после референдума не объявил перевыборы депутатов — вполне в согласии с народным волеизъявлением, — хотя и понимал резоны президента.

Спикер Верховного Совета Хасбулатов, увидев проигрыш, закусил удила и перешел к кровавым провокациям. Первомайское шествие было превращено в побоище. На глазах у всех телезрителей водитель грузовика сознательно бортом насмерть расплющил милиционера (виновника так и не нашли).

Хасбулатов недаром консультировался в начале года с военными округами — он готовился брать власть путем вооруженного мятежа.

В первых рядах этих жаждущих крови манифестантов по иронии истории оказались главные участники путча 1991 года — члены ГКЧП... Их ознакомили с материалами дела и выпустили из Лефортова в ожидании суда. Четвертого апреля 1993 года начался процесс. А в промежутках между заседаниями подсудимые вели политическую деятельность, как они ее понимали, — готовили новый путч.

Двоевластие стало нормой жизни страны, что никак нельзя признать нормальным. У спикера Верховного Совета был свой бюджет — он мог раздавать деньги по своему усмотрению, мимо правительства и принятого госбюджета. На каждом заседании Верховного совета стоял гогот — депутаты реагировали на самого низкого пошиба шуточки, которые отпускал спикер по поводу президента. Трансляция шла на всю страну.

...Егор Гайдар не раз вспоминал любимого с детства «Хоттабыча». Его здесь явно не хватало.

Лично мне, например, казалось, что неплохо было бы, если б после очередной своей мерзкой шуточкой Хасбулатов, цокая копытцами и жалобно бляя, выбежал из зала заседаний... Ну а потом, конечно, вернуть, ему прежний облик.

У Ельцина не осталось выхода. Огромная ядерная страна должна управляться единой властью.

21 сентября 1993 года Президент России издал указ о роспуске Съезда народных депутатов.

Многие любят бездумно повторять, что Ельцин загнал их в ловушку — и чуть ли не принудил к мятежу. Это неправда. У депутатов был достойный выход из ситуации — объявить, например, на весь мир, что они не согласны с действиями президента, но подчиняются им во имя спокойствия в стране, — и выходить на новые выборы.

Но они им не воспользовались. Почему? Причина одна: помня результаты референдума, боялись, что их больше не выберут.

Хасбулатов и Руцкой, явно не ожидавшие, что президент проявит твердость и опередит их, вместе со своим окружением предпочли начать *вооруженный мятеж в столице*.

Начиная такое страшное дело, нужно знать, на что идешь. Подавлять подобный мятеж — долг и обязанность любой власти. Но, как видно из недавних высказываний Хасбулатова, давно покинувшего политическое поле, они не ожидали от Ельцина и Гайдара жестких действий и надеялись на безнаказанность.

С большим количеством оружия значительная часть депутатов заняла Белый дом и начала передел власти. Они прекратили своим решением полномочия Ельцина. Руцкой объявил себя исполняющим обязанности Президента России.

Третьего октября сторонники Руцкого и Макашова начали штурм телестудии «Останкино» и московской мэрии. Телепередачи из «Останкина» прекратились. На экране появился один из телеведущих и с ужасом в глазах сказал, что будет работать резервная студия, адрес которой он назвать не может.

В восемь вечера на телеэкране появился собранный и спокойный Егор Гайдар. Он призвал москвичей идти к Моссовету и Кремлю — защищать Москву от новых путчистов.

Из личных воспоминаний. Через десять минут после его выступления у меня дома раздался телефонный звонок. Выдающийся ученый Сергей Аверинцев со своей неповторимой несколько тягучей интонацией сказал: — Мариэ-этта! Я думаю, мы с тобой должны идти к Моссовету?..

Весьма далекий от рукопашных и прочих схваток, но обладающий замечательным умом, Аверинцев сразу оценил правильность действий Егора Гаидара.

Вспоминает академик В. Васильев:

«...Живьем я его увидел в октябре 1993 года. С рупором на площади. Был клич, мы туда притащились, он там появился. Потом я оттуда ушел. Там сказали, что надо защищать боковые переулки, мы построились в отряд и пошли защищать какой-то боковой переулок. Я скептически к этому отношусь, потому что, если бы туда добрались приднестровские ребята, наши заградотряды выстояли бы секунды полторы».

Но мысль Гаидара была в другом — просто армия должна увидеть, где, собственно, находится народ, москвичи.

Думаю, он опирался здесь на опыт Августа 1991 года.

Поскольку милиция практически полностью вышла из игры, ее на улицах города вообще не было видно, приходилось надеяться только на армию, хотя в нормальной ситуации это совсем не ее дело.

Москва услышала Гаидара. Армия увидела, где и с кем в этот день москвичи.

Так Россия в грозный час еще раз призвала своего сына.

На телеэкране в это время неистовствовали главари мятежа. Пьяный Макашов матерился и требовал, чтоб все шли бить жидов и брать Кремль. Ручкой кричал по телефону летчикам: «Поднимайте самолеты! Летите бомбить Кремль!»

Из личных воспоминаний. Я не решилась в столь опасной ситуации взять на себя ответственность за жизнь в то время уже больного, не очень-то легко двигавшегося Сергея Аверинцева; жена его очень согласилась со мной; он сел готовиться к выступлениям по радио. Сама же я договорилась с генеральным директором ВГТРК Лысенко, что приду к ним на телестудию. «В стране около миллиона словесников — школьных учителей, вузовских преподавателей, — думала я. — Это — те, кому мое имя более или менее известно; я успокою их, что мы Москву пьяному Макашову не сдадим; они мне поверят». (В последующие годы я не раз удостоверюсь, что мой расчет был верен.) Я поехала на телестудию («резервная студия» оказалась Российским Телевидением), но сначала решила посмотреть, что происходит у Моссовета — чтобы сказать об этом людям России не с чужих слов, а как очевидец.

.... Я увидела поразительное зрелище.

Проезжая часть Тверской от Пушкинской до Моссовета была запружена. По призыву Гайдара народ шел семьями — отцы с сыновьями, весело, готовно...

Когда я возвращалась от Моссовета к метро — я шла против всего потока *одна!* Было уже около 12 ночи; от Моссовета не уходил никто — только подходили. И мне хотелось крикнуть, оправдываясь: «Я не сбежала! Я на телестудию иду!...»

Я вышла из метро «Савеловская» полпервого ночи и пошла к известному москвичам проходу между зданием «Огонька» и огромными типографиями «Правды» и «Комсомольской правды» (не знаю, что там сейчас). Я прошла в типографские дворы через турникет — он не охранялся. Полчаса я шла по огромным типографским дворам, повернула на 3-ю Тверскую-Ямскую, пересекла улицу Правды и подошла к зданию Российского Телевидения. 40 минут двигаясь в районе главнейших СМИ, после разгрома «Останкина», я не встретила ни одного милиционера! Город был сдан на милость мятежников. Шестиэтажное здание студии темнело всеми своими окнами, как в войну. Только два окошка едва свети-

лись — потом выяснилось, что это окошко генерального директора, где горела только настольная лампа, и студии, откуда шло вещание.

За запертыми воротами — около десятка насмерть перепуганных молодых милиционеров в касках. На лицах их было написано ясное сознание того, что идут последние часы их жизни. Ведь когда я звонила Лысенко и нарочито-бодро спросила его:

— Что — вас уже штурмуют? — он похоронным тоном ответил:

— Нет, но это вопрос ближайших часов.

И был рад, что я согласна к ним приехать.

...Двадцать минут где-то изучали мой паспорт, потом вышел майор и за руку повел меня по темным коридорам. Через 15 минут я была уже в прямом эфире, а через полчаса просила отвезти меня домой на машине, поскольку метро закрыто... Полтретьего ночи я выехала с улицы Правды. Все время, пока ехали через всю Москву — на юго-запад, к метро «Беляево», — я не отрывалась от окна, надеясь увидеть хоть одного милиционера. Не удалось. Столица России была пуста, ее никто не охранял.

В подвале мэрии, как позже стало известно, сидели чиновники под дулами пистолетов пьяных мятежников. Те обещали, если правительственные силы начнут штурм, — они их тут же пристрелят. Как напишет позже один из заместителей мэра: «Я понял, что теперь от меня ничего не зависит, и полностью успокоился».

...Я останавливаюсь на фактах собственной биографии только для того, чтобы сообщить то, что я видела в ту ночь собственными глазами: милиция сдала столицу России мятежникам (в причины я не вхожу). Повторю — президенту оставалось надеяться только на армию.

Белый дом был напичкан оружием. Потому его обстрел никак нельзя назвать неадекватной мерой. Ни один депутат не был даже поцарапан осколком. Их препроводили за решетку живыми и невредимыми. Поэтому выражение

«расстрел парламента» пущено в ход людьми, не имеющими ни совести, ни ума.

У автора этой книги нет теплых чувств к бывшему министру обороны России генералу Павлу Грачеву. Но с одной его фразой нельзя не согласиться. Пятого октября, на телеэкране, стоя в окружении военных, слегка раскачиваясь с пятки на носок, генерал сказал с законной, как говорят в таких случаях, гордостью:

— Третьего октября в России начиналась гражданская война. Четвертого октября армия ее остановила.

Она смогла это сделать *только* после того, как увидела огромные массы народа, собравшиеся по зову Гайдара у Моссовета.

Егор Тимурович рассказывал близким, что именно тогда он впервые в жизни испытал самый настоящий страх — когда увидел прекрасные, одухотворенные лица людей своего слоя, интеллектуалов, и понял, что все они могут погибнуть — по его вине... Но поступить иначе не мог.

От их семьи к Моссовету пришли тогда четверо мужчин — Егор Гайдар, его старший брат по матери Никита Бажов, сын Никиты Бажова Максим, Тимур Гайдар. С ними просился старший сын Егора четырнадцатилетний Петр, живший в доме бабушки и дедушки. Тимур Аркадьевич сказал ему строго:

— Ты что? На кого же мы оставим женщин?

И до утра Ариадна Павловна и Мария Стругацкая с замиранием сердца ждали известий.

С тех пор постоянно воспроизводится миф о тысячах погибших. Он опровергается одним вопросом: где их матери? В первые, да и последующие дни после подавления мятежа сколько угодно газет и радиостанций обнародовали бы вопрос матери: «Где мой сын, ушедший к Белому дому и не вернувшийся?» Но таких выступлений не было. А ни одна мать не стала бы молчать.

Огромная ошибка депутатов последующей Думы — в том, что они не создали комиссию, которая должна была выяснить причину гибели *каждого* погибшего у Белого

дома. Тогда перед нами предстала бы совсем другая картина, чем та, что любят рисовать до сего дня в интернете, поливая грязью тех, кто поддержал открытым письмом президента, *обязанного* подавлять вооруженный мятеж в столице. Повернись время вспять — я вновь поддержала бы его безо всяких колебаний. Не сдавать же свой город пьяному Макашову!

...А между тем процесс над членами ГКЧП все шел, и в октябре 1993 года, как пишет В. Степанков, «уже под звуки стрельбы на Краснопресненской набережной», оглашалось обвинительное заключение, где действия подсудимых квалифицировались как измена родине в форме заговора с целью захвата власти.

«Обвинительное заключение в зале слушали вполуха. Все ждали амнистии.

Фракция КПРФ в Верховном совете России и власти договорились об амнистии в канун кульминации октябрьского противостояния. 23 февраля 1994 года первым документом, принятым новым парламентом (Государственной Думой, сменившей, по Российской Конституции 1993 года, Верховный совет. — М. Ч.), стало Постановление об амнистии участникам событий августа 91-го и октября 1993 года. То есть произошел самый элементарный размен» (В. Степанков, 2011).

С последней фразой согласиться невозможно — хотя именно такая формулировка бытует много лет.

Размен — это когда «вы отпускаете наших, а мы отпускаем ваших». Здесь в обоих случаях — и в 1991 году, и в 1993-м — инициаторами вооруженного путча в столице стали люди *одной* — просоветской — ориентации. Они были арестованы и подлежали суду. Не было никаких оснований для амнистии ни тех, ни других.

Зато эта амнистия повлекла за собой далеко идущие последствия: сегодня большинство граждан России не имеет ясного понимания того, что же именно происходило в столице их страны в августе 1991-го и в октябре 1993 года. А многие сегодня уже путают два эти очень разных события.

5. 1993. РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Для Ельцина необычайно важно было принять Российскую Конституцию — совсем новую, резко отличную от советской, где все свободы и права прочно увязаны с такими вещами, которые власть могла толковать, как хотела.

Вот «советская» статья 50: *«В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций».*

«В соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации».

А если не «с целями»? А просто я хочу образовать в своем городке союз филателистов?..

Любому школьнику должно быть понятно, что «интересы народа» и «укрепление строя» каждый гэбэшник (по-другому мы сотрудников КГБ — то есть охотников на людей — не называли) мог толковать, как ему вздумается. Иными словами — никакой свободы слова, печати (цензура выносила свой приговор — соответствует ли ваш текст «интересам народа» или его надо запретить — то есть вообще не допустить в печать), митингов и общественных организаций на деле не существовало.

Новая, российская конституция (над которой долго работало Конституционное собрание — набранное из лучших умов России) — совсем иная. В ней к свободам человека нет никаких оговорок — «в интересах того, в целях сего...»

«Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

...Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими...

Статья 29, часть 1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова».

И, наконец, в этой же 29-й статье — важнейшая часть 5-я. За нее люди в лагеря шли, жертвовали не только свободой, но бывало, что и жизнью. Хотя бы поэтому ее надо

знать наизусть — тем более, что в ней всего *шесть* слов. Можно и запомнить.

«5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается».

Вы скажете, что не везде и далеко не всегда у нас в России это соблюдается. И будете правы. Но для того и пишутся, и принимаются в разных странах хорошие конституции, чтобы люди могли на них ссылаться и опираться, отстаивая свои конституционные права. Напоминаю: Конституция — закон прямого действия. То есть, записанное в ней должно исполняться буквально и никаким другим законом подправлено быть не может.

К принятию основного закона нашей страны многие граждане отнеслись очень несерьезно — привыкли, что советская конституция была пустой бумажкой и никого ни от чего не защищала. Но это, на мой взгляд, никого не оправдывает.

Хорошо помню довольно мерзкое зрелище на телеэкране 1993 года. Известные люди сидят за ресторанными столиками, обсуждают результаты выборов и проходившего одновременно с выборами референдума по поводу конституции. У известного кинорежиссера и неплохого актера спрашивают, будет он голосовать за Конституцию или *против*. Он отвечает:

— Против, конечно!

— Почему?

— А я ее не читал! А раз не читал — то голосую против!

...Как вам такая логика?.. Ведь если неграмотный — надо было, наверно, для такого случая нанять чтицу.

Подходят с тем же вопросом к его жене, красавице актрисе.

— А мой муж что вам ответил?

— Он — против.

— Тогда я тоже. Я всегда поступаю, как он.

Дальше — фрагмент из главы «Уроки Конституции» одной детской книжки. Там двенадцатилетний Федя Репин из села Оглухино, у которого есть в жизни цель — стать президентом России, объясняет своему другу — десяти-

летнему Мячику — некоторые главы Российской Конституции. Потом к их разговору присоединяется главная героиня книги — тринадцатилетняя Женя Осинкина.

«— Вот статья 20, часть 1 — “Каждый имеет право на жизнь”. Ну, я на этом даже останавливаться пока не буду. Я уже давно понял, что у нас эту статью вообще никто почти не понимает.

— Как это? — поразилась Женя. — Вроде понятно...

— Тебе, может, и понятно. А другим непонятно. Они считают — зачем ребенку-инвалиду жить на свете?.. У нас полстраны, по-моему, думают, что человек должен доказать свое право на жизнь... В нашем селе — кого ни спрашивал... Ну, я сказал — про это я сейчас не буду, сложно очень объяснить.

Зато следующую статью должен каждый знать, хотя в нашей стране она и не соблюдается вовсе. Но если знать — то можно требовать, чтоб соблюдали. А если никто ее знать не знает — она и соблюдаться никогда не будет.

В общем, слушайте: “Статья 21, часть 1. *Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления*”.

И еще, Мяч, — часть 2: “*Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию...*”
Понятно?

Мячик молчал подавленно. Все было непонятно, а признаться стыдно.

Потом выдал неувверенно:

— Как это — “охраняется государством”? Чего “охраняется”-то? Меня, что ли, милиция охраняет?..

А Женя сказала:

— Про эту статью, когда я читала Конституцию в прошлом еще году, то думала так: это значит, что милиционер или какой-нибудь другой представитель власти не может нас унижать — ну и, конечно, подвергать пыткам.

— Правильно, — сказал Федя. — Тут и про это как раз.

— Ну а когда мне мать Олега рассказала, как его в милиции пытали — чтоб сознался в том, чего не делал...

Я, конечно, вспоминала эту статью — запрет на пытки. Эти милиционеры еще ответят за все, увидите. Но вот эта часть 1-я, Федя, — она не о том оказалась, про что я, например, думала. Мне мой папа объяснил вот эти слова — “охраняется государством”... Я их неточно все-таки понимала.

— Ну а как твой папа объяснил? — совсем даже не ревниво, а с живым интересом спросил Федя.

Он все-таки очень правильно как-то был устроен, без комплексов. Хотя в России, похоже, даже животные в зоопарке, и те комплексуют.

— “Охраняется государством”, — с некоторой торжественностью произнесла Женя, — это значит, что любой представитель государства — буквально любой чиновник, совсем не только милиционер, а просто каждый государственный служащий — в мэрии там или в управе вот здесь хотя бы, в Чемале, — *обязан остановить любого*, кто будет при нем унижать мое достоинство. Пресечь, так сказать, эти неконституционные действия.

— А как унижать-то? — спросил слегка встрепенувшийся Мячик.

— Оскорблять, обзывать... Даже грубо, на повышенных тонах говорить. Тем более кричать. Если с тобой, например, кто-то в нашей стране грубо говорит — вообще любым способом задевает, ущемляет твое достоинство, а при этом присутствует какой-то чиновник, то ты имеешь конституционное право обратиться к этому чиновнику, чтобы он *взял твое достоинство под защиту*. Понятно? Поскольку ты — гражданин России. А он представляет то самое российское государство, которое должно, по нашей конституции, охранять твое достоинство... Это папа мне все очень четко объяснял.

Все трое замолчали. И затем, не сговариваясь, одновременно, совершенно неизвестно по какой причине, очень глубоко вздохнули (М. Чудакова. Дела и ужасы Жени Осинкиной, 2010).

6. 1994—1996. ИНСТИТУТ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА. ВОЙНА В ЧЕЧНЕ. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ

На Кавказе тогда война была.

Л. Толстой. Кавказский пленник

В январе 1994 года Гайдар вновь покинул правительственный кабинет — теперь уже навсегда.

Он стал депутатом Государственной Думы первого созыва (сменившей распущенный Президентом в сентябре 1993 года Верховный совет). Теперь Гайдар — председатель партии «Демократический выбор России», глава самой крупной парламентской фракции.

Но, пожалуй, не ошибусь, сказав, что главные его усилия сосредоточены на возглавляемом им Институте экономики переходного периода. По словам А. Чубайса, «какую ни возьми подсистему действующей экономики страны — каждая из них либо от начала до конца прописана Гайдаром и его институтом, либо в значительной степени он участвовал в их разработке».

Его помощница Елена Мозговая — теперь с ним в Институте.

Она рассказывает:

«1994 год. Институт. Гайдар — директор. Петя (старший сын Гайдара. — М. Ч.) отдыхает у мамы в Боливии. Но я в подробности не вдаюсь, знаю, что Петя не в Москве и у меня есть все телефоны, по которым я могу соединить Гайдара с сыном. Надо сказать, что он был очень хорошим отцом. Не сюсюкал, но всегда был в курсе всех дел и всегда пользовался авторитетом у своих детей.

...Егор Тимурович просит соединить его с Лопазом. Я перерыла весь справочник и в конце концов решаюсь спросить у него: «А кто такой Лопаз?» Как же он хохотал... Сквозь смех объяснил, что это город, где сейчас находится Петя. Но на Петю-то у меня все было! Соединила через секунду. Но какова его реакция! Не нахмурился, не наорал, не уволил в конце концов. А ведь у него каждая минута реально была на счету.

...Расписание составлялось по минутам, в приемной никогда не было ожидающих приема людей. Если назначено время приема на 12.15 значит, точно в это время человек зайдет в кабинет. Если встреча неожиданно требует больше времени, значит, будет назначена вторая встреча, но эта закончится точно по расписанию. Следующие посетители ждать не должны. Он был очень ответственный и требовательный, в первую очередь к себе, человек».

В высшей степени тяжело Гайдар переживал начало войны в Чечне в ноябре 1994 года.

Прежде всего — понимал ее полную бесперспективность: знал — в тех или иных формах она будет продолжаться десятилетиями (что подтвердилось). В знак протеста он вышел из Президентского совета.

А в начале президентской предвыборной компании он, лидер созданной им либеральной партии «Демократический выбор России», отказался поддерживать Б. Ельцина, к которому до начала войны относился с огромным уважением.

Однако вскоре стало ясно, что судьба России опять оказалась в критической точке (как это нам, увы, свойственно). Зюганов, лидер КПРФ, преемницы КПСС, никогда не отрекшейся от ее преступлений (как это сделали, например, фашисты в современной Италии), продолжавшей прославлять Сталина, наращивал рейтинг. Гайдару с его культурным кругозором было совершенно ясно, что коммунисты приходят к власти не для того, чтобы затем уходить из нее законным порядком. Стране грозила новая — и вновь многолетняя — советизация.

Из всех кандидатов на пост президента России мощным противовесом Зюганову мог стать только один человек — Борис Ельцин.

На съезде своей партии Гайдар, не отказываясь от резкой оценки чеченской компании, предложил поддержать кандидатуру Ельцина.

Рассказывает академик В. Васильев:

«В 1996 году я его позвал на день рождения. Весна, приближаются выборы президента. Зюганов должен по-

бедить. Я позвонил Ариадне Павловне. Говорю: вот, собираюсь сорокалетие пропивать, хочу пригласить Егора. Он с радостью ко мне пришел.

...Грустные были дела тогда, пессимистические. Мы его спросили: как дела, как себя чувствуешь? Хорошо, как принято по западной традиции говорить: fine. Потом говорит: чего там хорошо! конечно, все кошмарно.

Тогда он и сказал мне важную вещь: “Но я отсюда не уеду”. Это апрель 1996-го. “Надо здесь быть, а то потом скажут, начнут на нас вешать, скажут, что убежал. А я не буду убегать”. Те слова про “я отсюда никуда не уеду” — они сами по себе, раньше, в студенческое или аспирантское время сказаны были. Тут это тоже прозвучало, но по-другому.

На день рождения ко мне пришли стройотрядовские друзья. Он не выделялся из всех, все было хорошо, органично. У друзей к нему вопросов не возникало».

Из беседы А. Чубайса с А. Кохом.

«А. Чубайс. ...У нас тогда было абсолютное доверие друг к другу. Я тогда твердо знал, что Петя [Петр Авен, министр] пришел в 9 утра, а ушел в 11 вечера и все, что он делает, правильно.

А. Кох. И первый раз у тебя с Гайдаром были разногласия в 1996 году?

А. Чубайс. Да. У нас тогда впервые были принципиально разные политические позиции. Он был против избрания Ельцина, а я был за. Но я с Егором не ругался никогда в жизни, даже в 1996-м мы оставались друзьями».

7. КОНЕЦ 90-х ГОДОВ. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ И КОГДА ПРОВОДЯТСЯ СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ

«— Вы в своей жизни достигали практически потолка в политической карьере — пост премьер-министра, пусть даже и о., отнюдь не маленький. А как далеко сегодня простираются ваши политические амбиции?

— Они очень высоки и носят, я бы сказал, исторический характер — мне неинтересно, буду ли я работать снова премьер-министром или просто в правительстве России, или буду президентом. Мне довелось стоять у истоков очень тяжелого и необходимого процесса радикальных перемен в России после краха коммунизма. И мне — с исторической точки зрения — предельно важно, чем этот процесс закончится. Если он закончится — пусть тяжело, не сразу и с огромными проблемами — формированием в России устойчивой демократии и эффективной рыночной экономики, значит, то, что мы делали в 1991—1992 годах, было исторически оправдано. Если процесс закончится неудачей, для меня это будет очень тяжело. В этой связи мои амбиции — чтобы из того, что мы начинали и что по разного рода причинам я перестал контролировать, получилась нормальная, хорошо устроенная страна. Тогда для меня ничего больше не нужно».

...Спустя более чем десятилетие, в 2011 году, Виктор Шендерович спрашивает Якова Уринсона: «Завершены ли реформы?»

И тот отвечает: «Ну, здесь я ответственно могу сказать, что, конечно, нет. Реформы проводились в 92-м, 93-м году, потом они серьезно затормозились, потом была попытка 95—96 года, и по существу серьезно реформы затормозились до 2000 года. Дальше, известно, была программа Грефа, которая попыталась возобновить серьезные реформы в стране, но почти полностью провалилась».

Помню, в 2001 году (шел второй год президентства Путина) я спросила у кого-то из окружения Гайдара:

— Что-то не видно, не слышно Егора Тимуровича?..

— Не видно?.. Да Гайдар работает сейчас так, как вообще не работал!

— Ого! Чем же он так занят?

— В буквальном смысле день и ночь пишет экономическую программу для Грефа.

В. Шендерович спрашивает Я. Уринсона — так почему же она провалилась?

«— Такой вопрос дилетантский, но тем не менее.

— Почему? В программе Грефа было все написано правильно, но у российского государства не было политической воли идти по пути реформ. Я, может быть, скажу обывательскую вещь, не сильно научную, но реформы структурные делаются тогда, когда плохо. Мало примеров в мировой истории, чтобы реформы делались тогда, когда хорошо. 2000-е годы — изобилие нефти-, газо-, алюминий-, лесодолларов...

— То есть, по Жванецкому, большая беда нужна?

— Да. Вот 92-й год, мы уже говорили, — когда было действительно сильно плохо и была политическая воля не только президента Ельцина, но и значительной части населения, которая поверила, что может быть лучше, — вот тогда реформы шли активно».

...Как уже, конечно, заметили мои смышленные читатели, автор этой книги не числит себя среди поклонников марксизма.

Но одно марксистское суждение я ценила со школьных лет и в жизни им руководствовалась: *Ничто не дается без усилий и воли, без жертв и труда.*

Особо важным мне всегда казалось здесь первое слово — *ничто*. Да, решительно *ничто* стоящее не дается без больших усилий. И чем раньше это поймешь — тем лучше.

В последние же годы, наблюдая за состоянием российского общества — за тем, как оно из общества *граждан* России становится (и уже стало) совокупностью *проживающих* волею судьбы на ее территории и мало интересующихся чем-либо, кроме личных дел, нередко размышляла над известной опять-таки со школьных лет железной формулировкой: *Пролетарию нечего терять, кроме своих цепей.*

И гнала прочь неотвязную мысль: «Неужели правда?.. Неужели способны ощущать себя в истории, влиять на историческую судьбу родины (как сделали это сто с лиш-

ним тысяч москвичей, придя в ночь с 20 на 21 августа 1991 года к стенам Белого дома) только те, кому нечего терять, потому что у них по воле советской власти ничего нет? А как только, благодаря концу советской власти и реформам Ельцина—Гайдара, они кое-чем обзавелись — тем, что жалко потерять, так и...

Неужели же?..»

И оказалось — нет!

В конце 2011 года на наших глазах в России возникло гражданское общество. Множеству людей стало небезразлично, в какой стране они живут и в какой стране станут жить их дети. На митинги «За честные выборы» стали выходить по сто с лишним тысяч человек...

8. 1999. ОТЕЦ

В декабре 1999 скончался отец Егора, Тимур Гайдар.

Из интервью Егора Гайдара:

«Как-то, еще во время моего “хождения во власть”, журналист, бравший у меня интервью, спросил, кто оказал на меня влияние...

Я тогда по молодости постеснялся сказать о том большом влиянии, которое на протяжении всей моей жизни оказывал на меня отец. Он, я видел, обиделся, хотя не сказал ни слова, и это до сих пор камнем лежит у меня на сердце. Он должен был при жизни услышать мое публичное признание, что я всегда восхищался им, любил и ценил, что мы всегда были единомышленниками. Впрочем, уверен, он это знал. Мы всегда были близки и понимали друг друга с полуслова, по взгляду, по улыбке. Я всегда хотел быть его достойным сыном».

Из личных воспоминаний. Я была знакома с Тимуром Аркадьевичем, что называется, шапочно. Встречаясь на съездах демократических партий (я никогда ни в каких партиях не состояла, но «Демократический выбор», потом СПС, за которых я, естественно, всегда голосовала, приглашали меня на свои съезды в каче-

стве гостя), мы здоровались, обменивались несколькими фразами.

В 1999 году я беседовала в телепередаче «Момент истины» с А. Карауловым — согласившись, честно говоря, через силу, после нескольких отказов, — сдалась на просьбу его симпатичной дочери-журналистки.

И на другой или третий день после телепоказа, на каком-то очередном либеральном действе, ко мне буквально бросился Тимур Аркадьевич, горячо расхваливая передачу с моим участием:

— Это было замечательно! Просто замечательно! Вы — молодец!

...Даю честное слово, я была не только смущена, но несколько удивлена. Ну чего уж такого «замечательного»... Почему такой неумеренный восторг?..

И только дома, уже поздно ночью, до меня дошло, в чем тут было дело.

Караулов в середине передачи произнес в своей непередаваемой манере: — Ну а вот... Егор Гайдар?.. — с явным желанием со вкусом облить его при моем посредстве помоями.

Свой ответ воспроизвожу дословно: — Что — Егор Гайдар?! Тридцатипятилетний молодой человек сломал хребет советской власти! Ему памятники будут ставить по всей стране!

Для Караулова такой поворот оказался почему-то полной неожиданностью. Он смешался и не смог возразить.

...Вот почему ко мне кинулся Тимур Аркадьевич. Много позже Ариадна Павловна рассказывала, как тяжело переживал он те поношения, которым постоянно и совершенно незаслуженно подвергался его единственный сын. А сам отец им так гордился.

И вот наконец кто-то публично вступился за его мальчика...

Вспоминает поэт Константин Ваншенкин, друживший с Тимуром Аркадьевичем около полувека:

«Это был блестящий человек. Меня всегда восхищала его жизнестойкость, прочность, неременное следование своим же высоким установкам. Уточню: он порою бывал снисходителен и терпелив к людским слабостям — хвастовству, болтливости, самонадеянности и проч., но существовали вещи, которых никто не имел права себе позволить, поступки, которые нельзя было совершать, некий не переступаемый ни под каким видом порог. И здесь он становился жёсток и непреклонен. Ибо он был человеком чести. В нем присутствовало нечто корпоративное — офицерское, морское. Он беспрерывно поддерживал в себе эти качества. У него была очень сильная потребность помогать людям в беде, в жестокую их минуту. Я испытал это на себе и никогда этого не забуду.

В обыденной жизни он был очень компанейским, контактным, иногда шумным, увлекающимся, порою сентиментальным и даже наивным. Прекрасным собеседником.

Он обладал превосходным чувством юмора, имел отличный художественный вкус...

С исключительным достоинством нес он отраженную славу своего знаменитого отца (ведь Тимур был еще и литературным персонажем), а затем и своего знаменитого сына. Я отношусь к поколению первых читателей Аркадия Гайдара, т. е. читал все его новинки по мере их появления. Я хорошо представляю себе всю широту и мощь его тогдашней популярности и понимаю, как нелегко было быть сыном Гайдара. Но, думаю, стать отцом Гайдара оказалось для Тимура даже трудней.

...Последние годы они с Ридой подолгу жили за городом. Рида — это уменьшительное от Ариадна. Она дочь волшебного уральского сказочника Павла Петровича Бажова. Вот, если угодно, такие писательские дети: он — контр-адмирал, она — доктор исторических наук.

Они были трогательной парой. Рида звала его Тимурочкой (заглазно тоже). Спокойная, разумная, уравновешенная, она замечательно его дополняла...

Когда он почти внезапно умер, выяснилась его воля: развеять его прах над тем дачным поселком.

...Я находился при этом. Зимние сосны в чистом морозном воздухе. Залпы ружейного салюта. Все просто, высоко, естественно».

Рядом с пилотом вертолета был Егор Гайдар.
Он и выполнил последнюю волю отца.

часть шестая

НУЛЕВЫЕ ГОДЫ. КОНЕЦ

Ты о людях всегда думал, и они тебе от-
платят тем же.

А. Гайдар. Тимур и его команда, 1940

ПРОЛОГ К ЧАСТИ ШЕСТОЙ

Герой повести Гайдара «Судьба барабанщика» берет в библиотеке книгу о мальчишке-барабанщике — он убежал из дома и примкнул к армии, которая сражалась одна против всего мира.

На него наклеветали, обвинили в измене и он с тяжелым сердцем покинул свой отряд.

Но вскоре «странные дела начали твориться вокруг отряда».

Вдруг среди беспросветной ночи «затрубил военный сигнал тревогу, и оказывается, что враг подползал уже совсем близко.

Толстый же и трусливый музыкант Мишо, тот самый, который оклеветал мальчишка, выполз после боя из канавы и сказал, что это сигнализировал он.

Но это была ложь.

...Ярость и негодование охватили меня при чтении этих строк, и слезы затуманили мне глаза.

Это я... то есть это он, смелый, хороший мальчик, который крепко любил свою родину, опозоренный, одинокий, всеми покинутый, с опасностью для жизни подавал тревожные сигналы... («Судьба барабанщика», 1939).

...Получается, дед Аркадий Гайдар знал, что ли, что его внука тоже ждет что-то вроде этого?..

«—...Мало вам того, что вы облазили и обломали все сады, даже у старух, даже у осиротевшей девчурки; мало того, что от вас бегут даже собаки... У тебя на шее пионерский галстук, но ты просто... негодяй.

Тимур был бледен.

— Это неправда, — сказал он. — Вы ничего не знаете.

...Тимур стоял и молчал.

—...Ну что, комиссар? — спросил Квакин. — Вот и тебе, я вижу, бывает невесело?

— Да, атаман, — медленно поднимая глаза, ответил Тимур. — Мне сейчас тяжело, мне невесело».

1. «ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

Бальзака, Диккенса или Толстого совершенно заслуженно ставят выше Дюма, и я, со своей стороны, их предпочитаю, но это не мешает мне сохранять горячую любовь к писателю, который был отрадой моей юности и в котором я и поныне люблю силу, жизнерадостность и великодушие.

А. Моруа

...Приходите опять, татары, и заберите все: мы не стоим не только свободы, но и бытия государственного.

Кн. П. А. Вяземский —
письмо А. И. Тургеневу, 1819

...Он взял в руки любимую книжку своего отрочества, открыл наугад.

Он знал ее почти наизусть — как и «Трех мушкетеров». В далекие годы «Три мушкетера» волновали его намного больше. А в последние годы стали больше занимать поступки и чувства мушкетеров *двадцать лет спустя* — не брызжущих авантюрной энергией юношей, а зрелых мужчин. Достигших, собственно, того примерно возраста, в котором находился теперь он сам.

Книжка открылась на сцене, когда Верховный суд должен приговорить Карла I к смертной казни.

«— Настоящее обвинение предъявляется нами от имени английского народа.

Эти слова вызвали ропот на трибунах...»

И мужской голос, «твердый и гневный, прогремел сзади д'Артаньяна:

— Ты лжешь! Девять десятых английского народа ужасаются твоим словам.

Это был голос Атоса, который вне себя от бешенства, стоя с поднятой рукой бросил этот вызов общественному обвинителю».

Егор в который раз перечитал эти строки с удовольствием. Дальше — переполох, крик врага мушкетеров: «Стреляй в эту трибуну!»

Их ловкое исчезновение, восхищавшее его в детстве: «Суматоха была невообразимая. Более получаса никто не мог слышать собственного голоса».

Но сегодня читателя этих страниц занимало иное, чем в детстве. Предположим, Атос прав (хотя в этом можно сомневаться). Но почему же не слышен голос этих *девяти десятых народа?*..

Мысль его, конечно, автоматически перенеслась из Англии XVII века в сегодняшнюю Россию, в ее безмолвие на огромных заснеженных пространствах...

Он стал читать про несчастного Карла I дальше.

«Но напрасно старался он проникнуть взорами в толпу, напрасно просил он у Бога послать ему, как луч надежды, сочувственный взгляд. На него отовсюду смотрели тупые и испуганные лица; он чувствовал вокруг себя лишь ненависть и злобу».

Да-а-а... Что-то это ему напоминает.

И вот Карл, приговоренный к казни, идет из зала суда.

«...Он подошел к выходу. Здесь теснилась громадная толпа народа, который не нашел места на трибунах и желал насладиться хотя бы концом зрелища, самой интересной части которого ему не удалось видеть. Среди этого неисчислимого множества людей король не встретил ни одного сочувственного взгляда; всюду видны были угрожающие лица».

Он поймал себя на том, что слишком уж, не менее остро, чем в детстве, сочувствует несчастному монарху. В детство, что ли, впадает?..

«С болью в сердце король продолжал свой путь, но не успел он сделать и ста шагов, как какой-то разъяренный человек, протиснувшись между двумя конвойными, плюнул ему в лицо».

Егор вздрогнул. И сам удивился — почему?..

«Одновременно раздались громкий смех и смутный ропот. Толпа отступила, затем вновь нахлынула и заволновалась как бурное море».

Он понял — почему. Он живо представил — точно так же было бы сегодня с ним в его стране, если бы он отдан был бы под суд и его бы повели под конвоем сквозь толпу...

Глава про казнь. Король прощается с детьми. Это прощание — исторический акт, и потому отнестись спокойно к волнующей сцене невозможно. Да и спокойствие монарха перед лицом смерти тоже описано так, что спокойно читать трудно — хоть и в который уж раз:

«...Наконец, он откинул со лба свои волосы и обратился к палачу:

— Они вам не помешают? Если хотите, их можно перевязать шнурком.

<...>

— Будет достаточно, если вы уберете их с шеи, — ответил глухим голосом палач».

Егор потрогал короткие волосы над своей шеей. С ним хлопот бы не было.

«Король отвел волосы обеими руками и посмотрел на плаху.

— Эта плаха очень низка, — сказал он. — Нет ли другой?

— Это обыкновенная плаха, — отвечал человек в маске.

— Рассчитываете вы отрубить мне голову одним ударом?

— Надеюсь! — отвечал палач.

Это слово было сказано с таким жутким выражением, что все присутствующие вздрогнули, исключая короля».

Как любой мужчина, Егор задумался: хватило ли бы у него мужества и хладнокровия перед лицом неминуемой и страшной смерти?

Тут же явилась и вторая мысль, но ее Егор быстро отогнал. Размышлять на такие темы он считал неразумным. А мысль была такая — сколько его соотечественников захотели бы присутствовать при том, как ему рубят голову? И многие ли радовались бы?..

Его уже привыкли поносить последними словами, объяснять, как плохо он все сделал. И он привык к этому — только мама его не привыкла.

...Но нет-нет, и в интернете возникала дискуссия.

«...Гайдар поступил чисто авторитарными методами — приказом и понуканием. ...Плохо продумано и скверно осуществлено...»

Другой юзер не выдерживает: «Сейчас везде очереди? Все по талонам? Майонез только на Новый год? Синие курицы на прилавках? Спичек и соли полкладовки? У всех одинаковая одежда, которую носить невозможно?»

Соли полкладовки — как тут не вспомнить «Дефицит» Корнаи: про тот тип хозяйствования, где все — от стали до соли — закупается впрок в непомерном количестве, а количество любой продукции неизменно преобладает над качеством...

Неведомая женщина Лариса написала в интернете в 2003 году:

«Может быть, Егору Тимуровичу приятно будет узнать, что я (и моя семья), относясь к категории “после тридцати”, не являясь ни крупным, ни мелким, ни вообще предпринимателем — глубоко и надолго благодарна ему за то, что он сделал. Я могу покупать молоко без очереди, сахар — без талонов и туфли моего размера в удобное для меня время. (Напомню здесь описание экономики дефицита у Корнаи. — М. Ч.). Могу — баночку икры в Новый год или на день рождения. Могу отдыхать неделю на Канарах или две — в Прибалтике. У меня освободилось время от “добычи пропитания” для работы и семьи.

Прекрасно помню, как в году этак 88-м моей маме захотелось в день рождения побаловать нас салатом «оливье». А такой необходимой субстанции под названием майонез тогда в природе не существовало. Моя старушка пошла в ветеранский распределитель, откуда под праздник (у мамы день рождения 8 марта) не только майонез волокли, и Христа ради попросила баночку. На что привилегированные клиенты ей заявили: *вали отсюда, бабка, это не для тебя! Ты — не заслужила. Партбилета не имеешь, и в окопах не лежала*. (У нее 43 года непре-

ровного стажа...) Как мама тогда рыдала — никогда не забуду».

Думая, казалось бы, только об экономике, Гайдар по ходу своих реформ покончил не только с *дефицитом* самим по себе, но и с *привилегиями* — с «привилегированными клиентами».

М. Восленский в своей не раз упоминавшейся мною книге «Номенклатура» прояснил то, что сегодня одним уже снова неясно, а другим — родившимся *после* советской власти — изначально неизвестно:

«...При капитализме играют роль не привилегии, а деньги, при реальном социализме (эти слова следует, конечно, помещать в кавычки. — М. Ч.) — не деньги, а именно привилегии.

Эти привилегии порождают в номенклатуре не только наглость, но и растущий страх: слишком хорошо ей известно, какие чувства возбуждают среди населения привилегии номенклатурных чинов.

Сладко нежащиеся в своих привилегиях номенклатурщики начинают все острее чувствовать себя временщиками и страшиться того, что произойдет, когда все это кончится».

...Когда после Августа 1991 года «все это» кончилось — в первую очередь именно недавние номенклатурщики и кормившееся рядом с ними их окружение стали поносить Гайдара и Ельцина. Конечно, за то, что они «обобрали народ». Не могли же номенклатурщики громогласно признать, что не о народе они пекутся. Что главная вина реформаторов в том, что их, именно их лишили существеннейших привилегий — не ими оплаченных благ!..

«...Выражением такого страха и звучит анекдот, возникший в 70-х годах в номенклатурном кругу.

К работнику ЦК КПСС в столицу приехала мать из колхоза, пожила в роскоши цековского дома и дачи, попотчевалась «кремлевкой» и поспешно собирается назад.

— Куда же вы, мамаша? — обиженно спрашивает сын. — Оставались бы подольше, ведь у нас хорошо.

— Хорошо-то хорошо, — отвечает старушка, — да бо-язно: вдруг красные придут!»

Гайдар давно уже понял: объяснить тем, кто *не хочет* понимать, — невозможно. В одном из интервью «Комсомольской правде» он говорил о судьбе реформаторов: «...Только совсем молодые люди думают, что реформы проводят для того, чтобы войти в историю великим реформатором. Взрослые понимают, что реформы проводят тогда, когда их нельзя не проводить. Потому что никто и никогда тебя за реформы не поблагодарит».

Не поблагодарят — ладно. Но откуда же взялись эти отвратительные формы ругани, поношений в интернете, направленных прямо ему? Неужели все дело в том, что люди пишут в блогах анонимно, скрывая свое лицо?.. И тогда можно придумывать изощренные оскорбления — вместо осмысленного, корректного спора. А если, например, эти их ругательства прочтет случайно младший братик? Или семилетняя сестренка?..

Нельзя представить себе, чтобы сто лет назад, в каком-нибудь российском журнале 1911 года — где тоже можно было выступить анонимно или под псевдонимом — люди осыпали друг друга такими грязными словами... Откуда же это взялось?..

Исследователи публицистики того времени давно установили — площадную брань в российскую печать десятых годов XX века принес (я об этом кратко упоминала) Ленин. Это он завел моду вместо того, чтобы оспаривать положения противника — растаптывать его и обливать помоями. «Мерзавцы», «подлые ренегаты», «лакеи империализма» — это его словарь.

Так что это все ученики Ильича изгаляются над приличными людьми в интернете.

Умница Корнаи предложил в автобиографической книжке очень близкое объяснение.

Это коммунистическая власть во всех странах, в которых она господствовала, предпочитала не спорить с оппонентом, а *клеймить* его, подвергать унижительным поно-

шениям. А истоки этого — еще в XIX веке, задолго до того, как коммунисты взяли власть в России: в коммунистической традиции «грубость по отношению к противнику, презрение к тем, кто выражает иную точку зрения, *начинаются с Маркса, продолжают у Ленина и достигают кульминации у Сталина*. Сталин уже не просто громит оппонентов, но расстреливает их».

Вот откуда происходит, оказывается, несусветная грубость, матерная ругань в наших блогах... Те из блоггеров, кто так себя ведет, могут даже гордиться таким марксистско-ленинским происхождением.

Если, конечно, они не находят в своей жизни, в своих поступках других оснований для гордости.

* * *

«— Тима! — неожиданно мягко сказал Гейка и взял товарища за руку. — Что это? Ведь мы же ничего плохого никому не сделали. А ты знаешь, если человек прав...

— Да, знаю... то он не боится ничего на свете. Но ему все равно больно» («Тимур и его команда»).

2. 2003 ГОД И ПОЗЖЕ

Надо доделывать то, что было начато в 1990-х и остановлено в 2003 году. Мы должны преодолеть отставание и догонять другие развитые страны. Огромное количество наших сограждан, к сожалению, добровольно согласны на государственный деспотизм.

Е. Ясин. Люди не могут жить без мифов.
Московские новости, 5 августа 2011

Левую эсерку, легенду колымчан Берту Бабину пригласили в Генеральную прокуратуру на процедуру реабилитации. В кабинете молодого прокурора «находилось несколько десят-

ков чинов, пришедших взглянуть на “живую историю”. “Бабушка, — обратился к ней прокурор. — Как вы теперь относитесь к вашей бандитской организации?” — “А вы к вашей?” На этом разговор был окончен».

С. Виленский. Колымское товарищество, 2010

Гласность — совесть государств. Знай я, за что плачу и на какой конец, — и все легко; ибо все-таки в итоге моих расходов частных выводится доход мне благосостояния, как части общества. Самый расточительный не бросит копейки в воду; самый скопидом издержит тысячу рублей на нужное.

*Кн. П. А. Вяземский —
письмо А. И. Тургеневу, 1821*

...Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далёко, и от вьюги.
Лебезить не надо, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

И. Бродский. Письма римскому другу, 1972

...Но странное дело — эта финальная строка любимого стихотворения Егора Гайдара как будто поменяла смысл. В последнее десятилетие люди власти, неустанно хапающие отовсюду деньги, срослись с теми, кому ничего не стоило убить человека. Воры стали кровопийцами, то есть убийцами!..

Коррупция в России нулевых лет достигла невиданного размаха. Бизнес оказался незащищенным — любое неосторожное слово бизнесмена могло вызвать на завтра рейд налоговой инспекции с неизвестным — или известным! — результатом. А то и стремительный рейдерский захват. Да и аккуратно платя налоги, никто не уверен, что они идут на улучшение благосостояния страны...

Время будто остановилось. А верней — пошло назад, к советскому прошлому. Чтобы наблюдать спокойно, как разрушается дело его жизни, — надо было родиться более толстокожим.

Демократии в его стране явно не прибавилось. После возвращения в конце 2000 года сталинского гимна (вот чего не могли себе представить ни Ельцин, ни Гайдар!) стало неуклонно расти количество тех, кто числит Сталина среди положительных фигур XX века, — и постепенно стало их в России (где и сегодня нет *ни одной* семьи, где не назвали бы имя родственника — хоть троюродного дедушки — либо погибшего, либо отсидевшего в сталинских лагерях и ссылках) больше половины...

Все сильнее сказывалось отсутствие вердикта о преступности режима, погубившего миллионы безвинных в своей стране и сопредельных странах.

Глава Московского историко-литературного общества «Возвращение», еще в студенческие годы — сиделец самой страшной в Стране Советов тюрьмы — Сухановки, а затем — колымчанин Семен Виленский верно умозаключал в предисловиях к своей замечательной хрестоматии для старшеклассников «Человек в тоталитарном обществе» и к сборнику мемуаров о Гулаге «Доднесь тяготееет»:

«Достаточно вдуматься в затянувшийся на полстолетия и еще не заверченный процесс реабилитации жертв большевистского режима — и становится очевидной противоречивость и непоследовательность нашего расставания с тоталитарным прошлым... В Западной Европе никому и в голову не пришло реабилитировать узников нацистских лагерей, созданных преступным режимом. Юстиция занимается там совсем иным делом: выявляет и судит причастных к преступлениям эсэсовцев, гестаповцев и прочую нечисть...

Наше общество не осудило прошлое, не покаялось пусть даже в невольном молчаливом соучастии в чудовищных преступлениях. Мы смирились со злом. У нас не было процесса, подобного Нюрнбергскому. Не было дебольшевизации, подобной денацификации в послевоенной Германии. В этом основная причина криминальности

нашего общества, вопиющей социальной несправедливости, фактического бесправия граждан» (2000, 2004).

Но чтобы понять, что причина криминализации — в этом, а не в реформах Гайдара, надо было обзавестись таким культурным кругозором, обладателей которым в нашей стране почему-то становилось все меньше и меньше (а сегодня, похоже, их и вовсе уже надо считать на пальцах). Да и те по большей части промолчали, погрузившись в собственные дела.

...Да, когда-то казалось, что либерализация экономики повлечет за собой демократизацию общества. Так бы, пожалуй, и было — если бы не пошла встречная волна: «Гулаг создавался в целях модернизации, Сталин был успешным менеджером...».

Цену его менеджмента Гайдар знал, как, пожалуй, мало кто другой.

Вспоминает помощник Гайдара Лена Мозговая:

«2003 год. Гайдар едет в воюющий Ирак как эксперт по восстановлению экономики в переходный период. В Ираке стреляют, есть реальная вероятность не вернуться... Егор Тимурович передает мне конверт на котором написано «Вскрыть в случае трагического развития событий». Слава Богу, командировка заканчивается благополучно, Егор Тимурович возвращается, и я не сразу вспоминаю про конверт. Когда натыкаюсь на него в сейфе, иду к нему. Дальше все очень характерно для Гайдара. Он говорит, что надобности в конверте больше нет, его можно уничтожить, но сначала просит меня вскрыть его и прочитать, а уж потом — выбросить. В этом весь Гайдар, вся его внутренняя культура, воспитание. То, что всасывается с молоком матери. Только не у каждой матери это есть. Он уважал людей. В конверте были записки Маше, друзьям из Института и другу — Чубайсу. Просьба — позаботиться о семье и сохранить Институт, так как он важен для продолжения реформ (не секрет, что многие реформы готовились в нашем Институте, здесь много светлых голов). О себе он никогда не думал. В первую очередь о России, потом о семье».

3. 2005: «ДОЛГОЕ ВРЕМЯ»

...Эта книга не была бы написана без терпения и помощи моей любимой жены Марии Стругацкой.

Е. Гайдар, 2005

Главное — это величие замысла.

И. Бродский

Замысел этой книги был действительно величествен — и весь воплощен, что уж совсем редкость.

«Книга написана, — пояснял автор, — для тех, кто интересуется проблемами долгосрочного социально-экономического развития, выработки стратегии развития России в XXI веке. ...Специальная целевая аудитория книги — те, кто работает или рано либо поздно будет работать в органах власти, вырабатывать и проводить в жизнь решения, от которых зависит развитие России в долгосрочной перспективе».

Читая эти серьезные слова, говорящие, несомненно, о подлинных намерениях автора, невольно задумываешься — а много ли в сегодняшней российской власти тех, кого интересует *долгосрочная* перспектива России?.. А потом видишь слова — «...или рано либо поздно *будет* работать в органах власти» — и успокаиваешься.

Значит, кто-то из вас, моих смысленных читателей от десяти до шестнадцати, возьмет в руки и книгу Гайдара, не убоясь ее толщины, — как не побоялся двенадцатилетний Егор взять в руки и прочесть от корки до корки первый том «Капитала» Маркса. Да еще и подчеркивал тремя цветными карандашами...

И вы не бойтесь — возьмете да прочитаете все 656 страниц «Долгого времени». А потом кто-то из вас станет, например, министром. Или премьер-министром. И эта книга поможет вам не утыкаться носом в сегодняшние проблемы, а иметь в виду *долгосрочную перспективу*. И это очень выгодно отличит вас от всех других ваших новых коллег.

Пытаться пересказать эту книгу — затея безнадежная. Там идет блестящий анализ разных мировых цивилизаций от древнейших времен до наших дней. ...Скажу по секрету — даже если вы для начала прочитаете одни только эпиграфы ко всем 15 главам — от Гомера до Григория Бакланова — и то ваш культурный кругозор необычайно расширится!

Что касается России XX века, Гайдар, среди прочего, дает там свой жесткий ответ всем, кто по незнанию и недомыслию продолжает восторгаться гением Сталина, превратившего СССР в *мощную индустриальную державу*...

«Факторы, обусловившие аномально высокие темпы социалистической индустриализации, — снижение уровня жизни сельского населения, небывалые масштабы перераспределения ресурсов из традиционной аграрной сферы в промышленность — порождают и самую серьезную, затянувшуюся на десятилетия аномалию социалистического роста: расходящиеся траектории развития промышленности и сельского хозяйства. Дефицит продуктов питания становится постоянной проблемой, а их импорт — жесткой необходимостью».

Следует ли что-то сюда прибавлять?.. Людям нечего есть и надевать на себя, а железо производится и производится, как в дурном сне. Давно известно — спросите у любого сельского жителя, — что огромные тяжелые трактора, посылаемые в колхозы, так и ржавели под дождем: крестьяне не запускали их на поля, потому что они из-за своего веса *трамбовали почву*... В колхозах нужна была легкая техника, а ее-то и не выпускали.

«...К концу 1950-х — началу 1960-х годов становится ясно, что долгосрочный и глубокий кризис сельского хозяйства — характерная черта развитого социализма. Соотношение заготовительных цен на крупный рогатый скот и цен на говядину возросло в 1958 году по сравнению с 1952 годом и превысило соотношение 1929 года в 2 раза. Несмотря на это, заготовительные цены так и не позволили обеспечить безубыточность производства мяса...

В сентябре 1953 года первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев говорил: «Товарищи, посмотрите на кар-

ту, наша страна занимает $\frac{1}{6}$ часть суши земного шара. И нам негде, оказывается, зерновых, картошки и кормовых культур посеять с таким расчетом, чтобы обеспечить потребности народа. На карте мира Голландию пальцем всю закроете, а мы у нее вынуждены покупать мясо и сливочное масло”».

Что-то прибавлять и пояснять здесь, по-моему, не нужно. Кто не ленится мыслить — поймет, какую страну оставил умерший в марте 1953 года Сталин. И выбросит на помойку миф о мудром отце народа...

4. 2006: «ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ»

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.
И. Бродский, Письма римскому другу. 1972

Виктор Ярошенко рассказывает, как однажды прочитал Гайдара запомнившиеся строчки из случайно попавшегося на глаза стихотворения Владимира Кострова:

Жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова.

Егор не раз с тех пор, грустно смеясь, их повторял.
...И больше никакова.

В марте 2006 года ему исполнилось 50 лет.

И ему, и всем нам — тем, кто был на необъявленном юбилее (объявили только о юбилее его института), — казалось, что хотя это и явно больше половины отведенного человеку жизненного срока, но впереди у Гайдара еще много лет жизни и плодотворной работы.

В тот вечер после юбилея «афганец» Андрей Мосин, когда-то, в 19 лет — командир отделения разведроты десантного полка в Афганистане, находившийся в припод-

нятом настроении от знакомства с Гайдаром, вдруг посе-
рьезнел и сказал мне:

— М. О., у Егора Тимуровича очень плохая охрана.

...Настанет день, когда я вспомню эту оценку профес-
сионала.

Шестого сентября 2006 года в беседе с В. Лейбиным
(Полит.ру) Гайдар отвечал на вопрос собеседника:

«— *Сейчас многие эксперты полагают, что нынешняя
социальная ситуация в России — временная, что слом не-
избежен. Видите ли вы сейчас точку слома?*

— В краткосрочной перспективе факторов серьезно-
го риска... я не вижу. Не видят его и мои коллеги по Ин-
ституту экономики переходного периода. Мы проводили
анализ рисков, и серьезных экономических угроз в пери-
од 2007—2008 годов не обнаружили.

В более длинной перспективе, надо давать себе отчет,
что сложившаяся в России экономико-политическая систе-
ма нестабильна. (Он говорит это, напомним, в тот год, когда
стабильность — любимое слово официозных СМИ, главное
достижение — с их точки зрения — правящих кругов. Мог-
ли ли эти люди не отнестись агрессивно к его словам?.. —
М. Ч.) Есть два обстоятельства, о которых надо помнить. Рос-
сийская экономика, как и советская, крайне чувствительна
к колебаниям цен на нефть, нефтепродукты и газ, а прогно-
зировать их никто не умеет — ни у нас, ни в мире...

Второе. Политическая система сегодняшней России —
это мягкий реставрационный режим (напомним: *реставра-
ция* — это возвращение к старому; во Франции XIX века
эпоха Реставрации — это годы восстановления монархии,
отправленной революцией конца XVIII века под топор ги-
льотины; в России *нулевых лет* — это попытка вернуться
к советскому режиму. — М. Ч.). Опыт показывает, что ре-
ставрационные режимы временно популярны, они, как
правило, сопровождают большие революции. Люди, устав-
шие от инфляции, задержек зарплат, роста преступности,
говорят: дайте нам порядок любой ценой, Бог с ними, со
свободами. Но такие режимы внутренне не стабильны.
Настроение «порядок любой ценой» не длится долго. По-

рядок — хорошо, но зачем нам эти Бурбоны, которые ничего не поняли и ничему не научились? (отсылка к эпохе французской Реставрации, когда через десятки лет после казни короля к власти вернулась — на время! — династия Бурбонов. — М. Ч.) *Спрос на свободу в грамотном, урбанизированном обществе появляется неизбежно, это лишь вопрос формы и времени* (выделено нами. — М. Ч.).

— Какова повестка дня для гипотетического будущего научно-практического семинара?

— В краткосрочной перспективе — бюджетные расходы, их эффективность и осмысленность. Мы построили приличную налоговую систему, но пока не научились разумно расходовать бюджетные деньги».

Гайдар говорил о правильности — то есть в первую очередь об освобождении от коррупции, достигшей в нулевые годы невиданного масштаба, — бюджетных расходов на армию, на здравоохранение, на образование... Говорил о проблеме российской внешней политики и о месте России в мире.

«Разумеется, перечень не является исчерпывающим, — заключал Гайдар. — Так что у российских реформаторов первой половины XXI века впереди много работы».

Иными словами — реформы, прерванные в 2003 году, все равно кому-то придется продолжить...

На презентации новой книги Гайдара, — «Гибель империи: Уроки для современной России» — даже бегло пролистав ее, я увидела очень увлекательное повествование. Начало интриговало — автор спрашивал читателей: как случилось, что великая морская держава Испания пала — и превратилась из империи в рядовую европейскую страну?.. В последующие годы я многим образованным людям задавала этот вопрос; не ответил никто. Гайдар давал простой и неожиданный ответ: несметные ресурсы золота и серебра, обнаружившиеся после открытия Америки в новых испанских колониях... То есть — садясь на сырьевую иглу, страна неминуемо перестает двигаться вперед.

«История Испании XVI—XVII вв. — пример державы, — резюмирует Гайдар, — которая пережила крах, не

потерпев поражения на поле брани, но рухнула под бременем непомерных амбиций, основывавшихся на таком ненадежном фундаменте, как доходы от американского золота и серебра. То, что происходило с государствами, могущество которых зиждилось на притоке доходов от добычи природных ресурсов, в XX в., в том числе с нашей страной, — хорошо известно». Он имеет в виду крах СССР, в немалой степени связанный с падением цен на нефть — при том, что конкурентоспособными отраслями промышленности плановая экономика так и не обзавелась, довольствуясь продажей нефти.

Книга поразила меня своей доступностью — умные люди у нас редко пишут доступно. Ее, на мой взгляд, нужно было прочитать российским старшеклассникам. Она не могла остаться, как, увы, множество важных книг, достоянием только столичных жителей. А книготорговцы, как известно, развозят по России книги, выпущенные тиражом не менее 50 тысяч. Сегодня практически ни одна стоящая книга таким тиражом не издается — только такие, которые, прочитав, не стоит оставлять на полках домашней библиотеки.

Я стала думать над тем, как развезти ее по библиотекам и школам России...

Долго ли, коротко ли, но партия «Союз правых сил» закупила по моей просьбе 1 000 экземпляров книги, мы с моим младшим сотоварищем «афганцем» Андреем Мосиным отправили их (с большим количеством отличных книг, подаренных библиотекам России издательством «Время») по железной дороге в областные библиотеки пяти крупных городов России: Владивосток — Иркутск — Красноярск — Екатеринбург — Киров. И сами на машине отправились в конце сентября из Владивостока в Москву с остановками в 17 городах.

Там на встрече со мной собирались в библиотечных залах люди и с сочувственным интересом, без малейших выпадов (которых я, признаться, стопроцентно ожидала) слушали рассказ о деятельности Гайдара и об этой его книге.

В сельских и городских школах я проводила блиц-викторины по русскому языку, литературе и истории Рос-

сии — и тем, кто обнаруживал явный интерес к истории, дарила книгу Гайдара.

Вернувшись в Москву, я рассказала о своей поездке Ариадне Павловне (мой к ней визит был связан с Аркадием Гайдаром, которым я занималась и занимаюсь).

На другой день раздался звонок Егора Тимуровича:

— Мама рассказала мне о вашей поездке... Очень интересно... Вы не могли бы зайти ко мне? Я хотел бы сам об этом услышать.

Он был удивлен и тронут моим рассказом о том, что ни в одной из примерно пятидесяти аудиторий мне не пришлось защищать его от гнусных выпадов. Конечно, речь шла об аудиториях библиотекарей и читателей библиотек. Но мне приходилось не раз встречать в Москве и академиков, пышущих зоологической злобой к тому, кто лишил их государственных оборонных заказов и соответственных дивидендов.

...Задумчиво повторил Егор Тимурович мои слова о том, что, значит, в настроении людей, в понимании ими его реформ что-то меняется: — Да, возможно, что-то меняется...

Во всяком случае, это точно оказалось одним из многих его светлых впечатлений этих лет.

Поздней осенью 2006 года в дружеском кругу отмечали очередную (между прочим, 15-ю!) годовщину Правительства Реформ.

Новая власть «нулевых» лет о реформах этих доброго слова не говорила, хотя плодами их — только к этому времени по-настоящему созревшими — пользовалась на полную катушку.

Михаил Федотов, в 1992 году — заместитель министра по делам печати (и главный автор «Закона о печати»), 7 ноября 2006 года написал шуточные стихи, которые и исполнили за столом хором на известный с последнего военного года и особенно после фильма «В шесть часов вечера после войны» мотив «Марша артиллеристов» (музыка Т. Хренникова).

Напомню этот, после смерти Сталина публично уже не исполнявшийся марш на слова Виктора Гусева (ав-

тора многих песен из кинофильмов), — чтоб понятней стал римейк (как сказали бы сегодня) Михаила Федотова:

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Мы в смертный бой идем за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.

Припев:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовут Отчизна нас!
Из тысяч грозных батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!

Бывшее правительство камикадзе в свою 15-ю годовщину пело хором в дружеском застолье:

Горит страна у нас, веками не сгорая,

(заметим, что писали и пели это до страшных пожаров лета 2010 года!)

И нет пожарников: все пьяные давно.
Но кличет президент от края и до края
Героев камикадз, чтоб разгрести дерьмо.

Припев.

Своим министрам Ельцин дал приказ:
Без коммунистов построить рай сейчас!
Чтоб наш народ вкусил плоды
За демократию борьбы
И не обиделся на нас, на нас!

На рельсы ляжем, чтоб по нам пошли составы
С китайским и южнокорейским барахлом.
И пусть Зюганов Г. нам вывернет суставы,
Но все равно их власть пошла на слом.

Привет.

Раздали собственность и суверенитеты,
Открыли окна и проветрили народ,
Чтоб он пришел в себя и в будущие лета
Нетвердою походкой двинулся вперед.

5. НА УКЛОНЕ НУЛЕВЫХ

Жизнь сейчас, может, и тяжелая, но жизнь.
А тогда был некий морок, где нормальные со-
ветские (по паспорту) люди существовали, как
«ежики в тумане».

Е. Попов. Ресторан «Березка», 2010

То, что сейчас в России плохо, еще не значит,
что в СССР было хорошо.

Beobachter, 22 июля 2011.11.58

Вот и нулевые перевалили через середину. Мучительные годы попятного движения его страны, его реформ...

Многие, даже очень многие довольны — прибавка к пенсии, зарплата без задержек. Что это и есть созревшие, наконец, плоды болезненных реформ 90-х — они не понимают, не хотят понимать и не поймут. По крайней мере, при его жизни. Сам он давно с этим свыкся, но не свыкся с той болью за него, которую до последних дней испытывал отец. И не перестает испытывать мама.

Он назначил себе час отдыха. Что бы почитать? В последние годы полюбил Дика Фрэнсиса. В юности — жокей, в годы войны — пилот, а самолет свой назвал Пегасом... И после войны смелый англичанин вернулся в конный спорт и не раз становился чемпионом.

Все его собрание сочинений прочитано — и совсем ранние, но увлекательные «Спорт королев» и «Фаворит», и «Последний барьер», и сравнительно недавнее «Второе дыхание» — везде охота на людей и на лошадей, смерть, смерть... Но ведь пролистать читанное — это и есть от-

дых. Он потянулся было за «Серым кардиналом», но раздумал. Как пытаются убить перед выборами неугодного кандидата — нет, это что-то уж слишком близкое к нашему месту и времени...

Он улегся на диван с любимой с детства книжкой. Последний раз с ней ему не повезло. Может, сейчас откроется наугад более утешительная страница...

Сколько раз он ее перечитывал? Ну, раз шесть-то точно... Мама подарила ему на день рождения новое издание — именно «Двадцать лет спустя». Как они с ней смеялись! Она-то помнит его самое первое чтение «Трех мушкетеров» — он вцепился в книжку и не мог оторваться.

Егор уместился поудобнее и открыл наугад — с твердой надеждой, что сразу исчезнет, аннигилируется хотя бы на время день сегодняшний и знакомо обступит его Париж XVII века...

«...Солдат, сам того не зная, разбередил самую большую рану кардинала. В продолжение пяти лет, которые Бофор просидел в тюрьме, не проходило дня, чтобы Мазарини не думал о том, что рано или поздно, а Бофор оттуда выйдет. Нельзя продержат всю жизнь в заточении внука Генриха IV, в особенности, когда этому внуку Генриха IV было едва тридцать лет от роду. Но каким бы путем он ни вышел из тюрьмы, сколько ненависти должен был он скопить за годы заключения к тому, кто послужил этому причиной; к тому, кто приказал схватить его, богатого, смелого, увенчанного славой, любимого женщинами и грозного мужчинам; к тому, кто отнял у него лучшие годы жизни, потому что разве можно назвать жизнью существование в тюрьме».

Да-а-а... Егор захлопнул книжку и невесело улыбнулся. Опять не сумел Дюма отвлечь от сегодняшнего дня. Полежал, подумал о том человеке, о котором напомнили ему эти строки. И решительно снова открыл книжку — теперь на первых страницах.

«— Чудесно! — ответил король. — Я очень рад, что вы предлагаете д'Эмери на это место, которое требует честного человека...

И он подписал назначение д'Эмери.

Этот самый д'Эмери и был теперь управляющим финансами.

За ним послали от имени министра, и он прибежал бледный, испуганный, говоря, что сын его чуть не был убит сегодня на Дворцовой площади; толпа окружила его и стала поносить за роскошь его жены, у которой квартира обита красным бархатом с золотой бахромой...

Сына Эмери едва не задушили, так как один из бунтовщиков предложил мять его до тех пор, пока не выжмут из него награбленного золота».

Егор засмеялся — залиvisto, от души, как в юности. Нет, положительно с детства любимые книги перестали быть средством отвлечения от современности.

6. ЗАВТРАК В ИРЛАНДИИ

— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли.

— ...Тебя ненавидят за то, что не могут выдержать твой взгляд, за то, что ты умен, за то, что вытаскиваешь им занозы из лап, за то, что ты человек.

— Я ничего этого не знал, — угрюмо промолвил Маугли...

Р. Киплинг. Маугли

— Товарищ, ты вахту не должен бросать!..

Раскинулось море широко (народная песня)

...Он прервал свои ответы на вопросы, сказал — вернее, выкрикнул — «Больше не могу!» — и быстрыми шагами пошел к двери.

Зал замер. В первые секунды еще никто ничего не понял.

...За эти несколько неверных шагов в голове Егора крутилась в бешеном ритме вся прожитая жизнь, оживали одновременно все строки прочитанных в детстве книг. Он почувствовал, что смерть встала рядом с ним — рука

об руку с неведомым, но знакомым «матерым волком, опасным и беспощадным...».

Он узнал, — а вернее, почувствовал, — эту давно, с советских времен, знакомую ему холодную руку. Не знающую жалости к людям. Настороженную к любой незаурядности. Равнодушную к национальной ценности ума и таланта...

«Я пошатнулся и сел на мягкий истоптанный снег. “Это ничего, — подумал я, — это ничего. Раз я в сознании — значит, не убит. Раз не убит — значит, выживу”.

Пехотинцы черными точками мелькали где-то далеко впереди.

“Это ничего, — подумал я, придерживаясь рукой за куст и прислоняя к ветвям голову. — Скоро придут санитары и заберут меня”.

...Струйки теплой крови просачивались через гимнастерку. “А что, если санитары не придут и я умру?” — подумал я, закрывая глаза».

Он потерял сознание и упал.

«...Гром пошел по небу, а тучи, как птицы, с криком неслись против ветра. И в сорок рядов встали солдаты, защищая тело барабанщика, который пошатнулся и упал на землю...»

Егор Гайдар лежал без памяти на полу, и вокруг него металась люди.

«...Распахните окна! (Широко-широко, так, чтобы совсем не осталось ни стен, ни душной крыши!) Быстро приготовьте шприц! Теперь спокойней!..”

Гром стих. Тучи стали. И ветер прорвался наконец к задыхавшемуся горлу.

Потом Гайдар объяснял, что по всем обстоятельствам он должен был умереть.

Его не хотели попугать — его хотели именно убить.

Те, кто подмешали ему утром в стакан чая, принесенного любезной официанткой, неведомого яда (состав так

и не узнали — те, кто его убивали, умеют хранить свои секреты).

После завтрака он почувствовал, что на открытии конференции присутствовать не может, и ушел к себе в номер. Его сотоварищи подумали, что он просто пожалел времени на процедуру открытия.

Лежал в постели, и ему становилось все хуже и хуже.

В середине дня раздался звонок Екатерины Гениевой, директора Библиотеки иностранной литературы, вместе с которой он прилетел в Ирландию на конференцию «Россия и Ирландия: коллективная память».

— Егор Тимурович, сейчас ваш доклад.

— Я не смогу его прочитать. Я плохо себя чувствую.

— Вам нужно встать, одеться и прийти в зал, — с непонятной впоследствии ей самой настойчивой твердостью сказала Екатерина Юрьевна.

Егор ясно понимал, что встать не может. Но с детства воспитанное чувство долга, ответственности — то самое, что заставляло друзей сравнивать его с командиром подводной лодки, — заставило отозваться на настойчивость тона.

Подсознание (сознание, возможно, уже замутилось) того, кто в детстве мечтал стать морским офицером, заставило воспринять услышанные слова как *отданный ему приказ*: Гениева была руководителем конференции с российской стороны...

Это подняло Егора Гайдара с постели, заставило одеться, выйти из своего номера, спуститься в зал и взойти на трибуну. Поэтому когда, прочитав блестящий доклад, через несколько минут Гайдар упал за дверями зала без сознания, у него носом и горлом пошла кровь и начались конвульсии, — он был на людях, а не один в номере, где скорая смерть ожидала его неминуемо.

На Британских островах уже не было ни Конан Дойла, ни Шерлока Холмса.

Не нашлось их и у нас в России.

Кто именно поднес Егору Тимуровичу рукой официантки «дьявольский коктейль» (так назвал Фрэнсис один

из своих романов)? Тайна гнусного отравления человека столь яркого ума остается нераскрытой по сю пору.

И мне неизвестно, занят ли кто ее раскрытием.

7. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Атос, как все благородные натуры, никогда не делился с другими своими тяжелыми чувствами. Он таил их в себе, стараясь пробуждать в других только бодрость и надежду.

А. Дюма. Двадцать лет спустя

— Три лишних дня ждут того, кто пойдет с нами.

— Три лишних дня? Три дня жизни?

Кайон уверенно кивнул:

— Если мы победим, будем жить вместо восьми одиннадцать дней.

Рэй Брэдбери. Лед и пламя

Только полночь опустится,
как догадка о том,
что уже не отпустится
ни сейчас, ни потом,

что со счета не сбросится
ни потом, ни сейчас
и что с нас еще спросится,
еще спросится с нас.

Ю. Левитанский

Его долго лечили. Каждый день он ездил в клинику, ему промывали кровь...

Человек огромного ума и аналитических способностей, к тому же сполна наделенный трезвым взглядом на жизнь вообще, на свою жизнь в частности, он понимал, что его жизненные сроки резко сократились.

Те, кто хотели лишить Егора Гайдара жизни, в значительной степени в этом преуспели.

...Теперь, когда он появлялся перед полным залом на презентации своих новых книг, у тех, кто действительно любил его, — а таких среди пришедших на презентацию было большинство, — холод тек по спине: мы видели лицо человека, точно знающего, что дни его сочтены. Смертная тоска пряталась в глубине глаз.

Как-то он почти дословно, как обычно, вспомнил страницы изданной по-русски еще в годы его детства биографической книги Андре Моруа о его любимом писателе — «Три Дюма».

На этот раз его интересовали подробности жизни не писателя Александра Дюма, а его отца. Того, кто был сыном французского маркиза и его чернокожей рабыни и родился на острове Сан-Доминго.

Этот сын стал бравым наполеоновским офицером, и, возвращаясь во Францию из Африки после сражений, попал неожиданно в Неаполитанской республике в руки врагов Бонапарта и оказался в тюрьме.

Неведомые друзья предупреждают его, чтобы он опасался яда. Он отнесся к этому предупреждению внимательно. Тюремный врач принес ему бисквиты и посоветовал есть их размоченными в вине. Врача он не заподозрил.

«Я точно выполнил его предписание, но к двум часам пополудни у меня начались такие сильные спазмы в желудке и рвота, что я не смог обедать. Приступы боли все усиливались, и я лишь чудом не отправился на тот свет. Характер спазм и рвоты свидетельствовал об отравлении мышьяком...

В результате я почти оглох, полностью ослеп на один глаз и меня разбил паралич... Эти симптомы одряхления появились у меня в тридцать три года и девять месяцев, что явно доказывает, что в мой организм ввели какой-то яд...»

Дальше биограф писал, что наполеоновский офицер вышел из тюрьмы полупарализованным и в этом плачевном виде добрался наконец до своей семьи. Через полтора года появился на свет его сын — будущий автор «Трех мушкетере-

ров». А еще через четыре года старший Дюма, вернувшись с верховой прогулки, вынужден был лечь в постель...

«— Неужели генерал, — воскликнул он, — который в тридцать пять лет командовал тремя армиями, должен в сорок умирать в постели, как трус? О Боже, Боже, чем я прогневил тебя, что ты обрек меня таким молодым покинуть жену и детей?»

Он призвал священника, исповедался, а потом, повернувшись к жене, испустил последний вздох у нее на руках в тот миг, когда часы пробили полночь».

...Близкие друзья Егора — семейная пара — сказали о каком-то их общем возможном большом замысле:

— Ну, за пять лет это точно можно сделать!

Он ответил грустно:

— Ну, если бы я знал, что у меня есть пять лет для моих работ... Это было бы счастье!

Только с двумя людьми на свете — с двумя женщинами, которых он любил и которые любили его, — с женой и матерью мог бы он поделиться своей смертной тоской.

Но именно их-то он ни в коем случае не хотел обременить этой тяжестью.

«Он часто приезжал ко мне. Мы просто садились в комнате за стол, друг напротив друга, и разговаривали. Он умел рассказать обо всех своих заботах и в то же время постараться меня не озаботить. И всегда: “А, ерунда, мама, не обращай внимания”» (А. П. Бажова-Гайдар, декабрь 2010).

В 2005 году родилась внучка Катя — Катерина Петровна...

В три года она любила ездить к деду. Перенимала его речь и, возвращаясь домой, объявляла:

— Прошу вас исходить из гипотезы, что я не люблю кашу!

Егор говорил маме:

— Ух, я так Катюшку люблю — прямо не могу! Я бы ей все-все позволял!..

Он жил той жизнью, которою жил всегда. Как всегда, много читал.

Появилась автобиографическая книга Яноша Корнаи, сыгравшего немалую роль в его жизни. Название увлекало: «Силой мысли: Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии».

И его собственная жизнь была в первую очередь интеллектуальным путешествием. Главное в ней делалось *силой мысли*. Ему тоже было что вспомнить. Но он знал — не осталось времени.

«Попробую подытожить, — читал Егор книгу Я. Корнаи, — на каком этапе личного выбора я находился в 1959 г. ...Мне потребовалось лет пять, с 1954-го по 1959-й, чтобы определиться, как я хочу жить в дальнейшем... Примерно в 1959 г. некоторые мои решения оформились окончательно. Здесь я хотел бы выделить пять пунктов».

...Егор читал пункт за пунктом. И поражался: после каждого из них он мог бы написать — «И я тоже». Только с ним это происходило гораздо позже — и решения по разным пунктам принимались в разное время.

«1. Я порываю с коммунистической партией.

2. Эмигрировать не буду.

3. Моим призванием станет не политика, а научные исследования. Героическими, нелегальными формами борьбы с коммунистическим режимом заниматься не буду. Хочу добиться обновления при помощи своей научной деятельности.

4. Порываю с марксизмом.

5. Овладею основами современной экономической науки. Посредством своих научных изысканий и исследований хочу стать частью западного сообщества экономистов».

Вышла по-русски тоненькая книжечка Лешека Бальцеровича — «архитектора польской реализации», замечательного человека... Да, Лешеку тоже досталось от своих — за все хорошее. Но, конечно, не так, как ему, Егору Гайдару. У поляков не было, видно, нашей безудержности...

Он перелистывал книжку, мгновенно, как всегда, считывая текст со всей страницы разом.

«...Даже самые успешные экономические реформы неизбежно вызывают значительное недовольство, однако половинчатость реформ или их отсутствие рано или поздно обернутся ее большим разочарованием и отчаянием в обществе. ...Многие зачастую винят “реформы” в социальных проблемах, возникающих как раз из-за их отсутствия. ...Многие представители интеллигенции и простые люди ассоциируют все, что происходило после крушения коммунизма, с “переходом к рынку”. Из-за подобного ошибочного взгляда ответственность за самые серьезные проблемы, вызванные блокировкой реформ, возлагается на сами реформы».

Уж про блокировку-то реформ Верховным советом в первый и главный год преобразований он знал все!.. И про сегодняшнюю их блокировку — уже другими способами — тоже...

В начале декабря 2009 года в Политехническом музее обсуждали одну из его книг о либеральной революции в России.

— То, что происходило в России в начале 90-х, — это великая революция! Но это не означает, что она была хорошей и романтической, — объяснял Гайдар.

Нередко брал в руки любимого поэта — Иосифа Бродского.

...Это наша зима.
Современный фонарь смотрит мертвенным оком,
предо мною горят
ослепительно тысячи окон.
Возвышаю свой крик,
чтоб с домами ему не столкнуться:
это наша зима все не может обратно вернуться.

Не до смерти ли, нет,
мы ее не найдем, не находим.
От рожденья на свет
ежедневно куда-то уходим,
словно кто-то вдали

в новостройках прекрасно играет.
Разбегаемся все. Только смерть нас одна собирает...

8. 16 ДЕКАБРЯ 2009 ГОДА

Упаси вас Бог познать заботу —
Об ушедшей юности тужить,
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.

К. Ваншенкин, 1958

Имя честное — не обещано.
Его надобно заслужить.
Со страной и любимой женщиной
Надо общую жизнь прожить.

В. Ярошенко, 18 декабря 2011 г.

Север крошит металл, но щадит стекло.

И. Бродский, 1975—1976

...Ах, сколько их, тех самых трещин,
По сердцу самому прошло.

Оно еще живет покуда
И переваривает быт,
Но, словно с трещиной посуда,
Веселым звоном не звенит.
Оно еще стучит неплохо,
В нем не совсем погаснул жар,
Оно согдится твой, эпоха,
Последний выдержать удар.

*Я. Смеляков. Сердце (из книги
«Новые стихотворения», подаренной
автором в 1968 году «дорогому Тимуру —
и его жене — с братской любовью»).*

За окном его дачного дома стоял снежный декабрь.

«Ночь выслала в дозор тысячи звезд, чтобы я еще раз посмотрел на них. И светлую луну выслала тоже. Думалось: “Чубук жил, и Цыганенок жил, и Хорек... Теперь их нет, и меня не будет”. Вспомнил, как один раз сказал мне Цыганенок: “С тех пор я пошел искать светлую жизнь”. — “И найти думаешь?” — спросил я. Он ответил: “Один не нашел бы, а все вместе должны найти... Потому — охота большая”.

— Да-да! Все вместе, — ухватившись за эту мысль, прошептал я, — обязательно все вместе. — Глаза сомкнулись, и долго молча думал я о чем-то незапоминаемом, но хорошем-хорошем».

...Потом установили, что это произошло в четыре часа долгой зимней ночи. Сердце Егора Гайдара остановилось, когда он встал из-за своего рабочего стола.

...Не переставал слышать все тот же звук, чистый и ясный, который не смогли заглушить...

«— Какую черту вы более всего не любите в других?

— Трусость.

— Какую черту вы более всего не любите в себе?

— Недостаток красноречия.

— ...Когда вы уйдете в мир иной и окажетесь перед Богом, что вы ему скажете?

— Я делал то, что считал своим долгом».

9. В ДНИ ТРАУРА

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых...

А. Пушкин. Борис Годунов

А туда, где молча Мать стояла,

Так никто взглянуть и не посмел.

А. Ахматова. Requiem, 1940

16 декабря 2009

«Что можно сказать — жалко просто очень. Я его давно и хорошо знал. Он был умным и доброжелательным, работающим, талантливым очень... Мне кажется, что в последнее время Егор уже не очень хорошо себя чувствовал, но он был мужественным человеком, это семейная традиция у них. Насколько я могу понять, они всегда себя чувствовали как бы на службе» *(Вячеслав Широнин)*.

«Сегодня ночью умер мой друг Егор Гайдар. Это был великий человек. Великий ученый, великий государственный деятель. Мало кто в истории России может сравниться с ним по силе интеллекта, ясности понимания прошлого, настоящего и будущего, готовности принимать тяжелейшие, но необходимые решения. Огромной удачей России стало то, что в один из самых тяжелых моментов в ее истории у нее был Егор Гайдар... Для меня он был и навсегда останется высочайшим примером честности, мужества и надежности» *(Анатолий Чубайс)*.

«Умер Гайдар. Никого из политических деятелей не ненавидели так, как Егора Тимуровича Гайдара. Он был готов к этой ненависти. Не было никого из грамотных экономистов, не великих, гениальных, и прочее, прочее, а просто грамотных, кто бы ни понимал в 1991 году, что, мягко говоря, непопулярные шаги делать придется...

...Даже если не существует прямого наследования душевных качеств и навыков дедов и родителей, есть ответственность перед ними, и если в роду два больших писателя, есть возможность опереться на их тексты. Оба деда Егора Гайдара писали для отрочества, значит, сказанное ими вошло в сознание очень рано. Внук сказочников должен был стать героем или волшебником. Этот долг он выполнил. Поскольку не нашлось много желающих на такие роли в лихую годину, Егор Гайдар стал и тем и другим. ...Выросло целое поколение людей, не видевших пустых прилавков не только в продуктовых и вещевых, но и в книжных магазинах и аптеках. Им этого даже не объяснить. Чудо принесло много забот, было трудно, и спасибо скажут очень не скоро. При жизни уже никогда.

...Он спокойно говорил про то, что после его экономических реформ его возненавидят. Было в политической судьбе Егора Гайдара нечто важное, что обозначено Чернышевским в романе “Что делать?”:

“...И что будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и станут их проклинять, и они будут согнаны со сцены, ошканные, страшимые. Так что же, шикайте и страмите, гоните и проклиняйте, вы получили от них пользу, этого для них довольно, и под шумом шиканья, под громом проклятий они сойдут со сцены гордые и скромные, суровые и добрые, как были. — И не останется их на сцене? — Нет. — Как же будет без них? — Плохо. Но после них все-таки будет лучше, чем до них... И пройдут года, и скажут люди: “после них стало лучше, но все-таки осталось плохо”.

И это — лучший некролог Егору Тимуровичу Гайдару, написанный за много лет до того, как он родился» (*Никита Елисеев. Малахитовая шкатулка и красный флаг // Журнал «Сеанс». 16 декабря 2009).*

Сообщения в интернете

Герой новой России. «Подвиг Гайдара — сродни подвигу Кутузова, приказавшего оставить Москву. 16 декабря 2009, 18:09

Есть люди, чья судьба является важным уроком для остальных. Сообщение информагентств: “Сегодня на 54-м году жизни умер Е. Гайдар” — пришло на телефон, когда я регистрировался на самолет. Вокруг было множество людей, и покойный сделал для них всех больше, чем они даже могут себе представить».

бронский: 16 декабря 2009, 18:41. «я как раз несколько дней назад купил книжку ЕГ “Дни поражений и побед” в местном магазинчике. Начал читать и думал: хорошо, что такой человек с нами. Дочитывать я ее буду уже без него».

Rosebear: 17 декабря 2009, 00:15. «Его ненавидели страшно, я почему-то очень хорошо помню эту нечеловеческую ненависть из своего детства. Кажется, за непо-

нятное народу слово “отнюдь” ненавидели куда сильнее, чем за реформы и высокие цены. Впрочем, последним поколением, которое эту ненависть помнит, будем, вероятно, мы — те, чье детство выпало на девяностые. Наши младшие товарищи не знают про “отнюдь”, да и само имя Егора Гайдара ассоциируется у них, вероятно, с чем-то неопределенным. И это хорошо — мы не будем им ничего объяснять. Пускай разбираются сами. Я думаю, разберутся лучше тех, кто с остервенением смешивал с грязью его прекрасное и благородное имя...»

18 декабря 2009, 19:21

«Вчера утром на пленарном заседании Госдумы депутат Вера Лекарева предложила почтить память Егора Гайдара минутой молчания. Но первый вице-спикер Олег Морозов, который вел пленарное заседание, объявлять минуту молчания не стал».

margert: 18 декабря 2009, 19:23. «Господи, его будет так не хватать! Его спокойного анализа...»

Борис Немцов: «Его назначили главой правительства, чтобы он спас то, что уже умирало и уничтожалось. И у Гайдара тогда был выбор: либо голод, холод, гражданская война и распад страны, либо болезненные и тяжелые реформы. Гайдар выбрал второе — спас страну от гражданской войны. Ценою своей жизни. Так он и войдет в историю.

— *Вы считаете, что причиной смерти Гайдара послужили вот эти стрессы?*

— То, что эти болезни не на пустом месте возникли, а из-за предельно тяжелой, опасной работы, то, что Гайдар ненавидело огромное количество людей... Это, конечно, сыграло свою роль. Выдержать такую нагрузку даже такому здоровому человеку, как Гайдар, было непросто, это очевидно».

«В субботу, 19 декабря 2009 года, в Москве было очень холодно — 20... Тысячи людей, выстроившись на морозе в длинные очереди, терпеливо ждали своей возможности взглянуть на героя нашей современности. Как

и для меня, для этих людей Егор был и навсегда останется героем.

Не книжным мальчиком, собирающим на даче команду пионеров, а живым человеком, несущим реальные риски, совершающим порой сверхчеловеческие усилия для своей страны и своего народа» (Максим Фалдин).

Надо ли добавлять, что правительство ничего не организовывало, что никто не подвозил людей по разнарядке на автобусах?.. Приведу слова Я. М. Уринсона, вспоминавшего об этом дне в нашем разговоре:

— Люди шли сами — очередь тянулась от дверей до шоссе... Причем в этой очереди было много пожилых интеллигентных людей, которые, казалось бы, больше всех пострадали от гайдаровских реформ!.. Было холодно. Друзья и родственники Егора ходили вдоль очереди с термосами и отпаивали этих людей горячим чаем.

10. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ГЕРОЙ?

Герой — человек, который, во-первых, находит выход в безвыходном положении.

Во-вторых, находит его быстро — много быстрее, чем другие люди.

И в-третьих — ища выход, он думает, не о себе, а о других. Он не озабочен в момент поиска выхода мыслью о личной безопасности. Он готов к жертвам. Готов рисковать — даже собственной жизнью — ради спасения и благом многих людей и даже целой страны.

И уж тем более он готов жертвовать своей репутацией.

Только незаурядный человек способен понять, что бывают ситуации, из которых просто нет хорошего выхода.

А выходить-то все равно надо, вот в чем штука!

И ты понимаешь, что никто, кроме тебя, не готов принять решение — и начать выходить из плохой ситуации. Плохим, тяжелым, мучительным для людей, но единственно возможным способом.

...И ты точно знаешь, что тебя ни в коем случае не будут благодарить. Наоборот — обязательно будут ругать и поносить.

И особенно изобретательно, хлестко и броско будут это делать именно те, кто все это понимал, но никогда ничем не рисковал и не рискует. И потому всегда и неизменно остается весь в белом-белом.

А также и те, кто ничего ровным счетом в происходившем в те годы не понимает и потому вообще не имеет права объявлять свои суждения.

Именно они-то и будут кричать громче всех:

— Посмотрите на этого дурака! Ведь это надо совсем тупым быть, чтобы до такого додуматься, — выбрать такой ужасный, мучительный для людей выход!.. Доведись до меня — уж я-то бы сделал все в сто пятьдесят четыре раза лучше его! И так, что всем-всем-всем сразу стало бы совсем-совсем хорошо!.. Чтоб всем ребятам, всем труля-лятам жилось веселей!

11. ПОСЛЕДНИЙ ГЕНИЙ ЭПОХИ

Новое время — The New Times, 21 декабря 2009

«...О Гайдаре друзья говорили, что у него было три страсти: поставить палатку на берегу реки и вволю поговорить об экономике, сходить с друзьями в баню и там поговорить об экономике, накрыть стол с хорошей закуской и в кругу друзей поговорить об экономике.

...Детство провел на Кубе и “остров свободы” любил, но мировоззрение его сформировала Пражская весна и последующая оккупация Чехословакии; диссидентом не был, но инакомыслящим — безусловно.

...Не терпел бестактности, краснел, когда невольно сам ее допускал — особенно по отношению к подчиненным, не любил сквернословия, сам редко ругался, никогда не говорил о женщинах — как это принято в мужских компаниях. Был человеком замкнутым, в свой мир трудно пускал, но очень привязывался к друзьям. Умел держать удар, но и шел на компромиссы, впрочем, знал им предел — войну

в Чечне Ельцину не простил. Носил мешковатые двубортные костюмы, даже когда все вокруг — джинсы, но хорошо знающие его люди говорили, что легко могут представить себе его капитаном тонущего корабля, который спокойно отдает приказы, зная, что самому ему не спастись.

...Карьеру делал сознательно, ушел из приличного академического института в журнал “Коммунист” — чтобы быть вхожим в ЦК КПСС и иметь возможность влиять на принятие решений; относился к постам как к инструментам для реализации главного, ради чего жил, — исторических преобразований в России.

Много ездил по миру, входил во всякие международные группы “яйцеголовых”, консультировал глав государств, при этом деньги как самостоятельная ценность для него вообще не существовали, и, несмотря на связи и гонорары, был по масштабам своего окружения скорее беден».

В 1998 году набирал силу азиатский кризис, подкапывал к нам. Многие «вынимали» свои деньги из разных фондов. Грянул дефолт; А. Чубайс вспоминает — ему сказали, что Гайдар потерял все свои деньги.

— Так почему ты не вынул свои деньги?!

— Честно?

— Честно...

— Забыл.

Вот это и есть Гайдар — увлечен был в те дни, видимо, своей научной работой.

«Был человеком мира, но больше всего на свете любил свой письменный стол и свой кабинет, и в истории он останется не только отцом рыночных реформ, но и автором таких книг, как “Долгое время” и “Гибель империи”. Коллеги о нем говорили: “Рядом с нами живет гений”».

Егор Гайдар: «Я больше всего любил заниматься одним делом: сидеть за своим рабочим столом, читать книжки или их писать. Все остальное я воспринимаю как нечто, что я делаю по чувству долга».

ЭПИЛОГ

1. 24 ЯНВАРЯ 2010 ГОДА.
В Сороковой день

Времена не выбирают —
В них живут и умирают.

А. Кушнер

Все так заняты, что мыслить некогда.

*Кн. П. А. Вяземский, письмо
к А. И. Тургеневу, 1823*

«Сегодня — сорок дней со дня смерти Егора Гайдара. В исторических масштабах срок пребывания Гайдара на первых ролях в российском правительстве можно назвать микроскопическим: чуть больше года. Но яростные споры о его роли в истории, видимо, не утихнут еще долгие десятилетия. Для одних он так и останется бездушным разрушителем, для других — спасителем страны. Бывший министр экономики РФ Евгений Ясин относится ко второй категории. Занимающий сейчас должность научного руководителя Высшей школы экономики, Ясин убежден: если бы не Гайдар, мы бы сейчас жили в совсем другой, несравненно более неблагоприятной России.

— *...Евгений Григорьевич, как бы сегодня выглядела Россия, если бы не было Гайдара?*

— Переход к рыночной экономике состоялся бы и без Гайдара. Но он обошелся бы существенно дороже. Есть представление, что в результате скачка в рынок мы понесли колоссальные потери. Да, быстрая смена экономического строя была заведомо чревата большими потерями. Но не зря говорят, что делать из капитализма социализм — это все равно что варить уху из аквариума с золотыми рыбками. А делать из социализма капитализм — пытаться создать из ухи аквариум с золотыми рыбками.

Обычно коренные изменения в экономике происходят постепенно. Но в революционных ситуациях постепенность — это нереально...

— *Что-то я не припомню быстрого подъема после гайдаровских реформ. Разве наша экономика не лежала на боку большую часть 90-х?*

— Я не считаю, что это долго для России. Россия — страна, которая была зачинателем бед, связанных с социалистическим экспериментом. И выбираться ей при любых условиях было тяжелее, чем остальным.

Возьмем страны Восточной Европы, которые жили при социализме сорок лет. Страны Вышеградской четверки: Польша, Чехия, Словакия и Венгрия — выходили из кризиса за два-три года. Более отсталые государства типа Румынии и Болгарии — порядка шести-семи лет. В России небольшой рост экономики был зафиксирован уже в 1997 году (то есть — на шестом году реформ. — М. Ч.) Но тут нас подрезали внешние факторы. Начался азиатский экономический кризис. Уже и так сильно подешевевшая нефть упала в цене еще в два раза.

Кроме того, многие возникшие в ходе реформ трудности никто в принципе не мог предвидеть. На радикальную структурную перестройку экономики старая система отреагировала бартерами и массовыми неплатежами. (*Бартер* — это обмен товара на товар вместо выплаты денег. — М. Ч.)

— *А может быть, если бы у Гайдара было побольше опыта в сфере госуправления, все «неожиданные трудности» таки можно было предвидеть?*

— Какой опыт вы имеете в виду?.. Все кричали: посадили в правительство мальчишек, а надо было опытных хозяйственников. Но что в тех условиях мог дать опыт хозяйствования в советской системе?

То, что происходило в нашей экономике в 1992—1998 годах можно назвать непреднамеренным созидательным разрушением. Ненужной в прежних масштабах оказалась оборонка. На ее продукцию просто не было спроса. Как-то премьер Черномырдин приехал в Пермь на Мотовилихинский завод. Там ему говорят: «Смотрите, какие замечатель-

ные, лучшие в мире гаубицы — купите!” А он: “Но они мне не нужны”. Тогда денег не было вообще ни на что...

— *Неужели во всей многомиллионной России не было реальной альтернативы Гайдару?*

— Из людей, сидевших тогда на “скамейке запасных” российской власти, Гайдар был наиболее подкован в теоретическом и научном плане, в знании международного опыта. Быть может, в стране нашелся еще с десяток людей, которые бы знали все это лучше Гайдара. Но кроме знаний нужно было еще иметь и волю. Давайте представим себе, что на месте Гайдара был бы, допустим, человек, которого я очень уважаю, — последний председатель Госплана СССР Юрий Маслюков. Он знал всю российскую промышленность лучше Гайдара. Но что это давало для решения задачи? Маслюков же не знал, что нужно высвободить цены, а потом терпеть. Он же не знал, что при этом нужно проводить жесткую финансовую политику, чего бы это ни стоило, стоять насмерть и не слушать никого. А Гайдар все это знал.

...Решить самую тяжелую тогдашнюю проблему — насыщенности рынка — можно было только с помощью прорыва в новое измерение. Для этого нужно было высвободить цены, открыть экономику страны, дать возможность свободного экспорта и импорта. Это Гайдар и сделал в первую очередь. И прилавки магазинов, если кто не помнит, сразу стали наполняться.

— *...Одна из главных претензий к Гайдару — то, что он либо совсем не чувствовал боли простого человека, либо, если чувствовал, не умел этого показывать. Что вы на это ответите?*

— Гайдар ушел от нас очень рано. Лично я глубоко убежден: это результат тех переживаний, которые он не показывал. Его характер был так устроен. Если говорить об участии в шоу, то он не был в этом смысле публичным политиком. Это был просто не его жанр. Можно упрекать Гайдара в том, что он не нашел себе сотрудников, которые устраивали бы соответствующие шоу. Но не забывайте: у власти Гайдар был всего год...

— Но разве неумение Гайдара находить общий язык с простым народом не сыграло отрицательную роль в судьбе реформ?

— Из всех возможных слабостей его политики это одна из самых существенных. Но, опираясь на свой личный опыт министра, могу заявить, что бывают ситуации, когда вам просто нечего сказать. Представьте, что вы выступаете перед пенсионерами, скажем, в 1995 году. Встает старуха, которая отдала всю жизнь советской власти и рассчитывала на безбедную старость. «Теперь моей пенсии хватает только на молоко и хлеб. Чем вы можете оправдать свои действия?» Мне задавали такие вопросы, и я не знал, что ответить. За какие такие грехи люди страдают? За то, что они честно работали всю свою жизнь? У меня на такие вопросы был единственный ответ: так получилось».

Прервем его интервью и поясним: «так получилось» из-за слишком долгих лет советской власти. Из-за ее нежелания реформировать экономику. Это многократно показано в нашей книге, которая идет к концу. Если наш юный читатель с его свежими, не забытыми до отказа мозгами сумел понять нашу главнейшую мысль — это уже очень здорово. Значит — у России есть шанс.

«— Премьерство Гайдара — начало расцвета эпохи гангстеризма в России. Можно ли было этого избежать?»

— Гайдар к этому не имеет никакого отношения. Почему был расцвет гангстеризма? Это связано с процессом ослабления государства. Этот процесс начался еще задолго до Гайдара, с момента падения цен на нефть, когда возможности плановой экономики решать проблемы стали уменьшаться. Система разваливалась. Она уже не обладала необходимой репрессивной силой, чтобы заставить всех подчиняться. И не могла предложить замену. Заменой является сильное государство при рыночной экономике. Но при смене экономической модели создать за два дня или за два года новые сильные государственные институты нереально».

Конец советской власти и рыночная экономика, соединившись, наконец-то сделали деньги в нашей стране реальными. На них стало можно поехать на Канары (безо всякой комиссии при райкоме, поскольку райкомы кончились), купить машину (без пятилетнего стояния в очереди), построить дачу в виде замка со сказочными башенками (без советского ограничения их высоты: при советской власти — если гребень крыши подымался выше указанного, ее сносили).

И многие захотели занять эти не «деревянные», а реальные деньги как *можно быстрее и как можно больше*. И каким же оказался путь тех, кто не вынес из семьи стойкого убеждения — *грабить, а тем более убивать людей нельзя* (только, к сожалению, на войне, где ты стреляешь, потому что в тебя стреляют)?..

«...Мы осуществляли переход от несвободной экономики к свободной. Но рабу не нужна свобода. Рабу нужно стать господином. Люди примерно так себя и вели. Представим себе человека, чья молодость выпала на 1992—1993 годы. Он хочет жить не в «светлом будущем», а сейчас. Ему же не будет во второй раз 25 лет. И куда ему было легче всего направить свои стопы? Многие направляли свои стопы в банды, занимались криминальным бизнесом. Или что было легче всего сделать чиновникам, чей официальный заработок составлял несколько десятков долларов? (Ответ — начать брать взятки. И уже не останавливаться, войдя во вкус. — М. Ч.). Если вы знаете, как можно было пройти мимо всех таких противоречий, то кидайте камнями в Гайдара.

— *Есть мнение, что реформы Гайдара на многие десятилетия сделали слово «демократия» грязным ругательством в России. Что вы об этом думаете?*

— В 1991 году мы столкнулись с двойственной задачей. Нам надо было создать рыночную экономику и воссоздать при этом демократическую политическую систему. Однако, я думаю, решить эти задачи вместе было невозможно. Демократическая политическая система предполагает согласие народа на те или иные действия. Но экономиче-

ские меры, которые тогда надо было осуществить, могли быть проведены в жизнь только достаточно авторитарными методами, при опоре на такого харизматического лидера, как Борис Ельцин. Тогдашний демократический подъем в России был в какой-то степени принесен в жертву рыночным реформам...

...Но к сегодняшнему дню мы уже решили половину задачи — рыночная экономика создана. Гайдар до своего самого последнего дня был убежден, что теперь нам надо приниматься и за вторую половину. В его глазах реальные демократические преобразования были не далеким будущим России, а насущной политической необходимостью» (Е. Ясин).

«В коммунистические времена подконтрольная пресса не могла регулярно освещать и критиковать реалии тогдашнего строя. Находясь под политическим контролем, она занималась “лакировкой действительности”. Обретя свободу, СМИ, напротив, сосредоточили внимание на негативных аспектах новой посткоммунистической реальности, поскольку плохие новости обычно вызывают больше интереса у аудитории, чем хорошие. Таким образом, освещая события в посткоммунистический период, они “сгущали краски”. ...В результате изменение режима деятельности СМИ — важный и позитивный элемент посткоммунистических преобразований — парадоксальным образом усиливало ностальгию по прежним временам и укрепляло политические позиции антиреформаторских и некоммунистических сил (зачастую эти силы во многом совпадали).

...Даже самые успешные реформы неизбежно порождают серьезное недовольство. Однако затягивание реформ или их отсутствие чревато еще большим возмущением в обществе» (Лешек Бальцерович. Переходный период в посткоммунистических странах: некоторые уроки).

2. АНАТОЛИЙ ЧУБАЙС О ЕГОРЕ ГАЙДАРЕ

Есть три вида аристократии: 1) по рождению и по чину, 2) денежная аристократия, 3) аристократия ума.

А. Шопенгауэр

Смерти меньше всего боятся люди, чья жизнь имеет наибольшую цену.

И. Кант

А. Чубайс в беседе с Петром Авеном и Альфредом Кохом, членами гайдаровской команды начала 90-х.

«— Ну, начнем с личного моего понимания его места в нашей команде в целом. Я считаю, что это было какое-то явление совершенно фантастического свойства. В том смысле, что, лидер такого масштаба, он и другим придавал такое качество. Причем а) в силу интеллектуальной глубины, б) в силу нравственных и этических норм, и с) в силу еще и биографии.

...Он был к этой работе подготовлен во всех смыслах и был фигурой такого класса, что это меняло качество всей команды, соответственно всей реформы. И это объективная сторона оценки.

Если же говорить о личной стороне дела, это совершенно поразительная история. Действительно, ни разу я с ним не поругался за 30 лет дружбы, в самых драматических ситуациях всегда знал, что он прикроет, и он прикрывал, кстати, когда было ну очень тяжело, просто вот совсем тяжело... Хорошо известно, что, собственно, все определяется не тогда, когда интересы сходятся, а когда они не совсем сходятся...

Конечно же, для меня глубина понимания Егором темы, которая называется “экономика страны”, была всегда на голову выше моей. Я хорошо помню, как я в 1989 году (я занимался тогда стимулированием инженерного труда, а Егор в “Коммунисте” работал) приехал к нему, и мы поговорили. Мы тогда занимались так называемым ленинградским экспериментом. Егор попросил меня на-

писать статью про нашу работу для “Коммуниста”. Я ее написал, принес. Егор ее полностью разгромил...

Я действительно тогда понял, что такое профессиональный анализ написанного, несмотря на тесные дружеские отношения. Его оценки тем не менее были достаточно объективны. Просто я осознал в тот момент, насколько объективно не дотягивал до тех требований, которые у него были.

И особенно мне важно было тогда понять его систему представления о стране, глубину понимания экономических реалий. Не просто или не столько там общеэкономические теории, а именно плоть российских, советских экономических реалий.

Кроме того, я увидел у него фантастическую глубину и целостный взгляд на экономику. У Егора это было сильнее, чем у кого бы то ни было из нас. ...При этом у него была такая совершенно практическая хватка, что редко сочетается одно с другим. В нем это все сочеталось. Ну, в принципе, это явление такое... Это называется “интеллигент”, наверное...

Или как Гриша Глазков недавно сказал про Егора — “аристократ”. Аристократ в полном смысле этого слова, имея в виду, что есть демократы, а есть аристократы. Аристократ — это сословие, которое несет на себе ответственность за судьбу страны в целом, очень хорошо понимая свое место по отношению к другим сословиям и не пытаясь сыграть в какую-то игру общедемократическую. Я, может быть, не очень хорошо излагаю. Но мысль интересная, в ней что-то есть...

А. Кох. ...Гайдар был, безусловно, очень смелым человеком. Мы когда втроем разговаривали с Геней [Г. Э. Бурбулисом] выяснили, что, может быть, не полностью, но частично его смелость объясняется тем, что он не очень дорожил жизнью. Можешь на эту тему что-то сказать?

А. Чубайс. Я знаю семейную историю Егора, идущую от отца... Загадочная история, описываемая формулой “отсутствие гена страха”, которое, по мнению Егора, передалось его дочке Маше. Когда Маша под мостом висела, помните эту историю?

А. Кох. Ну да».

Напомню, что в 2007 году Маша Гайдар, возглавлявшая московскую молодежную часть либеральной партии СПС («Союз правых сил»), вместе с главой молодежной части партии «Яблоко» Ильей Яшиным, подвесилась на стропах под Большим Каменным мостом непосредственно над Москвой-рекой с большим плакатом «Отдайте выборы, уроды!» — протестуя против отмены Путиным выборности губернаторов.

Милиционер на мосту намеревался перерезать стропы — то есть прямым образом покушался на ее жизнь. Ему помешали Машины близкие.

«А. Чубайс. Именно этим Егор и объяснял мне ее поступок: страха нет, он отсутствует. Он о себе так никогда не говорил, но вот про Машу рассказал. Он мне описал всю ее генеалогическую цепочку.

...Во время осетино-ингушского конфликта, когда Егор приехал к одной из сторон на переговоры, те выложили крыльцо трупами с вскрытыми почему-то позвончиками, не знаю почему. Видимо, хотели напугать. А Егор вышел с переговоров... и пошел, пошел, пошел...

Я помню его всю ночь с 3-го на 4-е октября 1993 года, когда жизнь действительно висела на волоске... Абсолютная интеллектуальная концентрация, интенсивная работа мысли. Очень жесткие и при этом технологичные действия. И свои собственные, и отдаваемые другим команды... И при этом ни миллиметра страха.

...Он был достаточно жесткий человек при всей кажущейся мягкости. *Но это та жесткость, без которой браться за управление страной под названием Россия недопустимо.*

А. Кох. Мне кажется, они сам не дорожил жизнью и был уверен, что люди притворяются, что они его дорожат...

А. Чубайс. Нет, скорее он рассуждал именно как аристократ. У него есть миссия, и он включается. Стране надо — значит, нужно делать так. Ведь именно выход к Моссовету — одно из главных событий той ночи, предотвративших большую кровь в России. И он сам пришел туда первым!»

3. НЕ ВЕРЬТЕ!

Не верьте, что деньги — главное. Есть вещи главнее.

Не верьте, что никто ничего не делает не за деньги.

Да, действительно, многое делается за деньги, а нередко и ради денег. И в этом нет ничего плохого. Нередко человек выполняет не интересную ему работу — чтобы получить хорошие деньги. Лишь бы вы никого не обманывали, не грабили и, конечно, ни в коем случае не участвовали — хотя бы косвенно, боком — в убийстве людей за деньги.

Но самые главные в мире вещи делаются не ради денег.

И даже нередко без денег вообще.

Некоторые взрослые, но не очень умные люди говорят сегодня — «Все продается и покупается», «Если кто-то не продан, это только значит, что ему пока еще его денег не предложили».

Не бойтесь сказать им в глаза:

— Это неправда! Не судите по себе. В моей стране много людей, которых нельзя подкупить, — таких денег еще не напечатано!

Те, кому дано делать что-то важное для всей своей огромной страны России, — это самые счастливые на свете люди.

И те, кто всю жизнь занят только своими денежными и карьерными делишками, — никогда их не поймут. И от непонимания будут бросать в них комки грязи.

Егору Гайдару дано было еще одно счастье — знать, что никогда не могут его предать его товарищи.

И вам всем, прочитавшим эту книжку и кое-что узнавшим, я этого от души желаю — чтобы вас не предавали друзья и, конечно, чтобы сами вы никого не предавали.

Литературно-художественное издание

Мариэтта Омаровна Чудакова

ЕГОР

биографический роман

Редактор

Алла Гладкова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Художник

Вера Коротаяева

Корректор

Ирина Машковская

Подписано в печать 16.05.2012

Формат 84x108^{1/32}. Усл. печ. л. 31,08.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Заказ № 316.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25.

Телефон (495) 951 55 68

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

20
КОПЕЕК
1961

2
КОПЕЕК
1791

КОСЕЛ
СССР

СССР

СССР

1961

СССР

СССР

<http://books.vremya.ru>